

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

6
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

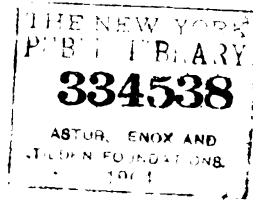
1864.

ЯНВАРЬ.

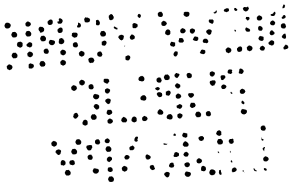
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 12 января, 1864 года,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

I.

Когда мы рассматриваемъ какой-нибудь отдѣльный поступокъ, тогда мы обыкновенно, по человѣческой слабости, вдаемся въ лиризмъ, и, смотря по свойствамъ даннаго поступка, чувствуемъ приливы негодованія или благоговѣнія, ужаса или восторга, огорченія или удовольствія. Всѣ эти чувства въ значительной степени ослабѣваютъ, когда мы начинаемъ принимать въ соображеніе, кромя голаго факта, ту ближайшую причину, изъ которой развился этотъ фактъ. Если отъ ближайшихъ причинъ мы станемъ переходить къ причинамъ болѣе отдаленнымъ, то лирическіе порывы наши постоянно будутъ остывать болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, взволновавшій насъ фактъ будетъ интересовать насъ только какъ предметъ изученія.

Человѣкъ А. въ извѣстномъ случаѣ поступилъ хорошо или дурно. Спрашивается, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе? Потому, конечно, что ему иначе нельзя было поступить. Во-первыхъ, случай былъ именно тотъ, а не другой, а во-вторыхъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ именно А, а не В и не С. Слѣдовательно, чтобы объяснить себѣ поступокъ, надо рассмотретьъ, во-первыхъ, обстоятельства даннаго случая, а во-вторыхъ, характеръ дѣйствующаго лица. Видя, что наши лирическія изліянія неумѣстны въ отношеніи къ от-

дѣльному поступку, мы обыкновенно переносимъ ихъ на характеръ самаго человѣка. Но и въ этомъ случаѣ мы дѣйствуемъ неосмотрительно. Если извѣстный поступокъ есть неизвѣстный результатъ извѣстнаго характера, поставленнаго въ извѣстное положеніе, то характеръ въ свою очередь есть такой же неизвѣстный результатъ многихъ физиологическихъ, климатическихъ, историческихъ и разныхъ другихъ данныхъ. Если бы мы могли прослѣдить жизнь человѣка съ минуты его рожденія до того времени, когда характеръ оказался совершенно сформированнымъ, то мы увидѣли бы передъ собою непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Спрашивается, на какое же звѣно этой цѣпи мы имѣемъ разумное основаніе изливать нашъ гнѣвъ или наше благоговѣніе? Намъ приходится воздерживаться или отъ лирическихъ увлеченій, или обращать ихъ на первое звѣно цѣпи, т. е. на новорожденнаго младенца. Но если даже мы способны дойти въ своемъ лиризмѣ до такой нелѣпости, то намъ все таки и здѣсь предстоитъ разочарованіе. Новорожденный ребенокъ совсѣмъ не первое звѣно; онъ въ свою очередь слѣдствіе безчисленнаго множества причинъ. Перваго звѣна мы никогда не найдемъ. Метафизики были терпѣливѣе насъ, однако ничего не нашли, и принуждены были кое-что выдумать. Слѣдовательно лиризму нашему окончательно приходится улетучиваться въ пространство. Въ нитейской практикѣ не всегда удобно и часто бесполезно бываетъ прогонять лиризмъ серьезнымъ размышленіемъ и основательнымъ изученіемъ причинъ. Во-первыхъ, на это занятіе пришлось бы тратить очень много времени, а во-вторыхъ, біографіи окружающихъ насъ людей очень рѣдко представляютъ что-либо интересное. Но когда мы беремся за изученіе историческихъ явленій, тогда всякій лиризмъ долженъ быть устраненъ съ немолочною строгостью. Присутствіе лиризма всегда, какъ въ практической жизни, такъ и въ теоретическомъ размышленіи, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Когда мы понимаемъ вполне какое-нибудь явленіе, тогда мы не можемъ ни негодовать противъ него, ни благоговѣть передъ нимъ.

Для потребностей практической жизни намъ достаточно знать окружающіе предметы на столько, на сколько эти предметы могутъ обусловливать собою наши поступки. Если я имѣю съ г. А. денежные дѣла, то мнѣ необходимо знать, мошенникъ ли онъ, или не мошенникъ; но мнѣ нѣтъ никакой практической надобности размышлять

о томъ, что именно сдѣлало его мошенникомъ, или помогло ему остаться честнымъ человекомъ.

Когда же я пускаюсь въ теоретическія размышленія, тогда мнѣ необходимо вести изслѣдованіе такъ далеко, какъ только позволяютъ наличные матеріалы и мои собственные умственные силы. Кто въ теоретическихъ размышленіяхъ останавливается на половинѣ дороги, удовлетворяясь полужнаніемъ и полупониманіемъ, тому, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности заниматься такими размышленіями. Кто въ области мысли обрекаетъ себя на ту узкость и поверхностность сужденій, которая господствуетъ въ нашей вседневной жизни, тому не вачтъ и забираться въ область мысли. Кто разбираетъ историческія событія съ тѣмъ близорукимъ пристрастіемъ, съ которымъ онъ разсуждаетъ о своихъ добрыхъ знакомыхъ, тому было-бы лучше вовсе не заниматься исторією. Исторія обогащаетъ насъ новыми идеями, и расширяетъ нашъ умственный горизонтъ только въ томъ случаѣ, когда мы изучаемъ какое нибудь событіе въ его естественной связи съ его причинами и съ его послѣдствіями. Если мы вырвемъ изъ исторіи отдѣльный эпизодъ, то мы увидимъ передъ собою борьбу партій, игру страстей, фигуры добродѣтельныхъ и пороковыхъ людей; однимъ мы станемъ сочувствовать, противъ другихъ будемъ негодовать; но сочувствіе и негодованіе будутъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не поставимъ вырваннаго эпизода на его настоящее мѣсто, пока мы не поймемъ той простой истины, что весь этотъ эпизодъ во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ совершенно логично и неизбежно вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ. Какъ ни проста эта истина, однако многіе писатели, разсуждающіе объ исторіи, и многіе историки, пользующіеся очень громкою извѣстностью, совершенно теряютъ ее изъ виду въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ. Раскройте, напримѣръ, Маколя, и вы увидите, что онъ на каждой страницѣ кого-нибудь оправдываетъ или кого нибудь обвиняетъ, кому нибудь свидѣтельствуетъ свое почтеніе или кому нибудь дѣлаетъ строжайшій выговоръ. Всѣ эти оправданія или обвиненія, почтенія или выговоры служатъ только признаніями неяснаго или неполнаго пониманія событій. Моралистъ вытѣсняетъ историка, потому что у историка не хватаетъ матеріаловъ, или не достаетъ пронидательности. Въ приговорахъ Маколя заключается такой смыслъ: я, говорю онъ, умнѣе такого-то историческаго дѣятеля; я честнѣе такого-то; я понимаю политику лучше такого-то; я бы не сдѣ-

лалъ такой-то ошибки и т. д. На это читатель имѣетъ полное право возразить, что ему нѣтъ дѣла до тѣхъ прекрасныхъ свойствъ ума и сердца, которыми обладаетъ Маколю; ему нѣтъ дѣла до того, какъ поступилъ бы историкъ, находясь въ такомъ или въ другомъ положеніи; ему любопытно было знать, какъ поступила дѣйствительно историческая личность, почему она поступила такъ, а не иначе, и почему ея поступки имѣли важное значеніе для ея современниковъ. Дѣло историка рассказать и объяснить; дѣло читателя передумать и понять предлагаемое объясненіе; когда историкъ и читатель, каждый съ своей стороны, исполнять свое дѣло, тогда уже не останется мѣста ни для оправданія, ни для обвиненія. Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона. Исторія до сихъ поръ не сдѣлалась наукою, но, между тѣмъ, только въ исторіи мы можемъ найти матеріалы для рѣшенія многихъ вопросовъ первостепенной важности. Только исторія знакомитъ насъ съ массами; только вѣковые опыты прошедшаго даютъ намъ возможность понять, какъ эти массы чувствуютъ и мыслятъ, какъ онѣ измѣняются, при какихъ условіяхъ развиваются ихъ умственные и эконоическія силы, въ какихъ формахъ выражаются ихъ страсти, и до какихъ предѣловъ доходитъ ихъ терпѣніе. Исторія должна быть осмысленнымъ и правдивымъ рассказомъ о жизни массы; отдѣльныя личности и частныя событія должны находить въ ней мѣсто на столько, на сколько они дѣйствуютъ на жизнь массы или служить къ ея объясненію. Только такая исторія заслуживаетъ вниманія мыслящаго человѣка, а въ такой исторіи очевидно нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, потому что хвалить или порицать массу все равно, что хвалить березу за бѣлый цвѣтъ коры, или полемизировать противъ дождливой погоды. Масса есть стихія, а стихію, конечно, нельзя ни любить, ни ненавидѣть; ее можно только разсматривать и изучать. До сихъ поръ масса была всегда затерта и забита въ дѣйствительной жизни; точно также затерта и забита она была и въ исторіи. На первомъ планѣ стояла въ исторіи біографія и нравственная философія. Вся колоссальная знаменитость Маколю и всѣ успѣхи его безчисленныхъ подражателей основаны на рисованіи историческихъ портретовъ и на торжественномъ провознесеніи оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Эти портреты и приго-

воры иѣшаютъ читателю додуматься до настоящаго назначенія исторіи, и, слѣдовательно, положительно вредятъ успѣхамъ разумнаго и плодотворнаго историческаго изученія. Нравственная философія также мало относится къ исторіи, какъ, напримѣръ, къ органической химіи или къ сравнительной анатоміи. Что же касается до біографіи, то она должна занимать въ исторіи очень скромное мѣсто. Частная жизнь только тогда интересна для историка, когда она выражаетъ въ себѣ особенности той коллективной жизни массъ, которая составляетъ единственный предметъ, вполне достойный историческаго изученія.

Собираясь говорить съ читателями о томъ переворотѣ, который, въ концѣ прошедшаго столѣтія, опрокинулъ во Франціи всѣ средне-вѣковыя учрежденія, я смелъ нелишнимъ высказать сначала нѣсколько общихъ мыслей объ историческомъ изученіи. Познакомившись съ этими мыслями, читатель пойметъ заранѣе, какъ я намѣренъ вести мой рассказъ. Онъ увидитъ, что я не хочу произносить никакихъ приговоровъ, потому что всякій приговоръ надъ историческимъ событіемъ — я считаю вопіющею нечѣпостью; онъ увидитъ далѣе, что я вовсе нерасположенъ впутываться въ біографическія подробности, и разрывать грудь тѣхъ придворныхъ и городскихъ скандаловъ, слуховъ и интригъ, которыми такъ богата эта тревожная эпоха. Меня занимаетъ исключительно общая, бытовая, всемірно-историческая сторона французскаго переворота. Я не буду ни ужасаться передъ нимъ, ни оправдывать его, потому что я твердо убѣжденъ въ томъ, что всякое отдѣльное событіе, какъ бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбежное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбежныхъ и простыхъ причинъ. Разсматривая французскій переворотъ, какъ логически-необходимый результатъ всей средне-вѣковой исторіи французскаго королевства, я не могу питать къ этому перевороту ни грѣховной симпатіи, ни добродѣтельнаго отвращенія. Я могу только разбирать его причины, разсматривать его развитіе, и указывать на ту связь, въ которой находится самая катастрофа со всѣмъ историческимъ прошедшимъ французской націи. Мое дѣло объяснять и рассказывать, а не усыпать страницы восклицательными знаками. Руководителемъ моимъ на трудномъ и скользкомъ пути будетъ Генрихъ Зибель, опытный и серьезный историкъ, у котораго, однако, не смотря на всю его серьезность, прорываются изрѣдка стремленіе къ приговорамъ и желаніе заявить добродѣтельное отвращеніе. Я постараюсь быть серьезнѣе самаго Зибеля, и объективнѣе

омаго г. Гончарова. Постараюсь, однимъ словомъ, приблизиться къ величественному спокойствію гомеровскаго эпоса. Читатель понимаетъ, что на трудномъ и скелязомъ пути безъ гомеровскаго спокойствія нѣтъ спасенія.

II.

Всѣ французскіе короли изъ династіи Гуго Капета съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стремились къ тому, чтобы подчинить своей верховной власти крупныхъ и мелкихъ феодалныхъ владѣтелей, господствовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, и старавшихся съ своей стороны отстоять и упрочить за собою полную самостоятельность. Писанное право было на сторонѣ феодалныхъ владѣтелей; матеріальная сила также склонялась часто на ихъ сторону; но притязанія центральной королевской власти пользовались полнымъ сочувствіемъ задавленныхъ массъ, которыхъ жизнь ежеминутно отравлялась придирчивымъ и хищнымъ деспотизмомъ безчисленнаго множества герцоговъ, графовъ, маркизовъ, рыцарей и разныхъ другихъ доблестныхъ и породистыхъ грабителей. Массы видѣли въ королѣ своего заступника и покровителя, и короли, понимавшіе свою выгоду, дѣйствительно часто принимали сторону городскихъ общинъ, возмущавшихся противъ феодалныхъ владѣтелей. Политика королей обыкновенно сообразовалась съ ближайшими требованіями обстоятельствъ; имъ хотѣлось приобрести какъ можно больше власти, а для этого надо было содержать на свой счетъ такое войско, которое не зависѣло бы отъ произвола феодаловъ; на содержаніе войска были необходимы деньги, и къ деньгамъ стремились съ незапамятныхъ временъ всѣ помыслы французскихъ королей. Имъ случалось иногда продавать за значительную сумму какому нибудь городу льготную грамоту, предоставлявшую городской общинѣ право самоуправленія и независимость отъ феодалнаго владѣтеля; вслѣдъ за тѣмъ, владѣтель съ своей стороны вносилъ убѣдительную сумму, и тогда льготная грамота немедленно уничтожалась, къ величайшему изумленію добродушныхъ горожанъ. Филиппъ IV Красивый сжегъ Тампьеровъ единственно для того, чтобы коверсовать ихъ имѣнія; тотъ же самый Филиппъ по нѣсколькимъ разамъ въ годъ перечеканивалъ монету, мотилъ ее неумѣреннымъ примѣсью мѣди, и извлекалъ изъ этихъ операций значительныя выгоды для королевской казны. Продолжительныя войны съ Англіею, разво-

равниа обѣ страны и подвергнувша странной опасности политическую самостоятельность Франціи, содѣйствовали укрѣпленію королевской власти. Собраніе государственныхъ чиновъ предоставило Карлу VII право взымать ежегодно во всемъ королевствѣ опредѣленную подать, предназначавшуюся для содержанія постоянной и правильно организованной арміи. Королевскіе чиновники получили такимъ образомъ возможность проникать въ земли владѣтельныхъ дворянъ, и по немногу стали упрочивать въ нихъ свое вліяніе, клонившееся впрочемъ исключительно къ обогащенію королевской казны, а вовсе не къ облегченію работающихъ и клатящихъ сословій. Къ прямымъ налогамъ присоединились косвенные, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ былъ своею непопулярностью налогъ на соль. Королевская власть стала укрѣпляться по мѣрѣ того, какъ увеличивались и упрочивались источники ея доходовъ. Со времянъ Франциска I, она успѣла пріобрѣсти уже неоспоримый перевѣсъ надъ всѣми остальными общественными силами феодальнаго государства. Дворяне оставили свои замки, и стали искать себѣ придворныхъ должностей. Всѣ попытки феодальной аристократіи возвратить себѣ прежнюю самостоятельность оканчивались полнѣйшими неудачами. Волненіе Лиги и Фронды были послѣдними проблесками средневѣковой строптивости. Твердыя и крутыя мѣры Генриха IV, Ринелье и Мазарини положили конецъ всѣмъ этимъ волненіямъ, и приготовили собою эпоху Людовика XIV. Въ дѣйствительности Людовикъ XIV былъ деспотомъ въ самомъ широкоемъ смыслѣ этого слова; онъ въ дѣлахъ управленія руководствовался только своими собственными соображеніями или фантазіями; ему иногда приходили въ голову такія мысли, которыя, по выраженію Зибеля, выходятъ изъ границъ европейскаго пониманія. Однажды онъ предложилъ своимъ совѣтникамъ водрость: не долженъ ли онъ, подобно магометанскимъ властителямъ востока, пользоваться правомъ собственности надъ пахатною землею своего королевства? Въ другой разъ онъ запретилъ подѣ страхомъ наказаній всякую частную благотворительность, на томъ основаніи, что никто кромѣ короля не имѣетъ права быть во Франціи заступникомъ и покровителемъ бѣдныхъ людей. Не смотря на то, Людовикъ XIV по праву оставался все таки королемъ феодальнаго государства, въ которомъ, какъ извѣстно, центральная власть на каждомъ шагу встрѣчала себѣ препятствія и противодѣйствія со стороны разныхъ сословныхъ и корпоративныхъ учреждений и привилегій. Вся средневѣкова: путаница властей продолжала существовать при Людовикѣ

XIV, и оставалась неотъемлемною до самой революции. Духовенство завѣдывало своими дѣлами почти совершенно независимо отъ короля; колоссальныя помѣстья, принадлежавшія церкви, не платили никакой подати, кромѣ такъ называемаго *don gratuit*, назначавшагося въ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по расположенію духовенства къ правительству. Въ рукахъ духовенства находилось народное обученіе, въ которое вовсе не вмѣшивалась королевская власть. Дворянство имѣло свои провинціальныя собранія, въ которыхъ оно обсуживало мѣстныя потребности края, занималось раскладкою податей, и иногда выдвигало противъ королевскихъ чиновниковъ упорную оппозицію. Въ отправленіи правосудія не было ни единства, ни цѣлесообразности; въ каждой провинціи было свое обычное право (*droit coutumier*); каждый землевладелецъ и каждая городская община имѣли свой судъ и расправу; апеллировать на ихъ рѣшенія можно было въ королевскіе президиальные суды, но кругъ дѣятельности этихъ судовъ оставался до такой степени неопредѣленнымъ, что у нихъ на каждомъ шагу происходили столкновенія съ другими инстанціями. Высшая судебная власть сосредоточивалась въ парламентахъ; ихъ было прежде девять, а потомъ пятнадцать, и всѣ они въ своемъ судебномъ округѣ были верховными судилищами; всѣ они гордо опирались на вѣковыя права, и постоянно спорили за нихъ между собою, съ низшими инстанціями, вырывавшимися изъ подъ ихъ контроля, и наконецъ съ королевскими министрами, старавшимися ограничить ихъ притязанія. Парламенты, и особенно важнѣйшій изъ нихъ, Парижскій, утверждали постоянно, что никакое распоряженіе короля не имѣетъ законной силы, пока оно не внесено въ парламентскіе реестры; иногда, находя королевскія распоряженія несогласными съ требованіями права, или опасными для блага государства, парламенты отказывались вносить эти распоряженія въ реестръ. Иногда парламенты собственною властью отдавали приказанія по важнѣйшимъ отраслямъ полицейскаго управленія; иногда они призывали къ суду королевскихъ чиновниковъ за превышеніе власти или за какое нибудь другое нарушеніе закона. Правительство упорно сопротивлялось притязаніямъ парламентовъ. Отвергнутое распоряженіе короля записывалось въ реестръ насильно; приказаніе парламента по полицейскому управленію въ случаѣ надобности отиѣнялось; обвиненные чиновники освобождались отъ судебныхъ преслѣдованій; въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ парламенты принуждены были покоряться, но, какъ только представлялся случай, такъ они тотчасъ начинали и съ невозмутимою стойкостью выдерживали до конца ту легальную борьбу, которая всегда кончалась торжествомъ вооруженной силы надъ вѣковыми документальными правами. Стойкость парламентовъ основывалась преимущественно на томъ обстоятельстве, что назначеніе парламентскихъ совѣтниковъ не зависѣло отъ короля. Всѣ мѣста въ парламентахъ передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, короли продавали различныя должности не только въ пожизненное, но и въ наслѣдственное владѣніе. Такимъ образомъ были проданы всѣ мѣста въ парламентахъ. Такимъ же образомъ продавались мѣста при дворѣ, въ арміи, въ мѣсномъ управленіи, въ вѣдомствѣ податныхъ сборовъ, въ городскихъ и цеховыхъ управленіяхъ. Многія должности создавались единственно для продажи; чтобы выручить за нихъ болѣе значительную сумму денегъ, правительство давало покупателямъ дворянское достоинство, и уже во всякомъ случаѣ освобождало ихъ отъ многихъ тягостныхъ повинностей. Королевская власть была такимъ образомъ окружена при Людовикѣ XIV легиономъ несмѣняемыхъ чиновниковъ и цѣлыми тысячами старинныхъ правъ, замкнутыхъ корпорацій, неприкосновенныхъ привилегій и разныхъ другихъ, на половину обезмысленныхъ остатковъ и призраковъ отдаленнаго прошедшаго. Людовикъ XIV не уничтожалъ этихъ реликвій; онъ чувствовалъ, что, если тронуть этотъ старый порядокъ, то придется перестраивать заново все общественное зданіе. Такая титаническая работа была ему не по силамъ и не по вкусу; не отличаясь шириною общихъ взглядовъ, и не чувствуя въ себѣ призванія бытъ радикальнымъ реформаторомъ, онъ совершенно удовлетворялся тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старое документальное право уступало на пору его державной воли. Онъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изворачивался мелкими средствами; онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ, и какъ человѣкъ практическій, вовсе не заботился о томъ, почему исполняется его воля,—потому-ли, что эт аволя совпадаетъ съ принципомъ существующаго закона, или потому, что она опирается на матеріальную силу. На тѣхъ людей, которые находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ дѣйствовалъ непосредственнымъ вліяніемъ своей личности; онъ привлекалъ ихъ своею неотразимою любовью, или внушалъ имъ почтеніе своею поразительною вели-

чавостью; для достиженія своихъ цѣлей онъ ниспалъ въ ходъ всѣ чувствительныя струны человѣческой души. Онъ эксплуатировалъ въ свою пользу тщеславіе дворянства, властолюбіе чиновничества, нетерпимость духовенства, и, наконецъ, стремленіе къ приобрѣтенію, въ одинаковой степени свойственное аристократамъ, бюрократамъ и церковникамъ. На кого не дѣйствовали кроткія лапки, на того можно было навести спасительный страхъ, и наконецъ, оставались еще въ запасъ насидьственные мѣры. Если въ какой нибудь провинціи слышался ропоть, то ропоть этотъ умолкалъ при вступленіи въ провинцію военного отряда; если какой нибудь городской магистратъ не во время вспоминалъ о своихъ неотъемлемныхъ правахъ, то въ городѣ ставились на постой войска, и магистратъ убѣждался въ томъ, что права его составляютъ анахронизмъ; наконецъ, парламентскіе совѣтники и чиновники, получившіе свои должности по наслѣдству, не могли быть замѣнены другими лицами, но за то для нихъ и вообще для всякаго челевѣка, изъявлявшаго притязаніе на самостоятельность, были всегда готовы въ ограниченномъ количествѣ гостепріимныя каморки Бастиліи, Венсенскаго замка и разныхъ другихъ общепользныхъ учрежденій. Всѣми этими и многими другими средствами Людовикъ XIV пользовался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Его положенію завидовали, и его примѣру безуспѣшно подражали всѣ современные ему государи Европы. Въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ онъ стоялъ на такой недостигаемой высотѣ, на которой слухъ его не могъ быть возмущенъ ни тихою жалобой, ни робкимъ противорѣчіемъ. Всѣ силы Франціи были въ его рукѣ, и онъ расходовалъ эти силы по своему благоумотрѣнію, не отдавая никому отчета въ своихъ распоряженіяхъ. Одна война быстро слѣдовала за другою; деньги и рабочія руки тратились на завоевательныя походы, имѣвшія чисто династическій интересъ, поднимавшія на Францію оружіе почти всей остальной Европы, и, вслѣдствіе этого, ованчивавшіяся обыкновенно неудачами и унижительными мирными трактатами. Королевская казна постоянно нуждалась въ деньгахъ, а между тѣмъ народъ постоянно платилъ такъ много, что самый изобрѣтательный финансовый геній не находилъ возможности увеличивать массу налоговъ. Чтобы добывать деньги, приходилось выдумывать новыя должности и предавать ихъ частнымъ лицамъ, приходилось отдавать на откупъ всѣ отрасли частной промышленности, приходилось вводить монополіи и привиле-

легим во всё отправление народной жизни. Дошло до того, что ремесло перевозчиковъ, факельщиковъ и носильщиковъ было продано въ исключительную собственность нѣсколькимъ семействамъ. Само собою разумѣется, что монополисты выручали затраченные капиталы, вытягивая ихъ изъ народа; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, всё войны Людовика XIV, всё его Версальскіе дворцы, фонтаны и праздники всею своею тяжестью лежали на плачахъ французскихъ крестьянъ и французскихъ работниковъ, которымъ уже не на кого было сложить эту тяжесть. Голодь и заразительныя болѣзни опустошали цѣлыя провинціи; сотни тысячъ жителей питались жемудами и древесною корою, при чемъ конечно умственное и нравственное состояніе ихъ совершенно соответствовало высотѣ ихъ матеріальнаго довольства. Въ концѣ царствованія Людовика XIV ему окончательно измѣнила даже та военная слава, которая съ незапамятныхъ временъ составляла для французовъ необходимое утѣшеніе во время неуражаевъ и тяжелыхъ налоговъ. Когда исчезло это послѣднее утѣшеніе, тогда народъ понялъ, что положеніе его дѣйствительно тяжело.

III.

При такихъ обстоятельствахъ началось царствованіе Людовика XV и регенство Филиппа Орлеанскаго. Регентъ, какъ извѣстно, былъ человекъ веселый и беззаботный, а король, когда выросъ и возмужалъ, сдѣлался еще веселѣе и беззаботнѣе регента. Дворъ и высшія сословія государства, подражая властелину, дышали веселостью и беззаботностью. Король былъ человекъ очень остроумный, и приближенные его были также, по большей части, люди не глушые и не лишенные образованія; всё они понимали или, по крайней мѣрѣ, чувствовали, что государственная машина трещитъ и расклевывается, что старому обществу приходитъ конецъ, и что въ воздухъ эпохи несутся идеи, радикально враждебныя всѣмъ средневѣковымъ учрежденіямъ и авторитетамъ. Всё чувствовали непрочность своего положенія, но такъ какъ положеніе само по себѣ, въ данную минуту, было все таки пріятно, то они и спешили имъ наслаждаться, подражая мудрымъ эпикурейцамъ древности, и съ полнымъ успѣхомъ прогоняя всякія павойлвыя мысли о вавтрешнемъ днѣ или о будущемъ финансовомъ дефицитѣ. Въ эту веселую эпоху практической

мудрости возникла известная поговорка: «après moi le déluge»; въ эту же эпоху король говорилъ съ лукавою улыбкою, что на его вѣкъ хватить, а ужъ наследника пускай выпутывается, какъ самъ знаетъ. Все это было очень остроумно, но все это нисколько не нравилось среднему сословію, которое постоянно посматривало то вверхъ, на аристократію, то внизъ, на народъ, и при этомъ все о чемъ-то размышляло, и весьма неодобрительно покачивало головами. Это сословіе, имѣвшее матеріальное обезпеченіе и свободное время для умственныхъ занятій, было насевозь проникнуто идеями XVIII столѣтія, отвергавшими въ основныхъ принципахъ и во всѣхъ отдѣльныхъ подробностяхъ все міросозерцаніе средневѣковой эпохи. Средневѣковой человѣкъ за предѣлами церковнаго догмата не видѣлъ ничего, кромѣ мірской суеты, грѣховной лжи и дьявольскаго искушенія; на землю онъ смотрѣлъ, какъ на мѣсто изгнанія и заточенія; на всей природѣ онъ видѣлъ печать первобытнаго проклятія; себя самаго онъ считалъ мерзкимъ сосудомъ всякой нечистоты; къ уму своему онъ чувствовалъ недовѣріе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока авторитетъ католицизма оставался на высотѣ, недоступной для критической мысли. Но когда стали появляться попытки свести его съ этой высоты, и когда эти попытки стали повторяться все чаще и чаще, когда, наконецъ, сумма нѣсколькихъ счастливыхъ попытокъ образовала собою реформацию, тогда самые вѣрующіе католики принуждены были сознаться въ томъ, что элементъ грѣховной лжи проникъ даже въ истолкованіе церковнаго догмата; тогда исчезла граница между областью истины и областью лжи, эту границу каждому отдѣльному человѣку пришлось отыскивать силами собственнаго ума; и проклятому еретіку, и спасающемуся католику поневолѣ пришлось размышлять, сначала для того, чтобы поражать другъ друга полемическими аргументами, а черезъ нѣсколько времени уже просто потому, что размышленіе вошло въ привычку и сдѣлалось потребностью. Люди начали открывать истины тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Земля завертѣлась подъ ногами такихъ людей, которые готовы были присягать и божиться, что она всегда стояла и до сихъ поръ стоитъ на одномъ мѣстѣ. Солнце, которое каждый день всходитъ и садится на нашихъ глазахъ, вдругъ остановилось, или, по крайней мѣрѣ, было объявлено неподвижнымъ свѣтиломъ. Каждый благомыслящій человѣкъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ стоитъ на землѣ къ низу

ногами и вверхъ головою, но вдругъ обнаружилось, что земля есть шарообразное тѣло, по которому намъ или нашимъ антиподамъ приходится ходить къ верху ногами, такъ, какъ мухи ходятъ по потолку. Уже однихъ этихъ открытій было совершенно достаточно для того, чтобы поставить въ тупикъ всякаго порядочнаго человѣка. Если земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то что же послѣ этого твердо и неизбѣжно? Если я самъ не знаю, какъ я хожу по землѣ, къ верху головою, или къ верху ногами, то что же я знаю? Гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Гдѣ голова, гдѣ ноги? Если меня обманываютъ зрѣніе и осязаніе, то что же меня не обманываетъ? Существуетъ-ли вокругъ меня что нибудь? Существуетъ-ли я самъ? И какъ, и зачѣмъ, и почему? Всѣ эти вопросы кажутся намъ странными теперь, потому что мы уже привыкли къ той мысли, что мы многого не знаемъ, и что многое на всегда останется намъ неизвѣстнымъ. Мы теперь выучились терпѣливо ждать отвѣта на наши вопросы со стороны опыта, и выучились, вмѣстѣ съ тѣмъ, не задавать такихъ вопросовъ, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой опытъ. Но средневѣковые люди впродолженіи многихъ столѣтій знали рѣшительно все, и вдругъ имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что они не знаютъ рѣшительно ничего; они рѣшили всѣ вопросы, и въ одинъ прекрасный день оказалось, что всѣ ихъ рѣшенія нигуда не годятся. Сотрясеніе произошло, конечно, такое сильное, что мыслителямъ пришлось ощущивать самихъ себя, и вовсе не на шутку сомнѣваться въ собственномъ существованіи. И скептицизмъ Юма, и идеализмъ Берклея, и трансцендентальный идеализмъ Канта были неизбежнымъ логическимъ слѣдствіемъ того общаго движенія мысли, которое разрушило и стерло въ порошокъ всѣ колоссальныя построенія среднихъ вѣковъ. Проникая съ неудержимою силою во всѣ отрасли умственной дѣятельности прокладывая себѣ новые пути по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, духъ критики и изслѣдованія создавалъ или передѣлывалъ за-ново философію, естествознаніе и политику. Любовь къ природѣ, уваженіе къ человѣческой личности, и признаніе безусловной диктатуры человѣческаго ума сдѣлались основными элементами и руководящими принципами новаго умственнаго движенія. Во имя этихъ принциповъ стало отвергаться съ неутомимою строгостью все, что унижало и порабощало человѣческую личность, и все, что оказывалось несостоятельнымъ передъ судомъ человѣческаго разума. Когда государство Людовика XV въ цѣломъ

составѣ своемъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ было подвергнуто такому анализу, который не щадишь ни исторической давности, ни документальной законности, тогда все это государство передъ лицомъ анализирующей мысли оказалось безвозвратно осужденнымъ на неминуемое разрушеніе. Приговоръ теоретическаго мышленія имѣлъ въ этомъ случаѣ неотразимую силу, потому что мыслители приводили только въ научную систему или облакали въ стройную литературную форму тѣ разрозненные идеи отрицанія, которыя возбуждались въ каждомъ отдѣльномъ членѣ общества ежедневными столкновеніями съ живою дѣятельностью. Политическая тактика самаго Людовика XV открывала этимъ идеямъ доступъ во всѣ сферы тогдашняго общества. Король не могъ удерживать за собою постоянный перевѣсъ надъ всѣми силами своего феодальнаго государства; у него не было ни того искусства, ни той настойчивости, которыя обнаруживалъ во все продолженіе своего царствованія его прадедъ, Людовикъ XIV; не обладая этими личными качествами, Людовикъ XV поочередно боролся и вступалъ въ союзъ съ различными общественными силами тогдашней Франціи; сначала онъ соединился съ іезуитами противъ парламентовъ, потомъ, при помощи парламентовъ, вступилъ въ борьбу съ вліяніемъ духовенства, а потомъ опять сдѣлался клерикаломъ для того, чтобы смирить парламенты. Когда одно изъ привилегированныхъ сословій находилось такимъ образомъ въ королевской милости, тогда другое было въ опалѣ и составляло оппозицію. Первое проникалось веселостью и беззаботностью, свойственною королю и его придворнымъ, а второе въ это время пропитывалось идеями отрицанія, и, чувствуя себя обиженнымъ, старалось распространить неудовольствіе въ обществѣ. Когда первое дѣлалось вторымъ, а второе первымъ, тогда веселость и беззаботность перваго помрачались оппозиционными идеями отрицанія, а идеи отрицанія втораго мгновенно прояснялись въ лучахъ веселости и беззаботности. Въ результатѣ оказывалось, что правительственные сословія въ совершенствѣ выучились наслаждаться жизнью, и въ то же время потеряли всякое довѣріе къ своей собственной дѣятельности. Великія слова: «*après moi le déluge*» — сдѣлались девизомъ всѣхъ людей, когда либо приближавшихся къ вѣнценосной особѣ Людовика XV. Но тѣ сословія, которымъ постоянно суждено было составлять молчаливую оппозицію, не поняли великаго значенія этихъ сакраментальныхъ словъ; имъ не правилась ни веселость, ни беззаботность, ни политическая тактика

короля, ни періодическая оппозиція привилегированныхъ классовъ. Имъ особенно не нравилось то, что на сторонѣ королевской власти была вся матеріальная сила, а на сторонѣ феодальныхъ сословій все документальное право. Они спрашивали себя, на чью сторону склонится разумъ?—и отвѣчали себѣ на этотъ вопросъ, что разумъ отвергаетъ и то, и другое, и требуетъ чего нибудь совершенно непохожаго на существующій порядокъ. Что же касается до массы простаго народа, то онъ, конечно, не занимался теоретическими выкладками, но между тѣмъ не чувствовалъ также преобладающей склонности къ веселости и къ беззаботному наслажденію. Ему казалось особенно обиднымъ то обстоятельство, что съ каждымъ годомъ приходится больше работать для того, чтобы силѣе голодать; его смущала также та простая мысль, что въ будущемъ не предвидится ни уменьшенія налоговъ, ни увеличенія годовыхъ заработковъ. Представлялся гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? А если «быть», то какъ сводить концы съ концами? Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ представлялся людямъ, никогда не читавшимъ Шекспира, и даже незнакомымъ съ французскою азбукою. Можно было ожидать, что они когда нибудь рѣшатъ этотъ вопросъ довольно круто, и во всякомъ случаѣ очень прямолинейно.

IV.

Важнѣйшею отраслю народнаго хозяйства во Франціи прошлаго столѣтія было земледѣліе. Изъ 25 милліоновъ жителей имъ занимались 21 милліонъ; изъ 51 милліона гектаровъ земли, составлявшихъ всю площадь королевства, было распахано 35 милліоновъ. Двѣ трети этого распаханнаго пространства принадлежали крупнымъ собственникамъ, то есть, церкви, дворянству и богатымъ финансистамъ и законовѣдамъ. Остальная треть составляла собственность крестьянъ, и была раздроблена на такіе мелкіе кусочки, которые не могли прокормить своихъ владѣльцевъ, и приносили имъ очень мало пользы. Въ сельскомъ быту встрѣчались такимъ образомъ двѣ крайности; рядомъ съ обладателями сотенъ и тысячъ гектаровъ стояли владѣльцы десяти или пяти квадратныхъ сажень земли; между этими крайностями не существовало срединны, не было совѣтъ такихъ землевладѣльцевъ, которыхъ существованіе было бы обеспечено продуктами

земли, и которые, между тѣмъ, находились бы въ необходимости постоянно трудиться и собственноручно заниматься своимъ хозяйствомъ. Для крупнаго собственника такія занятія были немислимы, а счастливому обладателю пяти квадратныхъ сажень надо было искать заработковъ на сторонѣ, потому что въ собственныхъ помѣстьяхъ ему не къ чему было приложить свой трудъ. Богатые землевладѣльцы перестали жить въ своихъ имѣньяхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ феодальное рыцарство превратилось въ блестящую толпу придворныхъ. Они переселились въ столицу, сгруппировались вокругъ особы короля, и появлялись въ своихъ замкахъ только тогда, когда прожито было слишкомъ много денегъ, и только затѣмъ, чтобы набить потуже кошелькъ, и снова ѣхать въ Парижъ, и снова платить обычную дань преместямъ цивилизованной жизни. Земли, изъ которыхъ извлекалось содержаніе дворянскихъ кошельковъ, были раздѣлены на мелкіе участки въ 10 или въ 15 гектаровъ, и отдавались въ аренду крестьянамъ, которые были обяваны выплачивать владѣльцу половину сыраго земледѣльческаго продукта. За это имъ давался отъ хозяина зерновой хлѣбъ на первое обѣменение полей; кромѣ того они получали также отъ хозяина рабочей скоть и земледѣльческія орудія. Самому владѣльцу было конечно скучно возиться и рассчитывать съ мужиками, и потому онъ обыкновенно отдавалъ гуртомъ свои доходы на откупъ какому нибудь адвокату или нотаріусу, который, какъ человѣкъ практическій, всегда умѣлъ съ большимъ изыткомъ выручить откупную сумму, и собрать обильную дань и съ земли, и съ крестьянъ, и съ самаго хозяина. Крестьяне знали, что половина ихъ хлѣба неминуемо должна пойти къ владѣльцу или къ откупщику; имъ не было никакого расчета заботиться объ улучшеніи земли, и они постоянно вели спустя рукава свое земледѣльческое хозяйство; когда надо было пахать, они напимались въ извозъ, потому что изъ посторонняго заработка имъ ничего не приходилось отдавать хозяину; они загоняли гусей въ свои пшеничныя поля, потому что пшеница была на половину хозяйская, а гуси цѣлкомъ принадлежали крестьянину; *) наконецъ они старались оставлять какъ

*) Этотъ фактъ, цѣлкомъ заимствованный мною у Зибеля (*Geschichte der Revolutions Zeit*, I Band, J. 21). доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что гуси и пшеница составляли яблоко раздора между землевладѣльцами и крестьянами задолго до рожденія гг. Фета и Семена. При этомъ должно замѣтить, что гуси постоянно являются представителями демократическихъ интересовъ.

можно больше земли под паромъ, потому что на этой землѣ можно было кормить скотину, которая также составляла нераздѣльную собственность крестьянина. Земледѣіе велось такимъ образомъ безъ усердія, безъ знанія, и совершенно безъ капитала. Хорошіе урожаи были невозможны; пшеница рождалась самъ—пять и самъ—шесть, а въ Англіи въ тоже самое время она давала самъ—двѣнадцать. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ то время самая высокая рента въ Англіи не превышала одной четвертой доли сыраго продукта. Кромѣ того, англійскіе землевладѣльцы изъ этой ренты платили церковную десятину и налогъ для бѣдныхъ, а французскіе оптиматы, отбирая въ свою пользу половину продукта, оставляли въ пользу бѣдныхъ только общественныя тягости и разнородныя повинности, отъ которыхъ высшія сословія были совершенно освобождены. Крестьяне должны были исправлять разныя обязательныя работы на господскомъ дворѣ, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *corvées*; они должны были выплачивать церковную десятину, и они же безъ всякаго вознагражденія должны были мостить и чинить большія и проселочныя дороги. За вычетомъ всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей оказывалось, что крестьянинъ, бравшій на аренду 10 гектаровъ, только въ счастливый годъ могъ прокормить свою семью продуктомъ своего поля. О продажѣ хлѣба и объ удобствахъ жизни нечего было и думать. Крестьянинъ тупѣлъ отъ постоянной нужды, и хозяйство съ каждымъ годомъ велось небрежнѣе. Большія полосы пахотной земли оставались заброшенными, и поросли бурьяномъ; въ 1750 году, по словамъ Кене, около четвертой доли пахотной земли было запущено и заброшено; пространство этихъ оставленныхъ полей постоянно увеличивалось, такъ что въ 1790 году больше 9 милліоновъ гектаровъ удобной земли было превращено въ пустыню. Милліоны крестьянскихъ хижинъ стояли безъ оконъ, въ цѣлыхъ провинціяхъ народъ ходилъ босикомъ; во всякомъ случаѣ не было никакой обуви, кромѣ деревянныхъ башмаковъ. Пища состояла изъ хлѣба, изъ мучной похлебки, и иногда изъ свиного сала; мясо и вино были почти неизвѣстны; не слѣдуетъ также обольщаться словомъ «хлѣбъ»; то что французскій крестьянинъ называлъ хлѣбомъ, представляло мало сходства съ тѣмъ, что принято называть хлѣбомъ въ образованномъ обществѣ; крестьянскій хлѣбъ относился къ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское *patois* относилось къ языку Вольтера и Руссо; въ этотъ

такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и мякина, и каштаны, и желуди, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни времени, ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума. Грамотность не существовала во французскихъ деревняхъ; книги или газеты были въ нихъ совершенно неизвѣстны. Проповѣдь приходскаго священника замѣняла крестьянамъ всѣ остальные источники просвѣщенія. Но сельское духовенство было почти такъ же бѣдно, и влѣдствіе этого, почти такъ же необразованно, какъ и масса прихожанъ. Религіозныя понятія крестьянъ представляли самую своеобразную мозаику, составленную изъ христіанскихъ представлений и изъ остатковъ друидизма. Пламенная и слѣпая ненависть крестьянъ къ протестантамъ представляется главнымъ и почти единственнымъ результатомъ того вліянія, которымъ сельское духовенство пользовалось въ своихъ доходахъ. Въ южной Франціи, крестьяне, благодаря своимъ пастырямъ, видѣли въ каждомъ протестантѣ опаснаго колдуна, котораго слѣдуетъ бить и убивать изъ любви къ Богу и для спасенія собственной души. О томъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, за предѣлами села или прихода, крестьяне не знали ничего. Поѣздка на базаръ въ ближайшій городъ считалась путешествіемъ труднымъ и не безопаснымъ, потому что дороги находились въ первобытномъ состояніи, и бродяжничество существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Если кому нибудь изъ крестьянъ случалось отправиться въ дальній городъ на заработки, или если ему приходилось пойдти въ солдаты, то онъ обыкновенно уже не возвращался на родину и не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, такъ что земляки его нисколько не могли воспользоваться его житейскою опытностью. При ограниченности своихъ понятій, крестьянинъ видѣлъ въ помѣщикѣ и въ его повѣренномъ не только ближайшую, но даже единственную причину того голода и той неблагоприятной работы, изъ которыхъ состояла вся его жизнь. Крестьянинъ замѣчалъ, что помѣщикъ пріѣзжаетъ въ свой замокъ только затѣмъ, чтобы собрать побольше денегъ; пріѣздъ владѣльца сопровождался обыкновенно усиленною строгостью въ требованіи запущенныхъ недомоковъ. Ни самъ владѣлецъ, ни его повѣренный не отличались мягкостью и любезностью въ обращеніи съ простымъ народомъ. Экономическіе интересы обоихъ классовъ населенія были диаметрально противоположны между собою; случаи мелкихъ столкновений представлялись на каждомъ шагу; въ понятіяхъ, въ потребно-

стать и во впускать не могло быть ничего общаго; люди замка смотрѣли на крестьянъ съ презрѣніемъ и съ отвращеніемъ, а люди хижинъ смотрѣли на замокъ съ ненавистью и со страхомъ. «Когда крестьянину, говорить Зибель, случалось взглянуть на башни господскаго дома, то любимую мечтою его было когда нибудь сжечь этотъ замокъ, въ которомъ былъ записанъ счетъ его недоимокъ.» Провинція Анжу составляла счастливое исключеніе изъ общаго правила; въ этой провинціи крестьяне не умирали съ голоду, и дворяне не были предметомъ ненависти для простаго народа. Анжуйское дворянство не увлеклось предостаями придворной жизни, не покинуло своихъ родовыхъ помѣстій, и вълѣдствіе этого удержало за собою уваженіе своихъ поселянъ. Въ этой провинціи дворяне и крестьяне росли вмѣстѣ, и знали другъ друга съ дѣтства; фермы переходили отъ отца къ сыну, и помѣщанья, крестившіиъ воиъхъ дѣтей у своихъ фермеровъ, никогда не рѣшались за неаккуратность въ платежѣ или въ исполненіи повинностей прогнать съ своей земли крестьянина, выросшаго на его глазахъ и нестѣлавшагося особенно дурнымъ поведеніемъ. Помѣщикъ жилъ круглый годъ въ своемъ замкѣ, самъ управлялъ нѣдѣемъ, самъ ходилъ въ поле наблюдать за ходомъ работъ, самъ выкалывалъ въ нужды своихъ фермеровъ, потому что разоренный фермеръ былъ бы плохимъ плательщикомъ, самъ высылалъ съ нихъ за несправности, и самъ подавалъ имъ примѣръ дѣятельности. По праздничнымъ днямъ онъ вмѣстѣ съ крестьянами ѣздилъ на базаръ, и отставалъ своихъ веселовъ, когда нѣтъ слышали мелкіе чмодинки. Эта патриархальная простота необходимо соединялась съ патриархальною грубостью, но крестьяне ея не обижались, и были очень довольны тѣмъ, что на нихъ не наваливаются тяжести, превышающей человѣческія силы. — Сѣверныя провинціи королевства, Фландрія, Артуа, Пикардія, Нормандія и Иль-де-Франсъ во многихъ отношеніяхъ отличались отъ другихъ частей Франціи; въ этихъ провинціяхъ крестьяне брали земли на аренду по многолѣтнимъ контрактамъ, и вносили арендную плату не зерномъ, а деньгами, при чемъ, конечно, сумма арендной платы оставалась неизмѣнною на весь срокъ контракта. Земля обрабатывалась тщательно, съ знаніемъ дѣла, и съ приложеніемъ капитала. Урожаи были вдвое лучше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства, и крестьяне, живя безбѣдно, стояли въ умственномъ отношеніи гораздо выше своихъ прочихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ тому же сословію.

Но число этих сравнительно счастливых и просвѣщенныхъ земледѣльцевъ совершенно исчезало въ общей гroudѣ непроницаемаго невѣжества и безвыходной нищеты.

V.

Въ городахъ старой французской монархіи господствовала замкнутая денежная аристократія. Городскія должности, замѣщавшіяся во время среднихъ вѣковъ посредствомъ выборовъ, съ XVII столѣтія стали въ непосредственную зависимость отъ воли короля, и, подобно многимъ другимъ государственнымъ должностямъ, были проданы разнымъ богатымъ людямъ въ потомственное владѣніе. Семейства, въ которыя такимъ образомъ попало наследственное обладаніе важными должностями, стали во главѣ городской аристократіи. Къ нимъ примкнули члены большихъ финансовыхъ компаній, откупщики косвенныхъ налоговъ, сборщики прямыхъ податей, важнѣйшіе банкиры и главные акціонеры торговыхъ обществъ, пользовавшихся различными монополіями. Этотъ кружокъ, въ который можно было попасть только по рожденію, или по особому разрѣшенію правительства, съ полнымъ самовластіемъ господствовалъ на биржахъ, и управлялъ движеніемъ капиталовъ во всей странѣ. Центромъ биржевыхъ спекуляцій и ареною самаго роскошнаго ажіотажа былъ Парижъ. Джонъ Ло, какъ извѣстно, на вѣчныя времена обезсмертилъ свое имя тою акціонерною горячкою, которую ему удалось возбудить въ Парижѣ, и чрезъ Парижъ въ цѣлой Франціи во время регентства веселаго и беззаботнаго Филиппа Орлеанскаго. Тысячи колоссальныхъ состояній возникали и исчезали въ одинъ день; бумаги переходили изъ рукъ въ руки съ невѣроятною быстротою; за приливами безграничнаго восторга слѣдовали припадки паническаго страха, и, хотя дѣло кончилось тѣмъ, что Ло принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа, чтобы не сдѣлаться жертвою разворенныхъ акціонеровъ, однако страсть къ биржевой игрѣ не унялась, и продолжала по прежнему отвлекать капиталы отъ производительнаго приложенія, и практическіе умы — отъ полезной дѣятельности. Прелесть игры понимали и король, и министры, и придворныя дамы, и дворянство, и духовенство, и парламенты; вѣчный финансовый дефицитъ и постоянное возрастаніе государственнаго долга наноляли и переполняли биржу бумажными цѣнностями; членамъ правительства каждый день пред-

ставлялась возможность эксплуатировать въ свою пользу потребности государства и довѣріе частныхъ лицъ; и члены правительства, отличавшіеся въ то время изумительною эластичностью нравственныхъ убѣжденій, съ замѣчательнымъ искусствомъ пользовались выгодами своего положенія. Парижъ до революціи не былъ фабричнымъ городомъ, и оптовая торговля его была незначительна, такъ что все его промышленное движеніе было основано на мелкой ремесленной дѣятельности и на крупной биржевой игрѣ. Для характеристики того времени любопытно замѣтить, что тогдашніе богачи съ особеннымъ удовольствіемъ покупали пожизненные ренты, то есть они заранѣе отнимали у своихъ наследниковъ капиталъ, и за то, въ теченіе своей жизни, получали съ этого капитала большіе проценты. Въ этомъ обстоятельстве чувствуется еще разъ вліяніе господствовавшего принципа «*après moi le déluge*». Тогдашніе богачи, подобно птицамъ небеснымъ, не собирали въ житницы и не заботились о завтрашнемъ днѣ, потому что завтрашній день казался имъ весьма ненадежнымъ. Торговля и ремесленная дѣятельность во всемъ королевствѣ была подчинена строжайшему цеховому устройству. Генрихъ III произнесъ то замѣчательное сужденіе, что только король даруетъ право труда, и эти слова сдѣлались руководящимъ принципомъ французскаго правительства въ отношеніи къ ремесленному населенію королевства. Заниматься ремесломъ позволялось только тому, кто принадлежалъ къ ремесленному цеху; каждый цехъ управлялся мастерами, которые одни имѣли право принимать въ цехъ постороннія лица, а постороннее лицо, поступавшее въ цехъ, подвергалось испытанію со стороны мастеровъ, и кромѣ того должно было платить за свое принятіе и государству, и цеху, и мастерамъ. Выгода мастеровъ состояла въ томъ, чтобы удерживать за собою и за своими семействами монополію своего ремесла, потому они старались не принимать въ цехъ ни одного посторонняго лица, что имъ и удавалось въ большей части случаевъ. Часто самые статуты цеха ограждали ихъ отъ всякихъ прищельцевъ, опредѣляя положительно, что мастерами могутъ быть только сыновья мастеровъ или вторые мужья овдовѣвшихъ мастерицъ. Такимъ образомъ столяры, булочники или портные составляли такую же замкнутую аристократію, каковую образовали изъ себя наследственные чиновники, парламентскіе совѣтники или банкиры. Вся Франція была покрыта громадною сѣтью различныхъ аристократій, и кому не удалось родиться въ томъ или другомъ изъ этихъ счастливыхъ круж-

новъ, тому почти ничего было дѣлать на земномъ шарѣ, и почти ничѣмъ было отвѣщаться отъ голодной смерти. Ему надо было идти въ услуженіе, наниматься въ поденщики, или отдаваться въ безусловное распоряженіе мастера, который зналъ его безвыходное положеніе, и слѣдовательно бралъ его въ кабалу на произвольно навначаемыхъ условіяхъ. Мужикъ, голодавшій въ деревнѣ, не находилъ себѣ облегченія и въ городѣ. Изъ всѣхъ аристократій, отравлявшихъ жизнь французскаго пролетарія, ремесленная аристократія была, повсей вѣроятности, самою тяжелою; ея существованіе связывало простаго чело-вѣка по рукамъ и по ногамъ, и, кромѣ того, самымъ радикаль-нымъ образомъ извращало глубочайшія основы народнаго характера. Пролетарію приходилось чувствовать зависть и ненависть не только къ тому, кто былъ богатъ и знатенъ, но и къ своему брату бѣдняку, если только этотъ бѣднякъ имѣлъ право заниматься такою работою, которая для простаго пролетарія составляла запрещенный плодъ. Съ богатымъ и знатымъ пролетарій встрѣчался рѣдко; бога-таго и знатнаго онъ видѣлъ издали; напротивъ того, привилегиро-ваннаго бѣдняка онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, и каждая такая встрѣча растревляла его раны и подогрѣвала его враждебныя чувства. Пока пролетарій стоялъ въ тѣни, до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія на его чувства и на весь складъ его характера; злоба была смѣшна, и страданія его возбуждали только презрѣніе; но когда пролетарій подъ знаменательнымъ именемъ санколота въ свою очередь сдѣлался важнымъ лицомъ, тогда всплыли на верхъ всѣ чувства, посянныя въ его душѣ вѣхами порабощенія, тогда систематически искаженный характеръ его сдѣлался двигателемъ ми-ровыхъ событій, и тогда историкамъ пришлось ужасаться передъ тѣ-ми результатами, которыя выработала исторія въ своемъ вѣковомъ теченіи. Пролетарій явился тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ его весь средневѣ-ковой порядокъ вещей. Превращенный историческими обстоятель-ствами въ голоднаго волка, пролетарій не обнаружилъ голубиной кротости, и историки изумились и ужаснулись. — Ремесленная ари-стократія была, подобно чиновной аристократіи, созданіемъ королев-скаго правительства; постоянно нуждаясь въ деньгахъ, короли про-давали цеховыя привилегіи точно такъ же, какъ они продавали об-щественныя должности; французскіе правители въ этомъ случаѣ дѣйствовали какъ покупатели пожизненныхъ рентъ или вообще какъ люди, проживающіе капиталъ. Они брали съ своего государства

больше проценты въ настоящемъ, и чрезъ это готовили въ будущемъ ему и кому нибудь изъ своихъ наслѣдниковъ неизбежную катастрофу. Различныя аристократіи, выработанныя историческою жизнью, или учрежденныя волею королей, глубоко сознавали свою взаимную солидарность и ту роковую связь, въ которой находились между собою различные камни стараго общественнаго зданія. Когда Тюрго въ 1776 году уничтожилъ замкнутые цехи, тогда со всѣхъ сторонъ поднялись яростныя вопли: парижскій парламентъ, принцы, перы, доктора правъ объявили въ одинъ голосъ, что всѣ французы, начиная отъ ступеней трона и кончая бѣднѣйшею мастерскою, составляютъ и всегда должны составлять непрерывную цѣпь твердо организованныхъ корпорацій, которыхъ неприкосновенность совершенно необходима для существованія государства, и которыхъ разрушеніе неминуемо повлечетъ за собою окончательную гибель всего общественнаго порядка. Противъ такихъ предвѣщаній не могъ устоять Людовикъ XVI; опасный Тюрго потерялъ министерскій портфель, и цехи были восстановлены въ прежнемъ своемъ величіи. Фабричная промышленность современъ Кольбера пользовалась постояннымъ покровительствомъ и находилась подъ постоянною опекою центральной власти. До Кольбера Франція не производила ни тонкаго сукна, ни шелковыхъ матерій, ни стеклянныхъ издѣлій, ни мыла, ни дегтя; фабричное производство почти не существовало, такъ что Кольберу пришлось выписывать мастеровыхъ изъ Германіи, изъ Швеціи и изъ Италіи. Чтобы эти иноземныя сѣмяна принялись на французской почвѣ, Кольберъ взялъ на себя трудъ обезпечивать сбытъ фабричныхъ товаровъ и защищать новорожденныя фабрики отъ иностранной конкуренціи; всѣ товары должны были производиться по назначеннымъ образцамъ; заграничныя товары подверглись огромнымъ пошлинамъ; отступленіе отъ назначенныхъ образцовъ влекло за собою денежныя штрафы, сожженіе изготовленныхъ товаровъ незаконной формы, и часто позорныя наказанія провинившагося фабриканта. Технические усовершенствованія сдѣлались невозможными, потому что изобрѣтательность считалась уголовнымъ преступленіемъ. При такихъ условіяхъ, все развитіе мануфактурной промышленности приняло искусственное и чисто аристократическое направленіе. При Кольберѣ фабрикацію шерстяныхъ тканей занимались 60,400 работниковъ, а выдѣлкою кружева 17,300 человекъ. Такимъ образомъ на 100 работниковъ, приготавливавшихъ необходимыя вещи, приходится больше

20 человекъ, удовлетворявшихъ требованіямъ роскоши. Черезъ сто лѣтъ послѣ Кольбера мы встрѣчаемъ фактъ гораздо болѣе любопытный: оказывается, что фабрикація мыла приносила въ годъ 18 милліоновъ дохода, а производство пудры доставляло до 24 милліоновъ. Если, какъ мы видимъ изъ этихъ цифръ, французскій пролетарій никогда въ жизни не имѣлъ въ рукахъ куска мыла, то уже по одному этому факту можно составить себѣ понятіе объ общей высотѣ его эстетическаго развитія. Обстоятельства принуждали его быть грязнымъ циникомъ, и этотъ грязный цинизмъ въ свое время далъ себя знать всему французскому обществу и всей феодальной Европѣ. Если бы французскій пролетарій могъ умываться, какъ слѣдуетъ порядочному человеку, то навѣрное не было бы ни террора 1793 г., ни завоевательныхъ малостей великаго Наполеона. Это можетъ показаться парадоксомъ и неумѣстною шуткою, но стоитъ повнимательнѣе взглянуть на дѣло, чтобы убѣдиться въ томъ, что тутъ парадоксальна только внѣшняя форма выраженія. А шутки тутъ и въ виду не имѣются. Кто сколько нибудь имѣетъ понятіе о смыслѣ событій, совершающихся во всемірной исторіи, тотъ знаетъ, что каждый голодный день пролетарія, каждая прорѣха на его рубищѣ, каждая болячка на его истомленномъ тѣлѣ составляютъ общественныя явленія колоссальной важности, и ведутъ за собою такія послѣдствія, которыхъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Покровительствуя фабричной промышленности, французское правительство стѣсняло развитіе земледѣлія. Высокія таможенныя пошлины возвышали цѣну на земледѣльческія орудія, и, слѣдовательно, принуждали массу крестьянъ работать плохими и неудобными инструментами. Сверхъ того, правительство, желая искусственными средствами поддерживать въ странѣ дешевыя цѣны на хлѣбъ, для того чтобы городскіе работники не терпѣли недостатка въ продовольствіи, запрещало вывозъ земледѣльческаго продукта за границу. Хлѣбъ былъ дѣйствительно дешевъ вслѣдствіе этихъ распоряженій, но сельское хозяйство не имѣло возможности совершенствоваться, количество производимаго хлѣба не увеличивалось, и, слѣдовательно, въ общей массѣ народнаго богатства не замѣчалось никакого приращенія. Хлѣбъ былъ дешевъ, но трудъ былъ еще дешевле, такъ что рабочій человекъ все-таки продолжалъ нуждаться въ насущномъ пропитаніи. За годъ до революціи, въ 1788 году, городской работникъ получалъ въ день около 26 су, а работница около 15 ти; въ

1853 году городской работник получал не менѣе 42 су, а работница не менѣе 26-ти. Въ деревнѣ рабочій день въ 1788 году стоилъ 15 су, а въ 1853 году онъ возвысился до 25 су. До революціи было въ году по крайней мѣрѣ тридцатью праздничными днями больше, чѣмъ въ настоящее время. Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы увидимъ, что фабричный работникъ стараго времени получалъ въ годъ около 350 ливровъ, между тѣмъ какъ теперь такой же работникъ добываетъ до 630 франковъ (1 франкъ—1 ливру). Годовой заработокъ сельскаго поденщика составлялъ до революціи около 160 ливровъ, а въ наше время онъ доходитъ до 300 франковъ. Фунтъ печенаго хлѣба до 1789 года, при всѣхъ усиліяхъ правительства понизить его цѣну искусственными средствами, стоилъ въ самое дешевое время 3 су; такая цѣна держалась только въ Парижѣ, благодаря особеннымъ стараніямъ правительства и городскихъ властей, а въ провинціяхъ хлѣбъ обыкновенно стоилъ дороже; въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ 1820 по 1840 годъ, средняя цѣна печенаго хлѣба была 17 сантимовъ за фунтъ, что равняется 3 су; а въ 1851 году фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ Парижѣ 14 сантимовъ, т. е. 2 су. Печеный хлѣбъ въ наше время такимъ образомъ оказывается дешевле, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, а между тѣмъ пшеница повысилась въ цѣнѣ. Около 1780 года гектолитръ пшеницы стоилъ отъ 12 до 13 франковъ, а около 1840 года онъ стоилъ отъ 19 до 20 франковъ. Пониженіе цѣны на печеный хлѣбъ при возвышеніи цѣны зерноваго хлѣба объясняется тѣмъ, что превращеніе зерна въ муку и муки въ хлѣбъ испытало въ новѣйшее время очень значительныя усовершенствованія; теперь опредѣленное количество зерноваго хлѣба даетъ почти въ полтора раза больше печенаго хлѣба, чѣмъ сколько оно давало въ прошломъ столѣтіи. То количество питательнаго вещества, которое тогда терялось, вслѣдствіе несовершенства снарядовъ и неуклюжести рабочихъ рукъ, теперь сохраняется и приносить непосредственную пользу. Можно сказать безъ преувеличенія, что такого рода усовершенствованіе обогатило страну сильнѣе, чѣмъ могло бы обогатить ее открытіе неисчерпаемой золотой руды; но такія усовершенствованія возможны только тогда и тамъ, гдѣ и когда личная изобрѣтательность и промышленная дѣятельность развиваются въ массахъ вмѣстѣ съ сознаниемъ собственнаго достоинства. Полезныя изобрѣтенія не возникаютъ среди подавленнаго и

пригнетеннаго народа, или, если имъ даже случается возникнуть, то они не прививаются къ обыденной жизни, и не приносятъ существенной пользы. — Основывая цѣны заработной платы съ цѣнами хлѣбныхъ цѣнъ, мы видимъ, что теперешній работникъ можетъ купить почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ могъ купить работникъ времени Людовика XVI. Точно такой же результатъ получился бы, если бы стали разсматривать цѣны другихъ съѣстныхъ принадлежностей; въ отношеніи къ одеждѣ, перевѣсъ настоящаго времени надъ прошедшимъ оказался бы еще значительнѣе, потому что въ фабрикантскихъ тканей произведено въ послѣднее полу столѣтіе больше усовершенствованій, чѣмъ въ какой либо другой отрасли промышленности. До революціи, Франція во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо бѣднѣе, чѣмъ теперь, а правительство ея было гораздо расточительнѣе, чѣмъ всѣ правительства, сближившія другъ друга въ этой странѣ въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія. Въ отношеніи къ торговлѣ, Франція, по вывозу и ввозу товаровъ, была въ прошломъ столѣтіи вдвое бѣднѣе, въ отношеніи къ сельскому хозяйству втрое бѣднѣе, въ отношеніи къ фабричному и ремесленному производству вчетверо бѣднѣе, чѣмъ въ настоящее время. Соображая эти обстоятельства, Зибель выводитъ заключеніе, что бюджетъ въ 500 милліоновъ составлялъ для страны въ XVIII столѣтіи такую тяжесть, какую теперь составилъ бы бюджетъ въ 1400 милліоновъ. Финансовый дефицитъ долженъ измѣряться такимъ же масштабомъ. Сто милліоновъ дефицита въ старой монархіи равняется тремъстамъ милліоновъ дефицита нашего времени. Встрѣчаясь съ такимъ ежегоднымъ дефицитомъ, правительство поневолѣ должно было придти въ недоумѣніе. Государственная машина отказывалась служить, и потому поневолѣ надо было приняться за пересмотръ ея цѣлаго состава и всѣхъ отдѣльныхъ частей.

VI.

За четыре года до революціи, въ 1785 году, французское правительство собирало съ своихъ подданныхъ, прямыми и косвенными налогами, на текущіе государственные расходы, 558 милліоновъ ливровъ. Кроме того, на мѣстныхъ управленіяхъ провинцій собиралось 41 милліонъ; эта сумма расходовалась на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ она взималась, и не поступала въ государственное казначей-

ство. Далѣе, церковь, содержавшая себя до революціи совершенно независимо отъ общаго бюджета, получала 133 милліона десятинной подати и 16 милліоновъ разныхъ другихъ сборовъ. Въ пользу суднаго сословія собиралось 29 милліоновъ; землевладѣльцы, имѣвшіе право устроить въ своихъ земляхъ заставы, собирали на этихъ заставахъ $2\frac{1}{2}$ милліона; каждая торговая сдѣлка, совершавшаяся въ помянутомъ, приносила землевладѣльцу опредѣленную пошлину, и сумма всѣхъ этихъ пошлинъ, на всемъ пространствѣ королевства, доходила въ теченіи года до 37 милліоновъ. Изобрѣтательные рыцари и остроумное ихъ потомство располагали еще множествомъ другихъ замысловатыхъ способовъ эксплуатаціи. Всѣ эти способы были дозволены закономъ или, по крайней мѣрѣ, освящены обычаемъ; каждый изъ нихъ имѣлъ за себя неисчерпаемое количество юридическихъ и историческихъ аргументовъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и однакоже самымъ свѣжимъ по своей убѣдительности былъ фактъ, или было право, — называйте какъ хотите, — вооруженнаго насилія. Всѣ эти способы съ блестящимъ успѣхомъ прилагались въ жизни французскаго народа до 1789 года. Вслѣдствіе этого, въ общемъ результатѣ оказывалось, что кромѣ 600 милліоновъ, поступавшихъ въ государственное казначейство и въ различныя провинціальныя управленія, французскій народъ платилъ въ разныя стороны, разнымъ почтеннымъ людямъ до 280 милліоновъ. Итого получается 880 милліоновъ, что, по масштабу представленному въ концѣ предыдущей главы, равняется, для настоящаго времени, суммѣ въ 2400 милліоновъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что правительство Людовика Филиппа никогда не издерживало въ годъ больше 1500 милліоновъ, и что, не смотря на то, оппозиція въ палатѣ депутатовъ и самостоятельная политическая пресса постоянно твердили министерству, вплоть до февраля 1848 года, о необходимости убавить расходы и сложить съ народа часть налоговъ. Старый порядокъ въ финансовомъ отношеніи былъ для народа самымъ въ полтора раза тяжелѣе администраціи июльской монархіи, не говоря уже о томъ, что этотъ старый порядокъ парализовалъ всѣ производительныя силы народа сътѣю привилегій, монополій и запрещеній. Для народа вовсе не состояло облегченія то обстоятельство, что только двѣ трети собираемыхъ съ него денегъ шли на издержки правительства; народу было бы легче платить правительству всѣ 880 милліоновъ, и за то избавиться разъ навсегда

отъ всѣхъ внутреннихъ заставъ, десятинъ, пошлинъ за продажу и покупку, и отъ всѣхъ изобрѣтеній остроумнаго рыцарства. Народъ понималъ это, и потому неудовольствіе его направлялось преимущественно не на центральное правительство, а на привилегированныя сословія. Народъ чувствовалъ, что его постоянно приносятъ въ жертву привилегированнымъ классамъ, какъ при распредѣленіи налоговъ, такъ и при расходованіи государственныхъ суммъ. Во-первыхъ, цѣлая треть платимыхъ повинностей (280 милліоновъ) прямымъ путемъ переходила изъ рукъ работающаго пролетарія въ руки веселящагося аристократа. Во-вторыхъ, аристократы платили сполна только косвенные налоги, падающіе на предметы потребленія; отъ остальныхъ налоговъ ихъ избавляло или сословное преимущество, или занимаемая должность, или какая-нибудь другая основательная причина, которую пролетарій никакъ не могъ привести въ свою пользу. Въ отношеніи къ аристократу всякій сборщикъ податей могъ быть только смиреннымъ просителемъ, а въ отношеніи къ пролетарію та же osoba была начальствомъ, которое приходилось умиловать посильными и непосильными жертвоприношеніями. Сборщикъ податей, или откупщикъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи, наживалъ себѣ обыкновенно значительное состояніе, а такъ какъ всѣ эти состоянія получались все-таки изъ трудовыхъ денегъ народа, то легко сообразить, что, кромѣ 880 милліоновъ, французскій народъ платилъ еще ежегодно разными негласными путями довольно значительныя суммы, которыхъ величину нельзя опредѣлить даже круглыми цифрами. Эти сборщики и откупщики обыкновенно давали правительству займы значительныя суммы въ счетъ доходовъ будущихъ лѣтъ; забирая такимъ образомъ свои доходы впередъ, правительство платило за нихъ большіе проценты, такъ что сборщики и откупщики, служившіе посредниками между народомъ и казначействомъ, тянули деньги и изъ народа и изъ казначейства, раззоряли по мѣрѣ силъ обѣ стороны и доводили свое собственное благосостояніе до самыхъ почтенныхъ размѣровъ. Отношенія между казначействомъ и сборщиками были до такой степени сложны, что, напримѣръ, въ бюджетѣ 1785 года ставятся на счетъ долги за 1784 годъ и суммы, забранныя впередъ за 1787 годъ. По всѣмъ этимъ счетамъ подводится итогъ въ 850 милліоновъ, а чистыхъ денегъ оказывается въ казначействѣ 327 милліоновъ. Я не берусь объяснить читателю, изъ какихъ именно элементовъ состоитъ общій итогъ въ 850

милліоновъ; этого не объясняетъ и Зибель, и вообще вопросъ этотъ имѣетъ интересъ очень специальный; привожу я эту цифру только для того, чтобы показать, какъ запутаны были расчеты между казначействомъ и его ближайшими агентами; вся эта запутанность конечно обращалась въ пользу сборщиковъ, которыхъ усилія постоянно направлялись къ той общей цѣли, чтобы народъ платилъ какъ можно больше, а казначейство получало какъ можно меньше. На сколько хороша была система собиранія доходовъ, на столько же сообразно съ общественною пользою было расходованіе собранныхъ денегъ. На содержаніе двора полагалось по бюджету 35 милліоновъ, но тратилось до сорока, и въ эту сумму не входили расходы на королевскія охоты и путешествія, на жалованье высшихъ придворныхъ чиновниковъ, и на ремонтъ королевскихъ замковъ. Военное министерство по бюджету должно было получать 114 милліоновъ, а получало 131 милліонъ; изъ этихъ денегъ 39 милліоновъ расходовалось на административную часть, 44 милліона на содержаніе солдатъ, и 46 милліоновъ на жалованье офицерамъ. Въ совершенной независимости отъ соображеній министра находились личныя распоряженія короля, израсходовавшаго въ 1785 году 136 милліоновъ на «подарки придворнымъ, министру финансовъ и парламентскимъ совѣтникамъ, на уплату посторопныхъ займовъ, на проценты и учеты чиновникамъ казначейства, на отпущеніе разныхъ личныхъ повинностей, и на непредвидѣнныя издержки всякаго рода». Въ этомъ же году на мосты и дороги истрчено 4 милліона, на общественныя зданія меньше 2-хъ милліоновъ, и на ученія и учебныя заведенія съ небольшимъ 1 милліонъ. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на эти предметы тратилось ежегодно по 59 милліоновъ, т. е. слишкомъ въ восемь разъ больше, чѣмъ въ 1785 году. Больницы и воспитательныя дома получали въ 1785 году 6 милліоновъ отъ государства, 6 милліоновъ отъ церкви, и 24 милліона собственныхъ доходовъ; въ современной Франціи благотворительныя заведенія получаютъ въ годъ до 119 милліоновъ. Изъ всего этого видно, что старая монархія сохраняла неизмѣнную вѣрность своему феодальному происхожденію; каковы бы ни были внутреннія противорѣчія между отдѣльными ея учрежденіями, но всё они съ непобѣдимою силою стремились къ тому, чтобы раззорить массу и обогатить то меньшинство, для котораго существовала вся государственная машина. Но когда эта цѣль была достигнута, когда

масса была разворена до послѣдней крайности, тогда стади съ ужа-сающею быстротою исчезать самые источники доходовъ. Начались огромныя недоимки; пришлось дѣлать займы, платить большіе проценты, увеличивать платежи процентовъ дефицитъ, а потомъ замазывать дефицитъ новыми займами, требовавшими новаго платежа процентовъ. Долгъ увеличивался вмѣстѣ съ дефицитомъ, а кредитъ уменьшался вмѣстѣ съ производительною силою страны. Министры предпринимали разныя финансовыя операціи, но такъ какъ нѣтъ та-кой финансовой операціи, которая изъ франка могла бы сдѣлать лунддоръ, или взять что нибудь съ крестьянина, не имѣющаго ров-но ничего, то вся глубокомыслие министровъ оказывалось бессиль-нымъ передъ сокрушительными цѣрами долговъ и ежегодныхъ де-фицитовъ. Все царствованіе Людовика XVI состоитъ изъ длиннаго ряда разнообразныхъ попытокъ выпутаться изъ отчаяннаго положенія финансовъ. Изъ всѣхъ совѣтниковъ Людовика XVI одинъ Турго помялъ вполнѣ, что финансовую болѣзнь нельзя лечить финансовы-ми мѣрами, что необходимо увеличить производительную дѣятельность народа, а что причины, парализирующія эту дѣятельность, заключа-ются въ самыхъ основаніяхъ феодальнаго государства. Распоряженія Турго носышались на все отрасли народной жизни. Онъ разрѣшилъ вывозъ хлѣба за границу и снялъ съ крестьянъ дорожныя повинно-сти; онъ уничтожилъ цехи и основалъ большое кредитное учрежденіе, подъ названіемъ учетной кассы; онъ измѣнилъ податную систему и сталъ готовить всѣхъ собственниковъ государства къ участию въ политическихъ правахъ; онъ хотѣлъ произвести сверху и постепенно тѣ реформы, которыя революціонныя собранія произвели снизу и мгно-венно; но постепенность Турго наказалась всѣмъ привилегирован-нымъ классамъ бурною и сумасбредною заносчивостью. Братъ Короля, графъ Карлъ Артуа, тотъ самый, по милости котораго старшая ли-нія Бурбоновъ въ 1830 году была окончательно лишена французскаго престола, сталъ во главѣ недовольныхъ, а недовольныя распоряженіями Турго были и дворъ, и вся аристократія, и духовенство, и парла-менты, и цеховые мастера, и всѣ, кромѣ крестьянъ и пролетаріевъ, которые въ то время еще не имѣли своего сужденія въ государст-венныхъ вопросахъ. Карлъ и придворные стали дѣйствовать на ко-роля ежедневными воздыханіями о гибельныхъ преобразованіяхъ не-осторожнаго министра, а другіе недовольные аристократы въ это время стали водновать народъ, чтобы показать королю, насколько дѣятель-

ность Тюрго противна желаніямъ націи и опасна для общественнаго спокойствія. Народъ, по своей безграничной наивности, дѣйствительно сталъ шумѣть на улицахъ Парижа въ пользу тѣхъ самыхъ привиллегій, которыя морили его голодомъ. Людовику надоѣла вся эта тревога, и министерство Тюрго продержалось всего полтора года; какъ только Тюрго вышелъ въ отставку, такъ воцарилась старая система управленія во всемъ своемъ блескѣ и во всей своей величественной неподвижности. Неккеръ сталъ поправлять опмансы займами, Каллонъ сталъ поощрять своими совѣтами придворную роскошь, говоря, что только роскошь поддерживаетъ кредитъ, а что кредитъ необходимъ для существованія государства. Неккеръ, во время своего перваго министерства, занялъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 милліоновъ, и наконецъ сталъ въ тупикъ. Каллонъ убѣдился собственнымъ опытомъ, что всякій кредитъ имѣетъ границы. Въ 1787 году онъ увидѣлъ передъ собою дефицитъ въ 198 милліоновъ, что составляетъ по масштабъ нашего времени, почти 600 милліоновъ. Покрыть этотъ дефицитъ было необходимо, а покрыть было нечѣмъ; увеличить подати не было никакой возможности; кредитъ былъ истощенъ до чиста. Тогда Каллонъ вдругъ перемѣнилъ политику, и пошелъ по слѣдамъ Тюрго; начался опять скрежетъ зубовъ; противъ короля и противъ министерства зашумѣли придворные, провинціальныя дворяне, сборщики податей, суды, полицейскіе чиновники, общинныя совѣты и цеховые мастера. Въ ряды оппозиціи попали, какъ мы видимъ, такія лица, которыя во всякомъ благоустроенномъ государствѣ имѣютъ значеніе только, какъ послушныя орудія центральной власти. Государство видимо разлагалось, потому что перестало удовлетворять существеннымъ потребностямъ общества, и во всѣхъ частяхъ своихъ оказалось несостоятельнымъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣние было въ то время уже такъ сильно, что къ нему, какъ къ высшей апелляціонной инстанціи, обратились за разрѣшеніемъ своего спора, съ одной стороны министерство, поневолѣ ударившееся въ прогрессъ, съ другой стороны, аристократическая оппозиція, ухватившаяся за старину со всею страстью инстинктивнаго самосохраненія, и съ полнымъ сознаніемъ своего вѣковаго права. Само министерство освободило прессу для того, чтобы она заклемила въ глазахъ цѣлой націи упорныхъ защитниковъ привиллегій и феодальнаго быта. Парижскій парламентъ, защищавшій, подобно цеховымъ юристамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, фор-

мальную легальность аристократических притязаний, потребовалъ съ своей стороны, въ пикъ министерству, чтобы собраны были государственные чины (*états généraux*), которыхъ Франція не видала въ продолженіи двухъ столѣтій. Собраніе аристократическихъ нотаблей, попытавшихъ произвести реформы, не осилило этого дѣла, и повторило требованіе парижскаго парламента. Между тѣмъ Калонна замѣнилъ уже Бриенъ, а Бриенна Неккеръ, но отъ этой перемѣны лицъ не перемѣнилось положеніе финансовъ, и Неккеръ, съ удовольствіемъ изображая собою либеральнаго и просвѣщеннаго министра, ввелъ французское королевство въ новую эпоху его существованія: государственные чины были созваны къ 27 апрѣля 1789 года.

УІІ.

Приступая къ изложенію событій, совершившихся во Франціи отъ 1789 до 1795 года, я заранѣе долженъ предупредить читателя, что онъ не найдетъ у меня описанія тѣхъ сценъ, величественныхъ или ужасныхъ, которыя происходили въ это тревожное время на площадяхъ, на улицахъ или въ залахъ національныхъ собраній. Чтобы изобразить эти сцены, надо, во-первыхъ, обладать такимъ художественнымъ талантомъ, котораго я въ себѣ не чувствую; а во-вторыхъ, надо написать очень большую книгу, что совершенно неудобно по многимъ причинамъ. На этомъ основаніи, я постараюсь, по возможности, совершенно уклониться отъ рисованія историческихъ картинъ, а въ началѣ моей статьи я уже обѣщаль читателю уклониться отъ біографическихъ подробностей и отъ судебныхъ приговоровъ надъ личностями и событіями. Стало быть, мнѣ остается только слѣдить за главными фазами того общественнаго движенія, о которомъ мы говоримъ; мнѣ остается выводить одну фазу изъ другой, показывать, почему движеніе приняло одно направленіе, а не другое, разсматривать общія причины, скрывающіяся за личностями выступающихъ дѣятелей, и придающія этимъ личностямъ всю ихъ дѣйствительную силу; я желалъ бы представить читателю не рядъ картинъ изъ разсматриваемой нами исторической эпохи, а ландкарту, по которой онъ могъ бы познакомиться съ мѣстными условіями, вызвавшими переворотъ и сообщавшими ему импульсъ и направленіе. Таковую ландкарту или такой анатомическій рисунокъ можно было бы считать излишнимъ, если бы читающая часть нашего об-

щества обладала большимъ запасомъ продуманныхъ и осмысленныхъ историческихъ свѣдѣній; но такъ какъ, по правдѣ сказать, подобныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, ни въ большомъ, ни въ маломъ количествѣ, то я позволяю себѣ думать, что моя статья не будетъ совершенно бесполезна, и постараюсь устроить такъ, чтобы эту ландкарту особаго устройства можно было разсматривать, не проклиная составителя за сухость изложенія. Теперь мы можемъ обратиться къ Собранію государственныхъ чиновъ.

Собраніе государственныхъ чиновъ или сословія состояло въ старой Франціи изъ представителей дворянства, духовенства и третьяго сословія (*tiers-état*) или городскихъ общинъ. Это собраніе созывалось королямъ въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда центральная власть нуждалась въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія, и безъ этой поддержки не рѣшалась требовать отъ націи какихъ нибудь необыкновенныхъ пожертвованій или чрезвычайныхъ усилій. При ближайшихъ предшественникахъ Людовика XVI, государственные чины не созывались ни разу, потому что Людовикъ XIV и Людовикъ XV хозяйничали въ своемъ королевствѣ совершенно безцеремонно, и находили, что никакое пожертвованіе націи не можетъ быть необыкновеннымъ, и никакое усиліе не можетъ быть чрезвычайнымъ. Когда государственные чины созывались въ былое время, тогда они разсуждали о предлагавшихся вопросахъ въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ; сообразно съ духомъ всѣхъ средневѣковыхъ учрежденій, сословія оставались разъединенными даже тогда, когда обсуживали дѣла, относящіяся къ интересамъ всего государства. Въ 1789 году сословія созывались затѣмъ, чтобы спасти государство отъ банкротства; спасти государство можно было только самыми обширными реформами, и именно такихъ реформъ ожидала отъ собранія вся здоровая часть общественнаго мнѣнія; на собраніе это смотрѣла вся Франція; отъ него цѣлый народъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ждалъ хлѣба насущнаго, то есть избавленія отъ тѣхъ феодальныхъ учрежденій, которыя разорили земледѣльца и ремесленника, парализируя ихъ производительный трудъ. Желанія правительства въ этомъ случаѣ не могли расходиться съ желаніями народа; правительству были необходимы реформы, потому что безъ реформъ нельзя было выпутаться изъ долговъ; безъ реформъ не на что было жить, и невозможно было управлять. Реформы не нравились только духовенству, дворянству, парламентамъ, цеховымъ мастерамъ, то

есть, тѣмъ людямъ которыхъ питали и грѣли монополіи и всѣ средне-вѣковые порядки; только съ ихъ стороны можно было ожидать оппозиціи; эта оппозиція могла производить много шума въ залѣ Тюльерійскаго дворца, или въ аристократическомъ салонѣ, но въ общемъ голосѣ народа она совершенно терялась и переходила въ едва замѣтный ропотъ, которому нельзя было придавать никакого серьезнаго значенія. Эта оппозиція только въ томъ случаѣ могла бы сдѣлаться препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованій, когда бы она получила въ собраніи свой отдѣльный легальный органъ. Если бы государственные чины, по старому обычаю, открыли свои засѣданія по сословіямъ, въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ, тогда можно было бы предвидѣть, что всѣ предложенія и рѣшенія третьяго сословія будутъ задерживаться, искажаться или отвергаться духовенствомъ и дворянствомъ. Слѣдовательно, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ: какъ будутъ засѣдать государственные чины? Въ одномъ ли общемъ національномъ собраніи, или въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ? Нельзя сказать, чтобы съ этимъ вопросомъ была связана судьба ожидаемыхъ преобразованій; преобразованія эти были уже необходимы, потому что ихъ необходимость сознавалась и чувствовалась всею націею; ихъ не могли уже ни отсрочить, ни исказить никакіе дебаты и никакіе отрицательные результаты въ подачѣ голосовъ. Но оставалось узнать, какъ произойдутъ реформы? Путемъ ли мирныхъ преній и легальныхъ постановленій собранія, или какъ нибуть совѣсть иначе, безъ всякой легальности и безъ малѣйшаго благообразія? Можно было предвидѣть, что система трехъ палатъ надѣлаетъ народу и правительству много хлопотъ, и что при этой системѣ мудрено будетъ удержаться на путяхъ добродѣтели и легальности. Общественное мнѣніе безусловно отвергало эту систему, но правительство, отъ котораго зависѣло рѣшеніе капитальнаго вопроса, церемонилось съ аристократіею, и, созывая государственные чины, не сказало ничего о томъ, какъ будутъ происходить ихъ совѣщанія. Оно опредѣлило только, что третье сословіе выставитъ въ двое больше представителей, чѣмъ выставило два столѣтія тому назадъ. Это нововведеніе могло быть чрезвычайно важно въ случаѣ общаго собранія, потому что тогда оно упрочивало за третьимъ сословіемъ рѣшительный перевѣсъ въ числѣ голосовъ; но при системѣ трехъ палатъ, двойное число представителей не имѣло никакого зна-

чествъ, а третье сословіе оставалось совершенно бессильнымъ въ борьбѣ съ легальной оппозиціею духовенства и дворянства.

5-го мая 1789 года, король открылъ въ Версали засѣданіе государственныхъ чиновъ; онъ произнесъ рѣчь; послѣ него заговорилъ хранитель большой печати, Барантенъ, и наконецъ министръ финансовъ Неккеръ; во всѣхъ этихъ рѣчахъ было много добродушія, много благихъ желаній, и еще больше внушительныхъ совѣтовъ, но о важнѣйшемъ вопросѣ, о томъ, какъ засѣдать государственнымъ чиновамъ, не сказано ни слова. Неккеръ говорилъ три часа, и отличился тѣмъ, что торжественно солгалъ передъ представителями націи насчетъ положенія финансовъ; онъ показалъ годовой дефицитъ въ 56 милліоновъ, между тѣмъ, какъ со времени собранія нотаблей, общество постоянно слышало о дефицитѣ въ 120 или въ 140 милліоновъ. Ложь Неккера дала ему возможность сказать, что король созвалъ государственные чины, не потому, что онъ нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому, что онъ хочетъ оказать націи всякую милость. Ложь Неккера и молчаніе о существующемъ вопросѣ выходили изъ одного общаго источника, — изъ двузначнаго и невѣроятнаго отношенія правительства къ націи вообще, и къ представителямъ ея въ особенности. Правительство нуждалось въ деньгахъ, слѣдовательно, въ реформахъ, и, слѣдовательно въ томъ собраніи, при содѣйствіи котораго возможно было произвести реформы; но если съ одной стороны, оно нуждалось въ томъ собраніи, то, съ другой стороны, оно еще больше боялось его. Хорошо, если собраніе придумаешь такіа реформы, которыя дадутъ много денегъ, и затѣмъ оставлять все въ должномъ порядкѣ; а что если оно заговоритъ о такихъ реформахъ, которыя съ должнымъ порядкомъ совѣмъ не уживаются? Что тогда дѣлать съ этими собраніемъ, на которое смотритъ вся Франція? И гдѣ остановятся его реформаторскіе подвиги? И что оно считаетъ должнымъ порядкомъ? И что, если его должный порядокъ совѣмъ не похожъ на настоящій должный порядокъ? Все это были такіе вопросы, которые не могли не придти въ голову совѣтникамъ короны; и людямъ, находящимся въ ихъ положеніи, надъ этими вопросами очень стоило задуматься. Они дѣйствительно задумались, и въ этой задумчивости захватилъ ихъ день, назначенный для открытія засѣданій. Они явились передъ представителями націи, не рѣшивши въ умѣ своемъ, гдѣ заключается для нихъ настоящая опасность, въ финансовомъ дефицитѣ, или въ ожи-

даемомъ всемогуществѣ созваннаго собранія. Когда Неккеръ сидѣлъ передъ пустою кассою и передъ печальными итогами предстоящихъ расходовъ, тогда онъ думалъ, что собраніе лучше дефицита; когда онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ собраніемъ въ 1,200 чело-вѣкъ, и когда онъ услышалъ, какими криками восторга встрѣчаютъ и провожаютъ народъ представителей третьяго сословія, тогда онъ навѣрное подумалъ, что ужъ лучше жить съ дефицитомъ, чѣмъ съ собраніемъ. — Думалъ или не думалъ Неккеръ такимъ образомъ, объ этомъ исторія молчитъ, но достовѣрно извѣстно то, что правительство Людовика XVI при самыхъ первыхъ сношеніяхъ своихъ съ государственными чинами начало бояться могущества собранія, совершенно упуская изъ виду, что именно это могущество необходимо для короля и для его министровъ, какъ единственное средство про-извести реформы, и реформами поправить отчаянное положеніе фи-нансовъ.

Выслушавъ назидательныя рѣчи, и не найдя въ нихъ ожидаемаго рѣшенія, сословія стали рѣшать основной вопросъ силами собствен-ныхъ умовъ; три недѣли продолжались между ними переговоры о томъ, какъ повѣрять выборы; переговоры эти ни къ чему не по-вели. Неккеръ попробовалъ явиться посредникомъ между высшими сословіями, настаивавшими на отдѣльной повѣрѣ выборовъ, и де-путатами общинъ, не допускавшими ничего такого, что могло бы привести къ утверженію трехъ-палатной системы. Но посредниче-ство Неккера осталось безуспѣшнымъ; дворянство объявило рѣши-тельно, что оно само провѣрило свои выборы, и уже образовало изъ себя отдѣльную палату. Увидѣвъ бесполезность переговоровъ, третье сословіе, избѣгавшее до той минуты окончательнаго разрыва съ бытовыми формами прошедшаго, сдѣлало съ своей стороны смѣ-лый шагъ впередъ. Къ 14 іюня оно окончило у себя провѣрку вы-боровъ, и въ тотъ же день начались въ его палатѣ разсужденія о томъ, подъ какимъ именемъ оно приступитъ къ своей дѣятельности. Назвать себя представителями третьяго сословія было вполне ле-гально, потому что такъ всегда дѣлалось въ старой Франціи, но по-ступить такимъ образомъ значило бы отдать интересы народа въ руки дворянства и духовенства; это значило бы подвергнуть всю Францію страшному разочарованію, и поднять такую бурю народнаго гнѣва, противъ которой не устояло бы ни собраніе государствен-ныхъ сословій, ни верховное правительство. Объ этомъ нечего было

и думать; большинство депутатовъ всѣми силами души ненавидѣло старый порядокъ, а тѣ немногія единицы, которыя чувствовали робкое желаніе щадить остатки прошедшаго, не имѣли въ собраніи никакого вѣса и боялись обнаруживать свои тайныя влеченія. Мирабо предложилъ, чтобы депутаты третьяго сословія назвали себя представителями народа въ національномъ собраніи; эта формула давала чувствовать, что депутаты третьяго сословія не составляютъ собою полнаго національнаго собранія, но во всякомъ случаѣ служатъ представителями самой многочисленной и самой важной части націи. Сійэсъ пошелъ дальше: онъ предложилъ, чтобы третье сословіе просто и прямо объявило себя національнымъ собраніемъ. 17-го числа это предложеніе было принято, и депутаты духовенства и дворянства, вслѣдствіе рѣшенія третьяго сословія, оказались просто отсутствующими членами національнаго собранія. Они могли отсутствовать, сколько имъ было угодно; никто не интересовался знать причины ихъ отсутствія, и никто не считалъ этого отсутствія препятствіемъ для начала работъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что Мирабо былъ неизмѣримо краснорѣчивѣе Сійэса, и что Французы всегда были способны подкупаться краснорѣчіемъ, то побѣда Сійэса должна показаться намъ фактомъ очень выразительнымъ. Сійэсъ побѣдилъ именно потому, что предложеніе его было смѣлѣе и крайнѣе всѣхъ остальныхъ. По этому предложенію третье сословіе не только утверждало свое преобладаніе надъ остальными сословіями, но оно рѣшительно поглощало ихъ въ себя, и, въ сознаніи своего полновластія, объявляло, что будетъ игнорировать всѣ тѣ элементы, которые осмѣлятся присвоивать себѣ отдѣльное существованіе. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что это первое собраніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ учредительнаго *) (*assemblée constituante*) было самымъ умѣреннымъ и консервативнымъ изъ всѣхъ революціонныхъ собраній; кромѣ того, оно было создано всего шесть недѣль тому назадъ; оно еще не знало, какъ велико его могущество и вліяніе на народъ, члены его были мало знакомы между собою; обаяніе королевской власти было еще сильно; Бастилія на-

*) Его часто называютъ по русски конституціоннымъ, но это названіе, во-первыхъ, ничего не въиражаетъ, потому что всякій парламентъ есть конституціонное собраніе, а во-вторыхъ, оно и невѣрно. Конституціонный по-французски *constitutionnel*, а *constituant*—тотъ, кто организуешь, учреждаетъ, создаетъ конституцію.

поминала еще о необходимости быть осторожнымъ, и не смотря на все это, предложеніе Сійэса было принято съ восторгомъ единственно потому, что оно соответствовало простымъ требованіямъ разума, и противорѣчило старой легальности. Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, то изъ одного этого факта, встречающагося намъ на самомъ порогѣ французской революціи, будемъ въ состояніи понять, какіе неистощимые запасы пламеннаго, безстрашнаго и безпощаднаго отрицанія накопились въ сознаніи и въ чувствѣ всего французскаго народа во время долгихъ вѣковъ безгласности и страданія. Народъ не оставался въ бездѣйствіи въ то время, когда сословія вели между собою переговоры; газеты, печатныя объявленія на стѣнахъ, рѣчи подъ открытымъ небомъ, на улицахъ и въ садахъ Пале-Рояля знакомили Парижанъ съ событіями дня и скрѣпляли связь ихъ съ представителями третьяго сословія; 9-го и 10-го іюня въ залу засѣданій являлись депутація отъ различныхъ торговыхъ, и благодарили третье сословіе за то, что оно поддерживаетъ «*Les intérêts du peuple*». А третье сословіе соображало, что, если безо всякой надобности являются десятки торговыхъ, то, въ случаѣ надобности, могутъ явиться тысячи работниковъ; конечно, такіа соображенія не оставались безъ вліянія на ходъ совѣщаній, и значительно ослабляли заслуженный авторитетъ Бастилии. Первый декретъ національнаго собранія, постановленный имъ въ тотъ самый день, когда оно приняло предложеніе Сійэса, показываетъ ясно, какое понятіе составляло собѣ третье сословіе о предѣлахъ своей власти. Собраніе объявило, что всѣ взимавшіяся до сихъ поръ подати-незаконны, потому что ихъ установило правительство безъ согласія націи; къ этому рѣшенію была прибавлена оговорка, что собраніе позволяетъ продолжать взиманіе прежнихъ податей только до тѣхъ поръ, пока представители націи будутъ заниматься пересмотромъ государственныхъ учреждений; если же собраніе, какимъ бы то ни было образомъ, будетъ распушено, то взиманіе податей должно прекратиться. Этотъ декретъ былъ разсланъ во всѣ провинціи, такъ что распушеніе собранія дѣйствіемъ королевской власти могло отнять у правительства всѣ денежныя средства, или, въ случаѣ собранія налоговъ вооруженною силою, могло повести за собою междоусобную войну и паденіе королевства. Чѣмъ наступательнѣе дѣйствовало національное собраніе, за которымъ правительство еще не признавало этого титула, тѣмъ громче и восторженнѣе апплодировали посторонніе зрители

и слушатели, наполнявшіе густыми толпами галлерей или трибуны въ залѣ засѣданій; а тѣмъ сильнѣе шумѣли галлерей, тѣмъ смѣлѣе чувствовало себя собраніе, и тѣмъ несбыточнѣе казались всякія начальныя размышленія о Бастиліи.

VIII.

Невозможно было ожидать, чтобы храброе французское дворянство отступило безъ борьбы передъ завоевательными тенденціями національнаго собранія; негодование дворянства было очень значительно и особенно очень шумно; министры съ своей стороны наводили, что депутаты третьяго сословія посягаютъ на достоинство короны, но когда зашла рѣчь о томъ, какъ поступать съ нарушителями должнаго порядка, тогда въ совѣтѣ министровъ обнаружился расколъ, и отщепенцемъ оказался тотъ самый Неккеръ, который при открытіи собранія, 5-го мая, для соблюденія интересовъ короны, отважно солгалъ передъ депутатами насчетъ цифры годоваго дефицита. Теперь онъ заговорилъ иначе. Какъ министръ финансовъ, удрученный безденежьемъ, какъ платоническій обожатель англійской конституціи, и особенно, какъ большой любитель дешевой популярности, онъ рѣшился превозмочь въ себѣ антипатію къ могуществу національнаго собранія, и подалъ королю совѣтъ освятить своимъ королевскимъ словомъ совершившійся фактъ, то есть, признать существованіе національнаго собранія, и приказавъ дворянству и духовенству соединиться съ депутатами третьяго сословія. Неккеръ былъ увѣренъ, что національное собраніе во всякомъ случаѣ дастъ правительству много денегъ, и устроитъ для французской націи очаровательную конституцію съ двумя палатами; имѣя въ виду такую привлекательную перспективу, можно было помириться съ тѣмъ, что на первый разъ будетъ работать только одна палата; и что, такимъ образомъ, не будетъ соблюдена та *pondération des pouvoirs* (уравновѣшеніе властей), которая до сихъ поръ составляетъ для доктринеровъ въсѣхъ націй задачу, подобную философскому камню и жизненному эликсиру. Крімъ того, Неккеръ разсудилъ, что если собраніе очень сильно, то съ нимъ дѣлать боить не слѣдуетъ спориться, и тѣмъ болѣе необходимо уступать ему съ пріятливою улыбкою такія вещи, которыя оно, по своей грубости, способно взять насильно. Но остальные собѣтники короны, официальные и неофициальные, въ это время по-

чувствовали особенно живо свое кровное родство со всеми умравшими привилегіями; уступка третьему сословію казалась имъ государственною измѣною, и король, въ которомъ всегда легко было возбудить сознание долга, убѣдился въ томъ, что онъ долженъ противодействовать распоряженіямъ поворожденнаго національнаго собранія. Начались приготовленія къ королевскому засѣданію, и 20 іюня, депутаты третьяго сословія, собравшіеся для своихъ обыкновенныхъ занятій, увидѣли, что зала ихъ заперта, потому что въ ней производились эти приготовленія. Они знали по слухамъ, что королевское засѣданіе будетъ направлено противъ ихъ послѣднихъ распоряженій, и рѣшились заранѣе обязать себя къ самому энергическому сопротивленію. Отъ запертыхъ дверей залы они длинною процессіе отправились по улицамъ Версаля къ пустому дому, служившему для игры въ мячъ (*jeu de raquette*) и тамъ дали клятву и подписку «не расходиться и не допускать распушенія собранія, а собираться тамъ, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока будетъ составлена и утверждена на прочномъ основаніи новая конституція государства». 22 числа, депутатовъ, по распоряженію графа Артуа, не пустили въ *jeu de raquette*; тогда они отправились засѣдать въ церковь Св. Людовика, и въ этотъ день къ нимъ присоединилось 148 представителей духовенства, такъ что духовныя лица, противившіеся соединенію, остались въ меньшинствѣ. 23 числа произошло королевское засѣданіе. Король обѣщалъ самыя либеральныя реформы; завѣдываніе финансами предоставлялось сословіямъ; обременительныя подати отиѣнялись; въ юстиціи и въ военномъ вѣдомствѣ предполагалось произвести преобразования; устраивались провинціальныя собранія, уничтожались произвольные аресты, и упразднялась цензура. Обсудить всѣ эти вопросы и привести ихъ къ окончательному разрѣшенію король предоставлялъ государственнымъ сословіямъ. Разсужденіямъ сословій должны были происходить въ трехъ отдѣльныхъ палатахъ. Рѣшительное слово королевской власти было такимъ образомъ произнесено; національному собранію приходилось существовать не только помимо королевской воли, но даже прямо наперекоръ этой волѣ. Дѣйствіе королевской рѣчи обнаружилось немедленно, какъ только Людовикъ XVI успѣлъ выдти изъ залы. Когда оберъ-церемоніймейстеръ, исполняя приказаніе короля, пригласилъ депутатовъ третьяго сословія разойтись, тогда Мирабо отвѣчалъ на это приглашеніе короткою, но очень непочтительною рѣчью, которая конча-

лась такъ: «идите, скажите вашему господину, что мы находимся здѣсь по волѣ народа, и что насъ можно сдвинуть отсюда только штыками». Эти слова нарушали и легальность, и этикетъ, и даже парламентскіе обычаи, потому что отъ лица собранія имѣлъ право отвѣчать только президентъ, а президентомъ былъ членъ трехъ академій Балби, которому конечно въ голову не пришло бы слезать важному придворному чиновнику грубость, цѣлкомъ сохранившуюся въ исторіи. Но на этомъ безчинствѣ дѣло не остановилось. Собраніе тотчасъ приняло свои мѣры для того, чтобы сдвиганіе штыками, рекомендованное графомъ Мирабо, сдѣлалось совершенно невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, особенно затруднительнымъ. Не выходя изъ залы, оно, по предложенію Барнава, постановило рѣшеніе, что «личность каждаго изъ депутатовъ неприкосновенна,» и что «всякое лицо, всякая корпорація, судъ, административное мѣсто или комиссія,» которые будутъ подвергать депутата аресту, слѣдствію или суду за предложенія, совѣты, мнѣнія или рѣчи въ собраніи государственныхъ сословій, «должны признаваться за людей безчестныхъ, измѣнниковъ націи и преступниковъ.» Это рѣшеніе осталось бы жертвою буквою, если бы королевская власть располагала такою преданною военною силою, какая находилась въ распоряженіи генераля Бонапарте въ день 18 брюмера; и это рѣшеніе было не нужно въ томъ случаѣ, когда собраніе было увѣрено въ поддержкѣ народа и даже въ сочувствіи солдатъ, которые, въ это время, по словамъ Камилля Демулена, всѣ сдѣлались философами. Но, какъ бы то ни было, это рѣшеніе, какъ громогласное выраженіе собственной храбрости, значительно возвысило энергію всего собранія. Объявивъ себя неприкосновеннымъ, оно въ самомъ дѣлѣ подумало, что ему всѣ повѣрятъ на слово, и что до него никто не посмѣетъ дотронуться. Ходъ событій разбѣгъ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ много подобныхъ иллюзій, но учредительное собраніе дѣйствительно не потерпѣло ни малѣйшей обиды, хотя защищалъ его, конечно, не декретъ о неприкосновенности депутатовъ. Защищало его преимущественно глубокое расстройство королевской арміи; каждый отдѣльный полкъ представлялъ миниатюрный портретъ феодальнаго общества; офицеры, назначавшіеся исключительно изъ дворянъ, играли роль привилегированныхъ классовъ, а солдаты изображали безправную массу народа; между офицерами и солдатами не было никакой связи, на долю первыхъ выпадали удо-

вольствія жизни и лавры военной славы; вторымъ доставались только труды службы, паяки отъ начальства, рапы отъ непріятелей, и подъ старость вынужденное нищество и бродяжничество. Надежды на повышение по службѣ у солдата не было; привязанности къ своему дѣлу у него не могло быть, и ненависть къ старому порядку, въдствие этихъ обстоятельствъ, была въ немъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильна, какъ и во всѣхъ другихъ непривилегированныхъ гражданахъ французскаго государства. Кромѣ того, народные ораторы говорили такъ трогательно и такимъ простымъ языкомъ, что солдатъ слушалъ и понималъ ихъ рѣчи, и пріучался смотрѣть на приближающійся переворотъ, какъ на единственное спасеніе отъ палокъ, отъ офицерскаго высокомерія и отъ безнадежно тяжелой службы. Чѣмъ ближе стоялъ полкъ къ Парижу, тѣмъ меньше могло на него положиться ближайшее начальство и королевское правительство. Въ этому можно прибавить, что даже многіе изъ офицеровъ, не смотря на свое аристократическое происхожденіе, были увлечены идеями своего времени, и считали вооруженное нападеніе на гражданъ совершенно позволительнымъ преступленіемъ. Соображая эти обстоятельства, читатель придетъ, вѣроятно, къ тому заключенію, что армія, составленная изъ подобныхъ элементовъ, была гораздо опаснѣе для короля и для его министровъ, чѣмъ для непослушныхъ членовъ національнаго собранія. Въ Парижѣ народъ былъ не спокоенъ; его тревожила участь депутатовъ, и каждый день распространялись самые преувеличенные слухи о намѣреніяхъ двора и аристократіи разогнать представителей третьяго сословія, и задушить всякую попытку преобразованій; считая архіепископа парижскаго однимъ изъ ожесточенныхъ враговъ національнаго собранія, народъ ворвался 25 іюня въ его домъ, и отрядъ французской гвардіи, призванный для усмиренія мятежа, отказался дѣйствовать противъ народа. По случаю дороговизны хлѣба, голодный народъ ежедневно производилъ беспорядки передъ булочными, и солдаты постоянно оставались нейтральными, не смотря на приказанія и угрозы своихъ начальниковъ. Аристократическая партія при дворѣ не отказывалась однако отъ надежды направить національное собраніе на путь добродѣтели и легальности; она убѣдила короля сдѣлать еще одну энергическую попытку. Рѣшено было: — призвать изъ провинцій нѣскольکو свѣжихъ полковъ, не успѣвшихъ еще превратиться въ философскія миномы; назначить главнокомандующимъ стараго маршала

Брошь, котораго подвиги во время семилѣтней войны должны были наполнить сердца солдатъ похвальными чувствами, несомнѣнными съ философіею; уволить отъ службы Неккера за его любовь къ популярности; составить министерство изъ элементовъ строго консервативныхъ; и, наконецъ, говорить тогда внушительнымъ образомъ съ версальскимъ собраніемъ и съ парижскими демагогами. Все это было приведено въ исполненіе, за исключеніемъ послѣдней статьи: говорить внушительнымъ образомъ не удалось ни въ Версали, ни въ Парижѣ, потому что, какъ только парижане узнали 12 іюля объ оставлѣннѣ Неккера и трехъ другихъ министровъ, такъ они тотчасъ сами начали разговоръ; въ тотъ же день тысячи ремесленниковъ разграбили нѣсколько оружейныхъ лавокъ и сожгли таможенные дома у городскихъ заставъ; войска почти вездѣ отказались сражаться противъ народа; начальники принуждены были выйти съ ними изъ города и поставить ихъ на марсовомъ полѣ для того, чтобы они, во крайней мѣрѣ, не перешли на сторону возмущившихся гражданъ— 13 іюля, весь Парижъ былъ во власти инсургентовъ, и, для обезпеченія частной собственности, въ этотъ же день была организована національная гвардія, въ которую, кромѣ горожанъ, поступили сотни солдатъ французской гвардіи, рѣшительно отложившихся отъ своихъ начальниковъ, и объявившихъ себя открыто друзьями народа и врагами стараго порядка. Ратушу заняли избиратели третьяго сословія, которые уже съ первыхъ чиселъ мая постоянно собирались для совѣщаній объ общественныхъ дѣлахъ. Они смѣнили городовыя власти, назначенныя королемъ, и сами составили городской совѣтъ и комитетъ безопасности, который тотчасъ дѣятельно занялся вооруженіемъ и организациею національной гвардіи. Между тѣмъ, движеніе въ городѣ продолжалось и усиливалось; 14 іюля народъ взялъ инвалидный домъ, нашель въ немъ 20 пушекъ и 28,000 ружей, и, усиливши этою находкою свое вооруженіе, пошелъ на Бастилію. Она была взята приступомъ, комендантъ и офицеры перебиты, а солдаты гарнизона спасены съ большимъ трудомъ отрядомъ французской гвардіи, дѣйствовавшей заодно съ инсургентами. 15-го, король явился въ національное собраніе, сказалъ, что войска отозваны изъ Парижа, объявлялъ тотчасъ пригласить Неккера въ министерство, и просилъ представителей націи успокоить волненіе въ столицѣ. 16-го, депутація отъ національнаго собранія отправилась въ Парижъ, была принята съ восторгомъ и передала гражданамъ имбронія короля; парижане такъ воодушевлялись,

что тотчасъ, безъ всякихъ формальностей, въ одинъ голосъ назначили президента національнаго собранія, Бальи — своимъ меромъ, а генерала Ла-Файетта — начальникомъ національной гвардіи. Въ ночь съ 16-го на 17-е число, цвѣтъ аристократической партіи, подъ предводительствомъ графа Артуа и принца Конде, отправилась за границу, подавая такимъ образомъ первый сигналъ къ открытію длиннаго ряда эмиграцій. 17-го Іюля, король причастился святыхъ таинъ; сдѣлалъ свое завѣщаніе, и поѣхалъ въ Парижъ, подъ покровительствомъ Бальи и другихъ популярныхъ депутатовъ. Поѣздка обошлась благополучно; между королемъ и парижанами состоялось полное примиреніе, но верховная власть оказалась для короля безвозвратно потерянною. Она перешла въ руки національнаго собранія, которое однако въ значительной степени должно было раздѣлить ее съ городонымъ управленіемъ Парижа и съ національною гвардію. Парижскія событія отозвались съ изумительною быстротою и съ неотразимою силою во всѣхъ концахъ французскаго королевства. Въ теченіи нѣсколькихъ дней исчезло съ лица земли все, что поддерживало старое государство. Во всѣхъ провинціяхъ безъ исключенія поднялись сословія, городовые магистраты, горожане, крестьяне, пролетаріи, всѣ, кто могъ найти себѣ въ революціи средство воротить старое право, завоевать новое, или освободиться отъ обременительной повинности, или просто вымѣстить зло на богатыхъ и знатныхъ баловняхъ разрушавшагося порядка вещей. Въ Бретани всѣ города назначили себѣ новые муниципалитеты, и изъ королевскихъ арсеналовъ взяли оружіе для національной гвардіи. Въ Канѣ народъ взялъ приступомъ цитадель и разорилъ домъ вѣдомства солянаго налога. Королевскіе интенданты не показывались нигдѣ; парламенты не подавали признака существованія; о низшихъ судилищахъ не было ни слуха, ни духа; все, что при старомъ порядкѣ имѣло оофициальный санъ и величественную походку, старалось теперь скрыться отъ глазъ толпы, и навсегда изгладить въ ея умѣ воспоминаніе о своемъ недавнемъ могуществѣ. Старый судъ, старая полиція, старое управленіе, все исчезло; во всѣхъ городахъ образовались, для огражденія личной и имущественной безопасности гражданъ, постоянные комитеты, которые, при помощи національной гвардіи, формировавшейся и вооружавшейся вездѣ чрезвычайно быстро, старались и часто успѣвали предупреждать грабежи, убійства и разныя другія быстрыя проявленія народной расправы. Национальная

гвардія вооружалась всякимъ оружіемъ, какое попадалось подъ руку; ружья, пики, кинжалы, сабли все шло въ дѣло; такъ какъ столкновение съ войскомъ было невозможно, потому что войско отказалось дѣйствовать противъ гражданъ, то національная гвардія своимъ солиднымъ видомъ должна была только укрощать излишнюю пылкость пламенныхъ патриотовъ, а для этой цѣли ея пестрое вооруженіе было совершенно достаточно. Конечно дѣятельность комитетовъ и національной гвардіи не могла оградить вполне безопасность гражданъ; гдѣ народу попадался сборщикъ податей, таможенный чиновникъ, нелюбимый судья или офицеръ съ аристократическими понятіями, тамъ происходило насиліе и убійство; во многихъ городахъ народъ повѣсилъ нѣсколькихъ купцовъ, въ полной увѣренности, что они производятъ искусственную дороговизну хлѣба. Все это было очень нелѣпо, несправедливо и безобразно; но-благоразумія, справедливости или вѣщества могъ ожидать или требовать отъ тогдашняго французскаго народа только тотъ, кто не имѣлъ понятія о средневѣковой исторіи Франціи, и о томъ внутреннемъ положеніи, въ какомъ застала ее революція 1789 года. Еслибы невѣжество, нищета и угнетеніе дѣйствовали на человѣка только въ ту минуту, когда онъ ихъ испытываетъ, тогда они приносили бы нашей породѣ только незначительную долю того зла, которое приносятъ на самомъ дѣлѣ. Въ томъ то и бѣда, что невѣжество, нищета и угнетеніе отравляютъ не только настоящее, но и далекое будущее. Они не только причиняютъ человѣку страданіе, но они этими страданіями уродуютъ его умъ и характеръ: когда утрачены обстоятельства, мѣшавшія развитію просвѣщенія, когда уничтожены учрежденія, стѣснявшія трудъ и разорявшія работника, когда человѣку даны человѣческія права, тогда сдѣлано великое и прекрасное дѣло; но все таки, было бы совершенно неблагоразумно ожидать, что тогда всѣ родители съ кроткою радостью пошлютъ дѣтей своихъ въ школы, что всѣ лежебоки тотчасъ примутся за работу, что всѣ пьяницы проникнутся отвращеніемъ къ кабаку и любовью къ отечеству и къ аккуратности, что, наконецъ, всѣ люди, не знавшіе до той минуты никакихъ правъ, въ одно мгновеніе поймутъ, что у нихъ есть свои права, и что, слѣдовательно, они должны уважать права своего сосѣда. Такихъ благодѣтельныхъ превращеній не производитъ никакая реформа, какъ бы она хорошо ни была задумана, и съ какою бы осторожною мудростью она ни вводилась въ жизнь. Превращеніе произойдетъ, если

реформа соответствует естественнымъ потребностямъ людей, но произойдетъ оно не скоро; плоды благодѣтельной реформы всегда лежатъ впереди, и тѣмъ дальше отодвигаются впередъ, чѣмъ важнѣе реформа и чѣмъ упорнѣе та борьба, которую ей приходится выдержать съ укоренившимся зломъ. Можно замѣтить здѣсь мимоходомъ, что наша извѣстная теорія постепенности основана на простомъ недоразумѣніи: введенная реформа приноситъ плоды постепенно—это правда, это говоритъ самая элементарная логика здраваго смысла; но наши публицисты и мыслители, не разобравши дѣла, увидѣли только, что слова *реформа* и *постепенно* стоятъ рядомъ; они и связали эти два слова по своему, и стали доказывать, что реформа должна вводиться въ жизнь постепенно, то есть не въ видѣ органическаго и осмысленнаго дѣла, а въ видѣ отдѣльныхъ кусочковъ, не имѣющихъ ровно никакого самостоятельнаго смысла. Зерно превращается въ растеніе не вдругъ, а постепенно; изъ этого общезвѣстнаго факта вывели то своеобразное заключеніе, что слѣдуетъ класть въ землю не все зерно, а сначала одинъ кусочекъ зерна, потомъ, при погребѣ, другой, потомъ третій до тѣхъ поръ, пока изъ кусочковъ не составитъ цѣлое зерно. Можетъ быть, при такой методѣ сѣянія, рекомендуемой нашими публицистами, выростетъ дѣйствительно богатая жатва. Не знаю. Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ компетентные спеціалисты.

IX.

Въ деревняхъ, гдѣ бѣдствія феодальнаго быта давали чувствовать себя всего сильнѣе, взятіе Бастиліи послужило знакомъ къ самому разрушительному взрыву народныхъ страстей. На сѣверѣ Франціи, тамъ, гдѣ крестьяне платили за землю деньгами, и жили въ довольствѣ, отрицаніе старины выразилось въ томъ, что тотчасъ прекратились всѣ обязательныя работы, всѣ платежи десятинъ и всякое отправленіе повинностей; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне отобрали въ свою пользу ту землю, которую помѣщикъ обрабатывалъ для себя, но вообще жизнь мѣстнаго дворянства осталась въ безопасности, замки уцѣлѣли; переворотъ совершился, такимъ образомъ, на сѣверѣ, довольно благообразно. Напротивъ того, въ центрѣ и на югѣ королевства, гдѣ народъ былъ разоренъ и голоденъ, разыгрались всѣ трагическія сцены, характеризующія собою крестьянскія войны.

Мужикъ тутъ еще не думалъ улучшать свой бытъ; ему хотѣлось прежде потѣшиться; у него пробудилась потребность мстить и разрушать. Въ Оверни и въ Дсѳинѣ крестьяне собрались сначала въ горахъ, и оттуда, вооруженные всякимъ дрекольемъ, толпами спустились въ долины; замки горѣли, монастыри разрушались, дворяне истреблялись съ утонченною жестокостію въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходила такая толпа. Въ Франшъ-Конте Везульская національная гвардія попробовала остановить дѣйствія мѣстныхъ поселянъ, но поселяне разбили гвардію, загнали ее въ городъ Везуль, и даже взяли приступомъ самый городъ. Въ провинціи Маконне собралась толпа крестьянъ въ 6000 человекъ; кто изъ мужиковъ не присоединялся къ этой толпѣ, у того сжигали дворъ; въ теченіи двухъ недѣль эти люди разграбили, разрушили и сожгли больше 70-ти дворянскихъ замковъ, и убили двѣсти тридцать крестьянъ, не одобравшихъ ихъ движеніе. Кончилось тѣмъ, что собралась національная гвардія изъ нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ, и разсѣяла эту толпу, разбивши ее въ настоящемъ сраженіи. Такіе же случаи, только, быть можетъ, не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, происходили съ половины іюля почти на всемъ пространствѣ французской территоріи; въ однихъ мѣстахъ лилась кровь, въ другихъ дѣло обходилось безъ кровопролитія, но вездѣ феодальный порядокъ исчезъ совершенно, а такъ какъ новаго порядка еще не было, то общество, по выраженію Зибеля, вездѣ разложилось на свои естественные элементы. Со времени взятія Бастиліи начинается во всей Франціи непосредственное господство народа. Національное собраніе издаетъ законы, но его дѣятельность имѣетъ значеніе только въ той степени, въ какой она выражаетъ собою народную волю; законы, не пользующіеся сочувствіемъ народа, остаются мертвою буквою; проводить въ національномъ собраніи идеи непопулярныя или консервативныя становится опаснымъ; пощада старины начинаетъ считаться измѣною передъ націею; всѣмъ ходомъ событій въ теченіи послѣдующихъ годовъ революціи управляютъ движенія народа, по отвѣтять на вопросъ: что такое народъ? становится довольно труднымъ. Если-бы въ половинѣ 1789 года мы могли спросить у каждаго взрослого француза отдѣльно — чего онъ хочетъ? и еслибы было возможно расположить общественныя дѣла сообразно съ тѣмъ отвѣтомъ, который дало бы на нашъ вопросъ большинство французскихъ гражданъ, то, навѣрное, получились бы результаты, совершенно непохожіе на

то, что произошло въ дѣйствительности. Навѣрное, большинство не захотѣло бы ни смерти короля, ни террора, ни республики, ни императорскихъ войнъ. Невѣрное также, большинство захотѣло бы быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ, т. е. не принужденнымъ дѣлать то, что ему не нравится. Но эти желанія всякому политику, обращающемуся къ народу посредствомъ *suffrage universel*, показались бы наивными до нелѣпости, и для большинства совершенно неосуществимыми, хотя каждый человѣкъ отдѣльно, лично для себя считаетъ подобныя желанія въ высшей степени скромными. Всѣ практическіе люди вообще, а политики, обращающіеся къ *suffrage universel* въ особенности, знаютъ твердо, что облагодѣтельствовать можно только избранное меньшинство, и притомъ не иначе, какъ на счетъ кроткаго большинства. Большинство также знаетъ это; оно не можетъ доказать неизбѣжность этого факта экономическими выкладками и историческими примѣрами; но оно привыкло къ тому, что всегда такъ бываетъ; привычка терпѣть лишенія не заглушила въ немъ потребностей, вложенныхъ природою въ каждый живой организмъ, но довела большинство до того, что оно плохо вѣритъ въ возможность когда нибудь удовлетворять этимъ потребностямъ вполнѣ. Бываютъ минуты, когда это привычное недовѣріе къ будущему уступаетъ мѣсто страстному взрыву надежды; но надежда не осуществляется, потому что для осуществленія ея необходимъ не минутный взрывъ, а необходима долговременная, напряженная и строго послѣдовательная дѣятельность. До сихъ поръ еще не было на свѣтѣ такого народа, въ которомъ большинство было бы способно къ сознательной коллективной дѣятельности. За минутою надежды всегда слѣдовало горькое разочарованіе, а потомъ прежнее апатическое недовѣріе. Но кромѣ кроткаго большинства, проникнутаго произвольнымъ скептицизмомъ, въ каждомъ народѣ существуетъ обыкновенно энергическое и безпокойное меньшинство, которое ни подъ какимъ видомъ не хочетъ, и даже, по складу своего ума, не можетъ помириться съ приговоромъ житейской мудрости, утверждающимъ, что «такъ всегда было, стало быть, такъ и быть должно». Почему должно? говорить это неугомонное меньшинство; со всѣмъ не должно! Пусть-ки! Что люди сдѣлали, то люди могутъ передѣлать! Когда большинство народа относится къ своему будущему съ холодною беззаботностью привычнаго отчаянія, тогда люди меньшинства не имѣютъ вліанія ни на массу своихъ соотечественниковъ, ни на общій ходъ

событій; тогда событія опредѣляются въ своемъ развитіи такими случайными и мелкими причинами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ потребностями и стремленіями, съ хорошими свойствами или съ дурными страстями миллионовъ. Въ это время люди меньшинства много говорятъ и пишутъ, но на нихъ обращаютъ вниманіе только для того, чтобы преслѣдовать ихъ насмѣшками, или въ этихъ людей вырабатываются въ такія времена неисправимые мечтатели, а въ низшихъ слояхъ общества люди такого типа легко превращаются въ энергическихъ преступниковъ, потому что неудовольствіе ихъ противъ несовершенствъ жизни выражается не въ видѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ конкретныхъ поступковъ. Когда въювая апатія большинства смѣняется минутнымъ пробужденіемъ лихорадочной энергіи и наступленной надежды, тогда люди меньшинства тотчасъ выдвигаются впередъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы; на нѣсколько недѣль или на нѣсколько дней они становятся оракулами и идолами толпы.

Х.

Въ ночномъ засѣданіи національнаго собранія съ 4 на 5 августа, дворянство, соединившееся съ духовенствомъ и съ третьимъ сословіемъ послѣ взятія Бастиліи, великодушно отказалось отъ своихъ феодальныхъ правъ, которыя въ то время опасно было предъявлять и которыми во всякомъ случаѣ не возможно было пользоваться. Декреты, изданныя національнымъ собраніемъ послѣ этого ночнаго засѣданія, отменили множество денежныхъ и натуральныхъ повинностей, которыя фактически уже не существовали; законодательная власть записала только на бумагѣ то, что было совершено на французской территоріи общимъ движеніемъ народа въ концѣ іюля. Отменивъ феодальныя права, собраніе стало разсматривать объявленіе о правахъ челоуѣка, представленное Ла-Файетомъ 11 іюля, и составившее введеніе къ новой конституціи. Идея о такомъ объявленіи была заимствована у Американцевъ. Собраніе долго обсуждало проэктъ Ла-Файета, разбирало каждый параграфъ отдѣльно, взвѣшивало каждое выраженіе, и, наконецъ, 27 августа, утвердило окончательную редакцію, въ которой основная мысль автора осталась неизмѣненною. Зибель, въ исторіи революціоннаго времени,

и Шлоссеръ въ исторіи XVIII столѣтія, говорятъ оба, что объявленіе о правахъ челоуѣка было со стороны собранія дѣломъ очень неблагоразумнымъ, и что дѣйствіе этого объявленія оказалось въ слѣдствіи въ высшей степени разрушительнымъ. Читатель, безъ сомнѣнія, расположенъ скорѣе согласиться съ приговоромъ двухъ замѣчательныхъ историковъ, чѣмъ съ моимъ личнымъ мнѣніемъ, не имѣющимъ за себя никакого авторитета. Несмотря на это расположеніе читателя, которое я съ своей стороны вполнѣ понимаю и одобряю, я отважусь въ этомъ случаѣ не согласиться ни съ Зибелемъ, ни съ Шлоссеромъ. Мнѣ кажется, что оба они придаютъ слишкомъ много значенія бумажнымъ декретамъ національнаго собранія. То настроеніе умовъ, которое побуждало общество требовать объявленія о правахъ, и которое заставило это общество съ восторгомъ принять произведеніе Ла-Файета и національнаго собранія, можетъ, конечно, быть названо разрушительнымъ. Но самое изданіе объявленія ничего не прибавило и не могло прибавить къ возбужденію умовъ. Оно не сказало рѣшительно ничего новаго тѣмъ французамъ, которые въ Парижѣ штурмовали Бастилію, а въ провинціяхъ разрушали феодалныя замки и средневѣковыя учрежденія. Было бы странно думать, что печатная фраза, какая бы она ни была задорная, можетъ развратить невинные умы тѣхъ людей, которые привыкли слушать на улицахъ такихъ ораторовъ, какъ Дантонъ и Камилль Демуленъ, и которые, кромѣ того, привыкли исполнять немедленно то, о чемъ рассуждали съ ними эти господа. Политическая теорія, проведенная въ объявленіи о правахъ, была давно уже приложена къ дѣлу, и національное собраніе въ этомъ случаѣ, какъ въ отмѣненіи феодалныхъ учреждений, изложило только на бумагѣ то, что каждый уличный мальчишка въ Парижѣ зналъ изъ практической жизни. Объявленіе о правахъ было слѣдствіемъ и симптомомъ народнаго настроенія; пока продолжалось это народное настроеніе, сначала во всей массѣ населенія, а потомъ въ энергическомъ меньшинствѣ, до тѣхъ поръ принципы Ла-Файетовской деклараціи воплощались въ ежедневныхъ явленіяхъ жизни; когда горячій пароксизмъ прошелъ, тогда декларація со всіми ядовитыми сѣменами, которыя усматриваютъ въ ней Зибель и Шлоссеръ, оказалась такимъ же старымъ доскуткомъ бумаги, какъ большая часть изъ 2500 законовъ, изданныхъ учредительнымъ собраніемъ, и какъ множество французскихъ конституцій, возникшихъ и погибавшихъ одна за другою. Декларация правъ была

выдана въ 1789 году, а, спустя пятнадцать лѣтъ, благополучно царствовать уже императоръ Наполеонъ I, который всякія деклараціи называлъ идеологіею, и который дѣйствительно имѣлъ полное основаніе презирать идеологію, потому, что она не жѣлала французамъ жертвовать за ея фантазіи состояніемъ и жизнью. Гдѣ же, послѣ этого, разрушительное дѣйствіе этой деклараціи? Наконецъ, стоитъ только сличить декларацію правъ съ любымъ номеромъ газетъ, читавшихся въ то время въ Парижѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что декларація, даже какъ кусокъ печатной бумаги, по содержанію и по формѣ выраженія, гораздо скромнѣе и невиннѣе тѣхъ произведеній, которыя составляли ежедневную умственную пищу французской публики. Но каждый разсудительный человѣкъ понимаетъ, что и газеты того времени только удовлетворяли существующимъ потребностямъ, а не создавали ихъ своимъ появленіемъ. Бриссо, Карра, Горса, Лустало, Демуленъ, Фреронъ, Мара были очень яркими значками своей эпохи, но не они создали эпоху, а напротивъ того, эпоха произвела на свѣтъ ихъ литературное и политическое направленіе. Въ общемъ результатѣ можно сказать, что объявленіе о правахъ человѣка было такимъ же вывѣсною революціи, какъ и знаменитая трехцвѣтная кокарда, которою Франція обязана тому же генералу Ла-Файету. Французы по складу своего ума и по особенностямъ своего національнаго характера чрезвычайно любятъ всякіе «вещественные знаки», и потому они ухватились обѣими руками и за декларацію, и за кокарду, и придали тому и другому какое-то мистическое значеніе; старые наполеоновскіе солдаты, какъ извѣстно, плакали и ругались, когда имъ приходилось снимать съ киверовъ трехцвѣтную кокарду и прикрѣплять бѣлую; они продолжали дорожить вывѣскою, когда идея давно уже улетучилась. Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности увѣрять читателя въ томъ, что ни пестрота кокарды, ни изящные періоды деклараціи не имѣли никакого вліянія на развитіе революціи. Агитаторы могли порою ссылаться на тотъ или другой параграфъ деклараціи, но если бы декларація вовсе не существовала, тогда бы эти агитаторы стали бы только подробно развѣивать въ своихъ рѣчахъ или статьяхъ тѣ принципы, на которые они, при существованіи деклараціи, могли просто указывать. Да и, наконецъ, надо помнить, что эти принципы были уже тогда общимъ умственнымъ достояніемъ нации. Декларация повторила еще разъ то, что уже было всѣмъ извѣстно и затвержено наизусть. Народъ желалъ только, чтобы со-

бране произнесло ту мысль, которая нравится ему, народу, точно так же, какъ онъ желалъ потомъ, чтобы собраніе принимало участіе въ той или другой патріотической процессіи. Это пристрастіе къ знаменательнымъ штучкамъ составляетъ очень любопытную черту французскаго національнаго характера, и историкъ, безъ сомнѣнія, долженъ ее отиѣтить и принять въ соображеніе. Но это пристрастіе дѣйствуетъ, разумѣется, только на декоративную сторону событій, а не на общее ихъ направленіе, которое всегда зависитъ отъ общихъ и великихъ причинъ.—Окончивъ обсужденіе деклараціи, національное собраніе стало разсматривать основныя положенія будущей конституціи. На очереди стояли слѣдующіе вопросы: будетъ ли законодательная власть принадлежать одной палатѣ, или нѣсколькимъ? будутъ ли промежутки между засѣданіями законодательнаго корпуса? будетъ ли король имѣть участіе въ законодательной власти? зависитъ ли отъ короля утвердить или отвергнуть статьи той конституціи, которая вырабатывается теперешнимъ національнымъ собраніемъ? Всѣ эти вопросы, послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и упорныхъ преній, были рѣшены въ такомъ смыслѣ, что надежды Неккера пересадить на французскую землю англійскую конституцію оказались совершенно несбыточными мечтами. Законодательная власть была предоставлена одному собранію выборныхъ депутатовъ. Промежутковъ между его засѣданіями не допускалось. Король долженъ былъ безусловно принять составленную конституцію. Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти послѣдующихъ собраній былъ рѣшенъ посредствомъ компромисса между требованіями лѣвой стороны и желаніями монархистовъ. Положили, что король можетъ отсрочивать предлагаемый законъ, но что онъ обязанъ утвердить его, если два слѣдующія собранія также признаютъ отсроченный законъ необходимымъ. Пока національное собраніе разсуждало въ Версали о высшихъ вопросахъ философской политики и государственнаго права, простой народъ въ Парижѣ былъ одержимъ двумя такими заботами, которыхъ, конечно, не могла устранить въ данную минуту никакая конституціонная система. Во-первыхъ, народу мерещились вездѣ заговоры аристократовъ; во-вторыхъ, хлѣбъ былъ дорогъ, и народъ былъ увѣренъ, что дороговизну производятъ купцы, которыхъ слѣдуетъ перевѣшать. Каждый день разыгрывались на эти двѣ неистощимыя темы самыя разнообразныя трагикомедіи; общія основы этихъ эпизодовъ тогдашней уличной жизни проникнуты глубокимъ трагиз-

ночь: гнетущая бѣдность народа и непобѣдимое недоверіе его ко всему, что держитъ въ рукахъ общественную власть, лежать въ основаніи ежедневныхъ парижскихъ событій; развязка этихъ событій была обыкновенно ужасна, но тотъ отдѣльный поводъ, который въ одну минуту поднималъ цѣлую бурю, та народная логика, которая обнаруживалась въ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ толпы, были обыкновенно нелѣпы до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго. Не было того слуха, не было той басни, которые не подхватывались бы массою, и не облетали бы въ одну минуту цѣлые кварталы, если только этотъ слухъ и эта басня попадали въ тонъ господствующему настроенію, то есть, если они говорили о коварствѣ двора и корыстолюбіи барышниковъ, или объ ошибкахъ городского управленія. Городское управленіе съ половины іюля находилось въ рукахъ избирателей, то есть иущихъ гражданъ столицы; они назначили посредствомъ выборовъ большой контролирующей совѣтъ изъ трехъ сотъ членовъ; а этотъ совѣтъ выбралъ изъ среды себя городской совѣтъ въ шестьдесятъ членовъ, который, подъ предсѣдательствомъ выборнаго мера, сталъ заниматься текущими дѣлами управленія. Меромъ былъ сдѣлакъ, какъ я уже говорилъ, президентъ національнаго собранія Бальи, человѣкъ пользовавшійся популярностью и уваженіемъ. Избиратели и члены городского управленія дѣйствовали заодно съ народомъ при штурмѣ Бастиліи, и вообще при борьбѣ съ старымъ правительствомъ; но когда третье сословіе одержало рѣшительную побѣду въ собраніи, въ столицѣ и во всемъ государствѣ, когда предводители вооруженной уличной оппозиціи, въ свою очередь, сдѣлались начальствомъ, тогда между новымъ начальствомъ и народомъ тотчасъ начались неудовольствія. Начальство, какъ начальство, старалось водворить порядокъ, но, такъ какъ порядокъ, при разгоряченномъ состояніи умовъ, при застоѣ всѣхъ работъ, и при всеобщей нищетѣ, былъ рѣшительно невозможенъ, то популярность новаго начальства утратилась въ первые же дни его господства, среди безплодныхъ попытокъ укротить народную тревогу. Пролетарій увидѣлъ съ наивнымъ изумленіемъ и съ комическимъ, или вѣрнѣе, опять таки трагикомическимъ гнѣвомъ, что побѣда третьяго сословія къ нему (пролетарію) совсѣмъ не относится, и что всякія политическія права существуютъ и имѣютъ значеніе только для людей состоятельныхъ, то есть для тѣхъ людей, которымъ при всякомъ порядкѣ вещей живется не совсѣмъ плохо. Пролетарій, несмотря на свою неразвитость,

или, какъ говорятъ другіе писатели, по причинѣ своей неразвитости, смекнуть въ одну минуту, что кромѣ родовой аристократіи есть еще аристократія денежная, и что этой послѣдней аристократіи онъ, пролетарій, доставилъ надъ первой полную побѣду, отъ которой ему, пролетарію, не досталось ничего, кромѣ горячихъ подзатыльниковъ. Избиратели третьяго сословія, одержавшіе побѣду и овладѣвшіе городской властью, находили, что это превосходно, и Балъи говорилъ: «превосходно», и Лафайеть съ національною гвардіею говорилъ — «превосходно», но пролетарій, опять таки по своей неразвитости, совсѣмъ не могъ взять въ толкъ, что тутъ превосходнаго? Но такъ какъ начальству толковать съ пролетаріемъ было нѣкогда, и такъ какъ, кромѣ того, не было надежды, чтобы они до чего нибудь могли дотолковаться, то городскія власти и національная гвардія, состоявшая изъ имущихъ горожанъ въ Августѣ и въ Сентябрьѣ стали дѣйствовать противъ демократической прессы и противъ уличныхъ ораторовъ, которымъ они весьма горячо сочувствовали въ Іюнѣ и въ Іюлѣ, то есть тогда, когда они еще не были городскими властями и національными гвардейцами. Начальственные распоряженія городскихъ властей повели только къ тому результату, что простой народъ, проклинавшій до того времени аристократовъ и барышниковъ, сталъ проклинать еще и буржуазію, и сталъ ненавидѣть послѣднюю тѣмъ сильнѣе, что до того времени онъ считалъ ее своею естественною союзницею и будущею спасительницею. Однимъ предметомъ ненависти у пролетарія стало больше, и это обстоятельство не содѣйствовало ни къ просвѣщенію его ума, ни къ смягченію его характера. Положеніе буржуазіи вообще, и городскихъ властей въ особенности, было затруднительно и тяжело до послѣдней степени. Буржуазія могла ежеминутно ожидать, что народъ обратится противъ собственности же съ тою разрушительною энергіею, съ какою буржуазія обратилась противъ аристократическихъ привилегій породы. Городскимъ властямъ приходилось еще круче: имъ надо было во что бы то не стало, добывать для Парижа достаточное количество продовольствія; годъ былъ неурожайный; провинціи и города удерживали свои запасы хлѣба для самихъ себя; надо было покупать большія партіи хлѣба за границею, по дорогой цѣнѣ, потомъ давать бѣднякамъ деньги, чтобы имъ было на что купить себѣ хлѣба. Послѣдняя часть программы была необходима, потому что при началѣ волненій большая часть ремесленныхъ заведеній Парижа закрылась; капиталы

копятались; роскошь сдѣлалась опасною, а такъ какъ промышленность Парижа была основана преимущественно на удовлетвореніи требованіямъ аристократической роскоши, то огромное число работниковъ остались на улицѣ, безъ хлѣба и безъ занятій. Городскія власти придумали открыть общественныя мастерскія; тысячи пролетаріевъ стали стелаться въ нихъ въ тотъ день, когда раздавалась недѣльная плата, и только сотни приходили работать. Слухи о легкихъ заработкахъ разнеслись по окрестностямъ и Парижъ сталъ наполняться тысячами прошлаго населенія, такъ что чѣмъ больше городскія власти старались объ устраненіи голода, тѣмъ труднѣе становилась ихъ задача. Средства городской казны были совершенно недостаточны для того, чтобы кормить все бѣдное населеніе Парижа; но Бальи объявилъ Неккеру, что если въ Парижѣ хлѣбъ поднимется въ цѣнѣ, то изъ этого получится новая революція; стало быть, пусть Неккеръ беретъ денегъ, откуда хочетъ, и пусть прокармливаются этими деньгами Парижъ. Дѣлать было нечего, Неккеръ доставалъ денегъ, и одинъ милліонъ за другимъ исчезалъ въ парижскихъ желудкахъ. Новой революціи не произошло, но спокойствіе не становилось; пролетаріи хотѣли, чтобы имъ было хорошо, а имъ всетаки было дурно, хотя городъ и государство раззорялись на покупку хлѣба для ихъ продовольствія; надежда на лучшее была пробуждена и нужно было много передрагъ для того, чтобы надежда эта опять заглохла, и всетаки она можетъ заглохнуть только на время, и періодическія пробужденія ея всегда будутъ сопровождаться страшными потрясеніями, до тѣхъ поръ, пока люди не захотятъ и не счуютъ осуществить ее тѣмъ или другимъ способомъ. Въ началѣ октября, народъ вдругъ вообразилъ себѣ, что дороговизна прекратится, и что всѣ его дѣла пойдутъ превосходно, если онъ убѣдитъ или заставитъ короля и національное собраніе переѣхать изъ Версаля въ Парижъ; какими соображеніями руководствовался тутъ самъ народъ, этого отгадать невозможно, потому что у него была своя собственная логика; но тѣ люди, которые натакнули народъ на эту идею, имѣли свои причины желать присутствія короля въ Парижѣ. Городское управленіе съ наслажденіемъ думало о королевскихъ суммахъ (*liste civile*), которыя король, послѣ пріѣзда въ Парижъ поневолѣ долженъ будетъ отдавать на продовольствіе города, для поддержанія спокойствія. Ла-Файетъ понималъ, что начальникъ парижской національной гвардіи, будетъ господствовать надъ коро-

лемъ и надъ собраніемъ. Герцогъ Орлеанскій, котораго кліенты интриговали во всѣхъ слояхъ парижскаго населенія, хотѣлъ, посредствомъ популярности добыть себѣ регенство, а со временемъ, можетъ быть, и корону; ему не хотѣлось, чтобы король пріѣхалъ въ Парижъ, но онъ желалъ, чтобы народъ, отправившись за королею въ Версаль, заставилъ его бѣжать оттуда, куда нѣбудь подальше; его бы не огорчило также то обстоятельство, если бы король и дофинъ погибли въ мятежѣ. Словомъ, съ разныхъ сторонъ и по разнымъ причинамъ обнаруживалось въ различныхъ коноводахъ желаніе натравить народъ на Версаль, а народъ, по своему обыкновенію, разыгралъ роль увѣсистаго орудія. 5-го октября совершилось нашествіе народа на королевскую резиденцію, а 6-го, короля и его семейство привезли въ Парижъ. Я говорю, что его привезли, потому что тутъ о свободномъ актѣ воли его не могло быть и рѣчи. Съ минуты своего отъѣзда изъ Версали, до самой своей смерти, Людовикъ XVI постоянно находился въ плѣну, и въ опасности. 19 октября, національное собраніе также переѣхало въ Парижъ.

XI.

Ни побѣда третьяго сословія въ національномъ собраніи, ни волненія пролетаріевъ въ Парижѣ, ни возстанія крестьянъ во всѣхъ провинціяхъ государства не могли содѣйствовать поправленію финансовъ. Бѣдность французскаго народа и, вслѣдствіе этого, бѣдность государства, прямымъ или косвеннымъ образомъ, составляетъ основу всѣхъ трагическихъ событій французской революціи. Непосредственная нужда въ денежныхъ средствахъ, нужда, не терпящая отлагательства, постоянно вовлекала всѣ различные министерства и законодательныя собранія революціонной эпохи въ такія финансовыя и политическія мѣры, которыя немедленно вели за собою безчисленныя затрудненія и complicacіи. Уничтоженіе феодалныхъ повинностей и эмансипація всѣхъ различныхъ отраслей труда непременно должны были со временемъ удвоить и утроить массу народнаго богатства, но послѣдствія этихъ преобразованій могли обозначиться не раньше, какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, а между тѣмъ пролетарію хотѣлось ѣсть сегодня, а правительству необходимы были деньги на текущіе расходы; надо было дѣйствовать такъ или иначе,

чтобы выпутываться изъ ежедневныхъ затрудненій. 10 октября, епископъ отенскій, знаменитый Талейранъ, предложилъ въ національномъ собраніи воспользоваться церковными имуществами для потребностей государства. 12 октября, Мирабо предложилъ объявить церковныя имущества собственностью націи. 2 ноября, національное собраніе приняло предложеніе Мирабо. Отбирая въ свою пользу имѣнія духовенства, государство, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало на себя обязанность оплачивать расходы богослуженія и выдавать жалованье священникамъ. Вся эта операція казалась чрезвычайно выгодною по слѣдующему расчету: имѣнія духовенства приносили ему до 70 милліоновъ годоваго дохода, а доходъ съ поземельной собственности въ то время равнялся обыкновенно во Франціи одной тридцать-третьей части продажной цѣны; слѣдовательно, помножая 70 на 33, мы получаемъ цѣну 2,310, и такимъ образомъ оказывается, что продажою церковныхъ имущества можно выручить сумму въ 2,310 милліоновъ. Эту сумму слѣдуетъ употребить на выкупъ шестипроцентныхъ и семипроцентныхъ государственныхъ бумагъ; когда этотъ выкупъ будетъ произведенъ, тогда государство освободится отъ 150 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; если изъ этихъ, остающихся въ эконоіи, 150 милліоновъ, государство будетъ употреблять на содержаніе церкви даже 100 милліоновъ, то все-таки государство будетъ имѣть каждый годъ 50 милліоновъ чистаго барыша. Цифры были заманчивы, но расчетъ былъ невѣренъ въ самомъ основаніи. Во-первыхъ, въ общую сумму доходовъ, равнявшуюся 70 милліонамъ, входили доходы съ имѣній мальтійскаго ордена, и съ имущества, принадлежавшихъ школамъ и госпиталямъ; за исключеніемъ этихъ имѣній и имущества, которыя, по мнѣнію всего собранія, должны были оставаться неприкосновенными, церковныя имущества давали не 70, и 50 милліоновъ дохода. Во-вторыхъ, не всѣ церковныя имущества состояли въ поземельныхъ владѣніяхъ; у духовенства было много городскихъ домовъ, государственныхъ бумагъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ; всѣ эти предметы не могли принести при продажѣ сумму, равняющуюся тридцати тремъ годовымъ доходамъ. Кромя того продажа огромныхъ поземельныхъ владѣній неизбежно должна была понизить цѣну на земли, потому что предложеніе непременно оказалось бы сильнѣе запроса. Стало быть, даже для земель духовенства нельзя было рассчитывать на ту продажную цѣну, которая въ то время давалась во Франціи при нормальныхъ условіяхъ продажи. На

основаніи этихъ соображеній, надо было вмѣсто цифры 33 поставить цифру 25, а такъ какъ и другой множитель 70 понизился до 50, то и произведеніе выйдетъ не 2,310, а всего только 1,250. Получивши такимъ образомъ отъ продажи церковныхъ имуществъ 1,250 милліоновъ, можно было освободить государство только отъ 80 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ; стало быть, чтобы получить отъ всей этой колоссальной операціи барышъ, надо было устроить такъ, чтобы содержаніе церкви стоило въ годъ меньше 80 милліоновъ. Но устроить это, не измѣняя внутреннихъ учрежденій церковнаго управленія, было невозможно. Крайняя лѣвая сторона собранія и радикалы въ обществѣ и въ народѣ, радовались этой необходимости внести волю націи въ церковныя учрежденія. Но легко можно было предвидѣть, что столкновеніе законодательной власти съ древними статутами католической церкви приведетъ въ волненіе всѣхъ клерикальные инстинкты страны. Инстинкты эти не были достаточно сильны для того, чтобы одержать перевѣсъ надъ революціоннымъ движеніемъ, но, при крайней необразованности сельскаго населенія, они легко могли выразиться въ противуреволюціонныхъ восстаніяхъ, могли положить основаніе междоусобной войнѣ и послужить современемъ исходною точкою для будущей католической реакціи. Надъ подобною перспективою государственные люди учредительнаго собранія могли бы задуматься, если бы вообще они имѣли возможность сдѣлать свободный выборъ; но именно свободнаго-то выбора у нихъ и не было; оставить государство безъ денегъ было невозможно; стало быть, надо было продавать церковныя имущества и утѣшать себя тѣмъ, что утро вечера мудренѣе, и что, когда представится затрудненіе, тогда можно будетъ придумать какую нибудь спасительную мѣру. Поддерживая 12 октября свое предложеніе о церковныхъ имуществѣхъ, Мирабо дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ особенныхъ расчетовъ, которыми онъ до поры до времени не считалъ нужнымъ дѣлаться съ остальными членами учредительнаго собранія. Онъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ дворомъ, получалъ отъ него деньги, старался усилить правительство и имѣлъ въ виду стать во главѣ министерства, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлаться его руководителемъ. Много и часто было говорено о томъ, что Мирабо продалъ свои убѣжденія, и измѣнилъ народному дѣлу; если негодующіе противъ него историки имѣютъ въ виду его личный характеръ, то я, конечно, не стану его оправдывать, и даже не возъ-

му на себя труда объяснять его поступки, потому что мнѣ въ этой статьѣ до отдѣльныхъ личностей нѣтъ никакого дѣла. Принимая деньги отъ двора, Мирабо поступалъ, во всякомъ случаѣ, какъ вачюиникъ, причемъ, конечно, величина взятки соотвѣтствовала силѣ его ораторскаго таланта и могуществу его популярности. Но о продажѣ убѣжденій и объ измѣнѣ народному дѣлу здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Мирабо съ начала до конца своей дѣятельности оставался вѣренъ себѣ; онъ никогда поворачивалъ назадъ, а онъ просто, дойдя до извѣстной точки, сказалъ, что дальше идти не слѣдуетъ; сказалъ не потому, что былъ подкупленъ, а потому что всегда считалъ эту извѣстную точку тѣмъ предѣломъ, на которомъ должно остановиться. Этотъ фактъ важенъ и любопытенъ для насъ потому, что Мирабо является самымъ даровитымъ представителемъ и самымъ крупнымъ воплощеніемъ тѣхъ идей и стремленій, которые, выдвинувшись впередъ въ самомъ началѣ революціи, скоро должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе яркимъ и рѣзко обозначеннымъ направленіямъ. Политическая программа Мирабо осталась невыполненною не потому, что его личность перестала пользоваться довѣріемъ честныхъ гражданъ, а потому что требованія партій и массъ, еще неутомленныхъ революціонною борьбою, были въ то время безпредѣльно широки; ихъ не могла ни примирить, ни удовлетворить никакая отдѣльная система. Въ перепискѣ своей съ графомъ Дамаркомъ, довѣреннымъ лицомъ королевы, Мирабо развиваетъ свои политическія убѣжденія, стараясь доказать королю и его приближеннымъ, что, только дѣйствуя сообразно съ этими убѣжденіями, можно спасти государство отъ окончательной катастрофы. Въ этихъ письмахъ, посредствомъ которыхъ Мирабо велъ свои переговоры съ дворомъ, очевидно должно было бы выразиться съ полною рельефностью отступничество Мирабо отъ интересовъ народа, если бы только это отступничество вообще когда-нибудь существовало. Но Мирабо разсуждаетъ здѣсь о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ разсуждалъ о нихъ всегда и вездѣ. Онъ конституціонную монархію считаетъ лучшею изъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ системъ, причемъ онъ однако придаетъ особенную важность не внѣшнимъ формамъ управленія, а тѣмъ основнымъ началомъ, которыхъ держится правительство въ своихъ отношеніяхъ къ народной жизни; онъ хочетъ, чтобы не было частныхъ привилегій и монополій, чтобы трудъ оставался свободнымъ отъ помѣщичьяго и цеховаго гнета, чтобы капиталъ былъ освобожденъ

отъ монополіи столичной биржи, чтобы судопроизводство не находилось въ зависимости отъ землевладѣльцевъ и отъ парламентскихъ семей, чтобы государственные финансы не разстраивались придворными притохами, чтобы національное единство не ослаблялось внутренними таможами и провинціальными привилегіями. Словомъ, отъ хотеть, чтобы правительство было сильно и популярно, то есть, чтобы оно пользовалось своею силою только для народнаго блага; для этого онъ находить необходимымъ, чтобы король былъ независимъ отъ фантазій парижскаго пролетаріата, но чтобы онъ дѣйствовалъ постоянно и добросовѣстно, заодно съ національнымъ собраніемъ, и чтобы онъ былъ связанъ съ этимъ собраніемъ самымъ неразрывнымъ союзомъ. Фактическую возможность такого союза Мирабо видитъ въ томъ, что совѣтниками короны должны быть постоянно самые вліятельные предводители парламентаго большинства. Такъ какъ Мирабо никогда не стремился къ республикѣ, и такъ какъ онъ всегда пользовался волненіями пролетаріата только какъ орудіемъ противъ феодальной оппозиціи, то въ письмахъ своихъ къ графу Ламарку онъ остается совершенно вѣренъ политическимъ идеямъ всей жизни. Чтобы привести эти идеи къ осуществленію, ему, дѣйствительно, необходимо было быть министромъ. Задача, которую онъ себѣ ставилъ, въ то время была не исполнима даже для него, но уже всякому другому человѣку за нее нечего было и браться. Чтобы заранѣе избавить свое будущее министерство отъ гнетущаго безденежья, Мирабо пустилъ въ ходъ предложеніе о церковныхъ имуществахъ. Какъ только предложеніе это было принято, такъ Мирабо тотчасъ двинулъ впередъ рядъ новыхъ проэктвъ. Онъ предложилъ обезпечить спокойствіе Парижа закупкою большихъ запасовъ хлѣба, поручить завѣдываніе государственнымъ долгомъ особому вѣдомству, независимому отъ министерства финансовъ, дозволить этому вѣдомству пустить въ обращеніе кредитные билеты, обезпеченные церковными имуществами, и, наконецъ, предоставить министрамъ короля совѣщательный голосъ въ національномъ собраніи. Последнее предложеніе, которое Мирабо дѣлалъ уже одинъ разъ въ концѣ Сентября, прямо влянулось къ министерской кандидатурѣ самаго оратора. Но въ собраніи господствовало такое настроеніе отдѣльныхъ партій, при которомъ составленіе сильнаго министерства было совершенно невозможно. Можетъ быть, такое министерство было бы чрезвычайно благотѣльно для Франціи, если бы оно составилось и начало дѣйствовать, но вся бѣда заклю-

челась въ томъ, что оно не могло, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, ни составиться, ни удержаться. Оппозиція противъ правительства была безконечно сильна и въ національномъ собраніи, и на улицахъ, и въ провинціяхъ; въ оппозиціи собранія соединялись самыя разнородныя элементы, которые только въ оппозиціи и могли соединиться между собою, потому что всё были недовольны настоящимъ, и, между тѣмъ, всё хотѣли совершенно различныхъ вещей въ будущемъ. Республиканцы крайней лѣвой стороны и аристократы крайней правой стороны сходились между собою на томъ пунктѣ, что Мирабо не долженъ быть министромъ; и тѣ и другіе хотѣли, чтобы правительство было слабо, потому что и тѣ и другіе хотѣли произвести переворотъ въ свою пользу, а между тѣмъ въ то время еще ни тѣ, ни другіе не были въ силахъ образовать правительство изъ самихъ себя. Что же касается до умѣренныхъ членовъ собранія, то между ними господствовало личное вліяніе Неккера и Лафайета, которые видѣли въ Мирабо опаснаго соперника, способнаго отнять у нихъ могущество, и затмить ихъ популярность. Изъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ партій и кружковъ составлялось въ общей сложности огромное большинство, и собраніе отвѣчало на предложеніе Мирабо такимъ объявленіемъ, которое попало не въ бровь, а въ глазъ; оно объявило 7 ноября, что ни одинъ депутатъ не можетъ быть членомъ министерства. Весь политическій планъ Мирабо разрушился окончательно; остались только предложенія его насчетъ церковныхъ имуществъ и насчетъ покупки хлѣба для Парижа; и то, и другое было необходимо во всякомъ случаѣ, и не зависѣло ни отъ какихъ политическихъ комбинацій. Въ теченіи всей зимы, съ 1789 по 1790 годъ, различные комитеты учредительнаго собранія изучали во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о продажѣ церковныхъ имуществъ. 19 Декабря, собраніе рѣшило, что слѣдуетъ, на первый разъ, продать изъ нихъ на сумму 400 милліоновъ. 6 февраля, выслушавъ докладъ своего комитета, собраніе рѣшило, что, прежде всего, должно упразднить монастыри и продать ихъ земли. По этому случаю было произнесено насчетъ монашества много непочтительныхъ рѣчей, въ которыхъ присутствовавшіе аббаты и епископы съ ужасомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ усмотрѣли духъ Дидро и Вольтера. Епископъ навсійскій заблагодаривъ даже спросить, продолжаетъ ли католическое вѣроисповѣданіе считаться государственною религіею Франціи. Собраніе оставило этотъ язвительный вопросъ безъ отвѣта и насто-

яло на упраздненіи монастырей. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы всѣ епископы и аббаты, сидѣвшіе въ собраніи, были подвержены приливанью ужаса и сердечнаго сокрушенія. Въ числѣ епископовъ былъ Талейранъ, котораго ничто не сокрушало и не ужасало, и которому принадлежала даже инициатива въ дѣлѣ церковныхъ имуществъ; а въ числѣ аббатовъ сидѣли Сийесъ, сдѣлавшій первый рѣшительный шагъ въ борьбѣ третьяго сословія съ привилегированными классами, и Грегуаръ, не уступавшій въ радикализмѣ своему другу, Робеспьеру. Тягловый духъ времени пропикалъ такимъ образомъ даже въ ряды того сословія, которое было связано съ средневѣковыми прошедшими всѣми своими воспоминаніями и всѣми интересами своего могущества. Стонали католическіе пастыри, сохранившіе чистоту сердца, содрогались величія тѣни Григорія VII, Иннокентія III, и Игнатія Лойолы, а монастырскія помѣстья все-таки пошли въ продажу, и пошли тѣмъ скорѣе, что въ дѣло вмѣшался парижскій городской совѣтъ, которому забота о насущномъ хлѣбѣ, по очень понятнымъ причинамъ, не оставляла ни минуты покоя. Балли постоянно убѣждалъ Неккера однимъ и тѣмъ же разсужденіемъ, которое отъ повторенія не становилось избыточнымъ, и не теряло своей силы. — Если, говорилъ онъ, пролетаріямъ нечего будетъ ѣсть, они все поставятъ вверхъ дномъ; не хотите революціи, такъ давайте денегъ. — Въ первые два зимніе мѣсяца, у Неккера забрали на покупку хлѣба 17 милліоновъ, да, кромѣ того, на общественныя мастерскія уходило по 360, 000 ливровъ въ мѣсяцъ. Для Парижа не было ничего завѣтнаго; со времени пріѣзда короля, на продовольствіе столицы тратились и королевскія суммы, и все это поѣдалось съ восхитительною быстротою. Когда въ національномъ собраніи покончилось дѣло о монастыряхъ, тогда городской совѣтъ рѣшился отломить для своихъ питомцевъ кусокъ предстоящей добычи. 10 марта, Балли явился къ рѣшеткѣ національнаго собранія, изобразилъ бѣдственное состояніе государственнаго кредита, выразилъ необходимость поскорѣе продать церковныя помѣстья, и объявилъ собранію, что парижская коммуна готова взять на себя продажу своихъ монастырскихъ имуществъ, опѣченныхъ въ 150 милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы ей за хлопоты уступили четвертую часть тѣхъ денегъ, которыя будутъ выручены. А за это, прибавилъ Балли, городъ выстроитъ собранію прекрасный дворецъ. (*) Какъ ни органи-

*) Sybel. Geschichte der Revolutions Zeit. Band I, s. 140.

нально было то обстоятельство, что одно общественное учреждение публично предлагает другому такому же учрежденію магарычъ, и какъ ни соблазнительна была для собранія, вѣсѣдавшего въ манежѣ, перспектива имѣть собственный «прекрасный дворецъ», однако представители націи устояли противъ искушеній лукаваго Балъи, и нашли, что заплатить за коммиссію почти 40 милліоновъ будетъ черезчуръ роскошно. Балъи смягчился, просилъ 16 милліоновъ. Собраніе согласилось. Этотъ эпизодъ изображаетъ очень картинно то безвыходное отчаяніе, въ которое постоянное безденежье погружало всѣ общественныя вѣдомства. Понятно, что наивныя слова Балъи о прекрасномъ дворцѣ были просто судорожнымъ усиленіемъ утопающаго схватиться за соломинку. Несчастнаго старика совѣтъ затормозили съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ жеромъ. Городской совѣтъ дѣлалъ ему замѣчанія, большой контролирующій совѣтъ присылалъ ему выговоры; въ каждомъ парижскомъ кварталѣ былъ свой совѣтъ, который о дѣйствіяхъ мера отзывался неодобрительно; и всѣ требовали денегъ, и всѣмъ деньги были действительно необходимы, а Балъи узнавъ это, сообщалъ свое знаніе Неккеру, и обопля имъ приходилось отчаяваться. Тутъ поневолѣ договорился до прекраснаго дворца. 17-го марта, собраніе положило поручить продажу монастырскихъ имѣній городскимъ общинамъ королевства, и предоставить послѣднимъ опредѣленную долю чистой выручки. Затѣмъ опредѣлено было выпустить 400 милліоновъ ассигнацій, присвоить имъ внутри государства курсъ наравнѣ съ звонкою монетою, и потомъ принять ихъ обратно въ казну, какъ уплату отъ покупщиковъ монастырскихъ имуществъ. Въ это самое время, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ собранію докладъ, который окончательно озадачилъ все благочестивое духовенство. По проекту комитета, духовенство устранялось отъ управленія церковными имуществами, и управленіе передавалось свѣтскимъ вѣдомствамъ. Нація приняла на себя долги духовенства, доходившіе до 149 милліоновъ, и обязывалась выдавать на содержаніе церкви 133 милліона, вмѣсто прежнихъ 170 тн, составлявшихся изъ десятинной подати и изъ доходовъ. Но такъ какъ и эта сумма, по мнѣнію несчастнаго комитета, была слишкомъ велика, то предлагалось дать церкви на будущее время совершенно новое устройство, при которомъ она ежегодно обходилась бы государству въ 65 милліоновъ. Съ 170 милліоновъ перейти на 65 для всѣхъ благочестивыхъ лю-

дей было чрезвычайно обидно, и потому намъ совершенно понятны тѣ крики негодованія, которыми истинные столпы католичества встрѣтили мысль о такомъ радикальномъ преобразованіи. Но собраніе не обратило вниманія на жалобы изымающихся пастырей и очень серьезно стало разсматривать и обсуживать проектъ комитета.

XII.

Въ ту самую зиму, въ которую національное собраніе завоевало въ пользу націи церковныя имущества, оно также положило основаніе новому административному раздѣленію и устройству французской территоріи. Старое историческое раздѣленіе на провинціи было отмѣнено, и вся Франція распалась на 83 департамента, которые подраздѣлялись на 574 округа, и 4730 кантоновъ. На всемъ пространствѣ французскаго королевства существовало въ то время около 44,000 городскихъ и сельскихъ общинъ, которыя всѣ получили новое устройство по одному общему образцу. Каждая община должна была управляться выборнымъ совѣтомъ, и всѣ должности въ общинѣ должны были замѣщаться по непосредственнымъ выборамъ гражданъ, безо всякаго вмѣшательства или вліянія сверху. Округомъ управлялъ совѣтъ изъ 12 лицъ, а департаментомъ совѣтъ изъ 36 лицъ. Члены того и другаго совѣта выбирались на два года коллегіями избирателей, составлявшимися по непосредственнымъ выборамъ гражданъ каждаго отдѣльнаго кантона. Департаментскій совѣтъ раскладывалъ подати по округамъ и общинамъ, наблюдалъ за исправностью сбора, и препровождалъ собранныя суммы въ государственную казну. Онъ завѣдывалъ мѣстными путями сообщенія, и заботился о полицейскомъ благочиніи. Въ его распоряженіи находились департаментскія суммы; ему довѣренъ былъ надзоръ за общепольными учрежденіями, и ему принадлежало также начальство надъ мѣстнымъ отрядомъ жандармовъ. Окружной совѣтъ подчинялся департаментскому, и завѣдывалъ тѣми мѣстными подробностями администраціи, въ которыя неудобно было вникать департаментскому начальству. Впрочемъ, окружные совѣты съ самаго своего происхожденія на свѣтъ считались совершенно излишнею исташцією, которая только замедляла теченіе дѣлъ, не принося въ замѣнъ этого неудобства никакой осязательной пользы. Всѣ должностныя лица въ

департаментѣ, въ округѣ и въ общинѣ, только по приговору суда могли быть отрѣшены отъ должности до истеченія того срока, на которой они были выбраны. Они были обязаны исполнять законныя приказанія короля, но король собственною властью не могъ ни награждать, ни наказывать ихъ. Если какое нибудь изъ этихъ мѣстныхъ вѣдомствъ совершало противузаконный поступокъ, или обнаруживало небрежность въ исполненіи своихъ обязанностей, то вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли распустить это вѣдомство и предать его членовъ суду, разрѣшался въ національномъ собраніи. Королю представлялось впрочемъ право приостановить дѣятельность провинціаго вѣдомства на то время, пока національное собраніе будетъ разсматривать вопросъ о его виновности. Вся система была, какъ мы видимъ, основана на всеобщемъ приложеніи выборнаго начала. Въ выборахъ участвовали отъ 4 до 9 милліоновъ гражданъ, называвшихся полноправными или активными; они должны были быть совершеннолѣтними, должны были прожить по крайней мѣрѣ одинъ годъ въ томъ округѣ, въ которомъ они подавали голосъ, и, наконецъ, должны были вносить сумму подати, равную подневной платѣ трехъ дней. Эти активные граждане не выбирали прямо депутатовъ національнаго собранія, а назначали посредствомъ выборовъ коллегіи избирателей, которыя выбирали какъ депутатовъ, такъ и членовъ департаментскихъ окружныхъ совѣтовъ. Чтобы быть избирателемъ, требовалось имѣть въ собственности или въ пользованіи землю, которая бы равнялась въ богатыхъ провинціяхъ цѣнѣ четырехъ сотъ, въ среднихъ—двухъ сотъ, а въ бѣдныхъ—ста пятидесяти рабочихъ дней. Депутатомъ могъ быть человекъ, не имѣющій никакой собственности. Мнѣніе мое о томъ, что *декларация правъ человека и гражданина* не имѣла въ себѣ той разрушительной силы, которую приписываютъ ей Зибель и Шлоссеръ, находитъ себѣ довольно сильное подтвержденіе въ этомъ бѣгломъ очеркѣ выборной системы, установленной національнымъ собраніемъ. То самое собраніе, которое съ величайшимъ воодушевленіемъ пустило въ свѣтъ декларацию, отклонилось отъ основныхъ принциповъ этой декларации на первомъ шагу своей законодательной дѣятельности. Декларация, составляющая введеніе къ конституціи, говоритъ, что все граждане равны, а первыя страницы конституціи противорѣчатъ введенію, и говорятъ, что есть граждане активные и граждане пассивные, и что различіе между тѣми и другими основывается на раз-

личіи имущества. Потомъ оказывается, что есть избиратели и не-избиратели, которые опять таки различаются между собою по имуществу. Если сами творцы деклараціи такъ развязно уклоняются въ сторону отъ своего политическаго исповѣданія вѣры, то очевидно это исповѣданіе не имѣетъ въ себѣ такой чудодѣйственной силы, которая сама по себѣ могла бы покорять себѣ умы и направлять ихъ къ разрушенію красивыхъ политическихъ системъ. Нисшіе классы, не смотря на декларацію, увидѣли себя въ числѣ пассивныхъ гражданъ; тогда они нашли себѣ предводителей, и обнаружили вскорѣ очень значительную степень активности. Печать оставалась совершенно свободною; — національная гвардія срывала иногда со стѣнъ плакарды, а парижскій городской совѣтъ требовалъ иногда, чтобы каждый печатный листокъ выставлялъ имя отвѣтственнаго издателя, но подобныя распоряженія были совершенно случайны и произвольны, всегда вызывали противъ себя сильный отпоръ, и никогда не достигали своей общей цѣли, то есть, не могли ни запугать радикальныхъ писателей, ни ослабить ихъ вліянія на массу пролетаріата. Право ассоціаціи также не было ограничено никакимъ закономъ, и пассивные граждане, которымъ отказано было въ голосѣ на выборахъ, приобрѣли себѣ, благодаря праву ассоціаціи и указаніямъ радикальной прессы, такую организацію, которая въ скоромъ времени сдѣлалась сильнѣе всѣхъ официальныхъ властей государства. При самомъ началѣ засѣданій національнаго собранія, нѣсколько депутатовъ лѣвой стороны образовали клубъ, называвшійся бретанскимъ, и собиравшійся въ Пуасси. Сначала въ этотъ клубъ принимались только депутаты, а потомъ, когда собраніе, вслѣдъ за королемъ, переехало въ Парижъ, въ клубъ стали допускать всѣхъ людей подходящаго образа мыслей. Засѣданія клуба стали происходить въ якобинскомъ монастырѣ, и съ тѣхъ поръ члены этого общества стали называться якобинцами. Число ихъ разрослось очень быстро, весною 1791 года ихъ было уже 1800 человекъ въ одномъ Парижѣ: во всѣхъ провинціяхъ сформировались якобинскіе клубы, находившіеся въ постоянной перепискѣ между собою и съ центральнымъ парижскимъ обществомъ. Въ концѣ 1790 года, всѣхъ якобинскихъ клубовъ во Франціи было до двухъ сотъ, и нѣкоторые изъ нихъ считали въ себѣ болѣе 1000 членовъ; конечно, очень многіе изъ этихъ членовъ не были ни фанатиками, ни демагогами; многіе записывались въ клубъ изъ подражанія другимъ, а впоследствии для

того, чтобы оградить себя от подозрѣній въ недостатокѣ патриотизма, во ядрѣ каждаго клуба состояло изъ горячихъ демократовъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за парижскими событіями, и готовыхъ, по первому сигналу со стороны вождей центрального общества, провозвести народное движеніе въ своемъ городѣ или въ своей провинціи. Эти ревностные якобинцы находились въ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ массама пассивныхъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ, которые вполне вѣрили этимъ вождямъ, и легко поднимались на ноги при первомъ востребованіи. Когда на всю Францію раскинулась такимъ образомъ сѣть демократическихъ обществъ, проповѣдывавшихъ съ неукротимымъ жаромъ истребительную войну противъ королевской власти, противъ аристократовъ, противъ духовенства, противъ капиталистовъ, словомъ, противъ всего, что стояло выше пролетарія, когда въ каждой провинціи голодная масса нашла себѣ коноводовъ, неразрывно связанныхъ съ нею и между собою единствомъ надеждъ и стремленій, тогда пассивные граждане сдѣлались неизмѣримо сильнѣе активныхъ. Но здѣсь я опять долженъ повторить ту мысль, которая не разъ находила себѣ приложение въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Не отдѣльныя единицы и не частныя явленія создаютъ общія положенія, а на оборотъ общія положенія сообщаютъ единицамъ и явленіямъ всю ихъ силу и весь ихъ смыслъ. Не клубы, не рѣчи ораторовъ, не газеты Демулена и Мара производили въ низшихъ слояхъ французскаго общества неумолимое озлобленіе, а напрогивъ, существовавшее озлобленіе порождало и поддерживало и клубы, и яростныя рѣчи, и неистовыя газеты. Вожди и агитаторы давали существующей сплѣтѣ организацію и единство общаго направленія, но эта сила существовала совершенно независимо отъ нихъ, и часто толкала ихъ впередъ, тогда, когда они считали удобнымъ приостановиться. Ораторы и журналисты могли разрабатывать въ отдѣльныхъ приложенияхъ общіе мотивы народнаго настроенія, но чуть только они пробовали уклониться отъ этихъ мотивовъ, — тотчасъ масса кричала имъ, что они измѣнники, и что ихъ немедленно потащатъ къ фонарному столбу. Исторія революціи переполнена трагическими эпизодами, въ которыхъ вчерашній любимецъ массы погибаетъ сегодня отъ рукъ этой массы, въ ту самую минуту, когда онъ, полагаясь на свою популярность, пробуетъ внести въ движеніе свои личныя взгляды, не совмѣстные съ общими стремленіями его недавнихъ восторженныхъ

обшателей. Такъ погибли Жирондисты, но, чтобы не забыть впередъ, я приведу въ прилѣръ Мирабо, который въ 1789 году казался французскому народу воплощеніемъ революціи, и котораго жизнь была однако въ опасности въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ онъ совѣтовалъ въ національномъ собраніи предоставить королю право безусловно отвергать проекты законовъ. Самая исторія парижскаго Якобинскаго клуба показываетъ, что не клубъ распался страсти народа, а на оборотъ распаленное состояніе народныхъ страстей находило себѣ въ клубѣ одно изъ своихъ проявленій. Въ началѣ существованія Якобинскаго клуба, въ немъ господствовали своимъ краснорѣчіемъ жирондисты, поэты и романтики революціи, мечтавшіе объ античныхъ республиканскихъ добродѣтеляхъ, чувствовавшіе глубокое отвращеніе къ тѣмъ коммунистическимъ стремленіямъ, которые шевелились въ голодной толпѣ людей безъ панталонъ (*sans culottes*). Если бы можно было предположить, что раздраженіе массъ производится рѣчами ораторовъ и статьями журналистовъ, то надо было бы ожидать, что жирондисты, какъ люди превосходно владѣвшіе словомъ и перомъ навсегда сохранятъ за собою господство въ клубѣ, въ столицѣ и во Франціи; надо было бы ожидать, что они обратятъ пролетарія къ добру и къ красотѣ, и наложить на всю общественную жизнь печать своего эстетическаго вліянія. На повѣрку же оказывается, напротивъ того, что реальный элементъ безпанталонности выгналъ въ очень короткое время поэзію античной добродѣтели изъ клуба, изъ столицы и изъ Франціи. Стало быть, мы видимъ, что окружающіе элементы передѣлали на свой образецъ Якобинскій клубъ; слѣдовательно, дѣйствующая сила лежала и лежитъ всегда и вездѣ — не въ единицахъ, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, а въ общихъ, и преимущественно, въ экономическихъ условіяхъ существованія народныхъ массъ. Покончивъ съ пассивными и активными гражданами, я могу сказать нѣсколько словъ о судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ для Франціи національнымъ собраніемъ, въ теченіи зимы 1789 года. — Господскіе суды, королевскіе трибуналы, парламенты, вообще всѣ судебныя учрежденія старой монархіи были уничтожены; послѣ іюльскихъ дней 1789 года, и послѣ ночнаго засѣданія съ 4-го на 5-ое августа, эти учрежденія, тѣсно связанныя съ общимъ строемъ феодальнаго государства, потеряли всю свою силу, но, такъ какъ національное собраніе успѣло создать новую систему судоустройства и судопроизводства только въ ок-

ябрь 1790 года, то Франция больше года оставалась фактически безъ судовъ, и это беззаконство, конечно, не могло содѣйствовать водворенію спокойствія и законности. Уничтоженіе парламентовъ и введеніе новыхъ судовъ обременили государство новыми, значительными расходами, и увеличили сумму государственнаго долга. Такъ какъ мѣста въ парламентахъ были проданы старою монархіею въ вѣчное и потомственное владѣніе, то, уничтожая парламенты, надо было вынудить эти мѣста, и сумма, которую приходилось уплатить по расчету парламентскимъ совѣтникамъ и владѣльцамъ наследственныхъ мѣстъ въ другихъ судахъ, доходила до 350 милліоновъ. Кромѣ того, новые суды, по самой умѣренной смѣтѣ, должны были стоять дороже старыхъ; парламентскій совѣтникъ удовлетворялся очень незначительнымъ жалованьемъ, потому что онъ имѣлъ въ виду, во первыхъ, наследственность своей должности, во вторыхъ, ея политическое вліяніе, и, въ третьихъ, тѣ значительныя суммы денегъ, которыя, по средневѣковымъ обычаямъ и законамъ, взимались въ пользу судей съ тяжущихся сторонъ. Новый судья не долженъ былъ пользоваться ни одною изъ этихъ трехъ выгодъ; слѣдовательно, за всѣ эти выгоды его надо было вознаграждать жалованьемъ; поэтому уничтоженіе старыхъ судовъ и устройство новыхъ прибавляло по крайней мѣрѣ 20 милліоновъ къ суммѣ ежегодныхъ государственныхъ расходовъ. Необходимость правосудія для развитія народнаго благосостоянія такъ очевидна и такъ значительна, что за полезную реформу въ судебныхъ учрежденіяхъ можно, не колеблясь, платить ежегодно болѣе 20 милліоновъ; эти деньги не пропадаютъ, и соблюдать экономію въ ущербъ правосудію было бы, во всякомъ случаѣ, не позволительно и не расчетливо. Но любопытно замѣтить, что въ тогдашней Франціи всѣ отрасли общественной жизни требовали радикальныхъ реформъ, а всѣ реформы требовали затраты денегъ, и чѣмъ радикальнѣе и полезнѣе были реформы, тѣмъ больше онѣ могли обогатить государство въ будущемъ, тѣмъ дороже онѣ обходились въ настоящемъ. И всѣ онѣ скончались къ одному времени, такъ что не законодатели управляли ходомъ преобразованій, а напротивъ, общее положеніе дѣлъ увлекало за собою и постоянно насилывало волю законодателей. Старина падала отъ своей собственной ветхости, и падала разомъ повсемѣстно, не дожидаясь того, чтобы ее отиѣнили декретомъ, и не спрашивая о томъ, есть ли чѣмъ замѣнить ее. Но такъ или иначе, замѣнять чѣмънибудь

разрушившееся учрежденіе было необходимо, а на это требовались деньги, а средства государства были забраны впередъ и истрочены правительствами прежнихъ столѣтій, тѣми правительствами, которыя продавали общественныя должности, и оставили потомству въ знакъ памяти безсильную администрацію, слѣпую аристократію, развращенный судъ, неоплатный государственный долгъ, и озлобленіе массъ, заглушающее въ нихъ всякое пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Тѣ представительныя собранія, которымъ доброе старое время завѣщало такое роковое послѣдство, падали въ самомъ трагическомъ положеніи. Дорога легальности и осторожной послѣдовательности въ пересмотрѣ и въ обновленіи отдѣльныхъ частей государственнаго механизма была имъ отрѣзана. Легальность была невозможна отчасти потому, что оппозиція привилегированныхъ классовъ уступала только дѣйствию силы, отчасти потому, что долги государства превышали его средства, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, когда дѣйствовали революціонныя собранія. Осторожная послѣдовательность была невозможна потому, что вся старина обрушивалась разомъ, такъ что надо было все отмѣнять и все создавать заново. Между тѣмъ, каждое нарушеніе легальности заключало въ себѣ зародышъ будущей борьбы, и необходимыхъ насилій; каждое отступленіе отъ осторожности и послѣдовательности вело къ ошибкамъ, и запутывало еще болѣе страшно запутанное положеніе дѣлъ. «Какое управленіе, говорилъ однажды Мирабо, какая эпоха! Всего надо опасаться, и на все надо отваживаться. Создается возмущеніе тѣми средствами, которыя употребляются для его предупрежденія. Постоянно необходима умѣренность, и всякій разъ умѣренность кажется медлительностью и малодушіемъ. Постоянно необходима сила, и каждое приложеніе силы кажется тиранніею. Со всѣхъ сторонъ сыплются совѣты, а довѣрять приходится только самому себѣ. Приходится бояться людей благомыслящихъ, потому что ихъ безпокойство и увлеченіе опаснѣе вслѣдствіе заговоровъ. Изъ благоразумія приходится уступать; становится во главѣ волненія, чтобы умѣрять его; и при всѣхъ страшнѣйшихъ затрудненіяхъ надо еще сохранять на лицѣ веселое выраженіе». Мирабо былъ достаточно уменъ, и достаточно знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и умовъ, чтобы предчувствовать въ будущемъ неизбежность государственнаго банкротства, произвольныхъ конфискацій, и длиннаго ряда насильственныхъ дѣйствій. Но самъ Мирабо, умершій весною 1791 года, и учредительное собраніе, ото-

шедшее отъ дѣлъ правленія осенью того же гда, были все таки гораздо счастливѣе своихъ преемниковъ, и въ особенности счастливѣе національнаго конвента. Учредительному собранію досталось на долю провозгласить принципы революціи, а конвенту пришлось вбивать эти принципы въ жизнь, бороться съ тою реакціею, которую раздражило первое собраніе, расплачиваться по тѣмъ счетамъ, которые оставила старая монархія, покрывать тѣ издержки, которыхъ требовали новыя учрежденія, и наконецъ принимать на себя отвѣтственность за всѣ тѣ неизбѣжныя насилія, до которыхъ учредительному собранію удалось не дожить. Весь блескъ гражданскихъ доблестей, и все благозвучіе либеральныхъ словъ остались собственностью учредительнаго собранія, а вся злокачественная грязь черной исполнительской работы, безъ которой всѣ либеральныя слова остались бы словами, великодушно предоставлены національному конвенту. Поэтому французскіе либералы до сихъ поръ съ пафосомъ провозносятъ «*les grands principes de 1789*» и вслѣдъ за тѣмъ казнятъ своимъ негодованіемъ «*les excés de 1793*».

Такъ какъ роль учредительнаго собранія состояла преимущественно въ томъ, чтобы провозглашать принципы революціи, то и на судебную реформу его слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія принципа, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя подробности должны были измѣниться, и дѣйствительно измѣнились со временемъ, сообразно съ указаніями опыта. Главныя основанія новаго судоустройства заключались въ томъ, что всѣ судьи выбирались активными гражданами изъ числа образованныхъ юристовъ; — судъ присяжныхъ прилагался къ уголовнымъ дѣламъ; гражданскіе процессы рѣшались безъ участія присяжныхъ, не смотря на то, что демократы національнаго собранія сильно настаивали на введеніи присяжныхъ во всѣ отрасли судопроизводства. Здѣсь можно замѣтить, что въ Америкѣ присяжные рѣшаютъ какъ уголовныя, такъ и гражданскіе процессы; Токвилль, котораго еще ни одинъ человекъ въ мірѣ не обвинялъ въ яростномъ демократизмѣ, находитъ, что участіе присяжныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ процессовъ очень сильно содѣйствуетъ развитію юридическаго смысла въ американскомъ народѣ. — Судьи выбирались гражданами на шесть лѣтъ; для гражданского процесса устраивался въ каждомъ округѣ трибуналь первой инстанціи, и одинъ изъ этихъ трибуналовъ долженъ былъ служить другому апелляціонною инстанціею. Третью и послѣднюю инстанцію составлялъ высшій ап-

пеналитионный судъ, который долженъ былъ засѣдать въ Парижѣ. Для уголовныхъ дѣлъ учреждалось въ каждомъ департаментѣ судебное мѣсто, а въ Парижѣ кассационный судъ, изъ котораго по жребію должны были назначаться члены національнаго суда, чтобы судить преступленія противъ націи (crimes de lèse-nation). Когда въ національномъ собраніи рассматривался вопросъ объ учрежденіи этого національнаго суда, Казалесъ, одинъ изъ депутатовъ правой стороны, потребовалъ, чтобы были точно опредѣлены тѣ преступленія, которыя оскорбляютъ націю и подлежатъ вѣденію исключительнаго трибунала. На это отвѣчалъ депутатъ крайней лѣвой стороны, адвокатъ Робеспьерръ изъ Арраса; онъ сказалъ, что національный судъ долженъ поражать знатныхъ вельможъ, враждебныхъ народу, и искажающихъ его нравственное развитіе; главное дѣло по его мнѣнію состояло въ томъ, чтобы въ этомъ судѣ засѣдали искренніе друзья революціи. — Въ этихъ словахъ ясно заключался тотъ смыслъ, что революція для своего самосохраненія и для своихъ дальнѣйшихъ побѣдъ надъ старымъ обществомъ, нуждается въ послушномъ орудіи, и что правосудіе должно подчиниться политике. Не смотря на то, что Робеспьерръ не пользовался сильнымъ вліяніемъ въ учредительномъ собраніи, его мнѣніе было принято; предложеніе Казалеса оставлено безъ вниманія, и собраніе рѣшило, что члены національнаго суда будутъ назначаться не по жребію, какъ предполагалось прежде, а по выбору активныхъ гражданъ всѣхъ департаментовъ. — Чтобы покончить съ судебными реформами, достаточно будетъ упомянуть, что судопроизводство сдѣлалось гласнымъ, подсудимые получили защитниковъ, пытка и произвольные аресты отменены; наконецъ учреждены мирные судьи, коммерческіе трибуналы, и семейные суды.

XIII.

Разговоры опечаленнаго духовенства о мученическихъ вѣщахъ и хищныхъ посягательствахъ національнаго собранія стали обнаруживать свое вліяніе. Народъ, остававшійся единодушнымъ въ то время, когда шло дѣло о борьбѣ противъ феодаловъ, раздѣлился на партіи, когда идеи XVIII столѣтія коснулись церковной іерархіи, и вопіющіе потребности государства принудили національное собраніе наложить руку на церковныя имущества. Католицизмъ, не мѣнявшій

уже для жителей Пармжа ни малѣйшей прелести, являлся сильнымъ и живучимъ въ городахъ и селахъ отдаленныхъ провинцій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, агитація въ пользу католическаго духовенства находила себѣ пищу не столько въ релігіозныхъ чувствахъ народа, сколько въ его экономическихъ интересахъ; дѣло въ томъ, что духовенство содержало свои имѣнія въ большомъ порядкѣ, и не страдало тѣми сламатическими припадками безденежья, которыя часто удручали храброе дворянство. Вслѣдствіе этого духовенство не отдавало своихъ доходовъ на откупъ разнымъ аферистамъ, не притѣсняло своихъ фермеровъ неумѣренными требованіями, и вообще вело свои денежные дѣла ровно, спокойно и правильно, такъ что крестьяне, находившіеся съ нимъ въ сношеніяхъ, благословляли свою судьбу, и очень дорожили своими арендами. Когда разгласился слухъ о предстоящей продажѣ церковныхъ имуществъ, тогда всѣ арендаторы этихъ помѣстій, не бывшіе въ состояніи купить себѣ ту ферму, которую они нанимали, пришли въ смятеніе, боясь, что будущій владѣлецъ окажется притѣснителемъ, или стонить ихъ прочь съ своей земли. Въ Эльзасѣ составила за неприкосновенность католической релігіи прошеніе, и въ три недѣли набралось 21,000 подписей; съ одинаковымъ усердіемъ подписывали католики, протестанты и евреи, потому что всѣ они были арендаторами церковныхъ имѣній, и, слѣдовательно, всѣ связаны между собою единствомъ интересовъ; въ Бретани начались противуреволюціонныя движенія, во главѣ которыхъ появились католическіе священники. На югѣ королевства дѣло дошло до кровопролитныхъ схватокъ между патриотами и клерикалами. Въ Нимѣ національная гвардія и пролетаріи, принадлежавшіе къ католической партіи, поколотили армейскій полкъ, плавшій патриотамомъ. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же городѣ составилось католическое общество изъ 4,000 человекъ, которые немедленно пригласили сосѣдніе департаменты соединиться съ ними въ братскій союзъ за христіанскую релігію. Эта мысль нашла себѣ отголосокъ, и въ релігіозное братство вступили немедленно города Нерпиньянъ, Тарнъ и Тулуза. Въ городѣ Але народъ прогналъ за городомъ ворота войска, державшіеся революціонныхъ принциповъ; въ Монтобанѣ національная гвардія сразилась съ католическимъ пролетаріатомъ, который возбуждалъ и разогналъ несчастныхъ друзей прогресса. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, учрежденное собраніе усматривало, что *le peuple souverain* (властительный народъ) часто противѣрчитъ самому себѣ, и

что его, въ большей части случаевъ, мудрено урезонить. Во всей Франціи не было той деревни, въ которой народъ согласился бы платить десятину послѣ іюльскихъ событій 1789 года, а между тѣмъ, когда отсутствіе десятинной подати вело за собою необходимость преобразовать внутреннее устройство церкви, тогда *peuple souverain* во многихъ мѣстахъ переполнялся католическимъ восторгомъ, и не хотѣлъ слышать о преобразованіяхъ; я, говорить *peuple souverain* платить не желаю, а въ церкви пускай остается все по старому; а откуда взять денегъ — это дѣло правительства; на то оно правительство. Такъ какъ не было возможности пригласить народъ къ разсмотрѣнію финансовыхъ отчетовъ, и убѣдить его цифрами и фактами въ неисполнимости его требованій, то національное собраніе рѣшилось поскорѣе окончить церковныя преобразованія, и утвердить ихъ силою въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ зашевелится католическая реакція. Приступая къ такому образу дѣйствій, національное собраніе очевидно вступало въ борьбу съ проявленіямъ народной воли, по, такъ какъ эта воля оказывалась раздвоенною, то законодателямъ поневолѣ надо было примкнуть рѣшительно къ одной изъ двухъ партій, и объявить другую партію толпою мятежниковъ, хотя, разумѣется странно было ругать людей мятежниками въ такой странѣ, въ которой вся нація считала іюльскіе мятежи славнѣйшими подвигами своей исторіи.

Впрочемъ, въ революціяхъ дѣло обыкновенно идетъ не о томъ, чтобы убѣдить противника, а о томъ чтобы побѣдить и уничтожить его; здѣсь, какъ и вообще въ практической дѣятельности, послѣдовательность часто становится невозможною, и отступаетъ далеко на задній планъ передъ неотразимою необходимостью. Собираясь дѣйствовать энергическими мѣрами противъ католическихъ реакцій, національное собраніе не нарушало однако принципа религіозной свободы; собраніе видѣло въ ожесточенныхъ аббатахъ и въ ихъ восторженныхъ послѣдователяхъ только политическихъ враговъ революціи, и всѣ позднѣйшія распоряженія его по этому предмету вытекали исключительно изъ этого основнаго взгляда. 29-го мая 1790 года, комитетъ церковныхъ дѣлъ представилъ учредительному собранію проектъ новаго устройства церкви. По этому проекту, избиратели каждаго округа назначаютъ себѣ приходскихъ священниковъ, а избиратели департамента — мѣстнаго епископа. Каждый избранный даетъ присягу въ вѣрности націи, королю и конституціи. Капитулы и ду-

ховное судопроизводство уничтожаются, потому что преступления противъ религіи становятся невозможными съ той минуты, когда официально признанъ принципъ религіозной свободы со всѣми своими послѣдствіями. Папа теряетъ, по проекту комитета, право давать диспенсаціи и утверждать духовныхъ сановниковъ въ ихъ званіи. При этомъ должно замѣтить, что папа уже давно имѣлъ основаніе гнѣваться на свою галликанскую паству, потому что уже знаменитая ночь 4-го августа, уничтожая десятинную подать, отмѣнила декретомъ ежегодное препровожденіе денегъ въ Римъ. Легко можно вообразить себѣ, что весь проектъ комитета долженъ былъ казаться истиннымъ католикамъ непрерывнымъ рядомъ святотатствъ; граждане, которые согласятся войти въ эту перестроенную церковь, должны были считаться еретиками, а духовныя лица, которые дадутъ требуемую присягу — богохульниками, безбожниками, и, хуже того, ересіархами. Чѣмъ должны считаться члены собранія и комитета — я и выразить не умѣю, но во всякомъ случаѣ, такъ какъ папа, очевидно, не могъ утвердить нововведенія, то религіозная война противъ нечестивыхъ соотечественниковъ становилась для всѣхъ вѣрующіхъ католиковъ во Франціи первѣйшею изъ священныхъ обязанностей. Видно было, что духовенство смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія: когда въ собраніи происходили пренія о церковныхъ преобразованіяхъ, тогда вѣрующіе епископы и аббаты не говорили ни слова; отвергая весь проектъ отъ начала до конца, они не хотѣли разсматривать его подробности, и были намѣрены во всякомъ случаѣ рѣшительно отказать отъ требуемой присяги. Споръ поддерживался центромъ собранія и лѣвою стороною; онъ относился къ частностямъ; шла рѣчь о величинѣ жалованья, о капитулахъ, о томъ, кому выбирать епископовъ, народу или духовенству. Политика собранія была равнодушна къ этому спору, въ которомъ горячились и торжествовали одни янсенисты, видѣвшіе наконецъ осуществленіе своей задушевной мысли о самостоятельности галликанской церкви и о побѣдѣ надъ ультрамонтанскими тенденціями. Робеспьеръ попробовалъ провести мысль объ уничтоженіи безбрачія духовенства, но собранію показалось, что это ужъ черезъчуръ смѣло, и попытка эта осталась безуспѣшною. 15 іюня, когда тянулись эти пренія, въ національное собраніе былъ представленъ отъ Нимскаго католическаго союза адресъ, требовавшій повелительнымъ тономъ благоговѣнія передъ церковью и полного восстановленія королевской

власти. Католичество шло такимъ образомъ объ руку съ роялизмомъ, и учредительное собраніе, враждовавшее съ послѣднимъ, рѣшилось разорвать всякія дружескія отношенія и съ первымъ. Адрессъ Нима былъ признанъ преступнымъ дѣйствіемъ мятежа. Въ это время на югѣ ежеминутно можно было ожидать сильнаго столкновенія между цѣлыми городами. Бордо выставилъ отрядъ патриотовъ противъ Мантобана, въ которомъ господствовали католики, и объ партіи долго стояли лагеремъ другъ противъ друга, но на этотъ разъ усилія министерства и національнаго собранія отклонили, или, вѣрнѣе, отсрочили кровопролитіе. Разсужденія о церковныхъ преобразованіяхъ продолжались въ національномъ собраніи до 12 іюля и окончились тѣмъ, что проектъ комитета былъ утвержденъ, съ тѣми частными измѣненіями или дополненіями, которыя были внесены въ него во время преній. Духовенство, какъ отдѣльная корпорація, перестало существовать. Около того же времени прекратилось существованіе дворянства. 19 го іюня, прусскій баронъ Клоотеръ, большой любитель либеральныхъ эфектовъ, ввелъ въ залу національнаго собранія толпу людей, наряженныхъ въ костюмы разныхъ народовъ, и, отъ имени всего человѣчества, произнесъ рѣчь, въ которой благодарилъ собраніе за его подвиги, и умолялъ Францію подать знакъ къ освобожденію всего земнаго шара. Президентъ отвѣчалъ на эту общечеловѣческую рѣчь серьезно и торжественно, а члены собранія воспользовались присутствіемъ человѣчества, чтобы уничтожить послѣдніе остатки аристократіама. Объ этомъ особенно усердно хлопотали либералы изъ дворянъ Ламетъ, Ласайетъ, Эгильонъ, Сентъ-Фарже, которые, не шутя, воображали себѣ, что, отрекаясь отъ своихъ титуловъ, они совершаютъ подвигъ самопожертвованія, и отсылаютъ любезному отечеству безсмертную услугу. Правая сторона поспорила и пошумѣла, но, по обыкновенію, на ея оппозицію никто не обратилъ вниманія, и въ тотъ же день составленъ былъ декретъ объ уничтоженіи всѣхъ дворянскихъ титуловъ и всѣхъ орденовъ. Любопытно замѣтить, что эта законодательная мѣра, не заключающая въ себѣ ничего осадательнаго и существеннаго, причинила храброму дворянству гораздо больше оторченія, чѣмъ тѣ декреты, которые, послѣ нечлаго засѣданія 4-го августа, уничтожили феодалныя привилегіи, и отняли у дворянства всѣ связанныя съ ними доходы. Потерю денегъ можно было перенести изъ любви къ отечеству, но потеря дворянской вѣсти была слишкомъ чувствительна, такъ что

эмиграція стала значительно усиливаться послѣ декрета объ уничтоженіи титуловъ. Если Лавоайетъ, Ламетъ и другіе либералы того же сорта видѣли въ этомъ декретѣ великій подвигъ законодательной мудрости, то дворяне стараго заката видѣли въ немъ великое поруганіе родовой святости. Либералы и консерваторы изъ дворянъ сдѣлились между собою на томъ, что тѣ и другіе придавали этой законодательной мѣрѣ мировое значеніе, а Мирабо отъ души смѣялся надъ обѣими сторонами, которыя, конечно, стояли другъ друга. Долго ли еще придется Франція, въ самыя серьезныя и торжественныя минуты своей исторіи, украшать себя суетливыми золотомъ лежко классическихъ спомъ и театрално-героическаихъ движеній, это такой вопросъ, на который можетъ отвѣтить только будущее; что же касается до первой революціи, то въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ, радостъ съ потрясающею наготою дѣйствительности, встрѣчается много мишуры, и народъ восхищается этою мишурою, добродушно унывая изъ виду, что всѣ его бѣдствія ведутъ свое начало отъ мишураге блеска Людовиковъ, Генриховъ, Карловъ, Францисковъ, Филипповъ и многихъ другихъ свѣтилъ менышихъ разлѣровъ. Потѣшивши себя остроумною интермедіею барона Клоотса и насладившись самоотверженіемъ либеральныхъ дворянъ, собраніе обратило свое вниманіе на предметы серьезныя. — Надо было заняться преобразованіемъ арміи, въ которой съ самаго начала революціи офицеры и солдаты открыто враждовали между собою, и постоянно тянули въ разныя стороны. Чѣмъ ширѣе и шире развѣтывалась реформаторская дѣятельность учредительнаго собранія, тѣмъ сильнѣе становилось неудовольствіе офицеровъ, и тѣмъ страстнѣе выражалась привязанность солдатъ къ дѣлу революціи. Многие изъ офицеровъ эмигрировали, а солдаты устроили себѣ во всѣхъ полкахъ клубы, и требовали, чтобы имъ увеличили жалованье, облегчили производсто въ офицерскіе чины, предоставили контроль надъ полковыми суммами, и отиѣнили тѣлесныя наказанія. Полковые клубы отправляли свои депутаціи къ полковникамъ, а иногда и прямо къ военному министру или къ національному собранію. Депутаціи эти объявляли часто, что солдаты не желаютъ повиноваться аристократамъ и врагамъ свободы. Во многихъ провинціяхъ, армейскіе полки соединялись съ національною гвардіею, и праздновали вмѣстѣ союзы братства, давая клятву защищать общими силами націю, короля и конституцію. Национальное собраніе постоянно ободряло составленіе

этих союзовъ, называвшихся федераціями, но, такъ какъ большинство офицеровъ вовсе не было расположено служить націи и защищать конституцію, то союзы эти увеличивали вражду между начальниками и подчиненными, вслѣдствіе чего необходимость преобразованій по арміи съ каждымъ днемъ становилась болѣе настоятельною. Прежде всего національное собраніе опредѣляло, что на будущее время всѣ вопросы, относящіеся къ величій и къ устройству арміи, къ порядку ея пополненія, къ употребленію ея въ государствѣ, къ жалованью всѣхъ чиновъ, къ принятію на службу иностранныхъ солдатъ, и къ военнымъ уголовнымъ и дисциплинарнымъ законамъ, — подлежатъ рѣшенію законодательныхъ собраній. Потомъ слѣдовали самыя преобразованія: жалованье рядовыхъ увеличено, доступъ къ офицерскимъ чинамъ открытъ всѣмъ способнымъ людямъ, солдату предоставлены въ мирное время всѣ права гражданина. Но, здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ тогдашней государственной жизни, старина разваливалась сама собою прежде, чѣмъ можно было обновить, замѣнить или уничтожить ее мѣрами законодательства. Во всѣхъ полкахъ происходили уже частныя волненія, тѣмъ болѣе, что декретъ, уничтожившій дворянскіе титулы, превратилъ офицеровъ въ рѣшительныхъ враговъ революціи, и довелъ до крайнихъ предѣловъ недовѣріе солдатъ къ ихъ ближайшему начальству. Въ началѣ августа Мирабо предложилъ собранію распустить всю армію и сформировать ее заново, но Мара, питавшій къ солдатамъ большую нѣжность за ихъ радикальный образъ мыслей, вслѣдъ за тѣмъ посовѣтовалъ въ своей газетѣ парижанамъ поставить восемь сотъ висѣлицъ, и на первую изъ нихъ повѣсить подлаго измѣнника Мирабо, а на остальные всѣхъ тѣхъ, кто подастъ голосъ за его предложеніе. Мара, какъ извѣстно, никогда не подавалъ другихъ совѣтовъ, и, что всего удивительнѣе, эти однообразные совѣты всегда приводили пролетаріевъ въ восторгъ, хотя, разумѣется, они почти никогда не исполнялись. Въ настоящемъ случаѣ, національное собраніе побоялось раздражить людей крайней партіи, и предложеніе Мирабо было отвергнуто. Въ послѣднихъ числахъ августа произошла, наконецъ, серьезная тревога. Въ Нанси взбунтовались три полка, овладѣли городомъ, и соединились съ вооруженными пролетаріями; къ чему клонилось возстаніе нансійскихъ солдатъ неизвѣстно, потому что это возстаніе очень скоро было задавлено; генералъ Булье собралъ не большой отрядъ надежнаго войска, пошелъ на Нанси, и проливалъ такое кровопро-

літі, что въ одномъ изъ возмущившихся полковъ осталось всего 40 человекъ. Національное собраніе, серьезно перепуганное нансійскимъ бунтомъ, публично выразило генералу Булье свою признательность. Робеспьеръ возражалъ противъ этого рѣшенія, но его не послушали. Въ Парижѣ нансійскія событія отозвались сильнымъ раздраженіемъ умовъ противъ министровъ, которыхъ народъ считалъ первыми виновниками кровопролитія. Въ сентябрѣ собраніе опредѣлило для арміи порядокъ производства въ чины. Королю предоставлялось назначать только маршаловъ и отрядныхъ генераловъ; офицеры должны были производиться по старшинству службы; въ унтеръ-офицеры должны были производиться способнѣйшіе солдаты, по представленію старыхъ унтеръ-офицеровъ роты. Наконецъ, къ военному судопроизводству былъ примѣненъ институтъ присяжныхъ.

Д. Шварцъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ ПОМПЕИ.

(ИЗЪ ЛЕОПАРДИ)

Такъ вотъ судьба твоя, великій городъ,
 Покрытый прахомъ нѣсколькихъ лѣтковъ!
 Гдѣ прежде жизнь безумная кипѣла,
 Теперь лежать обломки тѣхъ дворцовъ,
 Въ которыхъ роскошь развратила
 Твоихъ извѣженныхъ сыновъ.

* *
 *

Вокругъ тебя все также небо блещеть,
 Поля цвѣтутъ въ тѣни твоихъ садовъ,
 И море синее качаетъ флаги,
 Плывущіе къ тебѣ со всѣхъ концовъ;
 А ты костями лишь торгуешь
 Твоихъ классическихъ гробовъ!

* *
 *

Не жалко мнѣ тебя, великій городъ,
 Что ты погибъ подъ пепломъ и огнемъ:
 Рабы не стоять лучшей доли —
 Поэтъ и жизнь гнушаются рабомъ;
 Рабу нѣтъ выбора другого
 Между позоромъ и мечомъ.

Г. С—ловъ.

РОССІЯ ДО ПЕТРА ПЕРВАГО.

I.

ВЛІЯНІЕ ПРИРОДЫ.

Громадность Россіи наши историки объясняютъ обыкновенно равнинностью страны. Но такъ ли это? Россія съ восточной Пруссіей лежитъ въ одной равнинѣ, однако не слилась. Въ Германіи, маленькія княжества не имѣютъ географическихъ границъ, а между тѣмъ каждое изъ нихъ живетъ своей политической жизнью. Англія отдѣлена отъ Индіи океаномъ, но онъ не помѣшалъ Англіи завладѣть Индіей. Напротивъ того Финляндія, гористая и озерная страна, составляетъ съ Россіей одно государство.

Естественными границами государствъ принимаются рѣки и горы. Но эти границы имѣютъ значеніе только для первобытныхъ племенъ. Молодой народъ, засѣвшій между горами, будетъ держаться въ своихъ границахъ пока онъ молодъ; но ничто не помѣшаетъ ему нарушить эти границы, когда обстоятельства принудятъ его къ тому, и когда у него найдется довольно силы чтобы вытѣснить сосѣда. Россія забралась къ устьямъ Волги, Дона и Днѣпра не потому, что въ этомъ заключалась ея историческая задача, какъ думаютъ нѣкоторые, а потому, что великорусское племя оказалось сильнѣе тѣхъ, кто прежде жилъ при устьяхъ этихъ рѣкъ. Если бы задача каждаго народа заключалась въ томъ, чтобы забираться непременно къ устьямъ рѣкъ, то швейцарцамъ слѣдовало бы тоже завладѣть

всѣмъ Рейномъ. Такая же задача предстояла бы и для баденцовъ, нассаусцовъ, пруссаковъ и французовъ, потому что всѣ они живутъ на Рейнѣ.

Ни въ жизни отдѣльныхъ людей, ни въ жизни цѣлыхъ народовъ не существуетъ никакихъ задачъ — жить потому, что живется. Поэтому странно слышать, когда ученые историки толкуютъ объ историческихъ задачахъ и увѣряютъ, что задача Россіи просвѣтить востокъ. Если каждый народъ имѣетъ задачей просвѣщать своего со- сѣда, въ такомъ случаѣ задача Германіи просвѣщать Россію, задача Франціи просвѣщать Германію, задача Америки просвѣщать Англію. Передача полезныхъ знаній совершается не потому, чтобы въ этомъ заключалась задача знающаго; напротивъ, незнающій заимствуетъ ихъ потому, что онѣ ему полезнѣе. Все это дѣлается безъ всякихъ задачъ и задуманныхъ впередъ соображеній. Жизнь каждаго народа такъ трудна и многосложна, что и безъ указательной обязанности ему есть что дѣлать. Допуская справедливость логики историческихъ задачъ, пришлось бы сказать, что задача Москвы снабжать товарами Нижній Новгородъ, задача Нижняго Новгорода снабжать Казань, а задача Казани снабжать Астрахань; а между тѣмъ все это дѣлается просто потому, что города эти лежатъ на водномъ пути. Рѣки и моря играютъ чрезвычайно важную роль въ исторической жизни народовъ, но поселится ли народъ на потокахъ какой нибудь рѣки, или на ея устьѣ, — это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: водный путь можетъ сохранить для страны все свое экономическое значеніе, даже и не находясь въ предѣлахъ этой страны. Что же касается до историческаго стремленія народовъ къ устьямъ рѣкъ, то въ подтвержденіе этой мысли можно представить столько же фактовъ, сколько и противъ нея. Поэтому лучше подобнымъ стремленіямъ не давать особенной важности и не объяснять ими причины большого и малого размѣра государствъ.

Точно такой же границей служатъ и горы. Кавказъ очень гористъ, однако это не помѣшало Россіи покорить его. Швеція отъ Норвегій отдѣляется трудно проходимыми горами, но обѣ эти страны составляютъ одно государство. Шотландію не спасли горы отъ Англій; а между тѣмъ Пиренеи остались границей между Франціей и Испаніей, не смотря на то, что Людовику XIV показалось, что ихъ болѣе нѣтъ и что Наполеонъ перевелъ черезъ нихъ болѣе 300,000 французскаго войска и даже вступилъ самъ торжественно въ Мад-

рѣкъ. Народы сливаются и составляютъ или не составляютъ одно политическое тѣло совсѣмъ не отъ того, раздѣляютъ ли ихъ или нѣтъ рѣки и горы, а отъ другихъ причинъ. Такъ называемыя естественныя границы могутъ служить только предлогами для оправданія политическихъ насилій или политическаго безсилія, но не въ состояніи объяснить исторію ничего въ судьбѣ изслѣдуемаго имъ народа. Чтобы народъ не могъ забраться за естественную границу, нужно чтобы она была дѣйствительно непроходимой; но мы видимъ, что и океанъ не спасаетъ отъ завоеваній, когда нѣтъ силы противиться врагу; а иногда и на одной и той же равнинѣ живутъ два, три народа и если ихъ не раздѣляютъ живыя урочища, то они проведутъ борозды и поставятъ пограничныя камни.

Придавая такое большое значеніе равнинности Россіи, исторіи забываютъ, что наши болота и лѣса по своей непроходимости стоили самыхъ широкихъ рѣкъ и самыхъ великихъ и скалистыхъ горъ; но болота и лѣса не только не помѣшали русскимъ забраться на Бѣлое море и на Печору; но не помѣшали зайти до тундръ Сибири и до Восточнаго океана. Для такихъ молодцовъ, какъ Дежневъ, не значутъ ничего ни горы, ни моря. Въ утлыхъ, жалостныхъ посудинахъ онъ обогнулъ сѣверо-восточную Азію и открылъ проливъ, названный впослѣдствіи Беринговымъ. Это было въ 1648 году. «Носило меня, пишеть Дежневъ, по морю послѣ Покрова Богородицы вѣду неволею и выбросило на берегъ, въ передній конецъ за Анадырь рѣку; а было пасъ на ночѣ всѣхъ двадцать пять человѣкъ, и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодные и голодные, наги и босы, и шелъ я бѣдный Семейка съ товарищами до Анадыра рѣки, ровно десять недѣль, и попали на Анадырь рѣку, впаву близко моря, и рыбы добыть не могли, лѣсу нѣтъ и съ голоду мы бѣдные врознь разбѣжались. Осталось пасъ отъ двадцати пяти человѣкъ всего двѣнадцать человѣкъ и пошли мы въ судахъ вверхъ по Анадыру рѣкѣ и шая до Анаульскихъ людей, взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли». Такіе же молодцы были Ермакъ, Поярковъ, Хабаровъ, Степановъ. Въ командѣ Ермака было всего 540 человѣкъ. Когда Іоаннъ получилъ донесеніе Ермака о завоеваніи имъ Сибири, то велѣлъ Строгановымъ заготовить пятнадцать струговъ такой величины, чтобы каждый поднималъ по двѣдцати человѣкъ съ запасомъ; значить на всю Сибирь царь посылалъ только триста человѣкъ ратныхъ людей. Воевода Воейковъ до-

послал, что у него въ походѣ противъ Кучума было три сына боярскихъ, голова татарскій, три атамана, да 397 человекъ литвы, казаковъ и юртовскихъ и волостныхъ татаръ. Съ такими силами былъ окончателно разбитъ Кучумъ и покорена вся его страна. Правда и у Кучума было всего 500 человекъ войска. Съ самыми незначительными силами казаки и разные охочіе люди пробирались по пустыннымъ пространствамъ все дальше и дальше на востокъ, пока не добрались до Восточнаго океана и остановились потому, что идти уже дальше было некуда. Подчиняя мѣстныхъ жителей, казаки и служилые люди спрашивали ихъ о земляхъ лежащихъ далѣе. Такъ Василій Власьевъ собиралъ отъ бурятъ свѣдѣнія о Ламѣ, о Тунгуской вершинѣ, спрашивалъ про Мугальскихъ людей, далеко ли они живутъ, есть ли у нихъ города и остроги, какой у нихъ бой—лучный или огнестрѣльный; въ китайское государство какой дорогой ходять и сколько до Китая судовымъ ходомъ или сухимъ путемъ? Какъ далеко отъ нихъ Шилка рѣка, какой на ней родится хлѣбъ, далеко ли отъ нихъ добывается серебряная и мѣдная руда? Трудны или легки были подобныя странствованія, читатель можетъ видѣть изъ того, что Постникъ Ивановъ доносилъ, что если въ Юнагирскую землю послать даже сто человекъ служилыхъ людей, то имъ можно быть сытыми рыбой и звѣремъ, безъ хлѣба. Поярковъ отправился изъ Якутска на Амуръ съ 133 человекъ. Шелъ онъ Леной, потомъ Алданомъ, потомъ волокомъ до одного изъ притоковъ Зеи, впадающей въ Амуръ. Воображая, что онъ плыветъ по Шилкѣ, Поярковъ добрался до устья Амура, тутъ онъ зимовалъ, а лѣтомъ поплылъ моремъ къ устью Ульи, потомъ волокомъ до одного изъ притоковъ Алдана и воротился въ Якутскъ. Изъ своего небольшого отряда Поярковъ потерялъ 80 человекъ, изъ нихъ 25 были убиты Дучерами, на Амурѣ, а остальные умерли съ голоду. Нужда была такъ велика, что люди ѣли своихъ умершихъ съ голоду товарищей и убитыхъ въ бою иноземцевъ. Съѣли они пятьдесятъ труповъ. Когда Поярковъ плылъ по Зеѣ, то туземцы не допускали его до берега, называя русскихъ погаными людоедами. Всѣ эти трудности не сравнятся, разумѣется, съ переходомъ какихъ—нибудь естественныхъ границъ, въ родѣ рѣкъ или горъ. Люди проходятъ тысячеверстныя разстоянія, въ краѣ дикомъ и пустынномъ, мрутъ съ голоду, а все-таки идутъ, потому что ихъ привлекаетъ пожива—лсакъ, соболи, серебро и золото. Такимъ образомъ край въ 250 т. квад-

ратныхъ миль пріобрѣтается съ потерей какой нибудь тысячи чело-
вѣкъ. Препятствія, встрѣчаемыя людьми въ своемъ походѣ, не мо-
гутъ ихъ задержать; они забираются въ глубь страны и выходятъ
наконецъ къ Восточному океану совсѣмъ не потому, что имъ при-
ходилось идти равниной, а потому что не встрѣтили на пути такой
силы, которая могла бы ихъ задержать. Голодъ, холодъ и разныя
матеріальныя лишенія не казались русскому человѣку такой ужасной
вещью, чтобы они могли удержать его отъ подобныхъ странствованій.
Къ лишеніямъ привыкъ онъ и дома; а пожива была на столько
привлекательна, что пересиливала непріятности лишеній. Герберштейнъ
говорилъ, что во время походовъ московскіе ратники довольствуются
очень немногимъ: люди съ состояніемъ запасаются толокномъ, вет-
чиной и солью; богатые присоединяютъ къ этому перецъ; слуги же
иногда по два и по три дня остаются безъ пищи. Но забираясь въ
Сибирь и на Амуръ люди шли не на голодъ; голодъ былъ случай-
ность: охочій человѣкъ шелъ за ясакомъ и за поживой.

Хотя занятіе пустыхъ мѣстъ въ Сибири дѣлалось большею частью
охочими людьми, но оно имѣло все-таки по преимуществу завоева-
тельный характеръ, потому что совершалась или по распоряженію
правительственной власти, или съ ея поддержкой. Иначе колонизова-
лись пустыя мѣста на сѣверѣ Россіи новгородцами. Хотя и здѣсь
не обходилось безъ враждебныхъ столкновеній, но вообще занятіе пу-
стыхъ мѣстъ имѣло болѣе мирный характеръ. Водь, жившая въ ны-
нѣшней Петербургской губерніи, была подчинена Новгороду еще во
времена до-историческія. Карелы, жившіе вокругъ Ладожскаго и
Онежскаго озеръ, были союзниками новгородцевъ и вмѣстѣ съ ними
отбивали нападенія Шведовъ. Впослѣдствіи карельскій край заселялся
незамѣтно русскими, безъ всякихъ враждебныхъ отношеній; по край-
ней мѣрѣ объ нихъ ничего неизвѣстно. Точно также совершилось
незамѣтно и занятіе Заволочья, т. е. края по Двинѣ и ея прито-
камъ. Край этотъ былъ заселенъ финскимъ племенемъ и отличался
богатствомъ пушныхъ звѣрей. Подобнымъ же образомъ новгородцы
забрались на Печору, въ Пермь и Югру, къ перьякамъ и зыря-
намъ. Югра была самымъ отдаленнымъ краемъ новгородскихъ вла-
дѣній. Ученые полагаютъ, что она лежала за Уральскимъ хребтомъ,
въ предѣлахъ Оби и Нижняго Иртыша. Нельзя сказать, чтобы Нов-
городская колонизація обходилась безъ потерь: въ лѣтописи указы-
вается нѣсколько случаевъ, когда данщиками побивали новгородскихъ

сборщиковъ. Тѣмъ не менѣ новгородцы находились съ своими колоніями преимущественно въ торговыхъ сношеніяхъ. Пермь, Печора и Югра вели значительную торговлю во времена самыя отдаленныя. Это привлекало къ нимъ скандинавскихъ искателей приключеній и тоже самое привлекло и Новгородцевъ. Изъ югорскаго края и Перми новгородцы получали серебро и золото. Черезъ Югру шолъ торговый сибирскій путь и кромѣ того черезъ Пермь рѣками Волгой, Камой, Печорой и Двиной существовало торговое сообщеніе глубокаго сѣвера съ Каспійскимъ моремъ. Этимъ путемъ шли товары изъ Персіи, Бухаріи, Арменіи, Аравіи и Индіи. Когда Новгородцы завладѣли краемъ, они завладѣли и его торговлей.

Отношенія Новгорода къ его владѣніямъ отличались болѣе промышленнымъ характеромъ. Новгородцы не стѣсняли инородцевъ нисколько ни въ религіозномъ отношеніи, ни подавляли ихъ народности. Иначе поступала московская власть. Когда свобода Новгорода была подавлена Иваномъ III, онъ задумалъ покорить и новгородскія колоніи. Въ Пермь и въ Югру были посланы съ войсками московскіе воеводы; они опустошали селенія и города и, забирая въ плѣнъ предводителей, приводили народъ въ покорность московскому княженію силою оружія. Иванъ III дѣйствовалъ нѣсколько иначе, чѣмъ торговый Великій Новгородъ. Великому князю нужны были не торговыя сношенія, а полное подчиненіе народа и лишеніе его самобытной жизни. Поэтому, послѣ изъявленія Югрой покорности и присяги въ вѣрности, были отправлены туда вновь воеводы съ ратными людьми. Мѣстные князьки встрѣтили ихъ съ покорностью, предлагали миръ и подданство, но воеводамъ нужно было не это. Они забрали князьковъ въ плѣнъ и пошли съ огнемъ и мечемъ по югорской землѣ. Было взято въ плѣнъ пятьдесятъ князей, которыхъ отправили въ Москву и разорено сорокъ городковъ.

Такимъ образомъ причину громадности Россіи нужно объяснять все не равнинностью ея материка и не тѣмъ, что ядро русскаго населенія засѣло у истоковъ главныхъ водныхъ путей, а исключительно легкостью, съ какой совершались пріобрѣтенія земель и восточнымъ положеніемъ Россіи. И для московской центральной власти и для промышленнаго Новгорода нужны были денежныя средства; для Новгорода они заключались въ новыхъ торговыхъ мѣстностяхъ и въ дани, а для Московскаго государства исключительно въ дани. На западъ и югъ идти было некуда, потому что тамъ стояла сила,

превышавшая силы Московскаго государства, и вотъ Россія двинулась на сѣверъ и востокъ, гдѣ не могли устоять противъ нея слабыя финскія племена и безсильное сибирское населеніе. Во всемъ этомъ помогло прежде всего восточное положеніе Россіи. Если бы славяне, подобно западнымъ европейцамъ, помѣстились бы между сильными сосѣдями, то разумѣется имъ не удалось бы расширить въ такой степени предѣлы своей страны; но русскіе—славяне заняли крайній востокъ Европы, среди мелкихъ племенъ, чуждыхъ всякой гражданственности и безсильныхъ. Въ этомъ же восточномъ положеніи, т. е. въ сосѣдствѣ съ кочевниками, выходившими изъ Азіи, и въ сосѣдствѣ финскихъ племенъ и сибирскихъ инородцевъ, заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ особенностей въ историческомъ развитіи всей нашей государственной и частной жизни.

Вопросъ — почему Россія такъ велика и какую роль играла при этомъ равнинность и рѣки—не особенно важенъ въ научномъ отношеніи. Здѣсь важно не то, почему страна велика, а не имѣла ли величина русскаго материка вліянія на характеръ всей общественной и частной жизни народа? Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, получаетъ уже смыслъ, потому что равнинность и многоводіе составлять одно изъ условій мѣстной природы страны, слѣдовательно ими обуславливаются разныя климатическія и экономическія условія и опредѣляется вліяніе природы на всю культуру общества.

Понятіе о природѣ имѣетъ весьма широкій смыслъ. Подъ природою нужно понимать рѣшительно всѣ внѣшнія вліянія, дѣйствующія такъ, или иначе, на организмъ человѣка. Здѣсь важны и большая или меньшая плоскость, т. е. равнинность страны, почва, климатъ, потому что отъ нихъ зависитъ растительность страны и слѣдовательно земледѣльческая культура и пища населенія. Здѣсь важны и естественныя богатства земли и характеръ ея растительнаго покрова, потому что ими опредѣляется промышленная дѣятельность народа. Наконецъ здѣсь важна и степень населенія, или величина материка, потому что отъ этого зависитъ большая или меньшая напряженность въ столкновеніяхъ людей и разнообразіе ихъ гражданскихъ отношеній.

Мѣстная природа слагается изъ чрезвычайно разнообразныхъ дѣтелей; каждый изъ нихъ имѣетъ свою важность и значеніе; но къ сожалѣнію современныя естественныя науки еще не настолько развиты, чтобы можно было указать въ точности на вліяніе каждаго отдѣльнаго фактора, совокупность которыхъ составляетъ то, что на-

зывается природой. Наука не знаетъ, какія именно поремѣны преисходятъ въ организмъ человѣка, если онъ живетъ въ печальной, холодной мѣстности и питается скудной растительной пищей. Наука не знаетъ, насколько измѣняется химическій составъ нервовъ и мозга человѣка, подвергающагося разнымъ матеріальнымъ лишениямъ; какъ именно и въ чемъ именно измѣняется его организмъ и отправленія его растительной и животной жизни. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что, какъ сказалъ Георгъ Форстеръ, «исторія произведеній земли тѣсно и глубоко связана съ судьбами человѣчества, со всѣми его чувствами, мыслями и дѣйствіями», и справедливость этого можетъ быть доказана историческими фактами и сравненіями народовъ.

Природа Россіи, особенно древней, отличалась особенностями, которыя должны были обнаружить и особенное вліяніе на организмъ, а слѣдовательно и на характеръ русскаго человѣка. Вотъ свѣдѣнія, оставленныя намъ иностранцами о внѣшнемъ видѣ русской природы. Путешественники, посѣщавшіе Россію, говорятъ согласно, что она была очень богата лѣсами. Юсафатъ Барбаро, бывшій у насъ въ XV столѣтіи, пишетъ, что «лѣтомъ въ Россіи никто не отваживается въ дальній путь, по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, поражаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми». Тоже самое говоритъ и Кантарини, но прибавляетъ, что Москва окружена обширными лѣсами, покрывающими все пространство Россіи. О дорогѣ отъ Москвы до Трокъ Кантарини говоритъ слѣдующее: «Нужно замѣтить, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 января по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 февраля, мы постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха, чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень мы останавливались для обѣда, и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими; а также проруби на льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега. Подложивъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно сажались вокругъ костра и поддѣрпывали себя пищей; когда же одинъ бокъ начиналъ сильно забнуть отъ стужи, то мы переворачивались на другой».

Сто лѣтъ спустя, т. е. при Алексѣѣ Михайловичѣ, проѣхалъ по этой дорогѣ Ливезъ и говоритъ о ней тоже самое. По его замѣчанію,

путь отъ Смоленска до Москвы опасенъ отъ множества медвѣдей и скученъ по причинѣ непрерывныхъ лѣсовъ. Единственная дорога между этими городами шла по полосѣ вырубленнаго лѣса, шириною около 30 футовъ, съ бревенчатою по болотамъ настилкою. Отъ пустынности края, посольству, при которомъ находился Лизель, приходилось часто почевать въ лѣсу. Выѣхавъ изъ Москвы, Мейрберъ, сдѣлалъ до Вязьмы 130 верстъ однимъ непрерывнымъ лѣсомъ, въ которомъ была только одна деревня — Царево-Займище. Близъ Москвы мѣстность была не лучше. Путешественники сдѣлали лѣтомъ 70 миль.

По замѣчанію Олеарія Московія, за исключеніемъ мѣстъ, расчищенныхъ изъ подъ лѣсовъ палежами, для образованія пашень, представляетъ одинъ непрерывный лѣсъ, въ высшей степени изобильный дичью пернатой и четвероногой. О русскомъ холодѣ онъ говоритъ, что нѣтъ мѣха, который бы могъ защитить носъ, уши, руки и ноги отъ мороза. Въ первую свою поѣздку, въ 1634 году, Олеарій былъ свидѣтелемъ такого сильнаго мороза, что въ Москвѣ, на главномъ рынкѣ, находившемся передъ дворцомъ, земля дава трещину въ семнадцать сажень длины и въ футъ ширины; смола замерзала не достигая земли. Также былъ непріятенъ и лѣтній жаръ, не столько самъ по себѣ, сколько отъ множества мухъ, комаровъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ. На эту же непріятность жалуется и Карлейль. Во время его пути, всякій день, при вставаніи утромъ, кто нибудь изъ свиты оказывался такъ искусаннымъ насѣкомыми, точно будто бы онъ страдалъ оспой. На протяженіи 500 лье сдѣланныхъ Карлейлемъ по болѣе населенной части государства, именно изъ Архангельска, чрезъ Устюгъ, Вологду, Ярославль въ Москву и потомъ чрезъ Тверь и Новгородъ въ Ригу, онъ видѣлъ лѣса постоянно. О дорогѣ отъ Москвы на Ревель Олеарій говоритъ, что по ней не встрѣчается ничего кромѣ лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и насѣкомыхъ.

Но особенно лѣсистъ былъ сѣверный край. По замѣчанію Герберштейна, народъ, живущій на Вагѣ, почти никогда не употребляетъ хлѣба и питается звѣрями. Жители Устюжской области также не употребляютъ почти никогда хлѣба, а питаются рыбой и звѣрями. Вятская область болотистая и безплодная. Въ ея лѣсахъ, говоритъ Мейрберъ, огромное количество меда, четвероногой дичи и рыбы, которыми питаются мѣстные жители, не заботясь о хлѣбѣ. По словамъ Олеарія Бѣлозерскій край такъ болотистъ, лѣсистъ и перспол-

нень рѣками, что проѣздъ въ него возможенъ только зимой, когда холодъ заморозить болота и рѣки. Вообще вся Новгородская и Псковская области были очень лѣсисты и болотисты.

Западъ отличался такой же лѣсистостью. Лѣса нынѣшней Гродненской и Волынской губерній Мейерберъ называетъ странными. Тамошніе жители, дѣлая въ лѣсахъ палежи, получали безъ другаго удобренія, кромѣ земли, въ первые 3 — 4 года хлѣбъ въ огромномъ количествѣ. Такая же система земледѣлія существовала и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

На югѣ лѣсовъ было менше; а отъ южной части нынѣшней Тамбовской губерніи шла ниже степь безлѣсная и ненаселенная. Около Брянска лежалъ громадный лѣсъ въ 24 мили шириной. На крайнихъ предѣлахъ его были расположены Брянскъ, Путивль и Черниговъ. Ниже Путивля шла степь вплоть до Тавриды. Западную границу степи составлялъ Кіевъ.

Каптарини, проѣхавшій всю степь сначала изъ Кіева югомъ на Астрахань, а потомъ изъ Астрахани на Рязань въ Москву, говоритъ, что степь очень велика и не имѣетъ ни малѣйшаго слѣда дорогъ. Онъ и его спутники оставались не рѣдко цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить коней. Авріль, ѣхавшій изъ Саратова въ Москву, зимой, первые три дня пути не встрѣчалъ ни деревъ, ни жилищъ. Путешествіе это было для него тѣмъ болѣе трудно, что нужно было везти съ собою дрова, воду и продовольствіе для людей и для лошадей. Такая же пустыня была и около Симбирска.

Изъ этихъ описаній слѣдуетъ составить такое общее заключеніе о характерѣ мѣстности, занятой русскими. Безпредѣльные, почти сплошные лѣса, а на сѣверѣ и совершенно сплошные, потому что Карлейль говоритъ, что наши лѣса составляютъ остатокъ огромнаго Герцинскаго лѣса, простиравшагося нѣкогда по всему сѣверу Европы и который ни въ одномъ изъ сосѣднихъ государствъ такъ не замѣтенъ какъ въ Россіи. Лѣса наполнены болотами и рѣками и вообще изобилуютъ водами, такъ что сообщеніе становится возможнымъ только зимой, когда рѣки и болота замерзнуть. Изъ этого понятно, почему первыя селенія располагались по рѣкамъ и почему все движеніе населенія и торговля шли водяными путями — сухимъ путемъ было идти невозможно. Природа лѣсовъ не отличалась богатствомъ и разнообразіемъ растительности — сосна, ель, береза составляли главныя насажденія лѣсовъ сѣвера, а другія болѣе живо-

лесныя породы — дубъ, липа, росли въ при-волжскихъ мѣстахъ. Скудные растительностію мѣса, съ другой стороны, были богаты всякимъ звѣремъ, дичью, медомъ; а рѣки изобиловали рыбой. Набытокъ вождь и болотъ производилъ климатъ сырой, дождливый и холодный, короткое лѣто съ ранними осенними и поздними весенними морозами. Неприятность такого лѣта усиливалась множествомъ насѣкомыхъ — комаровъ, мухъ, оводовъ, слѣпней, осъ и машкоры. Зима отличалась продолжительностью и суровостью. Такой печальный климатъ при унылой природѣ и ровной однообразной мѣстности могъ имѣть на человѣка только подавляющее вліяніе; въ этой природѣ не могло заключаться ничего способнаго поселить къ ней особенную привязанность и ту любовь, какая замѣчается въ жителяхъ странъ болѣе богатыхъ разнообразіемъ растительности, внѣшней красотой мѣстности и благораспоряденнымъ климатомъ. Разнообразная и болѣе щедрая природа Западной Европы воспитала въ тамошнемъ человѣкѣ чувство изыскаго, любовь къ красотѣ и погребности этой красоты. Отсюда то стремленіе къ садамъ, къ устройству цвѣтниковъ, къ украшенію жилищъ разнообразной зеленью, какими отличаются жители Запада и особенно нѣмцы. Русская унылая природа не могла дѣйствовать такимъ образомъ на воображеніе человѣка; она наводила скорѣе грусть и уныніе, и оставляя воображеніе въ покоѣ, могла возбуждать только разсудочность. Вотъ почему въ русскихъ, даже и до сихъ поръ, когда условія страны измѣнились уже много, замѣтно совершенное равнодушіе къ красотамъ природы. Сердце и воображеніе русскаго человѣка не трогается никакимъ видомъ, ему ненужна зелень, онъ равнодушенъ къ цвѣтамъ, и если заводитъ садъ, то чисто съ экономическою цѣлью, чтобы получать отъ него выгоды. Нѣтъ ничего печальнѣе русскихъ деревень въ унылыхъ степныхъ мѣстностяхъ: ни травы, ни кустика, ни деревца; люди дикіе находятъ, что живется и такъ — безъ зелени, а заводить ее на потѣху, безъ выгоды, только тратить даромъ время. Въ до-Петровскую эпоху русскіе были еще равнодушнѣе; о садахъ они не имѣли никакого понятія и знали только огороды. Поэтому въ Москвѣ были очень недовольны, когда Елисавета - англійская приняла посланника Іоанна IV, Бекмана, въ Виндзорскомъ саду, который онъ называлъ огородомъ и королева писала по этому случаю къ царю: «Мѣсто, гдѣ Бекманъ былъ передъ нами, есть мѣсто честное, близко нашей палаты и туда никого не пускаютъ только великихъ и любя-

мыхъ слугъ для чести, и въ огородѣ этомъ нѣтъ ни луку, ни чесноку; Бекманъ сказалъ неправду. Слѣдовало бы его за эти лживыя и ложныя слова наказать и даже побить.» Очевидно, что москвичи не понимали разницы между садомъ и огородомъ. Впрочемъ это обстоятельство не мѣшало москвичамъ при случаѣ отстаивать садоводственную честь своего отечества. Такъ, когда Алексѣй, Михайловичъ отправилъ къ персидскому шаху посольство и Аббасъ поднѣвъ букетъ цвѣтовъ изъ золотого, стоявшаго предъ нимъ сосуда, спросилъ: «Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть-ли? То послы отвѣчали: «У великаго государя цвѣты этимъ подобныя есть, шаней кудрявая и другихъ многихъ всякихъ различныхъ цвѣтовъ много.» Отвѣтъ былъ уклончивый, потому что шахъ спрашивалъ о московскомъ государствѣ, а послы отвѣтили, что цвѣты есть у царя, но имъ и нельзя было отвѣтить иначе, потому что цвѣты не были въ обычаѣ народа, а водились только у иностранцевъ, да у тѣхъ изъ русскихъ, которые стали подражать иностраннымъ обычаямъ.

Первое вліяніе однообразной, равнинной и богатой лѣсомъ мѣстности заключалось въ томъ, что она, не возбуждая воображенія, задерживала и всѣ связанныя съ нимъ способности. Отъ этого архитектура, живопись, музыка, поэзія не могла ни создаться, ни развиться русскими и вотъ причина той бѣдности въ искусствахъ, какую представляла до-Петровская Русь. Развитію архитектуры мѣшало еще и другое обстоятельство. У древнихъ грековъ, бѣдныхъ лѣсами и богатыхъ горнокаменными породами, при климатѣ, требовавшемъ защиты отъ солнца, должны были необходимо явиться крытыя галереи; строительный матеріалъ допускалъ возможность разнообразной его обдѣлки и потому понятно, что явились архитектурныя украшенія, колоны, гортники. Русскій строительный матеріалъ былъ другаго сорта; изъ него могло быть здѣлано только бревно и больше ничего. Нужно было складывать избу прочную, отъ холода и непогоды. Тутъ шло дѣло не о наслажденіи природой, которой наслаждаться было нельзя, а о томъ, чтобы укрыться отъ вредныхъ климатическихъ вліяній. Не только избы крестьянъ, но даже и дома зажиточныхъ людей не имѣли внутри никакихъ украшеній. Стѣны были просто деревянные, голыя и только богатыя ризницы съ образами скрашивали нѣсколько эту пустоту. Живопись не могла развиваться, не только вслѣдствіе неблагоприятнаго вліянія печальной природы, но и вслѣдствіе религіознаго догмата... Но если природа съ одной стороны ста-

вила препятствія развитію воображенія и вкуса, то этимъ самымъ она давала большой просторъ развитію другихъ способностей, именно разсудочности, расчѣту.

Въ ближайшей связи съ природой страны находится земледѣльческое хозяйство народа и его пища. По словамъ иностранцевъ, земледѣліе у насъ было лядное, т. е. выжигали мѣсто изъ подъ лѣса и сѣяли хлѣбъ на землѣ, удобренной золой. Такая система полеводства существуетъ у насъ еще и теперь въ мѣстахъ очень лѣсистыхъ. Эта система предполагаетъ недостатокъ луговъ и недостатокъ скота, что и было дѣйствительно въ до-Петровской Россіи. Но съ нею связывается еще и другое обстоятельство—непосѣдность, являющаяся вслѣдствіе кочеваго земледѣлія. Кочевое земледѣліе сообщаетъ кочевой характеръ и самому земледѣльцу. Отсюда та непривязанность къ землѣ, которую обнаруживали русскіе крестьяне, — непривязанность особенно усиливавшаяся тѣмъ, что крестьянинъ не былъ землевладѣльцемъ. Поэтому онъ бродилъ вѣчно отъ одного земельного собственника къ другому и вѣчно расчищалъ новыя мѣста для новыхъ нашенъ. Разумѣется не одно это обстоятельство имѣло вліяніе на бродячесть народа. Императоръ Маврикій говоритъ, «что у славянъ недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружѣ и живя какъ разбойники.» Такая жизнь могла явиться только вслѣдствіе боязни грабежа и раззоренія; а на то и на другое русскіе имѣли всегда возможность жаловаться. Сначала ихъ грабили и раззоряли Авары, Козары, потомъ явились Печенѣги, Половцы, княжескія усобицы, тамъ татары, тамъ польскія наслія, наконецъ вѣчныя внутреннія притѣсненія. Четыреста лѣтъ подобной жизни, въ мѣстности, неизмѣвшей ничего особенно привлекательнаго и при отсутствіи земельной собственности, должны были воспитать въ народѣ привычку къ бродячей жизни. Вотъ почему ни одинъ народъ Европы не находилъ такъ легко своего дома и не переселялся на новыя мѣста, какъ русскіе. *Разбрестись розно* стало наконецъ даже обычнымъ выраженіемъ, которымъ народъ оканчивалъ всѣ свои жалобы къ царю на мѣстныя неудобства и на притѣсненія властей. Эта же вѣчная готовность бросить свое мѣсто, когда что нибудь не нравится, или стѣсняется, поддерживали въ народѣ любовь къ свободѣ; она создала поселенія русскихъ недо-

вольныхъ и раскольниковъ въ мѣстахъ глухихъ и пустынныхъ, способствуя такимъ образомъ русской колонизаціи; она же создала и казачество. Неосѣдность эта замѣчается даже до сихъ поръ въ русскомъ народѣ, и побѣгъ есть самая обыкновенная форма протеста, которою крестьянинъ выражаетъ свое неудовольствіе.

При всемъ обиліи въ лѣсахъ дичи, русскій не былъ охотникомъ и главнѣйшую его пищу составляли земледѣльческіе продукты его сельскаго хозяйства и рыба. Недостатокъ въ пищѣ мускульнаго фибрина не могъ сообщить населенію большой силы, потому что только мясо производитъ мясо. Въ настоящее время справедливость этого замѣчанія легко провѣрить сравненіемъ англійскаго рабочаго, питающагося ростбифомъ, съ лапландцемъ или гренландцемъ, живущимъ въ суровомъ климатѣ и питающимся преимущественно рыбой. Да и современный русскій крестьянинъ, въ мѣстностяхъ болѣе отдаленныхъ и лѣсистыхъ, можетъ служить живымъ подтвержденіемъ той же мысли. Здѣсь кстати опять припомнить Георга Форстера. «Имѣетъ ли пища вліяніе на ваши высшія отправленія? спрашиваетъ онъ. Имѣетъ ли она непосредственное или посредственное вліяніе на умъ и сердце? Пусть разрѣшаютъ это наши внуки (Форстеръ жилъ въ прошедшемъ столѣтіи и путешествовалъ вмѣстѣ съ Кукомъ); мы знаемъ только съ достовѣрностью, что кротость, любовь и чувствительность сердца составляютъ существенныя черты характера человѣка, который питается плодами хлѣбнаго дерева.» И въ настоящее время кочующіе народы, питающіеся плодами и молокомъ, отличаются мирнымъ, кроткимъ характеромъ и добродушіемъ. Такъ было и прежде. Слѣдовательно очевидно, что и кротость и доброта славянъ, которую находили въ нихъ иностранцы, происходила преимущественно, а иногда и исключительно отъ ихъ растительной, прохлаждающей пищи, заключающей мало началъ для мускульнаго фибрина. Скучная пища, бѣдная природа, суровый климатъ, трудности, какія приходилось выносить въ жизни отъ разныхъ причинъ, политическихъ и неполитическихъ, — воспитали въ русскихъ выносливость, терпѣливость и снисходительность. Незлопамятство и выносливость русскихъ можно подтвердить цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ. Герберштейнъ такъ охарактеризовалъ русскаго воина: «Татаринъ, сброшенный съ коня, лишенный оружія, тяжело раненный, все еще обороняется до послѣдняго падыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ. Турокъ, видя себя

въ безнадежномъ положеніи, начинаетъ смиренно умолять врага о помилованіи. Московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помощи.» Правда, что Фила, воевода Коломана, отзывался о русской храбрости и стойкости не особенно похвально; онъ говорилъ, что одинъ камень много горшковъ побиваетъ; но это отзывъ пристрастнаго и самоувѣреннаго врага; русскіе имѣли много случаевъ доказать, что они вовсе не такіе горшки, какъ отзывался о нихъ венгерскій воевода. Въ открытомъ полѣ наши точно не были сильны; взятіе укрѣпленій и приступы имъ не всегда удавались, за то они отличались въ укрѣпленіяхъ и могли долго и стойко выносить осаду. Лучшимъ фактомъ, въ подтвержденіе этого, можетъ служить защита Шенномъ Смоленска, такъ прославившая воеводу и затѣмъ неудачная осада Смоленска тѣмъ же самымъ героемъ Шенномъ, за которую онъ поплатился въ Москвѣ головой. Отличаясь болѣе миролюбивымъ характеромъ русскіе, разумѣется, не особенно любили войну. Правда, что князья имѣли страсть вздорить и драться; но въ своихъ войнахъ они употребляли дружины, состоявшія обыкновенно изъ разныхъ искателей приключеній и беспокойныхъ головъ. Это даже и на воинственныхъ князьяхъ отражалось общее миролюбивое настроеніе и, разумѣется, ни одинъ народъ не представляетъ столько случаевъ, гдѣ войска сходились и расходились не сразившись, какъ русскіе. Это особенно было замѣтно въ сѣверномъ русскомъ населеніи, отличавшемся большимъ хладнокровіемъ и расчетливостію, чѣмъ южная и югозападная Русь. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Князья Святославъ Ярославичъ Тверской, Данилъ Александровичъ Московскій и Новгородцы, выступивъ противъ князя Дмитрія Александровича Переяславскаго, и сойдясь съ его войскомъ вѣдь Дмитровымъ, простояли пять дней и заключили миръ, не вступая въ сраженіе. Князь Юрій Московскій и Михаилъ Тверской сошлись съ своими войсками на Волгѣ, не далеко отъ Костромы, простояли долго и заключили договоръ. Подобная же встрѣча произошла у этихъ же самыхъ князей потомъ и въ другой разъ. Князья Василій Михайловичъ Кашинскій и Всеволодъ Александровичъ Холмскій ссорились между собой очень сильно и, какъ говорить лѣтописецъ, была людямъ тверскимъ тягость и многіе люди тверскіе отъ такого нестроевія разошлись и чуть-чуть не дошло даже до кровопролитія, а кровопролитія все-таки не было. Въ теченіе 234 лѣтъ, съ половины XIII и почти до конца XV столѣтія, изъ девяноста извѣстій о междоусоб-

ныхъ войнахъ на сѣверѣ Россіи упоминается только о двадцати битвахъ; слѣдовательно семьдесятъ походовъ обошлись безъ кровопролитій. Подобную же черту можно подмѣтить и нынче между крестьянами. До ссоры доходить у нихъ дѣло легко; противники сойдутся, побранятся, погрозятся другъ-другу, думаешь что подерутся, а дѣло кончится одними ругательствами и угрозами. Что въ народѣ не было жестокости видно изъ того, что до Московскаго самовластия Русь не знала ни смертной казни, ни пытокъ, ни внута. Убійство, сдѣланное случайно въ дракѣ, въ нетрезвомъ видѣ, или другимъ случайнымъ образомъ, не считалось уголовнымъ преступленіемъ и наказывалось денежной пеней. Англія въ это время тоже не знала смертной казни и всѣ жестокости, которыми такъ поражала потомъ Европа и Русь, и которыя часто существуютъ и донинѣ, были изобрѣтены впоследствии учеными и человѣколюбивыми юристами. Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы вовсе не встрѣчались случаи звѣрства и жестокости, неизбежныя между людьми нецивилизованными. Но подобныя вещи случались только или на войнѣ, или въ пьяномъ видѣ, т. е. въ такія минуты, когда человѣкъ былъ разгоряченъ и не находился въ нормальномъ состояніи. Извѣстно напримѣръ, что нижегородцы, въ одномъ походѣ противъ Мордвы, затравили нѣсколько человѣкъ собаками. Смоленцы во время похода на Литву отличились разъ тоже страшной жестокостью: они сажали младенцевъ на копыя, вѣшали дѣтей головами внизъ на жердяхъ, взрослыхъ давили бревнами. Случалось, что русскіе также не церемонились и съ своими одноземцами. Вятчане въ своихъ походахъ съ Шемякой переморили много православныхъ. Они сжигали ихъ въ избахъ, выжигали глаза, сажали младенцевъ на колья и продавали плѣнныхъ татарамъ. При всемъ томъ подобныя жестокости не имѣли общаго характера; воображеніе не брало особеннаго перевѣса надъ разсудочностью и расчетомъ, и страстность являлась только иногда, моментально и въ видѣ исключенія. Отъ этого и въ своей религіозности русскій не выказывалъ страстныхъ увлеченій и фанатическихъ наклонностей...

Но одно изъ главныхъ вліяній на развитіе общественной жизни и образованіе народнаго характера имѣла величина Россіи, т. е. рѣдкость населенія относительно пространства. По первой ревизіи 1722 года считалось у насъ 5,062,500 мужчинъ податныхъ сословій, изъ этого нужно заключить, что при Иванѣ Грозномъ, населеніе не было болѣе полутора милліона. И это незначительное населеніе было расположено на площади въ 150,000 географическихъ миль, или на

5 вв. версть приходилось по одному человѣку, т. е. населеніе было вполвину рѣже, чѣмъ нынче въ Архангельской губерніи. При такой раздѣдненности снль, каждый поселокъ жилъ самъ по себѣ, какъ отдѣльная колонія; экономической связи между частями не было, общихъ экономическихъ интересовъ тоже, гражданская связь и гражданскія отношенія были крайне слабы, потому что люди, раздѣленные десятками, а иногда и сотнями версть, не могли имѣть никакихъ сношеній, каждый починокъ былъ самъ по себѣ и могъ обходиться вполне безъ всякаго сосѣдства. Такая жизнь была весьма удобна для того, чтобы развивать въ людяхъ чувство независимости, личной свободы, и произвола, но была совершенно негодна для развитія гражданственности и выработки общественныхъ отношеній. Поэтому-то народъ и могъ жить нѣсколько вѣковъ сряду въ первобытной простотѣ, не обнаруживая ни гражданскихъ стремленій, ни попытки къ гражданскому устройству; весь его гражданскій смыслъ обнаруживался въ томъ, что онъ переходилъ на новыя мѣста, когда старыя по чему-нибудь ему не нравились. Эта ширь, раздѣлиня людей, лишала ихъ только силы; для разбитаго поодинокѣ народа не была возможна ни гражданская, ни военная стойкость. У него не было никакихъ средствъ для защиты ни противъ притѣсняющаго его царскаго воеводы и тиуна, ни противъ разоряющаго его непріятеля. Одно средство спасенія заключалось въ бѣгствѣ. Кто могъ воспитать въ себѣ пассивное мужество, тотъ воспиталъ его и въ себѣ и въ своихъ потомкахъ; но у кого недоставало подобной способности, тотъ искалъ независимой жизни или въ лѣсныхъ дебряхъ сѣвера и въ Сибири, или въ заволжскихъ и въ южныхъ степяхъ, между казаками. Городская жизнь была совершенно подобна деревенской и отличалась такимъ-же малолюдствомъ, слѣдовательно экономическимъ и гражданскимъ безсиліемъ. Вотъ какое населеніе было въ нѣкоторыхъ городахъ во второй половинѣ XVII вѣка, или точнѣе въ 1654 году, въ то время когда въ московскомъ государствѣ свирѣпствовала моровая язва. Въ Калугѣ было жителей 2613 человѣкъ, изъ нихъ умерло отъ чумы 1836 человѣкъ и осталось въ живыхъ только 777 человѣкъ. Въ Торжкѣ все населеніе составляло 910 человѣкъ, осталось въ живыхъ 686; въ уѣздѣ было 3018 жителей, изъ нихъ умерло 217 челов. Въ Звенигородѣ жителей 361 челов. умерло 164 челов. Въ уѣздѣ—жителей 1396 человѣкъ, умерло 707. Въ Каломнѣ жителей 409 человѣкъ, изъ нихъ умерло 109. Въ уѣздѣ—

жителей 2447, умерло 1539 челов. Въ Твери—724, жителей, умерло 336. Въ Тулѣ жителей 2568, изъ нихъ умерло 1808 челов. Въ Угличѣ жителей 695, умерло 319. Въ Суздальѣ было жителей 2567, умерло 1177. Но безпрестанныя войны и раззоренія отъ кочевниковъ нарушали и эту невыгодную пропорцію, т. е. искусственнымъ образомъ увеличивали пространство уменьшеніемъ числа жителей. Въ теченіе періода времени, о которомъ уже было сказано, что въ немъ происходило 90 междоусобныхъ войнъ, случилось кромѣ того 133 непріятельскихъ нашествій, и въ томъ числѣ 48 татарскихъ, т. е. въ теченіе 234 лѣтъ случилось 232 военныхъ опустошеній. Чтобы дать читателю понятіе о томъ, какъ кочевники пустошили страну, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1095 году Половцы подошли къ Юрьеву и не смотря на то, что получили отъ князя Святополка плату за миръ, не уходили въ свою степь. Тогда Юрьевцы, наскучивъ жизнью въ безпрестанномъ страхѣ, бросили свой городъ и ушли всѣ въ Кіевъ. Половцы сожгли пустой Юрьевъ. Князь Святославъ жаловался, что онъ получилъ во владѣніе Черниговъ, съ семью пустыми городами, въ которыхъ сидятъ только псары, да Половцы. Въ междоусобіе Изяслава Давидовича съ князьями кievскими и черниговскими Половцы, кромѣ опустошенія нѣсколькихъ волостей и не считая ими убитыхъ людей, увели въ плѣнъ изъ одной смоленской волости болѣе 10,000 человекъ. Флетчеръ говоритъ, что по дорогѣ между Вологдой и Ярославлемъ онъ видѣлъ до 50 большихъ деревень совершенно пустыхъ. Олеарій пишетъ, что мѣстность ниже Симбирска совершенно необработана и необитаема и покрыта развалинами городовъ и селеній, разрушенныхъ нѣкогда Тамерланомъ. Характеръ опустошеній, производимыхъ дикими ордами—печенѣгами-ли, половцами-ли, манголами—былъ всегда одинъ и тотъ же. Они неистовствовали подъ жителями, не давая никому пощады, разрушали города и селенія до основанія; загоняли въ плѣнъ десятками тысячъ, а если не хотѣли брать въ плѣнъ, то рѣзали сплошь, не разбирая ни пола, ни возраста. Что же касается до опустошеній, производимыхъ у себя самими русскими, во время княжескихъ усобицъ, то авторъ слова о полку Игоревѣ говорилъ объ этомъ времени такъ: «Земля русская сѣялась и росла тогда усобицами, на ней рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу».

Люди, разьединенные непроходимыми болотами, рѣками и лѣсами

и подавляемые поодиночѣ внѣшними врагами и даже своими одноземцами, могли развивать въ себѣ только сознаніе безсилія предъ такой сокрушающей ихъ природой; бороться съ этими вліяніями было невозможно и оставалось только одно—воспитывать въ себѣ пассивное мужество и способность переносить потери и лишенія съ стойкостью, заслуживавшей лучшей участи. Континентальное положеніе страны усиливало еще болѣе неблагоприятное вліяніе мѣстной природы, потому что не давая выхода народнымъ силамъ, мѣшали развитію активности. Природа Швеціи не была лучше русской природы, но Швеція окружена морями и норманны сдѣлались пиратами. Необходимость существовать однимъ военнымъ грабежемъ сдѣлала изъ норманновъ, народъ самый воинственный. Не было въ Европѣ страны, не испытавшей на себѣ силу норманскаго оружія. Они покорили Ильменскихъ славянъ, завладѣли Англіей, основали королевства во Франціи, въ Испаніи, опустошали берега Средиземнаго моря, служили Византіи, наконецъ дали правителей Россіи. И все это явилось потому, что скудная природа страны не давала имъ дома средствъ для существованія, а окружавшее ихъ море представляло возможность дѣлать легко набѣги на своихъ сосѣдей и развивало въ людяхъ мужество, стойкость и неустрашимость. Континентальная страна не представляетъ ничего подобнаго. Выхода силамъ нѣтъ и потому они по необходимости должны или упасть все болѣе и болѣе, или сосредоточиться и развиться въ разныя пассивныя свойства народнаго характера. Но и русская натура, закаленная своей суровой природой, когда обстоятельства способствовали развитію активности, создавала и у насъ своихъ норманновъ; то были новгородскіе ушкуйники.

Ушкуйниками были новгородскіе удалыцы, составлявшіе разбойничьи шайки и производившіе грабежи по Волгѣ и по другимъ, впадающимъ въ нее рѣкамъ, на ушкуяхъ, или въ лодкахъ особой конструкціи. Къ водянымъ набѣгамъ приучил новгородцевъ Шведы, нападавшіе на новгородскія владѣнія. Отважность нашихъ удалыцовъ была такъ велика, что они на своихъ ушкуяхъ ходили даже въ Норвегію. Но особенно доставалось отъ нихъ Волгѣ, когда развитіе торговли обѣщало хорошую поживу. Такимъ дѣломъ не гнушались даже и новгородскіе бояре, составлявшіе иногда свои шайки, чтобы грабить бесерменовъ и раззорить невѣрныхъ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключалась причина, почему новгородское вѣче смотрѣло снисходи-

тельно на подвиги этих удалцовъ, хотя они зачастую грабили и своихъ. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ сказывалось національное чувство: невѣрныхъ ушкуйники грабили и убивали, а своихъ только грабили. Только разъ они поступили съ своими жестоко и то за предательство. Въ 1375 году двѣ тысячи новгородцевъ на семидесяти ушкуяхъ поплыли въ Кострому. Костромичи, въ числѣ пяти тысячъ, выступили противъ нихъ съ оружіемъ; но ушкуйники, раздѣлившись на два отряда и устроивъ засаду, разбили костромичей. Кострому грабили они цѣлую недѣлю, чего нельзя было взять съ собой, то сожгли и, набравъ много плѣнныхъ, особенно женщинъ, поплыли по Волгѣ внизъ. По пути они ограбили и сожгли Нижній Новгородъ и за тѣмъ, поплыли въ Астрахань, распродавъ по пути плѣнныхъ богарамъ. Но въ Астрахани удалцы поплатились жестоко за свой дикій набѣгъ. Татарскій князь заманилъ ихъ къ себѣ и истребилъ всѣхъ до одного человѣка, и награбленное добро взялъ себѣ.

II.

Вліянія нравственныя.

Внѣшняя природа, дѣйствуя на организмъ человѣка, сообщаетъ ему тотъ или другой закалъ, т. е. создаетъ въ немъ непримѣнно извѣстнаго рода впечатлительность и особенныя органическія способности, по которымъ въ немъ льется или перевѣсъ воображенія надъ разсудочностію, или перевѣсъ разсудочности надъ воображеніемъ, пассивность или активность, т. е. способность переносить терпѣливо и молча гнетущія внѣшнія вліянія, или стремленіе освободиться отъ нихъ; воинственность или миролюбивое направленіе; способность большой или меньшей прогрессивности, находящейся въ прямой связи съ активными способностями. Все это зависитъ исключительно отъ качествъ организма и тѣхъ его физиологическихъ особенностей, которыя вырабатываются въ немъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе благоприятной для организма внѣшней природы. Что же касается до такъ называемыхъ нравственныхъ качествъ, то они зависятъ отъ того, что именно и въ какомъ видѣ удастся узнать людямъ и какъ заставить ихъ дѣйствовать обстоятельства. Въ этомъ

отношеніи вліяніе знаній совершенно однородно съ вліяніемъ вѣшной природы. Богатая природа разовьетъ въ человѣкѣ воображеніе, скудная задержитъ эту способность. Бѣдная приморская страна сдѣлаетъ изъ своего жителя предприимчиваго и смѣлаго морехода; бѣдная континентальная земля создаетъ скромнаго и незвыскательнаго домохозяина, умѣющаго ограничивать свои желанія и довольствоваться малымъ. Смотря потому, въ какой странѣ поселится человѣкъ, изъ него и выйдетъ то, что можетъ выйти подъ ея вліяніемъ. Точно также и съ знаніями; человѣкъ приметъ тѣ, какія получаютъ къ нему доступъ, а доступъ знаній, въ началѣ исторической жизни народа, зависитъ отъ его сосѣдства. Изъ всѣхъ нравственныхъ вліяній самое могущественное, разумѣется, религиозное. Но въ какомъ видѣ оно будетъ принято народомъ и какое получить въ немъ направленіе—зависитъ отъ его органическихъ условій, отъ большой или меньшей силы разсудочности или воображенія, и отъ традиціонныхъ отношеній.

Восточные славяне поклонялись физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ — домашнимъ геніямъ. Славяне вѣрили въ загробную жизнь и полагали, что души умершихъ родителей наблюдаютъ за благосостояніемъ на землѣ ихъ потомковъ. При разбросанной, одиночной жизни и недостаткѣ общности, религія имѣла больше домашній, семейный характеръ. А отъ этого религія восточныхъ славянъ не развилась до размѣровъ общенациональнаго богослуженія; у нихъ не было ни храмовъ, ни жрецовъ, ни общенациональныхъ празднествъ. Вѣра въ загробную жизнь и въ связь съ духами создала волхвовъ, кудесниковъ, вѣдьмъ и вѣдуновъ. Сходство языческихъ вѣрованій славянъ, съ языческими вѣрованіями своихъ сосѣдей нѣмцевъ и финновъ воспитало въ славянахъ большую религиозную и национальную терпимость. Эта терпимость продолжалась у насъ и въ первыя времена христіанства. Святославъ хотя и не слушалъ убѣжденій своей матери и не принималъ крещенія, но за то и не запрещалъ его другимъ. Язычники только смѣялись надъ христіанами. Впрочемъ, когда язычники увѣрили Святослава, что неудача военныхъ походовъ происходитъ отъ христіанъ, находившихся въ дружинѣ, то онъ сталъ ихъ преслѣдовать и даже разорилъ въ Кіевѣ христіанскіе храмы; а между тѣмъ оставлялъ своихъ дѣтей при ихъ бабкѣ христіанкѣ. Подобной же терпимостью отличались русскіе и потомъ. Такъ, Нов-

городцы-христиане не выказывали никакого усердія къ крещенію язычниковъ - инородцевъ и даже навлекли на себя за это упреки шведовъ. Но подобная терпимость могла быть свойственна народу, а не князьямъ, привыкшимъ къ войнамъ и къ военному постою. А потому и крещеніе Руси совершалось вовсе не такъ мирно, какъ воображаютъ у насъ обыкновенно. Въ Кіевѣ оно обошлось безъ шума, потому что Кіевъ лежалъ на торговомъ пути въ Византію; чрезъ него проходили въ Грецію варяжскія дружины, въ Кіевѣ наконецъ производилась большая торговля и происходили постоянныя сношенія съ Константинополемъ. Поэтому, еще до появленія норманскихъ князей въ Россію, въ Кіевѣ уже были христиане и число ихъ постоянно увеличивалось. Ольга приняла христианство потому, что познакомилась съ нимъ въ Кіевѣ и видѣла хорошую, нравственную жизнь {христианъ. Только отъ свѣчки съ христианами языческаго населенія Кіева и княжеской дружины, въ которой было тоже много христианъ, Владиміру удалось такъ легко придать христианству характеръ государственной религіи. Но не такъ легко крестилась остальная Русь. Послѣ крещенія кіевского Владиміръ отправилъ Добрыню съ епископами крестить народъ и въ остальной Руси. Добрыня отправился вверхъ по Днѣпру и далѣе до Великаго Новгорода. Хотя и здѣсь уже было христианство и даже существовала церковь, по господствующей религіей оставалось все еще язычество. Когда Новгородцы узнали, что Добрыня идетъ ихъ крестить съ военной силой, то собравшись на вѣче поклялись не пускать его въ городъ и не позволять испровергнуть идоловъ. Добрыня старался уговорить выступившихъ противъ него новгородцевъ, но они вывели двѣ камнестрѣльныя машины, поставили ихъ на мосту и не хотѣли рѣшительно слушать Добрыню. А между тѣмъ священники ходили по городу, и кто не хотѣлъ креститься добромъ, тѣхъ тащили въ воду силой. Новгородскій тысящій Угоняй, разѣзжая по городу, возбуждалъ пародъ противъ крещенія: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе», говорилъ онъ. Народъ, озлившись на насиліе, винулся на домъ Добрыни, разграбилъ его, убилъ жену Добрыни и нѣкоторыхъ изъ его родни. Послѣ этого тысящій князя Владиміра, Путята, переѣхалъ ночью черезъ Волховъ, съ пятьюстами воинами, вошелъ въ городъ, схватилъ Угоняя и другихъ знатныхъ новгородцевъ и отправилъ ихъ къ Добрынѣ. Узнавъ объ этомъ Новгородцы, въ числѣ 5000, напали на Путяту, другіе бросились

разрушать церковь и грабить дома христіанъ. Тогда Добрыня пошелъ на выручку своихъ и велѣлъ жечь городъ. Новгородцы, испугавшись, кинулись тушить пожаръ, а люди знатные и богатые пошли къ Добрынѣ просить мира. Народу не оставалось ничего болѣе какъ уступить силѣ и принять крещеніе. Одни пошли къ рѣкѣ добровольно, другихъ поволокли войны силой. Но и тутъ язычники старались еще увернуться и многіе некрещенные увѣряли, что они крещены. Чтобы устранить сомнѣніе, крещеннымъ надѣвали на шею кресты, и у кого креста не было, тѣхъ тащили крестить. Весь этотъ шумъ и кровопролитіе произошли вовсе не потому, чтобы христіанство было такъ ненавистно Новгородцамъ, а только отъ военнаго усердія Добрыни, оскорбившаго своимъ насиліемъ новгородскую гордость. Подобнымъ же образомъ, хотя и съ меньшимъ кровопролитіемъ, крестилъ Добрыня и въ другихъ мѣстахъ.

Христіанство, вводимое такимъ путемъ, должно было еще долго бороться съ языческими вѣрованіями и обычаями. Язычникамъ христіанство не нравилось особенно потому, что оно требовало строгой жизни, къ которой не привыкли славяне. «Руси есть веселье пити, сказалъ Владиміръ, не можетъ быть безъ того». А христіанство требовало, чтобы отъ этого веселья отказывались. Потомъ христіанство смотрѣло строго на брачныя отношенія, къ которымъ славяне тоже не привыкли. Славяне вообще были весьма падки къ женщинамъ, а Владиміръ превзошелъ въ этомъ отношеніи самыхъ даже ревностныхъ поклонниковъ Магомета, такъ что ни одинъ турецкій султанъ не имѣлъ у себя такихъ гаремовъ, какіе были у кіевского князя. Кромѣ пяти законныхъ женъ у Владиміра было 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлградѣ и 200 въ селѣ Берестовѣ, и того 800! Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ несытъ блуда. Разумѣется, бѣдные люди не имѣли возможности обзаводиться такъ богато, но и у нихъ было въ обычаяхъ имѣть по нѣскольку женъ. И всего это христіанство взяло лишило. Понятно, что принятое во многихъ мѣстахъ по принужденію, оно не пускало крѣпкихъ корней и народъ держался того, что было ему болѣе по вкусу. Обычай имѣть двухъ женъ сохранялся въ народѣ долго; народъ приносилъ жертвы своимъ прежнимъ богамъ, которыхъ христіанскіе попы называли бѣсами; народъ не вѣчался у священниковъ, думая что этотъ обрядъ существуетъ только для князей, да для знатныхъ; больныхъ дѣтей женщины носили къ волхвамъ; явилась и нелюбовь къ духовнымъ лицамъ, такъ

что встрѣча черноризца считалась несчастной и чтобы не случилось чего дурнаго встрѣтившійся возвращался домой. «На игрищахъ видимъ множество людей, говоритъ лѣтописецъ, какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаютъ смотрѣть на дѣло отъ дьявола замышленное, а церкви стоятъ пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви». Немало было христіанство народу и потому, что оно вооружалось противъ народныхъ увеселеній, пѣсенъ, плясокъ и игръ, сохранившихся со временъ язычества.

- Вообще христіанство прививалось не съ особенною быстротою и языческія понятія и знанія уступали туго христіанскимъ идеямъ. Когда въ 1092 г. случилась на югѣ какая-то смертоносная язва, то народъ приписывалъ ее ударамъ мертвецовъ, вѣдвшихъ по воздуху. Въ Ростовской области сдѣлася разъ голодъ. Въ это время пришли изъ Ярославля два волхва и стали увѣрять, что они знаютъ, кто держитъ хлѣбъ. Въ каждомъ погостѣ, куда они приходили, они указывали на лучшихъ женщинъ и говорили: «вотъ эти держатъ жито, эти медъ, эти рыбу». У приводныхъ къ нимъ женщинъ они разрѣзывали тѣло за плечами и ловко показывали, будто бы внимаютъ изъ разрѣза жито, или медъ, или рыбу. Женщинъ этихъ волхвы убивали, а имущество ихъ забирали себѣ. При князѣ Глѣбѣ Святославичѣ явился въ Новгородѣ волхвъ, началъ выдавать себя за бога, хулить христіанство, говорилъ, что все знаетъ и хотѣлъ перейти пѣшкомъ Волховъ. Народъ повѣрялъ волхву и хотѣлъ убить епископа. Тогда епископъ, облачившись и взявъ крестъ, сказалъ народу, что кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему; а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту. Князь Глѣбъ съ дружиной присталъ къ епископу, а народъ пошелъ за волхвомъ. Но Глѣбъ убилъ его и народъ разошелся. Вообще народъ держался крѣпко за волхвованье и поученія высшихъ пастырей церкви помогали мало. Во времена болѣе къ намъ близкія волхвованье и вѣра въ чародѣйство была еще въ полной силѣ, даже между людьми, стоявшими во главѣ управленія. О Годуновѣ говорятъ, что онъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ и съ ихъ помощью привлекалъ къ себѣ любовь царя. Но вотъ любопытное извѣстіе и объ отравленіи крымскаго царевича Муратъ Гирея, въ Астрахани, относящееся къ царствованію Федора Иоанновича. Царевича испортили вѣдуны, присланные бусурманами. Воевода привелъ лекаря араба, но тотъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать, пока не приведутъ вѣдуновъ. Вѣдуновъ

перехватали, стали ихъ мучить и они сказали, что если кровь боль-ныхъ не замерзла, то можно пособить. Тогда арабъ велѣлъ колду-намъ выбросить изъ себя въ лаханъ всю кровь, которую они выпили изъ соннаго царевича, его женъ и другихъ татаръ. Кровь царевича и одной изъ его женъ, по словамъ колдуновъ, оказалась замерзшей и потому спасти ихъ не было возможности. По смерти царевича воеводы донесли обо всемъ царю и тотъ отправилъ въ Астрахань Астаеви Пушкина, съ приказаньемъ пытать вѣдунговъ, узнать отъ нихъ, по чему умыслу они испортили царевича и потомъ ихъ сжечь. Пуш-кинъ пыталъ ихъ весьма усердно, но тѣ ничего не сказали. Тогда арабъ далъ совѣтъ положить имъ въ ротъ конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ; тутъ они повинились во всемъ. Когда жгли колдуновъ, слетѣлось множе-ство сорокъ и воронъ. Когда Димитрій самозванецъ былъ убитъ и похороненъ, то пошли слухи, что сильные морозы стоятъ по его волшебству и что надъ его могилой дѣлаются разные чудеса. По приказанью Шуйскаго трупъ вырыли, сожгли и, смѣшавши пепель съ порохомъ, выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ Димитрій. Вообще Шуйскій отличался великимъ суевѣріемъ и въ сво-ихъ грамотахъ объявлялъ народу прямо, что Лжедмитрій прельстилъ всѣхъ чародѣйствомъ. Въ 1632 году царь Михайлъ Ѳеодоровичъ пи-салъ псковскимъ воеводамъ, что ему донесли изъ Вязмы, будто баба-вѣдунья наговариваетъ въ литовскихъ городахъ на хмѣль, отправляемый въ Россію, чтобы навести на насъ моровую язву. Поэтому запрещалось, подъ смертною казнью, покупать хмѣль въ Литвѣ. Константинопольскій патриархъ Кирилъ извѣщалъ въ 1635 году царя чрезъ сивастрійскаго митрополита Іоаннима, чтобы госу-дарь велѣлъ остерегать свое здоровье отъ грамотъ турецкаго султана и его подарковъ: — не случилось бы какого нибудь насмѣчливаго дурна, потому что турецкій султанъ сердитъ на царя за его миръ съ поль-скимъ королемъ. Послѣ того, какъ само правительство вѣрило всему, и воспитывало народъ въ суевѣріи, не должно казаться страннымъ, что въ 1606 году пытали огнемъ въ Перми и дали три встряски крестьянину Талева, оговоренному въ томъ, что онъ напускаетъ на людей вкочу.

Новымъ идеямъ, явившимся въ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и вновь создававшемуся, подъ византійскимъ вліяніемъ, иному міросозерцанію приходилось выдерживать весьма продолжительную борьбу съ старыми

славянскими понятиями, сложившимися при обстоятельствах, способствовавших полной личной свободѣ. Дѣло это было тѣмъ труднѣе для представителей церкви, что и само духовенство по своимъ понятиямъ и образу жизни почти не отличалось отъ народа, который оно должно было поучать. Лѣтописецъ говоритъ, что церквей наставили много, а священниковъ нѣтъ; и вотъ полезъ въ духовные всякій, кому не хотѣлось работать. Когда митрополитъ Θεодосій повыгналъ недостойныхъ священнослужителей, то многія церкви остались безъ священниковъ. Геннадій Новгородскій, въ донесеніи къ митрополиту Симону, рассказываетъ про свою возню при выборѣ священниковъ вотъ что: «приведутъ ко мнѣ мужика: я велю дать ему читать апостоль; а онъ и ступить не умѣетъ: велю дать псалтырь—онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу—а онъ кричитъ: земля, господинь, такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотъ умѣлъ; но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинь, вели учить. Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему то, а онъ совѣтъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться; а иной и учится, да неусердно, а потому и живетъ долго». Такіе грамотѣи были, разумѣется, плохими помощниками при устройствѣ церковныхъ порядковъ. Въ 1545 году десятники жаловались новгородскому архіепископу, что священники пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ двоеженцовъ и троюженцовъ, другихъ вѣнчаютъ четвертымъ и пятымъ бракомъ. На церковномъ соборѣ 1551 года говорилось, что монахи и монахини бродятъ по міру, просвири надъ просвирами приговариваютъ; монахи и попы пьянствуютъ, вдовы попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы поютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собой и въ монастыряхъ тоже. Христіане приносятъ въ церковь кутью, кануи; на Великъ-день пасху, сыры, яйца, рыбу, а въ другіе дни калачи, пироги, блины, корован и всякіе овощи. Въ Москвѣ все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь. Былъ обычай, что когда дѣти рождаются въ такъ называемой сорочкѣ, то ее приносили къ священнику и тотъ клалъ ее на престолъ до шести недѣль. Мужчины и женщины, мо-

вах и монахини мылись въ баняхъ виѣтъ. Патриархъ Іосифъ жаловался, въ царствованіе Михаила Федоровича, что дѣти поповъ и хирскихъ людей безчинствуютъ въ алтарѣ во время службы; во время церковнаго пѣнія ходять шпыни и отъ нихъ въ церквахъ «великая смута и мятежъ;» они то бранятся, то дерутся; иные притворяются наложными, другіе во время службы ползаютъ, пищать и въ простыхъ людяхъ возбуждаютъ великій соблазнъ. На соборѣ 1503 г. было постановлено, чтобы монахи и монахини не жили въ монастыряхъ виѣтъ, и что если пошъ или дьяконъ напьется пьянъ, то чтобы на другой день обѣдни не служилъ. Въ кельи къ монахамъ ходили женки и дѣвки. Даже и въ отдаленномъ Соловецкомъ монастырѣ монахи вели довольно веселую жизнь: тамошніе старцы любили особенно водку и красное пѣмцевое вино и держали ихъ у себя въ кельяхъ.

Все это, разумѣется, было не хорошо; но еще хуже, что старцы обнаруживали наклонности, несогласныя съ обѣтомъ смиренія и послушанія. Напрямѣръ, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ завелся разъ настоятель довольно свободнаго житія и когда его укорялъ въ этомъ святой старецъ Досеѣй, то настоятель его билъ. Блаженный старецъ былъ уже много разъ битъ игуменомъ; но разъ игумень такъ толкнулъ блаженнаго, что тотъ упалъ на землю какъ мертвый. Выздоровѣвши Досеѣй пришелъ къ игумену и сказалъ ему: «хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ.» Строптивый игумень ушелъ изъ монастыря. На мѣсто его выбрали другаго, и тоже изъ чужаго монастыря, любившаго говорить за трапезой о вещахъ бесполезныхъ. Благочестивые старцы начали его удерживать, но игумень по приѣру своего предшественника колотилъ ихъ за то палкой. Ушелъ и тотъ. Выбрали третьяго. Тотъ оказался тоже разрушителемъ монастырскаго благочинія, такъ что всѣ лучшіе старцы разбѣжались. Въ томъ же монастырѣ былъ старецъ Александръ, изъ знатныхъ и богатыхъ людей, который бранилъ игумна и старцевъ б..... дѣлами, а прочихъ монаховъ и служителей колотилъ, билъ плетью, сажалъ на цѣль и ковалъ въ желѣза. Старцы жаловались на него царю. Но царь имъ отвѣчалъ, что они напрасно жалуются, потому что сами виновны, принимая къ себѣ знатныхъ и богатыхъ съ цѣлой дворней. «Если намъ, говорить Иванъ IV, благоволятъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ не будетъ, а виѣсто его будетъ царскій дворецъ!» Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы. Постригае-

мый даетъ обѣтъ повиноваться игумну, слушаться всей братіи и любить ее; но Шереметеву какъ назвать монаховъ братією? У него и десятый холопъ, что въ кельи живетъ, ѣсть лучше братій, которые ѣдятъ въ трапезѣ». Такъ своевольничали бояре; но не меньшей строптивостью отличалась и простая братія. Во времена Михаила Федоровича въ троицкомъ монастырѣ былъ архимандритомъ извѣстный Діонисій, особенно заботившійся о монастырскомъ просвѣщеніи и о смиреніи нравовъ духовенства. Между прочими монахами былъ у Троицы и Логинъ, составившій себѣ громкую извѣстность необыкновенно пріятнымъ и чистымъ голосомъ. Никто не могъ равняться съ нимъ въ пѣніи и композиціи духовныхъ напѣвовъ. Правда, что въ своихъ музыкальныхъ увлеченіяхъ онъ искажалъ иногда смыслъ словъ, такъ что вмѣсто сѣмени у него выходило племени, но отецъ Логинъ не давалъ смыслу большой важности. Вмѣстѣ съ музыкальнымъ талантомъ Логинъ отличался и необычайнымъ буйствомъ. Онъ бранилъ и билъ простыхъ монаховъ и никто не смѣлъ сказать ему ни слова. Логинъ сердился на архимандрита особенно за то, что онъ заставлялъ монаховъ читать поученія св. отцовъ и самъ часто читалъ ихъ и нерѣдко пѣлъ на клиросѣ. «Не ваше дѣло пѣть или читать, говорилъ ему Логинъ; зналъ бы ты одно, архимандритъ, чтобы съ мотовиломъ своимъ (посохъ) на клиросѣ, какъ болванъ, онѣмѣвъ стоять.» Разъ, въ заутреню, Діонисій хотѣлъ читать, но Логинъ подскочилъ къ нему и вырвалъ у него изъ рукъ книгу, нагой полетѣлъ на землю и произошелъ великій соблазнъ. Діонисій перекрестился и пошелъ молча на клиросъ. Логинъ, кончивъ чтеніе, началъ пѣвать въ архимандрита и бранилъ его. Но Діонисій отвѣтилъ ему на это только: «Перестань, Логинъ, не мѣшай божественному пѣнію и не смущай братію; можно намъ объ этомъ переговорить и послѣ заутрени.» Въ отвѣтъ Логинъ выхватилъ изъ рукъ архимандрита посохъ, изломалъ на четыре части и бросилъ къ нему на колѣни. Наконецъ, послѣдній фактъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ Саввинѣ монастырѣ были оставлены одно время 18 стрѣльцовъ, которыхъ архимандритъ поставилъ на конюшенномъ дворѣ. Пришелъ къ нимъ казначей Никита, пьяный, и спросилъ, по чьему указу они тутъ стоятъ. Получивъ отвѣтъ, онъ принялся бить десятника, а оружіе, сѣдла и стрѣлечное платье велѣлъ выбросить вонъ со двора. Царь нарядилъ слѣдствіе и написалъ къ Никитѣ письмо такого рода: «Отъ царя и в. к. Алексѣя

Михайловича всея Россіи врагу Божию и богоненавистцу и христо-продавцу и раззорителю чудотворцева дома и единомышленнику сатанину, врагу проклятому, неподобному шпыню и злему, пронырливому злодѣю, казначею Никитѣ. Уподобился ты сребролюбцу Іудѣ: какъ отъ продалъ Христа за тридцать сребренниковъ, такъ и ты промѣнялъ, проклятый врагъ, чудотворцевъ домъ, да и мои грѣшныя слова на свое умное и збойливое пьянство и на умныя, на глубокія, пронырливыя вражія мысли; самъ сатана въ тебя, врага Божія, вселился; кто тебя сиротину спрашивалъ надъ домою чудотворцевымъ, да и надо мною грѣшнымъ властвовать? Кто тебѣ сію власть мимо архимандрита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить? О враже проклятый! Да ты же, сатанинъ угодникъ, пишешь друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражѣ, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ: и дорого добръ, что у тебя скота стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честиѣ тебя и у итropolitanовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу...» и т. д. въ этомъ же родѣ.

Такія понятія о правѣхъ и о человѣческихъ отношеніяхъ существовали у насъ въ концѣ XVII столѣтія. Время грубаго насилія было, разумѣется, вездѣ; было оно также и въ Западной Европѣ; но подобное тому, что рассказано здѣсь, Европа видѣла у себя въ X, XI столѣтіяхъ, а позже случалось только во время военныхъ событій, а не въ мирное время. Двѣнадцатый вѣкъ славился въ Европѣ школами въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнѣ, Казимбрѣ, Суассонѣ, Шалонѣ на Марнѣ, Люггахъ, Безансонѣ, Орлеанѣ, Парижѣ, Кельнѣ, Брауншвейгѣ, Падерборнѣ и въ десяткѣ еще другихъ городовъ. Въ Европѣ въ X вѣкѣ преподавались кромѣ философіи, реальныя науки, математика, физика, механика. Европа имѣла уже тогда своихъ знаменитыхъ ученыхъ, труды которыхъ не теряли своей цѣны до конца среднихъ вѣковъ. Въ XII столѣтіи многія монахини и знатныя дамы занимались риторикой и поэзіей. Въ XVI ст. явился Коперникъ, нѣсколько позже Кеплеръ, а въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ писалъ свое письмо къ буйному казначею, Никитѣ, Ньютонъ читалъ королевскому обществу въ Лондонѣ свое безсмертное *Philosophia naturalis principia mathematica*.

Наши научныя свѣдѣнія того времени были нѣсколько ограниченѣе. Напримѣръ, лѣтописцы, т. е. народъ передовой по образованію, люди книжные, рассказывали, что Болгары произошли отъ до-

чери Лота, «иже зачастую отъ отца своего» и поэтому племя ихъ нечисто. Половцы же только частью гуляютъ на свободѣ, а послѣднія ихъ колѣна, которыя явятся въ концѣ свѣта, заклепаны Александромъ Македонскимъ въ горѣ. Случилось это такъ. Увидѣвъ нечистыхъ людей отъ племени Аостова, которые бѣли всякую скверность, комаровъ, мухъ, змѣй, и нехоронившихъ мертвецовъ, Александръ испугался, что, размножившись, они могутъ осквернить землю и загнать ихъ въ полунощныя страны, въ высокія горы. И тутъ Богъ велѣлъ горамъ окружить ихъ, и горы окружили, не сойдясь только на 12 локтей, и въ этомъ промежуткѣ устроены мѣдныя ворота. Въ XVII столѣтіи познанія нашихъ передовыхъ ученыхъ были уже нѣсколько обширнѣе. Въ 1627 году Лаврентій Зизаній Тустановскій, протопопъ Борецкій, привезъ въ Москву книгу своего сочиненія и представилъ ее патриарху Филарету. Тамъ измѣнилъ въ ней заглавіе и замѣтилъ, кромѣ того, нѣкоторое несходство съ русскими и греческими переводами. Патриархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ богоявленскому игумену Ильѣ и справщику типографіи Григорію. Разговоръ, или, лучше сказать, ученый диспутъ, происходилъ въ присутствіи государева боярина князя Черкаскаго и думнаго дьяка Лихачева. Григорій и Илья дѣлали, между прочими, слѣдующія замѣчанія: «У тебя въ книгѣ написано, говорили они Зизанію, о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и прочихъ звѣздахъ. И все это взято изъ астрологіи, а астрологія заимствована отъ египетскихъ волхвовъ и отъ идолослужителей, поэтому къ нашему православію нейдетъ.» — Но отчего же не идетъ, спрашивалъ Зизаній? Я не писалъ о колесѣ счастья и о рожденіи человѣческомъ, не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашей жизнью; я писалъ только для знанія — пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія. — «Да зачѣмъ писалъ для знанія, возражали ему Илья и Григорій? Къ чему выбиралъ ты изъ астрологіи ложныя рѣчи и названія звѣздъ, да кромѣ того многое и самъ сочинялъ и объяснялъ неправильно?» — Что же я объяснялъ неправильно и какія выбиралъ ложныя рѣчи и названія звѣздъ? — «А развѣ это правда, что облака надувшись сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ? А огонь и звѣзды ты называешь звѣрами живущими на тверди небесной.» — Да, какъ же по вашему писать о звѣздахъ? — «Мы ищемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: Богъ создалъ два свѣтила великія и звѣзды

и поставилъ ихъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью, а звѣрями Моисей ихъ не называлъ.» — Но какъ эти свѣтила движутся и обращаются? — «По повелѣнiю Божию, ангелы служатъ, тварь вода.» — На это Зизанiй не нашелъ другаго выраженiя, кромѣ того, что волею Богъ, да государь, свѣтлiй патрiархъ Филаретъ, и прибавилъ, что онъ и самъ знаетъ, что въ его книгѣ написано много недѣльнаго, оттого и прiѣхалъ, тобы ему разрѣшили его педоумѣнiе. Но кромѣ этого у него нашлись и другiя отступленiя отъ греческихъ церковныхъ правилъ, и ученые Григорiй и Илья замѣтили ему при этомъ, что они держатся строго старопечатныхъ греческихъ книгъ, а если къ нимъ приходятъ новыя, то изъ нихъ они любятъ только тѣ, которыя сходятся вполнѣ съ книгами старыми, книги же съ новизнами они не принимаютъ, хотя онѣ и написаны по гречески. Вообще мы не отличались въ старину особеннымъ искуствомъ въ ученыхъ и теологическихъ диспутахъ. Когда шведскiй король Магнусъ затѣялъ противъ новгородской области крестовый походъ, то онъ отправилъ къ новгородцамъ пословъ, которые объявили на вѣщъ отъ имени короля: «Примлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ; хочу я узнать какая вѣра будетъ лучше: если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; если же наша лучше, то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ все какъ одинъ человекъ; если же не хотите соединиться съ нами, то я иду на васъ со всею моею силою.» Владыка, посадникъ, тысящiй и все новгородцы, подумавъ велѣли отвѣчать Магнусу: «Если хочешь узнать какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патрiарху, потому что мы приняли православную вѣру отъ грековъ; а съ тобой о вѣрѣ намъ спорить нечего...» Должно было не понадѣяться на своихъ философовъ. Не большую же силу выказали въ теологическомъ спорѣ съ Поссевинымъ и Иванъ Грозный. Иванъ говорилъ: «Намъ съ вами, т. е. съ латинянами, не сойтись о вѣрѣ: наша вѣра христiанская съ давнихъ лѣтъ была сама по себѣ, а римская церковь сама по себѣ. . . Ты говоришь, что ваша вѣра римская съ греческою одна; но мы держимъ вѣру истинную христiанскую, а не греческую; греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Егiпцiи предварить рука ея къ Богу; а Егiпцiя все равно, что Византiя; Византiя же просiяла въ христiанствѣ, потому и слыветъ вѣра греческой; а мы исповѣдуемъ вѣру истин-

ную христіанскую ... Мы о большихъ дѣлахъ съ тобою говорить не хотимъ, чтобы тебѣ не было досадно; а вотъ малое дѣло—у тебя борода подсѣченная, а борода подсѣкать и подбривать не вѣльно не только попу, но и мірянамъ; ты въ римской вѣрѣ пошъ, а бороду стрижешь: изъ какого ученья взялъ ты это?... Папу Григорія посятъ у васъ на престолѣ, а на сапогѣ у папы крестъ; и вотъ первое, въ чемъ наша христіанская вѣра расходится съ римской: въ нашей вѣрѣ крестъ христовъ на враговъ побѣда, у насъ неводится писать крестъ ниже пояса.... Папа, который живетъ не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, не пастырь.» — Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить,—отвѣтилъ Поссевинъ и диспутъ прекратился.

Относительно возможности научнаго и философскаго развитія Россія находилась въ обстоятельствахъ далеко менѣе благоприятныхъ, чѣмъ Западная Европа. Тамъ новые народы поселились на римской почвѣ, римская цивилизація и римская гражданственность имѣли уже вездѣ свои корни, западная философія и знанія были продолженіемъ философіи и знаній древняго Рима. Однимъ словомъ, почва была уже подготовлена и даже посѣяны сѣмена. Славяне же пришли на землю новую, гдѣ не было ничего кромѣ дикихъ лѣсовъ и болотъ; финскія племена, съ которыми будущіе русскіе пришли въ первое столкновеніе, стояли если не ниже, то и не выше ихъ. До всего, слѣдовательно, нужно было доходить своимъ умомъ, какъ первобытному человѣку; а эта работа трудная и медленная, особенно при тѣхъ внѣшнихъ помѣхахъ, какія встрѣчали русскіе на каждомъ шагѣ. При возможности легкаго заимствованія знаній отъ сосѣдей наша цивилизація пошла бы быстрее. Но востокъ не могъ сообщить намъ ничего полезнаго. Византія передала только религіозное ученіе; а отъ запада, который бы могъ насъ научать, мы отдалились все болѣе и болѣе и крѣпче и крѣпче запирали свою страну отъ вліянія западныхъ идей.

Въ первыя времена христіанства нетерпимость къ Западу у насъ не существовала и вообще не давалось никакой важности различію вѣроисповѣданій и національностей. Генрихъ I, французскій, былъ женатъ на русской княжнѣ Аннѣ, дочери Ярослава I; Святославъ былъ женатъ на нѣмецкой принцессѣ Одѣ, братъ которой былъ католическимъ духовнымъ сановникомъ; Императоръ германскій Гернихъ IV былъ женатъ также на русской. Но съ постепеннымъ утвержденіемъ

у насъ христіанства и распространеніемъ религіозныхъ убѣжденій, порядокъ этотъ сталъ измѣняться и на римскую вѣру мы приучались смотрѣть все болѣе и болѣе непріязненно, такъ что брачныя союзы нашихъ княжескихъ семействъ съ владѣльцами западныхъ государствъ наконецъ прекратился. Противъ обычая выдавать русскихъ княженъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, вооружался первый митрополитъ Іоаннъ-Теодосій; по поводу литинской вѣры онъ говорилъ князю Изяславу, что вѣра латинянь, т. е. католиковъ злая, и законъ не чистъ, потому что они не цалуютъ крестъ, въ постъ ѣдятъ мясо, служатъ на опрѣснокахъ. Поэтому христіанамъ (православнымъ) не должно отдавать за нихъ своихъ дочерей замужъ, ни самимъ жениться на католичкахъ; не должно съ ними брататься и куматься, не должно съ ними пить и ѣсть изъ одного сосуда. Если они попросятъ у христіанъ ѣсть, то давать имъ пищу въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ посуды нѣтъ, то можно дать и въ своихъ, но только потомъ слѣдуетъ ихъ вымыть и прочесть надъ ними молитву. Нѣтъ спасенія людямъ, живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацинской. Вѣру ихъ не слѣдуетъ хвалить, свою же напротивъ нужно хвалить безпрестанно. Когда вновьѣрный спорить о вѣрѣ съ христіаниномъ, то слѣдуетъ помогать христіанину; а если кто скажетъ, что и ту вѣру далъ тоже Богъ, то отвѣтить на это — что же по твоему Богъ двувѣрный?— гдѣ написано: «единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе». Подобныя мысли прививались къ народу довольно быстро: псковичи спрашивали митрополита Фотія, можно ли имъ пользоваться хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ нѣмецкой земли? Митрополитъ дозволилъ, но велѣлъ очищать эти предметы молитвою іерейскою. При Іоаннѣ III иеретичность развилась уже сильно, и авторитетъ получилъ безусловную силу. Когда Софія Палеологъ подъѣзжала къ Москвѣ, то возникъ вопросъ: можно ли, сопровождавшему ее кардиналу, послу папы, позволить войти въ городъ впереди Софіи и чтобы предъ нимъ яесли латинскій крестъ? Митрополитъ Филиппъ отвѣтилъ на это: «спелзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подѣхать близко; если ты князь позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ одними воротами въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города. Неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ чужюю вѣру, тотъ своей поругался.» У легата отобрали крестъ

и спрятали его въ сани. На одномъ изъ частныхъ споровъ псковскихъ священниковъ съ иѣзuitsами наши говорили: если вы вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ слѣдуете богоубійцамъ жидамъ? Зачѣмъ поститесь въ субботу и приносите въ жертву опрѣснокъ. Зачѣмъ вводите незаконно два Духа, говоря—и въ Духа Святаго животворящаго, отъ Отца и Сына исходящаго? Что же касается до осьмаго собора (соборъ этотъ происходилъ для соединенія церкви восточной и западной), то объ немъ мы и слышать не хотимъ, онъ негоденъ Богу, потому что сказано: «Премудрость созда себѣ дошъ и утверди столповъ семь.»

III.

Частная и общественная нравственность.

Чтобы нравственные понятія могли привиться къ народу, нужно не только, чтобы онъ могъ воспитаться въ нихъ теоретически, но чтобы и всѣ внѣшнія условія жизни позволяли осуществить теорію на практикѣ. Если же практика даетъ дѣятельности народа характеръ несогласный съ теоріей нравственности, то никакія поученія не достигнутъ своей цѣли. Изъ дошедшихъ до насъ проповѣдей новгородскаго епископа Луки Жидята видно, что онъ училъ народъ не лѣниться ходить въ церковь, ложиться спать помолившись Богу, въ церкви стоять со страхомъ божіимъ, любить другъ друга, терпѣть обиды и не мстить за нихъ, помогать бѣднымъ и странникамъ, избѣгать бѣсовскихъ игрищъ, не говорить срамныхъ словъ, въ напасти терпѣть, уповая на Бога, быть смиреннымъ, потому что у гордаго сидитъ въ сѣрдцѣ дьяволъ, судить по правдѣ и не брать ваятокъ, бояться Бога, чтить князя, повиноваться своимъ господамъ, не убивать, не красть, не лгать, не пить до пьянства. Вѣроятно въ этомъ же родѣ поучали и другіе пастыри церкви и если каждому русскому былъ извѣстенъ этотъ кодексъ нравственности, то значить, что каждый былъ знакомъ съ требованіями нравственными

въ теоріи. Но что изъ всего этого могло быть осуществимо на дѣлѣ? Провѣдникъ указываетъ на смиреніе и повиновеніе властямъ, старшимъ и господамъ. Правило это могло быть исполнено легче всего, потому что не повиноваться силѣ было невозможно, а что сила была велика, мы увидимъ ниже. Что же касается до другихъ правилъ, то исполненіе ихъ затруднялось весьма спльно разными внѣшними обстоятельствами. Одинъ современникъ-иностранецъ говоритъ, что во всѣхъ сословіяхъ раздоры и несогласія, никто не вѣритъ другъ другу, богачи берутъ проценты больше жидовскихъ, деньги даются не иначе, какъ подъ залогъ, превышающій втрое занятую сумму и сверхъ того по четыре процента еженедѣльно. Бѣдныхъ вездѣ притѣсняютъ, повсюду плутовство; пьянствомъ и обжорствомъ отличаются всѣ сословія. Гонимскій укорялъ русскихъ бояръ въ лицо, что у нихъ братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣритъ, что отъ этого обычая московское государство только гибнетъ. Олеарій, отдавая справедливость умственнымъ способностямъ русскихъ, обвиняетъ ихъ въ грубости, въ излишней склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ, въ лживости. Господа своихъ холоповъ не кормятъ, а даютъ имъ деньги, но въ такомъ маломъ размѣрѣ, что люди, чтобы не умереть съ голоду, должны отваживаться на рѣшительныя средства; отъ этого въ Москвѣ частыя убійства и воровство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что между русскими того времени было развито воровство, лживость, пьянство, притѣсненіе слабыхъ; эти главные виды безнравственности имѣли затѣмъ своимъ развѣтвленіемъ. Если подобные недостатки могли явиться, не смотря на поученія пастырей церкви, то очевидно, что практика жизни, дававшая подобное направленіе человѣческимъ способностямъ, не соответствовала теоріи нравственности. Способствуя обстоятельства чести и благоправію, не явилась бы безчестность и неблагоправіе. На одну изъ причинъ зла Олеарій указываетъ прямо — голодъ заставлялъ людей отваживаться на воровство и убійство. Ясно, что нужда была главной причиною слабой общественной безопасности.

О бѣдности народа можно легко судить по слѣдующимъ фактамъ. Страна должна была выносить безпрестанно внѣшнія войны, внутреннія смуты и нашествія иноплемениковъ: то печенѣги, то половцы, то усобицы князей, то татары, то литва, то поляны, то шведы; ни одинъ почти годъ не обходился безъ войны, а вся тягость ея падала, разумѣется, на народъ. Къ этому присоединялись еще не-

урожаи, сопровождавшіеся всегда сильной смертностью отъ голода и повальныя болѣзни. Въ 1552 году въ Новгородѣ и его волостяхъ свирѣпствовала морь, и Новгородская область лишилась отъ него 279,594 человекъ. Въ 1567 году явилась въ казанскихъ краяхъ мышь, въ такомъ количествѣ, что въ полѣ не осталось ни одного колоса, и кромѣ того она поѣла весь хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ. Люди мерли отъ голоду. Подобныя явленія были почти также часты, какъ военныя опустошенія. А въ какой степени все это было легко для страны, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія царю Михаилу о богатствѣ угличскаго края: «На Угличѣ ратныхъ людей, дворянъ, дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, всѣ посланы на твои государевы службы, стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человека, только шесть человекъ пушкарей, да и тѣ голодны и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, а съ угличскаго уѣзда хлѣбныхъ запасовъ собрать не съ кого; пороховой казны мало, у острога мосты не домощены, въ башняхъ мосты погнили; посадскіе люди, отъ кабацкаго недобора и отъ нынѣшней великой хлѣбной дороговизны, съ женами дѣтьми побрели розно; а которые и остались, тѣ къ осадному сидѣнію страшливы и къ преступнымъ мѣрамъ безъ ратныхъ людей торопки, потому что отъ литвы были выжжены и высѣчены и раззорены безъ остатка; а изъ уѣзда сошныя люди лѣтнею порою въ осаду совсѣмъ для тѣсноты не пойдутъ, да и потому что въ городѣ у нихъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, бѣгаютъ по лѣсамъ.» Въ смутное время въ теченіе только двухъ лѣтъ погибло на войнѣ 300,000 боярскихъ дѣтей.

Война, истребляя людей, лишала страну рабочихъ рукъ, а чѣмъ было меньше рабочихъ, тѣмъ страна производила меньше. Между тѣмъ, при громадной территоріи и при безпокойныхъ сосѣдяхъ, расходы были чрезвычайно велики и покрывались все тѣмъ же незначительнымъ населеніемъ, постоянно ослабляемымъ войнами. При неразвитіи промышленности и торговли и при слабой производительности страны, государственные доходы увеличивались не увеличеніемъ средствъ населенія, а просто возвышеніемъ налоговъ. Когда требовались деньги и люди, говорилось народу—дай, а изъ какихъ средствъ ему давать, того не соображали. Флетчеръ говоритъ, что народъ былъ страшно обремененъ налогами; а то, что извѣстно о поборахъ того времени, подкрѣпляетъ вполне слова Флетчера. Псковскій лѣтописецъ сообщаетъ, что въ 1535 году псковичи порядили 500 пи-

щальниковъ, 3000 лошадей въ телегахъ и человекѣ на конѣ, 3000 четвертей овсяной крупы для толокна, 3000 палтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху и столько же коноплянаго сѣмени. Когда посошныя люди (крестьяне) разбѣгались во время похода, то слѣдовало ставить вмѣсто ихъ другихъ людей. Такъ въ 1561 г. царскіе воеводы потеряли много людей на войнѣ изъ крестьянъ, а другіе разбѣжались и вмѣсто бѣжавшихъ слѣдовало поставить другихъ, отъ этого расходы увеличивались вдвое. Во время похода Ивана IV подъ Полоцкъ у него въ войскѣ было 80,000 посошныхъ людей и псковичи давали конному по 5 рублей, а пѣшему по два рубля. Когда въ 1570 году царь пришелъ въ Новгородъ, то перебилъ множество людей, велѣлъ кромѣ того собирать крестьянъ къ себѣ въ войско, мостилъ дорогу въ Ливонскую землю; а обнищавшіе псковичи и новгородцы, не имѣя денегъ для найма людей, пошли сами и перемерли злою смертью отъ голода и отъ мороза, отъ мостовъ и наряду. Народъ платилъ деньгами и натурой, и трудно сказать, какой налогъ былъ для него тяжелѣе, хотя очевидно, что для страны натуральныя повинности были убыточны. Въ проѣздъ какого-нибудь лица все содержаніе для него и его свиты поставлялось натурой, а свита кромѣ того еще притѣсняла и грабила народъ. Во время походовъ продовольствіе войску поставлялось изъ окрестныхъ мѣстъ тоже натурой. Вообще разнообразіе натуральныхъ повинностей было весьма богато. Крестьяне платили хлѣбомъ всякихъ видовъ, поставляли мясо, строили города, мостили дороги, строили дома для князей, воеводъ и помѣщиковъ, косили для нихъ сѣно, ловили рыбу, ходили на охоту по приказанію ловчихъ, давали корны и подводы всѣмъ пріѣзжающимъ — князьямъ, воеводамъ, помѣщикамъ, волостелямъ, тиунамъ и всевозможнымъ другимъ чиновникамъ. Но какъ ни натуральныя, ни денежныя повинности не удовлетворяли всѣмъ расходамъ правительства, то придумывались и другія, иногда весьма сложныя финансовыя мѣры. До особенно замѣчательнаго развитія были доведены откупа. Въ новгородской четверти сданы были на откупъ: квасъ, сусло, брага, ботвинья, хмѣльное и сѣнное трушенье, мыльное рѣзанье, овесъ, деготь, вабаки. Все это, убивая промышленность, нищало народъ, такъ что ему оставалось только одно — бѣжать розно; но этимъ только еще болѣе увеличивались тягости остальныхъ, потому что наличные платили за отсутствующихъ. Въ 1640 г. жители Шуи жаловались царю, что

въ 1631 году считалось у нихъ по писцовымъ книгамъ 154 тягловыхъ двора, а потомъ опустѣло 32 двора, да сгорѣло 82 и осталось разломанныхъ дворышекъ 40 и, не смотря на такое раззореніе, жителей держать на правожѣ и требуютъ прежнихъ недоимокъ. Нужно полагать, что платить было не изъ чего, когда не помогаль и правожѣ. Вообще «выбиваніе» податей составляло систему, но люди болѣе усердные не затруднялись въ приснаніи способовъ и болѣе рѣшительныхъ. Андрей Образцовъ, отправляемый въ 1618 году на Бѣло-озеро для сбора денегъ, въ отвѣтъ на выговоръ за медленность доносилъ: «я, государь, посадскимъ людямъ не наровилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, *побивалъ на смерть...*» Такія мѣры способствовали еще болѣе тому, что обнищавшій и запуганный народъ разбѣгался. Въ 1633 году разбѣжалось много крестьянъ въ тотемскихъ волостяхъ и по разслѣдованію на мѣстѣ оказалось, что крестьяне разбрелись отъ тяжелыхъ податей, невыносимыхъ правожей, отъ солдатскихъ кормовъ и другихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Кромѣ этихъ поборовъ собственно на государственныя потребности крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ и монастырскихъ земляхъ, должны были отбывать повинности землевладѣльцевъ, кромѣ того содержать воеводъ и другія власти, посланные на кормленіе. Хорошо, если помѣщикъ былъ человекъ добрый, хотя о такихъ исторія и не упоминаетъ. Гораздо же чаще слышались жалобы на утѣсненія, доходившія иногда до чудовищныхъ размѣровъ. Крестьяне села Ширанги жаловались, напрямѣръ, царю на своего помѣщика князя Артемья Шейдякова, что онъ, пріѣхавъ къ нимъ, надѣлалъ всевозможныя буйства, билъ, мучилъ крестьянъ, сажалъ ихъ въ ледники, бралъ къ себѣ на постелю некрещеныхъ татарокъ и, собравъ съ крестьянъ оброкъ, поѣхалъ въ Ярославль съ татаркой. Въ Ярославлѣ князь взялъ къ себѣ еще и русскую женку, Матрену Бѣлошейку, и, растративъ деньги на дѣвокъ, пріѣхалъ опять въ Ширангу, чтобы собрать съ крестьянъ другой оброкъ. Крестьяне платить отказались; тогда онъ поставилъ ихъ на правожѣ и выколотилъ изъ нихъ другой разъ 50 руб. деньгами, 40 ведеръ вина, 10 варъ пива, 10 пудовъ меду, да отобралъ еще у крестьянъ хорошихъ лошадей, а тѣхъ крестьянъ, которые жаловались на него еще за прежнія его буйства и утѣсненія, грозился изрубить своими руками. Даже торговля служила для

народа гнетомъ, и нерѣдко вотчинника просили, чтобы въ деревняхъ не было ярмарокъ, потому что крестьянамъ отъ этихъ торговъ больше убытку чѣмъ прибыли, ибо торговцы бьютъ и грабятъ крестьянъ, травятъ ихъ хлѣбъ и сѣно и нажимаютъ вишетъ съ мѣстными властями всѣми способами сельское населеніе.

При бѣдности народа, заставлявшей его брести розно, мудро было заниматься сельскимъ хозяйствомъ; люди богобоязливые старались пріютиться въ другомъ мѣстѣ, гдѣ представлялась большая вѣроятность спокойной жизни; а люди менѣе смирные выходили или на большую дорогу, или принимались за воровство. Воровство и грабежъ, смотря потому гдѣмъ они производились, выражались въ различныхъ формахъ, и потому до-петровская Русь представляетъ разные виды народнаго и чиновничьяго воровства, точно также какъ и разные виды народнаго и чиновничьяго разбоя. Чтобы не перечислять мелочныхъ фактовъ, мы, въ подтвержденіе того какъ было развито въ то время воровство, приведемъ два авторитета: Ивана Грознаго и царя Алексѣя Михайловича. Иванъ IV отдавая мастеру англичанину слитки золота, чтобы сдѣлать изъ нихъ посуду, велѣлъ ему смотрѣть хорошенько за дѣломъ и прибавилъ: «мой русскіе всѣ воры».—Англичанинъ улыбнулся, и когда царь спросилъ его, чему онъ улыбается, мастеръ отвѣчалъ: «Ваше величество забыли, что мы сами русскій». — Я не русскій, отвѣтилъ Иванъ, предъ мной германцы. — Послѣ смерти патріарха Іосифа Алексѣя Михайловичъ писалъ къ Никону... «А келейной казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдь, сковородокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ; а переписывалъ я самъ келейную казну, а если бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы мнѣ не сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали...» Слѣдовательно воровство, какъ средство пріобрѣтенія, было развито довольно повсемѣстно. Тоже самое можно сказать и о грабежѣ. Не говоря про Волгу, но и въ другихъ мѣстахъ разбойники и грабители были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Литовскіе купцы безпрестанно жаловались на разбой въ московскихъ областяхъ. Разъ моголевскихъ мѣщанъ, ѣхавшихъ съ большимъ обозомъ торговать въ Стародубъ, побили до смерти нодъ самымъ городомъ и ограбили. Литовскіе купцы, оставившись разъ въ одной монастырской слободѣ, были приглашены въ гости монастырскимъ человекомъ Окуловымъ. Отпуская гостей

на подворье, Окуловъ далъ имъ въ провозатые четырехъ человекъ, которые напали дорогой на купцовъ, прибили ихъ и отняли отъ нихъ 23 рубля. При малопаселенности и пустынности страны разбойникамъ дѣйствовать было весьма удобно, а скрываться въ дремучихъ лѣсахъ и того удобнѣе. Худо, что разбойничало престопа-родье, но еще хуже, что разбойничали также стрѣльцы, боярскіе дѣти и даже бояре. Архангельскій воевода доносилъ въ 1630 году, что сто стрѣльцовъ, посланныхъ въ Пустозерскій острогъ, дорогой воровали и грабили, били крестьянъ и безчестили ихъ женъ. Прикащики мелкихъ помѣщиковъ составляли изъ крестьянъ шайки и грабили проезжающихъ; а прикащики большихъ господъ разбойничали среди бѣлаго дня, точно въ непріятельской странѣ. Сохранилось извѣстіе объ одномъ изъ нихъ, Твароговъ, который, развѣзая съ своей шайкой по торгамъ, грабилъ товаръ и билъ людей. Нѣкоторые помѣщики дѣлали формальные наѣзды, точно татары или кавказцы. Служащіе люди вели себя не лучше. Когда боярскихъ дѣтей вели на службу, то смотрѣли за ними дорогой весьма строго, чтобы они не дѣлали никому насилія, не отнимали силой отъ крестьянъ продовольствія и корму для лошадей. Въ 1495 году посолъ литовскаго князя Александра жаловался Ивану III на его московскихъ пословъ князя Ряполовскаго и Михаила Русалку, что они на возвратномъ пути изъ Вильно грабили встрѣчныхъ купцовъ и жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги. Князь Тюфякинъ, посланный Михаиломъ Ѳеодоровичемъ къ персидскому шаху, велѣлъ въ городѣ Ардебилѣ украсть татарчонка, котораго онъ продалъ въ Кумыщной землѣ, а въ Кумыщной землѣ онъ укралъ дѣвцу и вывезъ ее оттуда въ сундукъ. Взятки, особенно въ томъ видѣ какъ они брались у насъ въ то время, слѣдуетъ отнести къ стяжаніямъ этой же категоріи. Подчиненные брали ихъ, не только потому, что имъ почти нечѣмъ было существовать, но еще и потому, что слѣдовало дѣлиться со старшими. При Годуновѣ областные правители получали жалованье—100, 50 и 30 рублей, смотря по области и изъ этого скуднаго жалованья должны были еще дѣлиться съ начальниками четей или приказовъ. Понятно, что они грабили народъ, а народъ ихъ ненавидѣлъ. Хоти Борисъ и очень старался искоренить лихоимство, но, разумѣется, не искоренилъ, потому что не въ его силѣ было измѣнить всю систему. При Годуновѣ было постановлено, что если судья будетъ уличенъ во взяткѣ, то долженъ возвратить взятое,

увѣзть штрафы отъ 500 до 2,000 руб., и кромѣ того конѣиско-валось его имѣніе. Это научило судей брать, а тяжущихся давать осторожнѣе; напримѣръ, давали деньги на святой, при христосованьи, всовывая ихъ цезанѣтно въ руку; но лихоимство, и самое наглое, все-таки не прекратилось. Голштинскіе купцы, бывшіе у насъ въ 1638 году для заключенія торговаго трактата, жаловались на дьяка Назарья Чистова, который сказалъ имъ, что безъ него царь ничего не рѣшитъ. Голштинцы обѣщали ему 2,000 ефимковъ, кромѣ того дали въ закладъ запову въ 3,000 ефимковъ. Когда же Чистову принесли деньги, то онъ сталъ требовать 3,000, а запову не отдалъ. Чистовъ заперся во всемъ и послы уѣхали, не получивъ отъ правительства никакого удовлетворенія. Мангазейскій воевода Кокоревъ отличался такимъ правомъ: если торговый или промышленный чело-вѣкъ придетъ къ его женѣ или сыну съ небольшимъ подаркомъ, то Кокоревъ посадить такого въ тюрьму, да не только его, но и его собакъ и котомъ беретъ съ него выкупъ за него и за собакъ. Когда воевода устраивалъ для торговыхъ людей пирь, преобразившіеся впослед-ствіи въ именны городничаго и полиціймейстера, и торговый чело-вѣкъ приносилъ мало, такому бросали приносъ въ лицо и самого провожали въ шею до воротъ. И знатные люди, въ родѣ князей Ромодановскихъ, были не лучше Чистовыхъ и Кокоревыхъ. Послан-ный въ Устюгъ по одному дѣлу, Ромодановскій началъ съ пытки везинныхъ людей; тогда посадскіе дали ему сначала сто рублей, а потомъ принесли еще 550 рублей. Кромѣ того Ромодановскій бралъ деньги съ заключенныхъ въ тюрьмѣ. Что же касается управленія церковнаго, то вотъ что дѣлалось при патриархѣ Никонѣ. Недоволь-ные Никонемъ, жалуются на него царю, между разными обвиненіями писали, что: «... хотя которому попу и бить челомъ тебѣ государю, но за тѣмъ ходить будешь полгода или годъ, да поць или дьяконъ наслу правъ будетъ, потому въ приказъ сторожа ни за что не пу-стятъ даромъ, а уже про дьяка и говорить нечего. Когда у патри-арха казначеешъ былъ Какошиловъ, то людямъ его платили по пол-тинѣ и по рублю, а самому рублемъ 5 или 6, да кромѣ того гостинцы— медъ, рыба, да чтобы рыба была живая; женѣ его приносятъ го-стинцы—мыла и ягодъ на рубль и больше; если же не дать людямъ, то ни за что не пустятъ на дворъ.» Когда по указу царя наказы-вали кнутомъ за лихоимство дьяка Крапоткина, то Какошиловъ, взяв-шій тогда съ одного протопопа 10 рублей, изъ боязни, чтобы тотъ

на него не пожаловался, сказалъ патриарху, будто протопопъ поди, нуль эти деньги его женѣ. «Патриархъ приказалъ его же, протопопа, посадить на цѣпь, и муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ...» Во всемъ этомъ важенъ въ историческомъ отношеніи тотъ фактъ, что все, начиная отъ царя до послѣдняго подданнаго, жалуются на воровство, и на всякія притѣсненія и все-таки не дѣлается ничего, чтобы этого не было. Причина въ томъ, что все были хороши, что каждому хотѣлось только ограничить другаго, но никто не хотѣлъ отказаться отъ своего кулачнаго права и отъ права личнаго произвола и насилія надъ другимъ. Между крестьянами и посадскими болѣе зажиточные старались освободиться отъ государственныхъ тягостей и свалить ихъ на бѣдныхъ и посредствомъ разныхъ уловокъ и подкупа властей достигали этого. Между служилыми людьми, т. е. чиновниками и боярами, сильные разоряли слабыхъ, переманывая отъ нихъ крестьянъ на свои земли. Дѣти боярскіе жаловались безпрестанно, что они разорены отъ бояръ, окольныхчихъ, властей духовныхъ и отъ войны. Слабому было жить трудно, но и сильнаго тѣснилъ еще болѣе сильный. Просторъ и малочисленность давали каждому возможность развиваться въ произволь и самоуправство, и при общей бѣдности и экономическомъ неразвитіи страны все то казалось хорошимъ и полезнымъ, что приносило деньги. Такимъ образомъ, разные виды самоуправства и насилія были въ сущности разными видами пріобрѣтенія средствъ для существованія; денежный расчетъ былъ душой жизни и руководящей нитью всехъ побужденій. Страшные проценты, доходившіе до двухсотъ въ годъ, и большіе залоги лучше всего доказываютъ общую бѣдность страны и недостатокъ капиталовъ. Труду была помѣха во всемъ, слѣдовательно и накопленіе результатовъ труда было невозможно, потому что всякое сбереженіе отнималось или болѣе сильными, или поступало на государственныя нужды. Лучшимъ образчикомъ денежной жадности можетъ служить воевода Бежлемишевъ. При нашествіи Ахмата великій князь велѣлъ Бежлемишеву оставить Алексинъ, но воевода не хотѣлъ уйти, пока жители не дадутъ ему денегъ. Ему давали пять рублей, а онъ требовалъ еще рубль для жены, и пока заключалась эта сдѣлка, подошли татары и повели приступъ.

Всякихъ видовъ ложь, и обманъ, и недоувѣріе другъ къ другу являлись необходимымъ слѣдствіемъ подобныхъ отношеній — слабый дол-

вошь былъ обманывать и хитрить, потому что иначе ему не было спасенія; бѣдный долженъ былъ также обманывать и хитрить, чтобы избавиться и отъ платежей и добыть неправдой денегъ, потому что правдой они не давались. Въ такой системѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія одне за другими. Разъ Шереметьевъ жаловался на князя Носдроватаго, заложившаго у него свою отчину, что онъ вѣсть съ князьемъ Токмаковымъ составляетъ фальшивыя выкупныя. Послали сдѣлать обыскъ и въ запертой комнатѣ у князя Токмакова нашли на постели человѣка; въ головъ у него лежало письмо, а въ ногахъ стояли чернила, да вода. Спросили объ этомъ Токмакова и тотъ отвѣтилъ, что мужа этого ему подкинулъ нѣмецъ, станувшійся съ прислапными царемъ для изслѣдованія людми. Тогда спросили неизвѣстнаго и онъ отвѣтилъ: «Я человекъ убогій, кормлюсь перомъ; двора у меня въ Москвѣ нѣтъ; хожу по добрымъ людямъ, гдѣ день, гдѣ печь; на дворъ князя пришелъ я обѣдать къ его человекъ Андрею, да обѣдал, по грѣхамъ, въ комнатѣ и уснулъ; а князя Токмакова я не знаю». Однако оказалось, что Власть—извѣстный плутъ и поддѣлыватель фальшивыхъ документовъ. И такая промышленность была въ ходу. Все это, разумѣется, не могло развивать ни взаимнаго довѣрія, ни гражданской правды. Вообще ложью не гнушался тогда никто, если находилъ, что она ведетъ къ цѣли. Послѣ смерти Дмитрія самозванца къ народу разосланы грамоты, въ которыхъ говорилось между прочимъ: «... когда Григорія поймали, то онъ и самъ сказалъ, что онъ Гринка Отрепьевъ и на государство учинился бѣсовскою помощію и людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ...» Ничего этого Григорій никогда не говорилъ. Въ другой грамотѣ отъ царя Шуйскаго значилось, что въ комнатѣ самозванца найдены многія ссыльныя веровскія грамоты съ Литвой и Польшей о разореніи московскаго государства. И этого не было тоже. Посланъ, отправленнымъ въ 1606 году въ Польшу, было наказано говорить королю, что царица Марѳа, Василій Ивановичъ Шуйскій, бояре, дворяне, всякіе служилые люди и купцы обличили Григорія Отрепьева, и онъ сознался предъ народомъ въ своихъ богомерзкихъ намѣреніяхъ и тогда весь московскій народъ осудилъ его истиннымъ судомъ,—убилъ. И это была чистая выдумка. Подобная система едва ли была способна уменьшитъ ложь и, разумѣется, безропотно можетъ быть меньше, чѣмъ кто либо, права жаловаться на лживость народа, когда они первые заботились такъ мало о правдѣ. Но самый страш-

ный урокъ взаимнаго недовѣрія далъ Борисъ Годуновъ. Подозрѣвая бояръ въ нерасположеніи къ себѣ, онъ устроилъ шпіонство. Человѣку князя Шестунова, за доносъ на своего господина, была объявлена царская благодарность на площади, предъ всѣми народомъ, и за такое усердіе дамы помѣстья и велѣно слушать въ дѣтяхъ боярскихъ. Всѣ, кому захотѣлось денегъ и награды, кинулись въ шпіонство и доносы: «доносили другъ на друга поны, чернецы, ионамары, просвирни, жены доносили на мужей, дѣти на отцевъ, отъ такого ужаса мужья отъ женъ таялись и въ этихъ океанныхъ даносахъ много крови пролилось неповинной; многіе отъ пытокъ померли, другихъ казнили, иныхъ по тюрьмамъ разослали и со всѣми домами раззорили...»

Печальная жизнь среди лѣсовъ, болотъ и притѣсенній всякаго рода требовали больше чѣмъ какая либо другая жизнь душевнаго отдыха и забвенія всѣхъ горестей. Простолюдину былъ въ этомъ случаѣ одинъ выходъ: «бѣсовскія игры», на которыя такъ нападало духовенство, и вино. И жизнь горожанина была такимъ же лѣсомъ. Умственныхъ наслажденій не существовало потому, что народный умъ, находившійся въ обстоятельствахъ самыхъ неблагоприятныхъ для его развитія, не могъ создать еще ничего; умственная жизнь Запада и тамошніе обычаи строго не допускались къ намъ изъ боязни, чтобы не вышла порча православію; литературы свѣтской не существовало, кромѣ одного Слова о полку Игоревѣ; а были книги только церковныя, не могшія удовлетворить вполне мірянина—и вотъ всѣ, начиная отъ послѣдняго крестьянина, до самаго знатнаго вельможи, искали удовлетворенія въ чувственныхъ удовольствіяхъ, потому что другихъ не было, да и не могло быть. Пили всѣ одинаково, даже женщины. Когда Иванъ III отправлялъ пословъ въ Литву, то наказывалъ имъ, чтобы за обѣдомъ у короля у нихъ между собой было бы все гладко, и чтобы пили бережно, не до пьяна, и гдѣ бы имъ не случилось пить, чтобы они всегда пили осторожно и берегли себя. Въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Польшу въ 1637 году, было сказано: «Если король позоветъ къ себѣ обѣдать, то дворянамъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобы они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не ушвались и словъ дурныхъ между собою не говорили; а среднихъ и мелкихъ людей въ палату съ собой не брать для того, чтобы отъ нихъ пьянства и безчинства не было; велѣть имъ сидѣть

въ другой палатѣ, а бражниковъ и пьяницъ и на королевскій дворъ съ собою не брать.» Совершенно тоже самое было наказано послать отправляемому въ 1654 году къ австрійскому императору съ извѣстіемъ о возшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича. Обычай тотъ былъ такъ общъ, что бояре, по поводу сватовства датскаго принца Вольдемара, на Иринѣ Михайловнѣ, говорили королевичу: «можетъ быть, онъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, останется доволенъ ея красотою; также пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться до пьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна».

Изъ всего изложеннаго читатель можетъ заключить легко и самъ, что обыкновенно взводимое на татаръ обвиненіе, будто они испортили нашу нравственность и что все дурное явилось у насъ вслѣдствіе монгольскаго владычества, совершенно неосновательно. Прежде всего ошибка въ томъ, что будто бы монголы были народъ совершенно дикій. Ошибка эта происходитъ отъ того, что не обращаютъ вниманія на страну, изъ которой явились монголы. Страна эта была Китай, жившая въ то время уже прочную цивилизацію. Дѣйствительно, монголы несподобовали надъ побѣжденными народами, разрушали до основанія города и истребляли жителей, но какъ говорить одинъ извѣстный нѣмецкій историкъ, «даже среди этихъ отвратительныхъ жестокостей можно было видѣть, какъ глубоко проникъ уже въ эти орды элементъ китайской цивилизаціи и съ какою мудростію пользовался имъ умъ, управлявшій этими массами. Въ походахъ Чингисъ-Хана видно только калмыцкое варварство и въ основанія его военныхъ распоряженій лежатъ монгольскіе и тюркскіе нравы; но во всемъ, что касается государственнаго быта, въ постановленіяхъ, манифестахъ, законодательствѣ, ясно видно китайское вліяніе, дѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе и явственнѣе, что Чингисъ-Ханъ и его сыновья, подобно древнимъ римлянамъ, охотно принимали и усваивали себѣ отъ враговъ то, что считали годнымъ». Татары, или правильнѣе Монголы, поработи въ Россію, оставили ей и ея князей, и ея устройство, и внутреннее управленіе, довольствуясь только данью. Первое время, когда дань была отдана на откупъ бесерменскимъ купцамъ, насъ часто посѣщали баскаки и монгольскіе отряды. Но въ XIV и XV столѣтіяхъ мы уже не знали баскаковъ и дань собирали съ народа сами князья и отвозили ее въ Орду. Очевидно, что сближенія съ та-

тарами у насъ не было да и не могло быть; а потому не могло быть и воображаемаго разрушительнаго вліянія монголовъ на нашу частную жизнь и на нашу общественную нравственность. Вліяніе монголовъ было только политическое и экономическое. О политическомъ мы скажемъ послѣ. Что же касается до экономическаго, то его можно опредѣлять приблизительно слѣдующимъ расчетомъ. Если расходы на татаръ составляли ежегодно не болѣе рубля на человека, то во все время монгольскаго владычества страна уплатила, по меньшей мѣрѣ, четыреста милліоновъ рублей. Понятно, на сколько это истощало силы и безъ того уже бѣднаго народа, который долженъ былъ держаться въ уровнѣ самыхъ низкихъ матеріальныхъ потребностей и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не имѣлъ возможности улучшить свое положеніе. Къ этому нужно присоединить еще и потери въ людяхъ. Не считая перваго пораженія русскихъ на Калкѣ и мелочныхъ вторженій, мы улажемъ только на Куликовскую битву. Если вѣрить лѣтописцу, то съ нашей стороны легло болѣе 360,000, и московское государство такъ обезлюдѣло, что не было въ состояніи выставить войска противъ Тохтамыша. Въ представленіи народа монгольское владычество являлось чисто экономическимъ бѣдствіемъ: то была кара божія, разорившая и обезлюдившая страну. Разумѣется, уменьшеніе населенія и бѣдность были главными причинами медленно развивавшейся гражданственности, но въ этомъ были виноваты не одни монголы исключительно. Они только усилили вліяніе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя существовали и безъ нихъ и которыя не исчезли и послѣ ихъ владычества.

и. Шкалунъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ИТАЛИЯНСКИЕ ПОЭТЫ.

Джузеппе Джусти.

I.

Современная, въ узкомъ смыслѣ слова, жизнь, т. е. переживаемый нами теперь историческій моментъ мало производитъ поэтовъ повсюду, и Италия на этотъ разъ не составляетъ исключенія. Главная причина этого, я полагаю, та, что *современность*-то наша собственно въ *будущемъ*, — что можетъ показаться совершенною нелѣпностью, не перестала однакоже быть истиною. Въ самомъ дѣлѣ, истинно живыя начала современной общественности не созрѣли еще въ нашемъ сознаниі. Самая замѣтная общественная среда, т. е. та, въ рукахъ которой сосредоточивается всякая видимая дѣятельность, не живетъ, а *донашивается* когда-то осмысленную жизнь, какъ наши чиновники донашивали шпундиры по старой формѣ. И главное—эта *донашиваемая жизнь* никому не мила. У всѣхъ есть, правда, очень неопредѣленное стремленіе къ чему-то лучшему, мѣшающее съ любовью останавливаться на этой отжившей современности.

Дѣло въ томъ, что ни одно сѣмя не *оживетъ*, *аще не умретъ*. Это также вѣрно относительно развитія всякаго зародыша въ жизни общественной, какъ и въ агрономіи. И въ обоихъ случаяхъ самый процессъ развитія — подземный, скрытый. Но на этомъ и оканчивается аналогія:

разложене, которое при агрономическомъ посѣвѣ совершается закульными путемъ, въ мирѣ общности, совершается не только на нашихъ глазахъ, но и съ полнымъ нашимъ участіемъ. Не только «нашъ жизни»—весна цвѣтетъ для каждого человѣка для каждого поколѣнія, одинъ разъ и не больше, «но и лѣто—пора жатвы не повторяется. Новая среда поженъ плодъ посѣянаго предыдущему. Но между этими двумя средами легко можетъ быть среда промежуточная. Ей нечего было ни сѣять, ни пожинаать. Время этихъ промежуточныхъ поколѣній, время сомнѣній, трезвости, безпристрастнаго разбора и прошедшаго и будущаго, съ которыми чувствуется не больше, какъ холодная родственная, кровная связь. Снѣлая, добросовѣстная пылливость—лучшая изъ отличительныхъ чертъ такой переходной эпохи. Знаніе, а не упоенье, не блаженство удѣлъ ея. Она можетъ быть богата весьма полезными открытіями по всѣмъ частямъ, гдѣ достаточно разсудочной спекуляціи; но надеждъ и пророческаго пониманья дѣйствительности у нея нѣтъ—на нихъ у нея не хватаетъ силы, да она и стыдится ихъ. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было и тѣни въ отдѣльныхъ лицахъ; не всѣ одинаково подвержены давленію общаго строя, и потому рѣчь идетъ здѣсь только о степеняхъ, а не о совершенномъ уничтоженіи. Строгихъ рубрикъ, отдѣловъ нѣтъ ни въ природѣ, ни въ исторіи—это довольно избитая истина, и я привожу ее вовсе не въ назиданіе читающимъ, а для того, чтобы быть понятнымъ въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ пишу.

Вообще же я говорю только, что до полнаго художественнаго развитія этотъ невѣсомый, неисчислимый и неподверженный ни одному изъ разсудочныхъ процессовъ элементъ жизни, не доходитъ въ промежуточныхъ поколѣніяхъ. Онъ исчерпанъ живыми тогда, когда современность не донашивалась, а была во всей прелести своей свѣжести и новизны. Счастливые предшественники наши, упившіеся дѣвственными прелестями красавицы, оставили въ наслѣдство намъ свой опытъ. А природа, а жизнь, по прежнему неисчерпаемая и безлично благосклонная ко всѣмъ одинаково предоставляетъ и намъ бездну непочатаго еще и дѣвственнаго. Но для этого нужно отнестись къ ней съ непочатою страстностью юности, пожертвовать, можетъ быть, своею опытностью—на что именно насъ и не хватаетъ. Не влюбляются же опытные мужи такъ, какъ пылкіе юноши—на это однако немногіе думаютъ пенять. Если сердечно мы и жалѣемъ о томъ, что для насъ лично пора восторженвыхъ заблужденій прошла, то тѣмъ не менѣе мы разумно угѣ-

шаемъ себя мудрою истиною, что для всякаго возраста есть свои заботы, свои дѣла, свои радости и страданія. «La Vieillesse a serendant sa beauté», говорилъ Альфонсъ Ламартинъ, глядя на портретъ, который вздумалось ему снять съ себя, будучи семидесяти лѣтъ отъ роду.

Мы предпочли воспользоваться опытомъ прошлаго, отжившаго поколѣнія. Мы собственно *продолженіе* его, а не *будущее*, то, о которомъ оно мечтало, къ которому оно стремилось. Но это его будущее нечужое и намъ. Мы не стремимся къ нему такъ порывисто, не мечтаемъ о немъ, потому что имѣемъ на счетъ его нѣкоторыя оудравшія сомнѣнія.

Но только по этимъ сомнѣніямъ и догадкамъ мы не составимъ о немъ себѣ художественнаго понятія. А оно живо въ поэтической дѣятельности того предъидущаго, котораго мы являемся какъ-бы дозрѣвшими продолженіямъ, живо потому, что только та художественная дѣятельность и переживаетъ минуту, которая служить выраженіемъ хоть одной надеждѣ, одному стремленью человѣка, и его эпохи...

Вотъ почему, говоря о современныхъ итальянскихъ поэтахъ, я начинаю съ Джусти. Тѣ же надежды, тѣ же стремленія живы здѣсь и теперь, какъ тогда, когда онъ писалъ карандашомъ въ карманной книжкѣ колкія строфы подъ шумъ ораторствующихъ на трибунѣ собратіи своихъ по тосканскому народному собранію. Только надежды эти поблекли теперь «при словѣ разсудка», что не помѣшаетъ имъ осуществиться, когда настанетъ эпоха не однихъ разсужденій и словъ, но и самого дѣла.

Два имени: Леопарди и Джусти исчерпываютъ всю современную въ этомъ смыслѣ дѣятельность Италіи. Въ оставляемые ими пробѣлы и прощелуки съ трудомъ укладываются талантливыя ничтожности въ родѣ Маливи и бездарныя знаменитости, какъ напр. Ричарди, больше извѣстный впрочемъ своимъ оригинальнымъ полученіемъ графскаго титула, чѣмъ стихами.

Составляя совершенную противоположность одинъ другому, Леопарди и Джусти пополняютъ одинъ другого и сходятся на одномъ отрицаніи безпощадномъ и страстномъ всего, что давала имъ или что могла дать окружавшая среда ихъ и на безграничной любви къ Италіи, а черезъ преломляющую призму своей національности—на любви ко всему человѣческому. Въ язвительной насмѣшкѣ одного и въ безвыходномъ, мрачно поэтическомъ отчаяніи другого слышится постоянно эта горячая, страст-

ная нота. Такъ возмущаются уродливою бессмысленностью настоящаго только люди, у которыхъ живо сознаніе много, безмѣрно высшаго существованія. Сомнѣніе, жизненность, не позволявшая примириться на отвлеченіи, постоянно выбивали и того и другого изъ торной колеи чуждой намъ идеализаціи, романтизма и вызывали ихъ на твердую почву живой дѣятельности.

Леопарди, болѣе сосредоточенный въ самомъ себѣ и менѣе Джусти отражавшій окружающую его среду во всѣхъ ея минутныхъ отклоненіяхъ, тѣмъ самымъ уже доступнѣе сочувствію всѣхъ. Джусти популярнѣе и интереснѣе, именно какъ умное, колкое и всегда художественное изображеніе итальянской жизни, по сочувствію своему каждой народной отличительной чертѣ своихъ соотечественниковъ, потому наконецъ, что мало найдется итальянцевъ во всѣхъ классахъ тамошняго народонаселенія, которые бы не слышали его стиховъ, и которые, услышавъ ихъ хотя бы одинъ разъ, не удержали бы ихъ въ памяти.

Я не считаю всенародную подачу голосовъ вѣрнымъ средствомъ опредѣлить достоинство художественнаго произведенія и сравнительно съ Леопарди большая популярность Джусти не служитъ въ моихъ глазахъ ручательствомъ за его превосходство надъ нимъ. Есть формы, въ которыхъ истинно прекрасное недоступно тому, кому недосугъ остановиться передъ нимъ. Застольная пѣсня съ меткими, чисто народными выраженіями всѣмъ по плечу... И независимо отъ формы, — насмѣшка меньше пугаетъ, чѣмъ безвыходное отчаяніе, въ которомъ слышится проклятіе, соединенное съ стономъ тоскующей души. Въ насмѣлкѣ есть примиреніе, а въ отчаяніи его нѣтъ. Скептицизмъ Леопарди пугалъ даже Мадзини, а нѣтъ разнощика въ пѣлѣй Тосканѣ, который бы не смѣялся отъ души надъ пѣсенками Джусти, не чувствуя, какъ она заставляла отвалиться отъ его души какой-нибудь до того закостылый наростъ, что его можно было принять за естественный и нужный организму отростокъ.

Говоря о популярности Джусти, какъ о чемъ-то дающемъ ему право на всеобщее вниманіе, я имѣлъ въ виду не только то, что его всѣ читали или, за безграмотностью, слышали. Это въ Италіи очень обыкновенно при большой дешевизнѣ изданій и значительномъ распространеніи грамотности. Важнѣе то, что Джусти будетъ точно также читаться и будущимъ поколѣніемъ и даже той частію Италіи, которая принимаетъ только пассивное участіе въ умственной жизни націи. За это ручается тонкое, — не скажу, — пониманіе, а скорѣе чувство его

вѣкъ основныхъ началъ народной жизни;—тотъ тактъ, которымъ онъ утѣлъ отъ чисто внѣшняго видимаго отклоненія забраться до тѣхъ общихъ народныхъ чертъ, которыми обуславливалась возможность этого частнаго случая... Нелѣпость и подлость, замѣчаемая имъ въ общественной жизни, объясняется у него политическими обстоятельствами и обратно...

II.

Италія слыветь садомъ въ Европѣ. Тоскану—*la fiorita Toscana*—итальянцы называютъ своимъ садомъ. Это до такой степени вѣрно, что, живя здѣсь скоро соскучишься по полямъ и лѣсамъ, по простой и нехудожественной сельской природѣ—ее здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Скажу больше: въ Италіи зелень—рѣдкость, точно также, какъ во всякомъ слишкомъ хорошо разработанномъ и слишкомъ тщательно содержимомъ саду. Села здѣсь, т. е. нивы, поля какъ-то не *сами по себѣ*: они состоятъ при городахъ, какъ полисадники при домикахъ на петербургской сторонѣ. Это придаетъ здѣшней жизни какой-то мраморный характеръ, конечно очень художественный, изящный. Мы можемъ прельщаться имъ, но намъ онъ не по душѣ. А *la longue* намъ въ немъ если и не тѣсно, то все какъ то неловко. Мы ищемъ чего-то болѣе привольнаго, дикаго. Таковы здѣсь горные пейзажи. Но горная дичь какъ-то слишкомъ сродни этимъ мраморнымъ городамъ; и она прельщаетъ насъ, но не манитъ. Это неродная намъ природа.

Нарѣдка вдали отъ большихъ дорогъ и городовъ попадетъ глухая деревушка. Она печальнымъ пятномъ лежитъ на роскошно разработанной поверхности этого чудеснаго края. Слишкомъ примѣтные слѣды отсталости, можетъ быть даже застоя, отражаются на ней. Они оскорбляютъ, горько поражаютъ своею противоположностью съ остальнымъ, но во мнѣ, когда я вижу ихъ, всегда зашевелится что-то отрадное,—словно, пріѣхавъ домой, встрѣчаешь горе, но горе родное...

Этотъ задавленный сельскій элементъ-изнанка итальянской жизни—элементъ вѣчной реакціи противъ всякаго передоваго движенія,—почва, на которой съ успѣхомъ сѣютъ всякую дрянъ папскіе легаты, шпіоны и разбойники Бурбоновъ,—эти ракообразные агитаторы, влекущіе Италію во временахъ выстраданной ею тиранніи. Тупое, страдательное,

отставаніе себя и своего клочка земли, живота и достояніа противъ цивилизаціи, враждебно подступающей въ видѣ образованнаго городского спекулятора — вотъ все существованіе итальянскаго земства. Оно или гордится своимъ отчужденіемъ, лукаво презирая и обкрадывая по возможности горожанъ, либо стремится отрѣчься отъ самого себя, перейти во враждебный лагерь — единственное условіе, подь которымъ можно избѣжать печальной участи быть всосаннымъ тиною этой мертвящей жизни... Любая кормилица или судомойка, точно также какъ выше по общественной лѣстницѣ, — любой толстенькій студентъ въ Пизѣ или Сьенѣ съ очевидной наклонностью къ ружейной охотѣ, къ добродушному лукаству и къ dolce far niente — все это личныя попытки примиренія двухъ враждующихъ вѣчно въ Италіи сословій, — попытки, даже въ смыслѣ частнаго случая, обыкновенно неудачныя. Варварское *контадинское* происхожденіе тѣмъ хуже укрывается подь благопріобрѣтеннымъ грузомъ городского просвѣщенія, чѣмъ больше самый пациентъ смотритъ на свою пріобрѣтаемую гражданственность, какъ на павлиныя перья, которыми ворона думала прикрыть свой плебейскій уборъ...

Басня о «воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ», которую невольно вспоминаешь когда рѣчь зайдетъ о людяхъ, вышедшихъ изъ одного сословія съ намѣреніемъ войти въ другое — въ этомъ случаѣ едвали идетъ къ дѣлу. Въ основаніи факта, о которомъ я говорю, лежитъ нѣчто весьма серьезное, и я не имѣю даже желанья относиться съ холодной точки зрѣнія моралистовъ...

Если оставить въ сторонѣ итальянскихъ кормилицъ и трактирныхъ молодцовъ и принять въ соображеніе остающуюся за вычетомъ ихъ многочисленную толпу, ежегодно выбрасываемую изъ себя итальянскимъ земствомъ, то мы встрѣтимся съ явленіемъ, имѣющимъ свой собственный типъ, типъ страшный и оригинальный въ одно и то же время.

Дантъ писалъ въ странѣ и во времена, неизмѣншія понятія о *милизм* въ гамлетовскомъ или въ фаустовскомъ смыслѣ этого слова. Онъ не могъ понять всей глубины мученій, пріостекающихъ для человека изъ неприлагаемости его къ средѣ, въ которой онъ осужденъ прозябать. Ему казалось, что онъ очень милостиво поступилъ съ душами, которыхъ все наказаніе въ томъ, что они не могутъ пристать ни къ тому, ни къ другому берегу. Но мы опытиѣ его въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ и въ голову никогда не приходитъ смѣяться или морализировать, когда я встрѣчаю въ итальянскихъ городахъ — по преимуществу между

пизанскими и сьенскими студентами—это поколѣніе, народившееся въ привольѣ хотя и непрощѣтающей здѣсь сельской жизни. Только между ними еще и встрѣчаются здѣсь молодые люди. Городское же поколѣніе, подавленное пауперизмомъ или богатствомъ, необходимою пустой и тяжелой работы, или обязательнымъ бездѣйствіемъ, никогда не бываетъ молодо...

Но въ городѣ трудно ужиться тому, кто съ дѣтства инстинктивно привыкъ требовать отъ жизни легкаго и дешеваго удовлетворенія оправданныхъ какимъ-то всеобщимъ итѣмымъ признаемъ своихъ потребностей. Вѣчное движеніе городской жизни, казавшееся заманчивымъ челоуѣку, развившемуся среди тилаго застоя италянскаго земства, при первомъ сближеніи съ нимъ, теряетъ въ его глазахъ всякую прелесть. Онъ не можетъ искренно хотѣть вжиться въ нее, усвоить ее себѣ; точно также не можетъ предпочесть ей оставленнаго для нея покоя своей родной деревни, а потому и покой этотъ вовсе не чуждъ утомительнаго броженія въ заколдованномъ кругѣ. И самый кругъ этотъ еще тѣснѣе, еще душливѣе можетъ быть самодержавнаго мѣщанства промышленно и учено-дѣятельныхъ городов...

Среда, о которой здѣсь идетъ рѣчь, очень немногочисленна въ Италиі; но такъ какъ это самая большая ея среда, сохранившая здоровья ровно на столько, на сколько нужно, чтобы не утратить сознание своего жалкаго положенія, то и хорошо съ одной стороны, что она не разрастается до болѣе значительныхъ размѣровъ. Но чтобы это совѣтъ было хорошо—я не думаю.

Лицевой и задній фасадъ италянскаго жизни, замкнутые въ себѣ—процвѣтающее и подавляющее мѣщанство и угнетенный сельскій классъ—оба вертятся, какъ бѣлки, въ колесѣ. Разница значительная въ размѣрахъ, но не больше. И тутъ и тамъ совершенно одинаковое довольство собою и своей долей—забота о томъ только, чтобы побольше размѣститься въ колесѣ, въ которую бросила ихъ судьба или случайность,—размѣститься конечно на плечахъ и на шеяхъ своихъ соотсѣдъ. И за этой подавляющей заботой мало остается времени и желанія подумать о томъ, чтобы выбраться изъ своей узкой, искусственной ячейки... Очевидно, вѣка могутъ пройти—тотъ, кто вчера сидѣлъ на плечахъ десяти братьевъ своихъ во Христѣ, теперь въ свою очередь лежитъ задавленный ими... а выходу все-же не будетъ...

Среда, непримкнувшая ни къ тому, ни къ другому берегу, чувствующая и сознающая оторванность свою отъ обоихъ, можетъ, ко-

нечно, также бездѣтельно и тупо проводить жизнь свою, хотя и другими образомъ. Недостатокъ въ человѣкѣ того творческаго начала, которое оплодотворяетъ всякую дѣятельность, чисто органической; онъ зарождается и развивается въ этой общественной средѣ, которая гнѣтъ въ тинномъ самодовольствіи. Если человѣка удовлетворяетъ его прошедшее и настоящее — значить онъ пересталъ жить и дѣйствовать. Поэтому будемъ скромнѣе, когда намъ приходится зубоскалить или швырять грязью въ такъ называемыя утопіи и туманныя надежды на лучшее будущее...

Было время, когда общество крайне снисходительно относилось къ этимъ непризнаннымъ душамъ, «сотканнымъ изъ лучшаго эфира» и гордившихся тѣмъ, что

Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Мы увидѣли, что это пристрастие доходило до излишнихъ крайностей, что часто рѣшительная физиологическая негодность, т. е. невозможность жить въ дѣйствительномъ мірѣ, скрывалась подъ казавшимися намъ художественными и поэтическими стремленіями романтическихъ натуръ. Но эта болѣзнь прошла, только не всѣхъ мертвецовъ еще снесли на кладбище. Нѣкоторые изъ нихъ не покончили съ своей агоніей, и когда ихъ трупы начинаютъ разлагаться, они рѣшаются бороться съ той живой силой, которая ихъ убила. Въ такомъ положеніи находятся въ Италіи идеалисты, съумѣвшіе опозитивизировать даже католическій догматъ. Но мертвые уступаютъ дорогу живымъ; на мѣсто больныхъ и поврежденныхъ мечтателей явились другіе дѣятели — общественной пользы, которыхъ *золотая середина* называетъ также утопистами, но уже не восхищается ими, а боится ихъ и клеветаетъ на нихъ. Это люди мысли и дѣла, съ горячей вѣрой въ человѣка и въ его лучшее назначеніе. У этихъ людей вмѣсто розовыхъ фразъ замѣтна ядовитая или горькая улыбка на губахъ; — вмѣсто художественныхъ *увы* и *ахъ!* слышится съ языка глубокій стонъ, нарушающій блаженные сны самодовольнаго мѣщанства.

Такъ какъ эти *мечтатели* очень положительны въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, то за эту положительность ихъ ненавидятъ. При неополитанскихъ Бурбунахъ они сидѣли въ душныхъ казематахъ, а те-

перъ ихъ выпустили, но съ приказаніемъ молчать; пока не возстановится порядокъ, придуманный министрами Виктора Эммануила...

Если далеко неполныиъ, то очень вѣрнымиъ выраженіемъ этого типа людей былъ Джузеппе Джусті. Италіанскіе біографы его вскользь и мелькомъ упоминають о томъ, что онъ родился въ Монаумано, глухой деревушкѣ близъ Пешіа, извѣстной своими минеральными водами и живописнымиъ гротомъ. Я упоминаю объ этомъ потому, что этимъ обстоятельствомъ прямо обуславливалась одна изъ сторонъ его дѣятельности, и для насъ, конечно, одна изъ самыхъ интересныхъ ея сторонъ.

Какъ ни рано оставилъ онъ нероскошный замокъ своего отца, какъ ни полно повидимому вжился онъ во всѣ тревоженія флорентійской жизни, онъ никогда не могъ заглушить въ себѣ одно весьма часто томившее его чувство—своей разорванности съ средою, въ которой онъ самъ осудилъ себя жить изъ весьма понятнаго стремленія къ дѣятельности. Городская Италія никогда не была ему родною, онъ не былъ закупленъ въ ея пользу никакими традиціями, никакими воспоминаніями безсознательно прожитаго имъ на этомъ мѣстѣ времени.

А это время у Джусті было несравненно художественнѣе, богаче живыми впечатлѣніями, чѣмъ у самаго счастливаго изъ горожанъ. Если бы онъ раньше оставилъ деревню, т. е. до того времени, пока началъ омуцать всю мелочность и пустоту жизни, развивавшейся, или лучше разлагавшейся среди живописной природы, которую онъ рано привыкъ любить, то вѣроятно въ немъ сохранились бы буколическія стремленія, ревнивая ненависть ко всему городскому безъ всякаго разбора. Но этого не случилось. Онъ вынесъ изъ дѣтства близкое знакомство съ италіанскою націей безъ ненависти къ той или другой изъ ея рубрикъ.

Характеръ его уже сложился прежде, чѣмъ онъ испыталъ на себѣ всю подавляющую тяжесть односторонней просвѣщенности безжизненныхъ тосканскихъ городовъ. Въ пизанскомъ университетѣ и во флорентійскихъ академіяхъ и народныхъ собраніяхъ, воодушевленныхъ подогрѣтымъ цинизмомъ, заимствованнымъ изъ руководствъ древней исторіи, Джусті оставался «скифомъ въ Афинахъ», но не въ карикатурномъ смыслѣ. Онъ понималъ, что онъ нечужой здѣсь, что онъ имѣетъ свои права; но едвали могъ найти удовлетвореніе въ окружающемъ; онъ «чувствовалъ», что ему было чуждо это окружающее. Онъ виѣщалъ въ себѣ два враждебныя начала раздвоеннаго италіанскаго быта, и въ немъ онъ были примирены; а кругомъ продолжали презирать и ненавидѣть другъ друга, и ни министры Леопольда, ни триумвиры впо-

слѣдствіи никогда не подумали о томъ, что первый и единственно возможный для Италіи шагъ впередъ долженъ быть примиреніе двухъ неизвѣстно изъ-за какой необходимости враждующихъ сторонъ. Самъ Джусти никогда не могъ понять этой простой мысли въ ея общности и цѣлости; но всѣ его и пѣсни были въ сущности ни что иное, какъ развитіе именно ея, но только въ частностяхъ и въ примѣненіяхъ...

Тоскана и вся Италія во времена Джусти была въ самомъ страстномъ припадкѣ націонализма. На патриотизмѣ, на правѣ національности всѣ общественные ея дѣятели основывали свои стремленья. А между тѣмъ только онъ одинъ и былъ націоналенъ.

Городская, промышленная жизнь ведетъ къ космополитизму во первыхъ потому, что она развивается на интересахъ общихъ, часто противоположныхъ интересамъ національнымъ; во-вторыхъ потому, что она питается отвлеченностями, — она менѣе связана, обусловлена тѣми космическими и другими случайностями, которыми опредѣляется національность. Это имѣеть, какъ вѣроятно и все на свѣтѣ, свою хорошую и дурную сторону. Мысль общенароднаго братства выработана городами — поэтому-то она и остается отвлеченною.

Земледѣлецъ всегда горячій приверженецъ своей національности и крѣпко стоитъ за нее. Объ общенародномъ братствѣ онъ не думаетъ, потому что привыкъ думать о томъ только, что само навязывается ему своею докучною насущностью. Потому же физиологически онъ-то и есть, несравненно больше чѣмъ горожанинъ, представитель своей націи. Горожанинъ можетъ иногда сохранить нѣкоторыя изъ своихъ національныхъ чертъ. Чѣмъ меньше онъ развитъ, тѣмъ больше въ немъ осталось ихъ. Земледѣлецъ можетъ развиваться столько, на сколько даныя національнаго характера способны быть развиваемы, т. е. изъ узко-национальныхъ стать общечеловѣческими. Горожанинъ легко понимаетъ всѣ выгоды, которыя могутъ произойти для челоукаго изъ общенароднаго братства — для этого ему нужны нѣкоторыя спекулятивныя способности и не особенно высокая степень развитія. Каждый шагъ въ развитіи земледѣльца есть шагъ къ общенародному братству. Национальность земледѣльческихъ классовъ служитъ вѣчнымъ тормозомъ къ развитію городской промышленности. Сама по себѣ эта национальность одна изъ природныхъ, непосредственныхъ ячеекъ общества, точно также, какъ семья, община...

Передовые изъ сотоварищей Джусти по національному собранію смотрѣли на національность свою, какъ на средство поднять массы про-

тивъ ненавистнаго имъ австрійскаго правительства. Джусти ненавидѣлъ австрійское иго, на сколько оно препятствовало развитію живыхъ началъ итальянской народности, т. е. безмѣрно, но вслѣдствіе этого у него оставалась возможность самыя средства, которыми думали избавить Италію отъ иноземныхъ притѣснителей, разбирать съ насмѣшливою враждобностью контадина надъ вѣсѣмъ недействительнымъ и отвлеченными.

Такъ какъ обѣ стороны итальянскаго быта въ возможно полномъ своемъ по тому времени развитіи, были тѣсно сплавлены въ немъ въ одно цѣлое и составляли его личность, какъ поэта, то нельзя найти одного или нѣсколькихъ стихотвореній его, которыми бы можно было указать на степень развитія въ немъ той или другой изъ нихъ. Но также трудно найти между ними и такое, въ которомъ бы эта полнота и національность его не отпечатались бы весьма ярко и во всей нераздѣльной цѣлости своей.

Впрочемъ объ этомъ еще много придется говорить. А здѣсь остановимся только на самомъ его языкѣ. Въ этомъ всего рѣзче высказывается тѣсное, не скажу знакомство, а скорѣе самое близкое родство его съ живыми и оригинальными до нельзя тосканскими контадинами—земледѣльцами, на которыхъ горожане тогда только и могутъ смотрѣть безъ смѣху, когда дѣло коснется денежныхъ расчетовъ съ ними. А между тѣмъ тосканскій мужикъ едва ли смѣшише всякаго другого мужика. Смѣшише всего противоположность этихъ наивно-лукавыхъ, выразительныхъ фizioномій съ безличными и сглаженными до стереотипности мѣщанскаго быта лицами горожанъ. Впрочемъ въ Тосканѣ, благодаря щедрости и благодатности здѣшней природы, и въ городахъ мало встрѣчается «лицъ» вовсе «безличныхъ», но еще меньше правда такихъ, которыя бы не носили на себѣ отпечатка той *измощенной* добродѣтели, которая какъ казенная пуговица, сравниваетъ всѣхъ благонамѣренныхъ горожанъ до безразличнаго уровня...

Оригинальность фizioноміи контадина составляетъ не столько самое лице, сколько наявность чувства, соединенная съ лукавствомъ, а главное—его языкъ живописный до нельзя, обработанный по своему не въ ущербъ самобытности... Тому, кто самъ не видалъ и не слышалъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не видалъ классическаго «Стенчело» на сценѣ тосканскихъ грошевыхъ театровъ, тому, говорю я, невозможно передать въ чемъ именно дѣло.

Этим-то живописнымъ языкомъ Джустини выставлеть на видъ своимъ соотечественникамъ не только необходимость, но и возможность снѣтія въ одно раздвоеннаго народа. Выставлеть ее онъ, никогда не называя по имени, можетъ быть и бессознательно, — во всякомъ случаѣ отрицательно. Онъ даетъ почувствовать всю пустоту этой раздвоенной жизни въ безконечномъ числѣ весьма различныхъ ея проявленій, отъ мелочныхъ и до считаемыхъ важными. Личностью своею онъ заставляетъ каждаго почувствовать, что раздѣленіе это ложно, недѣйствительно. И странно: гордые горожане, которыхъ всего больше раздражаетъ именно сознаніе своей совершенной тождественности съ презираемымъ сельскимъ классомъ, — сознаніе того, что различіе между ними чисто случайное, нелѣпое, недѣйствительное, — только въ одномъ Джустини и могутъ примириться съ этимъ оскорбительнымъ для нихъ притязательности сознаниемъ...

Джустини особенно любилъ этотъ живописный языкъ контадиновъ и изучалъ его до мельчайшихъ подробностей. Это пристрастіе чуть было не побудило его отдаться исключительно филологіи. Но такъ какъ человѣкъ неизбѣжно вноситъ во всякое серьезное занятіе ту часть своей особы, которая ему дорога по преимуществу, то Джустини свои научныя занятія подчинялъ невольно одному личному стремленію, никогда впрочемъ, неразвившемуся въ цѣль такъ аналитически полно, чтобы сдѣлать плодотворною его науку. Онъ живо чувствовалъ потребность живаго тосканскаго языка, которому между прочимъ ничто не мѣшало стать живымъ итальянскимъ. И онъ создалъ его, но только не филологическими своими трудами, а своими пѣснями.

Все, что есть роскошнаго, живописнаго въ ратоихъ всѣхъ существующихъ мелкихъ и крупныхъ, замкнутыхъ или незамкнутыхъ въ себѣ итальянскихъ корпорацій и общественныхъ подраздѣленій, вошло въ оригинальный, живой и роскошный, чисто народный языкъ этого поэта. Какъ отъ картины Рубенса или Деканъ (Decamps), отъ него вѣетъ неувимую поэзію красокъ...

А весьма немногочисленныя лингвистическія попытки его вышли тѣмъ неменѣе весьма неудачны, безжизненны и затерялись по большей части никому неизвѣстными. Одна изъ нихъ впрочемъ избѣгла общей участи — его изданіе народныхъ тосканскихъ поговорокъ и пословицъ, снабженное собственными его объясненіями и примѣчаніями къ каждой изъ нихъ. Впрочемъ, сборникъ этотъ интересенъ никакъ не тою частью своею, которая принадлежитъ самому автору. Я думаю, что Джустини

всего болѣе подчинился весьма распространенному въ его время мнѣнiю: будто человѣкъ «праздно бременить землю», если не имѣетъ какого-нибудь скучнаго для себя дѣла, — такъ не въ видѣ ли уступки этому мнѣнiю, которое самъ онъ раздѣлялъ, занимался Джустини своими ничтожными необъясняющими и непополняющими поясненiями и прибавленiями къ народнымъ поговоркамъ?..

III.

При первомъ взглядѣ на портретъ Джустини, мнѣ все кажется, будто я вижу дурно сдѣланный портретъ Пушкина. Отчасти это можетъ быть и отъ того, что всѣ портреты Джустини, которые мнѣ случилось видѣть, дурно сдѣланы. Впрочемъ такъ какъ другихъ нѣтъ, то я предполагаю что эти не безъ сходства. Понятiе о человѣкѣ никогда не полно, если не знаешь его внѣшности. Она часто можетъ быть и обманчива, но всегда многое объясняетъ... При потребности знать, какая физиономiя была у Джустини и т. п. ничто не противорѣчитъ тому, чтобы у него была именно такая физиономiя, какая изображена на его портретахъ, — я довольствуюсь ими...

Разбирая черты его чисто тосканскаго лица, съ нѣсколько поднятыми вверхъ бровями, со вдавленной переносицей и рѣдкой бородкой, а мало нахожу въ немъ похожаго на африканское лице нашего поэта. Сходство есть, но въ общемъ, скорѣе въ «музыкѣ лица», чѣмъ въ отдѣльных чертахъ его; да пожалуй еще въ темныхъ, курчавыхъ, какъ у негра, волосахъ...

И я убѣжденъ, что это не ошибка рисовальщика. Между ними есть то внутреннее сходство, которое необходимо должно было заявить себя въ самой внѣшности. Та же жизненность, разносторонняя впечатлительность, умѣнье найти въ себѣ «свой откликъ», безъ олимпійскаго величiя Гете, безъ романтизма и слезливаго разочарованiя жизнью...

Нѣкоторое сходство въ случайномъ положенiи ихъ, относительно среды, въ которой жили, необходимо происходила изъ этого внутренняго сходства, такъ какъ разница между ихъ взаимными обстановками неизмѣримая.

Изъ того, что сказано уже въ общихъ чертахъ, въ началѣ предыдущей главы, легко составить себѣ понятiе о томъ, чакъ шла жизнь

Джустини въ первое время его прѣзда во Флоренцію, по окончаніи курса въ пизанскомъ университетѣ.

Существованіе его было на столько обезпечено, что онъ могъ не выбирать себѣ прикладной дѣятельности единственно по истинкту самосохраненія. А по душѣ трудно было вообще человѣку выбрать тотъ или другой изъ просекъ общественной дѣятельности въ тѣ времена, когда все стремилось къ какой-то замкнутости въ себѣ и совершенной оторванности отъ живой общности...

Впрочемъ, картину, и довольно полную, тогдашняго состоянія Италіи, оставилъ намъ самъ Джустини, и его живые художественные очерки гораздо интереснѣе и полнѣе того, что бы я могъ сказать объ этомъ предметѣ. Къ сожалѣнію, большую часть его стихотвореній я не могу, «по совершенно независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ», представить на судъ читателей въ болѣе или менѣе подстрочномъ переводѣ.

Однако, прежде чѣмъ говорить о дѣятельности человѣка, мнѣ бы хотѣлось хоть сколько-нибудь ознакомить и съ его личностью...

Насколько могу, заставляю и здѣсь самого Джустини говорить за себя. Предупреждаю только, что онъ едва ли не меньше всѣхъ другихъ современныхъ итальянскихъ и неитальянскихъ поэтовъ занять собою. Онъ не оставилъ исповѣдей *спеціальныхъ* или *генеральныхъ*; весьма немногія изъ его стихотвореній относятся лично къ нему, къ событіямъ его жизни. И самыя письма его въ стихахъ и въ прозѣ къ друзьямъ: къ Джироламо Томази, Коноши, семейству d'Azelio, свидѣтельствуютъ всего больше о томъ, что у него не было близкихъ, передъ которыми бы онъ чувствовалъ желаніе высказаться. Письма эти (о которыхъ еще скажу нѣсколько словъ послѣ) весьма интересны во многихъ отношеніяхъ, но мало объясняютъ самую личность поэта, въ особенности же въ ту эпоху его жизни, которая у всѣхъ бываетъ полнѣе, блестящѣе остальныхъ; но которая у Джустини, благодаря случайнымъ сдѣланнымъ обстоятельствамъ, едвали несамая бѣдная эпоха. Я говорю, конечно, о порѣ его первой молодости.

Первыя дошедшія до публики стихотворенія Джустини — я говорю это, полагаясь на вѣрность хронологіи, сообщаемой всѣми его біографами и издателями — относятся къ 1833 г., когда ему было около двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. Въ послѣднее время, т. е. по введеніи въ Тосканѣ конституціоннаго уложенія о печати, во Флоренціи сдѣлано два изданія Джустини, весьма полныхъ, болѣе даже полныхъ, чѣмъ сдѣлывало; такъ въ послѣднее изъ нихъ вошли даже такія стихотворенія, кото-

рыя Джусті нікогда не пісаль, какъ напр. довольно плохой переводъ «Бога» Беранже. Тѣмъ не менѣе «Народалъ Гильотина» (*La guigliottina a varone* и «Предложеніе перемѣнить образъ жизни» (*La Ropreguagione o il proponimento di cambias vita*) остаются первыми по времени его произведеніями, а и то, и другое написано имъ послѣ паденія революціи въ Романьяхъ въ 1832 или 1833 году.

Ни то, ни другое изъ нихъ не принадлежитъ къ разряду лучшихъ его стиховъ, однако въ нихъ уже достаточно выработанности и нѣкоторой технической опытности, не позволяющей принять ихъ за первые опыты... Я знаю, что у насъ такое замѣчаніе можетъ очень показаться страннымъ. Но итальянская публика, хотя бы и очень разборчивая въ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ свои очень строгія требованія относительно слога, внѣшней отдѣлки литературныхъ произведеній. Да есть къ тому же весьма положительныя данныя на то, что Джусті самъ очень тщательно обрабатывалъ каждую свою строчку, перечеркивая и переписывая ее по нѣскольку разъ...

Но, отложивъ въ сторону всякія другія соображенія, я просто задаю себѣ вопросъ: могъ ли человѣкъ, одаренный замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ и рѣдкою впечатлительностью, не писать стиховъ до двадцати-пятаго года своей жизни? Я не могу допустить подобной возможности.

Но что случилось съ его первыми стихами? это неразрѣшенная досихъ поръ задача. А потому, о первыхъ годахъ молодости, о его студенчествѣ, сперва въ Пистоѣ, потомъ въ Пизѣ, трудно сказать что нибудь...

Біографы сообщаютъ по этому поводу нѣсколько малозначущихъ событій его внѣшней жизни. Но вовсе не это интересно...

Гораздо позже, уже совершенно возмужавъ, Джусті вспоминаетъ торжественный день своей разлуки съ университетомъ. Перевожу здѣсь пѣлюкомъ это весьма милое его стихотвореніе:

«У меня навсегда останется въ памяти день, когда я получилъ за свои умственные доблести и за приличную плату дипломъ на званіе «*Esceletisimo*» и печально оставилъ наше веселое пизанское столпотвореніе.»

*) *Esceletissimo* — превосходительнѣйшій—въ Италіи титулъ докторскаго званія. Джусті не говоритъ *дипломъ на званіе*, а *divisa*, что значитъ дивизъ, мундиръ, форменная отличка. Но переводить слово въ слово—значило бы сдѣлать его совершенно непонятнымъ.

«Усталый вошелъ я триумфаторомъ съ цѣлой вотагой въ *Ussego* (кафейная подъ вывѣской *Gusara* въ Пизѣ, гдѣ собирается студенчество), и, угостивъ въ послѣдній разъ чернымъ кофеемъ человѣкъ двадцать пріятелей, заплативъ шесть раолі стараго долга — покотилъ на ждавшей меня у воротъ таратайкѣ — покотилъ, но не весело, а съ опущеннымъ носомъ и въ смущеніи.»

«Четыре года прожиты беззаботно, на свободѣ! Книжки заброшены въ уголь — открывается широкій входъ въ жизнь, что на первыхъ порахъ возбуждаетъ и радостныя отчасти ощущенія.»

«Какъ ни упивайся знаніемъ, какъ ни глотай томъ за томомъ—человѣкомъ отъ этого не станешь, а развѣ *chiarissimo* (тоже что и *eccellentissimo*).» Только что выберешься изъ ученыхъ стѣнъ, споткнешься на первомъ же попавшемся камушкѣ. Эхъ! Отъ слова до дѣла длинна дорога!»

«Каюсь—но я любилъ слушать уроки но только не съ кафедры. Неможно безпутства мнѣ казалось необходимымъ дополненіемъ къ профессорскимъ лекціямъ. Въ небрежности есть своя мудрость.»

«Мнѣ дорого мое истертое платье времянь моего студенчества и наше квакерское *ты*, которымъ дѣвственныя тогда еще уста наши встрѣчали новаго товарища. Теперь обманъ жизни пріучилъ насъ ко лжи и бессознательно называешь каждаго встрѣчнаго почтительнымъ *вы*, значительно облегчающимъ дальнѣйшее надувательство.»

«Въ нашъ пустой *банкирскій* вѣкъ, кромѣ университета встрѣтишь тотъ цинизмъ, съ которымъ мы не боялись выказывать нашу бѣдность, протертые локти, а иногда и голодь?»

«Наши веселые дни и вечера, проходившіе въ искреннихъ спорахъ, въ шуткахъ и насмѣшкахъ! Нѣтъ не забывается то время, которое прожито безъ обмана, безъ лести—когда и волоса и мозгъ не прилизывались изъ приличія.»

«А сколько тогдашнихъ юныхъ Сократовъ сгали потомъ плутами или полоумными... Боже сохрани насъ заживаться такъ долго на этомъ свѣтѣ!»

«Пусть же ученіе уступитъ мѣсто веселью, какъ теорія практикѣ, или пусть, по крайней мѣрѣ, идутъ въ перехѣжку книжки съ пирушками. Пора бы перестать морщиться на молодежь за ея невоздержность.»

«А сами строгіе моралисты съ своимъ занятымъ вѣчно и дѣловымъ видомъ лучше бы перестали думать о томъ, какъ выгодноѣе продать»

свою душу, стать-ли шпиономъ, или иными путями поразиться на счетъ чужаго кармана?»

«Сигара, стаканъ пуншу, иной разъ сумазбродная выходка, да подчасъ надуть лакействующихъ на кафедрѣ ословъ и плутовъ.»

«Вотъ, гг. туристы, мои грѣхи и подвиги. Сумазбродство, такъ строго порицаемое вами, въ моихъ глазахъ заслуживаетъ уваженіе. Всѣ эти натанутыя на серьезную мину рожи мальчишекъ о томъ только и думаютъ, чтобы съѣсть другинѣ на шею.»

«Съ какой радостью увижу я опять нашу наклонившуюся на бокъ красорную колокольню — послѣ долгихъ лѣтъ разлуки видѣ ея напомнитъ мнѣ, что я не сломился и не погнулся.»

«А тѣ, которые благоразумно тогда чуждались насъ, когда мы забывъ не только «jus Romanum», но и университетскій уставъ, пѣли *трехцвѣтныя* пѣсни—тѣ, что слушая насъ притворялись глухими.»

«Теперь разжирѣли и погребли себя въ животности подѣ бременемъ нѣсколькихъ крестовъ. Мы же по прежнему — какое сумазбродство!—не служимъ и не грязнимся, а все веселы.»

«За то всякій, кто боится быть укушеннымъ, передъ тѣми отступать или молчать. Намъ же каждый открываетъ беззаботно и мысли свои, и объятія. Нѣтъ право, сообразивши все, благоразумнѣе оставаться сумазбродомъ.» (*Воспоминанія о Пизѣ*) «Le memorie di Pisa») написаны въ 1841 г. см. «Le Poesie di G. Giusti» edizione diamantata. Firenze. 1861 стр. 144.

Итальянскіе студенты давно уже не составляютъ отдельной корпорации. Съ каждымъ годомъ духъ *филистерства*, меркантильнаго взгляда на жизнь и на науку, все больше завладѣваетъ университетскими кружками. Но до сихъ поръ есть еще много молодыхъ людей, неутратившихъ ни юношеской полноты и страстности, ни, следовательно, исключительности въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. Этимъ, конечно, не по плечу господствующее въ обществѣ направленіе, съ которымъ они въ полномъ разрывѣ. Разрывъ этотъ, вытекающій изъ весьма близкаго всѣмъ намъ источника, вовсе не ограничивается необходимымъ,

разумнымъ проявленіемъ. Какъ все на свѣтѣ, онъ стремится дойти до крайности, до негѣпости по дорогѣ, перейдя черезъ художественную полноту. Въ Италіи, однако, ему еще далеко до крайнихъ этихъ предѣловъ и слава Богу! скажемъ мы, вспомнивъ Германію...

Но итальянскіе юноши не такъ смотрятъ на это. Имъ бы хотѣлось устроить свое собственное, сообразное съ ихъ склонностями общество, возвести свои немногочисленные кружки въ когда-то сильныя своимъ значеніемъ корпораціи—оградить ихъ отъ мелочнаго вліянія биржи и прилавка.

Этимъ кружкамъ, (о которыхъ многое бы можно сказать, если бы они не являлись здѣсь, т. е. въ моемъ разсказѣ чисто эпизодически) недостаетъ между прочимъ одного—своихъ пѣсень. Недостатокъ этотъ весьма многозначительный въ классической странѣ музыки и поэзіи... Я впрочемъ упоминаю о немъ для того только, чтобы читатели поняли: почему «Воспоминанія о Пизь» Джусти были очень восторженно приняты юнымъ поколѣніемъ студентовъ и теперь живы въ немъ. Не обойдется въ самомъ дѣлѣ ни одна студенческая пирушка безъ того, чтобы длинное стихотвореніе это не было пропѣто дружнымъ хоромъ молодыхъ и свѣжихъ голосовъ. Этого одного, мнѣ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы многіе съ живымъ интересомъ прочли едва ли не единственную въ Италіи общезвѣстную студенческую пѣсню, хотя бы въ прозаическомъ переводѣ, дающемъ небольшое, какъ остовъ, скелетъ поэтическаго произведенія.

Но для біографіи Джусти его «Воспоминанія о Пизь» имѣютъ еще и другой довольно существенный интерес...

Какъ печальна должна была быть его молодость и какъ пусто прошли годы его молодости, если воспоминанія студенчества вдохновляютъ его на какой-то робкій, нездѣльный дифирамбъ или апологію ребяческому разгулу.

Этотъ вопросъ невольно задаешь себѣ, и на него отвѣтъ недостыный.

Въ оригиналѣ стихотвореніе это закупааетъ въ свою пользу необыкновенною жизненностью какою-то неуловимой художественностью формы и жѣткостью нѣкоторыхъ выраженій, вошедшихъ въ поговорку, какъ у насъ было изъ «Горя отъ Ума». Эти достоинства, составляющія рѣдкій отпечатокъ самого характера поэта, какъ-то обманываютъ на счетъ содержанія. И хотя въ стихотвореніи есть современная глубокая мысль, но ее-то мало и замѣчаютъ.

Мысль эта едва ли принадлежить тому возрасту, о которомъ Джусти дѣсь воспоминаеть,—скорѣе тому, когда онъ воспоминаеть.

Студенчество его было дѣйствительно таково, какимъ онъ его рисуеть. Онъ точно любилъ «пополнять профессорскія лекціи» столкновеніемъ съ жизнью. Но едва ли онъ думалъ тогда о томъ, что подобное пополненіе необходимо, что изъ аудиторіи выйдешь съ титуломъ: «Chiazzissimo», но не человѣкомъ. А стать человѣкомъ, кажется, было во всякое время его стремленіемъ, но едва ли сознаннымъ имъ самимъ.

Какъ недоношено еще въ немъ это сознаніе, когда онъ тридцатилѣтнимъ мужемъ пишетъ свои «Воспоминанія.»

Наконецъ, если бы во время студенчества въ немъ уже было оно сознательно, онъ бы искалъ и навѣрное нашелъ бы столкновенія болѣе серьезныя, чѣмъ тѣ, которыя прошли мимо, не вызвавъ въ его поэтической душѣ, откликавшейся на все, ни одного глубокаго ощущенія.

Его долго мучило то апатическое бездѣйствіе, въ которомъ онъ прожилъ много лѣтъ. Онъ искалъ какого-нибудь дѣла чисто практическаго, недоверяя самъ своему таланту, готовый отрѣчься отъ сумазбродства, которое онъ прославляетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ.» Онъ пробовалъ адвокатскія занятія; занимался философіей. Онъ даже хотѣлъ заниматься всякимъ дѣломъ именно такъ, какъ тѣ педанты, надъ которыми онъ смѣялся сперва нѣсколько раздражительно, не безъ злобы, потому до крайности остро и мѣтко.

Всѣ эти попытки его увѣчались, конечно, ничѣмъ къ великой его чести. Но постоянныя неудачи, всюду встрѣчаемый обманъ, разнѣ въ немъ рано нѣкоторую холодность ко всему, скептическую апатію, о которой поговоримъ потомъ, потому что она гораздо позже развилась въ немъ до болѣе замѣчательныхъ разнѣтровъ. Но уже въ 1833 г., когда онъ писалъ свои «Предположенія пережвѣнить образъ жизни», многія фразы его для него лично казались вовсе не такою ироніею, за какую онѣ были приняты.

A quindici anni immaginava anch'io
 Che un'uomo onesto, un povero minchione
 Potesse qualche volta aver ragione:
 Furbo, per Dio!

И многие теперь еще принимают стихи эти за новую выводку противъ тогдашняго гражданскаго положенія Тосканы.....

IV.

Что касается до предположенія «перемѣнить образъ жизни» не въ стихахъ, а въ дѣйствительности, Джустини столько разъ перемѣнял его, что въ сущности все выходитъ одно и то же. Его разрывъ со всѣми окружающими средами долго казался ему самому дѣломъ каприза, ребяческою невыдержанностью.

Нѣкоторыя изъ первыхъ его произведеній (*Бездомника—Il Gingillino,—Коронація—Покровъ—Dies irae* и проч.) ходили въ рукописи по всей Тосканѣ. Имя автора не скоро стало извѣстно публикѣ. Никто не сомнѣвался уже въ его громадномъ сатирическомъ талантѣ, всѣ сочувствовали его честнымъ и дѣйствительно передовымъ взглядамъ. А самъ Джустини все еще не считалъ свою поэтическую дѣятельность за «дѣло».

Постоянно добиваясь какихъ-то серьезныхъ занятій,—ожидая чего-то, считая свое настоящее какимъ-то переходнымъ положеніемъ, онъ мало заботился о томъ, чтобы существенно осмыслить свой образъ жизни... Во Флоренціи онъ продолжалъ ту же беззаботную жизнь, какъ и въ Пизѣ. Недостатокъ въ кружкѣ товарищей онъ пополнялъ безсмысленнымъ и пошлымъ обществомъ, въ которое очень скоро былъ втянутъ по праву дворянскаго происхожденія и собственныхъ достоинствъ... Только эти новыя столкновенія не прошли также безслѣдно, какъ его студенческія встрѣчи. Онъ сталъ догадываться: стчего ему такъ же по себѣ въ аристократическихъ салонахъ, въ кружкахъ чиновниковъ, считавшихъ себя помѣщиками всего Великаго-Герцогства... Каждое столкновение его съ этими кружками дѣйствовало на его нервы—чувствительные до того, что самъ онъ называлъ себя несчастнымъ бродячимъ барометромъ—раздражало его, возбуждало его умъ и талантъ. Вмѣсто того, чтобы внутренно пенять на себя за то, что не умѣетъ примириться съ пошлостью, онъ сталъ набрасывать бѣглыя, но живыя и весьма осмысленныя картины съ подавленныхъ подъ руку оригиналовъ и въ этомъ на-

тодилъ для себя какое-то примиреніе... Эти сатиры «безъ заднихъ мыслей» вѣрны действительности, какъ фотографическіе снимки. Джусти вездѣ служилъ не влдаться въ карикатуру... Таковы его: на кондрасъ учемьтъ, первая *застольная ильня* (il Brindisi), многія другія и наконецъ *Баль*, длинная довольно сатира въ трехъ частяхъ, которую перевозку здѣсь какъ по тому, что она чрезвычайно интересна, какъ важное изображеніе современнаго итальянскаго общества (въ смыслѣ beau-monde, но внѣ котораго находятся развѣ нѣсколько отдѣльных кружковъ, да и тѣ какою-нибудь своею стороною примыкають къ нему), такъ и потому еще, что это стихотвореніе болѣе другихъ можетъ служить представителемъ цѣлаго ряда стихотвореній Джусти, которыя выше назвалъ я сатирами «безъ задней мысли».

БАЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Г-жа Хилоска, увядающая сѣверная красавица, приглашаетъ насъ на пышный балъ въ историческихъ залахъ дома, когда-то принадлежавшаго Фаринатѣ, а теперь отдаваемаго въ наймы его скромными попоманн...»

«Какъ мужикъ, любующійся чертиками, пляшущими въ волшебномъ фоварѣ подъ шарманку шарлатана—такъ и я разсматриваю толкущихся въ богатыхъ комнатахъ и съ наглыми рожами бароновъ, князей, герцоговъ, превосходительнѣйшихъ, церемонно раскланивающихся другъ съ другомъ...»

«Лакей, поглядывающій отъ времени до времени на горящія свѣчи— въ исправности-ли онѣ,—провозглашаетъ громко цемепѣ громкіе титулы *) появившихся. И среди всѣхъ этихъ чиновъ и знаменитостей

*) Въ оригиналѣ непереводаемое выраженіе: *le borie anticipa* и пр. Мысль та, что лакей, докладывая принимаетъ выраженіе лица важное, особобразно съ важностью, это долженъ войти—своей визионеріей впередъ даетъ почувствовать все чванство вновь прибывшихъ.

мое голое имя дереть уши, как среди торжественной сонаты вдруг сфальшивившая флейта или кларнет...»

«Тонная и разряженная богиня праздника олимпийским движением головы благословляет счастливицев и собирает их вокруг своего дивана, как сельдей въ боченкъ.»

«Заплативъ ей дань комплиментовъ отрывистыхъ и прѣсныхъ, нашъ bon-top толпится въ корридорѣ, взаимно толкаются, наступаютъ другъ другу на ноги и бормочутъ: «pardon, pardon»...

«О картины! статуя! о священная рухлядь, полинявшая и дышащая на меня пятивѣковой давностью—покрытая когда-то новымъ лакомъ и славою, а теперь скромнымъ arrigionasi (отдается внаймы).

«Простите мужику до того плебею, что не умѣетъ говорить иначе какъ по итальянски—простите ему, что онъ оскверняетъ васъ своимъ дыханіемъ.....»

«Добравшись, наконецъ, до котла съ нефитическими испареніями, и вытягиваю шею и сквозь завитые чубы и локоны смотрю, какъ прыгаютъ деревянныя фигуры, словно бѣсь ихъ обуялъ.

«Нѣмецкія куклы, только что изъ лавки, сухія, прямыя—какія-то черныя и накрахмаленныя скелеты и привидѣнія.»

«Нѣтъ тѣни веселости или разгула, а самая изящѣйшая надутость. Души закупорены герметически и только поры открыты—они и дряблую свою любовь ощущаютъ какъ-то порами.

«Надутое и самое приличѣйшее чванство. Вѣчная, ничего неговорящая болтовня.»

«...Но разговоры, карточная игра и танцы кончены... Дамы и мужчины осаждаютъ лакеевъ съ подносами и бутылками.—Круженіе.—Водоротъ.

«И съ этого вечера многіе уйдутъ не только съ полными желудками, но и корманъ наполнять; только головы у всѣхъ будутъ пусты.

Часть вторая

«Посвящается молодымъ исковерканнымъ невѣстамъ и вновь оштукатуреннымъ ихъ шаменкамъ между дипломатическихъ золоченныхъ мундировъ, крестовъ и украшеній изъ лавки моднаго шарлатана.»

«Я вижу нѣсколько разжившихся плебеевъ; моему уму, нѣсколько свихнутому демократической маномашей, нравится подобное нарушение догматовъ въ этомъ геральдическомъ святилищѣ...»

«Первый, Хризалида quondam монаха, нынче ради шутки называющійся абатомъ. Онъ болѣе благоговѣетъ передъ бутылкою, чѣмъ передъ алтаремъ, славится ученостью по гастрономической части; его всѣ боятся за его подлую славу...»

«Онъ знаетъ всѣ сплетни, всѣ чужіе долги. Покупая, все осуждаетъ; продаетъ свое благорасположеніе и тѣмъ, кому кланяется, и въ уплату за такую услугу объѣдаетъ ихъ...»

«Онъ крадетъ, смѣшнѣе, играетъ и не платитъ проигрыша. Такая его профессія...»

«Другой, вчера окращенный въ дворянина—самодержавный владыка всѣхъ банкировъ.

«Когда-то онъ промышлялъ растовщичествомъ мелкаго разбора. Теперь онъ презираетъ легкое надувательство сталъ аристократомъ и «кавалеромъ»...»

«Какъ черви, наша аристократическая гниль, состоявшая изъ голыхъ патриціевъ, дошедшихъ было до долговой тюрьмы и до гошпиталя, питается вонючими трупами. Теперь она опять наѣлась и растолстѣла, преобразилась въ рыцарей векселя и наполняетъ дворцы цѣлой колоніей обдиравъ..»

«Третій—бѣглець, преслѣдуемый пуще чѣмъ книга, напечатанная безъ дозволенія полиціи и шпионамъ—раненный при Римини (самъ онъ по крайней мѣрѣ о себѣ такъ рассказываетъ).

«Говоритъ, что ему грозитъ смерть, что онъ долженъ скрываться, а между тѣмъ сладко ѣсть и спать...»

«О истинные дѣти нашей родины! Берегитесь этихъ торговцевъ «*краснаго товара*».

«Эти новые протестанты въ Лондонѣ слывуть за изгнанника, въ Римѣ за монаха».

«Сегодня онъ пьетъ за придворнымъ столомъ; завтра со мною декламируетъ: *O Italia mia...*»

Часть третья.

«Въ этой толкотнѣ я очутился внезапно подлѣ одной чохоточной, беззубой ларвы, подкрашенной подъ молодого человека...»

«Родился онъ *anni domini*... эти гг. рождаются каждый годъ». Унаследовалъ накраденное богатство и отправился за море...

«Вернулся хамелеономъ, блистая самыми яркими цвѣтами заграничнаго образованія, да жаль только—безъ гроша.

«Теперь онъ бродитъ аристократической тѣнью за татарскими предами, удостоивающими нашу Италию своими посѣщеніемъ, и отличается собачьимъ аппетитомъ.

«Хочетъ съ чужой тарелки слизать проценты своего съдѣнаго имѣнія... Кривляясь, онъ сказалъ мнѣ на своемъ полуфранцузскомъ нарѣчьи:

«Нынче все вздоръ выдумываютъ! Надо ждать и пока развлекаться съ *форестьерами*, которые очень хорошо платятъ. Нужно умѣть донть ихъ, какъ коровъ.

«Затѣмъ все вздоръ, который надо выбросить изъ головы. Что такое Италия?—Гостинница. Трактирщику нѣтъ дѣла до сравненій—онъ мѣритъ нравственность человека уплаченными счетами.

«Слава, довѣріе, честность, все это его эластическія шутки, какъ резинка... Рассказываютъ о народѣ, о геніальности, объ искусствѣ, исторіи... Все это умерло, вѣчная память имъ.

«Меня все это очень мало интересуеть въ сравненіи съ дюжиной хорошихъ устриць. Надо знать современное направленіе всего свѣта:

«Умъ и смѣлость—вотъ и все. Остальное классическій педантизмъ.

— У меня есть несчастная страсть проповѣдывать (это говоритъ Джусти отъ своего имени) и я во все не пѣжно возражалъ ему:

«Правда, Италия какая-то помойная яма дѣлага свѣта. За исключеніемъ немногихъ честныхъ, на нашъ полуостровъ съ Альповъ и съ моря «ежегодно является богъ знаетъ какая сволочь: анонимные бандиты, отставныя кухарки и *sprodestati*, которые съумѣютъ найти себѣ поплечу туземную грязь.

«А мы благоговѣемъ передъ этой эротической ордою воздушныхъ графовъ и двусмысленныхъ дамъ и готовы любому варвару съ именемъ на off или iff продать душу за кусокъ рабифу.

— «Полноте! Это все отвлеченности, возражалъ мученикъ своего галстука: «все предрасудки. Вы еще новичекъ, какъ видно, прощайте.»

И съ важными лицами онъ круто повернулся и отираясь въ буфетъ.

Я называлъ стихотворенія Джустини этого рода «сатирами безъ задней мысли», потому что въ нихъ не опредѣляется ни направленіе автора, ни его стремленіе. Это еще произведенія незрѣлаго человѣка: искусство для искусства въ самомъ бѣдномъ смыслѣ этого выраженія... Ихъ достоинство независимо отъ специальныхъ такъ сказать сторонъ таланта автора, благодаря которымъ онѣ живутъ и долго еще будутъ жить въ итальянскомъ народѣ—въ томъ, что они весьма вѣрно рисуютъ извѣстную господствующую въ обществѣ среду. Она оскорбляла поэта, но онъ не могъ оторваться отъ нея—доказательство, что въ немъ не было той внутренней полноты, которая заставляетъ съ нѣкоторой осмотрительностью выбирать себѣ общество, или даже въ крайнемъ случаѣ обходиться вовсе безъ него...

Безпокойное чувство заставило его толкаться во всѣ двери, и нигдѣ не находилъ онъ ничего, кромѣ матеріала для ѣдкой, колкой и художественной сатиры. Я не привожу здѣсь дальнѣйшихъ выписокъ, потому что относительно Джустини больше, чѣмъ относительно всякаго другаго поэта, можно повторить старый итальянскій афоризмъ: traduttore traditore...

Баль, Мирная Любовь (l'Amor pacifico), *Маменька-воспитательница* (la Mama — Educatrice) интересны какъ фотографически вѣрныя и притомъ художественныя воспроизведенія современной итальянской жизни въ трехъ господствующихъ общественныхъ средахъ...

Но Джустини не долго могъ удовлетворяться, такъ сказать, портретнымъ искусствомъ. Видѣть зло и бросить въ него его же собственнымъ вѣрнымъ изображеніемъ казалось ему недостаточнымъ. Мысль, все болѣе и болѣе созрѣвавшая въ немъ отъ столкновений съ жизнью во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, требовала и себѣ дѣятельности... Онъ начинаетъ разбирать, анализировать частные случаи, искать причины зла, разъѣдающаго каждую жизнь въ отдаленности и жизнь цѣлаго общества....

Джустин долго и упорно добивался войти въ тѣсный кружокъ тѣхъ немногихъ, которые съ своими благородными стремленіями къ лучшей будущности составляли не только передовую среду итальянскаго общества, но и единственный живой элементъ въ немъ. Только эти немногіе по необходимости скрывались отъ всѣхъ, ихъ работа была подземная. Всѣ знали о ихъ существованіи, чувствовали ихъ близость, но только заслуживавшіе довѣріе могли сами принять участіе въ ихъ дѣятельности. Хотя сектаторской замкнутости и темнаго мистицизма уже оставалось мало слѣдовъ, но новыя патристическія общества на болѣе человѣческихъ основаніяхъ имѣли свою замкнутость, или по крайней мѣрѣ тайную, строго обусловленную тогдашнимъ общественнымъ бытомъ.

Джустин долго не могъ проникнуть этой тайны.

Очень рано онъ уже сталъ своимъ стихамъ въ открытую оппозицію съ мирной господствовавшей средой застоя. Но оппозиція эта держалась общихъ мнѣній и колкихъ намековъ противъ тѣхъ общественныхъ дѣлъ, которыя давно уже были изблечены.

Джинджиллино, одна изъ самыхъ длинныхъ его сатиръ, встрѣтила повсюду громадное сочувствіе, не смотря на свою растянутость. Въ ней представлено со всей яркостью таланта Джустин весь процессъ, посредствомъ котораго общество каждымъ своимъ столкновеніемъ съ личностью, всѣмъ своимъ вліяніемъ на нее требуетъ отъ нея полного ничтожества, — обращаетъ человѣка въ ничто, въ бездѣлушку и подъ страшную альтернативу:

Se pur desiderio
Mariv qestito.

Въ весьма выразительныхъ картинахъ Джустин представляетъ разные элементы изъ жизни своего *Джинджиллино*, — моменты, которые каждый изъ его читателей необходимо пережилъ самъ. Нѣжные родители, повторяя прищѣвъ: «если не хочешь умирать голымъ, какъ родился» — монахи воспитатели — начальники по службѣ — всѣ только и требуютъ одного: полной безличности, жертвы всѣмъ общепризнаннымъ нещастіямъ.

Не смотря на свое громадное вліяніе и на всѣ свои достоинства, стихотвореніе это не имѣетъ еще въ себѣ той глубины мысли, того

понимании общественных условий, которое позже встречается в Джустини.

Оно показывает только, что в нем рано было стремление воспользоваться своим талантом для того, чтобы вывести современное ему общество из грязного болота, в котором оно разлагалось с некоторым комфортом и бессознательно...

Выставлять на сцену этому же обществу картины его собственного быта такими, какими они представляются на взгляд здорового человека—было для этого недостаточно. Нужно было, по крайней мере, не оставить возможности смотреть на них, как на что-то случайное, частное,—как на карикатуру...

Джустини делает попытки в аллегорической форме высказывать свои взгляды на жизнь, обобщая их. Брать зло, хотя бы случайное, но показать его необходимое развитие в обществе и самым обществом. То принимается он за басню, на манер Эзопа, хотя и без двухстрочной морали в заключении... Такова его «Улитка» (la Chiocciola), которая соединяет в себя все доблести, требуемые современным обществом от современного человека. Улитка для Джустини является каким-то Молчалиным царства животных.

Впрочем, более склонный к тому, чтобы патологически смотреть на жизнь—указывать просто на болезнь, а не морализировать с высоты доктринерского величества, Джустини ограничивается очень немногими попытками в этом роде. Форма басни, апология очень удобна для популяризации какого-нибудь установленного, законченного догмата, нравственного афоризма...

Джустини, разделяя все классические и схоластические предрассудки своих ученых соотечественников, ищет между готовыми уже формами сатиры, памфлетов, эпиграмь такую форму, которая бы соответствовала больше его склонностям.

Не находя ее, он создает свою собственную, разработав до крайнего художественного предела чисто народную форму застольной песни...

В полном издании его стихотворений помещены много переводов из Беранже—большую часть очень неудачных. Новейшие биографы его признают все их за подложные... Не берусь решать этого вопроса. Замечу только: мне кажется довольно вероятным, что Джустини

переводилъ Беранже, котораго вліяніе подчинился уже нѣсколько впоследствии, когда писалъ вторую свою застольную пѣсню (Brindisi). Но только пѣсня Джусти отъ этого вовсе не стала менѣе самобытною и чисто національною итальянскою.

Написанная имъ 1838 г. «Апологія правительственнаго Лото» можетъ относительно формы служить типомъ всѣхъ его дальнѣйшихъ произведеній. При всей объективности автора, какъ говаривали встарь, вы видите тутъ во всей ея полнотѣ своего здороваго развитія личность автора. Недостають все еще той глубины и зрѣлой выработанности взглядовъ, которая дается только тѣснымъ знакомствомъ съ жизнью и внутреннимъ переработываніемъ фактовъ.

V.

Собраніе стиховъ Джусти, безъ видной связи между отдѣльными произведеніями, представляетъ какое-то цѣлое вическое и неудоборазриваемое. Строгихъ подраздѣленій, рубрикъ собственно нѣтъ. Для того, чтобы не разбѣжались съ разу глаза, при взглядѣ на все это многообразное цѣлое, необходима какая-нибудь система, своего рода дѣленіе... Для этого я стараюсь по возможности слѣдить за хронологическимъ процессомъ зарожденія въ Джусти той или другой стороны его направленія, дѣятельности. Я указываю на извѣстный моментъ его развитія, стараюсь уловить болѣе характеристическія черты этого элемента; а вовсе не думаю тѣмъ самымъ дѣлать жизнь автора на какіе-нибудь рѣшительные и заключенные, рѣзко разграниченные періоды. Подобное выясненіе моихъ намѣреній я считаю здѣсь необходимымъ, потому что слово вѣчно стремится къ абсолютному и при нѣкоторой склонности понимать сказанное безотносительно, читатель легко могъ бы навязать мнѣ намѣренія и взгляды прямо противоположные здѣсь излагаемымъ. Такого рода опасенія во мнѣ весьма законны и признаются вѣроятно законными тѣмъ, кто собственнымъ опытомъ испыталъ, какъ, читая какую-нибудь книгу, очень часто натыкаешься на отъявленные противорѣчія и только послѣ догадываешься, что противорѣчія были не въ книгѣ, а въ себѣ же самомъ...

Возвращаясь къ Джустини ..

Я думаю очертить здѣсь тотъ его нравственный возрастъ, въ которомъ онъ чувствуетъ еще только потребность положительной общественной дѣятельности въ весьма опредѣленномъ для него самомъ смыслѣ, но еще не приобретаетъ того вліянія на окружающее, которое долженъ былъ имѣть потомъ. Онъ все еще пробуетъ какъ будто средства, которыми располагаетъ и очень неудовлетворенъ ими.

Отчасти, потому что итальянецъ, воспитанный на классическихъ предразсудкахъ, отчасти же просто, какъ человекъ, вообще трудно попадающій на большой зубъ, на истинную причину своей неудачи, Джустини очень много придаетъ значенія формѣ. Ему долго кажется, что только высшіе роды поэзіи—эпосъ, драма, могутъ имѣть то значеніе, котораго бы ему хотѣлось... Сочиненіе небольшихъ сатиръ, о которыхъ уже говорено, было для него развлеченіемъ, какъ-бы отдыхомъ отъ гнѣвно оскорбившей его пошлости, которую онъ встрѣчалъ повсюду. А Джустини раздѣлялъ всеобщій тогда предразсудокъ, будто полезное дѣло непременно должно быть скучнымъ. Онъ свысока смотрѣлъ на свои собственные произведенія, какъ дѣловой политико-экономъ на «непроизводительныя» художественныя занятія какого-нибудь непрізнаннаго утописта художника... Джустини все ждалъ еще чего-то, какого-то толчка и главнымъ образомъ извне. Онъ надѣялся, что сближеніе его съ тайными политическими дѣятелями раскроетъ ему вдругъ неизвѣстное еще ему и обширное поле дѣятельности. Сближеніе это могло быть дѣломъ чисто случайнымъ.

Подобное ожиданіе неопредѣленнаго «чего-то» есть отличительная и неотчетливая черта молодости и несложившагося еще характера.

А жизнь сама собою дала рѣшеніе...

Джустини поневолѣ сталкивается на каждомъ шагѣ со зломъ, виѣшнимъ отчасти, но уже прямо указывающимъ на другое внутреннее хроническое зло, разъядавшее тогда Тоскану.

Чиновничество, развившееся въ Италиі, какъ элементъ чисто паразитный, занесенный иностраннымъ игомъ, болѣе и болѣе окрашивалось (въ дурную лопаточную сторону) національнымъ цвѣтомъ, но и въ то время завоеватели оставляли свою чужую гордость, заботились о приобритеніи себѣ правъ гражданства въ подавляемой ими странѣ... Ав-

стрийскій домъ въ Тосканѣ дѣйствіями двухъ великихъ герцоговъ, рѣшившихся идти по слѣдамъ Медичей, оклиматизировался очень скоро. Администрація, основанная на австрийскихъ началахъ, стала принимать въ свой составъ мѣстные элементы. Отъ этого, конечно, гнетъ меньше чувствовался здѣсь, чѣмъ напр. въ Ломбардіи, гдѣ побѣдители нагло отвергали всякую возможность примиренія съ народными итальянскими элементами, но за то самое зло глубже пускало корни.

Природные тосканцы, занимая официальные должности, державшіяся только силою австрийскихъ штыковъ, гораздо скорѣе забывали свою національную связь съ управляемыми, чѣмъ то, что они иностранной и враждебной ихъ народу силѣ обязаны благами своего существованія. Къ тому же, смутно предугадывая непрочность своего положенія, они заботились о томъ только, чтобы разжиться помимо всякой правды. Приученные къ неуваженію общественнаго мнѣнія, состояшаго изъ раздающихъ одно другое началъ, и нравственности, о которой господствующее понятіе измѣнялось съ каждою правительственной пережѣной, эти «итальянскіе tedeschi» довели до высшей степени совершенства взяточничество и кознокрадство... Народъ, привыкшій ненавидѣть администрацію еще въ тѣ времена, когда она состояла изъ посылаемыхъ на прокормленіе въ Италію раззорившихся чужеземныхъ графовъ и кондотьеровъ съ ихъ голодной челядью, не считалъ за нужное въ пользу соотчичей отвыкать отъ этого. А если бы и хотѣлъ даже, то едвали бы могъ.

Тосканскіе чиновники, видя, что, во всякомъ случаѣ, ихъ встрѣтитъ презрѣніе и ненависть народа—по естественному, хотя изуродованному въ нихъ чувству de l'arrogance — стали добиваться признанія своихъ относительныхъ добродѣтелей со стороны тѣхъ, кому можно было послужиться взяткою въ свою очередь или доносомъ. Такимъ образомъ они низвели всякую общественную должность на степень шпиона-birgo или poliziotto...

Джусти встрѣчалъ это жалкое и вредное племя повсюду, такъ какъ оно дѣйствительно распространилось вездѣ и все общество, во всѣхъ слояхъ своихъ, было покрыто этою всепожирающею саранчею...

Джусти въ Тосканѣ имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое у насъ Гоголь, съ громадной разницею обстановки въ пользу тосканскаго поэта: онъ проникалъ во всѣ классы и во всѣ сословія.

Большая часть его первых стихотворений полны убийственными сарказмами против чиновников духовных и свѣтскихъ, стоявшихъ во всей Италіи тогда, какъ самыя прочныя опоры иностраннаго владычества. И сарказмы эти ложились какъ ничѣмъ неизгладимое клеймо на лица изобличенныхъ имъ казнокрадовъ, общественныхъ воровъ, развратителей юношей...

Это прямо ставило Джусти въ открытый и опасный для него разрывъ съ господствующей средой, это же не мало способствовало тому, что онъ самъ созналъ наконецъ разность своихъ стремлений и своего скрытаго довольно долго и для него самаго направленія...

Отъ вѣчной вражды съ общественнымъ зломъ до опредѣленнаго прогрессивнаго направленія едвали даже одинъ шагъ... По мѣрѣ того, какъ расширились взгляды Джусти на предметы, учрежденія и лица, съ которыми онъ поневоля былъ въ ежедневныхъ столкновенияхъ, самое памфлетическое направленіе его стало расширяться и перешло наконецъ въ широко-общественное или политическое въ обширномъ смыслѣ этого слова...

Въ итальянскомъ обществѣ давно уже не бывало олимпійскаго кнѣвства, нищаго успокоенія на предметахъ, стоящихъ внѣ политическихъ преній. Между средами, удовлетворявшимися грубыми, развратнымъ довольствомъ собою и обстоятельствами до тревожнаго настроенія молодого поколѣнія, жаждавшаго вырваться изъ своего угнетеннаго положенія, не было никакого перехода. Джусти ни почему не могъ принадлежать къ первымъ; и хотя съ послѣдними у него не было полного тождества воззрѣнія, то было по крайней мѣрѣ извѣстное сродство или сочувствіе, послужившее какъ бы начальною точкою, первою ступенью его дальнѣйшему развитію...

Близость его съ этими кружками, не возможность съ его стороны не принимать хотя бы отдаленнаго, косвеннаго участія въ томъ, что волновало тогда всѣхъ, неутратившихъ способность волноваться чѣмъ-либо кромѣ животныхъ побужденій—заявляютъ себя почти въ каждомъ изъ произведеній первой его эпохи. Но въ нихъ это небольшое, какъ политическіе намеки, смѣлыя выходки—отголоски весьма распространенныхъ и болѣе опасныхъ рѣчей и понятій... Попадаются даже цѣлыя стихотворенія, какъ напр. *Una tirata contro Luigi — Filippo*; но въ нихъ незрѣлость содержанія прикрывается фразами, иногда остроумными и колкими,—часто просто напыщенными...

Слѣду отдѣлить изъ нѣхъ рода знаменитый его «Самоль» (lo stivale), то же очень молодое и незрѣлое произведеніе его, но которое заслуживаетъ самаго полного вниманія, такъ какъ нѣтъ начинается другая, блестящая эпоха дѣятельности Джусти, дающая ему право на сочувствіе наждаго не замершаго и непогрѣзнаго въ молоткахъ и драгатахъ.

.5. Бранди.

Флоренція.
26 декабря, 1868.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ,

БАЙРОНА.

L'univers est une espèce de livre dont on n'a lu que la première page quand on n'a vu que son pays. J'en ai feuilleté un assez grand nombre que j'ai trouvés également mauvaises. Cet examen ne m'a point été instructif. Je haïssais ma patrie. Toutes les impertinances de peuples divers parmi lesquelles j'ai vécu m'ont reconcilié avec elle. Quand je n'aurais tiré d'autre bénéfice de mes voyages que celui là, je n'en regretterais ni les frais, ni les fatigues.

Le Cosmopolite.

БЪ ЯНТЪ (*)

Ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ я блуждалъ когда-то,
Гдѣ красота паритъ до нынѣ свято,
Ни въ тѣхъ мечтахъ, когда являлись мнѣ
Видѣнья чудныя въ какомъ-то смутномъ свѣтѣ,—
Въ фантазій плѣнительной, во свѣтѣ ли —
Тебѣ подобную мечту создать не смѣли.
Ты предо мной въ сияньи красоты!
О, мнѣ-ли передать твои черты!
Кто зналъ тебя—такъ нужны-ли слова имъ?
А кто не зналъ—мы словъ для нихъ не знаемъ.

(*) Леди Шарлотъ Гэрлей, дочери графа Оксфордъ, которой въ то время (въ 1812 году) минуло только одиннадцать лѣтъ.

Когда бъ всегда ты красотой сіяла,
 И юности своей не измѣняла,
 И сохранила дѣтства чистоту,
 И прелесть формъ и дѣтскую мечту!
 Ты на землѣ, вся вѣя ароматомъ,
 Явилась намъ амуромъ безкрылатымъ!
 Конечно, мать, вскормившая тебѣ,
 О будущемъ заботясь и любя,
 Найти въ тебѣ ту радугу желала,
 Которая всѣ скорби умирала.

* * *

Я радъ тому, о Перси молодая,
 Что пережилъ тѣ юные года я,
 Когда кипѣлъ огонь въ моей крови,
 Что на тебѣ смотрю я безъ любви;
 Я радъ тому, что твой закатъ печальный
 Не встрѣчу я улыбкою прощальной;
 Я счастливъ тѣмъ, что твой прекрасный взоръ
 Не страшень мнѣ, какъ смертный приговоръ
 Для юношей, которымъ жизнь постыла,
 Когда ты ихъ улыбкой не дарила.

* * *

Твои глаза, глаза твои газели,—
 Которые зѣ мечтахъ или въ весельи
 То блещутъ вдругъ, то ярко загорятъ,—
 Пусть иногда на трудъ мой поглядятъ;
 И изрѣдка, быть можетъ, хоть ошибкой,
 Ты на него взгляни съ своей улыбкой.
 За чѣмъ свой трудъ тебѣ я посвящать—
 Не спрашивай! Я только бы желалъ,
 Чтобы видѣлась ко мнѣ въ вѣнокъ надгробный
 Лиля нѣжная, которой нѣтъ подобной.

* * *

Здѣсь имя Янты съ пѣснями сольется
 И будетъ жить; когда же разнесется
 О нихъ воспоминаніе, какъ дымъ—
 То не случится съ именемъ твоимъ.

А если-жъ дни мои сочтутся въ мирѣ,
 Тогда коснись перстами феи въ лирѣ...
 Вотъ все, о чемъ такъ просить твой поэтъ,
 Тебя узнавшій съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Вотъ все, чего душа моя желала
 И дружба въ тихомолку подсказала.

ПѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

О, муза! нѣкогда въ Элладѣ
 Неборожденной ты слыла!
 Тебя, лишь празднои скуки ради,
 Мечта поэтовъ создала!
 Ужь сколько разъ твой слухъ терзали
 Нагѣвы ихъ нестройныхъ лирѣ,
 Что я теперь рѣшусь едва-ли
 Нарушить твой священный мирѣ.
 Хотя Дельфійскія руины
 И твой ручей, и твой алтарь
 Я посѣщаль когда-то встарь,
 Но не тревожа безъ причины
 Всѣхъ девяти заснувшихъ музъ, —
 За повѣсть скромную примусь.

II.

Въ странѣ туманной Альбіона
 Жилъ прежде юноша: онъ былъ
 Вполнѣ шалунъ „дурнаго тона“,
 Который оргіи любилъ,
 Надъ добродѣтелью смѣялся,
 Разгуламъ ночи посвящаль,

И все, съ чѣмъ въ жизни онъ встрѣчался —
 Онъ равнодушно отвергалъ,
 И жилъ, поклонникъ наслажденій,
 Не зная дѣла и трудовъ,
 Среди важнѣйшихъ пировъ,
 Среди любовныхъ похожденій
 И только отдыхъ находилъ
 Въ кругу любовницъ и кутилъ.

III.

Онъ Чайльдъ-Гарольдомъ назывался.
 Здѣсь говорить я не хочу,
 Чѣмъ предокъ Чайльда занимался:
 Объ этомъ просто умолчу.
 Могу одно сказать: былъ знатенъ
 Его почтенныхъ предковъ родъ,
 И гербъ ихъ переданъ безъ пятенъ
 Ему въ наслѣдство. Въ свой чередъ —
 Гербъ каждый можно такъ ославить
 Единымъ маленькимъ грѣхомъ,
 Что ужъ бѣды никто потомъ
 Не въ состояннн исправить:
 Ни геральдическнй мудрецъ,
 Ни сладкой пѣснею пѣвецъ.

IV.

Гарольдъ кружился въ вихрѣ свѣта
 Безъ опасеній, безъ борьбы...
 Такъ въ ясный день, подъ солнцемъ лѣта,
 Кружится муха. Онъ судьбы
 И не боялся вовсе даже,
 И праздность вольную любя,
 Безпечно жилъ всегда, — судьба же
 Ждать не заставила себя:
 Еще далекъ до разрушенья,
 Еще въ цвѣтуще года
 Онъ заразился на всегда
 Ужасной скукой пресыщенья.

Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
Противень сталъ весь край родной.

V.

Во всѣхъ грѣхахъ не разъ плутая,
Онъ ихъ ничѣмъ не искупилъ,
О многихъ женщинахъ вздыхая,
Одну лишь только онъ любилъ.
Увы! успѣхами балуемъ,
Онъ только ей не обладалъ,
Своимъ преступнымъ поцѣлуемъ
Ея щеки не запятналъ,
Не бросилъ жертвой святотатства
Для новыхъ женщинъ и тревогъ
И въ мотовствѣ сгубить не могъ
Ея наслѣдныя богатства;
Имъ не была осквернена
Семейной жизни тишина.

VI.

Пресытивъ бурныя желанья,
Гарольдъ разгуламъ измѣнилъ.
Порой кипѣли въ немъ рыданья,
Но онъ ихъ тотчасъ-же давилъ
И думалъ, скукою томимый,
Желанье это не тая,
Покинуть берегъ свой родимый,
Уѣхать въ теплые края,
На корабль пуститься въ море.
Казалось, жизнью пресыщенъ,
Доволенъ очень быть бы онъ
Для развлечения встрѣтить горе,
И чтобъ разсѣяться, былъ радъ
Спуститься даже въ самый адъ.

VII.

Онъ бросилъ замокъ свой наслѣдный.
Хоть старый замокъ видъ имѣлъ .

Полуразрушенный и бѣдный,
 Но предокъ выстроить умѣлъ
 Домъ этотъ прочно и солидно.
 Былъ монастырь когда-то тутъ, —
 И оскорбленъ теперь обидно
 Благочестивый тотъ пріютъ.
 Гдѣ жизнь текла чужда веселій,
 Гремѣлъ теперь паѳосскихъ дѣвъ
 Шальной, вакхическій напѣвъ.
 Могли-бъ подумать старцы келій,
 (На нихъ привыкли клеветать)
 Что время ихъ пришло опять.

VIII.

Не разъ средь буйнаго собранья
 Гарольдъ сидѣлъ и хмурилъ бровь,
 Какъ будто прошлое страданье,
 Иль оскорбленная любовь
 Въ немъ просыпались на мгновенье,
 Но уловить никто не могъ
 Его душевнаго движенья
 И думъ его не подстерегъ.
 Своихъ сомнѣній неизмѣнныхъ
 Онъ пылкой дружбѣ не ввѣрялъ
 И человѣка не искалъ
 Для изліяній откровенныхъ,
 Хотя бы гордая тоска
 Была, какъ море глубока.

IX.

Онъ былъ одинъ. Хоть на банкеты
 Онъ звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
 Но видѣлъ въ нихъ одни примѣты
 Лишь паразитовъ и льстецовъ.
 Увы! любовницами даже
 Онъ былъ любимъ, какъ щедрый мотъ, —
 Онъ измѣнился—и тогда же
 Сокрылся вѣтранный зротъ.

Какъ мотыльки — созданья эти
 Всегда бросаются на свѣтъ,
 И гдѣ Мамонъ кроложить слѣдъ,
 Не опасаясь тайной сѣти,
 Тамъ опечаленъ, недвижимъ
 Опустить руки серафимъ.

X.

Бидая берегъ свой родимый,
 Гарольдъ, всегда любившій мать,
 Не обнялъ матери любимой
 И не пришелъ сестры обнять.
 Въ кружкѣ знакомыхъ не слышали
 Его «прости»!... не потому,
 Чтобъ сердце, словно какъ изъ стали,
 Природой сковано ему.
 Нѣтъ, кто любилъ, тотъ знаетъ муку,
 Какъ безконечно тяжело
 Лобзать любимое чело,
 Предвидя долгую разлуку.
 Свиданье боли не уйметъ,
 Но только сердце разобьетъ.

XI.

Итакъ, Гарольдъ безъ сожалѣнья
 Покинулъ замокъ и родныхъ,
 Свою отчизну и имѣнья,
 И рой красавицъ молодыхъ,
 Имъ позабытыхъ безъ привѣта,
 Хотя ихъ взоры, рѣчи звукъ
 И бѣлый мраморъ нѣжныхъ рукъ
 Свели-бъ слума анахорета.
 Для неизвѣстныхъ новыхъ странъ
 Онъ позабылъ пиры разгула,
 Чтобъ переплыть черезъ океанъ,
 Чтобъ побывать у стѣнъ Стамбула,
 Чтобъ знойный климатъ испытать
 И чрезъ экваторъ миновать.

XII.

Ужь паруса надулись ровно,
 И вътерокъ по струйкамъ водъ
 Игралъ и радовался словно,
 Что Чайльда въ море унесеть.
 Скалистый берегъ потерялся
 Подъ пѣной волнъ и уплылъ въ даль,
 И Чайльдъ-Гарольдъ чуть не признался
 Что край родной покинуть жаль,
 Но это было на мгновенье,
 И, затаивъ невольный стонъ,
 Въ тотъ мигъ себя не выдавъ онъ
 Единымъ словомъ сожалѣнья,
 А вокругъ него народъ стоналъ
 И малодушно трепеталъ.

XIII.

Когда же солнце скрылось въ море,
 Герой нашъ арфу въ руки взялъ,
 Которой радости и горе
 Въ уединеньи повѣрять.
 До звучныхъ струнъ коснулись руки,
 Аккорды тихо полились
 И въ тишинѣ по морю звуки
 Прощальной пѣсней понеслись.
 Летѣлъ корабль, какъ окриленный,
 На бѣлоснѣжныхъ парусахъ,
 Всплывала ночь на небесахъ,
 И скрылся берегъ отдаленный,
 А Чайльдъ-Гарольдъ зеленый валъ
 Прощальной пѣсней встрѣчалъ:

1.

Прости! Утопаешь въ дали голубой
 Родимаго берсга видъ;
 Волна за волною реветъ въ перебой
 И дикая чайка кричитьъ.

Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
 Торожится отдыхъ найти...
 Прости и тебѣ, какъ родимой странѣ!..
 Мой край! доброй ночи! прости!

2.

Часы пролетать и опять надо мной
 Румяное солнце всплыветъ,
 Вновь день я увижу, но берегъ родной
 Изъ глазъ навсегда пропадетъ.
 Сталъ пусть и заброшенъ печальный мой домъ,
 Огонь разведенный зачахъ,
 И стѣны травой заростають кругомъ,
 И воетъ мой пещь въ воротахъ.

3.

— Мой маленькій пажъ! подойди же ко мнѣ!
 О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
 Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
 Иль-холоденъ вѣтеръ морской?
 Утри-жь свои слезы, будь веселъ опять,
 Корабль нашъ построенъ легко,
 И еслибы соколъ насъ вздумалъ догнать,
 Остался бы онъ далеко.

4.

— «Не страшны мнѣ бури, пусть волны ревутъ,
 Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
 Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
 Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
 Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
 И мать со слезами въ глазахъ,
 Остались друзьями мнѣ: ты лишь одинъ,
 Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

5.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
 Хоть холоденъ былъ его взглядъ,

Но мать моя будетъ вдыхать тамею,
 Пока не вернусь я назадъ.“
 — „Довольно, маютка! Понять я умѣю,
 Что слезы такія — не стыдъ,
 И еслибъ я чистое сердце имѣю,
 Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ.

6.

„Поди же ко мнѣ ты мой вѣрный слуга!
 Въ лицѣ твоёмъ блѣдность видна!
 Ужь ты не боишься-ль француза врага?
 Иль буря тебѣ такъ страшна?“
 — „Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
 Что стану за жизнь я робѣть,
 Нѣтъ, мысль о покинутой, бѣдной женѣ —
 Меня заставляетъ блѣднѣть.

7.

„Близъ замка отцовъ твоихъ, съ мукой въ лицѣ,
 Пришлось мнѣ дѣтей покидать,
 Теперь, если спросятъ они объ отцѣ —
 Что можешь отвѣтить имъ мать?“
 — „Довольно, мой добрый служитель, ты правъ.
 Печаль твоя — стоитъ похвалъ,
 Но я, — не таковъ легковѣрный мой нравъ, —
 Смѣясь край родной покидалъ.

8.

„О, что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
 И долго ли женщина ждетъ?
 Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
 Рчерашнія слезы сотретъ.
 Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
 Не гнусь я при видѣ грозы,
 Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
 Сронить не единой слезы.

9.

„Я вновь одинокъ, какъ въ бывше года,
 Одинъ посреди этихъ водъ.
 Бъ чему жъ о другихъ я заплачу, когда
 Никто обо мнѣ не вздохнетъ.
 Не долго мой песь будетъ выть и слухать,
 Найдеть новый уголь и кровь,
 И если вернусь я — меня разорвать
 Песь собственный будетъ готовъ.

10.

„Корабль мой! Неси же меня по волнамъ!
 Пусть море кипитъ подо мной!..
 Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ —
 Лишь только бъ не въ край мой родной.
 Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
 А ихъ не увижу въ пути —
 Привѣтъ мой пустынямъ, пещерамъ, горамъ...
 Мой край! доброй ночи! прости!

XIV.

Корабль летитъ, волна бурлива
 И вѣтеръ рѣче и сильнѣй
 Вблизи Бискайскаго залива;
 Корабль летитъ уже пять дней,
 Но берегъ всталъ изъ за тумана.
 О, Циптра! вотъ зубцы твои!
 Вотъ Таго данью океана
 Мчатъ золотистыя струи.
 Вотъ на корабль взошли съ привѣтомъ
 Изъ Лузитанцевъ лоцмана
 И плодоносная страна
 Открылась залитая свѣтомъ,
 Гдѣ поселяне въ полѣ жнутъ,
 Кончая свой подневный трудъ.

XV.

О, Боже! Небо не скупилось
 Для этихъ мѣстъ въ своихъ дарахъ...
 Какихъ плодовъ здѣсь не родилось!
 Что за окрестности въ горахъ!
 Лишь нечестивыми руками
 Здѣсь человекъ все портить могъ.
 Когда Перунъ за облаками
 Подниметь бичъ свой на порокъ,
 На всѣхъ идущихъ противъ рока,
 То онъ ударитъ съ вышины
 На притѣснителей страны
 И Галлъ, наказанный жестоко
 Рукой незримаго врага,
 Покинетъ эти берега.

XVI.

О, какъ хорошъ при первомъ взглядѣ
 Весь этотъ городъ Лиссабонъ,
 Когда во всей своей громадѣ
 Въ рѣкѣ бываетъ отраженъ.
 Намъ ту рѣку во время оно
 Пѣвцы хвалили безъ стыда,
 По ней теперь изъ Альбіона
 Плывутъ могучія суда
 Спасать отъ галловъ славу юга,
 Но лужитанецъ гордъ и дикъ
 И отличать онъ не привыкъ
 Врага отъ истиннаго друга,
 И въ тихомолку проклянетъ
 Своихъ спасителей приходъ.

XVII.

Когда же съ этимъ градомъ дивнымъ
 Мы ознакомимся вблизи —
 Онъ намъ покажется противнымъ:
 Дворцы и хижины въ грязи
 Бругомъ въ одну столпились груду,

И еслибъ путникъ только могъ
 Пройти весь городъ этотъ — всюду
 Онъ мерзокъ вдоль и поперегъ.
 Толпа гражданъ немыхъ, праздныхъ
 Отъ лѣни рублища влачить,
 Ничто ее не утрашить:
 Она не сброситъ платьевъ грязныхъ,
 Хотя бъ на встрѣчу шла сама
 Египта страшная чума.

XVIII.

Рабы презрѣнные, къ которымъ
 Такъ щедры были небеса!
 Природа! Ихъ ли, ихъ ли взорамъ
 Цвѣтитъ всѣ эти чудеса?
 Здѣсь Цитра смотреть новымъ раемъ,
 Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ!
 Какой поэтъ намъ дастъ одинъ
 Хотя намекъ на ту природу,
 Передъ которою блѣдна
 Та неизвѣстная страна,
 Пѣвцомъ открытая народу,
 Когда онъ смертныхъ удивилъ
 И имъ Элизіумъ открылъ.

XIX.

Цѣпь голыхъ скалъ идетъ рядами;
 Тамъ монастырь, склонившись внизъ,
 Своими бѣлыми стѣнами
 Надъ самой бездною повисъ;
 Деревьевъ тѣнь по горнымъ скатамъ,
 Сожженный мохъ на крутизѣ
 И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ
 Долины въ мертвой тишинѣ;
 Сверканье моря голубаго
 И апельсинныхъ рошъ нарядъ,
 И изумрудный виноградъ,
 И ревъ потоковъ, — здѣсь все ново!
 Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
 И восхищаетъ и дивить.

XX.

Но выше по тропинкѣ горной
 Идите вверхъ, смотря назадъ,
 Чтобъ той природой благотворной
 Еще полявйи упился взглядъ.
 А тамъ, одна изъ тѣхъ тропинокъ
 Ведетъ къ стѣнамъ монастыря;
 Здѣсь васъ съ мощами встрѣтитъ инокъ,
 Свои легенды говоря:
 Вотъ тутъ погибли изувѣры, —
 Ихъ за нечестье рокъ сразилъ,
 А тамъ Гонорій прежде жилъ,
 Спастися желавшій въ тѣмъ пещеры,
 Въ адъ обратившій жизнь свою,
 Чтобъ быть впослѣдствіи въ раю.

XXI.

Блуждая по уступамъ этимъ
 Среди пустынныхъ, дикихъ мѣстъ,
 Мы по дорогѣ часто встрѣтимъ
 Воткнутый въ землю скромный крестъ.
 Но онъ есть только слѣдъ ужасныхъ
 Ночныхъ убійствъ, — уже потомъ,
 Найдя останки жертвъ несчастныхъ,
 Ихъ погребаютъ подъ крестомъ.
 Здѣсь встрѣтитъ путникъ удивленный
 Такихъ могилъ несчетный рядъ,
 И тѣ могилы говорятъ,
 Что въ той странѣ окровавленной
 Законъ усталый тупо спитъ
 И жизни гражданъ не хранить.

XXII.

Въ долинахъ замки видны нами,
 Въ нихъ прежде жили короли,
 Теперь же дикими цвѣтами
 Они капризно заросли,
 Но слѣдъ величья ихъ остался...
 Вотъ „замокъ принца“ тамъ стоитъ.

Не ты-ль здѣсь жизнью наслаждался,
 Ты, Ватекъ—нашъ богатый Бритъ?
 Не здѣсь ли, жизнью наскуча,
 Ты создалъ свой земной эдемъ?
 Но объ одномъ забылъ межъ тѣмъ:
 Что какъ богатство не могуче,
 Но и ему,—вездѣ равно, —
 Надъ жизнью власти не дано.

XXIII.

Внизу горы, въ жилищѣ этомъ
 Ты жилъ, всѣхъ прихотей творецъ...
 Теперь, какъ проклятый всѣмъ свѣтомъ,
 Стоитъ пустынный твой дворецъ,
 И нѣтъ слѣдовъ минувшей славы!
 Какъ ты, онъ сталъ и пусть и нѣмъ,
 Лишь колоссальной рощю травы
 Путь загораживаютъ всѣмъ
 Еъ раскрытымъ портикамъ и заламъ...
 Какой торжественный урокъ
 Для всѣхъ, кто только думать могъ
 О счастьѣ, безконечно маломъ,
 Которое кладезь въ гроба
 Неумолима судьба.

XXIV.

Вотъ замокъ. Здѣсь,—то каждый знаетъ,—
 Сошлись вожди *) и съ давнихъ поръ
 Видъ замка этаго смущаетъ
 Британца смѣлый, гордый взоръ.
 Смотрите: тамъ, съ улыбкой адской,
 Обвить пергаментомъ кругомъ,
 Сидить, надѣвъ колпакъ дурацкій,
 Чертенюкъ маленький,—на немъ
 Висятъ печать и свитокъ чорный,
 Гдѣ виднѣнъ рядъ гербовъ, именъ
 Известныхъ рыцарей,—и онъ
 На нихъ указывалъ проворно,
 Лукаво надписи читалъ
 И непритворно хохоталъ.

*) Въ этомъ замкѣ была подписана центрская конвенція.

XXV.

Конвенція—название бѣса.
 Въ томъ замкѣ на смѣхъ онъ собралъ
 Всѣхъ гордыхъ рыцарей конгресса
 И ихъ надежды осмѣялъ.
 Здѣсь побѣдитель покорился
 И предъ безуміемъ поникъ
 И вновь спасителемъ явился
 Дипломатическій языкъ.
 О, лавры, лавры! вы обидны
 Героямъ нашимъ навсегда!
 Срамъ побѣдителю, когда
 Онъ растеряется постыдно
 И клонитъ голову въ странѣ,
 Имъ покоренной на войнѣ.

XXVI.

Съ тѣхъ поръ, о Цинтра,—не забудутъ
 Тебя британцы никогда,
 И, если могутъ, долго будутъ
 Сгарать отъ тайнаго стыда
 Вожди грядущихъ поколѣній,
 Побѣдоносные вожди...
 Нѣтъ, стыдъ безславныхъ поражений
 Суда потомства подожди,
 Когда смѣясь припомнятъ внуки,
 Какъ побѣдитель уступилъ,
 Какъ побѣжденный врагъ смутилъ
 Побѣды радостные звуки,
 Смялъ гордый лавръ ея вѣнковъ
 И бросилъ на позоръ вѣнковъ.

XXVII.

Такъ думалъ Чайльдъ, не безъ кручины
 Бродя одинъ средь этихъ скалъ
 И хоть прелестныя картины
 По всюду взоръ его встрѣчалъ,
 Но онъ, какъ ласточка, скучая,

Рвался все дальше, въ край иной,
 И чаще думы на бѣгая
 Терзали умъ его больной,
 И не безъ горькаго презрѣнья
 Припоминалъ Гарольдъ тогда
 Мелькнувшей юности года —
 Что прожилъ ихъ безъ сожалѣнья
 Въ чаду безумствъ, въ чаду проказъ,
 И взоръ его темнѣлъ не разъ.

XXVIII.

Коня скорѣй! И покидаетъ
 Онъ этотъ край и мирный кровъ,
 Онъ мрачнымъ грезамъ измѣняетъ,
 Но не для женщинъ и пировъ.
 Спѣшитъ—куда?—безъ цѣли мчится
 Впередъ, впередъ, куда нибудь,
 Не зная самъ, гдѣ прекратится
 Его капризный, долгій путь.
 Не мало мѣстъ и видовъ разныхъ
 Передъ собой увидитъ онъ,
 Пока не будетъ утомленъ
 Картиной странъ разнообразныхъ
 И долгимъ опытомъ, пока
 Еще сильна его тоска.

XXIX.

Но вотъ и Мафра. Въ вихрь танцевъ
 Здѣсь слышенъ былъ церковный хоръ,
 Здѣсь королева лузитанцевъ
 Жила, оплакавъ свой позоръ;
 Мѣшались здѣсь пиры и мессы
 И составляли дворъ одинъ
 И куртизанки и повѣсы
 И рядомъ—мрачный капуцинъ.
 Здѣсь вавилонская блудница
 Себѣ построила чертогъ, —
 Здѣсь позла ащенный твой порокъ,
 Въ крови купавшаяся жрица —
 Толпу къ ногамъ твоимъ бросаю
 И рабскій трепетъ возбуждаю.

XXX.

Такъ между горъ, цвѣтущей нивой
 Шельгъ Чайльдъ-Гарольдъ впередъ, впередъ..
 О, для чего въ странѣ счастливой
 Народъ свободный не живетъ?
 Нѣтъ, для однихъ лѣньтневъ, дома
 Жалѣвшихъ кинуть свой диванъ,
 То наслажденье не знакомо:
 Бродитъ подъ небомъ разныхъ странъ
 Съ однимъ желаніемъ упорнымъ —
 Иныя думы испытать,
 Все знать, все видѣть и дышать
 Всей грудью воздухомъ нагорнымъ...
 Одинъ флегматикъ лишь не могъ
 Понять всю прелесть тѣхъ тревогъ.

XXXI.

Но плодоносныя долины
 Все рѣже, рѣже видитъ взоръ,
 И вотъ испанскія равнины
 И безконечный ихъ просторъ
 Кругомъ открылся нашимъ взглядамъ.
 И новый край суровъ и глухъ:
 Среди поля гладкаго за стадомъ
 Лишь кое-гдѣ бредеть пастухъ.
 Онъ долженъ быть вооруженнымъ,
 Чтобъ защищать своихъ овецъ,
 За тѣмъ, что изъ конца въ конецъ
 Предъ цѣлымъ краемъ разореннымъ
 Прошелся врагъ—и весь народъ
 Теперь его прихода ждетъ.

XXXII.

Тамъ, гдѣ слились между собою
 Двѣ враждовавшія страны,
 Какой же гранью роковою
 Онъ теперь раздѣлены?
 Что дѣлать ихъ? Въ зубцахъ Сьерра?
 Иль Таго мощная волна?

Иль колоссальнаго разгѣра
 Вновь возведенная стѣна?
 Тамъ нѣтъ ни стѣнъ, ни рѣчки быстрой,
 Ихъ межъ собой не раздѣлягь
 Огромный рядъ высокихъ скалъ,
 Подобно цѣпи той гористой,
 Которой галльская страна
 Отъ южныхъ мѣстъ отдѣлена.

XXXIII.

Но между ними пробѣгаетъ
 Едва замѣтный ручеекъ.
 Какъ звать его?—никто не знаетъ,
 Но онъ для нихъ границей легъ
 И здѣсь журчить, переливаясь
 Вдоль ненавистныхъ береговъ...
 Порой, на посохъ опираясь,
 Пастухъ глядитъ въ страну враговъ
 Своимъ гнѣвно гордымъ взоромъ...
 Любой испанскій селянинъ
 Смотрѣлъ, какъ истый властелинъ,
 На край, задавленный поворомъ:
 Неужилса съ нимъ никогда-бъ
 Несчастный, лузитанскій рабъ.

XXXIV.

Когда жъ вдали, среди тумана,
 Ушла граница та—и вотъ
 Явилась мрачно Гвадіана
 Съ журчаньемъ тихихъ, грустныхъ водъ.
 На берегахъ ея когда-то
 Сходились съ рыцарями Мавръ,
 Сверкали кованые латы
 И обливался кровью лавръ.
 Спасался бѣгствомъ побѣжденный
 За склономъ взрытаго холма
 И мусульманская чалма
 И гордый шлемъ окровавленный

Во слѣдъ за ней въ рѣку летѣль,
Гдѣ мчалась гряда мертвыхъ тѣль.

XXXV.

Прекрасный край любви и славы!
Здѣсь знамя поднялъ самъ Пелагъ,
Когда отецъ преарѣнный Кавы (*)
Пришелъ съ дружинами, и врагъ
Окрасилъ кровью горъ долины.
Гдѣ жъ флаги грозныя войны?
Держали ихъ твои сыны,
Разбивши дерзкія дружины.
О, какъ тогда средь этихъ мѣстъ
Сіялъ, горѣлъ надъ всею страшою
Побѣдоносный, яркій крестъ
Предъ потухавшею луною,
А въ Афригѣ носился стоишь
Рыдавшихъ мавританскихъ жонъ.

XXXVI.

Но сохранился-ль въ пѣсняхъ края
Минувшій блескъ твоихъ побѣдъ?
Дѣла героев разбирая,
Онѣ однѣ хранятъ ихъ слѣдъ.
Сотрется въ пылъ стѣна гранита,
Умрутъ историки страны,
Лишь только въ пѣсняхъ не забыта
Бываетъ слава старины.
О, гордость! Знай: языкъ преданья,
Какъ лесть, которая ужъ смитъ,
Ни для кого не сохранить
Величья прошлаго сіянья,
Но то величіе въ народѣ
Въ бессмертныхъ пѣсняхъ перейдетъ.

XXXVII.

Сыны Испаніи, вроснитесь!
Оружье въ руки и впередъ!

(*) Дочь графа Юліана.

На крикъ призывный отзовитесь:
 Впередъ! васъ рыцарство зоветъ.
 Ужъ нынче съ дерзостью бывалой
 Не машеть копыями оно,
 Надъ свѣтлымъ племомъ хвостъ кровавый,
 Не развѣвается давно,
 Но подъ раскаты пушки мѣдной,
 Въ дыму, гдѣ воздухъ рветъ картечь,
 Оно зоветъ: за мечъ! за мечъ!
 Скажите: этотъ крикъ побѣдный—
 Не тотъ-ли, что сзывалъ къ врагу
 На Андалузскомъ берегу?

XXXVIII.

Но, чу! раздался топоть конный...
 Звукъ битвы... гуль... Кого-же тамъ
 Сражаетъ мечъ окровавленный?
 Ужель тиранамъ и рабамъ
 На жертвы кините вы братій?
 Огонь ружейный между скалъ
 Не мало бѣшеныхъ проклятій,
 Не мало жизней вырывалъ.
 Смерть проносилась, какъ широко,
 То съ той, то съ этой стороны.
 Покрытый кровью, богъ войны
 Ногой билъ въ землю—и далеко
 Людей во всѣхъ концахъ земли
 Удары эти потрясли.

XXXIX.

А тамъ, съ горы на бой ужасный
 Глядите Гигантъ—и грозенъ онъ,
 И цвѣтъ волосъ кроваво—красный
 Румянымъ солнцемъ озаренъ.
 Смерть разносилъ онъ каждымъ взглядомъ,
 Все на пути палилъ и жегъ,
 А у его желѣзныхъ ногъ

Духъ Разрушенья видѣтъ рядомъ:
 Онъ отгѣчалъ дѣянья зла.
 Въ тотъ день три сильныя державы
 Сюда рука его свела
 Литъ кровь рѣкою для забавы,
 И съ наслажденьемъ ждетъ колоссъ,
 Чтобъ больше крови пролилось.

XL.

Клянусь,—для всѣхъ, кто на сраженьи
 Друзей и братьевъ не встрѣчалъ, —
 Великолѣпное смѣшенье
 Характеръ битвы представлялъ.
 Видися шарфы и, блистая,
 Мелькалъ огонь надъ головой,
 И словно псовъ явилась стая
 И подняла зловѣщій вой.
 Всѣ ждуть побѣдъ, облитыхъ кровью,
 Добычи ждуть,—но много силъ
 Погибло жертвою могилъ,
 И Разрушенья духъ съ любовью
 За ихъ паденіемъ слѣдилъ
 И падшимъ трупамъ счетъ сводилъ.

XLI.

Три арміи для грозной битвы,
 Для смертныхъ жертвъ сошлись тамъ;
 Три племени свои молитвы
 Шлютъ дикимъ воплемъ къ небесамъ.
 Подъ небомъ чистымъ и лазурнымъ
 Знамена вьются, пыль стоитъ,
 И вотъ впередъ потокомъ бурнымъ
 Идутъ—Французъ, Испанецъ, Бритъ;
 Врагъ, жертва и союзникъ нѣжный
 На битву общую пришли,
 Какъ будто дома не могли
 Дождаться смерти непзбѣжной,

Соплисъ, что-бъ язвами ихъ ранъ
Потомъ питался хищный вранъ.

XLII.

И здѣсь сгніють безумцы эти!
Гдѣ жъ слава ихъ? — одинъ туманъ.
Они орудьемъ были въ свѣтѣ
Въ рукахъ тирановъ. Ты, тиранъ,
Себѣ дорогу пролагаешь
По человѣческимъ костямъ,
А для чего? — и самъ не знаешь
Дать волю бѣшеннымъ страстямъ.
Кому жъ мила деспотовъ злоба?
И есть-ли въ мірѣ уголокъ,
Гдѣ-бъ каждый хищный деспотъ могъ
Найти покой, лишь кромѣ гроба,
Гдѣ онъ сотрется скоро въ прахъ,
Не наводя на смертныхъ страхъ?

XLIII.

О, Альбуэрскія равнины,
Гдѣ скорбь оставила печать?
Кто-бъ угадалъ, что здѣсь дружины
Сойдутся въ битвѣ умирать!
Миръ павшимъ! Пусть триумфъ побѣднѣй
И громкой славы 'письмена
Въ вѣка, какъ лучший даръ наслѣднѣй,
Перенесутъ ихъ имена.
Пока мы новыхъ битвъ не видимъ,
Не видимъ новыхъ похоронъ —
Къ тебѣ на встрѣчу Альбіонъ
Мы съ мимолетнымъ гимномъ выйдемъ
И, хоть недолго, можетъ быть,
Ты въ нашихъ пѣсняхъ будешь жить.

XLIV.

Но о любимцахъ войнъ забудемъ,
О нихъ напрасно толковать...

Пускай капризъ приходитъ людямъ
 По приказанью умирать.
 Пусть мы наемщиковъ лишились, —
 О нихъ мы плакать не должны:
 Вѣдь еслибъ жить они остались,
 То для позора всей страны.
 Тогда бъ ихъ роли были жалки,
 Они погибли-бъ безъ слѣда,
 Безъ угрызений, безъ стыда
 Въ какой нибудь домашней свалкѣ
 Иль съ окровавленнымъ ножемъ
 Всѣ занялись бы грабежемъ.

XLV.

Гарольдъ идетъ — и предъ собою
 Севилью видитъ. Какъ всегда,
 Она не кажется рабою,
 Еще свободна и горда.
 Но близокъ часъ ея страданій,
 Ворвутся полчища врага
 И до ступеней чистыхъ зданій
 Коснется грязная нога,
 Скуются цѣпи для рабыни...
 Часъ страшный! Незбѣженъ онъ, —
 Иначе бъ Тиръ и Иліонъ
 Существовали бы до нынѣ
 И добродѣтель вокругъ цвѣла,
 И въ мірѣ не было бы зла.

XLVI.

Но тамъ бѣды еще не чуетъ
 Въ безумныхъ оргіяхъ народъ,
 Позоръ отчизны не волнуетъ
 Тебя, севильскій патріотъ.
 Здѣсь нѣтъ воинственнаго жара,
 Молчитъ призывный рогъ войны
 И только слышется гитара
 Въ часы полночной тишины. —

Для сладострастныхъ наслаждень
И дни и ночи на пролетъ
Безумно молодость жьветъ;
Среди безмолвныхъ преступлений
И дряхлыхъ каменныхъ громадъ
Лишь только властвуетъ развратъ.

XLVII.

Не такъ живетъ селянину.
Бойтся видѣть онъ съ женой
Полей печальную картину,
Полей, ограбленныхъ войной.
Фанданго звуки замолчали,
Веселыхъ пѣсень нѣтъ въ дали..
Монархи! если-бы вы знали
О чистыхъ радостяхъ земли,
То сладкой прелестью обмана
Къ себѣ васъ слава не звала
И за собою не вела,
И рѣзкій грохотъ барабана
Насъ навсегда забыть будить,
И человекъ могъ счастливъ быть.

XLVIII.

Какія-жъ пѣсни распѣвають
Теперь погонщики быковъ?
Любовь-ли, славу-ль прославляютъ?
Нѣтъ, смыслъ ихъ пѣсень не таковъ.
Иные звуки и тревоги...
Перемѣнилась скоро роль, —
Они поютъ лишь по дорогѣ
Одно: да здравствуетъ король! (*)
Иль шкютъ проклятiя Годою,
Безумцу Карлу иль тому,
Ето сталъ (нѣтъ имени ему!)

(*) Viva el rey Fernando! Да здравствуетъ король Фердинандъ. Это противъ большей части испанскихъ патростическихъ пѣсень, которыя направлены противъ старого короля Карла, королевы и принца Мира.

Предъ королевой молодою,
И эта падшая жена
Была въ порокъ увлечена.

XLIX.

Среди долинъ, межъ скалъ гигантскихъ,
Гдѣ и теперь еще видны
Обломки замковъ Мавританскихъ,
Остался грозный слѣдъ войны.
Слѣдъ лошадиного копыта
Избороздилъ красу луговъ,
Все поле ядрами изрыто:
Здѣсь, говорятъ, былъ станъ враговъ;
И здѣсь крестьянникомъ отважнымъ
Былъ не одинъ драгунъ сраженъ
И всѣмъ теперь укажетъ онъ
На это мѣсто съ видомъ важнымъ,
Увѣривъ, что верхи тѣхъ скалъ
Не разъ одинъ онъ съ бою бралъ.

L.

При встрѣчѣ здѣсь видна на всякомъ
Кокарда красная,—она
Служить для всѣхъ условнымъ знакомъ
Во всей странѣ теперь должна.
Кто не надѣлъ кокарды красной —
Тому бѣда; будь юнъ иль старъ —
Онъ начинаетъ путь опасный:
Здѣсь ножъ остеръ, здѣсь быстръ ударъ.
И горе галльскому солдату,
Когда надъ нимъ бы засверкалъ
Коварно спрятанный кинжалъ,
И обнаженному булату
Не страшень сталъ-бы громъ траншей
И блескъ французскихъ палашей.

(*) Красная кокарда съ именемъ Фердинанда VII.

LI.

Тамъ, высоко, съ вершинъ Морены
 На поворотахъ, изъ за скалъ,
 Глядятъ твердынь могучихъ стѣны,
 Рядъ батарей, — и взоръ встрѣчалъ
 Рвы затопленные повсюду,
 Построенъ крѣпкихъ образцы,
 Изъ ядеръ сложенную груды,
 Рогатокъ острыя зубцы.
 Тамъ стражи грозныя фигуры
 И группы вьнузданныхъ коней,
 Тамъ подъ ущельемъ, межъ камней,
 Для боевыхъ запасовъ фуры
 И возгъ пушки боевой
 Курится фитиль роковой.

LII.

Ждутъ битвы, царства слезъ и мрака;
 Но тотъ, кто троны низвергалъ,
 Еще рукой не подалъ знака,
 Еще странѣ онъ отдыхъ далъ,
 Но скоро жадные къ разбою
 Сюда придуть его рабы
 И скоро западъ надъ собою
 Увидитъ грозной бичъ судьбы.
 Испанцы! Слабы всѣ усилья!
 Для васъ печальный день придетъ —
 Лишь галльскій коршунъ развернетъ
 Съ побѣдоноснымъ воплемъ крылья
 И станетъ въ битвахъ умирать
 Испанцевъ доблестная рать.

LIII.

Ужель погибнуть эти силы
 И этой молодости цвѣтъ?
 Межъ рабствомъ и дверьми могилы

Ужель иной середины гнѣтъ?
 Ужель насиліе жестоко
 Поработитъ кругомъ народъ
 И никогда до слуха Рока
 Мольба испанцевъ не дойдетъ?
 Напрасны ль—храбрость и забота
 Въ чертахъ геройскаго лица
 И наставленья мудреца,
 И увлеченье патріота,
 И обнаженный къ битвѣ ножъ,
 Съ которыми рвется молодежь?

LIV.

Къ чему-жь, гитару покидая,
 Забывъ стыдливость и покой,
 Теперь испанка молодая
 За мечъ хватается рукой?
 Забыты женскія приманки
 И новымъ мужествомъ горды,
 Кругомъ становятся испанки
 Съ своими братьями въ ряды;
 И тѣ, которые когда-то
 Боялись самыхъ легкихъ ранъ,
 Вступивъ ногой въ военный станъ,
 Подставляютъ грудь подъ штыкъ солдата
 И на рѣзню сквозь дымъ и смядъ,
 Какъ Марсы юные глядятъ.

LV.

Но если-бъ ихъ вы увидали
 Не въ дни войны, когда на васъ
 Изъ подъ таинственной вуали
 Глядѣла нѣжно пара глазъ
 И у окна въ часы досуга
 Могли подмѣтить—очеркъ рукъ
 И прелесть формъ, и профиль юга,
 Могли услышать рѣчи звукъ,
 То не подумали бы всѣ вы

Увидѣть съ трепетомъ потомъ
 У Сарагоскихъ стѣнъ съ мечемъ
 Воинственной испанской дѣвы,
 Гдѣ и спокойна и строга
 Она съ оружемъ ждетъ врага.

LVI.

Любовникъ палъ — она не плачетъ,
 Начальникъ мертвъ — она спѣшитъ,
 Она вождемъ побѣднымъ скачетъ,
 Она трусливаго стыдитъ
 И вновь на битву возвращаетъ.
 Никто такъ грозно, какъ она,
 За смерть вождей не отомщаетъ,
 Не будитъ слабаго отъ сна.
 Испанка смѣло пробуждала
 Надежды спавшія въ груди
 И съ браннымъ крикомъ впереди
 Сама преслѣдовала Галла,
 Когда бѣжалъ безславно онъ
 Рукою женщинъ пораженъ..

LVII.

Но все-жъ породы Амазонокъ
 Чужда испанская жена,
 Она съ ребяческихъ пеленокъ
 Служить лъбви осуждена,
 И если въ битвѣ неизбежной
 За мечъ бралась ея рука —
 То это-месть голубки нѣжной
 За смерть роднаго голубка.
 Любовь и гнѣвъ—въ ней все бездѣнно,
 И съ ней-ли я теперь сравню
 Пустыхъ красавицъ болтовню, - -
 Въ которыхъ все обыкновенно:
 Онѣ равны съ ней въ красотѣ,
 Но души, души ихъ не тѣ...

LVIII.

На явкахъ щекъ — слѣды дыханья —
 Амуръ лишь смѣлъ на нихъ дохнуть;
 Уста, гдѣ спрятались лобзанья
 Сейчасъ готовы спорхнуть,
 Казалось, шепчуть, что опасно
 Лобзанья нѣжны срывать.
 А взоръ... какъ дико и прекрасно
 Блестить и жжетъ!.. О, Фебъ, не трать
 Лучей и солнечнаго жара,
 Чтобъ повредить загоромъ ей: —
 Еще прекраснѣй и свѣжѣй
 Она выходитъ изъ загара
 И передъ ней скучны, блѣдны —
 Всѣ дамы сѣверной страны.

LIX.

Востокъ, прославленный по свѣту!
 Гаремы знойной той страны,
 Гдѣ самъ пою я пѣсню эту
 Въ честь красоты! (предъ ней должны
 Всѣ циники во прахъ склоняться!)
 Ведите же меня теперь
 За ту таинственную дверь,
 Гдѣ ваши гуріи хранятся,
 Гдѣ даже воздухъ стерегутъ
 Въ закрытой спальнѣ мусальманской.
 Гдѣ-жъ ваши гуріи? Кто тутъ
 Сравнится съ женщиной испанской?
 Такими женщинами могъ
 Наполнить рай лишь вашъ пророкъ... (*)

LX.

Парнасъ! Тебя я вижу нынѣ
 Не въ смутной грезѣ прежнихъ дней,

(*) Этотъ стансъ былъ написанъ Байрономъ въ Турціи.

Но съ вѣчнымъ снѣгомъ на вершинѣ,
 Подъ небомъ родины твоей,
 Во всемъ твоёмъ величьи дикомъ!
 Не ставь же мнѣ теперь въ вину,
 Что я смутилъ невольнымъ крикомъ
 Твою святую тишину.
 Не я одинъ достоинъ смѣха —
 Вѣдь каждый скромный пилигримъ
 Привыкъ здѣсь голосомъ своимъ
 Отъ сна будить, тревожить эхо,
 Хоть давно съ твоихъ высотъ
 Не сходятъ музы къ намъ въ народъ.

LXI.

Я зналъ тебя въ мечтахъ когда-то
 Давно, (кому не вѣдомъ ты —
 Не знаетъ тотъ, что въ жизни свято.)
 Теперь я здѣсь! Сбылись мечты,
 Но я молчу, позабывая
 Все, что хотѣлъ сказать въ стихахъ;
 Поэтовъ древнихъ вспоминая,
 Могу лишь только пасть во прахъ,
 Не смѣя выговорить слова;
 Дрожа, волнуясь и любя,
 Могу смотрѣть лишь на тебя
 Сквозь ризу облачнаго крова
 И молча думать въ этотъ часъ:
 Я вижу, наконецъ, Парнасъ!..

LXII.

Счастливей всѣхъ поэтовъ, нынѣ
 Еще не знавшихъ этихъ мѣстъ,
 Могу-ль не чувствовать святыни
 Во всемъ, что вижу здѣсь окрестъ?..
 Хоть въ темный гротъ къ себѣ на ложъ
 Теперь не сходятъ Аполлонъ,

И ты, жилище Музъ, похоже
 На темный гробъ со всѣхъ сторонъ,
 Но здѣсь у храма вдохновеній,
 Въ тѣни пещеръ, въ дышаньи водъ
 Еще витаетъ и живетъ
 Какой-то кроткій, добрый геній
 И въ этой мертвой тишинѣ
 Скользитъ незримо по волнѣ.

LXIII.

Парнасъ! Къ тебѣ поднявши руки,
 Я позабылъ, обворожень,
 Страну, гдѣ слышны цѣпи звуки
 И стоны юношей и женъ!
 Я передъ тобой лежалъ на камнѣ,
 Роня слезы на песокъ,
 Но мой рассказъ начать пора мнѣ,
 А ты... ахъ, если бъ только могъ
 Я здѣсь сорвать хоть листъ лавровый
 Отъ вѣтки Даоны, чтобъ опять
 Я могъ съ успѣхомъ воспѣвать
 Тебя въ стихахъ, Парнасъ суровый,
 Чтобъ въ чуткой памяти пѣвца
 Ты жить могъ долго, до конца.

LXIV.

Но никогда въ дни прежней славы
 Ни ты, краса всѣхъ нашихъ горъ,
 Ни жрицы Дельфовъ (вѣличаво
 Здѣсь неся ихъ пифійскій хоръ)
 Такого зрѣлища не знали,
 Когда оружемъ овладѣвъ,
 Игралъ клинкомъ блестящей стали
 Рядъ андалузскихъ женъ и дѣвъ.
 Въ нихъ пышетъ аной желаній ягучихъ,
 Но дѣти юга лишены
 Награды греческой страны —
 Уединенья роцъ пахучихъ,
 Хоть нынче въ Греціи и нѣтъ
 Минувшей славы прошлыхъ лѣтъ.

LXV.

Севилья гордая и красота
 Богатствомъ, драгоценностью своей,
 Кадишь съ ней сравниться опасно,
 Хотя Севилья оны милѣй...
 О, взоръ чарующій парона!
 Какую юность не смущаетъ
 Его магическое око!
 Чье сердце оны не обольщаетъ!
 Въ комъ кровь кипитъ въ здоровой груди,
 Того змѣй оны обовьетъ
 И тихо въ пропасть увлечетъ,
 Для всѣхъ мѣняя по причудѣ
 Свой обольщающій нарядъ,
 Улыбки нѣжныя и взглядъ.

LXVI.

Когда Сатурнъ въ безстрастномъ видѣ
 Косою Паеосъ поразилъ,
 (Сатурнъ и самой королею
 Не разъ косою своею грозилъ)
 Тогда забавы и веселье
 Нашли приютъ въ странѣ тепла,
 Тогда сюда на новоселье
 Венера храмъ перенесла
 И здѣсь за бѣлыми стѣнами
 Она поставила свой тронъ.
 Но что ей храмъ? Со всѣхъ сторонъ,
 Блистая яркими огнями,
 Вкругъ отъ зари и до зари
 Предъ ней курились алтари.

LXVII.

Всю ночь, до самаго рассвѣта
 Кипитъ здѣсь праздникъ красоты,

Подъ звукъ гитаръ и кастальета
 Народъ наряженный въ цвѣты
 Поеть при пляскѣ молодежи,
 Не встрѣтишь хмурого лица,
 Сегодня ширь и завтра тоже
 И не видать нирамъ конца.
 Слѣдовъ нѣтъ скорби и кручины,
 И горькихъ слезъ—ни здѣсь, ни тамъ,
 Лишь стерегутъ свой эниамъ
 Одни сѣдые капуцины
 И шевелить здѣсь всѣхъ равно
 Любовь съ молитвой за одно.

LXVIII.

Вотъ день воскресный. Чѣмъ займется
 Народъ въ день отдыха теперь?
 Но, чу! рычанье раздается:
 То парь лѣсовъ, могучій звѣрь.
 Онъ козри вдулъ; съ кровавой пѣной
 Терзаетъ всадниковъ, коней...
 Толпа повисла надъ ареной,
 Но только радость будать въ ней,
 Она въ восторгѣ замираетъ,
 Когда оплошного врага
 Быкъ поднимаетъ на рога
 И къ верху трупъ его бросаетъ,
 А дамы смотреть въ этотъ часъ
 Не отварачивая глазъ.

LXIX.

И вотъ онъ день седьмой недѣли!
 Но такъ-ли Лондонъ чтить тѣ дни?
 Наряды чистые недѣли
 Всѣ классы общества; они,
 Покинувъ зданій темныхъ стѣны,
 Бѣгутъ всѣ воздухомъдохнуть,

Чтобъ освѣжить бѣлые часы,
 Чтобъ разъ въ недѣлю отдохнуть.
 Въ сѣкрахъ широныхъ, въ пыльномъ небѣ
 Все что и юно и старо
 Спѣшить въ Гемпстедъ или въ Геро,
 Чтобъ вспомнить вновь о синемъ небѣ,
 Межъ тѣмъ, какъ созда пѣшеходъ
 Съ ревнивой завистью идетъ.

LXX.

На Темзѣ—лодки; въ лодкахъ—дамы,
 На нихъ цвѣты, узоры блондъ;
 Инымъ же хочется упрямо
 Идти въ Гейгетъ или въ Ричмондъ.
 Куда же ихъ ведетъ дорога?
 Я расскажу,—къ чему скрывать!—
 Онъ спѣшать на праздникъ *Rosa* (*)
 Ему мольбы свои шептать.
 Тамъ онъ внималъ молениямъ страннымъ
 Отъ молодыхъ юношей и женъ,
 Тамъ рядъ признаній окропленъ
 Бывалъ виномъ благоуханнымъ,
 Смѣнялась музыкой игра
 И танцы длились до утра.

LXXI.

Свои безумства—въ каждомъ краѣ.
 И ты, Кадиксъ, подверженъ имъ:
 Лишь вспыхнетъ день,—перебирая
 Гранаты четокъ, пилигримъ
 Предъ ликомъ Дѣвы Непорочной,

(*) Здѣсь Байронъ намекаетъ на сильный обычай, бывший когда-то въ употребленіи въ трактирахъ Гейгета: этотъ обычай заставлялъ всѣхъ посѣтителей передъ двумя *rosa*ми произносить такую клятву: никогда не буду цѣловать служанку, если можно цѣловать хозяйку; не стану пить легкаго пива, если возможность пить краѣское, и т. п. клятвы, въ томъ же комическомъ родѣ.

(Она одна во всей странѣ)
 Въ своемъ образѣ всюду точный,
 Стоятъ, склонившись въ тишинѣ...
 Онъ за людей творитъ меленны,
 Но часъ настала—и въ ширь идетъ
 Такъ жадный къ зрѣлищамъ народъ.
 Весь городъ, всѣ безъ исключенья,
 Перемѣшавшись межъ собой,
 Идутъ смотрѣть кровавый бой.

LXXII.

Вотъ сцена зрителямъ предстала.
 Арена дѣйствія пуста;
 Еще труба не прозвучала,
 Но всюду заняты мѣста,
 Повсюду гранды и вельможи
 И вереница донъ и дамъ—
 Приманна бойкой молодежи,
 Мелькавшихъ вкругъ по ихъ слѣдамъ.
 А взоры женщинъ такъ лукавы...
 Но никогда прекрасный взглядъ
 Не гналъ поклонниковъ назадъ,
 Хотя пѣвцы луны и славы
 Рѣшать, что женщинъ гордый взоръ
 Для сердца—смертный приговоръ.

LXXXIII.

Шумъ замеръ, стихли разговоры,
 И всадники въѣзжаютъ въ кругъ.
 Въ рукахъ ихъ копыя, блещутъ шпоры,
 Они раскланялись вкругъ,
 Готова публику къ потѣхамъ,
 А публика ужъ ждетъ съ утра,
 Когда окончится съ успѣхомъ
 Бойцовъ опасная игра.

Тогда ихъ встрѣтятъ общими плескомъ,
 Ихъ поощрять и здѣсь и тамъ
 Улыбки, взгляды гордыхъ дамъ...
 Съ тамъ триумфомъ, съ этимъ блескомъ
 Король встрѣчается, порой,
 Иль самъ увѣнчанный герой.

LXXXIV.

Нарядный, мантией блистая,
 Стоитъ проворный матадоръ,
 Царя гѣснаго поджидая,
 Онъ вдругъ себя бросаетъ взоръ,
 Чтобъ осмотрѣть просторъ арены,
 (Въ его рукѣ—одинъ кинжалъ)
 Чтобъ убѣжать ему со сцены
 Ни кто отъ звѣря не мѣшалъ.
 Повсюду пѣшій, съ шарфомъ краснымъ,
 Онъ звѣря издали дразнилъ,
 Онъ только издали шутилъ
 Надъ неприятелемъ опаснымъ
 И вызывалъ его на бой,
 Раскинувъ шарфъ передъ собой.

LXXXV.

Вотъ поданъ знакъ,— труба гремѣла,
 Широко распахнулась дверь,—
 Толпа какъ будто онѣмѣла:
 На сцену разомъ прынулъ звѣрь.
 Глазами медленно вращаетъ,
 Взрывая подъ собой песокъ,
 Но на врага не нападаетъ—
 Онъ разглядѣть его не могъ.
 Какъ будто, что соображая,
 Глазами красными кругомъ
 Поводить, жертву поджидая
 И стали грозно-велики
 Его кровавые зрачки.

LXXVI.

Но вдругъ онъ сталъ съ недвижнымъ взоромъ.
 Бѣги, безумецъ, этихъ глазъ!
 Побѣднымъ лавромъ или позоромъ
 Тебѣ грозить ужасный часъ...
 Проворно всадники мелькають,
 Удары сыплютъ на быка,
 Струями крови покрываютъ
 Его широкіе бока.
 Онъ мчится, вертится, крутится,
 Отъ ранъ онъ бѣшенѣе сталь;
 Кинжалъ свернулъ, другой кинжалъ,
 Въ его спиный конь дымится,
 И быкъ подъ градомъ смертныхъ стрѣлъ
 Съ мычаньемъ дикимъ заревѣлъ.

LXXVII.

Ревъ грозный вырвался изъ груди,
 Но онъ опять впередъ бѣжить...
 Ему-ли страшны эти люди?
 Его-ль оружье устрашить?
 Ужъ конь одинъ убить, какъ муха,
 Другой... видъ страшный для меня:
 Черезъ распоротое брюхо
 Видна вся внутренность коня.
 Но онъ не падаетъ отъ боли,
 Хотя качаясь, онъ бѣжить
 И изъ бѣды спасти спѣшить
 (Въ послѣдній разъ теперь, не болѣ)
 Того, кого въ дни прежнихъ силъ
 Онъ на хребтѣ своемъ носилъ.

LXXVIII.

Въ крови, усталый и возбужденный
 Ножами, копытами покрытъ,
 Вдругъ словно къ мѣсту пригвожденный

Быкъ сталъ и вокругъ себя глядитъ.
 И вотъ тогда врага извѣря,
 Кровавымъ шарфомъ матадоръ
 То издали задразнить звѣря,
 То подбѣжить къ нему въ упоръ.
 Въ послѣднй разъ царь стада мчится,
 Въ зрачкахъ его зажглась гроза —
 Но плащъ закрылъ ему глаза
 И звѣрь испуганный кружится.
 Конецъ! со всѣхъ могучихъ ногъ
 Онъ упадаетъ на песокъ.

LXXIX.

Между хребтомъ и шеей разомъ
 Книжалъ вошелъ по рукоять;
 Герой упалъ, а вокругъ съ экстазомъ
 Сталъ весь народъ рукоплескать.
 Безъ стоновъ, безъ предсмертной муки
 Звѣрь на аренѣ умиралъ;
 При общемъ грохотѣ и стукѣ
 Богатый повязъ вывзжалъ.
 На колесницѣ помѣщаютъ
 Кровавый трушъ героя дня;
 Четыре бойкя коня
 (Они удилъ стальныхъ не знаютъ)
 Изъ роковаго круга мчатъ
 Быка убитаго назадъ.

LXXX.

Вотъ наслажденья и забавы
 Испанскихъ грандовъ, гордыхъ дѣвъ!
 Ихъ тѣшитъ кровь сильнѣ славы,
 Знакомъ имъ съ дѣтства мести гнѣвъ.
 Не разъ кровавые раздоры
 Испанецъ въ тайнѣ затѣвалъ,
 Не разъ въ пылу минутной ссоры
 Онъ землю кровью обливалъ.
 Хоть на врага роднаго края
 Единодушно всталъ народъ,
 Но дома онъ на мечь идетъ

И, черныи умыселъ скрывал,
 Не разъ онъ другу измѣнялъ,
 Въ него вонзая свой кинжалъ.

LXXXI.

Но прежней ревности дозоры,
 Замки, рѣшотки на окнѣ,
 Дуэньи старыя, запоры —
 Ихъ нѣтъ ужъ больше въ той странѣ.
 До дней войны, до дней невзгоды,
 Когда гроза еще не шла,
 Счастливой дочерью свободы
 Испанка каждая была.
 Съ косою распущенной, бывало,
 Она топтала пышный лугъ,
 То съ быстротою мчалась вдругъ,
 То въ страстномъ танцѣ замирала,
 А на испанку съ вышины
 Лился прозрачный свѣтъ луны.

LXXXII.

Не разъ Гарольдъ любилъ, или вѣрилъ,
 Что любить онъ, но въ тѣ года
 Онъ предъ собой не лицемѣрилъ,
 Не увлекался никогда.
 Любви желанья и усилья
 Не шевелятъ его души,
 И у Амура только крылья
 Ему казались хороши;
 Хоть онъ красивъ и вѣчно молодъ,
 Но наслажденій тайныхъ дно
 Всегда печально и темно, —
 Тамъ скрыты горечь, тьма и холодъ...
 Такъ иногда цвѣты хранятъ
 Незлечимый, тонкий ядъ.

LXXXIII.

Но прелесть формъ не отвергая,
 Онъ какъ философъ ихъ цѣнилъ,

(Хоть всѣхъ философовъ пугая,
 Прекрасный образъ не манилъ),
 Страсть утомляя, убѣгаетъ
 И сладострастія пороки
 Ему могилу вырываетъ
 И губить насъ въ короткій срокъ...
 О, жертва тьмы и пресыщенья!
 Тебѣ не вѣдома любовь,
 Тебѣ волнуетъ только кровь
 Неумолимое презрѣнье;
 Проклятыя Каина легло
 Въ тебѣ на гордое чело.

LXXXIV.

Онъ одиноко шелъ въ народѣ,
 Хоть мизантропомъ не смотрѣлъ,
 Въ весельи общемъ, на свободѣ,
 Порой, забыться онъ хотѣлъ,
 Но улыбнется-ль тотъ хоть дважды,
 Чья жизнь разбита, темень путь?...
 Онъ цѣпи демона однажды
 Хотѣлъ на мигъ съ себя стряхнуть
 И въ спальнѣ женщины прекрасной
 Невольно пѣсню ей сложилъ,
 Онъ въ этой женщинѣ цѣнилъ
 Красавицъ прежнихъ, образъ ясный
 Подруги первой, — даже съ той
 Она равнялась красотой:

И Н Е С ъ.

1.

Не улыбайся мнѣ! Тебѣ бы, — видитъ Богъ, —
 Своей улыбкой я въ отвѣтъ бы не принесъ,
 Но Бога я молю, чтобъ Онъ тебя сберечь
 Отъ бесполезныхъ слезъ.

2.

Ты хочешь знать давно — о чемъ моя печаль,
 Которой никогда я не могу забыть!
 Не спрашивай о томъ: тоску мою едва-ль
 Кто можетъ излечить.

3.

Нѣтъ, не слѣды любви, не ненависти власть,
 Не честолюбія обманутаго пылъ,
 Заставили меня все проклинать и клестъ,
 Что въ жизни я цѣнилъ.

4.

То — пресыщеніе; оно теперь слѣдятъ
 За мной, какъ тать, вездѣ... Въ душѣ разбитой — тьма,
 И красота меня ужъ больше не плѣнитъ —
 И даже — ты сама.

5.

Во мнѣ живетъ печаль и ту печаль носилъ
 Въ себѣ самъ Вѣчный Жидъ, скитаясь сотни лѣтъ;
 Въ одной могилѣ-бѣ я тоску свою забылъ,
 Но до могилы — нѣтъ.

6.

И ктожъ съ охотою въ изгнаніе бѣжить?...
 О, гдѣ бы не былъ я — печаль одна и та жъ!
 Бичъ жизни — мысль моя вездѣ, вездѣ стоитъ
 Передо мной, какъ стражъ.

7.

А вдругъ всѣ веселы — что не доступно мнѣ,
 У всѣхъ есть радости — я ихъ не назову...
 О, пусть же знаютъ всѣ лишь въ мимолетномъ снѣ,
 Что зналъ я на яву.

8.

На чужбѣ новыхъ странъ мнѣ нужно пробывать,
 И часто, много разъ я оглянусь назадъ,
 Моей отрадою осталось — лишь считатьъ
 Страданій прошлыхъ рядъ.

9.

Изъ сожалѣнiя ко мнѣ и изъ любви —
 Не спрашивай, о чемъ душа моя скорбитъ!
 Нѣтъ, съ сердца моего ты маски не срами —
 Подъ маской адъ кланить.

LXXXV.

Прости, Кадиксъ! Мы не забудемъ,
 Какъ защищалеся ты у стѣнъ,
 Мы долго, долго помнитъ будемъ,
 Чѣмъ искушались ты тяжкiй плѣнъ.
 Въ твоемъ возстанiи народномъ
 Дышала правдивый гнѣвъ и страсть:
 Ты первый былъ — чтобъ быть свободнѣе,
 Ты былъ послѣднiй — чтобы нѣсть!
 Но если же въ пылу боренья
 Весь городъ кровью истекалъ —
 Одинъ измѣнникъ только палъ,
 Какъ жертва тяжкаго отмщенья;
 За всю страну возсталъ народъ, —
 Лишь гнулъ вельможа свой хребетъ.

LXXXVI.

Судьба испанскаго народа
 Была всегда для насъ страшна:
 Ему невѣдома свобода,
 Но за ее драгалася страна.
 Народъ стоялъ за честь и славу,
 Которыхъ нѣтъ въ родномъ краю,
 За изнуренную державу
 Слагалъ онъ голову свою.
 Великiй, гордый, непреклонный,
 Свободой бредить онъ во снѣ,
 И рвется вновь къ борьбѣ, къ войнѣ
 Герой, недавно побѣжденный;
 Хоть на ножахъ ему нужна
 Неукротимая война. (*),

(*) „Война хоть на ножахъ!“ отвѣтъ Палафокса французскому генералу при осадѣ Сарагоссы.

LXXXVII.

Въ ужасы народной мести
 (Здѣсь вѣшь свобода дорога)
 Соединились дружно вмѣстѣ
 Для кары чуждаго врага.
 Готовъ весь край безъ содраганья
 Начать кровавую игру,
 Чтобъ защитить отъ поруганья
 Жену свою, свою сестру.
 Здѣсь все равно — ударъ открытый
 Иль потайной ударъ ножа...
 Здѣсь каждый нищенскимъ дорожа,
 Следить, какъ умеръ врагъ убитый...
 О, еслибъ всюду, всюду такъ
 Караемъ былъ преступный врагъ!..

LXXXVIII.

Но намъ ли плакать здѣсь отъ муки?
 Въ равнинѣ трупы... смертный стонъ...
 Въ крови, — смотрите, — эти руки,
 Въ святой крови испанскихъ женъ!
 Пусть псы одни грызутъ ихъ смѣло,
 Пусть коршунъ рветъ глаза съ ихъ лицъ,
 Хотя ихъ мерзостное тѣло
 Едва ль достойно хищныхъ птицъ.
 Пусть кости ихъ, пусть трупы эти
 И кровь, которой не стерѣть,
 Потомки сходятся смотрѣть,
 И пусть увидятъ наши дѣти
 (И содрогнутся ихъ умы)
 Все то, что нынче видимъ мы.

LXXXIX.

Но нѣтъ, еще не смолкли стоны,
 Опять полетѣла скоро кровь.
 Вдали мы видимъ легіоны
 И горизонтъ темнѣетъ вновь.
 Испанія! Твоей свободы

Ждетъ рядъ изнывшихъ въ рабствѣ страны!
 И ты, свободная, народы
 Освободишь отъ долгихъ рагъ,
 Скорѣй чѣмъ самые Пизарры
 Ихъ покорять... Но ты пока
 Еще раба... Судьбы рука!
 Жестоки такъ твои удары!
 И эта вольная страна
 Еще въ цѣпяхъ ходить должна.

XC.

Ни трупы павшихъ въ Талаверѣ,
 Ни при Бароссѣ рядъ могилъ,
 Ни жертвы битвъ при Альбуэрѣ
 Не сберегли народа силъ.
 Когда жъ очнется онъ отъ гнета?
 И разцвѣтутъ его сады?
 Давно онъ ждетъ, онъ ждетъ чего-то,
 Но много черныхъ дней бѣды
 Еще испанцамъ предстояло,
 Пока не виветъ хищный Галлъ,
 Поля, гдѣ все онъ разорялъ;
 Пока земля, гдѣ все завяло,
 Не дастъ завѣтнаго плода
 Свободы, счастья и труда.

XCI.

А ты, ты другъ моей печали! (*)
 Когда погибъ-бы ты въ борьбѣ
 За бѣдный край, тогда едва-ли
 Я пожелалъ бы о тебѣ.
 Но умереть безславно, сирю,
 Безъ пышныхъ лавровъ, въ тишинѣ,
 Чужимъ для жизни и для міра,
 Оставивъ память только мнѣ!...
 Твой прахъ сложили, яму роя,
 Съ бойцемъ, искавшимъ смерть въ бою...
 Зачѣмъ же голову твою

(*) Джовъ-Уингенльдъ, англійскій оецерьъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Байрона, умершій отъ лихорадки.

Не уланчалъ вѣнецъ героя?
 Ты, какъ и всѣ, носить бы могъ
 Героя падшаго вѣнокъ.

XСII.

О старшій другъ, всѣхъ больше милый!
 Пусть смерть теперь въ твоей груди —
 Пусть отъ меня ты взять могиллой —
 Ты хоть во снѣ ко мнѣ прійди!
 А утромъ вновь польются слезы
 И вновь печаль придетъ назадъ,
 Мои таинственныя грезы
 Къ твоей могилѣ полетятъ,
 Лѣтая тамъ у двери гроба,
 Онѣ исчезнуть лишь тогда,
 Когда подъ камнемъ навсегда
 Въ молчаньи вѣчномъ лягутъ оба —
 И тотъ, кто горько слезы лилъ,
 И тотъ, кто имъ оплаканъ былъ.

XСIII.

Вотъ пѣсня первая романа.
 Романа этого конецъ,
 Конечно, поздно или рано,
 Представить публикѣ пѣвецъ.
 Но здѣсь закончить не пора-ли?
 Быть можетъ, критикъ такъ рѣшилъ.
 Пойдите! вы не все узнали!
 Въ иныхъ странахъ герой нашъ былъ,
 Въ странахъ, гдѣ видимы дониндѣ
 Слѣды глубокой старины
 И гдѣ еще пощажены
 Великой Греціи святыни:
 Ихъ оставляла жить вѣка,
 Не тронувъ, варваровъ рука.

КОНЕЦЪ 1-Й ПѢСНИ.

Дмитрій Мининъ.

МОСКОВСКІЯ НОРЫ И ТРУЩОБЫ.

Тьма тьмущая существуетъ на бѣломъ свѣтѣ этихъ различныхъ вечеровъ. Есть, напримѣръ, майскій вечеръ — ароматный вечеръ, вечеръ любви, нѣги и какого-то тихаго, тихаго, безотчетнаго счастья. (Объ немъ, впрочемъ, смотри у лириковъ). Есть еще лѣтній вечеръ — такой пріятный, усыпляющій, вгоняющій въ сладостную истому: цвѣточки эти тебѣ ароматъ лютъ, зефиры порхаютъ, собачки вякаютъ, коровки мычатъ, пастушки двухсаженными кнутиками похлопываютъ, селянинъ радостно отираетъ кровавый потъ съ своего лица, природа благоговѣнно дремлетъ, травка прозябаетъ, и сверху, откуда-то, несутся не слышимые для обыкновеннаго смертнаго, но знакомые поэту звуки. Не дурень и осенній вечеръ, особенно когда полудремлешь у камина послѣ сытнаго обѣда, а рядомъ съ тобой подруга жизни или что нибудь подобное, — тогда хоть изъ ведра валяй ливень, хоть надорвись, завывая, вѣтеръ — все пустяки! (Я, впрочемъ, не исчиталъ, но слышалъ — хвалить). А зимній-то вечеръ... батюшки мои! какъ хороше зимній вечеръ! Морозецъ, знаете, этакой небольшой, ядреная луна, подслѣповатыя звѣзды, гармоническій визгъ полозьевъ, теплая шуба, нѣкоторый чинъ или титуло, туго набитый кошелекъ, звуки и мечты, мечты и звуки... Эхъ, трогай что-ли!..

Однако всёхъ подобныхъ вечеровъ не переберешь. Посмотри лучше, что такое нашъ московскій вечеръ — вечеръ на Грачовкѣ.

Время года смѣшанное, хотя грачовцы упорно утверждаютъ, что на дворѣ стоитъ зима. По небу медленно ползутъ какія-то дырявыя, грязныя тучи, изъ которыхъ немилосердно вываливается на землю что-то среднее между дождемъ и снѣгомъ. Вечерній мракъ охватилъ Грачовку со всёхъ сторонъ. Соединившись съ густымъ туманомъ, онъ властительно наполняетъ и улицу, и смѣжные съ нею переулки; онъ нахально сбрасывается на десятокъ тусклыхъ маслянныхъ фонарей, разставленныхъ на пространствѣ цѣлыхъ двухсотъ сажень, и силится уничтожить даже эти бѣдные просвѣты на повсемѣстно черномъ фонѣ картины. Холодный, сырой вѣтеръ то съ визгомъ бьется у плохихъ оконныхъ рамъ и дверей старыхъ деревянныхъ домиковъ, то, какъ патруль, пробѣгаетъ улицу изъ конца въ конецъ, сбивая съ ногъ весь этотъ оборванный, голодный людъ, противопоставляющій напору лютаго врага только собственное оголенное тѣло. Воздухъ переполненъ людскимъ гомономъ, бранью и проклятіями. Какъ въ чаду въ какомъ-то мелькаютъ тѣни прохожихъ и проѣзжихъ. По временамъ изъ-за сплошнаго гула рельефно вырѣжется молодецкій посвистъ, во всю глубину легкихъ, или ожесточенное ржанье, но потомъ опять начинается прежній ковардакъ, т. е. говоръ и однообразное хлясканье человѣческихъ ногъ по грязно-снѣжнымъ лужамъ. Вотъ завизжалъ блокъ; отворилась кабацкая дверь, на улицу вырвались клубы промозглаго, теплаго воздуха, а вмѣстѣ съ нимъ Грачовка огласилась адскимъ воплемъ: «дернъ съ ее карналинъ!» — и женщина, оборванная, грязная, тяжело рухнула на землю съ криками: «батюшки! рѣжутъ!» Потомъ опять наступило прежнее однообразное хлясканье и прежній глухой говоръ... Приладившись къ стѣнѣ, у фонарного столба, комедіантъ потѣшаетъ публику, заставляя барахтаться въ грязи нѣсколько собаченокъ, разряженныхъ въ мужскіе и дамскіе костюмы. Шарманка, съ аккомпаниментомъ кларнета, неистово отдираетъ какую-то польку, собаки вертятся, падаютъ, поднимаются — толпа хохочетъ. Вдали гдѣ-то раздается разудалая пѣсня и съ каждой секундой все бли-

затся и бдываетъ, такъ что наконецъ можно даже разобрать слова. Занозистый мужской голосъ ловко отвѣльваетъ:

Какъ у насъ да у васъ
Проявился приказъ
Про дешевое вино —
Полтора рубля ведро.
Какъ старикъ-отъ испиль,
Онъ рассудокъ погубилъ—
Свою собственну супругу
Въ щепки — дребезги разбилъ.

— Кар-рауль! держи! лови! перевысилъ пѣснию чей - то вопль.

Пѣшеходы разомъ бросились на крикъ, сбивая съ ногъ другъ друга, и черезъ минуту толпа плотнымъ кольцомъ облегла группу, состоявшую изъ полицейскаго стража и двухъ мужиковъ.

— Что это такое, Господи милосливый? Да это грабежь, — во-какъ! ревъль мужикъ, крѣпко вцѣпившись въ другаго. — Только, братцы мои, отъ возу отшоль, — глядь, армякъ унесъ!

— Идѣ же, православные христіане, я у него унесъ, когда армякъ у его самово въ рукахъ?

— Отнялъ, порази громъ, отнялъ!

— Никогда, православные, я этимъ ремесломъ не занимался, потому какъ я кузнецъ.

— Тебѣ гляди въ зубы-то: ты ловко подкуешь! замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

— Кабы пробрать тебя въ три жилы, не то бы заплѣлъ, отозвался еще голосъ.

— Не обижайте его, господа, потому, значить, въ него пять золотниковъ дворянской крови пущено: онъ благородный, подшутилъ еще кто-то.

— Иди мужикъ съ нимъ въ кварталъ, тамъ разберуть, вступился городской.

Мужикъ и воръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ любопытныхъ, скрылись въ мракъ. Тьма съ каждой минутой сгущалась; фонари еле мерцали; безразличная масса сыпалась сверху въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что, казалось, вотъ-вотъ завалитъ совершенно нашу бѣдную сторонку.

Въ подобный-то отвратительный вечеръ я весело поднимался въ одну изъ впадинцкъ въ Грачевку переулковъ. (Грачевка вѣдь по отношенію къ выходящимъ въ нее переулкамъ тоже, что Волга по отношенію къ своимъ притокамъ: Пильниковъ, Мясной, Колокольниковъ, Соболевъ, Колосовъ и проч. такъ же дружно несутъ свою грязь въ мать-Грачевку, какъ Ока, Сура, Кама, Тверца, Молога и проч. несутъ свои воды въ мать-Волгу). Такъ говорю: «весело поднимался», потому что въ карманѣ моемъ были *цѣлыхъ* шесть рублей серебромъ, изъ коихъ три приходилось отдать за квартиру, а на остальные три можно было безбѣдно прожить недѣлю, если не больше.

Тотчасъ по приходѣ домой я позвалъ хозяйку и вручилъ ей деньги.

— Вотъ такъ-то лучше, замѣтила она:— а то *мой пестъ* (мужъ) говорить: подожди, отдадутъ. Отдадутъ они, если не прижмешь—дожидайся!

— Ну, храни васъ Господь, хозяйка; ступайте съ Богомъ, перебилъ я ораторшу, предчувствуя, что она желаетъ распространиться въ подобномъ родѣ.

— Господь-то сохранить, если деньги будете платить; а вотъ какъ запускать-то на вашемъ братѣ начнешь, тогда никто не помилуетъ. Что тебѣ берлогу-то протопить?

— Да, не мѣшало бы.

— Ужъ и сама вижу, что давно нужно; да вѣдь какъ же съ вашимъ братомъ быть-то, когда денегъ не платите? Васъ вѣдь какъ таракановъ, али этихъ, какъ ихъ?.. клоповъ—только морозомъ и проймешь. Нѣтъ, вонъ Клецовъ живучѣе тебя: девятый день морозомъ душу—не поддается.

Хозяйка вышла. Я постучалъ въ стѣну, къ своему сосѣду, Клецову. Черезъ минуту онъ явился.

— *Mon salut, monsieur*, расшаркиваясь изрекъ сосѣдъ.

— Что, ужъ по французски заговорилъ?

— Да, помилуй, у меня въ комнатѣ совершенно двѣнадцатый годъ: по неволѣ заговорилъ.

— А я сейчасъ хозяйкѣ деньги заплатилъ.

— Какъ?

— Такъ, заплатилъ да и все тутъ. Топить общалась.

— Это не дурно. Значить, я у тебя могу отогрѣваться.

— Совершенно.

— Bravo!

Клещовъ захопалъ въ ладоши и подпрыгнулъ отъ удовольствія.

— Слушай, Клещовъ. Я сейчасъ видѣлъ уличную сцену: мужикъ вора поймалъ...

— Экая невидаль. Ты меня распроси объ ворахъ-то: я это дѣло знаю, какъ свои пять пальцевъ.

— Откуда же взялись подобныя познанія?

— Да какъ же... Я этотъ народъ наблюдалъ нѣсколько мѣсяцевъ; всѣ норы, всѣ притоны знаю.

— Да когда же это наблюдалъ?

— Вотъ, слушай, расскажу дѣло по порядку. Пусти, я прилягу около тебя.

— Года два тому назадъ я находился въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ теперь. Ну-съ, жратвы нѣтъ, отопиться, освѣтиться нечѣмъ, — что тутъ дѣлать? Думалъ, думалъ, наконецъ сообразилъ. Написалъ я какую-то сценку уличную, или рассказецъ небольшой — не помню — да и понесъ къ одному редактору убогаго еженедѣльнаго журнальца, нынѣ же скончавшагося. Статейка понравилась. Черезъ недѣлю другую она была напечатана и я получилъ что-то рублей семь или восемь. Объ редакторѣ этомъ скажу тебѣ, пожалуй, нѣсколько словъ. Это былъ добрѣйшій, но вмѣстѣ безалабернѣйшій и пустѣйшій малый, который валилъ въ свое изданіе все: и лекціи о паровомъ плугѣ, и рассказъ пьяной бабы, и Прудона, и Бастіа, и городскія сплетни, и философскіе взгляды на допеласгійскій періодъ, — словомъ, все, что только попадало подъ руку. Одинъ мой пріятель такимъ образомъ опредѣлялъ степень умственного уровня этого господина. Если, говорить, взять умъ моллюски (допустимъ, говорить, подобное положеніе) и выдѣлать изъ него одну десятиллионную долю (допустимъ и это), то растворивши эту долю въ резервуарѣ Сухаревой башни (положимъ, говорить, что умъ растворяется въ водѣ) и зачерпнувши оттуда раствора соотвѣтственно вѣстимости черепа, — получимъ, говоиттъ, умъ слуги этого редактора; а слуга, какъ дознано, превосходитъ умомъ барина

ровно на двойное разстояніе земли отъ ближайшей изъ неподвижныхъ звѣздъ.

Мы захохотали.

— Только-съ прихожу я однажды къ сему великому мужу, онъ мнѣ дѣлаетъ предложеніе такого рода: не желаю-ли я поѣздить по Москвѣ съ сыщиками и потомъ, буде замѣчу что, изобразить это замѣченное для его журнала. Я, разумѣется, охотно согласился. Черезъ нѣсколько дней я началъ свои наблюденія...

Воровство, скажу тебѣ, развилось въ Москвѣ до громад-ныхъ размѣровъ; здѣшнихъ жуликовъ (воровъ) нужно считать тысячами, если не десятками тысячъ. Кромѣ притоновъ въ самой Москвѣ, городъ кругомъ обложенъ различными норами и трущобами, въ которыхъ гнѣздятся дѣлыя тысячи подобнаго люда.

— Такъ проѣздивъ я съ сыщиками мѣсяца два. Понятно, что при всѣхъ встрѣчахъ съ жуликами, я относился къ нимъ отнюдь не съ точки зрѣнія полиціи: т. е. меня очень мало интересовало, напримѣръ, то, какимъ образомъ дѣйствуютъ карманники, какимъ городушники, какимъ трубочисты, форточники и проч., или какъ напасть на слѣдъ *промылы*, гдѣ и по какимъ признакамъ отыскивать *попаддушниковъ*, *забирозъ* и т. д.; мнѣ просто хотѣлось изучить падшаго человѣка, къ какой бы категоріи низераблей онъ не принадлежалъ, — это все равно. Слова нѣтъ, рассказывая исторію какого нибудь подобнаго господина, я не могъ не распространиться иногда объ его профессіи; но ѣхать исключительно на этомъ я не могъ уже потому, что, что же это за полиція такая литературная! объ ворѣ только и говори, что онъ воръ, тогда какъ воровство тутъ на второмъ планѣ, а главное — человѣку жрать нечего! человѣкъ доведенъ до воровства этими же строгими судьями! человѣку сначала привили всѣ воровскія наклонности, а потомъ судятъ его, плюютъ на него!

— Вотъ-съ, съ подобной-то общечеловѣческой точки зрѣнія и изобразилъ я моему патрону все, что замѣтилъ. Таланта, разумѣется, въ моихъ очеркахъ было очень мало, зато фактовъ тьма, рассказы такіе были, что просто волосы дыбомъ становятся! У меня, впрочемъ, кажется, еще уцѣлѣло

кое-что; я тебѣ какъ нибудь дамъ почитать. Что же ты думаешь, другъ мой сердечный? не понравилось. Миѣ бы, говорить, собственно хотѣлось видѣть это изображеннымъ какъ бы въ разсказахъ сыщиковъ. То есть, ему, видишь ли, хотѣлось, чтобы я, напримѣръ, карманниковъ изобразилъ такъ: «Синъ помощъ человѣчества ходять на промыселъ партіями, не менѣе трехъ человѣкъ, при чемъ избравъ жертву, становятся около нея, но становятся такимъ образомъ, что ближайшіе къ жертвѣ воры, притычками именуемые, представляютъ только ширму, крадущій же часы или что либо подобное, зовомый мастеромъ, дѣйствуетъ уже изъ-за нихъ»; или: «городушничествомъ (кражей панскихъ товаровъ въ городѣ — Кремлѣ) занимаются по преимуществу женщины, кои имѣютъ при себѣ, подъ салопами, нарочито для того устроенные карманы, якобы мѣшки», — и будетъ... А какъ, напримѣръ, карманникъ дошелъ до карманничества, а городушница до городушничества, сколько дней просидѣлъ не жравши первый, прежде чѣмъ рѣшился воровать, и сколько ведеръ слезъ пролила вторая, какъ угорѣлая бросаясь изъ стороны въ сторону, чтобы добыть гдѣ нибудь алтынъ на пищу умирающему ребенку, этимъ, говорить, я не интересуюсь. У меня, говорить, вонъ есть тутъ одинъ поэтъ, на Малой Ордынкѣ живетъ, такъ тотъ, говорить, все это стихами можетъ...

— Ну, да чортъ съ ними и со всѣмъ! закончилъ Клещовъ, глубоко вздыхая.

— Слушай! воскликнулъ онъ.

— Что?

— Есть у тебя деньги?

— Три цѣлковыхъ.

— Ого-го, го-го!

— А что?

— Да вѣдь это, чортъ знаетъ какая масса! — Хочешь, мы сейчасъ пойдемъ съ тобою и я тебѣ покажу знаменитѣйшій притонъ, здѣсь же, на Грачовкѣ.

— Хочу. Пойдемъ.

— Только, видишь ли въ чемъ дѣло: у меня нѣтъ верхней одежды, потому что пальто свое я заложилъ за рубль (оно и всего то два съ полтиной стоитъ). Такъ пожертвуй ты миѣ

этотъ рубль; до лавочки, гдѣ оно заложено, мы добѣжимъ какъ выбудь, а тамъ — дѣло въ шляпѣ.

— Изволь, изволь.

— Ловко! Постой, я сбѣгаю за фуражкой.

Черезъ минуту, двое завернувшись въ одно пальто, мы весело сбѣгали подъ лору, къ Грачовкѣ. Непогодная темь царилла по прежнему; съ неба по прежнему сыпался снѣгъ; по прежнему въ воздухѣ глухо отдавался людской говоръ и стукъ полозьевъ по глубокимъ ухабамъ.

Выбравшись на Грачовку, мы тотчасъ же вошли въ мелочную лавку.

— Дома Назаръ Назарычъ? спросилъ Клещовъ у мальчика.

— Сейчасъ будутъ.

Вошелъ хозяинъ.

— Здравствуйте, Назаръ Назарычъ, обратился къ нему Клещовъ.

— Что угодно батюшка?

— Да вотъ пальто хочу выкупить.

— Можно съ.

Назаръ Назарычъ досталъ книгу, въ которую вписывалъ закладываемыя вещи.

— Котораго числа изволимъ заложить?

— Да недѣля двѣ тому назадъ.

— А фамилия съ?

— Клещовъ.

Ростовщикъ началъ рыться въ книгѣ. Въ это время дверь широко распахнулась и въ лавку ворвался буквально полунагой старикъ, безъ шапки, въ рваномъ лѣтнемъ халатишкѣ.

— На, возьми твои сапоги! Давай мои пропойныя деньги! крикнулъ онъ, бросая на прилавокъ нѣчто похожее на сапоги.

Хозяинъ отвелъ глаза отъ книги и молча взглянулъ на старика.

— Назаръ Назарычъ! воскликнулъ старикъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ прибавить:— меня присудили къ смертной казни, такъ позволь мнѣ въ послѣдній разъ повидаться съ женою и обнять сиротъ-малютокъ.

— Ступай вонъ! было отвѣтомъ.

-- Назаръ! не ради нашей прежней дружбы, а ради горя моего похвѣльнаго, уважь, дай гривенничекъ! Вотъ и закладъ.

— Ступай, ступай, говорю тебѣ.

— Будь ты мнѣ замѣсто отца роднаго—выручи ты меня! упрасивалъ старикъ: то есть вотъ какъ выпить хочется.

— Слышишь, Митрій, сурово вымолвилъ хозяинъ: — говорю тебѣ, ступай вонъ!

— Эхе-хе, хе-хе! Значить отъ тебя ничего не будетъ проку?

— Ничего, ничего. Ступай!

— Это, значить, я у желѣзной коровы мѣднаго молока хотѣлъ подоить.

— Ступай, ступай, не разговаривай!

Старикъ вышелъ.

— Вотъ пьяница-то, старый чортъ! Извините, обратился хозяинъ къ Клецову:—забылъ фамилію; сбилъ меня съ толку зотъ скотъ.

Клецовъ назвалъ себя. Хозяинъ принялся рыться въ книгѣ.

Дверь тихонько отворилась, и въ лавочку скромно вошла пожилая женщина въ ветхомъ салопѣ, съ какой-то грязной тряпицей на головѣ; вслѣдъ за нею ступила было черезъ порогъ молодая, красивая дѣвушка, но, увидѣвши насъ, тотчасъ попятилась назадъ и проговоривъ, «поскорѣ маменька», скрылась за дверью. Вошедшая женщина молча, какъ давно знакомая, поклонилась ростовщику, тотъ, тоже молча, отвѣчалъ на поклонъ легкимъ кивкомъ и продолжалъ рыться въ книгѣ. Желтое, болѣзненное, печальное лицо новой посѣтительницы разомъ будило въ памяти цѣлый рой самыхъ скорбныхъ исторій,—исторій, какія случаются у насъ, на Грачовкѣ, десятками въ каждый божій день.

Вотъ ваша мученическая жизнь, бѣдная женщина. Если я погрѣшу нѣсколько въ подробностяхъ, за то въ общемъ, увѣрю васъ, она непременно такова.

Жили вы прежде гдѣнибудь въ провинціи, въ какомъ нибудь Веневѣ или Одоевѣ, и жили спокойно, счастливо. Мужъ вашъ служилъ засѣдателемъ въ земскомъ судѣ, или виннымъ приставомъ; была у васъ и квартирка чистенькая, и хозяйство порядочное, и одежда тепленькая, словомъ, нужды вы не видѣли ни въ чемъ. Одно, правда, печалило иногда ваши

добрыя, честныя сердца, это то, что Лизѣ своей, которая воспитывалась гдѣ-то въ институтѣ, вы не успѣли скопить деньжонокъ на приданое; а она, голубушка, вотъ-вотъ окончитъ курсъ—нужно за мужъ выдавать. Ну, ничего, Маша, говорить бывало Гордѣй Яковличъ, Богъ дастъ устроимъ и Лизу какънибудь—все въ его рукахъ. И вотъ вамъ, успокоеннымъ этой надеждой, вѣрится даже въ счастье Лизы: видите вы ее рука объ руку съ такимъ человѣкомъ, какого не только въ вашемъ Вѣневѣ или Одоевѣ, но даже во всей Россіи не сыскать. Такъ живете вы изо дня въ день любовью и безбѣдно; наконецъ, оба вы ждете величайшаго счастья: не нынче, завтра явится передъ вами Лиза — Лиза, о которой вы столько толковали, которую любите больше всего на свѣтѣ, которая одна совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ваши радости!.. И вдругъ—горе! да какое же лютое... ни съ того, ни съ сего умеръ Гордѣй Яковличъ! Бѣдная женщина, несчастная мать! Вы плакали, плакали, безъ конца, безъ мѣры! вы сразу постарѣли на цѣлыя двадцать лѣтъ, сразу побѣлѣла ваша горькая головушка! Въ первое время вы забыли даже о дорогой вашему сердцу Лизѣ. Скорби вашей казалось нѣтъ конца. Но вотъ Богъ послалъ вамъ нѣкоторое утѣшеніе — пріѣхала дочь. Долго, долго вы оплакивали, уже вдвоемъ, потерю мужа и отца. Наконецъ, нужно же было на чтонибудь рѣшиться, потому что подлая нужда вотъ-вотъ готова была навѣстить васъ. Вы продали всѣ свои пожитки, сжались до невозможности, кроили и шили, чуть не на весь городъ, — ничто не помогаетъ: нужда все стоитъ передъ глазами. Прикидывали вы и такъ, прикидывали и этакъ—нѣтъ выхода. И рѣшились вы, злополучная мать, на послѣднее средство: пошли просить совѣта у извѣстнаго не только въ городѣ, но даже въ уѣздѣ мудреца—Акима Ивановича. Мудрецъ сразу все объяснилъ. Раскинулъ умомъ Акимъ Ивановичъ, да и говоритъ: «и-и, матушка, Марья Степановна, вамъ ли горевать: ваше горя-полгоря, потому у васъ капиталы въ рукахъ». — Какъ? гдѣ? спрашивали вы. — «А дочь-то. Да если вы бросите нашъ городишко, да переберетесь въ Москву, вы тамъ такія мѣста пріищите и себѣ, и ей, что только знай гребни деньги лопатами. Вы поступите куданибудь въ экономки, она въ гувернант-

ки, и дѣло пойдетъ наилучшимъ манеромъ». Тутъ старый дуракъ нагородилъ вамъ такой чепухи, которая сразу показала бы брехомъ каждому, кто бывалъ не много подальше Венева или Одоева; но вы, неопытная женщина, что вы видѣли? что вы знали? Вы сразу обольстились враньемъ Акима Иваныча, тотчасъ же за безцѣнокъ распродали свою движимость и съ полсотней рублей ускакали въ Москву. Три мѣсяца вотъ ужъ живете вы здѣсь, три мѣсяца бѣгаете, ищите, зовете кого-то на помощь, — но не протягивается вамъ эта щедрая рука; только бѣдность все плотнѣе, да плотнѣе облегаетъ васъ со всѣхъ сторонъ: стоглавой гидрой впиалась она въ васъ и сосетъ и вашу душу, и ваше тѣло! Она окружила васъ всѣми своими заботами, всѣмъ своимъ вниманіемъ и какъ бы лѣзетъ васъ, убивая, и горько плачетъ вмѣстѣ съ вами, терзая васъ! Уста ваши, произносившія прежде только молитвы да благословенія, вдругъ искривились и ежеминутно шепчутъ страшныя циничныя проклятія и этой жизни, и этимъ людямъ! А нынѣшній-то день... О, будь онъ проклятъ! Онъ сразу показалъ вамъ, на какой межѣ вы стоите и куда завела васъ подлая нужда. — Поутру побѣжали вы, добрая, несчастная мать, куда-то по дѣламъ; Лиза ваша оставалась дома одна и занималась какой-то работой. Только работаетъ себѣ Лиза, ни о чемъ, кромѣ своей горькой доли, не помышляя, отворяется дверь и какая-то наглая рожа говорить: «здравствуйте, барышня». Лиза опустила головку надъ работой и молчать. Рожа произноситъ: «какіе вы хорошенькія, барышня!» — Ступай, ради Бога, оставьте меня въ покоѣ, произноситъ Лиза сурово. «Позвольте, барышня, съ вами познакомиться», назойливо пристаётъ рожа. — Вонъ! крикнула Лиза, и крикнула такъ вразумительно, что рожа поспѣшила убраться. Лиза закрыла лицо руками и долго, долго просидѣла въ такомъ положеніи, потому что прилившая къ головѣ кровь ослѣпила и оглушила ее. Черезъ нѣсколько времени входитъ квартирная хозяйка. «Видѣли?» — Ради Бога, оставьте меня! упрасиваетъ Лиза. «Вѣдь богатый-то какой, и не дурень», холодно—подло произноситъ хозяйка. — Прошу васъ, не говорите мнѣ этого. «Да что вамъ, барышня, не полюбить его? Лучше что ли такъ-то перебиваться? Съ него, по крайней мѣрѣ, большую

деньгу можно зашибить. А если маменька не согласится, такъ и безъ нея можно дѣло обработать. Право!» Лиза взвизгнула, схватила ножъ, случайно попавшійся подъ руку, и бросилась на хозяйку. Та съ воплемъ выскочила на дворъ и начала орать: «караулъ! рѣжутъ!» Словомъ, скандалъ вышелъ ужаснѣйшій. Когда вы, бѣдная мать, воротились домой, вы не узнали вашей Лизы: какъ сумасшедшая, она то висла на вашихъ плечахъ, то отпатывалась отъ васъ и, закрывъ лицо руками, плакала о чемъ-то такъ горько, горько. Наконецъ, дѣло разъяснилось. Тутъ-то зарыдали вы горькiя! Такъ зарыдали, что содрогнулась даже сама хозяйка, неподатливая на слезы! И вотъ наплакавшись вдосталь, положили вы перебраться съ этой гнустной квартиры, думая, что въ другомъ мѣстѣ уже не коснется людская подлость вашихъ честныхъ нравственныхъ душъ. — Такъ-ли полно?... Нѣтъ, бѣдные люди, если вы не умрете во время, вы не уйдете отъ нея. Вотъ я ужъ и теперь вижу, какъ выстроились въ шеренгу за вашими спинами всѣ эти Базики, Мурихи, Волчихи, Ржавчихи, Кондрихи и инныя квартирныя хозяйки; зловѣщее что-то я вижу въ дявольскихъ ихъ рыльцахъ!...

Между тѣмъ, ростовщикъ отыскалъ въ книгѣ вещь Клещова. Мы заплатили деньги и вышли изъ лавочки. На крыльцѣ стояла дѣвушка и, увидѣвъ насъ, поплотнѣе закутала свое лицо въ головной платокъ.

Чистое, святое существо! дай Богъ вамъ въ послѣднiй разъ видѣть эту адскую, преступную грачовскую ночь!

I.

Адъ и тишина.

Адомъ москвичъ окрестилъ довольно мѣтко громадное подземелье, съ двумя жерлами или выходами, изъ которыхъ одинъ ведетъ на Грачовку, а другой на пустынный Цвѣтной бульваръ. Кличка дѣйствительно очень характеристичная, потому что даже между такими знаменитыми прiютами падшаго че-

дѣвка, каковы различныя русскіе туры, золотыя лавы, волчьи дамы, арбузовскія крепости и проч. нѣтъ ничего подобнаго грачовскому Аду. Но гнусности, разврату и грязи онъ превосходитъ даже *Ташиму*, о которой будетъ говорить ниже. Все, что только есть въ мірѣ циничнаго, преступнаго, глубоко оскорбляющаго человѣческое достоинство, что унижаетъ людей до скотовъ и гаситъ въ нихъ даже эти послѣднія, микроскопическія искры чести и совѣсти, — все соединилось въ этой вонючей помойной ямѣ на погибель слабаго человѣка.

Но будемъ разсказывать дѣло по порядку.

Когда мы остановились у жерла *Ада*, ведущаго на Грачовку, изъ подземелья выползали съ крупнымъ говоромъ различныя полупшубки, чуйки и проч. Въ открытую дверь клубами выкатывалъ гнилой, горячій воздухъ. Въ глубинѣ гдѣ-то слышался шумъ сотенъ голосовъ, покрываемый по временамъ то воплемъ кларнета, то завязгомъ высокихъ скрипичныхъ нотъ.

— Пойдемъ, дернулъ меня за рукавъ Клещовъ.

По узкой, крутой лѣстницѣ мы спустились въ подвалъ, длиною сажень въ пятнадцать-двадцать. Налѣво, у входа, помѣщалось что-то въ родѣ буфета; по стѣнамъ были разставлены столы съ стульями вокругъ; такіе же столы тянулись по среднѣй комнатѣ, во всю ея длину, раздѣляя подвалъ на двѣ половины. Въ половинѣ, ближайшей къ входу, громоздилась русская печь и при ней плита; слѣдовательно, въ смыслѣ экономіи-вертепъ этотъ былъ устроенъ наилучшимъ образомъ: и приемныя комнаты, и кухня вмѣстѣ. Микроскопическія окна какъ то слезливо посматривали сверху, изъ-подъ сводовъ, покрытыхъ какою то опухшею отъ сырости штукатуркою. Полъ былъ усыпанъ пескомъ; но такъ какъ благодати было на улицѣ вдосталь и такъ какъ каждый приходящій приносилъ этой благодати на свои ноги по силѣ возможности, то въ подземельѣ образовалась грязь, которую немилосердно мѣсили сотни ногъ. Чадъ и дымъ, въ соединеніи съ различными бабками, махорками и тютюнами, рѣзкій спиртный запахъ и наконецъ—самая обыкновенная вещь—запахъ сотенъ живыхъ существъ,—все это, смѣшавшись, образовало какую то ядовитую кислотну, такъ, что уже одна атмосфера неминуемо

повергала каждого въ одуренное, патологическое состояніе. Нѣсколько газовыхъ рожковъ чуть брежжили въ туманѣ, наполнявшемъ Адъ. Десятка три-четыре голосовъ, съ аккомпаниментомъ скрипки и кларнета, неспово отхватывали какую то русскую пѣсню, то высоко забирая во всю силу молодецкаго горла, то падая до самыхъ низкихъ нотъ, такъ что по подземелью въ это время распространялся сплошной гулъ, изъ котораго робко, ползкомъ, ползкомъ карабкался фальцетъ запѣвалы;— вотъ онъ блеснулъ, какъ звѣздочка, и покатылся, подавленный массою хора. Дрогнули стекла отъ дружнаго рева, усиленіе замелькалъ гасъ, подвалъ наполнился до верху звуками,— а фальцетъ опять фигурно выбираетъ —

Па-лы-ла ле-э-бидь,

Па-лы-ла ле-э-бидь...

Протолкавшись между различными оборванцами, мы, наконецъ, попалп, какъ говорится, *въ самую центру* и присѣли у стола. Пѣсенники и музыканты, толпившіеся по срединѣ комнаты, были отъ насъ въ двухъ шагахъ; часть публики тѣснилась около этихъ виновниковъ общаго веселья, другая или сидѣла за столами, распивая чай, пива, водки и т. п., или безцѣльно бродила по длинѣ подземелья.

Мы спросили чаю, и покуда ловкій ярославецъ-половой, съ сочнымъ фонаремъ подъ глазомъ, накрывалъ столъ грязной салфеткой—принялись разсматривать посѣтителей *Ада*.

Лица и костюмы были самые разнообразныя. Изъ-за пьяныхъ, грязныхъ, искалѣченныхъ мужскихъ физиономій иногда выглядывало миловидное личико дѣвушки; русая, кудрявая типичная голова молодого парня красовалась между старыми, изборожденными морщинами лицами женщинъ, извѣстныхъ на Грачовкѣ подъ именемъ *тетокъ*. Полудѣтская физиономія, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, алыми губами и свѣтлыми голубыми глазами, стояла рядомъ съ другой физиономіей: — на лбу глубокій шрамъ, волоса и сѣдая борода включены, губы какія то черно-синія, и ко всему этому такіе глаза, какіе рѣдко можно встрѣтить: кажется, одного взгляда этого господина довольно, чтобы опредѣлить его профессію...

Костюмы разнообразны не менѣе лицъ.

Полшубки, тулупы, поддевки, сюртуки и мужскія платья

неизвѣстнаго покроя иѣшались съ *карналинами*, платьями, бурнусами, салопами и прочей женской утварью. Тутъ изъ толпы вырѣзывался русакъ въ яркой пунцовой рубашкѣ, въ плісовыхъ шароварахъ и сапогахъ съ высокими голенищами; тамъ видѣлся какой нибудь, выскочившій изъ колена, портныхъ дѣлъ мастеръ, Миронъ Прохоровъ: халатишко-то, признаться, есть на Миронѣ Прохоровѣ—да больше то ничего.

— Ужъ извините, православные! бормочетъ Прохоровъ: всей моей одежи одинъ этотъ халатъ остался, потому давеча сапоги и шапку пропилъ,—и Миронъ откровенно кажетъ всему *Аду* свою наготу.

Вотъ, какъ разъ противъ нашего стола, сидятъ нѣсколько женщинъ. Одна изъ нихъ перевѣсила черезъ плечо грязную тряпку и увѣряетъ подругъ, что теперь она цыганка, другая, покачиваясь изъ стороны въ сторону, толкуетъ о своей любви къ какому то Андрюшкѣ, съ которымъ не видѣлась уже три дня.

— Какъ пропили мы съ нимъ, съ подлцомъ, мою сбрую, съ тѣхъ поръ не вижу. Три дня вотъ хожу въ одной блузѣ, а онъ, мерзавецъ, не пожалѣетъ, не спроситъ: какъ, молъ, это ты, Анюта, раздѣвкой по морозу бѣгаешь?

Ярославецъ подалъ чай.

— Гдѣ же тутъ жулики? спросилъ я Клещова.

— Да всѣ жулики.

— Какъ всѣ?

— Да такъ. Каждый изъ нихъ обокрадетъ тебя, если рожнешь ротъ.

— А эти женщины?

Я указалъ напротивъ.

— И женщины тоже.

Въ подземельи между тѣмъ появилась новая личность, рельефно выдававшаяся изъ всей массы народу. Ростомъ онъ былъ выше толпы на цѣлую голову; ширина плечъ и толщина шеи прямо говорили за необыкновенную физическую силу; въ рукахъ этотъ гигантъ держалъ огромную дубину. Онъ пришелъ именно въ то время, когда *Адъ*, окончивши пѣсни, готовился перейти къ пляскѣ. Но такъ какъ охотниковъ плясать было слишкомъ много, то произошелъ споръ между плясунами. Го-

лоса спорившихъ шли все выше и выше; дѣло готово было окончиться потасовкой. Кое кто началъ уже засучивать рукава. Послышались вызовы, въ родѣ: «ну, тронь, тронь! по-пробуй!»

— Смир-риа! ревнулъ гигантъ, и такъ ревнулъ, что задребезжали стекла. Могучій зыкъ, подхваченный сводами, какъ бы покатылся въ глубину *Ада*.

— Дѣшій, право дѣшій! забормотали сидѣвшія противъ насъ женщины. Испугалъ даже, окаянный!

— Что это за штукарь? спросилъ я у Клецова.

— А это, такъ сказать, здѣшній церберъ.

— Да ему то что за дѣло?

— Какъ: что за дѣло? онъ наблюдаетъ порядокъ. Видишь у него дубину: такъ и лупить ей, если понадобится.

— Кости въ мѣшокъ соберу! крикнулъ геркулесъ, поднимая дубину надъ головою.

Наступила тишина. Черезъ минуту плясуны поладили между собою и прежній фальцетъ занялъ —

А-ахъ, вы съ-э-ни ммаи, съ-эни
Съ-эни нновыи ммаи..

— Э-эхъ! вынесли сто грудей —

Съени новыи, мленовыи,
Ръшетчатыи! и т. д.

Женщина, подобравъ платье, насколько только возможно, и какой то грязный джентльменъ отхватывали трепака. Всѣ сбились въ кучу около нихъ. Нѣкоторые взлезли на столы и стулья. Оглушительный ревъ потрясалъ мрачные своды *Ада*. Плясуны удивляли своимъ искусствомъ: они отламывали такія колѣнья, что привели даже въ восторгъ гиганта.

— Ловко! ловко! дуй васъ горой! выстрѣлилъ геркулесъ, платоюдно ворочая челюстями.

— Мишакъ, поминишь Гринку Грача? спросилъ сомнительный паренекъ, стоявшій впереди насъ, у своего сосѣда, тоже сомнительнаго.

— Ну!

— Какіе же это плясуны! Развѣ Грачъ этакъ плясалъ?

— Да, показавъ бы онъ имъ... кузькину мать!

— Теперь, чай, на каторгѣ не до пляски?

— Что ты орешь-то, кобылья голова!

«Сѣни» кончились; плясуны сошли со сцены; ожесточенныя рукоплесканія и крики bravo! долго еще раздавались въ подземельи. Публика неистовствовала до того, что не внимала даже крикамъ гиганта. Двое парней стали на четвереньки на столахъ и орали во всю пасть, какъ одурѣлые. Какой то пьяный мужиченко снялъ съ себя сапоги и бросилъ ихъ въ толпу, увѣряя, что теперь онъ долженъ ходить босикомъ, потому что подьяги ноги плясать не умѣютъ.

Гвалтъ мало по малу стихаетъ. Плясуны и пѣвцы ведутъ рѣчь о томъ, какую бы плясовую пѣсню почудеснѣе сыграть.

— Я много городовъ на своемъ вѣку видывалъ, рассказываетъ кто то.

— Въ Сибири те долго жили?

— Два года.

— Въ ссылкѣ, или такъ?

— Нѣтъ, мой тятенька тамъ пріиски имѣлъ: руду золотую копали.

— Вотъ какъ-съ?

— Да-а, протягиваетъ сынъ золотопромышленника. Кабы не этакія дѣла, что тятенька капиталъ свой потерялъ—развѣ мнѣ бы сидѣть тутъ съ вами.

— Это точно.

— Я вонъ нынче на пять копѣекъ обѣдалъ. Да и то, слава тебѣ Господи, что хоть это-то есть; а иной разъ походишь, походишь да и заляжешь голодный гдѣ нибудь на бульварѣ подъ лавкой. Вотъ-съ наша жизнь! А вѣдь тоже учили; по первоначалу то ставили на такую ногу, якобы вѣкъ миллионеромъ жить.

— Истинно, истинно.

Громогласное «жги-говори» заглушило голоса разговаривающихъ. Начались прежнія бѣснованья.

— Ну что же, Клещовъ? домой что ли пойдемъ?

— Погоди не много. Мнѣ хочется увидѣть тутъ одного господина, нѣкоего купеческаго сына Крылова.

— Кто это такой?

— Да тутъ часто бываетъ.

— Жуликъ?

— То есть, какъ тебѣ сказать... Онъ, видишь ли, самъ не воруетъ, но имѣеть удивительную способность примазываться къ тѣмъ изъ жуликовъ, у которыхъ замѣтитъ деньги: онъ кутитъ на ихъ счетъ, подбучиваетъ ихъ, словомъ, только конецъ съ началомъ сопрягаетъ, а середина, т. е. самая то суть, всегда лежитъ на другихъ. Я знаю его еще съ тѣхъ поръ, какъ ѣздилъ съ сыщиками; но и теперь, почему то, онъ чувствуетъ ко мнѣ пріязнь и постоянно раскланивается, когда встрѣчаемся. Но главное то дѣло въ томъ, что этотъ Крыловъ хотѣлъ разсказать мнѣ свою жизнь; слѣдовательно, если бы онъ теперь попался намъ, мы бы пошли въ *Тюшину*, посмотрѣли бы этотъ вертепъ, и въ тоже время заставили его разсказать намъ о себѣ.

— Что же, хорошо.

— Такъ вотъ посидимъ четверть часа, подождемъ.

Но мы просидѣли не четверть часа, а больше получаса, и Крыловъ все-таки не являлся. Отуманенные удушающимъ воздухомъ и оглушенные безобразными криками, наконецъ мы рѣшились покинуть это отвратительное жилище разврата, и направились къ другому жерлу *Ада*, выводящему на Цвѣтной бульваръ. Изъ подземелья мы попали въ длинный, полутемный корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго, въ крохотныхъ клѣтушкахъ, гудѣли мужскіе и женскіе голоса.

— Тутъ что? спросилъ я Клещова, указывая то на право, то на лѣво.

— Это *адскія кузницы*, какъ выражаются жулики, замѣтилъ онъ.

Наконецъ выбрались на Цвѣтной.

— Николай Иваныч! окрикнулъ кто-то Клещова.

— А! Крыловъ!

— Такъ точно-съ. Что же мало посидѣли въ нашемъ клубѣ.

— Да надоѣло. Теперь хотимъ пробраться въ *Тюшину*. Пойдемте съ нами — водки поставимъ.

— Раненько бы мнѣ туда забираться, Николай Иванычъ. Ну, да такъ и быть, пойдете. Благо на рюмку наткнулся — поотогрѣю плоть свою, а то страсть какъ промерзла! Зябка

нынче что то стала, Николай Ивановичъ, плоть то, не выдерживаетъ.

Двинулись.

Небо начало будто проясняться. Полная луна по временамъ выплывала на чистую лужайку между разорвавшимися облаками. Пустынные городскія улицы звонко разглашали не только визгъ и скрипъ полозьевъ, но даже скромные человѣческіе шаги.

— Гдѣ я видѣлъ прежде этотъ Адъ? или: что я слышалъ подобное? придумывалъ я, поспѣвая за своими спутниками.

И вспомнились мнѣ далекіе, далекіе дни моего паршивенькаго дѣтства. Сидимъ, будто, мы вокругъ няни; няня шевелитъ аршинными спицами, выдѣлывая изъ какихъ-то шерстяныхъ веревокъ подобіе чулка.

— Только шоль онъ шоль, шоль онъ шоль, бурлитъ няня, вдругъ — бух! провалился! и провалился онъ, дѣтушки мои, въ тартарары, въ трисподнія дыры! Какъ очухался—батюшки мои! — кругомъ то все змѣи, все ехидны да разныя гадины! и лижутъ они, дѣтушки, солонъ камень! Господи! говорить: понадѣялся я на себя, возмечталъ, возгордился — вотъ ты и наказалъ меня.

Мы пробрались какими то пустынными переулками. Вдали гдѣ то гудѣлъ колоколь, призывая къ молитвѣ. Длинный обозъ тянулся впереди насъ. Два господина на рысяхъ пробѣжали мимо.

— Поѣздушнички побѣжали, замѣтилъ Крыловъ.

— Что это за поѣздушнички? спросилъ я.

— А вотъ, что съ воевъ воруютъ Ихъ въ городѣ мало, потому что главная работа не здѣсь, а около заставъ, у придорожныхъ кабаковъ или вотъ этакое что нибудь.

— Крыловъ! а сколько въ Москвѣ мошенниковъ? спросилъ Клещовъ.

— Да какъ вамъ сказать, Николай Ивановичъ: со мной тысячь двадцать будетъ.

— Нѣтъ, не шутя.

— Да вѣдь Богъ ихъ знаетъ, Николай Ивановичъ. Тутъ, свѣтъ, однимъ нищихъ тысячь шестьдесятъ, стало бытъ, сколько же должно быть жуликовъ, когда отъ милостыни до воровства одинъ шагъ: подаютъ — честный человѣкъ, не подали — воръ, потому что брюхо оно вѣдь не спрашиваетъ, какъ добудешь — только подвальной!

— Что же вы намъ расскажете свою жизнь?

— Не знаю какъ, Николай Ивановичъ. — Я, видите-ли, обратился ко мнѣ Крыловъ, общалъ Николай Ивановичу рассказать свою жизнь: напоите только, молъ, водкой — все разболтаю.

— Да какъ же. Теперь ужъ вы должны рассказать, перебивъ Клещовъ.

— А вотъ посмотримъ.

Пришли, наконецъ, и въ *Тимину*. Наружность дома была довольно прилична. Трактиръ этотъ занималъ два этажа: внизу черное отдѣленіе, вверху чистое. Мы зашли сначала внизъ. Десятки русскихъ извозничьихъ головъ дремали у столовъ. Воздухъ отличался конюшенными качествами. Въ первой же комнатѣ мы наткнулись на сцену: нѣсколько человѣкъ барахтались въ углу, стараясь осилить оборванную, безобразную женщину. Женщина вопила, кусалась, плевала — все напрасно: молодцы схватили ее за руки и за ноги, и вынесли на улицу, гдѣ и бросили въ сугробъ снѣгу. Общій хохотъ одобрительно привѣтствовалъ эту дикую выходку дикихъ людей.

— За что это они ее выбросили на улицу? спросилъ я Крылова.

— Да такъ, побаловаться захотѣли. Вѣдь русскій мужикъ чудень, Богъ съ нимъ: сидитъ, сидитъ да и надумаетъ.

Мы отправились въ чистую половину.

Половина эта дѣйствительно была чище первой, если понимать чистоту сообразно понятіямъ русскаго, да еще московскаго купца. На окнахъ висѣли нѣкогда бѣлыя занавѣски, мебель была когда-то покрыта шерстяною матеріей; въ одной комнатѣ даже стоялъ органъ (*машина* у москвичей) — роскошь недоступная для *Ада*. Но публика та же, какъ и въ *Аду*, съ той только разницею, что тамъ она бодрствуетъ, кричитъ, ломается, здѣсь или дремлетъ, или окончательно спитъ.

Они за столъ и спросили водки.

— Что, много знакомыхъ? обратился Клещовъ съ вопросомъ къ Крылову.

— Да все знакомы.

— Это что за личность, что вонъ дремлетъ въ углу?

— Ахъ, это уморительная вещь! Это купецъ Стругаловъ. Онъ, видите-ли, поссорился за что-то съ женою, ушелъ отъ нея да на зло и живетъ здѣсь другую недѣлю. Вчера вы посмотрѣли-бы, что тутъ было. Пришло выручать его народищу человекъ пятнадцать: жена реветъ, родственники упраниваютъ, денегъ ему рублей триста давали, только бы шло отсюда — ни за что. Такъ уперся, уперся, и ни съ мѣста. А вѣд сидитъ безъ гроша и съ себя-то все пропилъ.

— Ну-ка, Крыловъ, выпивайте.

— За ваше здоровье.

— Что-же жизнь-то свою — расскажите.

— Позвольте, заряду еще одну и тогда начну полеговку. Все нужно дѣлать полеговку — даже выпивать, потому что *тот boire est malain*, говорятъ французы.

— Жизнь моя, Николай Ивановичъ, странная жизнь! Родился я, кажется, какъ и все рождаются, отъ отца и матери, фамилію которыхъ ношу до сихъ поръ, да доля моя не такая вышла, какъ у другихъ. Родился я въ Москвѣ, на Пятницкой, въ собственномъ домѣ отца, который теперь находится въ рукахъ сестры, тресни она на пять тысячъ кусковъ! Кромѣ меня, да вотъ этой пузатой сестры, у отца была еще дочь (окобѣла ужъ: не хуже покойница живой была). Жили мы роскошно, т. е. по понятіямъ русскаго купца. Сестры мои были гораздо старше меня и все сидѣли разряженныя у окошечка да вглядывали на улицу: мухи эти, бывало, ихъ завластятъ даже — все сидятъ. Первыми воспитателями моими были нянька да отцовскіе прикащики (молодцы). Граметѣ учился я у какого-то замоскворѣцкаго урода и учился девольво ужъ поздно — лѣтъ десяти должно. Однако, хоть и поздно началъ ученье, а нижнее дѣло скоро понялъ, потому что отъ природы былъ мальчишка шустрый. Вотъ-съ, послѣ всего этого ученья, когда то есть я научился читать и писать да маленько арифметику понялъ, приѣзжаетъ изъ Сибири давнишній

приятель отца: воровали они тамъ что-то вмѣстѣ. Глянулъ этотъ купчина на меня да и спрашиваетъ у отца: что ты изъ него хочешь сдѣлать? — Въ лавку, говорить, посажу, втрогъ обучается торговлѣ по маленьку. — Не нужно, говорить приятель, этого: пушай его, говорить, по ученой! Отдали меня въ коммерческое училище, потомъ въ академію загнавъ, — вездѣ я молъ ничего, порядочно. Лѣтъ двадцати прошелъ всю науку. Гони его за границу! совѣтуетъ отцу приятель: нонѣ, говорить, такая мода пошла. Погнали за границу. Прожилъ я въ Парижѣ мѣсяцевъ десять, такъ болтался, шаболды билъ. Мальчишка я былъ молодой, силища этой во мнѣ тьма, ничего-то я всласть не попробовалъ, живучи въ Москвѣ, — вотъ на чужбинѣ-то и развернулся! Такихъ чудесъ насадилъ, — страсть! Въ первое-то время только и зналъ, что шлялся по этимъ разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Одначе ума во мнѣ и тогда стало быть не мало было: мѣсяца черезъ три, четыре остепеняться началъ. Сошелся я въ это время вилотвую съ одной модисточкой: такая, Николай Ивановичъ, была модисточка, что дай Господи всякому хорошему человѣку подобную жену имѣть. Любовнио прожили мы съ ней мѣсяцевъ пять. Характеръ-то, Николай Ивановичъ, ужъ очень хорошъ былъ у ней. Французскаго этого ничего: ни она тебѣ слово какое фальшивое скажетъ, ни обманетъ тебя въ чемъ нибудь, — аγγελъ была, а не женщина!

— Позвольте выпить, Николай Ивановичъ.

— Сдѣлайте милость.

— Только, Николай Ивановичъ, получаю я однажды письмо изъ дому, и приляпана къ этому письму печать чорная съ тарелку величиной. Что такое? думаю. Распечатываю. Письмо отъ матери, и увѣдомляетъ она меня въ немъ, что умеръ отецъ и что дѣла наши въ разстройствѣ: пріѣзжай! Какъ тутъ быть? Куда дѣвать свою Вильгельмину? Бросить—ни за что, потому она мнѣ дороже жены; съ собой везти — проклянуть, если узнають. Нечего дѣлать, повезъ: кляните, думаю, чортъ съ вами! Пріѣзжаемъ. Устроилъ я ее на квартиркѣ и бѣгаю къ ней, крадучись. Всѣ капиталы по завѣщанію родителя, скажу вамъ Николай Ивановичъ, перешли къ матери, стало властвна она распорядиться ими, какъ ей угодно. Вотъ-съ, управляю

я дѣлами, отличало. Всѣ купцы просто дивуются на меня. Хорошо. Только, Николай Ивановичъ, слышу-послышу начинаютъ про меня силетни воротить, стараются довести до матери, что такъ и такъ — съ французенкой сѣпился. Ничего, думаю. Однако вижу мать покашивается, а сестры (въ ту пору обѣ ужъ вышли замужъ), такъ тѣ просто въ глаза говорятъ, что я ихъ срамлю передъ добрыми людьми. — Подите вы къ чертямъ, дурищи! говорю про себя: васъ ли можно осрамить? Да такого сраму-то, я думаю, и на свѣтѣ нѣтъ! Въ одно прекрасное утро призываетъ меня мать къ себѣ да и говорить: — Что это, Миколай, про тебя болтаютъ, будто ты съ какой-то нѣмкой тамъ сваялся? — Правду болтаютъ, говорю. — Да ты что это выдумалъ! крикнула мать. — Ничего не выдумалъ, а просто полюбилась мнѣ женщина, я и живу съ ней. — И начала она меня костить, и начала костить; да еще если бы меня одного —ничего: стерпѣлъ бы, а то и ее-то ви за что, ни про что похабить. Такъ она меня этимъ безобразіемъ оскорбила, Николай Ивановичъ, что взялъ я да и бухвуть ей прямо все, обѣ чемъ только самъ съ собой да и то съ осторожностью размышлялъ. — Если, говорю, вы такъ со мной поступать стали, такъ я скажу вамъ одно: я женюсь на этой дѣвушкѣ. Мать взвизгнула и бросилась на меня съ кулаками. Ну, я, значить, кулаки-то отвелъ легонько да и пошелъ прямо къ Вильгельминѣ. По вечеру туда ко мнѣ прибѣжалъ паренекъ отъ насъ и сообщилъ, что я изгнанъ изъ дому, лишень наследства и проклятъ. — Теперь я вамъ расскажу, Николай Ивановичъ, какъ я повернулся послѣ всѣхъ этихъ лишеній наследства, проклятій и проч.

— Позвольте ужъ еще разъ приложиться.

— Вотъ-съ какъ мы изворачивались, продолжалъ Крыловъ свой рассказъ:

— Во первыхъ, я тотчасъ же началъ подыскивать себѣ мѣсто. Надо вамъ сказать, Николай Ивановичъ, что дѣлами отца я занимался отлично, стало быть обо мнѣ знали съ хорошей стороны. Дни три, что ли, я пошагалъ по Москвѣ, а затѣмъ поступилъ главнымъ прикащикомъ къ одному вдѣшнему торговцу, — въ гостинномъ дворѣ тогда лавку имѣлъ. Прошло можетъ какихъ двѣ недѣли, я женился на Вильгель-

минѣ. Стали жить да поживать мы съ ей наилучшимъ образомъ, потому жалованья одного я получалъ полтора ста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ. Только живемъ мы это, живемъ, ни о чѣмъ не помышляя, а бѣда то вотъ-вотъ подходитъ къ намъ близехонько. Пришлось разъ отправлять моему хозяину деньги въ Петербургъ, деньги не малыя, тысячь семь рублей. Имѣлись у насъ для этого артельщики, стало быть имъ бы и исправить все, какъ слѣдуетъ,—нѣтъ, дернула меня нечистая сила самаго снести ихъ на почту: артельщику, думаю, нельзя поручить такую сумму. Написалъ я письмо, положилъ въ карманъ денежки и пошелъ на почту. Прихожу. Подошелъ къ столу, откуда отправка идетъ,—хватъ! денегъ въ карманѣ нѣтъ! я просто очумѣлъ. Сейчасъ же бросился искать назадъ, по дорогѣ, по которой шелъ,—ну, да развѣ найдешь.—Впрочемъ, Николай Ивановичъ, что же вамъ рассказывать эти подробности, когда, я знаю, вы во все не того хотите.

— Ничего, ничего, рассказывайте, перебилъ Крылова Клещовъ.

— Нѣтъ, я вамъ изложу это дѣло вкороткѣ.

— Впятели меня, Николай Ивановичъ, въ острогъ, потому разсудили такъ, что я эти деньги не потерялъ, а утаилъ—украсть, короче сказать. Промаялся я въ острогѣ годъ семь мѣсяцевъ, затаскали меня по судамъ разнымъ и потерялъ я тутъ все: и стыдъ, и совѣсть, а главное—потерялъ жену: не вынесла она этого удара, отъ чахотки померла. Вотъ-съ, выпустили, наконецъ, меня, вмѣнили только въ наказаніе тюремное заключеніе да оставили въ подозрѣніи: и—то купецъ-хозяинъ почему то смиловался, просить сталъ, видно раздумье взяло: ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ не виноватъ? Что же мнѣ было дѣлать? Чѣмъ питаться, какую работу работать? Совался я туда и сюда, и въ томъ и другомъ мѣстѣ шупаль—ничего нѣтъ путнаго. По началу-то, какъ будто, и поидеть дѣло,хватишь этакъ шиломъ патоки, а потомъ, какъ узнають, что въ острогѣ содержался за воровство денегъ (будь проклято это слово!), сейчасъ и поворотятъ рыло въ другую сторону. Съ мѣсяцъ я такъ то бился, напоследокъ—терпѣнья не хватило—пошелъ къ сестрѣ, къ замужней, думаю: поклонюсь ей, какъ ни больно, попрошу помощи. Мать,

надо объяснить вамъ, умерла еще въ ту нору, какъ я въ тюрьмѣ содержался. Прихожу. Сестра живетъ хорошо; домъ каменный, лакеи въ прихожей, зала вся въ зеркалахъ. Докладываютъ: братецъ, молъ, пришелъ, желаетъ видѣться.— Какой такой? спрашиваетъ. Однако приняла. Такъ и такъ, говорю, сестра, нахожусь я въ крайности, не какъ брату, а какъ нищему, какъ голодному человѣку, помоги мнѣ. Она мнѣ сейчасъ мораль принялась читать: зачѣмъ я противъ родительской воли женился, зачѣмъ мать не почиталъ... За это вотъ Богъ, говорятъ, и караетъ тебя; за это и въ острогъ попалъ.—Ну, говорю, сестра, разбирать вины мои теперь не приходится, а если ты хочешь сдѣлать доброе дѣло—сдѣлай, выручи меня, помоги. Пошла она въ другую комнату, да черезъ минуту выходитъ ко мнѣ и выноситъ рубль серебра.—Вотъ, говорятъ, что могу по моимъ средствамъ, потому деньги у насъ всѣ въ оборотѣ; опять же маменька, когда умирала, такъ наказывала, чтобы тебѣ отнюдь не помогать, даже гроша мѣднаго не давать; а я, видишь, теперь противъ ея воли иду. Взялъ я, Николай Ивановичъ, этотъ рубль,—даже руку ожегъ онъ, подлый, мнѣ,—да тутъ же и распечаталъ сестрицу такимъ манеромъ:

— Будь, говорю, ты проклята, змѣя, не проклятемъ брата, у котораго ты можешь пятьсотъ тысячъ денегъ отцовскихъ отбила, а проклятемъ голоднаго нищаго, проклятемъ бѣдняка, у котораго ты украдала даже эти жалкіе пѣскребинъ чести и совѣсти, изъ котораго, говорю, ты сдѣлала подлеца, вора, разбойника!

— Она, Николай Ивановичъ, ничего, хоть бы глазомъ моргнула, только проситъ меня не ходить къ нимъ, потому якобы я ихъ срамлю своей бѣдностью.—И пропалъ же я этотъ рубль! Такъ звонко захатилъ, что на другой день проснулся въ части!

— Ну, чѣмъ же вы жили тогда?

— Да какъ чѣмъ жилъ? — всѣмъ жилъ. Началъ заводить дружбы со всякими этими хорошими людьми, ѣлъ, пилъ на ихъ счетъ, ночи либо въ трактирахъ да харчевняхъ проводилъ, либо у когонибудь изъ подобныхъ друзей; а то такъ просто, залажеешь на бульварѣ подъ лавку, и спишь,

или подъ мостъ на Москву-рѣку отправившись — тамъ заночиваешь. Этимъ воровскимъ ремесломъ я никогда не занимался, потому что у меня подъ руками есть другое, тоже оно подлое—но все не такъ. Я, видите ли, какъ человѣкъ поумнѣе другихъ, учу ихъ иногда разнымъ штукамъ: какъ по ремеслу дѣйствовать, какъ съ полиціей ладить, какъ отъѣтъ дать, ежели спросятъ,—вотъ за это они меня и пытаются, даже водкой поить. Одинъ только разъ, помню, Николай Ивановичъ, дней пять больно ужъ туго мнѣ приходилось. Время, помню, по жульничеству было бойкое, потому подходилъ Варваринъ день; только мнѣ все какъ то не везеть: вѣсть нечего и у пріятелей ни у кого вѣтъ денегъ. Дня два должно быть такихъ выдались, что, вѣрите ли, крошки во рту не было. Грѣшенъ, подумывалъ ужъ я стащить чтонибудь, да на счастье ничего такого не подвертывалось. А тутъ еще открылась на ногѣ рана; сапожонки на мнѣ рваные, застуживаю я эту болячку—полезла она у меня все выше да выше, къ колѣну. Испугался. Бѣгу къ доктору. Тотъ посмотрѣлъ: это, говоритъ, рожа; вамъ нужно сидѣть дома и держать ногу въ теплѣ. Прописалъ рецептъ. Разумѣется, какой тутъ рецептъ, когда жрать нечего? Какъ вышелъ я отъ доктора, сейчасъ изорвалъ. Пушу, молъ, дѣло на власть божью.

— Отчего же вы, Крыловъ, не постараетесь какънибудь выбиться изъ этой жизни? спросилъ Клецовъ.

— Да какъ выбьешься, Николай Ивановичъ, когда вашъ же братъ ногу подставляетъ?

— Ну, вы бы работой какойнибудь занялись, самостоятелно бы трудились, тогда никто не подставитъ ногу, а подставилъ—по шапкѣ.

— Эхъ, Николай Ивановичъ!

— Что?

— Какая ужъ нашему брату работа?

— Да такъ-то лучше что-ли жить?

— Лучше, Николай Ивановичъ...

Крыловъ всталъ и горячо добавилъ:

— Теперь-то я совѣсть, честь, правду—все это колѣнкой придавилъ, а какъ, по вашему-то, начну я работать, выму-

щу на волю всѣхъ этихъ несчастныхъ, дамъ имъ ходъ... да они загрызутъ меня, Николай Ивановичъ! Я повѣшусь на первомъ попавшемся деревѣ, первымъ камнемъ раздроблю свою голову!

— И лучше. Право, лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь.

— Нѣтъ, Николай Ивановичъ, я цѣну-то жизни знаю. По моему, напротивъ: лучше какая нибудь жизнь, чѣмъ самая превосходная смерть. Разумѣется, это отъ того, что во мнѣ нѣтъ характера, что я не понимаю такъ глубоко, какъ вы, всю подлость своей жизни; но вѣдь за это, Николай Ивановичъ, не судятъ.—А я вотъ что думаю, Николай Ивановичъ. Если бы меня кто нибудь поддержалъ, не далъ бы этимъ разнымъ проснувшимся чести, совѣсти и такъ далѣе заѣсть меня,— вотъ тогда можетъ статья я бы и воскресъ; а теперь... нечего и толковать объ пустякахъ!

Крымовъ махнулъ рукой, выпилъ водки и черезъ пять-шесть минутъ мы вышли изъ *Тишины*.

— Куда же вы теперь? спросилъ Клещовъ.

— Да пойду вотъ тутъ по близости, на Мошокъ, тамъ должно быть ужъ отперли.

Мы распрощались.

М. Веревскій.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА).

Съ холоднымъ и блѣднымъ, какъ ираморъ, лицомъ,
Нѣмая отъ горя и муки,
Была предо мной ты живымъ мертвецомъ
Въ минуту печальной разлуки.
И твой поцѣлуй безъ души, безъ огня
Предвѣстиемъ скорби объялъ меня.

Чело мое холодно было; на немъ,
Я помню, роса леденѣла;
Тогда я почувствовалъ то, въ чемъ потомъ
Увѣрился грустно, но смѣло...
Гдѣ клятвы, невинность и вѣрность твои?
Одно твое имя — мнѣ стыдъ предъ людьми!

Какъ звонъ похоронный и душу оно,
И сердце во мнѣ потрясаетъ...
Тебя понималъ я, повѣрь мнѣ, давно,—
Но кто-жъ изъ людей это знаетъ!
О, да, дорога ты тогда мнѣ была,
И мысль о тебѣ хотъ грустна, но мила...

Я видѣлся тайно съ тобой, и съ тѣхъ поръ
Терзаетъ меня убяжденье,
Что въ правѣ душъ твоей дать я укоръ
Въ обманъ, а сердцу—въ забвеньѣ.
И если судьба гдѣ столкнетъ насъ съ тобой—
Не словомъ я встрѣчу тебя, а слезой.

И. Лукинъ.

Н О Ч Ь Ю.

(Мирныя картины московской жизни.)

Москва рано собирается спать.

Въ лѣтнее время, часовъ съ осьми медленно потягивается отъ зѣвоты московская пасть и потомъ, словно погребъ, начинаетъ распахиваться все чаще и чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самой преисподней московскаго чрева идетъ раскатистая перекличка квасу, луку, гороху и прочей овощи. Въ эту пору спускаются съ цѣпей собаки, съ грохотомъ виснутъ на воротахъ и калиткахъ тяжелые замки; до потолка, расписаннаго херувимами и жарь-птицами, вспухаютъ пуховики и подушки, тонуть въ нихъ законные супруги, и въ тоже время, въ этихъ пуховикахъ, пробуждаются клопы, блохи и даже тараканы. Полегоньку расправляютъ они свои лапы и пускаются въ обычный уходъ вокругъ тучной московской плоти. Въ оборону противъ сего пускается сначала одна пятерня, потомъ другая, наконецъ обѣ вмѣстѣ, и тутъ-же произносится страшная клятва: не дальше какъ завтра созвать всѣхъ гулящихъ сосѣдскихъ бабъ, приваивать на Варваркѣ поденщицъ и напустить эту армию на исконныхъ ночныхъ враговъ, предварительно вооруживъ ее чайниками съ кипяткомъ... Но такая клятва произносилась и вчера, произносилась шесть-семь мѣсяцевъ тому назадъ и всегда оканчивалась, какъ оканчивается и теперь, беззащитнымъ отдаиёмъ своего тѣла на полнѣйшее съѣденіе.

Такимъ образомъ начинается ночь на Плющихѣ, Прѣснѣ, Якиманкѣ и другехъ крайнихъ уголкахъ Москвы, гдѣ ютятся и мирно жительствоуетъ, вмѣстѣ съ всероссійскими коммерческими великанами, разная гостиннодѣльская мелкота, извѣстная подъ именемъ *шкафчиковъ*, или не менѣе крупное чиновничество, только впервые начинающее волновать себя порывами къ благопріобрѣтенію недвижимостей на имя супруга, и прочій болѣе или менѣе осядливый людъ. Здѣсь, въ этихъ провинціяхъ Москвы, жизнь идетъ своимъ путемъ; идетъ мертвенно и пустынно, насколько эти качества можно усовершенствовать среди всеобщей мертвенности и пустынности. Въ центрѣ города, въ эту пору, картина ночи еще не такъ блѣдна и сонлива. Въ иномъ мѣстѣ, въ темномъ углу столичнаго двора собравшійся кружокъ мастеровыхъ, въ почернѣвшихъ посконныхъ халатахъ, хоромъ отхватываетъ *усы*, и какой-то залихватистый теноръ, съ цѣлымъ столомъ кудрей на головѣ, что есть мочи выдѣлываетъ: *кисла! тьсна!* и т. д.

Хороша ли ужь очень пѣсня, или просто дѣйствуетъ такъ называемое обаяніе ночи, пробуждая въ тѣлѣ человѣческомъ разныя подскоки и взыгранія, только въ эту ночь, и во время этой пѣсни, не можетъ усидѣть ни Дарья, горничная въ номерахъ, ни Матреша-бѣлошвейка. Обѣ онѣ — одна, недошивъ хозяйской манишки, другая, на произволь судьбы бросивъ подгулявашаго жильца и не пособивъ ему добраться до кровати, — дружно вырываются на крылечко, и скоро къ общему хору присоединяется визгливая бабья пѣсня:

Да-а-рррр ка-ли-цо ма-ло-о-одичкѣ:

Па-а-сл, ни па-а-тирай...

Сверху кто-то выплескиваетъ на средину двора помои и сердито говорить:

— Что вы, полуночники! га-га-га! го-го-го! Люди спать, а они, — эко зяпаютъ!.. Очумѣли, прости Господи!

Но этотъ ропотъ не смиряетъ разгуливающуюся пѣсню; правда, она дѣлается тише; она льется безъ вздрагиваній и выкриковъ цѣлаго хора; она теперь просто рассказываетъ или о томъ, какъ солдатикъ въ Турчинѣ голоду и холоду «напримался», или какъ убѣжалъ арестантъ изъ острога...

Звонить звонок — настаетъ собраться:

Ланцовъ изъ ямку убѣждать...

— Прощай безчастная абахта,

— Прощай губерскай-кавалдоръ... и т. д.

Долго поются эти пѣсни, и незамѣтно крадется время у сна и безъ того достающагося урывками...

Или вотъ въ затишьѣ, въ маленькомъ домикѣ, помѣщающемся на монастырѣ *) какого нибудь прихода, послѣ ужина высыпало посидѣть на крылечко около кухни благочестивое московское семейство: тутъ и *тятинька*, и *манька*, и сынки, и дочки. Всѣ они сегодня вдосталь нагулялись гдѣ нибудь на Чистыхъ Прудахъ и нагулялись самымъ чиннымъ порядкомъ, по «понижнему»: родители, не смотря на то, что изображаютъ собою въ нѣкоторомъ родѣ главы (причемъ *манька* считается главой много поменьше) — эти главы пустили дочекъ впередъ, сами молча шли позади, и только изрѣдка *самъ* дотрогивался палкой до плеча которой нибудь изъ дочекъ, и прибавлялъ:

— Полегче насчетъ визгу-то!..

А визгъ не могъ не происходить потому, что кавалеръ (кавалеры водятся еще только въ Москвѣ) замучилъ разными *сильными словами* и, словно огненный змій, извивался вокругъ барышень... Нагулявшись такимъ образомъ, поужинали они въ самый вкусъ, въ сласть самую, и теперь молча сидятъ на крыльцѣ. Родители смотрятъ, какъ по двору ходитъ коро-ва, какъ робко подкрадывается она къ сараю... А въ сараѣ кучеръ тоненькимъ голосомъ поетъ: *«грусть моя не тужила»*, шуметь сѣномъ и гулко покрикиваетъ на лошадей.

Дочери смотрятъ на мѣсяцъ, будто что ждутъ отъ него.

И всѣ молчатъ потому, что *самъ* молчитъ...

— Ѳедоръ Петровичъ глазъ себѣ кипяткомъ выжегъ, сухо и неповарачивая головы, произноситъ наконецъ *самъ*.

— Мат-тушки мои! Какъ же это такъ?

Но *самъ* уже не отвѣчаетъ.

Начинаютъ мало по малу расходиться, и скоро всѣ, какъ и на Плющихѣ, только попозже, попадаютъ во власть блохъ. И царятъ надъ мирными обывателями первые, вторые и без-

*) Монастыремъ называется площадка, окружающая церковь, въ предѣлахъ церковной ограды; тутъ бываетъ домовъ 30—40.

счетные сны—сны, заставляющіе страстно вздрогнуть полныя и сочныя ноги вдовы Всластевой и застонать раба божія Пуда отъ какого-то свинцомъ давящаго кошмара. Съ роздыхами и кряхтѣніемъ идутъ эти сны, и мало по малу изъ тончайшаго носоваго свиста разрастается какое-то ожесточенное рычаніе, будто сквозь носовой аппаратъ протергивается объемистый поромный канатъ; рычаніе становится все сильнѣе и сильнѣе, и скоро кажется, что кто-то съ силою потрясаетъ въ воздухѣ цѣлую сотню желѣзныхъ листовъ, изъ которыхъ каждый съ удобностью можетъ изобразить землетрясеніе.

По всему дому идетъ какая-то пальба; храпъ ломомъ бьетъ въ стѣну и подземнымъ стономъ гудитъ на улицѣ.

Надъ городомъ валомъ катится собачій лай и тонетъ въ немъ сонное дребезжаніе ночныхъ извощичьихъ гитаръ. Если приходится въ такую пору бродить по городу,—совершается ли это просто въ силу законнаго желанія вздохнуть какимъ-нибудь воздухомъ вмѣсто глотанія раскаленной пыли во время дневной, сумаспѣдшей бѣготни по городу, или вслѣдствіе необходимости бѣжать куда-нибудь, дальше-дальше отъ невеселыхъ сценъ и гнетущихъ думъ,—въ эту пору столничникъ на столько можетъ снова понимать и снова слышать забытый давно говоръ ночи, и проч., на сколько онъ увѣренъ, что если придется закричать «караулъ», то этотъ вопль не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, т. е., что городской близко. Поэтому-то, чѣмъ глуше, слѣд., чѣмъ съ большимъ преизбыткомъ поэтической гущи ночь, тѣмъ болѣе объемистымъ орудіемъ запасается онъ, направляясь въ путь, и на этомъ пути съ осторожностью обходитъ каждый глухой переулочекъ, каждый темный уголокъ, твердо зная, что изъ этой тьмы того и гляди выдвинется какая-нибудь гигантская фигура и скромно попроситъ: Христа ради, копѣечку! Фигура эта почему-то знаетъ, что всякій прохожій въ такую пору особенно способенъ на благотворенія, и поэтому, не повторяя просьбы, съ кротостью двухлѣтняго младенца въ лицѣ, ожидаетъ она помощи и только изрѣдка поправляетъ на плечѣ двухсаженное перушко. И бѣгутъ мимо такого прохожаго храмы, сады, статуя съ простертою рукою... Бѣгутъ, не тро-

гая, не шевеля ничего въ его остуженномъ столицею сердцѣ. Но случись тутъ сердце настоящее, сердце курское, отогрѣтое лисьей шубой,—тутъ произошло бы не то!

Въ разлапистомъ тарантасѣ камушкинскаго пошиба подѣзжаетъ въ это время къ Москвѣ такое курское сердце. Вдали Москва, душно въ тарантасѣ отъ чемодановъ, перинь, лисьихъ шубъ (на случай, *если вдругъ зима*) и не сидится сердцу въ такой духотѣ. Высовываетъ оно голову въ окошко и прилпнаетъ съ распросами къ извозчику:—А, теперича, что же это на лѣву-то руку?—Симоновъ, бачука, Симоновъ.— Милые мои! Симоновъ! Ну, а эта башня, что? — Надо быть, пиваторія какая. — Такъ-такъ-такъ! Заступница-матушка! шепчетъ курское сердце и въ воспаленной головѣ изъ далекаго дѣтства, изъ тоски и скуки зимнихъ будней, вырастаютъ предъ нимъ дряхлыя фигуры богомолокъ и приживалокъ. Медленно шевеля своими спицами и почесывая ими въ головѣ, не спѣша рассказываютъ эти старухи: «какова есть столица Москва, и что есть въ этой столицѣ гарновитая палата; а въ этой въ гарновитой палатѣ есть, милые мои, сапогъ-самопѣтъ, и можетъ кольки въ ѣмъ пудовъ вѣсу»... А отъ этихъ рассказовъ, словно на ярмаркѣ, въ коробкѣ у раевника, проходятъ въ воображеніи самодѣльные суздальскія картинки: на сѣрой лошади ѣдетъ генералъ и подъ брюхомъ у этой лошади идетъ съ барабаномъ войско—а воротники у всѣхъ кра-а-сные...

— Царица Небесная!.. шепчутъ губы и не слышатъ поглощенные разтрепетавшимся сердцемъ уши, какъ разболтавшийся извозчикъ рассказываетъ вспомнившуюся издалека исторію:

— Только это я ѣду, милые мои, а сѣдокъ нѣтъ, нѣтъ да спросить:—Что, молъ, и дѣти есть?—Есть, говорю, какъ не быть.—И жена?—И жена, говорю... Ну, ѣдимъ,—до Петровскаго-то парку далеко, дорога ровная,—я это маленько и вздремни а онъ, сѣдокъ — отъ, какъ ужъ это — шутъ его знаетъ! только я глаза-то открылъ, глядь—а лошади-ты нѣтъ: сажу я, это, на гитарѣ и возжи въ рукахъ.. Во—какъ оно!

— Царица Небесная! шепчетъ курское сердце, не успѣвая

креститься на пробѣгающія мимо церкви, часовни съ лампадами, ворота съ лошадьми въ верху и прѣч.

Тихо; чудесно.

Вдругъ въ сторонѣ прорѣзистымъ, кровавымъ воплемъ несется: «караулы! караулы!»

Это вопль сыраго человѣчьяго мяса, вопль могучей рукой задушеннаго горла..

— Это откеда? боязливо спрашиваетъ курское сердце. Что такое?

— Грабятъ гдѣ-то.

— Грабятъ? да-да-да... Такъ ты, любезный, лошадокъ-то тово... похворостинь. Чего добраго...

— Обнаковенное дѣло, говорить ямшакъ и принимается хворостинить. Скоро и курское сердце и тарангасъ скрываются во тѣмъ переулка.

А вопль между тѣмъ растетъ и растетъ. Онахабнувъ всю восхитительную декорацию ночи, обставленной изумруднымъ небомъ и горделиво застывшей тишиной, вопль этотъ также безцеремонно гудитъ вдоль пустынныхъ улицъ и, подхваченный стоголосымъ эхомъ, сквозь малѣйшія щели врывается въ жилища, безжалостно гонитъ прочь сны и прежде всего сны того безшабашнаго люда, когору самому хорошо знакомъ этотъ вопль и понятень весь его глубокий ужасъ.

Спотыкнулся и колоссальный храпъ мирнаго обывателя. Открываетъ оу глаза, а подь окнами съ шумомъ и говоромъ пробѣгаетъ народъ.

— Экая это улица бойкая, говорить обыватель, покряхтывая и поворачиваясь подь бокомъ супруга.

— Начто хуже, убитымъ тономъ вторить та.

— Нѣтъ, нѣтъ, да и сдеруть шкуру-то.

Супругу вступаетъ въ голову что-то другое, вовсе не по части грабежу.

— Людг нощъ стали хуже мыслете, говорить оу.

Скоро въ комватѣ воцаряется тишина.

А черезъ полчаса толпа возвращается назадъ, и на этотъ разъ слышенъ смѣхъ.

Пусть себѣ снова осаждаютъ спящій народъ сны, пусть горятъ въ небѣ звѣзды, а на землѣ бушуютъ собаки и блохи, — мы теперь пойдемъ туда, откуда вышла вся нынѣшняя улпчая суматоха, и распознаемъ хорошенько, при какой обстановкѣ и изъ за какихъ золь, глодавшихъ людскія сердца, загорѣлся въ этихъ сердцахъ бунтъ.

Въ исконномъ пристанищѣ всѣхъ золь, Грачовкѣ, въ одномъ изъ кривыхъ и воюющихъ переулковъ, стоитъ старый массивный деревянный домъ, осѣвшій, покосившійся и насквозь пропахнувшій духомъ всей стороны. Внизу, подь домомъ, въ какомъ то подвалѣ, съ раняго утра гудятъ шарманки;—худыя и растерзанныя дѣвчонки, подь руководствомъ опытныхъ учительницъ, съ тупымъ выраженіемъ въ лицѣ тянутъ пискливыми голосами веселыя пѣсни, приготовляясь съ этими познаніями пуститься въ далекій и безотрадный путь полуголодной жизни; немного повыше, въ первомъ этажѣ, бушуютъ безконечнымъ пьянствомъ и нестовой тупотней ошалѣвшихъ ногъ кабаки; еще выше помѣщается какое-то увеселительное заведеніе, пристанище однихъ убогихъ, распродающихъ послѣдки загубленной жизни по самымъ дешевымъ цѣнамъ. На деревянныхъ, темныхъ и скрипучихъ лѣстницахъ попадаются какія то сомнительныя личности: иной разъ одна и та же особа является въ бобрахъ, енотахъ, въ другой, иногда на слѣдующій день, вы встрѣтите ее въ легкомъ люстриновомъ пальтишкѣ, в физиономія, которая еще вчера горѣла, какъ мастерски вычщенный сапогъ, сегодня превратилась въ какой-то застывшій на морозѣ биштексъ. Тутъ постоянно сновали городовые, слышалась брань, кого-то съ громомъ тащили по лѣстницѣ, в весь домъ, отъ пляса и оранья, дрожалъ, какъ осиновый листъ, и вылъ словно выюга.

На такомъ-то мозаическомъ пьедесталѣ, въ самомъ верху, въ конуркахъ подь крышей, помѣщаются такія туманныя существа. Проживаетъ здѣсь ничѣмъ незанимающійся тцедушный и пьянственный мѣщанипъ Бадейяпнъ, при немъ состоитъ въ законѣ жена, существо со дня на день заростающее бородавками, изъ которыхъ, какъ изъ фонгановъ, бьютъ цѣлыя ку-

сты волосьевъ, а при этой женѣ состоитъ нѣкоторая личность, по имени Петръ Петровъ. Всѣ эти существа крайне запущены и загажены. Отвыкнувъ отъ дѣла, въ силу какихъ-то обѣщаній Петра Петрова отыскать десять лѣтъ назадъ пропавшее наслѣдство и въ силу природной глупости и мозглявости, Бадейкинъ потерялъ и послѣднюю способность что нибудь дѣлать съ собой; запустивъ свою физиономію и вообще все существо до степени помойной ямы, постоянно слоняясь съ слезящимися, какъ у старой собаки, глазами и бородой, въ которой попадались куски кочерыжекъ и капусты — Бадейкинъ рвался каждую минуту раздробить головы и женѣ и Петру Петрову. Впрочемъ, желаніе это не простиралось дальше трепета и замиранія собственнаго сердца и боялось наружу показать свой носъ.

Не меньшею слонявостью отличалась и супруга. Одиень только Петръ Петровъ, человекъ массивныхъ размѣровъ, оралъ подъ крышей о своихъ достоинствахъ и о способности постигать *индійскія письма*.

Живутъ эти существа въ двухъ клѣтушкахъ; въ одной, совершенно темной, стояла желѣзная печка безъ трубы, набитая соромъ; въ другой комнатѣ валялась на полу перина самаго омерзительнаго вида, а на полѣньяхъ возвышался почти пустой сундукъ. Стѣны ободраны, дверь безъ петель прислонена къ стѣнѣ, отъ каждаго шага ходенемъ ходятъ половицы и отъ этого страшно шипитъ и хрипитъ расклѣвшившимися боками печка.

Пустынность, глушь. Изъ этой глуши, изо дня въ день идетъ безобразная жизнь, жизнь дикаго звѣря.

Вечеромъ, если только Бадейкинъ не лежалъ уже гдѣ нибудь на улицѣ пьяный, а хоть чуть-чуть могъ владѣть ногами, онъ непремѣнно карабкается на перину къ женѣ.

Въ полночь снится ему, будто онъ упалъ съ мосту; онъ открываетъ глаза: кто-то держитъ его за голову, другой за ноги, поднимаютъ и несутъ съ перины.

Онъ понимаетъ *кто* и начинаетъ *брыкаться* и кричить.

— Куда-куда-куда?!.. стой стой!..

— На сундукъ... не торопись...

— Будь вы прокляты, анаемы!

— Ладно!

— Аспиды и василиски!

— Поговорил!..

— Петя! брось его...

Через четверть часа Бадейкинъ вздыхаетъ.

Утро. Бадейкинъ открылъ глаза. Петръ Петровъ потягивается въ перинѣ и для шутки подставляетъ къ его носу кулакъ; Бадейкинъ только морщится и по причинѣ своей трезвости, возможной впрочемъ до извѣстной степени, не изъявляетъ никакого протеста. Не изъявляетъ онъ еще и потому, что знаетъ: подвинь только Петръ Петровъ немного кулакъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ подвинется на щеку носъ, салазки могутъ прилипнуть къ стѣнѣ и отъ всего существа Бадейкина останется одинъ, такъ сказать, жупель.

Скоро гонять его за водкой. Послѣ весьма слабого препирания онъ запускаетъ руку въ сундукъ, достаетъ какую нибудь вещьцу и отправляется къ пріятелю цаловальнику Чукину...

Здѣсь онъ не можетъ никакъ, чтобы не погоревать о себѣ.

— Горе-то у тебя дурацкое, говорятъ Чукинъ.

— Ахъ, Кузмичъ, какъ ты это говоришь!

— Что: Кузмичъ.. А ты этого-то мерена прогналъ бы..

— Какъ я его прогоню?

— По начальству али бо какъ.. А то теперь ты у своей жены будешь дѣтей крестить..

Въ полдень вверху идетъ страшное пьянство; изъ сундука выпарапанъ уже жилетъ, вѣнчалныя башманы и пр. Жена Бадейкина, едва владѣя языкомъ, говоритъ Петру Петрову:

— Онъ тиранъ! злодѣй! Петя, отомсти!

Петя мгновенно превращаетъ бровь Бадейкина въ кровавую рану, тотъ, ни слова не говоря, бѣжитъ къ Чукину подѣлиться своей радостью.

— Каково раскроено?

— Ничего, удобно говорить Чукинъ.

— Ничего? дрожащимъ голосомъ, злобно и бессмысленно произноситъ Бадейкинъ.

— Ничего, ловко.

— Ну, онаябо... Оцѣнилъ!

А черезъ четверть часа этотъ же самый Бадейкинъ, засыпавъ рану табакомъ, тащилъ въ кабакъ какой-то жидель.

Минуть черезъ пять онъ опять вбѣгаетъ къ Чукину

— Каково раскроентъ?

— Это никакъ другой фонарь? говоритъ Чукинъ.

— Другой... Каково?.. и т. д.

Къ вечернямъ онъ снова успѣвалъ проспаться, снова жаловался Чукину на свое горе, и снова чрезъ полчаса приносилъ на показъ разбитую физиономію, вывороченную руку и проч. Плетется такая жизнь днями, мѣсяцами, годами, и видится впереди не человѣческая гибель; чувствуется, что послѣ исчезновенія послѣдней вещицы въ сундукъ, придется растерзать другъ друга на части.

Сегодня вечеромъ, послѣ перенесенія съ верины на сундукъ, Бадейкинъ открылъ глаза и слышитъ, что жена и адвокатъ намѣреваются проглотить шкальчика два-три и для добыванія продукта безцеремонно принимаютъ за послѣднія сапожишки Бадейкина. Дверь скрипнула и супруга зачастила ногами по лѣстницѣ. Обидно ли было Бадейкину, что эта питва, хоть и на послѣднія его сапоги, совершается безъ вѣдома хозяина, или нахлынувшія вдругъ въ его немного отрезвленную голову картины безобразія, досада за себя, на свою слюнявость, въ силу которой онъ былъ постоянно виноватъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенное сознаніе всего крошечнаго своего значенія,—значенія мужа, а стало быть въ нѣкоторомъ родѣ такой особы, которая (судя по добрымъ людямъ) должна непремѣнно гнести, особливо гнуть въ бараній рогъ ихнюю сестру-бабу,—все это, вслѣдствіе внезапнаго возбужденія, сразу сбросило Бадейкина съ сундука, окрѣпило его пзмощенныя ноги и непремѣнно что-то тянуло сдѣлать рѣшительное.

Какъ помѣшанный, соскочилъ онъ съ сундука, бросился въ сѣни, порылся въ углу и вытащилъ оттуда веревку; съ ней опрOMETRY бросился онъ къ воротамъ и, притаившись за калиткой, дрожащими руками дѣлалъ петлю. Въ калитку черезъ порогъ переступила жена; Бадейкинъ взмахнулъ веревкой и тутъ-то завопилъ, застоналъ и перебудилъ православной народъ, горластый «караулъ»!

— Теперича я съ та-бой и сдѣлаю, тянулъ Бадейкинъ, таща жену на веревкѣ: я и сдѣлаю!...

А кругомъ сбѣгался народъ, хрипыми гелесами распришивалъ — въ чемъ дѣло, говоръ росъ сильнѣе и сильнѣе.

Кто-то изъ толпы говорилъ:

— Милой! продаешь коровку то?

Слышался смѣхъ.

Выскочившій изъ пекарни хлѣбникъ, молодой парень съ растопыренными отъ муки волосами, придавленными мочальнымъ ободочкомъ, почесываясь въ спинѣ и головѣ и внимательно всматриваясь въ сцену—флегматически говорилъ:

— Одначе, ребя, онъ ей затянулъ шею-ту...

Супруга между тѣмъ упиралась на ходу, кричала по прежнему неугомонно, и болтала головой, какъ въ первый разъ попавшая въ ошейникъ собаченка.

— Петя!. Петя!. онъ меня удавилъ!. караулъ!

Но Петя при всякой уличной суматохѣ боялся показывать свой носъ, потому что ходилъ слухи, будто его ищутъ по какому-то уголовному дѣлу.

— Теперича я съ та-бой и сдѣлаю въ охотку; въ охотку я и сдѣлаю...

И потащилъ жену вдоль улицы. За нимъ потянулась и толпа. Говоръ былъ страшный. Въ иномъ мѣстѣ, возбужденный этимъ гомономъ обыватель, судорожно толкалъ руками въ окно, съ грохотомъ падалъ желѣзный болтъ и обыватель выпячивался на улицу..

Бадейкинъ почему-то велъ жену къ Сухаревой башнѣ.

— Я ее на Сухареву предоставляю. Теперича я и сдѣлаю!

Это обстоятельство—то есть почему ведутъ жену не праведную на Сухареву башню,—подавало поводъ къ толкамъ. Иной утверждалъ, что въ стѣнѣ этой башни зарыта книга «*Брессъ*»; другой толковалъ, что пришелъ указъ: «и на емъ, на указы, можетъ боля пятисотъ печатевъ;» третій, надумавшись упорно, рѣшалъ во всеуслышаніе, что потому подъ Сухареву башню, что «изъ-подъ ее подо всю Москву трубы такія..» Только хлѣбникъ говорилъ, съ серьезной физиономіей и почесываясь.

— Одначе, онъ ее затянулъ ловко!... За-атянулъ...

— Стой!.. Прочь!.. Кто? Что такое? раздался вдруг начальственный голосъ.

Толпа, шумѣвшая, какъ шумитъ бѣлымъ ключемъ вода, вдругъ замолкла, замерла: будто котель съ кипѣвшей водою сняли съ огня...

— Кто такой? Что за народъ?.. Эй! Кузничевъ! бери эту бабу... ты! въ фарталъ...

Слово *фарталъ* неприятно дѣйствуетъ на русскаго человѣка, почему большинство, усмотрѣвъ, что эпилогъ самый обыкновенный, начало расходится, и только самые ярые любители зрѣлищъ потащились до квартала.

Стукъ и говоръ въ сѣняхъ разбудили дежурнаго. Кутаясь въ изношенный халатъ, и прикрывая лысую голову засаленной ермолкой, онъ скорчилъ недовольную физиономію, и выступилъ въ контору. Тутъ была картина такого рода: сторожъ изъ жидовъ, накинувъ на плечи шинель, держалъ вспыхивавшій и вонючій огарокъ, и этотъ, блиставшій отъ времени до времени свѣтъ, озарялъ раскрытую голову жены Бадейкина и блѣдную физиономію мужа и двухъ городовыхъ, которые, стоя по бокамъ, держали пальцы у козырька, и слово хвастались такой находкой.

Принесли свѣчу.

И мужъ и жена рухнули въ ноги.

— Откуда они?

— Съ улицы, васокородію... по сумленію.

— Какое же сумленіе, у нихъ лбы въ крови?

— Такъ точно, васкородіе...

— Это веревка зачѣмъ?

— Батюшка! отецъ! завопила жена, онъ меня удавить хотѣлъ, при всѣхъ, всѣ видѣли... какъ корову на арканѣ вель... защити, слободи...

— Ты, матушка, оботри кровь-то.

— Никакъ я крови обтереть не могу, я съ ею по началству..

— Ты какъ же это жену бьешь?

Бадейкинъ трепеталъ какъ осиноувый листь...

— Я ваше... привиле... бія... какое быю! я ее, жену, оченно... люблю...

— Гдѣ же онъ меня любить, када этакое позорище, ваше скородіе: велъ мене, ровно корову, и лобъ это мнѣ раскряпль. Потому, бѣжамши съ полштофомъ...

— А-а-а... вотъ что!..

Супруга начала оправдываться, и мало по малу изложила всю будничную процедуру потасовокъ.

— Такъ вы бѣ плюнули другъ на друга, да и разошлись... Ты чѣмъ занимаешься?

— Ничемъ, ваше скородіе... по нищегѣ...

— Ты бы вотъ хоть яблоками торговалъ, а жену-то въ кухарки куда...

— Какъ можно развѣхаться другъ отъ дружки, стыдливо перекосивъ свои разныя фізіономіи, произнесли супруги.

— Ка-акъ?..

— Мы съ законъ...

— Вотъ что!..

— Человѣкъ не разлучить... бормоталъ мужъ.

— Какъ можно, вторила жена.

— Ну, а ежели васъ каждый день сюда будутъ тоскать.

Потасовки-то развѣ лучше съ утра до ночи?..

Супруги подумали и произнесли:

— Это дѣло Божіе...

— Такъ, такъ...

Дежурный подумалъ, подумалъ и приказалъ засадить обоихъ въ сибирку.

Послѣдніе зрители возвращались съ шумомъ и смѣхомъ по переулку снова на Грачевку.

— А то, разъ что, говорилъ какой-то мастеровой, какъ я за бабу заступился... Идемъ мы съ Кузьмой изъ-подъ Андровіева, идемъ въ Богородское: слышали бытто фейракъ закупаютъ. Идемъ полемъ... вижу я, братцы мои, впереди идетъ баба, а за ней двое мущиновъ, и такъ они эту бабу ругаютъ, такъ они ее ругаютъ — зудомъ зудягъ... Вижу я бабѣ этой тошно... Не вытерпѣлъ я, подхожу къ этимъ молодцамъ и говорю:—что это, говорю, вы бабу-то мучите? Что ты, говорю, зудяшь ей? Видишь, говорю, она женщина и такъ ты ее измучилъ. Да ты, говорю, лучше вдарь ее какъ ни на

есть, только разомъ; ребро ей высади, — и шабашь! а то эки пилить...

Послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— Ну, онъ ее, бабу-то, саданулъ! докончилъ мастеровой.

— Одначе, ребя, онъ ей шею-то затянулъ! говорил хлѣбникъ. Скоро всѣ забыли уличную суматоху и расходились спать.

Длинною, темною цѣпью тянутся московскіе бульвары; они теперь безжизненны и пустынно, только еще на Цвѣтномъ видѣются признами жизни. Ударившись отъ своихъ собратій въ сторону, Цвѣтной бульваръ смотритъ какимъ-то отщепенцемъ и не сходится ни съ однимъ изъ нихъ, развѣ только съ Тверскимъ и то исключительно въ томъ, что какъ тотъ, такъ и другой *ильютъ* свою почву, хоть сама почва эта совершенно различна. На Тверскомъ являются только дѣти какъ, дѣйствительно, маловозрастныя, такъ дѣти и другого сорта — съ душистыми сѣдыми усами, душистыми сигарами и съ такими же рьяными порывами разобрать на затылкѣ проборъ по англійскому способу, какъ и во дни своей розовой юности. Такія личности на Цвѣтномъ не встрѣчаются.

При входѣ затопленный грязью (отъ бассейна), затопленный вонью и смрадомъ отъ печенокъ, картофельныхъ лепешекъ, квасу, сельдей, — Цвѣтной бульваръ тянется торной дорожкой къ великому людскому горю: взадъ и впередъ, утромъ, въ полдень, особенно же вечеромъ и ночью, спуютъ по этой дорожкѣ одни только *убогія*; — спуютъ во имя одного великаго до двигателя пронимающаго слезъ — голода. Голодъ выгоняетъ *убогую* на Цвѣтной въ дождь и она, шлепая дырявыми башмаками по грязи, и, подобравъ до безобразія раздутый обручъ уродовскаго криволина, беззастѣчиво подходитъ къ прохожему и хриплымъ голосомъ говоритъ:

— Душкь! папирсы есть?

Прохожій ускоряетъ шагъ, а убогая снова шлепаетъ по грязи, до костей промокнувъ отъ дождя. Бродитъ она здѣсь лѣто, глухую осень, и въ студеную лютую зиму также проситъ помощи. Иногда за этой помощью выбирается на Цвѣтной глубокая старость; вѣрно ужъ слишкомъ велико горе, слишкомъ жгучи его острия колючки, что какая

либудь вдова, можетъ быть мать, натираетъ свои мерцициотыя щеки румянами, сальнымъ нагаромъ выводитъ брови и, дождавшись пока хоть чуть стемнѣетъ, выползаетъ на Цвѣтной, спрятавъ отъ холоду руки въ глубину свѣжъ коротенькихъ рукавовъ и, какъ каменная статуя, торчатъ одна одиныхонька.

Долго приходится ей мерзнуть здѣсь... И не видятъ эти сумерки, какія крушныя слезы льются изъ ея глазъ и размазываютъ цѣлую плотину бѣлилъ и румянъ.

Въ лѣтнія ночи здѣсь движеніе почти до свѣту. Въ разныхъ точкахъ рдѣющими звѣздочками загараются папироски, идетъ говоръ, слышится смѣхъ. Городовой внимательно смотритъ, чтобы пары не шлялись въ кусты.

Идутъ разговоры..

— Да-ка затянуться.

— Какъ же, дала: затянешься, изъ-за тебя въ острогѣ сопрѣешь.

— Хотъ бы чортъ какой кривой попался!

— Ко мнѣ нониче ихъ пятеро придетъ.

— Ты мнѣ, Лизка, одного уступи.

и т. д.

Отсюда отправляются въ *Адъ*, въ *Золотой левъ*, и опять назадъ, потому что завтаршній день великъ, и назойливый голосъ желудка не заговоришь, не запоешь...

Не одно лютое горе, не одно сознаніе, что все уже потеряно, выводитъ несчастныя существа на эту скорбную дорожку... Иногда, вовсе безъ дракъ и сцѣпокъ съ жизнью, единственно только въ силу высокой непорочности съ одной стороны и не менѣе высокаго невѣжества съ другой, ровно, плавно и незамѣтно догребаются они до погибели..

И вотъ проходятъ передо мной такія родныя картины:

Въ дождливое лѣтнее время, по проселочной дорогѣ, вблизи Москвы, ѣдетъ мужичья телега съ провалившимся задкомъ, изъ котораго торчитъ солома. Въ телегѣ лежатъ, накрывшись дерюгой, хворая баба, валяются какіе-то узлы и на корточкахъ сидитъ дѣвочка лѣтъ пятнадцати, спрятавшись съ головой въ мужичью свиту. Деревенскую дѣвочку Пашу везутъ въ Москву въ ученье. Мать Паши и еще старушка, за

тѣснотой непомѣстившіся въ телегѣ, вдутъ босякомъ съ боку, накинувъ сверху отъ дождя бѣлыя простыни. Старушки говорятъ что-то, Паша бойкими глазами смотритъ въ поле, а вдали видѣется тоненькой палоской затушованный штрихами дождя лѣсъ. Свѣспивъ съ передка ноги, правитъ лошадыю мозглявый мужиченко въ рыжой шляпѣ, съ опустившимися изщипанными полями и мокрымъ косякомъ въ спишѣ армяка. Ему, кажется, желательно пораньше попасть въ Москву, и поэтому онъ, недовольствуясь простымъ похлестываніемъ мерина подъ брюхо, начинаетъ тыкать кнутовищемъ въ хвостъ; кнутовище запутывается, мужикъ тянетъ его къ себѣ, и вмѣстѣ съ нимъ выдергиваетъ изъ хвоста пукъ волосъ.

Москва. Паша сидитъ въ мастерской портнихи Поляковой, въ Мертвомъ переулкѣ. Ей очень стыдно; ноги у ней голыя, какъ деревяшки какія, рубашка толстая, платьишко хозяйское надѣла коротенькое, а у другихъ дѣвушекъ платья городскія, ножки въ башмачкахъ съ каблучками, и напроски они курятъ... Шить она пока не шьетъ, но ей даютъ распоротъ старую ваточную кофту, или ветхозавѣтный салонъ, изъ котораго экономной чиновницѣ захотѣлось соорудитъ картузь мужу, штаншки сыну и себѣ капоръ. Работа эта взята по знакомству, ибо портниха Полякова ни картузовъ, ни штановъ не шьетъ, стало быть спѣшить и погонять векуда, и поэтому Пашу часто отрываютъ отъ дѣла,—она очень пригодилась по хозяйству: ежеминутно шныряетъ она внизъ въ кухню съ утюгомъ, подастъ хозяину умываться, обѣдать и съ непривычки часто спотыкается на темной лѣстницѣ въ кухню. Въ такихъ случаяхъ она боится не за ребра и бока свои, а за лѣстницу: — «ну-ко, чего добраго подломится!» Кромѣ того, ей приходится изображать собою волка, медвѣдя, дѣда и прочіе ужасы, пуская ихъ въ ходъ, если захнычетъ хозяйскій ребенокъ. Дѣвченка она здоровая, крѣпкая, и поэтому рвутся въ клочья надѣтые на нее, подъ видомъ платья никуда не годные ошметки, и глядитъ сквозь безчисленные прорѣхи въ спишѣ ея чудное, будто изъ слоновой кости выточенное тѣло...

По праздникамъ за мастерицами приходили тетки и сестры, которыя въ формѣ лакеевъ, прикащикова, и проч. обыкнове-

но дожидались ихъ за воротами и потомъ удалялись куда-то на цѣлый день. Оставшись одна въ мастерской, Паша не много тосковала, а въ такія минуты поются пѣсни. Садится она къ вершковому оюшкѣ и своимъ звонкимъ, свѣжимъ голосомъ затягиваетъ деревенскія мужичья пѣсни:

Отдашь батюшка въ немалую семью,
Въ немалую, въ несогласливую...

или:

Всѣ бояре-господа, неразумливые:
На работу гонять рано,
Съ собою хлѣба даютъ мало.
Мы приходимъ по утру,
Намъ готово по кнуту...

Смѣло неслись изъ подъ крыши ея пѣсни, гуляли по пустынному двору, залетали и въ Мертвый переулокъ.

— Эко у этой дѣвки голосъ дивной! говоритъ печавкѣ, стоя посреди двора:—и что это за голосъ, провалится ей, у дѣвки этой!... Это я обдѣлаю доподлинно черезъ Акулину сдѣствую....

Коломъ засѣла въ голову печника мысль «сдѣствовать». И вотъ, сообразивъ, «что какъ онъ есть—печникъ, а подъ домоу печи амосовскія, и стало быть душники такіе идуть, и онъ для этихъ душниковъ приставленъ, чтобы за ними вникать» — подвязываетъ онъ туго-ва-туго подъ шею бумажный платокъ, надѣваетъ чуйку, «для штуки» вооружается папирсой и собирается обдѣлать у Поляковой на счетъ душниковъ.

Вечеромъ въ мастерской дѣвушки смѣются надъ печникомъ; онъ длинный такой—будто ноги у него подъ поломъ, а голова за потолокъ ушла; хотъ и говоритъ онъ: «ладно, грохочи», а нельзя не замѣтить, что сконфузился и поэтому папиросу прилаживаетъ въ ротъ обѣими руками и старается помѣстить ее въ углу губъ...

Разъ, послѣ долгихъ путешествій къ душникамъ, Акулина говоритъ ему:

— Новѣ пошлютъ Пашку съ работой; ступай по Тверскому...

Печникъ сдѣйствовалъ на Тверской, а черезъ надѣла, подѣ предлогахъ, что съ Козьми-Демьяна другого возьмутъ вмѣсто него, явился въ театрѣ.

Прощаясь съ кучеромъ, онъ говорилъ:

— У бабы этого вязгу одного что—за тыщу верстѣ убѣ-
жишь...

Паша съ нѣкотораго времени крѣпко плачетъ.

Акулина утѣшаетъ ее такимъ образомъ:

— Ну, милая, чтожь дѣлать? Что пролито, того не воротишь.

А мастерицы въ глаза ей хохочутъ:

— Что, чай изъ баньки-то пѣшечкомъ дошли?

Паша вдругъ послѣ слезъ будто заоченѣла — «закачалась».

Прошло полгода. Пришла весна, зашумѣла, зазеленѣла и пожаромъ разлилась въ молодомъ тѣлѣ... Тѣло это не усто-
яло...

Среди шумнаго и говорливаго Тверскаго бульвара, вмѣстѣ съ мастерицами, въ нащенскомъ бурнусикѣ, бѣгаетъ со смѣ-
хомъ и «фыркаемъ» въ платокъ Паша. Въ эту пору она поетъ уже не деревенскія пѣсни; она переяла у подругъ:
«Не узжай голубкикъ мой», «Кубокъ янтарный», «А, штошь ты
мнѣ ни купилъ, чиво я просила?» и проч. Тутъ она сходитя
съ какимъ-то господиномъ съ огромными волосами и толстѣй-
шей палкой. Господинъ этотъ, въ субботу, когда обыкновен-
но прибѣгала къ нему Паша, начиналъ ей чтать изъ Шев-
ченко «Сонъ», «Кавказъ», и забылъ выучить азбукѣ. Послѣ
Шевченко начинались пунши, жжонки... Пашѣ скучно было
отъ этихъ чтеній и она начала отвливать. Скоро она совер-
шенно бросила господина и только вынесла отъ него новую
пѣсенку, которую она пѣла на свой ладъ:

Каравале наследства—

Любимое нитво для дамъ...

Зима. Неудержимымъ ключемъ бѣгетъ въ здоровомъ и сочномъ
тѣлѣ жизнь. Съ кѣмъ нибудь по вечерамъ, не чувствуя въ
своемъ пальтишкѣ холода, Паша мчитя на хорошемъ ры-

сакѣ, полозья визжатъ, мелькаютъ фовари; туманить и ошьяняютъ трактирная бѣготня и грохотъ машины. Въ это время вздумалъ *заняться* съ нею какой-то чиновникъ. При знакомствѣ онъ доложилъ, что тутъ дѣло идетъ на вѣрность, и что «ежели чуть-что замѣтится — въ дребезги». Чиновникъ былъ не молодъ, но Паша уже «интересовалась» кой-чѣмъ... Однажды напившись пьянъ, чиновникъ переломилъ объ ея спину черешневый чубукъ, сдѣлалъ скандалъ на весь дворъ, распустилъ слухъ, что *шлюха* украла у него часы, дюжину серебряныхъ ложекъ, и разругавъ всѣхъ, кто ни попадался подъ руку, выгналъ Пашу на улицу.

Прошло много времени. Разъ чиновникъ наткнулся на Страстомъ бульварѣ на такую сцену:

Уперилъ собралась куча народу. Всѣ со смѣхомъ смотрѣли, какъ на Сѣнной площади пять-шесть женщинъ, сидя на землѣ, щипали руками траву. Отъ жары, или отъ того, чтобы закрыть свои физиономіи, онѣ низко надвинули на глаза платки. Платья все не бѣдныя и широкія кринолины говорили, кто онѣ такія. Между женщинами ходилъ съ бадьей, изъ какой извошники поять лошадей, старикъ жидъ и подносилъ по очередно къ каждой изъ этихъ несчастныхъ... Нѣкоторыя изъ нихъ отдыхая ѣли мороженое.

— Что такое? спросилъ чиновникъ.

— А это изъ «этихъ». Обобрали какого-то купца, вотъ ихъ и наказываютъ. Доколѣ, приказано, не выщиплютъ всю площадь.

Чиновникъ уставился съ улыбкой на женщинъ и въ одной изъ нихъ узналъ Пашу.

— А, любезная! произнесъ онъ саркастически, доплясалась!

— И представьте: многіе жалѣютъ.

— Шкуры барабанныя! проговорилъ чиновникъ и ушелъ.

А Цвѣтной бульваръ былъ страшнымъ эпилогомъ Пашиной повѣсти.

Мирно спать обыватель и со страхомъ крестится, переворачиваясь на другой бокъ отъ крика: «карауль»!

Позднюю ночью со страхомъ обходить прохожій какую-нибудь другую Пашу, безцеремонно попросившую взять ее съ собою.

А сколько слышится такихъ воплей; сколько *убоныхъ* бродить до свѣту!

ГЛАВЪ УМЕНСКИИ.

ПРОКЛЯТЫЙ.

Романъ, соч. АББАТА ***

(Le Maudit; par l'Abbè***. Paris et Bruxelles; chez Lacroix).

Въ настоящую минуту сильно занимаетъ свѣтскихъ людей религиозный вопросъ. Это можно видѣть по интересу, возбужденному романомъ Жоржъ-Санда: *Mademoiselle de la Quintinie*, и наконецъ по тому шуму, который надѣлалъ въ настоящее время романъ: *Le Maudit* (Проклятый).

Чѣмъ же объяснить эти симпатіи парижанъ къ религиозному вопросу? Отчего всѣ вдругъ заинтересовались имъ? Оттого ли, что всѣ ясно чувствуютъ, что въ основаніи всѣхъ европейскихъ затрудненій лежитъ римскій вопросъ? Оттого ли, что католическій Западъ пришелъ наконецъ къ началу религиознаго кризиса? Оттого ли, что противорѣчіе между современною наукою и католицизмомъ начало беспокоить совѣсть народа? Оттого ли, что этому разъединенію церкви и государства — предмету столькихъ желаній — суждено наконецъ осуществиться? Оттого ли, что въ глазахъ западныхъ народовъ власть свѣтская и власть духовная будутъ по прежнему воплощаться въ лицѣ папы? Оттого ли наконецъ, что три золотыя короны перестанутъ украшать чело вѣстника Петра?

Что же это за книга—романъ: Проклятый—предметъ столькихъ споровъ, столькихъ нападеній съ одной стороны и восхваленій съ другой?

Исторія этого «Проклятаго»—плачевная исторія. Что касается до насъ, то вотъ какая мысль родилась въ нашей головѣ послѣ

чтенія этого романа: всѣ попытки реформы римско-католической апостольской партіи окончатся точно такъ же, какъ попытка несчастнаго Жюліо, героя романа. «На шипахъ не растетъ виноградъ, а на волчцахъ — винныя ягоды» — сказалъ тотъ, авторитетъ котораго не рѣшатся оспаривать наши паписты, — поэтому намъ кажется, что дерево, на которомъ растутъ учрежденія, подобныя учрежденіямъ іезуитовъ и ультрамонтанъ, такое дерево, которое, говоря словами Іисуса Христа, надо вырвать съ корнемъ и бросить въ огонь.

Вообще эта книга довольно поверхностна; ни одна изъ реформъ, которыхъ требуетъ авторъ, не касается сущности дѣла: онъ нападаетъ только на свѣтскую власть папъ, на безбрачную жизнь священства, на простыя внѣшнія формы... Но мы отнюдь не желаемъ вступать здѣсь въ богословскія разсужденія, мы хотимъ только заявить съ литературной точки зрѣнія, что интересъ «Проклятаго» сильно увеличился бы, если бы авторъ его рѣшился затронуть вопросъ о настоящей сущности дѣла. Жюліо — характеръ совершенно женственный; онъ отнюдь не герой, а развѣ только мученикъ, и мы невольно спрашиваемъ себя, не попался-ли онъ въ просакъ вслѣдствіе своей честности, кротости, идеализма, миролюбиваго темперамента? Мы интересуемся лицами, срисованными съ природы, портретами, которые живо воспроизводятъ что-нибудь дѣйствительно существующее; мы интересуемся также героями романовъ, отличающимися своею дѣятельностью; насъ трогаетъ судьба мучениковъ съ ихъ пассивными достоинствами; но къ наивнымъ людямъ мы не можемъ чувствовать ничего кромѣ смутной симпатіи, смѣшанной съ нетерпѣніемъ.

Какъ! Жюліо былъ домашнимъ секретаремъ кардинала, онъ былъ въ Римѣ, онъ былъ въ тюрьмахъ инквизиціи, въ кабинетѣ генеральнаго викарія, онъ видѣлъ высшую и низшую ступень этой лѣстницы, онъ слѣдилъ за всѣми сценами, проникалъ за всѣ кулисы, видѣлъ всѣ румяна, накладные волосы и притиранья, видѣлъ всю мишуру, все лицемѣріе, всѣ гадости и въ особенности всѣ нечѣности, — и все-таки могъ остаться въ убѣжденіи, что католицизмъ излечить отъ всѣхъ его пороковъ какой-нибудь пластырь галликанизма! А что такое въ сущности этотъ галликанизмъ? Это епископъ Боссюэтъ, льстящій Людовику XIV въ ущербъ папѣ, это теократъ и абсолютистъ Боссюэтъ, оправдывающій драгонады противъ протестантовъ и севенскія убійства. Между галликанизмомъ и ультрамонтанизмомъ такая же разниаца, какая между неразсудительностью и нечѣностью.

Недѣлюсть есть ничто иное какъ сосредоточеніе неразсудительности; это фальшивый принципъ, который строгая логика приводитъ къ послѣднимъ результатамъ. Въ практической жизни галликанецъ конечно не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ ультрамонтанецъ; въ теоріи же ультрамонтанизмъ возмущаетъ васъ, но не возбуждаетъ той скуки и досады, которыя являются при встрѣчѣ съ этимъ сплетеніемъ противорѣчій, которому даютъ названіе галликанизма.

Въ историческомъ отношеніи первымъ изъ галликанъ былъ Боссюэтъ, послѣднимъ—сенаторъ баронъ Дюпенъ, самый скверный изъ всѣхъ трехъ Дюпеновъ.

Что касается до того, чтобы дѣлать изъ галликанизма одну изъ формулъ будущности,—то упаси насъ Господи отъ этого!

И для того, чтобы доставить торжество этому галликанизму, Жюлю не нашель лучшаго средства, какъ позволить разбить себя точно сосудъ съ фиіамомъ, и безропотно отдать на убой свою Луизу, свою сестру, любимую подругу... Хорошо средство!

Ес-и-бъ Жюлю былъ дѣйствительно такимъ человѣкомъ, какии авторъ желаетъ его выставить, т. е. могучимъ гениемъ,—онъ, подобно славному Ламнэ, просто сорвалъ бы съ себя католическую рясу, потому что она была запятнана, и надѣлъ бы на себя то платье, которое носятъ всѣ люди; онъ осуществилъ бы на самомъ себѣ то разъединеніе церкви и государства, котораго онъ требовалъ; вмѣсто своихъ жалобныхъ рѣчей и сентиментальныхъ элегій, онъ тоже могъ написать «Прощаніе съ Римомъ» *); наконецъ, отчего, вмѣсто того, чтобы допустить до смерти свою возлюбленную Луизу, онъ не отправился съ нею въ Нью-Йоркъ и тамъ не женился на ней? Если его мысль, его совѣсть находилась въ постоянномъ рабствѣ, то отчего онъ не выпелъ изъ своей тюрьмы? Вѣдь по крайней мѣрѣ во Франціи всѣ клерикальныя клѣтки почти раскрыты для тѣхъ, кто одаренъ какаимъ-нибудь здравымъ смысломъ и особенно какою-нибудь нравственною силою. *Forti libertas!*

«Проклятый» далеко не образцовое произведеніе въ литературномъ отношеніи. Неизвѣстный авторъ на 1200 страницахъ толкуетъ о томъ, что ловкій писатель гораздо лучше высказалъ бы въ одномъ томѣ. Но не смотря на эти литературные недостатки, книга не лишена достоинствъ и читается съ большимъ интересомъ; въ ней вы часто встрѣчаетесь съ умными замѣча-

*.) Одно изъ сочиненій Ламнэ.

ніями, тонкими наблюденіями; нравственный анализъ проведенъ очень искусно. Въ цѣломъ книга отличается очень женственнымъ характеромъ, и судя по впечатлѣнію, которое она оставила въ насъ, намъ кажется, что авторъ ея дѣйствительно священникъ, т. е. человекъ, дѣлавшій свои психологическія наблюденія въ исповѣдальнѣ, посѣщаемой, какъ извѣстно, исключительно женщинами.

Во всякомъ случаѣ, читая этотъ романъ, невозможно не поражаться правдою нѣкоторыхъ портретовъ, вѣрностью нѣкоторыхъ подробностей, общею правдоподобностью всѣхъ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, и человекъ мало-мальски знакомый съ исторіей нашего времени, ясно видитъ, что весь романъ, точно юзаическое произведеніе, составленъ изъ фактовъ неоспоримыхъ и анекдотовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Что касается до насъ, то мы благодарны неизвѣстному автору за сообщеніе достовѣрныхъ свѣдѣній о людяхъ и вещахъ, съ которыми мы ни за что не стали бы знакомиться, если бы для этого намъ нужно было сходить съ ними лично. Сю рассказать намъ парижскія тайны, другіе—тайны галеръ и другихъ мѣстъ; мы принимаемъ эти свѣдѣнія на вѣру, читаемъ ихъ съ любопытствомъ, но ни мало не желаемъ лично удостовѣриться въ ихъ справедливости.

Послѣ чтенія этого романа и особенно страницъ, касающихся тайнъ іезуитизма, невольно рождается вопросъ: чего хотятъ, къ чему стремятся іезуиты? Это ихъ тайна,—тайна, впрочемъ, извѣстная многимъ. Но вотъ чего мы никогда не подозревали и что раскрываетъ намъ авторъ «Проклятаго»:

Во всѣхъ пророчествахъ, пускаемыхъ ими въ ходъ уже дѣло столѣтіе, господствуетъ вотъ какая мысль: *«Парижъ будетъ сожженъ»*,—и эта мысль особенно пріятна умамъ, увлеченнымъ мистицизмомъ. Она—предметъ самыхъ горячихъ вѣрованій ихъ. Нѣкоторые подвергнули сомнѣнію возвращеніе Людовика XVII, предсказанное Мартиномъ Гальярдономъ; другіе, съ смѣлостью достойною свободнаго мыслителя, думаютъ, что Пій IX ни въ какомъ случаѣ не будетъ распятъ партизанами итальянскаго единства; но всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ съ пророками и пророчицами изъ іезуитовъ: *«Парижъ будетъ сожженъ.»*

Заключимъ нашу статью словами архіепископа тулузскаго, кардинала Фламарана (одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Проклятый»):

«Что-жъ дѣлать? Мы убаюкиваемъ себя ложью въ нашемъ илюзѣ католическомъ обществѣ. Вотъ отчего свѣтъ переносить насъ и оставляетъ въ покоѣ!»

Представивъ здѣсь краткую характеристику романа, надѣлавшаго столько шуму, считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей и съ самимъ романомъ во всѣхъ его наиболѣе интересныхъ подробностяхъ. Для этого мы помѣщаемъ здѣсь полный переводъ тѣхъ главъ, которыя яснѣе чѣмъ другія высказываютъ мысль романа и заключаютъ въ себѣ подробности, прямо касающіяся главной цѣли автора. Для того же чтобы читатель не терялъ нити разсказа, мы будемъ остальные главы, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ, передавать въ нѣсколькихъ словахъ.

Три женщины выходили изъ стараго отеля, построеннаго въ XVI ст. въ Тулузѣ, въ улицѣ de-Tour, однимъ совѣтникомъ парламента. Было утро; на большихъ часахъ Капитолія пробило 8 часовъ; но въ провинціи встаютъ съ разсвѣтомъ. Три женщины шли по дѣлу, весьма важному для благочестивыхъ душъ.

Старшая изъ нихъ, госпожа де-ла Клавьеръ, шла подъ руку съ своей племянницею Луизою Жюлію. За ними слѣдовала горничная, Мадлетта, старая и набожная дѣвушка, которая до 58 лѣтъ сохраняла подъ слабымъ наружнымъ видомъ всю энергію пиринейской расы.

Онѣ шли по улицѣ de-Tour, направляясь къ площади Капитолія, и занятая мысленною переборкою своихъ грѣховъ, молчали. Старуха говорила себѣ, что она провинилась своими обычными вѣтерпѣньемъ и разсѣянностью; что раза два она позволила себѣ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ на счетъ своего ближняго; что наконецъ она поддавалась искушенію обжорства, которое она деликатно называла чувственностью. Когда человѣку семьдесятъ лѣтъ, когда онъ живетъ вдали отъ свѣта съ молодой племянницей и не принимаетъ никого, кромѣ двухъ или трехъ стариковъ, приходящихъ поиграть въ карты, — тогда у него грѣховъ не много. И не смотря на это госпожа де-ла Клавьеръ была теперь въ большомъ волненіи. Она шла тихо и почти дрожала. Луиза слышала даже, слѣдующія слова, произнесенныя шопотомъ: „Боже мой, что я буду дѣлать!“

Молодая дѣвушка была во всемъ блескѣ своей двадцатилѣтней красоты. Это была одинъ изъ тѣхъ благородныхъ типовъ, которые встрѣчаются иногда между южными женщинами и съ одинаковымъ совершенствомъ соединяютъ въ себѣ правильность чертъ, точно изваянныхъ артистомъ, и удивительную грацію. Будучи одинаковаго роста съ своей теткой, которая сама когда-то блистала въ свѣтѣ, она, казалось, была выше ея головою, которую держала прямо не инстинкту и безъ малѣйшей тщеславной мысли, между тѣмъ какъ бѣдная старуха, точно удрученная угрызениемъ совѣсти, крѣпко опиралась на руку племянницы, чтобы не упасть: такъ сильно безпокоила ее мысль о томъ, что она черезъ минуту преклонится предъ добрымъ духовникомъ — отцомъ, который на этотъ разъ казался ей страшнымъ.

Луиза тоже дѣлала смотръ своей совѣсти и тоже находила себя во многомъ грѣшной. Она очень любила свою тетку, но капризы старухи нѣсколько разъ выводили и ее изъ терпѣнія. Она не была тщеславна, но зеркало ея сказало ей, что она прекрасна, — и дочь Еввы повѣрила зеркалу. Она тоже насмѣхалась, — правда не много, но все таки насмѣхалась — надъ старикомъ Турпишономъ, считавшимся въ Тулузѣ однимъ изъ тайныхъ агентовъ и бѣрныхъ приверженцевъ іезуитовъ. Наконецъ, милая дѣвушка, въ одинъ изъ тѣхъ часовъ, когда сердце, переполненное жизнью, стремится къ идеальному блаженству, остановилась мыслью на одномъ мимолетномъ образѣ, бывшемъ, конечно, воспоминаніемъ о какомъ-нибудь львѣ, лорнировавшемъ ее въ то время, когда она спокойно шла въ церковь.

Вотъ и все. Она не знала за собою вины злословія и обжорства — двухъ пороковъ, незнакомыхъ молодымъ и хоробшимъ натурамъ. Она даже не могла упрекнуть себя по отношенію къ Мадлеттѣ, которую признавала очень глупою женщиною, но уважала почти столько же, сколько свою тетку. Значить — думала Луиза — добрый батюшка не будетъ бранить меня.

Что касается до Мадлетты, она не знала, что такое грѣхъ. У этого бѣднаго существа, жившаго до того времени въ горахъ и знавшаго только овецъ, которыхъ она пасла на зеленыхъ равнинахъ Валкабриеры, была теперь одна мысль — безусловно исполнять волю своей госпожи. Исповѣдь Мадлетты могла назваться стереотипированной; что она говорила сегодня, то же самое повторяла и завтра, не измѣняя ни одной буквы; да вѣче не могло и быть при такой монотонной жизни. Не смотря на то что она была старой дѣвой, въ характерѣ ея не было и слѣ-

да хитрости, но у нея была удивительная способность помнить все, что долетало до ея слуха, такъ что отъ нея можно было узнавать обо всемъ, происходившемъ въ домѣ г-жи де-ла Клавьеръ. А такъ какъ своего духовника она считала своимъ земнымъ богомъ, то въ голову ея ни разу не пришла мысль, что въ благодетельныхъ слетняхъ, сообщавшихся ею своему исповѣднику и отъ времени до времени вызывавшихся этимъ святымъ отцемъ, было кое-что кромѣ чистаго желанья величайшей славы божией.

Такимъ образомъ три женщины подвигались впередъ. На половникѣ улицы, по лѣвой сторонѣ, стоитъ высокое зданіе съ гладкими, лишенными всякихъ украшеній, фасадомъ, въ родѣ тѣхъ, которые новое искусство дѣлаетъ достояніемъ фабрикъ и казармъ. Луиза долго смотрѣла въ эту сторону; казалось, что она отыскивала за этими высокими стѣнами любимое существо. Въ этомъ возрастѣ, сердечныя ощущенія еще узнаются по глазамъ.

Пройдя площадь Капитолия, онѣ вошли въ длинную, довольно широкую, но извилистую улицу — одну изъ главнѣйшихъ артерій столицы юга; потомъ повернули направо и пошли по улицѣ Инквизиціи. Это названіе она получила отъ дома инквизиціи, находящагося въ ней и теперь составляющаго собственность изуватовъ.

Фасадъ этого дома коротокъ и низокъ, и домъ безъ всякой претензіи построенъ при учрежденіи въ Тулузѣ кроваваго судилища. На воротахъ до сихъ поръ видна готическая надпись, которую довольно трудно разобрать и которая опредѣляетъ время постройки зданія.

Почти насупротивъ его, въ улицѣ, стоитъ ниша, въ которой помещено изображеніе мадонны въ черной шелковой одеждѣ; на головѣ у нея корона изъ позолоченой мѣди, а на рукахъ—младенецъ Исусъ тоже въ коронѣ и одѣтый. Лампада день и ночь горитъ передъ этимъ образомъ—предметомъ набожнаго поклоненія жителей Тулузы. Глядя на него, кажется, что поэтический духъ среднихъ вѣковъ нарочно поставилъ изображеніе любви и милосердія противъ страшнаго дома, изъ котораго исходили страшные приговоры къ смерти и пыткѣ.

Госпожа Клавьеръ перекрестилась и посмотрѣла на образъ съ такимъ умоляющимъ выраженіемъ, съ какимъ смотритъ человѣкъ, котораго ведутъ на казнь. Луиза обратила вниманіе только на

большіе букеты цвѣтовъ, украшавшіе рѣшетку ниши, а Мадлетта тихо пробормотала молитву.

Затѣмъ, всѣ онѣ вошли въ монастырь узкимъ коридоромъ, на концѣ котораго расположена часовня. По величинѣ и архитектурѣ, эта маленкая церковь іезуитовъ не представляетъ ничего необыкновеннаго, кромѣ развѣ ряда темныхъ углубленій, изъ которыхъ въ каждомъ устроена просторная исповѣдальня. Духъ ордена видѣнъ въ этомъ внѣшнемъ расположеніи. Тутъ все тайна: вопреки обыкновенію, существующему въ приходскихъ церквахъ, на исповѣдальняхъ нѣтъ надписей, обозначающихъ имя духовника, засѣдающаго въ нихъ. Только номеръ начертанъ на фронтонѣ этихъ мрачныхъ дубовыхъ алькововъ, сдѣлавшихся могущественнымъ средствомъ сообщенія этого ловкаго духовенства съ женщинами, потому что мужчинъ оно принимаетъ въ своихъ кельяхъ.

Г-жа Клавьеръ, Луиза и Мадлетта, предварительно запасшись святою водою и набожно перекрестившись, паправились къ № 8, находящемуся въ глубинѣ правой стороны церкви и скоро исчезли въ глубокомъ сумракѣ этого убѣжища. Скоро священникъ, старикъ еще полный энергіи, съ сухимъ и блѣднымъ лицомъ, вышелъ изъ алтаря боковою дверью и черезъ нѣсколько мнута, одѣтый въ рясу съ широкими рукавами, помѣстился въ своей исповѣдальнѣ. Нѣсколько вѣрныхъ молились передъ алтаремъ. Два другихъ священника также помѣстились въ своихъ исповѣдальняхъ и исповѣдывали женщинъ. Въ церкви царствовало ненарушимое молчаніе; только по временамъ слышался шорохъ шелковыхъ платьевъ женщинъ, отправлявшихся преклонять колѣни передъ святыми отцами.

Старуха, видимо взволнованная, съ разумянившимся лицомъ, какъ будто готовясь покаяться въ тяжеломъ грѣхѣ, вошла первая, приподнявъ занавѣску чернаго цвѣта, которая опустелась за нею. Послѣ этого, около таинственнаго алькова еще долго слышался только неуловимый шопотъ двухъ голосовъ, отвѣчавшихъ другъ другу съ медленнымъ однообразіемъ.

Послѣ благословенія, произнесеннаго священникомъ по латыни, старуха довольно спокойнымъ голосомъ рассказала грѣшки, въ которыхъ обвиняла себя. Потомъ, ударивъ себя рукою въ грудь, прибавила:

— Батюшка, другихъ грѣховъ я за собою не помню.

Послѣ небольшого молчанія, священникъ спросилъ:

— Ну, любезная дочь, хорошо ли вы обдумали то, что я говорилъ вамъ восемь дней тому назадъ?

— Да, батюшка.

— На что-же вы рѣшились?

— На все, что будетъ вамъ угодно. Я обѣщала вамъ безусловную покорность.

— Вѣрю, дочь моя; но вы знаете, что въ управленіи человѣческими сердцами, особенно когда дѣло идетъ о такомъ важномъ рѣшеніи, наша обязанность—не исторгать священныя обѣтовъ покорности и предоставлять вѣрной душѣ принесеніе жертвы по собственному великодушному побужденію. А говоря откровенно, дочь моя, ваша жертва въ этомъ случаѣ не особенно велика. Вамъ, размышляющимъ такъ часто о скоротечности нашего пребыванія въ этой юдоли бѣдствій, о вѣроятной близости блаженной смерти, должнствующей освободить васъ отъ заботъ и погрѣшностей бѣдной земной жизни,—вамъ я безъ всякаго затрудненія могу сказать: хотите вы или не хотите, а вамъ скоро должно будетъ отказаться отъ этого богатства, къ которому, я знаю, сердце ваше не питаетъ никакого сочувствія. Сдѣлайте изъ него болѣе святое употребленіе. Отходя изъ этого міра, оставьте неизгладимое воспоминаніе о вашемъ великодушіи и вашей вѣрѣ. Церковь будетъ благословлять васъ, дочь моя, а наша святая обитель будетъ вѣчно молиться о своей благороднѣйшей и любезнѣйшей покровительницѣ.

Святой отецъ остановился, какъ бы ожидая, что скажетъ его духовная дочь. Она молчала, но глубокій вздохъ обнаружилъ ея душевное волненіе. Священникъ продолжалъ:

— Дочь моя, вы еще вземете голосу плоти и крови. Берегитесь гибельныхъ внушеній духа зла!

— Батюшка, увѣряю васъ, что я не жалѣю ни о чемъ, когда дѣло идетъ обо мнѣ; и Богъ свидѣтель, что я сію минуту отъказалась бы отъ всѣхъ своихъ денегъ. Но меня мучитъ глубокое угрызненіе совѣсти, глубокое безпокойство: Луиза и ея братья мои наслѣдники, потому что я сама урожденная Жюліо и сестра ихъ отца. Не поступлю ли я противъ совѣсти, если лишу ихъ наслѣдства какъ моего, такъ и ихъ дѣда?

— Да, вы говорите о состояніи господина Жюліо,—состояніи, которое, какъ я вамъ нѣсколько разъ говорилъ на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, составилось лихоимствомъ и противозаконными дѣйствіями.

— Онь, однако, слылъ такимъ честнымъ человѣкомъ.

— Что же изъ этого, если теперь, за такое несправедное прибрѣтеніе богатства, онъ горитъ въ чистилищѣ! Повторяю вамъ: у васъ осталось только это средство для успокоенія его души и для спасенія вашей. Возвращеніе вещей, прибрѣтенныхъ незаконнымъ путемъ, есть обязанность всякой совѣсти; теорія научаетъ насъ, что когда невозможно отыскать лицъ, пострадавшихъ отъ лихоимства, то благочестивыя пожертвованія достигаютъ той же самой цѣли. Вы еще очень счастливы, что у васъ осталось хоть это средство.

— Ахъ, бѣдныя дѣти!

— Да, бѣдныя дѣти! Милое состраданіе! Вотъ вы и заговорили какъ люди, принадлежащіе къ свѣту. Право, дочь моя, еслибъ я не зналъ васъ близко, то подумалъ бы, что у васъ въ сердцѣ нѣтъ вѣры. Какое безразсудное недовѣріе къ Богу! Кто вамъ сказалъ, что милая Луиза не чувствуетъ призванія сдѣлаться монахиней! Вы понимаете, что такъ какъ я духовный отецъ ея, то есть вещи, которыхъ я не могу вамъ сказать. Что касается вашего племянника Жюліо, онъ черезъ нѣсколько дней будетъ постриженъ въ священники. Глупый мальчикъ! еслибъ онъ послушался совѣтовъ нашихъ братій въ то время, когда выходилъ изъ нашего училища, то теперь былъ бы нашимъ. Когда-нибудь онъ раскается въ этомъ. У него есть дарованіе; какая отличная карьера предстояла ему! Но какъ бы то ни было, а и въ бѣломъ духовенствѣ онъ получитъ должность и ему не за чѣмъ будетъ имѣть полмилліона состоянія, который сдѣлалъ бы изъ него гордеца и дурного священника. Вѣрьте мнѣ, дочь моя, Богъ лучше васъ знаетъ, въ чемъ заключается спасеніе вашего племянника и вашей племянницы.

— Но, батюшка...

— Да, дочь моя, надо быть благоразумнѣе. Все это пустыя сожалѣнія и чистое воображеніе. Вы прогнѣвите Бога, погубите душу вашего любезнаго мужа, не принесете жертвы, могущей спасти васъ.

— Хорошо, батюшка, я согласна.

— Я ожидалъ этого, дочь моя, отъ вашего нѣжнаго благочестія. Богъ любитъ людей, приносящихъ жертвы съ радостью. Если вы уполномочиваете меня, я передамъ г. Турнишону форму завѣщанія, которое вы переписали очень четко. Такъ какъ люди злы и такъ какъ наши враги могутъ возбудить вопросъ о правильности завѣщанія, то вы назначите единственнымъ наследникомъ вашимъ того же г. Турнишона. Впрочемъ, въ черномъ

спискъ завѣщанія я выразилъ положительную вашу волю, чтобы онъ вліялъ пожизненный приличнѣйшій пенсіонъ Луизѣ и аббату Жюлію. Изъ этого вы видите, что мы не хотимъ обидѣть этихъ милыхъ дѣтей. Наше общество будетъ всегда покровительствовать имъ въ память о васъ. А наше общество никогда не бываетъ неблагоприятно въ отношеніи къ своимъ друзьямъ.

— Я согласна, батюшка.

— Хорошо, я рассчитываю на ваше слово. Прощайте, дочь моя, примите мое благословеніе и идите съ миромъ.

Занавѣска поднялась.

Бѣдная женщина, едва живая отъ волненія, медленно вернулась къ своему стулу и опустившись на него, закрыла лице руками. Луиза Жюлію заступила мѣсто своей тетки.

Она подробно рассказала всѣ свои грѣхи за прошедшую недѣлю. Мы видѣли, что это были за грѣхи. Не смотря на это, святой отецъ наморщилъ брови.

— Еслибы—сказалъ онъ самымъ мягкимъ голосомъ—все это сдѣлалъ не вы, милое дитя мое, я не сказалъ бы ничего. Богъ смотритъ на такіе поступки, какъ на погрѣшности, которымъ поддаются самыя святыя души. Но тѣмъ не менѣе это часто беспокоитъ меня. Я уже нѣсколько разъ замѣчаю эти разговоры ваши съ зеркаломъ и это погруженіе въ воспоминанія, которое можетъ завести васъ далеко. О, дитя мое, когда же сердце ваше окончательно изгонитъ изъ себя эти мимолетныя привязанности, недостойныя васъ? Когда же голубка моя полетитъ наконецъ въ облака, сказавъ вѣчное прости этому міру, въ которомъ, по моему мнѣнію, нѣтъ ни одного мѣста, достойнаго быть тронутымъ ея ногою?... Что же, дочь моя, когда настанетъ блаженная минута, въ которую вы скажете вашему духовному отцу: Я не колеблюсь больше, я вся принадлежу Богу?

— Батюшка, вы дали мнѣ нѣсколько времени на размышленіе.

— Это правда, дочь моя; да я и говорю съ вами объ этомъ только для того, чтобы напомнить вамъ важность размышленій, долженствующихъ утвердить ваше призваніе на непоколебимыхъ основаніяхъ. Милое дитя мое, раскройте мнѣ всю свою душу. Дайте мнѣ возможность прочесть ваши задушевнѣйшія мысли. На мнѣ лежитъ обязанность—во имя Бога рѣшить окончательно вашу будущность, а для этого я долженъ глубоко изучить ваше сердце. Расскажите мнѣ обо всемъ, что происходило съ вами въ теченіе этой недѣли.

— Что же мнѣ сказать вамъ, батюшка? Это . все одиѣ и тѣ же мысли, одни и тѣ же сомнѣнія. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что Богъ призываетъ меня къ себѣ, когда блаженство является мнѣ среди добрыхъ монахинь обители Sacré-Coeur, гдѣ протекло мое дѣтство. Иногда я испытываю порывы релігиознаго восторга, и въ это время жизнь вдали отъ міра кажется мнѣ земнымъ раемъ.

— Дочь моя, это прекрасныя минуты, это минуты, когда божественный супругъ говоритъ сердцу своихъ цѣломудренныхъ женъ.

— Да, батюшка; но не знаю отчего, за этими сладостными ощущеніями наступаютъ ощущенія иного рода. Мыслямъ моимъ является дѣйствительная жизнь: небольшое знакомство мое съ свѣтомъ, то, что я прочитала съ позволенія тетушки, этотъ новый міръ, который я нахожу въ себѣ съ цѣлымъ роємъ смутныхъ стремленій, въ которыхъ не могу вамъ отдать отчета, потому что и сама не понимаю ихъ,—все это невольно заставляетъ меня думать, что міръ не таковъ, какимъ рисуется онъ въ благочестивыхъ книгахъ, проповѣдяхъ, даже—простите мнѣ, батюшка—въ вашихъ словахъ. Въ эти минуты мнѣ кажется, что есть тайна, которой я еще не знаю, есть задача, которую я понимаю дурно, но смыслъ которой будетъ ясно открытъ мнѣ. Въ это время я думаю, что эти смутные порывы моего сердца, цѣли которыхъ я не знаю, найдутъ себѣ законное удовлетвореніе. Я, вѣроятно, очень дурно выражаюсь, батюшка, но вы велѣли мнѣ сказать все, что я чувствую.

— Напротивъ, дитя мое, вы хорошо передаете ваши сомнѣнія и полусожалѣнія, привязывающія васъ до сихъ поръ къ радостямъ этой жизни, отъ которыхъ высшая благодать побуждаетъ васъ отказать. Но не пугайтесь этой борьбы; я предвижу ея въ васъ и напрасно не предска залъ ее вамъ; это испытаніе, дочь моя, и нѣтъ ничего страшнѣе его мученій.

— Нѣтъ, батюшка, увѣряю васъ, что я не испытываю никакого тяжелаго чувства, ничего похожего на страданіе. Я должна вамъ сознаться, что нахожу безконечную прелесть въ мысляхъ о невѣдомомъ существованіи, въ которомъ, я хорошо это чувствую, дѣлаю первые шаги. Это еще не все, батюшка: не смотря на то, что я не знаю многихъ вещей, о которыхъ не смѣю спрашивать даже тетушку, — когда я задаю себѣ великій вопросъ: сдѣлаться ли монахиней или остаться хоть въ свѣтѣ? — семейная жизнь является мнѣ въ плѣнительномъ ви-

дѣ, заставляющентъ меня забывать полу-волю, устремляющую меня къ монастырю! Я обожаю дѣтей: они такія воспитательныя созданья божіи! Особенно съ нѣкотораго времени, я не могу увидѣть мать съ ребенкомъ на рукахъ безъ того, чтобы какой-то могущественный инстинктъ не говорилъ мнѣ: и ты тоже могла бы испытывать сладкое материнское чувство. Я вамъ говорю это здѣсь, батюшка, на исповѣди; въ другомъ мѣстѣ я бы не сказала этого даже вамъ, не то что кому-нибудь другому; но мнѣ кажется, что нѣтъ ничего прекраснѣе законовъ природы. Прощедшимъ лѣтомъ я познакомилась немного съ естественною исторіею изъ книги, которую нашла у своего брата. До этого чтенія, я ничего не понимала въ громадной дѣятельности существъ, рождающихся и размножающихся вокругъ насъ. Но вѣдь все это великолѣпно, батюшка! И это ознакомленіе съ природою не только не вредило мнѣ, но еще сильнѣе привязывало къ Богу; я больше любила Его!

— Пагубныя увлеченія, дочь моя! Въ молодости надо сильно остерегаться этой любви къ природѣ, потому что она лишаетъ душу твердости.

— Но, батюшка, чувства, которыя побуждаютъ насъ любить Бога, находить его добрымъ, великимъ, безконечнымъ и всемогущимъ, — чувства религіозныя, или иначе религія ничего не значить.

— Видите, дочь моя, эти мысли и эти занятія выучили васъ разсуждать. Я васъ велъ всегда лучшимъ путемъ—путемъ покорности, готовности приносить жертвы и умерщвленія плоти, — и моя метода гораздо вѣрнѣе.

— Конечно, батюшка, когда дѣло идетъ о женщинахъ, посвятившихъ себя монастырской жизни; но что, если у меня нѣтъ призванія...

— Вы въ заблужденіи, дитя мое; я вижу, что эта книга повредила вамъ. О, какъ не хорошо поступаютъ тѣ, которые читаютъ все безъ разбора, и какъ виноваты вашъ братъ...

— Вы удивляете меня, батюшка...

— Дитя мое, одинъ только путь можетъ назваться надежнымъ—это путь послушанія. Вы по себѣ знаете, что все остальное бросаетъ насъ въ лабиринтъ сомнѣній... Теперь, послушайте меня: я скоро буду говорить въ теченіе недѣли проповѣди въ монастырѣ Sacré-Coeur. Быть принятымъ туда — большая честь. Къ слушанію проповѣдей будетъ допущено весьма ограниченное число постороннихъ дѣвушекъ. На васъ уже теперь

смотреть какъ на дитя этой святой обители. Я буду говорить о блаженствѣ душъ, посвящающихъ себя ангельской жизни. Эти восемь дней молитвы и спокойствія разсѣкутъ тучи, которыми вредное чтеніе покрыло вашу душу, до тѣхъ поръ незнакомую ни съ одной преступной мыслью. Подумайте же, дитя мое, что должно...

Священникъ еще довольно долго говорилъ, но Луиза уже не слушала его. Въ первый разъ въ жизни, вещи являлись ей глазами въ дѣйствительномъ видѣ.

Она цѣломудренно прикрыла предъ священникомъ мысли, тревожившія ее. Она ожидала серьезнаго объясненія отъ этого челоука, котораго до тѣхъ поръ считала представителемъ воли божьей. Ее оскорбилъ отказъ его объяснить ей ея сомнѣнія и ощущенія.

— Онъ обращается со мной какъ съ ребенкомъ, сказала она про себя.

Она окончила молитву, наклонилась для принятія благословенія отъ св. отца и вышла съ растерзанною душою.

Наступила очередь Мадлетты.

Патеръ Бриффаръ обыкновенно не бралъ въ число своихъ духовныхъ дочерей тѣхъ женщинъ, которыя находились въ услуженіи. Онъ обходился сухо со всякою посѣтительницею, не шумѣвшею шелковымъ платьемъ, а слѣдовательно не принадлежавшею къ аристократическому и богатому классу. Но Мадлетта имѣла счастье попасть въ духовныя дочери его. Мы не можемъ скрыть, что она гордилась этою привилегіей: какъ бы то ни было, а духовнымъ отцемъ ея былъ духовникъ знатныхъ барынь! Она и не подозрѣвала, какую пользу находилъ для себя іезуитъ въ этомъ заботливомъ ухаживаньи за старою дѣвою, въ высшей степени глупой, но болтливой и наивной и думавшей, что сколько ни скажешь на исповѣди о себѣ и другихъ, — все будетъ мало.

На этотъ разъ Мадлетта говорила обо всемъ: о своей барынѣ, о Луизѣ, о тулузской семинаріи и монахахъ сульпиціанскаго ордена, управляющихъ ими, о постриженіи аббата Жюліо, брата Луизы, — постриженія, которое должно было совершиться черезъ нѣсколько дней и сильно занимало старую служанку.

Священникъ убѣдился, что аббатъ Жюліо, во время послѣднихъ канкуль, проведенныхъ дома, безцеремонно выражался на счетъ іезуитовъ, что онъ даже обращался къ сестрѣ съ насмѣлками надъ ея патеомъ Бриффаромъ, котораго онъ называлъ

«самымъ продувнымъ изъ всѣхъ этихъ женщинъ людей.» Разъ за столомъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, онъ сказалъ: «Я жалю женщину, попадающую въ когти этого святаго отца.» Г-жа Клавьеръ при этомъ поврастѣла и посмѣшила перебивнитъ разговоръ. Въ тотъ же самый день Луиза долго разговаривала съ своимъ братомъ, и Мадлетта слышала, какъ молодой аббатъ предсказывалъ сестрѣ, что въ одно прекрасное утро они узнаютъ, что тетка ихъ формальнымъ завѣщаніемъ оставила все свое состояніе въ пользу іезуитовъ.

— Впрочемъ—прибавила Мадлетта—я не думаю, что аббатъ говорилъ это съ злымъ умысломъ; простите его, онъ такой добрый человекъ.

— Вѣрь, любезная дочь, что до всего этого злословія намъ мало дѣла. Наше святое общество имѣетъ ту привилегію, что его постоянно преслѣдуютъ. Мы не обвиняемъ начальниковъ семинаріи св. Сульпиція въ томъ, что они дурно говорятъ о насъ; но намъ прискорбно, что и въ семинаріи проникъ свѣтскій духъ, и Богъ знаетъ, до чего при такомъ порядкѣ дойдетъ дѣло въ тулузской епархіи. У Жюліо дурныя наклонности. Первоначальное воспитаніе онъ получалъ у насъ; мы умѣли его сдерживать; но что теперь станетъ съ нимъ при его пламенномъ воображеніи и гордости? Мы дрожимъ при одной мысли о судьбѣ его. Моли Бога, дочь моя, чтобъ онъ когда-нибудь не раскаялся въ томъ, что призвалъ его къ священству... Еслибъ Жюліо остался между нами, онъ занялъ бы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ средѣ нашихъ священниковъ; у него большія способности къ проповѣдническому искусству; но на той дорогѣ, которая теперь избрана имъ, онъ кончитъ дурно.

— Какъ это огорчаетъ меня, батюшка.

— О, дочь моя, я говорю все это не для того, чтобы ты перестала любить его. Мы сами питаемъ къ нему нѣжную любовь, но за нимъ необходимо наблюдать. Вы знаете, что наше положеніе и значеніе, которымъ мы пользуемся въ архіепископствѣ, даютъ намъ возможность имѣть большое вліяніе на судьбу этого молодого человека. Съ его стороны было бы большою неблагодарностью желать намъ зла и большимъ неблагоразуміемъ—по крайней мѣрѣ не молчать, если ужъ онъ не любитъ насъ. Я желалъ бы, чтобъ ему были переданы мои слова, и ты обьякашъ меня, если сдѣлаешь это.

Потомъ, собираясь отпуститъ Мадлетту, онъ прибавилъ:

— Съ другой стороны, ты, дочь моя, лучше меня знаешь, что большею частью своего состояннѣ старикъ обязанъ лихоимству. Мы не можемъ ничего приказывать почтенной госпожѣ Клавьеръ; но говорю тебѣ по секрету, еслибъ она захотѣла успокоить свою душу какими-нибудь благочестивымъ пожертвованіемъ, то я увѣренъ, что ты, любезная Мадлетта, первая согласишься, чтобы она предпочла спасеніе своей души удовольствію горѣть въ аду изъ-за обогащенія своихъ наслѣдниковъ. Правду ли я говорю?

— О, да, батюшка, вы всегда говорите правду.

Старуха была до крайности горда тѣмъ, что ея духовникъ оказалъ ей такую необыкновенную честь — поговорилъ съ ней по секрету. Эпитемія, которую онъ наложилъ на нее за ея грѣхи, показалась ей легкою. Она вышла съ сіяющимъ лицомъ изъ исповѣдальни патера Бриффара.

У Жюліо былъ другъ и товарищъ по семинаріи Огюсть Вердлонъ. Въ тотъ самый день, когда происходила вышеописанная сцена, Вердлонъ объявлялъ своему другу, что онъ рѣшился выйти изъ духовнаго званія, вслѣдствіе чтенія, размышленія и знакомства съ образомъ жизни духовенства. «Другъ мой — сказалъ онъ ему въ заключеніе своей длинной рѣчи—я не могу даже выносить мыслъ о томъ, чтобы связать себя торжественными узамъ съ корпораціей, являющейся прямымъ антагонистомъ идеи соціальной эмансипаціи. И день, въ который я сказалъ самому себѣ: еще есть время, оставь этихъ честныхъ, но слѣпыхъ людей, проповѣдующихъ свѣтъ и фабрикующихъ гасильники этого свѣта,— былъ днемъ моею свободой и счастьемъ. Въ этотъ день, я, какъ членъ великой человѣческой семьи, освободился отъ оковъ рабства.»— Вердлонъ сдержалъ свое слово, вышелъ изъ семинаріи и посвятилъ себя адвокатскому званію. Жюліо остался священникомъ, чтобы исполнить то, что онъ называлъ своимъ призваніемъ.

Въ католической монархіи, имѣющей какъ говорятъ, 200 милліоновъ подданныхъ, есть два государя. Одинъ изъ нихъ—государь номинальный; онъ называется папою и засѣдаетъ въ Ватиканѣ съ кардиналами, камергерами, прелатами, костюмированной стражею. Другой—государь дѣйствительный; онъ засѣдаетъ

въ *Geni* и называется генераломъ іезуитскаго ордена. Онъ стоить во главѣ самой многочисленной, дѣятельной и могущественной ассоціаціи, какая только могла образоваться между людьми.

Перваго изъ этихъ монарховъ величаютъ святѣйшествомъ, втораго—высокопреподобіемъ. Когда вамъ даетъ аудіенцію папа, тогда въ залѣ, предшествующей кабинету, въ которомъ намѣстникъ Христа дастъ вамъ облобызать свой перстень и свою туфлю и въ который вы проникнете только послѣ трехъ колѣнопреклоненій,—васъ встрѣчаютъ пять или шесть молодыхъ священниковъ въ фіолетовыхъ рясахъ, разгоняющихъ разговоромъ скуку придворнаго церемоніала. Когда же вы захотите переступить порогъ *Geni* и представиться генералу іезуитовъ, то вамъ придется пройти сначала черезъ залу, въ которой сорокъ секретарей пишутъ на всевозможныхъ языкахъ, послѣ чего вы очутитесь передъ человѣкомъ, иѣющимъ громадный кругъ дѣлъ. Этотъ человѣкъ—Ришелье католицизма; папа—Людвикъ XIII его.

Въ секретарствѣ *Geni*, въ теченіе нѣсколькихъ дней, дѣлается больше судебныхъ дѣлъ, чѣмъ въ продолженіи всего года во всѣхъ римскихъ конгрегаціяхъ, предсѣдательствуемыхъ кардиналами или даже самимъ папою. И это отъ того, что папство представляетъ собою старую патріархальную организацію церкви въ средніе вѣка, съ ея медленностью, наивностью, произволомъ,—тогда какъ іезуитство дѣйствуетъ со всею утонченностью системы централизаціи, составляющей силу учрежденій новаго времени. Ватиканъ до сихъ поръ остался большимъ феодальнымъ замкомъ, въ которомъ живутъ семейною жизнью. *Geni*, напротивъ того, министерство, въ которомъ каждый человѣкъ узнаетъ утромъ, чѣмъ онъ долженъ заниматься въ теченіе дня, и работаетъ подъ строгимъ надзоромъ директора, отвѣчающаго за интересы цѣлаго міра людей.

Высокопреподобный отецъ располагаетъ бюджетомъ, превосходящимъ бюджеты двадцати мелкихъ государей, но не беретъ изъ него ста рублей безъ того, чтобы въ отчетѣ не обозначить самымъ точнымъ образомъ, на какой именно предметъ они употреблены. Доходы его громадны, расходы ничтожны. Папство получаетъ каждый годъ изъ разныхъ источниковъ огромныя суммы, изъ которыхъ не удерживаетъ для себя ни копейки; если папа посылаетъ вамъ корону для какой нибудь Мадонны изъ чорнаго дерева, то эта корона сдѣлана изъ золота и драгоценныхъ камней и за работу ея заплачено восемьдесятъ тысячъ франковъ. Папство—неизсякаемый источникъ. Общество іезуитовъ—бездна,

которая поглощала бы въ себѣ массы золота, пріобрѣтеннаго разными путями, если бы періодическія революціи не разоряли его время отъ времени.

Папы чувствуютъ гнетъ этой сопернической силы, которая, подъ предлогомъ защиты ихъ, мало по малу становится на ихъ мѣсто. Климентъ XIV, послѣ многихъ колебаній и многихъ слезъ, разъ рѣшился наложить руку на этихъ соперниковъ: онъ распустилъ своихъ янычаръ. Послѣ великихъ ударовъ, нанесенныхъ революціею, преслѣдуемое папство снова бросилось въ руки іезуитовъ. Они не замедлили сдѣлаться страшными. Они стали заклятыми врагами Пія IX, политическаго реформатора. И если теперь они переносятъ его, то это потому, что побороли его и заставили перенести всѣ униженія реакціи — послѣдней агоніи земной власти папы.

Пій IX нѣсколько разъ пытался свергнуть ихъ его. Разъ онъ вытащилъ изъ ватиканскихъ архивовъ подлинныя документы, касающіеся ихъ изгнанія при Климентѣ XIV. По его порученію патеръ Тейнэ написалъ „Жизнь Климента XIV“ — самую страшную книгу, какая только была написана противъ іезуитовъ, — самую страшную потому, что ее напечатали по приказанію самого папы. Общество іезуитовъ, какъ сильный, но гибкій кустарникъ, склонило голову. Но оно подняло ее съ большею силою чѣмъ когда либо. Думали нанести имъ ударъ тѣмъ, что прибли на всѣхъ стѣнахъ, даже на колонахъ Св. Петра въ Римѣ, объявленіе о присужденіи къ наказанію ихъ пророчицы Катаринетты, которая повсюду предсказывала чудеса, долженствующія совершиться въ католическомъ мірѣ съ помощью іезуитовъ, и особенно соединеніе восточныхъ церквей съ римскою. Іезуиты безмолвно приняли эту пощечину; но скоро врагамъ ихъ пришлось снова покорно вернуться подъ ихъ опеку. Такимъ образомъ Ватиканъ іезуитовъ одержалъ побѣду надъ Ватиканомъ папы; дѣйствительный государь увидѣлъ увеличеніе славы и могущества ордена, управляющаго чернью. Другому государю, номинальному, предоставили право давать торжественныя аудіенціи посланникамъ королей и императоровъ, благословлять разныхъ медалей, четки и образки, посылать золотыя розы государынямъ и удовлетворять жаждѣ *benedizione*, которую во всякое время чувствуетъ римское населеніе.

Расширеніе ордена во Франціи было всегда цѣлью, къ которой ревностно стремился генераль. Римъ въ настоящее время постарѣлъ и одряхлѣлъ; не изъ него выходитъ жизнь какъ для

ремни, такъ и всего другаго. Страна, полная жизни — Франція. Іезуиты съ любовью накинута на эту плодотворную почву. Тутъ зашелъ вопросъ о томъ, какъ поступать? Слѣдовало ли имъ вкрасться въ великую мацію мало по малу, безъ шума? Или слѣдовало сѣло, съ шумомъ взять въ свои руки народное образованіе во всѣхъ городахъ Франціи и строить тамъ школы, которыя соперничали бы великолѣпіемъ съ казенными учебными заведеніями? Это послѣднее мнѣніе одержало верхъ.

Понятно, что Тулуза, столица юга, католическій городъ по преимуществу, должна была особенно сильно привлекать ихъ вниманіе. Можно было поручиться, что они не удовольствуются малелькимъ, невзрачнымъ зданіемъ, построеннымъ около церкви Saint — Sernin и служившимъ мѣстопребываніемъ ихъ коллегіи. Наде было подумать о величественномъ аданіи, которое стоило бы нѣсколько милліоновъ.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Жюлію не могъ уснуть всю ночь (послѣ разговора съ Вердлюномъ), важная торжественная сцена происходила въ домѣ инквизиціи. Мѣстный начальникъ ордена собралъ тайный совѣтъ.

Когда тишина водворилась во всемъ домѣ, всѣ монахи разошлись по кельямъ, и на узкихъ корридорахъ всѣхъ этажей потухли огни, — семь стариковъ отправились въ залу совѣта.

Единственная лампа освѣщала эту залу и бросала слабый свѣтъ на ея стѣны. Тутъ и тамъ висѣли въ грубыхъ рамкахъ изображенія нѣкоторыхъ святыхъ и сценъ изъ священной исторіи. Посрединѣ комнаты возвышалось гипсовое распятіе, выкрашенное черной краской съ нѣкоторыми бронзовыми оттѣнками.

Единственную мебель комнаты составляли столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, кресло позади этого стола и стулья, поставленные по стѣнамъ.

Старый полъ изъ красныхъ кирпичей былъ послѣднимъ остаткомъ украшенія этой страшной залы инквизиціи, изъ которой въ средніе вѣка исходили смертные приговоры.

Начальникъ направился къ столу и положилъ на него большой кожаный портфель съ стальными застѣжками. Остальные священники стали по обѣимъ сторонамъ его. Всѣ преклонили колѣна и начальникъ тихо и медленно проговорилъ двѣ молитвы, которыя всѣ повторили за нимъ. Затѣмъ члены совѣта усѣлись вокругъ стола.

Всѣ опустили глаза; начальникъ нѣскольکو минутъ обдумывать что-то, потомъ раскрылъ портфель и сказалъ:

— Отцы мои, я только что получилъ отъ нашего высокопреподобнаго генерала разрѣшеніе построить въ Тулузѣ домъ для нашего ордена. Вамъ не безъизвѣстно цвѣтущее состояніе нашего общества въ Тулузѣ. Изъ всѣхъ французскихъ городовъ, это городъ, въ которомъ наше вліяніе наиболѣе упрочено. Нашей коллегіи слишкомъ тѣсно въ помѣщеніи, которое оно временно занимаетъ на площади св. Сернена и намъ необходимо какъ можно скорѣе, построить себѣ большой домъ. Въ прошедшемъ году, вы одобрили проектъ постройки и я сообщилъ его высокопреподобному генералу. Теперь, когда онъ утвердилъ его, я призвалъ васъ для совѣщанія о средствахъ осуществленія этого плана. Предо мною смѣта нашего архитектора. Намъ необходимо построить что нибудь грандіозное. Мы должны поразить всѣхъ величіемъ и громадностью новой постройки. Вы знаете, отцы мои, что намъ необходимо проявлять вѣншимъ образомъ все наше могущество. Для насъ, бѣдныхъ монаховъ, достаточно убогой кельи, скромной рясы, куска насущнаго хлѣба; но самый орденъ долженъ явиться, окруженный величіемъ и богатствомъ. Вы испугаетесь, можетъ быть, когда я вамъ скажу, что смѣта превосходить три милліона. Гдѣ взять ихъ?

Сдержанная улыбка пробѣжала по губамъ стариковъ. Послышался тихій шопотъ.

— Три милліона — сказала, качая головой, патеръ Грелэ — это много. Въ старое время, за пятьдесятъ тысячъ ливровъ въ провинціи можно было построить отличный домъ для коллегіи.

— Да, въ старое время, сказали со вздохомъ остальные старикки.

— Вамъ извѣстно, — продолжалъ начальникъ, — что мы не можемъ разсчитывать на общій фондъ общества. Этотъ фондъ, помѣщенный въ большія промышленныя предпріятія и главнымъ образомъ въ желѣзныя дороги и пароходство, составляетъ запасъ, который орденъ тщательно бережетъ на черный день. Мы постоянно должны предвидѣть минуту, въ которую революція выгонитъ насъ изъ Франціи. Въ настоящее время, намъ нечего бояться этого. Милостью божіею, орденъ царствуетъ; но скверные дни могутъ еще вернуться. По этому безполезно даже думать о пособіи изъ общаго фонда. Члены нашего ордена строятъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ Пуатье, въ Бордо, но они не берутъ ни одной копѣйки изъ центральной кассы общества. Вы знаете, что, по точному смыслу нашего устава, каждое новое

учрежденіе должно содержаться своими собственными средствами. Строгость устава, въ этомъ случаѣ, доведена до такой степени, что еслибы у насъ, въ одномъ и томъ же городѣ, были двѣ обители, то каждая изъ нихъ должна была бы доставать себѣ способы для существованія. Этому правилу, которое, повидимому, нарушаетъ законъ взаимнаго милосердія, мы обязаны нашею громадною дѣятельностью въ каждомъ городѣ. Даже въ Парижѣ, главная обитель не имѣетъ права посылать, хотъ бы копѣйку, въ другія второстепенныя обители столицы. Два года тому назадъ, патеръ Равиньянъ, бывши на вечерѣ у одной знатной дамы С. Жерменскаго предмѣстья, собиралъ тамъ подаянье, въ пользу только-что учрежденной новой обители, которая не знала, что ея члены будутъ ѣсть на слѣдующій день. Онъ исторгнулъ слезы у этого благомыслящаго и благочестиваго собранія... Это тяжело, правда; но это заставляетъ всѣхъ удивляться духу самоотреченія и бѣдности, господствующему въ нашемъ обществѣ. Орденъ долженъ быть богатъ и могущественъ; мы, отдѣльные члены, можемъ пуждаться въ необходимомъ. Вы понимаете силу этой организаціи.

—Надо подчиниться этому мудрому правилу, сказалъ одинъ изъ членовъ совѣта.

— Конечно, замѣтилъ начальникъ. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ портфеля одну бумагу и, положивъ ее передъ собою, сказалъ:

— У насъ уже есть кое-какія экономическія суммы, отцы мои. Именю:

Отъ нашей С.Серпенской коллегіи чистаго дохода .	500,000 фр.
Миссѣями, проповѣдями и добровольными приношеніями, собранными нашими собратіями, доставлено.	220,000 —
Тайно собрано въ Тулузѣ и въ епархіи съ жителей.	92,667 —
За нашъ домъ намъ предлагаютъ	200,000 —
Доставлено духовными завѣщаніями:	
Отъ графини Левиньякъ	80,000 —
Отъ маркизы Кадуръ	120,000 —
Отъ вдовы Марке	230,000 —
Отъ г. Лассоно, бывшаго банкира	70,000 —
Отъ графа Вильбрюлье	118,000 —
Частныя приношенія умершихъ и живыхъ лицъ.	96,000 —
Стоимость брильянтовъ, браслетовъ, драгоценностей, дорогихъ кружевъ, полученныхъ отъ свѣтскихъ людей	60,000 —
Итого .	1.786,667 фр.

Теперь, вотъ что мы почти навѣрно можемъ имѣть въ виду, если только какой нибудь процессъ, или какіе нибудь жадные и безбожные родственники, не помѣшаютъ намъ:

Госпожа Фронтонъ отдаетъ намъ все свое состояніе, оцѣниваемое въ 240 т. франковъ и дѣлаетъ завѣщаніе на имя г. Бувало, святаго человѣка, на котораго мы можемъ положиться какъ на самихъ себя. Г-жѣ Фронтонъ 78 лѣтъ; она видимо дряхлѣетъ, и докторъ Легранъ увѣрялъ меня вчера, что она не переживетъ осени. Къ концу октября она отдастъ Богу свою святую душу. — Баронесса Монтенъ также передаетъ намъ половину своего имѣнія по завѣщанію, сдѣланному на имя нашего повѣреннаго, г. Уссія; стоимость этой половины нотаріусъ опредѣляетъ въ 80 т. фр. Другая половина этаго имѣнія отдана сестрѣ баронессы, и со временемъ, надѣюсь, тоже перейдетъ въ наши руки. Это ваше дѣло, патеръ Жервезъ!

Жервезъ поклонился и съ улыбкою сказалъ:

— Я надѣюсь успѣть, преподобный отецъ.

— Вотъ что есть у насъ вѣрнаго и почти вѣрнаго. Но какъ мы еще далеки отъ требуемой цѣфы! Высокопреподобный генералъ пишетъ мнѣ: «не предпринимайте ничего, пока необходимая сумма не будетъ въ вашей кассѣ». Теперь, значитъ, намъ нужно добыть вторую половину. Прежде всего, мы будемъ рассчитывать на Провидѣніе, оно видимо покровительствуетъ нашему ордену, который послѣ столькихъ бѣдствій, столькихъ нападеній со стороны философовъ, безбожниковъ и революціонеровъ, успѣлъ стать во главѣ католицизма; но Провидѣніе желаетъ, чтобъ люди работали и заботились о себѣ. Очевидно, что въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Тулуза, гдѣ столько преданныхъ намъ людей, мы соберемъ свои три миліона. Посмотримъ тогда, на что мы можемъ надѣяться съ большею или меньшею вѣроятностью. Отецъ Шеви, вы ухаживаете за старикомъ Керономъ. Въ какомъ положеніи дѣло? У него только одинъ дальній наследникъ. Успѣли вы выхлопотать завѣщаніе въ нашу пользу?

Отецъ Шеви всталъ и отвѣчалъ:

— Преподобный отецъ, я встрѣчаю нѣкоторыя затрудненія: Г. Керонъ почти впалъ въ дѣтское состояніе и не можетъ связать двухъ мыслей. Я увѣренъ въ двухъ его служанкахъ, благочестивыхъ дѣвушкахъ, которыя не отходятъ отъ него, не допускаютъ къ нему никого, и которыми я далъ понять, что онѣ заработаютъ хорошія деньги, если убѣдятъ его сдѣлать завѣщаніе въ нашу пользу. Мнѣ надо дѣйствовать очень осторожно

во-первыхъ для того, чтобы устранить всякую возможность доказать въ послѣдствіи, что завѣщатель находился не въ полномъ разсудкѣ, а во-вторыхъ, чтобы приблизить къ нему нашего милаго г. Легро, на имя котораго должно быть сдѣлано завѣщаніе. По этому случаю, у меня, послѣ завтра, назначено свиданіе, и я полагаю, что все кончучу какъ слѣдуетъ.

— Какъ велико его состояніе?

— Покрайней мѣрѣ 200 т. франковъ.

— И онъ очень старъ?

— О, совсѣмъ старъ, и почти сдѣлался ребенкомъ.

— Продолжайте же ухаживать за нимъ. А у васъ, отецъ Грандье, какъ идетъ дѣло съ виконтессою Ватейль?

Грандье отвѣчалъ:

— Мнѣ тоже довольно трудно справиться, преподобный отецъ. Приходится бороться съ двумя кузнами, жадными къ деньгамъ, до крайности хитрыми и не довѣряющими мнѣ. Впрочемъ, онѣ въ моихъ рукахъ. Я убѣдилъ ихъ, что для нихъ лучше раздѣлить съ нами четыреста тысячъ фр., на основаніи законнаго завѣщанія, чѣмъ дать старухѣ умереть безъ завѣщанія, потому что, въ этомъ случаѣ, имъ достанется только десятая часть этого состоянія, которое раздѣлится между многими прямыми и косвенными наслѣдниками... Онѣ хотѣли бы завладѣть всѣмъ, но, наконецъ, согласятся дѣйствовать съ нами за одно... Бѣдная старуха видимо клонится къ смерти: первый катарръ доканаетъ ее. Я потороплюсь. У нея есть и движимое имущество, которое обѣщано мнѣ; я увѣренъ въ этомъ.

— Да благословить васъ Богъ. А вы, любезный отецъ Брифаръ, тоже сдѣлали свое дѣло?

— Да, преподобный отецъ.

И торжествующій священникъ, къ великому изумленію стариковъ, вынулъ изъ портфеля исписанный листъ гербовой бумаги и подалъ его начальнику. Тотъ смотритъ на бумагу и говоритъ:— «Это завѣщаніе!» Глаза его загораются огнемъ, лице принимаетъ радостное выраженіе, на губахъ появляется улыбка самаго глубокаго наслажденія. Онъ читаетъ; всѣ слушаютъ въ благоговѣйномъ молчаніи:

«Наполеонъ III, милостью божіею и соизволеніемъ народа, императоръ французовъ, всѣмъ, которые будутъ читать предстоящія строки, привѣтъ.

«Я нижеподписавшійся, императорскій нотаріусъ въ Тулузѣ, живущій на площади Лафаетта, № 15, бывъ призванъ въ квар-

тиру госпожи Элеоноры-Сусанны Гитра де-ла-Клавьеръ, вдовы покойнаго Степана-Филиціана Жюліо де-ла-Клавьеръ, живущей въ улицѣ du Tour № 27, лично, въ присутствіи нижеподписавшихся свидѣтелей, принявъ отъ означенной дамы ея послѣднюю волю, которую буквально передалъ здѣсь, слѣдующимъ образомъ:

«Я Элеонора—Сусанна Гитра де-ла-Клавьеръ, вдова покойнаго Степана-Фелиціана Жюліо-де-ла-Клавьеръ, имѣя 72 года отъ роду, зная, что нѣтъ ничего непрочиѣ жизни и ничего прочиѣ смерти, сдѣлала слѣдующія распоряженія:

«Смт. духовнымъ завѣщаніемъ назначаю монѣ единственнымъ наслѣдникомъ, по причинѣ его искренней и постоянной привязанности ко мнѣ, господина Викентія—Смарагда Турнишона, живущаго въ Тулузѣ, въ улицѣ Мага, № 13,—съ тѣмъ, чтобы онъ выплачивалъ:

1) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ тысячу франковъ, г. аббату Жюліо де-ла-Клавьеръ, моему племяннику, діакону въ семинаріи тулузской, въ улицѣ du Tour, 16;

2) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ тысячу фр., дѣвицѣ Луизѣ Жюліо де-ла-Клавьеръ, моей племянницѣ, живущей со мною, въ улицѣ du Tour, № 27;

3) Годичный и пожизненный пенсіонъ, въ 350 фр., Мадеттѣ Роменга, моей служанкѣ, изъ деревни Балкабриера.

«Какое духовное завѣщаніе, я нижеподписавшійся нотаріусъ, записалъ и перенесъ на сію бумагу, дабы оно имѣло силу тамъ, гдѣ надлежитъ.

(Слѣдуютъ подписи).

Съ копіею вѣрно: Дюбурде, нотаріусъ.

Бумага была тщательно уложена въ большой портфель.

— Хорошо, отецъ Бриффаръ, сказалъ начальникъ:—какую цифру составляетъ это состояніе, если исключить плату пенсіоновъ?

— Г. Турнишонъ опредѣляетъ его въ 450 т. франковъ.

— И завѣщательница скоро умретъ?

— Она уже едва дышетъ.

— Теперь мы можемъ начать нашу постройку; какъ вы полагаете, отцы мои?

Понятно, что въ отвѣтъ почтенныхъ членовъ совѣта послышалось единогласное одобреніе.

Начальникъ встаетъ. Всѣ становятся на колѣни. Теплая молитва возносится къ небу, за то, что онъ такъ очевидно покро-

вительствуетъ святымъ отцамъ и расточаетъ имъ блага этого міра, отъ которыхъ каждый изъ нихъ, произнося обѣтъ нищеты, отказывается съ такимъ самоотверженіемъ.

Въ это время тулузскимъ архіепископомъ былъ кардиналъ Карлъ Фларанъ, представлявшій собою странное смѣшеніе аристократа, епископа и умнаго челоѣка. Іезуитовъ онъ ненавидѣлъ отъ всей души, но оффиціально выражался о нихъ съ самою теплою симпатіею. Они платили ему тою же монетою. Незадолго до постриженія Жюлію, мѣсто секретаря при архіепископѣ сдѣлалось вакантнымъ. Претендентовъ было много. Іезуиты со своей стороны рекомендовали на эту должность молодого аббата Лирсона. Но, въ самый день этой рекомендаціи, кардиналъ узналъ всѣ подробности дѣла іезуитовъ съ г-жею Клавьеръ, честная натура его возмущалась, и чтобъ отомстить іезуитамъ, онъ назначилъ Жюлію своимъ секретаремъ. Іезуиты заволновались. Начальникъ ихъ бросился къ маркизу Массаль, ханжѣ, игравшей въ Тулузѣ важную роль и имѣвшей вліяніе на архіепископа; маркиза общала похлопотать, но скоро увѣдомила, что архіепископъ на огрѣзъ отказалъ ей. Тогда члены іезуитскаго совѣта рѣшились во 1-хъ дѣйствовать на новаго секретаря лестью, а во 2-хъ тщательно слѣдить за всѣми его поступками и даже словами и воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы погубить его.

Постриженіе Жюлію въ священника совершилось съ большимъ торжествомъ; іезуиты разсыпались передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ. Въ числѣ присутителей былъ и другъ Жюлію, уже извѣстный намъ Вердмонъ. Здѣсь онъ увидѣлъ въ первый разъ Луизу и влюбился въ нее.

По мѣрѣ того, какъ Жюлію пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на дѣла, ненависть къ нему іезуитовъ возрастала. Архіепископу то и дѣло нашептывали въ уши, что онъ погубить себя съ такимъ секретаремъ. Наконецъ Жюлію былъ приглашенъ. Произносили проповѣдь по случаю освященія нѣсколькихъ церквей. Послѣ нѣсколькихъ отказовъ Жюлію, наконецъ, согласился, и въ проповѣди своей говорилъ о духовномъ значеніи церкви, о несовѣстности ея съ свѣтскимъ элементомъ, о ея прошедшемъ величій, настоящихъ страданіяхъ, будущихъ надеждахъ. Рѣчь его, въ которой онъ становился въ разрѣзъ съ возрвнїями и цѣлями іезуитовъ, а слѣдовательно и большинства городскаго населенія, произвела непріятное впечатлѣніе и послужила его врагамъ поводомъ къ погубленію его. Но покаместъ они не дѣйствовали открыто и въ глаза лстили Жюлію. Послѣ чтенія проповѣди у главнаго священника церкви былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и молодой проповѣдникъ; здѣсь его осыпали похвалами и лестью. Во время обѣда разговоръ зашелъ объ интригахъ іезуитовъ и о ихъ искусныхъ дѣйствіяхъ (главный священникъ былъ не іезуитъ и гости его не были расположены къ этому сословію). Вотъ любопытнѣйшія мѣста изъ этого разговора:

— Иезуиты погубятъ себя — говорилъ г. Дюпейра, одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ Тулузы. Они торжествуютъ при настоящемъ порядкѣ вещей, и настоящій порядокъ убьетъ ихъ. Побѣду, которую эта, обучающая юношество, корпорація одержала надъ университетомъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ, будетъ пагубна для нея. Тутъ въ ходу могущественная ненависть, которую сдерживаетъ покажѣтъ сильная рука, держащая во Франціи бразды правленія. Но новые интересы, порожденные столкновѣніями, которыхъ мы не можемъ предвидѣть, могутъ привести къ разнымъ видамъ политическаго антагонизма. Тогда взрывъ этой ненависти будетъ страшенъ. И даже нынѣшнее торжество иезуитовъ, проявляющееся въ этихъ колоссальныхъ постройкахъ, занявшихъ собою все пространство Франціи, будетъ причиною катастрофы. Я увѣренъ, что во Франціи они проживутъ еще лѣтъ двадцать, не больше.

Одинъ изъ гостей, г. Меланъ, спросилъ у Жюліо его мнѣніе о тайной организаціи общества иезуитовъ.

— Правда ли — спрашивалъ онъ — что у нихъ существуютъ особенная присяга, тайное посвященіе, котораго удостоиваются только начальники ордена, тайна, которая довѣряется только этимъ посвященнымъ? Я долго не вѣрилъ этому; но на большія размышленія по этому поводу навели меня нѣсколько словъ Ламая, сказанныхъ имъ въ то время, когда онъ былъ въ самомъ сильномъ жару ультрамонтанизма, и когда, слѣдовательно, его свидѣтельство никакимъ образомъ не могло показаться сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ отдавалъ полную справедливость частнымъ добродѣтелямъ иезуитовъ. Если я не ошибаюсь, такъ вотъ эти слова: «У нихъ существуетъ тайна, и многимъ изъ знающихъ ее очень тяжело умѣть сохранить ее». Онъ приводитъ даже по этому случаю латинскую поговорку: *Jura per jura, decretum prodere noli*.

— Я былъ пораженъ не менѣе васъ — отвѣчалъ Жюліо — этими словами знаменитаго писателя. Не думаю, однако, что у иезуитовъ существуетъ цѣлый рядъ посвященій въ тайны, какъ въ тайныхъ обществахъ. Вотъ что я узналъ отъ одного священника изъ ихъ среды, который вышелъ, наконецъ, изъ нея, потому что ему надобно постоянное безпокойство, сопряженное съ системою иезуитскаго шпионства. Пока вы не занимаете въ орденѣ одного изъ первыхъ мѣстъ, то не принимаете никакого участія въ томъ, что касается духовнаго и свѣтскаго управленія этого общества; младшіе члены знаютъ въ этомъ отношеніи такъ же мало, какъ

и посторонніе люди; они понимаютъ только, что на вершинѣ ихъ корпораціи поставлена сильная организація, страшный двигатель могущественной машины, при которой работаетъ и самъ генералъ. Нравственную силу этой системы составляетъ знаменитая аксіона, выражающая весь духъ общества: «regnâre ac cadaver». Это—пассивное послушаніе, благоговѣнное вниманіе къ полученному приказанію, которое даже въ устахъ начальника считается выраженіемъ воли божьей. Каждый іезуитъ есть, самъ того не подозрѣвая, сендъ, который выходитъ изъ дому въ назначенный часъ и отправляется или читать лекціи въ коллегіи, или держать проповѣдь въ соборѣ, или совершать миссію въ какойнибудь деревенской церкви, или обраться въ свою семью дикарей въ иноземныхъ государствахъ. Собственно говоря, онъ не іезуитъ, а священникъ, какъ и всѣ другіе, котораго аристократическое сословіе ордена держитъ у себя въ услуженіи. Это управленіе кажется сколкомъ съ управленія венеціанской республики: на вершинѣ стоитъ олигархія, составляющая сенатъ изъ настоящихъ іезуитовъ; всѣ остальные люди служатъ только слѣпыми агентами ея, чернью, у которой только одна обязанность—повиноваться... «У насъ—говорилъ мнѣ мой другъ—священникъ—іезуитъ лично можетъ быть какого ему угодно образа мыслей. Онъ можетъ быть абсолютистомъ, демократомъ, галликанцемъ, ультрамонтаншномъ. Орденъ обращаетъ мало вниманія на его личныя убѣжденія. У ордена есть свои воззрѣнія, которыя извѣстны только въ верхнемъ слою его и которыхъ онъ не сообщаетъ никому и никогда. Всѣ эти воззрѣнія онъ осуществляетъ съ помощью всѣхъ отдѣльныхъ личностей, у которыхъ требуетъ только одного—повиновенія»... Вы видите изъ этого, что не совсѣмъ правы тѣ, которые говорятъ, что у іезуитовъ есть свои тайны; у нихъ есть только управленіе, планы котораго всегда остаются скрытыми. Единственною цѣлью этихъ плановъ служить достиженіе величія ордена какими бы то нибыло средствами. Не думаю, чтобы въ таинственности, которою окружаетъ себя іезуитская олигархія, заключалось чтонибудь другое.

«Что касается до внутренней жизни черни, составляющей большинство ордена, то она дѣлаетъ мало чести нравственности іезуитовъ, но доказываетъ большой навыкъ къ политическому макиавелизму. Основаніемъ ея служитъ вѣчное шпионское наблюденіе одного члена за другимъ,—и это совершенно открыто. То что вы сдѣлали, будетъ извѣстно начальнику; обо всемъ, что, вашъ братъ дѣлаетъ подлѣ васъ, вы должны также доносить,

чтобы—такъ мотивируетъ іезуитскій кодексъ шпионства — этимъ доносомъ помогать исправленію и нравственному возвышенію вашего брата. Начальникъ знаетъ все, угадываетъ все, видитъ все. Изъ этого происходитъ жизнь, полная несносныхъ ссоръ, болѣе или менѣе справедливыхъ упрековъ, причиною которыхъ служатъ болѣе или менѣе пристрастныя замѣчанія людей, донесшихъ о нашемъ поведеніи.

«Таково внутреннее управленіе въ семействахъ іезуитовъ. Не этотъ ли порядокъ Ламне называлъ чѣмъ-то противоположеннымъ?»

«Что касается до всемірной полиціи іезуитовъ, то она организована не хуже полиціи самыхъ могущественныхъ государствъ. Я думаю даже, что у нея есть драгоценный и неистощимый источникъ свѣдѣній, котораго лишены правительственныя полиціи; это—тысяча свѣдѣній, получаемыхъ ею посредствомъ исповѣди. Извѣстно, что іезуитъ соглашается сдѣлаться духовникомъ свѣтской женщины только съ тѣмъ условіемъ, чтобы она сказала ему свое имя, опредѣлила свое состояніе, познакомила съ политическими убѣжденіями своего мужа, назвала газеты, которыя получаютъ въ ихъ домѣ, школу, въ которой воспитываются ихъ дѣти. Очевидно, что это вѣрное средство — узнать въ короткое время всю внутреннюю жизнь семейства такъ, какъ не можетъ узнать никакая полиція.

«Чтобы не скрыть истины, я долженъ прибавить, что іезуиты, занимающіеся этимъ шпионствомъ, въ донесеніяхъ къ своимъ начальникамъ всегда руководятся мыслью — быть полезными религии и содѣйствовать возвеличенію славы божіей. Тутъ человѣческія средства употребляются на служеніе священнаго дѣла. Такой способъ дѣйствій іезуиты признаютъ вполне законнымъ. Къ несчастью для нихъ и для тѣхъ, которые не понимаютъ всей гнусности этой системы, люди, живущіе внѣ религіознаго вліянія, питаютъ къ іезуитскому образу дѣйствій неодолимое отвращеніе. Честныя души не хотятъ допустить, что можно прибѣгать къ низкимъ средствамъ для достиженія доброй цѣли. Они удивляются особенно возможности увлечь честную натуру къ исправленію гнуснаго ремесла, удивляются тому, что можетъ существовать метода, достаточно могущественная для того, чтобы заставлять признавать хорошимъ и благороднымъ то, что въ сущности подло и постыдно. Вотъ что, по всей вѣроятности, Ламне называлъ «чѣмъ-то противоположеннымъ».

«Вот мой отвѣтъ. Надо вамъ еще знать, что многое изъ того, что я сказалъ вамъ о іезуитахъ, основано мною на протыхъ догадкахъ. Я убѣжденъ только, что не наклеветалъ вамъ на нихъ...»

Враги Жюліо не дремали. Архіепископъ выдерживалъ нападенія со стороны своей сестры, имѣвшей на него вліяніе и бывшей на сторонѣ іезуитовъ, получалъ разныя записки и наконецъ получилъ письмо, въ которомъ іезуиты грозили ему апелляціею къ папѣ. Это такъ потрясло старика, что съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ. Но онъ прожилъ еще нѣсколько часовъ, и передъ смертью послалъ за Жюліо, которому открылъ всю свою душу. Въ этой исповѣди архіепископъ сознался, что онъ «противъ своего желанія и съ сильнымъ отвращеніемъ шелъ въ продолженіе сорока лѣтъ по опасному пути, на который вступило католическое духовенство»; что дѣлалъ онъ это только для того, чтобы добиться почестей; что онъ обвиняетъ себя въ лицемеріи и приязанности къ внѣшнему блеску, къ внѣшнимъ религіознымъ формамъ, завѣщаннымъ средними вѣками; что онъ защищалъ принципъ о свѣтской власти папы вопреки всемъ своимъ убѣжденіямъ. Въ заключеніе исповѣди архіепископъ высказалъ свои убѣжденія и надежды на будущее; вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній: «Я убѣжденъ, что христіанству предстоитъ громадная реформа; все зданіе мистицизма, поэзіи, внѣшнихъ блестящихъ формъ, говорящихъ только внѣшнимъ чувствамъ, скоро рухнетъ. Уцѣлѣетъ только дѣйствительно-великое,—нетлѣнное евангеліе, великій законъ взаимной любви людей.. Я долженъ предостеречь христіанское общество отъ сближенія съ религіозными орденами и въ особенности съ обществомъ іезуитовъ, ревностнѣе всѣхъ стремящимся къ достиженію всемірнаго владычества... Я наружно поддерживалъ этотъ орденъ; этого требовала общая система, которой я имѣлъ несчастье служить. Но я глубоко убѣжденъ что религіознымъ орденамъ уже не долго остается существовать... «Умиравшій просилъ Жюліо сдѣлать его исповѣдь гласною, и Жюліо твердо рѣшился исполнить это завѣщаніе. Сначала онъ пересказалъ его слово въ слово нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, и скоро сотни переписанныхъ экземпляровъ разошлись по городу. Понятно, какое дѣйствіе все это произвело на іезуитовъ; газетные органы ихъ партіи объявили это завѣщаніе поддѣльнымъ, назвали его умысленнымъ пасквиалемъ. Положеніе Жюліо ухудшалось, тѣмъ болѣе, что до выбора новаго архіепископа, эту должность занималъ аббатъ Гагюэль, другъ іезуитовъ. Но Гагюэль не хотѣлъ еще принять противъ Жюліо рѣшительныя мѣры и ждалъ, чтобы тотъ осуществилъ свое намѣреніе—напечатать завѣщаніе архіепископа. Товарищемъ Жюліо по предстоящему изданію былъ Вердлонъ, который, какъ мы видали, былъ влюбленъ въ сестру своего друга. Она тоже замѣтила его

и тоже начинала любить, въ сладствіе чего и объявила своему духовнику, уже известному намъ Бриффару, что не желаетъ посвятить себя монастырской жизни. Когда Жюліо надалъ въ свѣтъ завѣщаніе кардинала, Луиза и Верделонъ были уже совсѣмъ влюблены другъ въ друга, а архіепископскую должность занималъ Ле-Крикъ, бывшій лисовскій епископъ. Уже черезъ нѣсколько дней по вступленіи въ должность онъ отпаялъ у Жюліо мѣсто секретаря и назначилъ его священникомъ въ одну изъ городскихъ церквей. Нѣсколько поступковъ Жюліо, одна проповѣдь его, а наконецъ и изданіе завѣщанія окончательно вооружили противъ него новаго архіепископа, и онъ приказалъ ему отправиться священникомъ въ село С. АVENTEнь, лежащее въ пиринейскихъ горахъ. Жюліо поѣхалъ и продолжалъ поселять между своими прихожанами тѣ идеи, которыя навлекали на него столько преслѣдованій. Въ С. АVENTEнь враги Жюліо также не дремали. Насмѣшки его надъ чудомъ, привидѣвшимся Лизеттѣ Кабару, послужили поводомъ къ новому доносу на него; въ этотъ доносъ было включено также обвиненіе, что разъ у него въ домѣ переночевала женщина. Женщина дѣйствительно ночевала, но это была бѣдная дѣвушка, которую Жюліо пріютилъ на одну ночь вмѣстѣ съ ея любовникомъ, молодымъ священникомъ, для того, чтобы спасти ихъ обоихъ отъ позора и наказанія.

Между тѣмъ какъ въ частной жизни Жюліо одна непріятность сѣнялась другою, въ Европѣ совершился одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ современной исторіи. Дѣйствія искусной дипломатіи успѣли склонить Францію оказать могущественную помощь дѣлу эманципаціи сѣверной Италіи. Наполеонъ III, горя нетерпѣніемъ сойти съ дороги, на которой погубили себя Карлъ X и Людовикъ-Филиппъ, угрожаемый тѣмъ духомъ новаго времени, который кричитъ политическимъ предводителямъ передоваго народа: «впередъ!» и безжалостно свергаетъ ихъ, когда они отступаютъ, — смѣло принялъ участіе въ великомъ дѣлѣ италіанской революціи. Непреклонная личная энергія была необходима ему для того, чтобы побѣдить ту оппозицію этому воинственному рѣшенію, которую онъ встрѣчалъ повсюду. Онъ не послушалъ ни увѣщаній, ни совѣтовъ друзей, ни зловѣщихъ предсказаній. Онъ повѣрилъ своей счастливой звѣздѣ и отправился. Черезъ два мѣсяца, Маджента и Солферино покрыли славой Наполеона III. Австрію оттиснули за венеціанскія укрѣпленія. Ломбардія, Тоскана, Пьемонтъ составили могущественное государство подъ скипетромъ Виктора-Эммануила, и императоръ остановился только въ виду важнаго усложненія обстоятельствъ, грозившаго Европѣ общемою войною; онъ предоставлялъ времени, по своему одерживающему

побѣды, заботу окончательнаго осуществленія наполеоновской программы.

На другой день послѣ виллафранкаго мира, побѣдитель формулировалъ новый планъ, который онъ составилъ для того, чтобы дать политическую жизнь полуострову, освобожденному отъ австрійскаго ига. Этотъ планъ, согласовавшійся съ старыми идеями италянскихъ патриотовъ, состоялъ въ образованіи конфедераціи, въ которую входили папа, императоръ австрійскій, какъ владѣтель Венеціи, король неаполитанскій, великій герцогъ тосканскій и король пьемонтскій.

Проектъ этотъ, по видимому очень логическій, основанный даже на мнѣніяхъ, господствовавшихъ до того времени между публицистами, не могъ быть принятъ. Примѣненіе его на практикѣ было бы сопряжено съ неодолимыми затрудненіями. Положительный смыслъ италянскихъ дипломатовъ отвергнулъ его. Бываетъ время, когда мысль народа свѣтло и энергично воплощается въ головѣ нѣсколькихъ людей. Идея италянскаго единства сдѣлалась господствующею; публицисты, упорно возстававшіе противъ нея, открыто примкнули къ ней, и человекъ, который, какъ извѣстно, менѣе всего готовъ отказываться отъ разъ задуманнаго плана, заставилъ свою всемогущую волю склониться предъ голосомъ еще болѣе могущественнымъ — голосомъ общенациональнаго мнѣнія.

Жюліо слѣдилъ за всѣми сценами этой драмы; онъ предвидѣлъ ея развязку.

«Это—писалъ онъ своему другу Верделону—конецъ свѣтской власти папы. Съ вершины С. Авентенскихъ утесовъ я вижу, какъ собирается гроза, и папскій Римъ будетъ унесенъ вихремъ ея. Папство могло произвести италянскую революцію въ свою пользу; это была мысль патера Вентуры и патриотовъ, желавшихъ поставить Пія IX во главѣ движенія Италіи противъ Австріи. Очень христіанская сама по себѣ, но пустая въ политическомъ отношеніи мысль папы—не воевать съ Австріею подъ тѣмъ предлогомъ, что папа не можетъ нападать на католическія государства,—лишила папскую тиару уже двухъ коронъ; скоро на головѣ папы останется только шапка римскаго епископа. Эмансипація Италіи совершится болѣе или менѣе миролюбиво; но свѣтская власть будетъ принесена въ жертву. Побѣдитъ ли Викторъ-Эммануилъ съ своими конституціонными идеями, или Мадзини съ идеями республиканскими,—слѣдствіемъ революціи во всякомъ случаѣ будетъ италянское единство.»

Итальянская революція, грозившая такими послѣдствіями, должна была вызвать въ католическомъ духовенствѣ сильный взрывъ ненависти противъ восторжествовавшей партіи и безпокойства насчетъ владѣнія клочкомъ земли, оставленнымъ Пію IX. Это безпокойство проявилось въ офціальныхъ издазіяхъ папской партіи и вся ненависть ея обрушилась на Наполеона III, котораго духовенство упрекало въ нарушеніи формальнаго обязательства—щадить цѣлость папскихъ владѣній.

Такимъ образомъ, между духовенствомъ и имперіею завязалась просто свалка. Жюліо изучалъ съ терпѣніемъ анатома фазы внутренней борьбы, опасной для имперіи больше, чѣмъ война съ Австріею на полѣ битвы; письма его къ Верделону могли бы послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для изученія современной исторіи.

«Чтобы понять настоящій кризисъ — говорилъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—надо не забыть, что вся система управленія церкви папою и епископами основана въ наше время на царственномъ характерѣ папскаго владычества. Но въ тотъ день, когда эта царственность падаетъ, папа становится простымъ епископомъ и обращается въ духовнаго владыку, и все государство его составляютъ души людей, и всю силу—та, которую ему доставляетъ исполненіе его пастырской должности. Это измѣненіе въ Римѣ влечетъ за собою измѣненіе во всемъ католицизмѣ. За земнымъ великолѣпіемъ, за вѣшними и свѣтскими почестями миза общественною и полуполитическою ролью епископства слѣдуетъ жизнь скромная, посвященная заботѣ о душахъ, антипатичная по своей природѣ всему, что зовется въ свѣтѣ славой и величіемъ. Такимъ образомъ логическимъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ паденія свѣтской власти папы будетъ одухотвореніе свѣтскаго элемента въ духовномъ сословіи, начиная отъ папы, кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ и кончая самымъ маленькимъ священникомъ.

«Между тѣмъ высшему духовенству ничто не противно такъ, какъ эта реформа, которой заставить его подчиниться неумолимая логика фактовъ. Оно дрожитъ отъ гнѣва при одной мысли объ этомъ роковомъ переворотѣ. Ультрамонтаны осыпаютъ самыми страшными проклятіями человѣка, бывшаго орудіемъ этой радикальной духовной революціи.»

Верделонъ не держалъ въ тайнѣ всѣхъ писемъ Жюліо. Онъ съ гордостью показывалъ ихъ болѣе развитымъ жителямъ Тулузы. Они начали даже ходить по городу въ спискахъ. Префектъ де

парламента, въ своихъ донесеніяхъ министру внутреннихъ дѣлъ, говорилъ о Жюліо, какъ объ одномъ изъ тѣхъ передовыхъ людей въ средѣ духовенства, которые не только не принимаютъ участія въ опасныхъ интригахъ своихъ собратьевъ, но напротивъ того видятъ въ итальянскихъ событіяхъ начало системы, болѣе благопріятной для развитія идеи христіанства.—За то іезуиты и ультрамонтантская партія все болѣе и болѣе ненавидѣли Жюліо. Тулузскій архіепископъ то и дѣло получалъ жалобы на этого молодого священника, осмѣлившагося думать не такъ, какъ думали папа и епископы, опасныя письма котораго ходили по городу, и который не боялся строить алтарь противъ алтаря. Тайная полиція іезуитовъ получила отъ своего начальства приказаніе добыть эти страшныя письма; о нихъ даже много говорилось въ донесеніяхъ генералу іезуитовъ, который, чтобы окончательно погубить явнаго противника ордена, сказалъ о немъ кардиналу Антонелли.

Кардиналъ похвалилъ высокопреподобнаго отца за его усердную привязанность святому престолу, по сообразно съ осторожными привычками римскаго двора отвѣчалъ, что св. отецъ только тогда можетъ оффиціально дѣйствовать, когда будетъ имѣть въ рукахъ письменныя доказательства.

— Вы понимаете, ваше высокопреосвященство—сказалъ генералъ—что если мы допустимъ, чтобы внѣ высшаго духовенства, твердо стоящаго за принципъ свѣтской власти св. престола, въ второстепенномъ французскомъ духовенствѣ образовалось мнѣніе, противное взглядамъ Рима,—то это мнѣніе скоро одержитъ верхъ во Франціи, гдѣ люди такъ восторженно принимаютъ новыя идеи. Въ духовенствѣ образуется страшный расколъ; горячія головы, похожія на этого негодяя Жюліо, сдѣлаются агентами партіи, теперь принужденной молчать, и наполнять католицизмъ смутами. Надо дѣйствовать, ваше высокопреосвященство, надо нанести рѣшительный ударъ.

— Все это совершенно справедливо, высокопреподобный отецъ, но добудемъ сначала письма аббата Жюліо.

Мы давно уже оставили тетку и сестру Жюліо. Возвращаемся къ нимъ для того, чтобы сказать, что старуха, скоро послѣ составленія духовнаго завѣщанія, умерла. Не задолго передъ ея смертью, Луиза писала своему брату, но Турнишонъ, не отходявшій отъ умиравшей ни на шагъ, перехватилъ письмо, такъ что когда Жюліо пріѣхалъ по второму письму,

извѣщавшему объ агоніи старухи, то уже не засталъ ее. Турнишонъ объявилъ ему, что единственный наследникъ оны, Турнишонъ; Верделонъ, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же объявилъ, что это штука іезуитовъ и что, по его мнѣнію, необходимо начать процессъ. Передъ выѣздомъ изъ дома тетки, Жюліо и Луиза узнали отъ Мадлетты, что предположеніе Верделона было вполне справедливо. Между прочимъ служанка рассказала, что г-жа Клавьеръ, незадолго до своей смерти, почувствовала угрызеніе совѣсти и захотѣла измѣнить завѣщаніе. Мадлетта была послана ею за нотаріусомъ, но сочла долгомъ предупредить Турнишона. Агентъ іезуитовъ до того напугалъ старуху религиозными увѣщаніями, что, когда нотаріусъ пришелъ, она извинилась передъ нимъ, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Узнавъ обо всемъ этомъ, Верделонъ твердо рѣшился затѣять процессъ: онъ очень любилъ Луизу, но безъ придаваго ни за что не взялъ бы ее. Жюліо и Луиза дали ему довѣренность и уѣхали въ С. Авентонъ.

Вѣсть о намѣреніи Верделона скоро дошла до іезуитовъ. Они пришли въ сильное волненіе. Дѣло шло не только объ отнятіи хорошаго денежнаго куша, но и о ихъ чести. Надо было во чтобы то ни стало выиграть процессъ. Отъ агентовъ своихъ члены совѣта узнали, что все дѣло испортила Мадлетта; поэтому слѣдовало заставить ее отречься предъ судомъ отъ своихъ послѣднихъ показаній о желаніи г-жи Клавьеръ измѣнить завѣщаніе. Для достиженія этой цѣли были выбраны патеръ Кандаль и графиня ***,—личности очень интересныя, съ которыми мы познакомимъ читателей словами автора романа:

Патеръ Кандаль не принадлежалъ къ тулузскому духовенству, но во время одного поста онъ проповѣдывалъ въ Тулузѣ и имѣлъ успѣхъ, которому іезуиты отчасти позавидовали. Выписали его по настоянію дамъ высшаго круга, которыя проводили каждую зпму въ Парижѣ и не переставали восторгаться талантомъ патера Кандалья. Эти похвалы повторялись въ кругу чиновномъ и богатыхъ негоціантовъ, и скоро ханжи всѣхъ классовъ стали требовать патера Кандалья. Іезуиты умѣютъ уступать, когда надо. Желанный проповѣдникъ пріѣхалъ; успѣхъ его превзошелъ ожиданія іезуитовъ, и они дали себѣ слово больше не выписывать его. При томъ же, орденъ начиналъ смотрѣть на него довольно косо. Онъ долго былъ баловнемъ ордена. Ораторы рѣдки въ этомъ знаменитомъ обществѣ; все ограничивается двумя или тремя именами. Патеръ Кандаль, человѣкъ довольно хитрый, понималъ, что онъ необходимъ іезуитамъ, и не много злоупотреблялъ своимъ положеніемъ. Остаться іезуитомъ онъ былъ вполне готовъ, потому что зналъ, что съ такимъ талантомъ, какой былъ у него, іезуитскій проповѣдникъ сразу дѣлается знаменитымъ, то-

гда какъ свидѣнику изъ бѣлаго духовенства нужны цѣлыя годы, чтобы составить себѣ имя; а нашъ патеръ любилъ легкія побѣды; но онъ не принималъ въ особенное серьезное смыслѣ знаменитыхъ словъ «reginde ac cadaver». Его ораторскіе успѣхи, его вліяніе на женщинъ большого свѣта вскружили ему голову. Какъ-то былъ фатъ и не стѣняясь говорилъ, что еслибы, подобно патеру Леф...., онъ захотѣлъ разыграть себя въ лотерею, то женскіе копелъки доставили бы ему столько денегъ, что на нихъ онъ могъ бы выстроить храмъ больше и красивѣе св. Петра въ Римѣ. Все это начинало не нравиться іезуитамъ. Они позволили ему быть дамскимъ проповѣдникомъ, но находили, что онъ слишкомъ злоупотреблялъ своею ролью. Увѣряли даже, что у этого красавца—іезуита была въ Парижѣ особенная маленькая квартира, въ которой онъ занимался обращеніемъ на путь истины прекрасныхъ грѣшницъ. Іезуиты сильно дорожатъ своею нравственною репутаціей, и въ совѣтѣ ихъ не разъ разсуждали о средствахъ сдержать этого бѣдоваго мальчика, который былъ еще нуженъ имъ на нѣкоторое время, но который, по ихъ мнѣнію, могъ наконецъ скомпрометировать весь орденъ.

Графиня *** пользовалась въ Тулузѣ уваженіемъ всего общества и особенно духовенства. Ей было около пятидесяти лѣтъ. Сердце ея было холодно, а умъ—пылокъ; экзальтація, до которой она доходила въ своихъ принципахъ и мнѣніяхъ, не имѣла предѣловъ. Вся страстность, бывшая въ ея натурѣ, сосредоточивалась у нея въ головѣ и изливалась въ пламенныхъ рѣчахъ. Родители выдали ее въ 15 лѣтъ за старика, но знатнаго и имѣющаго 60 т. ливровъ дохода. Бракъ былъ для нея ни чѣмъ инымъ какъ испытаніемъ, въ которомъ жестокое чувство отвращенія раздробило всѣ ея чувства. Оставшись вдовою въ двадцать лѣтъ, она не захотѣла искать во второмъ бракѣ то счастье, котораго не встрѣтила въ первомъ. Въ это время она была уже въ полной зависимости отъ отца Бонифація, самаго продувнаго іезуита. Онъ очень хорошо понималъ, какія выгоды братство могло извлечь изъ вдовы богатой, знатной, пылкой и надѣленной твердою волей, и поэтому старательно принималъ къ дѣлу правила устава «*Modus secretus*», касающіяся *способа ухода за вдовами и распоряженія ихъ имуществомъ*. Іезуиты часто оспаривали подлинность этихъ инструкцій. Но если ихъ написали не сами преподобные отцы, то можно смѣло сказать, что онѣ были начертаны на основаніи ихъ дѣйствій.

Графиня продолжала жить въ свѣтѣ, но выказывала строгость нравовъ, доходившую до крайности. Ея безукоризненное поведение внушало ей совершенно фарисейскую гордость, она не хотѣла сознаться самой себѣ, что вся добродѣтель ея происходила главнымъ образомъ отъ холодности ея сердца и отъ того отталкивающаго впечатлѣнія, которое она производила почти на всѣхъ надменнымъ выраженіемъ своего лица. Она торжествовала безъ всякой опасности для себя, но и не безъ славы, чему способствовала стоустая молва, разносившаяся преподобными отцами. Они сѣмъли поставить ее на пьедесталъ, и вся Тулуза поклонялась ей. Наконецъ іезуиты такъ отлчно воспользовались недостатками и достоинствами графини, что приобрѣли неограниченное вліяніе на ея умъ.

Она вступала въ тотъ періодъ, въ которомъ женщины иногда во второй разъ становятся молодыми. Она немного пополнила и это сгладило въ ея лицѣ слишкомъ рѣзкія и угловатыя черты. Обыкновенно эта метаморфоза дѣлается въ сорокъ лѣтъ... Ларошфуко сказалъ: «въ жизни женщины всегда наступаетъ минута, когда самой честной надоѣдаетъ ея добродѣтель». Эта минута—та, въ которую женщина еще хороша, но должна начать дурить. Самыя цѣломудренныя и самыя набожныя не освобождаются отъ этого состоянія. Графиня тоже чувствовала борьбу своей холодной природы съ женскимъ кокетствомъ, которое она считала давно уже подавленнымъ. Она почувствовала, что ей необходимо необыкновенное движеніе и объявила, что каждую зиму будетъ четыре мѣсяца проводить въ Парижѣ. Преподобные отцы знаютъ сердце человѣческое вообще и женское въ особенности. Они предвидѣли кризисъ, совершившійся въ графинѣ. Они увидѣли первые признаки его; надобно было помѣшать его развитію. Поѣздки въ Парижъ могли быть опасными. Святые отцы предупредили опасность, поручивъ графинѣ заниматься съ парижскими іезуитами разными дѣлами, касающимися интересовъ ордена. Этими лѣстили ея самолюбію и давали пищу жаднѣ дѣятельности, которая могла повернуть на другую дорогу. Патеръ Капдаль, въ то время бывший въ большой славѣ, былъ введенъ въ домъ графини. Она услышала его проповѣдь, и ея энтузіазмъ къ нему дошелъ до крайней степени. Патеръ былъ любезенъ, хорошъ, онъ привыкъ жить въ свѣтѣ, умѣлъ говорить съ женщинами, лѣстить имъ, обходиться съ ними съ тою любезностью, свойственною нѣкоторымъ священникамъ, которая никогда не выходитъ изъ позволенныхъ границъ, но носить на себѣ совер-

менно свѣтскій отгѣнокъ. Преподобные отцы всегда держутъ у себя такихъ салонныхъ іезуитовъ и главнымъ образомъ поручаютъ имъ дѣйствовать на старѣющихъ вдовъ, которыхъ бракъ, капризъ, минута скуки своею добродѣтелью, могутъ навсегда освободить отъ ихъ вліянія. Извѣстны стихи, которые писалъ патеръ Демуэнъ для одной свѣтской женщины, стихи, въ которыхъ онъ сравнивалъ щеки ея съ щеками херувимовъ. Патеръ Кандадь довершилъ дѣло, начатое тулузскими іезуитами. Рѣшительная побѣда была одержана надъ свѣтомъ, готовившимся снова схватить свою жертву.

Этому-то патеру Кандадю было поручено во что бы то ни стало устроить дѣло такъ, чтобы Мадлетта отеклась отъ своихъ показаній. Онъ въ свою очередь прибѣгнулъ къ своей графинѣ, которая хорошо знакома съ Жюліо и Луизой и знала тоже Мадлетту. Глупую служанку не трудно было одурaczyć, — и она дала слово заявить въ судѣ все, что было необходимо для успѣха дѣла. Между тѣмъ обсужденіе процесса приближалось; архіепископъ призывалъ къ себѣ Жюліо и убѣждалъ его отказать отъ своихъ притязаній; Жюліо остался непреклоненъ. Судъ проходилъ 6 сентября 1860 г.; адвокатомъ Жюліо и Луизы былъ Верделонъ. «Въ своей рѣчи—говоритъ авторъ романа—Верделонъ взялъ вопросъ очень широко. Перейдя отъ частныхъ обстоятельствъ дѣла къ соображеніямъ общимъ, онъ показалъ, какъ іезуиты во всѣхъ городахъ Франціи употребляютъ одну и ту же систему для своего обогащенія — систему устрaшенія женщинъ ужасами, придуманными религіею для отнятія у нихъ золота, находящихся въ ихъ распоряженіи драгоценныхъ камней, украшеній, какъ суетныхъ вещей, которыхъ не надо держать у себя. Онъ разсказалъ, какъ патеръ Кандадь триумфаторомъ развѣзжалъ по Франціи и раскладывалъ въ аристократическихъ салонахъ дорогіе уборы, цѣнные кружева, всевозможныя украшенія, которыя его краснорѣчіе исторгло изъ рукъ мірянъ. Онъ указывалъ на фактъ, невѣроятный въ XIX вѣкѣ—на предложеніе іезуита разыграть себя въ лотерею, т. е. отдать себя на нѣсколько дней въ полное распоряженіе выигравшаго. Исторію эту въ свое время разсказали всѣ газеты, и достоверность ея не подлежитъ сомнѣнію. Билеты продавались по 100 франковъ, покупать ихъ могли только дамы. И эта покупка дѣйствительно совершилась въ ультра-религіозномъ кругу Парижа. Лотерея была разыграна, и преподобный отецъ отдалъ себя въ распоряженіе дамы, выигравшей его. Верделонъ указалъ на города Марсель, Лионъ, Пуатье и пр. и пр., въ которыхъ почти такія же штуки, за исключеніемъ развѣ розыгрыша въ лотерею живаго іезуита, дѣлались іезуитами въ глазахъ всей Франціи.

Отд. I.

къ большому неудовольствію свѣтскаго духовенства, которое негодуетъ, но обязано молчать предъ этими могущественными властителями». Кра-
спорѣчїе это, однако, не помогло; Мадлетта не переставала утверждать,
что послѣднія показанія ея были несправедливы, — и жюри объявляи ду-
ховное завѣщаніе г-жи Клавьеръ не подлежащимъ спору, т. е. признали
Турнишона законнымъ наследникомъ. Верделонъ предложилъ Жюлію, жив-
шему въ это время въ С. Авентенѣ съ сестрою, пойти на апелляцію; Жюлію не только согласился, но и объявилъ, что намеренъ немедленно
вдѣлать сочиненіе противъ іезуитовъ. Преподобные отцы опять заволно-
вались. На помощь къ нимъ пришла также сама графиня^{***}. Она знала, что
съ Жюлію нельзя ничего сдѣлать, и поэтому рѣшилась подѣйствовать въ
Луизу, съ которою была давно знакома. Свиданіе ихъ произошло въ С.
Авентенѣ, въ то время когда Жюлію не было дома. Графиня такъ напу-
гала бѣдную дѣвушку разсказомъ о всѣхъ несчастіяхъ, грозившихъ по
ея убѣжденію молодому аббату въ томъ случаѣ, еслибы онъ не отка-
зался отъ своихъ притязаній, что Луиза совсѣмъ растерялась; притомъ
же графиня, зная сердечную тайну ея, сообщила ей, что Верделонъ
скоро женится. Луиза давно уже замѣтила холодность своего возлюб-
леннаго, который, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не хотѣлъ же-
ниться безъ приданаго, — и потому повѣрила. Теперь деньги не были ей
больше нужны, — и она подписала заранѣе приготовленное графиней удо-
ствовленіе въ томъ, что она, Луиза Жюлію, отказывается отъ всякой
апелляціи по процессу. Затѣмъ она склонила ее ѣхать съ собою въ Па-
рижъ: — все это сдѣлалось тайно отъ Жюлію. Когда онъ возвратился
домой, то уже не засталъ сестры. Онъ повѣдалъ, что тутъ есть какая
нибудь гнусная интрига и поспѣшилъ въ Тулузу. Сестру онъ не могъ
найти нигдѣ и подалъ объявленіе въ судъ; начались формальные по-
иски, но и они долго оставались тщетными. Наконецъ Жюлію получилъ
официальное уведомленіе, что судя по некоторымъ свидѣніямъ, Луиза
увезена въ Италію и помѣщена въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей.
Жюлію отправился въ Италію. Но, прежде чѣмъ мы отправимся туда
вслѣдъ за нимъ, скажемъ, что въ это время онъ окончательно проигралъ
процессъ, надалъ свое сочиненіе противъ іезуитовъ, надѣлавшее много
шуму и по предложенію архіепископа вышелъ въ отставку. Въ Италіи
послѣ долгихъ поисковъ Жюлію отыскалъ наконецъ Луизу; она была
загочена въ одномъ изъ монастырей. Братъ освободилъ сестру и съ по-
мощью молодого итальянца Джакомо бѣжалъ изъ Италіи; но на границѣ
его схватили и, какъ нарушителя святости монастыря, привезли въ Римъ
и заключили въ тюрьму.

Въ тотъ самый день, когда комиссаръ папскаго престола на-
ложилъ руку на Жюлію, (это происходило въ Витебрѣ), онъ,

вслѣдствіе строгихъ приказаній, полученныхъ изъ Рима, схватилъ еще одного арестанта, не менѣ важнаго. Витерба, какъ многіе итальянскіе города, имѣла свою пророчицу. Лаура Дони—такъ звали ее—была женщина не дюжинная; мистицизмъ ея былъ ни мало не похожъ на мистицизмъ женщинъ этого города, которыя всегда служатъ господствующему религіозному мнѣнію и находятъ въ духовенствѣ и римской политикѣ вѣдѣнное освященіе своей миссіи. Почти всегда какой нибудь религіозный орденъ завладѣваетъ этими женщинами, громко превозноситъ ихъ и въ свою очередь пользуется ими для того, чтобы онѣ превозносили его. Нѣсколько времени назадъ, іезуиты эксплуатировали одну женщину такого рода; она рассказывала о преподобныхъ отцахъ чудеса и всегда отсылала къ нимъ тѣхъ, кто приходилъ съ ней совѣтоваться.

Лаура Дони, имѣвшая видѣнія, откровенія и запросто разговаривавшая съ своимъ ангеломъ хранителемъ, была женщина съ тѣмъ характеромъ, который не легко подчиняется чужому вліянію. Ея пророчества, въ сущности очень странныя, дѣлали столько шума, что о нихъ узнали даже въ Парижѣ, гдѣ религіозный, но эксцентрическій кружокъ принималъ ихъ съ нѣкоторою вѣрою.

Вотъ какія доктрины проповѣдывались этою пророчицей въ присутствіи многочисленныхъ посѣтителей.

Царствованіе Дѣвы Маріи должно было скоро начаться. Пій IX не напрасно провозгласилъ Ее *зачатою безъ грѣха*. По словамъ пророчицы, это было справедливо и спасеніе католицизма зависѣло отъ провозглашенія этого догмата. Но—странная вещь, бывшая причиною ненависти св. престола къ Лаурѣ Дони—она утверждала, что только съ паденіемъ свѣтской власти папы церковь возвратится къ прежнему своему величію. Пій IX, по ея словамъ, долженъ быть послѣднимъ королемъ и первымъ смиреннымъ епископомъ.

Изъ всѣхъ этихъ предсказаній выходила смѣсь мистицизма и странной политики. Папская партія употребляла тысячу средствъ, чтобъ пріобрѣсти какое нибудь вліяніе на Лауру Дони. Ей обѣщали золотыя горы съ тѣмъ, чтобы она стояла за необходимость свѣтской власти. Она отвергнула всѣ предложенія, не хотѣла даже говорить съ агентами Антонелли, пріѣхавшими нарочно въ Витербу, чтобъ подкупить ее, и почти выгнала изъ своего дома делегата, часто посѣщавшаго ее, въ надеждѣ восторжествовать надъ нею лестью ея самолюбію.

Съ гордостью римлянки она объявила, что не будет лгать и продавать свою совѣсть, и съ этого дня начала еще положительно предсказывать близкое паденіе свѣтской власти папы. Вліяніе ея начинало становиться опаснымъ; итальянскіе либералы пользовались ея предсказаніями для возбужденія умовъ и поддержанія ихъ въ мысли, что Римъ въ первую удобную минуту сдѣлается столицею новаго итальянскаго королевства. Делегатъ послалъ къ папѣ страшное донесеніе о ней. Такъ какъ она была богата и принадлежала къ одному изъ знатнѣйшихъ вѣтербскихъ семействъ, то враги ея сочли самымъ лучшимъ — сдѣлать изъ ея предсказаній важное преступленіе, подлежащее суду инквизиціи, для того, чтобы дѣло ея судилъ тотъ судъ, который начинаетъ тѣмъ, что сажаетъ обвиненнаго въ тюрьму и разбираетъ дѣло тогда, когда ему вздумается.

Бѣдный аббатъ (Жюліо) и гордая пророчица были посажены вмѣстѣ въ дрянную телегу, которая должна была отвезти ихъ въ Римъ. Четыре папскихъ сбѣра окружали телегу, чтобы не позволить арестантамъ уйти. Жюліо и не думалъ объ этомъ. Пророчица была вѣ себя отъ бѣшенства.

— Негодные! говорила она:—они падутъ. О, моя кроткая владычица, царствованіе твое скоро начнется на землѣ. Нѣтъ болѣе Кесаря въ церкви божіей!

И подымаясь во весь ростъ на телегѣ, Лаура Дони одною рукою откидывала закрывавшій ее вуаль, а другую простирала по направленію къ Риму, и въ этомъ положеніи, съ своимъ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ, походила на средневѣковую статую.

— Нѣтъ, кричала она: — нѣтъ больше Кесаря! Марія, пренепорочная Марія! Ты наконецъ наступила ногой на голову змія, и преклоненные предъ Тобой народы скоро начнутъ рукоплескать твоему торжеству. А для васъ, о, женщины, сестры мои, наступило время свободы! Великія дѣла совершатся для васъ. Вы начнете царствовать съ Марією и посредствомъ Маріи. До этихъ поръ церковь представляла собою грубую силу, которая олицетворена въ мужчинѣ; теперь она будетъ представлять силу любви, олицетвореніемъ которой служить женщина. О, папа, не старайся собирать остатки твоей тройственной короны, уже разбитой революціями. Ты будешь самодержавнымъ властителемъ душъ. Догматъ твоей непогрѣшимости будетъ важнымъ догматомъ христіанскихъ народовъ, но слова *deposuit potentes* должны исполниться. Нѣтъ болѣе первыхъ въ церкви Христа! нѣтъ унизи-

тельнаго положенія женщины, возстановленной въ своихъ пра-
вахъ пренепорочною Марією!

Одно изъ самыхъ печальныхъ заблужденій католическаго ду-
ховенства XIX стол., можно сказать даже одно изъ самыхъ по-
слѣднихъ дѣйствій его, состояло въ томъ, что оно, повидимому
съ похвальнымъ намѣреніемъ, содѣйствовало страшному развитію
мистицизма въ религиозномъ кругу. Во время великихъ социаль-
ныхъ кризисовъ развивается духъ пророчества; экономисты и пу-
блицисты предчувствуютъ социальную эмансипацію. Въ мірѣ ми-
стическомъ пророчество дѣлается во имя сверхъестественныхъ
силъ. И всему этому чистосердечно вѣрятъ. Развитое общество
ошибается, когда считаетъ этихъ пророковъ шарлатанами и об-
манщиками; нѣтъ ничего наивнѣе этихъ натуръ. Большею ча-
стью пророчицами являются суевѣрныя, болѣзненные дѣвушки,
живущія въ монастыряхъ или ведущія дома простую и суровую
жизнь.

Число этихъ пророковъ и пророчицъ громадно; нѣтъ почти ни
одной монахини, у которой не было бы своихъ видѣній. Все это
расходится по свѣту, комментируется. Головы, возбужденныя чте-
ніемъ мистическихъ книгъ, заражаются этою болѣзью. Экзаль-
тація усиливается и зло принимаетъ страшные размѣры.

Господствующая мысль во всѣхъ этихъ пророчествахъ, пущен-
ныхъ въ ходъ уже за сто лѣтъ назадъ, та, что «Парижъ будетъ
сожженъ». И это пророчество особенно улыбается людямъ, увле-
ченнымъ мистицизмомъ. Оно составляетъ предметъ самыхъ жи-
выхъ вѣрованій ихъ. Нѣкоторые подвергали сомнѣнію возвра-
щеніе Людовика XVII, предсказанное Мартиномъ Гальярдономъ;
другіе, съ смѣлостью достойною свободнаго мыслителя, думаютъ,
что не смотря на разныя предсказанія, Пій IX не будетъ рас-
пятъ партизанами итальянскаго единства; но всѣ въ одинъ го-
лосъ повторяютъ съ своими пророками и пророчицами: Парижъ
будетъ сожженъ!..

Наконецъ плѣнниковъ привезли въ Римъ 22 ноября 1860 г.

Когда путешественникъ посѣщаетъ Римъ и осматриваетъ ве-
ликолѣпную площадь, украшенную высокими портиками, которая
расположена передъ храмомъ св. Петра, то онъ и не подозрѣ-
ваетъ, что за этою блестящею колоннадой скрывается кварталъ
мрачный, наполненный избушками, перерѣзанный кривыми и дур-
новымощенными улицами. Если вы отправляетесь въ Ватиканъ
въ экипажѣ, то кучеръ сначала провозитъ васъ по главной изъ

этихъ улицъ, идущей вдоль колоннады, потомъ проѣзжаетъ между высокими стѣнами маленькаго *campro-santo*, устроеннаго по образцу такого же *campro* въ Пизѣ, и тогда вашимъ глазамъ является высокое зданіе, по черному фасаду котораго идутъ узкія окна, не пропускающія солнечнаго свѣта; вы смотрите на это зданіе и не знаете, что оно: строгая ли монастырская обитель, тюрьма или госпиталь прокаженныхъ. Оно ни то, ни другое, ни третье, но въ немъ есть всего этого по немножку; это—дворецъ св. престола.

Когда въ Римѣ вспыхнула революція и была провозглашена республика, народъ бросился къ этому зданію—предмету общаго ужаса. По соціальному значенію, это было тоже, что штурмъ Бастиліи. Народъ всегда символизируетъ свои идеи; въ дворцѣ св. престола римляне видѣли провозволъ священника, сдѣлавшагося царемъ, который не терпитъ противорѣчія своимъ доктринамъ и чинить свой судъ и расправу надъ совершившими какой бы то ни было проступокъ по отношенію къ церковнымъ дѣламъ. Римскій народъ не потребовалъ разрушенія замка св. Ангела, потому что этотъ замокъ—колоссальный памятникъ древняго Рима. Онъ пощадилъ крѣпость папъ и отправился разбивать темницы инквизиціи.

Тамъ онъ нашелъ мало узниковъ; но въ одной темницѣ лежалъ трупъ. Онъ давно уже лежалъ тутъ, забытый небрежными папскими чиновниками, или, чему страшнѣе повѣрить, осужденный на голодную смерть мщеніемъ какого нибудь инквизитора.

Этотъ забытый трупъ, конечно, ужасная вещь; но это только отдѣльный фактъ. Со времени вступленія на престолъ Пія IX, ужасы инквизиціи почти прекратились, но у него не хватило духу уничтожить это отвратительное судилище.

Почти всё мы прочли страшное описаніе темницъ *св. инквизиціи* въ томъ видѣ, въ какомъ народъ нашелъ ихъ въ 1848 году. Одни скелеты были прикованы къ стѣнѣ цѣпями, другіе валялись на полу; тѣла были зарыты до плечъ въ известку, свидѣтельствуя тѣмъ о страшнѣйшей изъ пытокъ; залы были наполнены орудіями пытки; темницы были устроены въ волочить ямахъ, въ которыхъ несчастныя жертвы, полузарытыя въ грязь, получали хлѣбъ, поддерживавшій въ нихъ жизнь и продолжавшій мучительную агонію. И много еще другихъ, не менѣе ужасныхъ подробностей, узнали мы изъ этихъ описаній.

Нѣкоторые изъ авторовъ ихъ спрашиваютъ, какими образомъ случилось, что народъ не истребилъ до послѣдняго камня стѣнъ

этого гнуснаго зданія? Что касается до насъ, мы не жалѣемъ объ этомъ. Мы хотѣли бы напротивъ того, чтобы все было тщательно сохранено: и эти высохшіе трупы, и эти орудія пытки, и эти грязныя подземелья, и этотъ дворъ, въ которомъ людей жгли тайно, потому что не смѣли жечь на площадяхъ. Мы желали бы, чтобы все это уцѣлѣло и чтобы изъ этого былъ составленъ родъ музея, открытаго для всѣхъ и въ которомъ можно было бы видѣть, что дѣлалъ религіозный фанатизмъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и что онъ сдѣлалъ бы еще теперь, еслибы на папскій престолъ вошелъ какой нибудь фанатикъ—монахъ. Потому что именно монахи ввели въ католическую церковь злоупотребленія и преступленія. Монашество породило всѣ крайнія степени религіозной нетерпимости. И стѣдуетъ только внимательно порыться въ архивахъ, чтобы убѣдиться, что въ эти времена кровавыхъ преслѣдованій бѣлое духовенство могло быть обвинено только въ томъ, что поддавалось монахамъ и слишкомъ легко уступало имъ свои права. Если папа Пій V сказалъ, что *милосердіе состоитъ въ невозможномъ преслѣдованіи еретиковъ*, то онъ сказалъ это потому, что до вступленія на папскій престолъ былъ монахомъ, да еще доминиканцемъ, т. е. членомъ страшнаго ордена, стоявшаго во главѣ инквизиціи. Если Пій IX, предоставленный самому себѣ, выказываетъ самую большую терпимость, если кротость его характера удерживаетъ его отъ всякой насильственной мѣры, то это потому, что на плечахъ у него никогда не лежала монашеская ряса.

Жюліо былъ бы помѣщенъ въ одну изъ страшныхъ темницъ инквизиціи, еслибы послѣ римской экспедиціи французскій генералъ не нашелъ, что это зданіе, по своей близости къ Ватикану и замку св. Ангела, весьма удобно для устройства въ немъ французской казармы.

Путешественники, осматривающіе въ Римѣ столько любопытныхъ вещей, не забудьте посѣтить французскую казарму, расположенную позади колоннады площади св. Петра и скажите, чтобы вамъ показали темницы; тамъ вѣроятно еще пахнетъ трупами.

Послѣ возвращенія Пія IX изъ Гаэты, святая конгрегація на скоро построила себѣ временное помѣщеніе съ нѣсколькими узкими и низкими кельями, въ надеждѣ, что по отъѣздѣ французовъ она снова займетъ свое прежнее palazzo.

Такимъ образомъ, теперь инквизиція, какъ и многія другія вещи въ Римѣ, какъ и самая папская тіара, имѣетъ временное

существованіе. Она живетъ тою тощею надеждою, которую дипломатія окрестила смѣшнымъ названіемъ: *statu quo*.

Такова уже роковая судьба учреждений, умирающихъ отъ старческой немощи; они ухватываются за рутинныя привычки своего прошедшаго еще крѣпче, чѣмъ во дни своего процвѣтанія. Высшими формами они дорожатъ тоже сильно. Въ настоящее время при папскомъ дворѣ находятся: префектъ св. престола, хранитель печатей, генераль-коммисаръ, который всегда выбирается изъ доминиканцевъ, ассесоръ, служащій въ тоже время почетнымъ камергеромъ его святѣйшества, совѣтники, принадлежащіе къ разнымъ религіознымъ орденамъ, офицеры и министры; и все это организовано и дѣйствуетъ какъ въ доброе старое время, (за исключеніемъ только костровъ), во славу божью и св. престола. Святая конгрегація собирается три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ—во дворцѣ св. престола, куда являюся генераль-коммисаръ и совѣтники; въ среду—въ доминиканскомъ монастырѣ св. Маріи, и въ четвергъ— въ присутствіи папы; въ этотъ день совѣщаются «о дѣлахъ, касающихся инквизиціи и ереси», и въ этомъ собраніи участвуютъ кардиналы, прелаты и богословы разныхъ орденовъ.

Жюліо и Лаури Дони были посажены въ маленькія комнатки и юридическое слѣдствіе началось.

Здѣсь мы на минуту прервемъ разсказъ, чтобы привести интересную сцену совѣщанія римскихъ іезуитовъ въ своей коллегіи.

...Іезуиты собрались. Одинъ старикъ, именно генераль ордена, произнесъ слабымъ голосомъ и медленно обычное латинское воззваніе къ Св. Духу. Потомъ всѣ сѣли. Генераль съ большою снаною изложилъ положеніе дѣлъ ордена въ пяти частяхъ свѣта. Іезуиты, по его словамъ, дѣлали чудеса въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, гдѣ они достигли всемогущества, Бельгіи, гдѣ высшее и бѣлое духовенство были совершенно въ ихъ рукахъ. Затѣмъ генераль подробно говорилъ о положеніи ордена въ римскихъ владѣніяхъ. Онъ сказалъ:

«Въ виду возможности возстановленія неаполитанскихъ бурбоновъ, мы главнымъ образомъ должны поддерживать интересы королевы-матери. Если молодая королева Марія-Софія баварская снова пріобрѣтетъ вліяніе на слабого Франциска II, то она не только склонитъ его къ либеральнымъ уступкамъ, но еще поселитъ въ немъ все то предубѣжденіе противъ нашего братства,

которое она привезла съ собою; она никогда не проститъ намъ, что Лола Монтезь поддерживала насъ въ Баваріи. По этому необходимо поддерживать дурныя отношенія между обоими супругами. Францискъ II, предоставленный самому себѣ, отречется отъ престола въ пользу сына королевы-матери, и тогда Неаполь будетъ въ нашихъ рукахъ.

«Намъ нечего скрывать отъ себя, что здѣсь мы живемъ только на бивуакахъ. Дурное положеніе свѣтской власти папы ясно указываетъ намъ на нашу будущую участь. Гнусные революціонеры одержутъ на нѣкоторое время верхъ. Останется ли папа въ Ватиканѣ, или отправится въ католическія страны, чтобы возбудить къ себѣ симпатію и потомъ возвратиться въ свои владѣнія, — намъ во всякомъ случаѣ придется уѣхать. Папу здѣсь ненавидятъ не столько сколько насъ. Даже духовенство, оскорбленное нашимъ превосходствомъ, ненавидитъ насъ почти также какъ революціонеры и первое станетъ рукоплескать нашему паденію. Что ему за дѣло до насъ? Оно останется. Этимъ фабрикантамъ похоронъ и крестинъ нечего бояться народа, преданнаго по рутинѣ своимъ религиознымъ обрядамъ и готоваго пожертвовать папою и кардиналами, лишь бы не трогали его мадонъ. Притомъ же члены благаго духовенства-итальянцы, и поэтому естественно симпатизируютъ народу. У насъ, іезуитовъ, нѣтъ національности, наше отечество — нашъ орденъ, мы космополиты, и это составляетъ нашу силу, но въ тоже время отдаляетъ насъ отъ народа; онъ вездѣ видитъ въ насъ иностранцевъ. Вотъ почему итальянцы удержатъ своихъ священниковъ и выгонятъ насъ изъ Италіи. Это будетъ изгнаніе и можетъ быть очень долговременное».

Наступило короткое молчаніе, потомъ началось совѣщаніе о критическомъ положеніи папства. Генералъ сказалъ:

«Третьяго дня я имѣлъ аудіенцію у его святѣйшества. Добрый папа, не особенно сильно любящій насъ, по обыкновенію увѣрялъ меня въ своей полной благосклонности къ нашему ордену. Я въ свою очередь снова увѣрилъ его въ нашей безусловной преданности. Да — сказалъ онъ — я вѣрю, что доблестное общество можетъ много сдѣлать для поддержки святаго престола. Я отвѣчалъ, что передамъ эти слова нашимъ преподобнымъ отцамъ и что они доставятъ имъ невыразимое удовольствіе. Я нашелъ его печальнымъ, озабоченнымъ; онъ видимо дряхлѣетъ съ каждымъ днемъ. Удивительно, какъ его святѣйшество, съ своими припадками падучей болѣзни и рапою на ногѣ, живетъ такъ долго. Хотя намъ бы слѣдовало просить Бога, чтобы онъ послалъ намъ папу, бо-

лѣе преданнаго нашему ордену, но вышѣпній папа въ такомъ положеніи, что не можетъ сдѣлать шагу безъ насъ. Онъ хорошо понимаетъ это. Онъ довольно тонко намекнулъ мнѣ, что опыты научилъ его лучше узнавать своихъ друзей. Несчастіе сближаетъ людей.

«Потомъ его святѣйшество говорилъ со мною о тюръжахъ съ престола, объ аббатѣ Жюліо, этомъ молодомъ священникѣ, который сдѣлалъ намъ во Франціи столько зла и котораго наконецъ поймали и отдали на страшный судъ инквизиціи. Надѣюсь, ваше святѣйшество,—сказалъ я,—что вы не выпустите на свободу этого врага церкви? Зло всегда вносилось въ христіанскую церковь только священниками; чего только не надѣлали Лютеръ, Кальвинъ? Энергія Григорія XVI, разомъ сломившаго гордость Ламне, помѣшала во Франціи взрыву столько же опасному, сколько минимая реформа XVI ст. Этотъ Жюліо—второй Ламне, можетъ быть еще болѣе опасный, чѣмъ первый; тотъ дѣйствовалъ рѣзко и нападалъ даже на своихъ друзей; этотъ—волкъ въ овечьей шкурѣ.

«Замѣчаніе мое повидимому произвело на папу сильное впечатлѣніе. Вы можете быть правы—сказалъ онъ:—впрочемъ, папы рѣдко вмѣшиваются въ приговоры суда пресвятой инквизиціи и я посовѣтуюсь объ этомъ съ Богомъ и пренепорочною Дѣвою. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ кардиналу и министру, совершенно преданному намъ. Вы знаете, отцы мои, что съ его стороны было бы неблагодарностью дѣйствовать противъ насъ: мы сильно содѣйствовали его громадному обогащенію, его миліоны—наши адвокаты. Кардиналъ дружески пожалъ мнѣ руку. Я передалъ ему мой разговоръ съ его святѣйшествомъ.—О, высокопреподобный отецъ—сказалъ мнѣ кардиналъ—не бойтесь ничего, его святѣйшество не сдѣлаетъ ни шагу, за это я отвѣчаю вамъ. Вашу аббату сидятъ подѣ хорошими зажимами.

«Такимъ образомъ на этотъ счетъ мы можемъ быть спокойны.

«Теперь переходимъ къ нашему финансовому отчету. Въ этомъ отношеніи наше положеніе никогда не было такъ блистательно, какъ теперь. Наши расходы совершенно незначительны въ сравненіи съ доходами. Надо сознаться, что эта отвратительная цивилизація новаго времени отлично понимаетъ дѣло умноженія капиталовъ. Мы воспользовались громадными выгодами, которыя она намъ доставляетъ. Наши небольшія экономическія суммы, образовавшіяся въ первые годы, слѣдовавшіе за нашимъ восстановленіемъ, превратились въ огромные капиталы, благодаря выгодному помѣщенію. Потомъ стали стекаться большими массажи

добровольныхъ приношеній. Завѣщаній въ нынѣшнемъ году было еще больше, чѣмъ въ предыдущихъ. Въ слѣдствіе всего этого наше парижское отдѣленіе имѣло возможность взять по моему приказанію 2 т. акцій севальско-жересо-кадизскихъ по 500 фр., всего на миллионъ; 2 т. южно-австрійско-ломбардскихъ по 500 фр., тоже на миллионъ; 1000 облигацій сарагосскихъ по 500 фр., всего на 500 т. фр. Итого взято бумагъ на 2 миллиона 500 т. фр.

«Въ будущемъ семестрѣ, кромѣ непредвидѣнныхъ доходовъ, мы будемъ имѣть все наши проценты, прибыль отъ гаврскихъ и бордосскихъ кораблей, отъ нашихъ заведеній въ Сан-Франциско, отъ нашихъ торговыхъ домовъ, добровольныхъ пожертвованій и продажи имѣній, доставшихся намъ по завѣщаніямъ; чистая выгода за весь годъ составитъ приблизительно шесть миллионъ...»

Жюліо долго просидѣлъ бы въ тюрьмѣ, если бы его не освободили контрабандистъ Джакомо (съ которымъ мы уже встрѣчались) и еще одинъ молодой священникъ, который былъ много чѣмъ обязанъ Жюліо. Но они освободили его не на радость. Жюліо уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ слова нашего Лузу,—я скоро преслѣдованія снова посыпались на него. Но онъ твердо шелъ на встрѣчу всемъ нападеніямъ и конечно не совдала. Его постоянная неприязнь къ іезуитамъ, его слова и сочиненія довели преподобныхъ отцевъ до такого бѣшенства, что они употребили все средства, чтобы окончательно погубить его. Онъ былъ лишенъ священническаго сана и наконецъ проклятъ на соборѣ въ Лиму. Въ довершеніе всехъ своихъ несчастій, онъ узналъ, что Луза не сестра его;—скоро она умерла, и это совершенно сокрушило его. Преданіе Жюліо анафемѣ происходило въ мавъ, 1862 г.

Соборъ въ Лиму открылся 5 мая 1862 г. большою процессією, вышедшею изъ собора и прошедшею по главнымъ улицамъ города. За крестомъ и хоругвями слѣдовали «братья» христіанскихъ школъ, воспитанники младшихъ и старшихъ классовъ семинарій, священники—миссіонеры, монахи различныхъ орденовъ, городскіе священники, соборные каноники, богословы изъ разныхъ городовъ, епископы въ мантияхъ и съ жезлами, наконецъ президентъ собора.

Архіепископъ тулузскій произнесъ рѣчь въ присутствіи лучшаго общества Лиму и сосѣднихъ маленькихъ городковъ. Мѣста, оставленные для начальствующихъ лицъ, высокая эстрада, на которой всѣ красавицы этой южной провинціи шумѣли шелковыми платьями, надѣтыми на громадныя криволины,—придавали собранію тотъ характеръ полу-свѣтскій, полу-религіозный, которымъ отличается католицизмъ XIX ст. Префектъ департамента могъ быть протестантъ или еврей, дивизионный генералъ могъ быть свободнымъ мыслителемъ, президентъ суда—воспитаникомъ Прудона или Ренана,—но эти высокіе сановники все-таки занимали свои мѣста въ собраніи, въ которомъ каждый, кто объявилъ бы, что не вѣрять въ нѣкоторые догматы католической религіи, былъ бы названъ еретикомъ.

Вялое краснорѣчіе президента собора развернулось въ длинную рѣчь, счастливою темою которой было возобновленіе вида земли созваніемъ собора въ Лиму. Тутъ ничто не было забыто: ни безсмертный Пій IX и его удивительное царствованіе, ни провозглашеніе догмата пренепорочнаго зачатія, ни страданія первосвященника, подвергнувшагося такимъ тяжелымъ испытаніямъ, ни анафемы противъ революціи, которую изрыгнулъ адъ, ни будущее торжество папы, вслѣдствіе содѣйствія Св. Дѣвы, которая одна въ этомъ мірѣ убила всѣхъ еретиковъ.

На слѣдующій день, въ особенномъ засѣданіи, было определено, чѣмъ соборъ долженъ заняться. Предсѣдатель пригласилъ почтенныхъ канониковъ и богослововъ, присутствовавшихъ на соборѣ, присягнуть, что они будутъ держать въ тайнѣ все, что будетъ говорено епископами и не передавать никому того, что могло бы повредить достоинству собора.

Затѣмъ были выбраны президенты, вице-президенты, секретари, богословы разныхъ конгрегацій. Назначили время засѣданій для чтенія декретовъ и собраній или генеральныхъ конгрегацій, посвященныхъ совѣщаніямъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ распоряженій, работы собора начались и продолжались дѣятельно. 10-го числа, въ 4 часа пополудни, происходила подъ предсѣдательствомъ митрополита шестая генеральная конгрегація, на которой присутствовали епископы, децутаты отъ капитуловъ и богословы. Митрополитъ произнесъ молитву, послѣ чего одинъ изъ нотаріусовъ собора прочелъ протоколъ предъидущей конгрегаціи. Затѣмъ были прочтаны и одобрены два декрета: одинъ—подвергавшій запрещенію три вредные журнала, обвиненные въ отрицаніи свѣтской власти

папы и въ приверженности къ дѣлу итальянской революціи; другой—запрещавшій танцовать тѣ танцы, въ которыхъ надо кружиться, какъ напр. польку, мазурку и т. п., какъ танцы, могушіе внушать преступныя мысли.

Эти два декрета были съ особеннымъ стараніемъ разработаны конгрегаціею «добрыхъ нравовъ», потому что мудрые старики, составлявшіе ее, были убѣждены, что вся безнравственность нашего печальнаго времени происходитъ отъ этихъ несчастныхъ танцевъ, изобрѣтенныхъ самимъ дьяволомъ.

Послѣ этого епископъ **, предсѣдательствующій въ конгрегаціи «вѣры», попросилъ у митрополита позволенія сказать слово и, получивъ это позволеніе, началъ:

«Высокопреподобные отцы и любезнѣйшіе братья! Я вполне одобряю декреты, составленные вами для истребленія двухъ страшныхъ бичей нашего столѣтія: журналовъ и танцевъ. Этими декретами вы показали, что глубоко понимаете, какія язвы подтачиваютъ существованіе новаго общества и доказываютъ опасность его инимой цивилизаціи. Но смѣю замѣтить, что есть зло болѣе страшное, зло, существующее подлѣ насъ, зло, которое если не преступная, то несчастная снисходительность, терпитъ въ нашихъ южныхъ странахъ, столь твердыхъ въ своихъ религиозныхъ убѣжденіяхъ; это зло — ересь. (*Глубокое волненіе*).

«Новый Арнольдъ Брешианскій, какъ хищный волкъ, опустошаетъ южныя страны и старается губить души своимъ зачумленнымъ ученіемъ. (*Голоса: анафема еретикъ!*) Этотъ разрушитель вѣры, этотъ врагъ церкви и св. престола, противъ котораго онъ уже нѣсколько лѣтъ не перестаетъ богохульствовать — молодой священникъ тулузской епархіи, ненавистное имя котораго—Жюлио Клавьеръ. Какъ всѣ еретики прошедшаго и будущаго времени, онъ принялъ видъ свѣтлаго ангела. Ничего не можетъ быть скромнѣе его образа жизни, мягче—его рѣчи, никто по виду не преданъ такъ какъ онъ дѣйствительнымъ интересамъ церкви. Этою-то личиною добродѣтели, великодушія, благочестія, преданности на словахъ св. престолу и безсмертному Шю IX онъ обманываетъ прямия души, увлекаетъ слабыхъ, сбиваетъ съ толку тѣхъ, которые не понимаютъ настоящей потребности церкви. (*Голоса: анафема! анафема! пусть соборъ проклянетъ его!*)

«Главнымъ образомъ дѣйствуетъ онъ посредствомъ своихъ сочиненій, исполненныхъ тонкаго яда. Уже давно, взявъ на себя роль гнуснаго обманщика, онъ фальшиво передалъ предсмертныя слова старика. Мы знаемъ, что эта гнусная профанація почтен-

наго имени пѣла въ Тулузѣ несчастный успѣхъ; что безбожные люди, принадлежащіе къ обществамъ, враждебнымъ вѣрѣ, публично восхваляли автора этого подлаго обмана и составили ему репутацію знаменитаго писателя. (*Голоса: Пусть соборъ проклинетъ его!*)

.....

«Да, высокопреподобные отцы и любезнѣйшіе братья, да будетъ проклятъ священникъ, запятнавшій свой санъ гнусною клеветою на архіепископа! Да будетъ проклятъ священникъ, произносившій съ кафедры безчестныя доктрины! Да будетъ проклятъ священникъ, нарушившій святость монастыря, охраняемую соборами и папскими постановленіями! Да будетъ проклятъ священникъ, развращающій души ядовитыми доктринами новой журналистики! Да будетъ проклятъ тотъ, кто возстаегъ противъ свѣтской власти римскихъ первосвященниковъ, безъ которой вся духовная власть не можетъ быть свободна! Да будетъ проклятъ тотъ, кто даетъ уроки папѣ, католическимъ епископамъ и утверждаетъ, что знаетъ лучше насъ, что именно нужно для церкви! Да будетъ проклятъ гордецъ, еретикъ, богохульникъ, нововодитель, бумагомаратель, фабрикантъ скандальныхъ книгъ! Да будетъ проклятъ тотъ, кто одобритъ доктрины Жюліо, въ настоящее время еще священствующаго въ Меллѣ, деревнѣ тулузской епархіи».

Послѣ этой рѣчи, епископъ вышелъ на середину залы и, взявъ въ руки одно изъ евангелій, воскликнулъ:

«Выбирайте между Христомъ и Жюліо, осквернителемъ имени Христа! Я отхожу отъ Жюліо, говорю ему: анафема! проклиная его и перехожу на сторону Христа!» (*Общій крикъ: Мы переходимъ къ Христу, мы проклинаемъ Жюліо. Анафема, анафема!*)

Эта рѣчь, форма которой была заимствована у дикой реторики средневѣковыхъ инквизиторовъ, произвела огромное дѣйствіе и превратила собраніе этихъ мирныхъ, вообще робкихъ людей въ толпу какихъ-то бѣснующихся...

Жюліо жилъ недолго послѣ этой сцены: онъ умеръ въ чахоткѣ въ Бигорскомъ госпиталѣ...

ЗАПИСКИ ТЮРЕМНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЫ *).

ГЛАВА I.

КАКЪ ПОЖИВАЮТЪ ВОРЫ ВЪ ГОРОДѢ ГЛАСГОВѢ.

Думаю, что многимъ изъ моихъ читателей не безвѣстнаго городъ Глазговъ — третій городъ по величинѣ и по значенію во всемъ соединенномъ королевствѣ. Въ этомъ большомъ го-

*) Предлагаемый рассказъ не есть простой вымыселъ въ области обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеній. Онъ писанъ большею частію со словъ самой героини, Дженъ Камеронъ, которой жизнь началась бѣдностію и преступленіемъ и окончилась тюрьмой. Авторъ этого рассказа, тюремная надзирательница, долго и тщательно изучавшая тѣ темныя стороны жизни, въ которыхъ проявляется общественное зло во всемъ его ужасномъ драматизмѣ, гарантируетъ достоверность описываемыхъ ею фактовъ; измѣнены только имена и второстепенныя подробности, а самый фонъ рассказа взятъ цѣликомъ изъ дѣйствительной жизни въ строгомъ значеніи этого слова. Авторъ старается прослѣдить шагъ, за шагомъ, развитіе преступленія и тѣ незамѣтныя, но скользкія ступени, по которымъ преступникъ спускается въ бездну порока, пока изъ рукъ общества не приметъ его тюрьма или могила. „Если въ этомъ рассказѣ, говоритъ авторъ въ предисловіи, вѣрно изображенъ путь, которымъ бѣдность и невѣжество доводится до преступленія, часто не сознавая его значенія и предаваясь ему, какъ ремеслу, тогда быть можетъ, подготовится болѣе прочная почва для лучшихъ социальныхъ преобразованій“. *Отъ редакціи.*

родѣ добрые люди наживаютъ много денегъ, вездѣ видны слѣды довольства, торговля процвѣтаетъ, и граждане умираютъ милліонерами. Подобно тому, какъ въ Лондонѣ, Ливерпульѣ и во всякомъ другомъ многолюдномъ городѣ, крайности и здѣсь соприкасаются; тщательныя изслѣдованія показали мнѣ, что въ темныхъ закоулкахъ Глазгова кроется болѣе нищеты, невѣжества, страданія въ самомъ отталкивающемъ ихъ видѣ чѣмъ даже въ Лондонѣ. Нигдѣ, быть можетъ, бѣдность не мечется такъ безобразно и рѣзко въ глаза, какъ на этомъ великомъ торговомъ рынкѣ Шотландіи, гдѣ рядомъ съ нею вы встрѣчаете громаднѣйшія, быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ состоянія.

Нищета эта большею частью озадачиваетъ васъ своею неутолимою жаждою пьянства. Правда, и сюда проникали попытки распространенія трезвости; но, несмотря на это, кабаки находятся по прежнему въ цвѣтущемъ состояніи и субботніе вечера въ Гай-Стритѣ и Солтъ-Маркетѣ далеко оставляютъ за собою субботніе вечера въ другихъ городахъ. Есть что-то многозначительное въ этихъ толпахъ босого и полураздѣтаго населенія, когда онѣ, иззябшія отъ холода, съ блѣдными и мрачными лицами, валяютъ по улицамъ изъ старой части города.

Много лѣтъ тому назадъ, недалеко отъ Гай-Стрита стояло, да и по сю пору стоитъ, нѣсколько высокихъ, темныхъ, четырехъ и пятиэтажныхъ домовъ, слѣпившихся вмѣстѣ. Въ этихъ домахъ каждая комната занята однимъ или нѣсколькими жильцами и носитъ на шотландскомъ нарѣчій названіе *дома*. Этотъ густо населенный кварталъ наводитъ страхъ своей дурной славой на весь Глазговъ, и называется Кройлисъ-Ландъ; полиціи онъ извѣстенъ подъ именемъ Веннеля. Лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, въ этотъ кварталъ отправлялись за поимкою воровъ и мошенниковъ; по всей вѣроятности, онъ и теперь извѣстенъ, какъ гнѣздо всевозможныхъ преступниковъ.

Честная бѣдность рѣдко искала убѣжища въ Крайлисъ-Ландѣ, особенно та бѣдность, которая дорожитъ своимъ добрымъ именемъ и разборчива на сосѣдей. Изъ Крайлисъ-Ланда выползали для ночныхъ походовъ воры и публичныя женщины. Въ Крайлисъ-Ландѣ заманивалась не одна жертва, то хитростью, то силою, и темныя дѣла творились тамъ по заходѣ-

ніи солнца. То было убѣжище всѣхъ тѣхъ преступленій, отъ которыхъ содрагается человѣчество. Грабежъ и до сихъ поръ до того обычное дѣло въ Новомъ Веннелѣ, что о немъ почти и говорить не стоятъ. Полиція нападала здѣсь на самыхъ любопытныхъ субъектовъ падшаго люда; здѣсь нерѣдко бѣдность или преступленіе, доведенныя до отчаянія, налагали на себя руки; то въ комнатахъ, то на грязной, темной лѣстницѣ, то съ рѣшотки, ограждающей какой-нибудь участокъ земли позади домовъ, снимали тѣла повѣсившихся самоубійцъ. Здѣсь же совершались самыя страшныя убійства:—ночью отворялось окно одной изъ верхнихъ комнатъ, къ нему подводили трепетавшую жертву и выбрасывали ее на улицу. Число безнаказанныхъ преступленій, совершенныхъ въ Новомъ Веннелѣ, далеко превосходитъ число тѣхъ, которыя подверглись карѣ закона. Лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ полагалось среднимъ числомъ по двѣнадцати кражъ еженедѣльно на *каждую комнату* этого отверженнаго квартала. Всѣ знали объ этихъ кражахъ, но до свѣдѣнія полиціи онѣ не доводились, потому что ограбленные скорѣе соглашались понести убытки, чѣмъ подвергать свое имя огласкѣ.

Дома Веннеля, какъ и вообще всѣ жилища низшаго разряда въ Шотландіи, не имѣютъ наружной двери; входъ прямо на лѣстницу. Посѣтителю этихъ грязныхъ притоновъ, напоминающихъ логовище дикаго звѣря, предстоитъ взбираться на верхъ въ потемкахъ. Сырая и скользкая лѣстница обдаетъ посѣтителя зловоннымъ воздухомъ. На каждой площадкѣ находится отъ четырехъ до пяти дверей; каждая дверь ведетъ въ комнату, имѣющую на восемь футовъ длины, отъ шести до семи футовъ ширины; и въ этой-то комнатѣ спать, пьютъ, ѣдятъ и живутъ мужчины, женщины и дѣти, по четыре, по пяти, а иногда и по десяти и *двѣнадцати* человѣкъ вмѣстѣ. Воры помѣщаются кучами, да и честный бѣднякъ, загнанный сюда неутомимой нуждой, принужденъ пускаться къ себѣ жильцовъ, чтобы не платить одному за квартиру. Плата за каждую изъ этихъ комнатъ стоитъ приблизительно по пятнадцати пенсовъ въ недѣлю, то больше, то меньше, смотря по обстоятельствамъ. Нищета и неизбѣжныя при ней всевозможныя лишенія, производяють здѣсь самыя ужасныя болѣзни.

Дома подобнаго рода вовсе не рѣдкость въ Глазговѣ, хотя по распоряженію правительства тѣ изъ нихъ, которые признаемы опасными и неудобообитаемыми и были уничтожены. За то уцѣлѣвшія населяются все гуще и гуще и требуютъ за собой строжайшаго надзора, а это-то и невозможно по разнымъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что домохозяева стараются уклоняться отъ необходимыхъ починокъ; случается даже и такъ, что во избѣжаніе расходовъ на поправку этихъ запущенныхъ домовъ, они совершенно отказываются отъ владѣнія ими. Лица, приставленные отъ правительства слѣдить за этими домами, ничего не могутъ сдѣлать, когда хозяинъ отдаетъ квартиры въ наймы отъ себя или же черезъ вторыя руки, выбирая въ послѣднемъ случаѣ таковаго рода агентовъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, лишь бы плата за квартиры вносилась исправно. Дома подобнаго рода приносятъ хорошій доходъ, хотя собираніе квартирной платы — дѣло щекотливое и не всегда безопасное.

ГЛАВА II.

РОЖДЕНІЕ И ДѢТСТВО ДЖЕННИ КАМЕРОНЪ.

Героиня нашего разсказа, которую мы назовемъ Дженъ Камеронъ, родилась въ Кройлисъ-Ландѣ въ Глазговѣ. Родилась она зимой, когда на дворѣ стояла жестокая стужа — родилась на кучѣ стружекъ, въ третьемъ этажѣ знаменитаго воровскаго квартала.

Мать ея была дочерью бѣднаго ланкаширскаго ткача; по крайней мѣрѣ, такъ говаривала она сама, хотя никто изъ стараго Ланарка никогда не приходилъ ее провѣдать и никакихъ писемъ оттуда не получалось въ Веннелѣ. Человѣкъ, слышій за отца Дженъ, занимался какимъ-то загадочнымъ ремесломъ, то исчезалъ на цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, то снова появлялся. Это былъ грубый, угрюмый, пьяный бродяга, — но мистрисъ Камеронъ любила его по своему и ревновала его тоже по своему, — какою-то звѣрскою ревностью. Въ то время, когда Дженъ появилась на свѣтъ, мать ея утратила послѣдніе остатки красоты. У нея было уже передъ тѣмъ трое дѣтей, двое изъ ко-

торыхъ умерли отъ горячки, постоянно свирѣпствующей въ этихъ труппахъ; всю жизнь свою она терпѣла грубое обращеніе отъ своего «милаго друга», обиравшего ее, когда у нея были деньги и бившаго ее во время безденежья; но женщина эта, утратившая всякое чувство стыда и человѣчности, оставалась вѣрна ему.

Мать Дженъ Камеронъ не была воровка по ремеслу; за нею слѣдила полиція, но во все время пребыванія ея въ Глазговѣ она рѣдко подавала поводъ къ прямымъ обвиненіямъ; разъ только она попалась за содержаніе мошенническаго притона въ Фактори-Ландѣ, такомъ же воровскомъ кварталѣ, какъ Новый Веннель; но не рѣдко полиція забирала ее за пьянство и буйство, учиненное на улицахъ. Страсть къ водкѣ была главнымъ порокомъ мистрисъ Камеронъ; каждую субботу вечеромъ она затѣвала ссоры съ своими жильцами; а надо вамъ сказать, что въ комнату свою, имѣвшую восемь футовъ длины и восемь ширины, она еще пускала жильцевъ; каждую субботу вечеромъ, какъ только выходила она изъ себя, ее отправляли въ центральное бюро полиціи, а по утру въ понедѣльникъ приговиварали къ штрафу.

Оттуда брала мистрисъ Камеронъ деньги, чтобы содержать себя съ дочерью, платить пятнадцать пенсовъ въ недѣлю за квартиру, напиваться при всякомъ удобномъ случаѣ, и платить штрафы за пьянство и буйство, избавлявшіе ее отъ скуки высиживать десять дней въ глазговской тюрьмѣ—это одна изъ тѣхъ тайнъ непроницаемыхъ съ перваго взгляда, которыми окружено существованіе сотни другихъ мистрисъ Камеронъ, проживающихъ въ Глазговѣ и до сего дня.

А между тѣмъ стоитъ только вдуматься, и загадка разрѣшается сама собою: пріюты бѣдности, подобные Веннелю, не смотря на свою отвратительную репутацію даютъ хорошій доходъ: люди, на которыхъ тяготѣетъ какое нибудь подозрѣніе, — мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки платятъ по два и по три пенса въ ночь съ головы за право прилечь на кучѣ стружекъ, разсыпанныхъ по полу; комната биткомъ набита постояльцами, но на это никто не ропщетъ, лишь бы отдѣльные лица не слишкомъ шумѣли и не мѣшали другимъ спать. Зимую разводится жаркій огонь; уголь въ Глазговѣ дешевъ, и по-

тому его не жалѣютъ; а содержательница пріюта, про которую идетъ слава, что она некупится жечь уголь въ каминѣ, можетъ быть увѣрена, что у нея въ постояльцахъ не будетъ недостатка.

И такъ Дженъ Камеронъ провела годы дѣтства въ Новомъ Веннелѣ. Первые пять лѣтъ ея жизни прошли среди нищенства и порока; пяти лѣтъ отъ роду она была такимъ же загнаннымъ, запуганнымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, какъ и большая часть дѣвочекъ въ ея положеніи. То, что она знала, — она знала по собственному опыту. Но это было страшное знаніе всей правды житейской — и эта неправда не приводила ее въ содроганье; развѣ то, что ежедневно происходило въ Новомъ Веннелѣ, не было въ порядкѣ вещей? Въ продолженіе всего ея дѣтства мать ни разу не выказала къ ней ни малѣйшей привязанности и смотрѣла на нее, какъ на обузу, отъ которой нельзя отдѣлаться; — какъ на существо, которое можно оставлять полунагимъ, полуголоднымъ и уже безъ всякаго нравственнаго призора; ей казалось, что она для того только и существуетъ, чтобы ее били — и мать била ее за все: за то, что она не кстати попадалась ей на глаза; за то, что она росла не довольно скоро и не могла быть подмогой матери; за то, что она слишкомъ рано приходила домой съ улицы, на которую ее выгоняли и приходила голодная.

— Ты что не просишь милостыни у нарядныхъ прохожихъ? — было единственнымъ наставленіемъ, которое Дженъ слышала отъ матери; — такой большой дѣвкѣ какъ ты пора бы умѣть прокормиться и самой.

И съ этимъ наставленіемъ пятилѣтнюю дѣвочку босую и полунагую выталкивали на улицу во всякую погоду, во всякое время дня и ночи, предоставляя ей самой о себѣ по заботиться. Изрѣдка ее брали на прокатъ тѣ обманщики, которыми кишатъ большіе города и таскали ее за собою по улицамъ въ качествѣ одного изъ членовъ честнаго семейства, согнаннаго съ квартиры жестокосердымъ хозяиномъ и принужденнаго кормиться подаеніемъ; но всего чаще она просила милостыню на свой пай, и заработки свои приносила матери, которая вѣчно подозрѣвала, что она утаиваетъ часть денегъ, «воруетъ ихъ у нея».

Впрочемъ, въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи, Дженъ Камеронъ имѣла преимущество надъ своими сверстниками; — ее не учили воровству систематически, какъ ремеслу: дѣло въ томъ, что мать ея гордилась званіемъ *честной жепцины*, женщины ни разу не сидѣвшей въ тюрьмѣ за важное преступленіе. Мистрисъ Камеронъ знала наперечетъ всѣхъ воровъ въ Глазговѣ; она пускала ихъ къ себѣ на постой, смотрѣла сквозь пальцы на мошенничества, совершаемыя въ ея собственной коморкѣ или «домѣ», брала проценты съ ихъ воровской жижи, укрывала вора и, въ случаѣ надобности, шла за него къ ложной присягѣ въ полицію; но сама она была честная женщина. гнушалась именемъ воровки и по крайней мѣрѣ не доваля своей дочери того воспитанія, которое получали другія дѣти въ Веннелѣ. Она росла среди полнѣйшаго пренебреженія и, при другихъ условіяхъ, развилась бы иначе, а теперь сдѣлалась жертвою той среды, въ которую бросила ее судьба. О ней никто не заботился, и родная мать вспоминала о дочери лишь тогда, когда ей надо было выгнать ее на улицу за милостыней. На кого, любезный читатель, должна падать отвѣтственность за все зло, которое дѣлается въ мірѣ — на невѣжественныхъ и развращенныхъ средою, — или же на равнодушіе остальныхъ? — Никому нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ доходитъ бѣднякъ до своего страшнаго паденія, когда въ немъ замираютъ одинъ за другимъ всѣ нравственные инстинкты и постепенно зарождается сперва апатія къ жизни, потомъ ненависть къ людямъ и наконецъ преступленіе. Никому не было дѣла до маленькой Дженни, когда она погибала и, по законамъ нашей общественной логики, неотразимой въ ея страшныхъ приговорахъ, шла отъ колыбели до тюрьмы прямой, неизбѣжной стезей. А между тѣмъ мы не прочь омочить свои носовые платки чувствительными слезами надъ возрастающимъ числомъ преступленій. Но спросите у девяносто девяти изъ ста преступниковъ о томъ, какъ они росли, — и вы увидите, что всѣ они провели свое дѣтство въ этихъ многолюдныхъ и грязныхъ притонахъ разврата. Пока они живутъ такимъ образомъ, скупившись вмѣстѣ, пока логовица ихъ уступаютъ тюрьмамъ въ удобствахъ, — что пользы слѣдить за ними въ этихъ мрачныхъ явлицахъ и проповѣдывать имъ обращеніе на путь истины?

Иные, быть можетъ, и поддадутся на эти благочестивыя совѣты, но такихъ не много, и впечатлѣніе не можетъ быть продолжительно. Бутылка съ водкой тутъ же подъ рукою, дурныхъ товарищей такъ много—и не буда отъ нихъ дѣться, чтобы пораздумать о новой лучшей жизни. И вотъ, добрые совѣты забываются или обращаются въ насмѣшку; окружающая среда снова втягиваетъ въ себя свою жертву и на всякую попытку исправленія представляетъ сотни новыхъ искушеній.

И такъ, мать Дженъ Камеронъ содержала пріютъ для ночныхъ постояльцевъ и дочь была ей большою помѣхой. Она просила ѣсть въ неуточный часъ; ей нужна была одежда, по крайней мѣрѣ одно платьишко; ночью она занимала мѣсто, если только ее не выталкивали на лѣстницу, чтобы очистить ее постель для постояльца, платившаго за него деньги. Въ лѣтнее время на лѣстницѣ было гораздо лучше ночевать, чѣмъ въ комнатѣ; многіе изъ постояльцевъ выносили на лѣстничную площадку свои опилки, тряпье или матрасы, — (обладавшіе послѣднимъ предметомъ роскоши считались богачами между жителями Нового Веннела), — чтобы избариться отъ комнатной духоты и отъ насѣкомыхъ, покрывавшихъ полъ и стѣны.

Нерѣдко и въ зимнее время мать выталкивала Дженъ Камеронъ на общую лѣстницу. Тутъ ее топтали запоздалые постояльцы и съ ругательствами толкали съ дороги; полиція, то и дѣло заглядывавшая сюда съ обысками, натыкалась на нее, выговаривала матери и заставляла послѣднюю впустить ее въ комнату, но какъ скоро полицейскіе чиновники уходили, мать снова выводила ее за дверь. Впрочемъ эти ночевки на лѣстницѣ отъ многого ее спасали, хотя она въ ту пору объ этомъ и не догадывалась.

Въ Новомъ Веннелѣ квартировала въ то время одна только честная чета, — въ потѣ лица снискивавшая себѣ пропитаніе среди окружающаго ихъ разврата. Чета эта состояла изъ чиновника и его жены, нанимавшихъ комнату на одной площадкѣ съ Дженъ Камеронъ и работавшихъ поздно вечеромъ и рано утромъ надъ своими цыновками, которыя они потомъ цѣлый день разносили по улицамъ Глазгова. Супруги не давали себѣ отдыха даже по воскресеньямъ, когда во всемъ Веннелѣ шелъ пиръ горою. Мужъ ничего не пилъ кромѣ воды; то былъ суровый на видъ шотландецъ, придерживавшійся по

части реакціи своеобразныхъ понятій; жена была блѣдная женщина съ вѣчно тревожнымъ выраженіемъ на лицѣ; на понятіяхъ ея отражалось вліяніе мужа. — Оба они были добры къ Дженни и давали ей, семилѣтней дѣвочкѣ, такіе совѣты, которые могли бы пойти ей въ прокъ при другихъ обстоятельствахъ.

Мэкки и его жена первые обратили вниманіе на дѣвочку, свернувшуюся на лѣстницѣ, по которой разгуливалъ неистовый земный вѣтеръ. То было однажды вечеромъ, когда въ комнату матери набилось болѣе обыкновеннаго людей и для Дженн не оказалось мѣста. Мэкки, возвращаясь поздною порою съ своими цыновками, споткнулся о спавшаго ребенка.

— Кто ты такая? — спросилъ онъ грубо.

— Дженни Камеронъ

— За чѣмъ ты спишь здѣсь?

— У мамы сегодня нѣтъ мѣста въ каморкѣ.

— Пойди сюда, погрѣйся.

Человѣкъ онъ былъ несловоохотливый, съ жесткою рѣчью и вѣчно суровый въ обращеніи, но онъ почувствовалъ состраданіе къ маленькому безпріютному созданію. Онъ взялъ ее къ себѣ въ комнату и она просидѣла до поздней ночи, грѣясь у огня и наблюдая работу цыновщика. — Самый процессъ былъ для нея новостью, спокойное, упорное прилежаніе работника приковывало ея вниманіе пока, наконецъ, убаюканная комнатной теплотой, она не заснула. Когда она проснулась много часовъ спустя, мужъ и жена все еще продолжали работать; она было отважилась заговорить, но хозяинъ, досадуя, что ему мѣшаютъ, сердито велѣлъ ей замолчать. Рано утромъ они снова выпроводили ее на лѣстницу, — они были слишкомъ бѣдны, чтобы дать ей что нибудь поѣсть.

Съ этого времени Дженн Камеронъ повадилась ходить каждый вечеръ къ цыновщику; она предпочитала тишину его комнаты безпутному образу жизни, пьянству и шуму, господствовавшимъ на квартирѣ у ея матери. Мистрисъ Камеронъ не обращала вниманія на поведеніе своей дочери; ей было рѣшительно все равно, гдѣ бы она ни шаталась; если бы Дженни пропала на цѣлый мѣсяцъ, если бы она пропала навсегда, то и тогда эта мать не стала бы горевать.

— Мнѣ сдается, миссъ, что она съ самаго начала меня терпѣть не могла, говаривала о ней Дженни впоследствии. — Она ненавидѣла меня за то, что я на свѣтъ родилась; подчась я и сама себя за это ненавидѣла, добавляла, она съ горечью. Между Мэкви и его женою нерѣдко заходила рѣчь о Дженни и объ ея семействѣ. — Они соболѣзновали объ ея участи; Мэкви подчасъ начиналъ горячиться и говаривалъ, что стыдъ и срамъ что никто не хочетъ присмотрѣть за дѣвочкой и удалить ее изъ такого ужаснаго мѣста, какъ Новый Веннель: онъ говорилъ съ жаромъ и размахивая своимъ рабочимъ ножомъ надъ головой. Съ самой Дженни онъ почти никогда не заводилъ рѣчи; но жена его была словоохотливѣе, а потому, разумѣется, пользовалась большимъ расположеніемъ дѣвочки. Во всю зиму дверь ихъ каморки оставалась отворенною для Дженни, она привыкла стучаться къ нимъ каждый разъ, когда ее выгоняли на ночь изъ дому и мать ея, какъ смѣтливая и практическая женщина, стала регулярно выгонять ее каждый вечеръ, чего прежде не дѣлывала.

Однажды между мистрисъ Мэкви и Дженниной матерью произошла отчаянная ссора изъ за нея. Мистрисъ Мэкви упрекнула Мистрисъ Камеронъ въ недостаткѣ материнской любви: послѣдняя бросилась на нее, ударила ее въ лице и стащила у нея чепецъ съ головы.

— Я боялась, что они меня послѣ этаго не пустятъ къ себѣ, говорила мнѣ Дженни, рассказывая этотъ эпизодъ своей ранней молодости, — но когда я постучалась къ нимъ по обыкновенію, они отворили мнѣ дверь и пустили меня къ камину, не сказавъ мнѣ ни одного обиднаго слова.

Мало того, Мистрисъ Мэкви отважилась дать Дженни нѣкоторые добрые совѣты: она уговаривала ее не подражать дурнымъ примѣрамъ, не слоняться вмѣстѣ съ другими дѣвочками этаго квартала и искать себѣ во что бы то ни стало мѣста служанки.

— Чѣмъ скорѣе ты отсюда уберешься, тѣмъ лучше, говаривала она ей. — Только бы тебѣ найти надежнаго друга, пуще всего принци себѣ друга, Дженни.

Но его-то и не удалось Дженни прискать. Некому было научить ее добру и поддержать ее среди этой жизни, которую

наачла она такъ рано, и которая такъ быстро ее состарила.

Единственныхъ людей, кошорыхъ она еще могла считать своими друзьями, постигло несчастье; цыновки пали въ цѣнѣ въ Глазговѣ; посредникъ, снимающій обыкновенно такія мѣста какъ Веннелъ отъ домохозяина, забралъ за неплатежъ трехнедѣльной квартирной платы всѣ цыновки и выгнать цыновница съ женою на улицу. — Съ той поры Дженни Камеронъ ни разу ихъ болѣе не видала.

ГЛАВА III

Танцклассъ.

Однообразно прошли послѣдующіе три года въ жизни Дженъ Камеронъ; она росла и развращалась съ одинаковою быстротою; дѣсяти лѣтъ отъ роду она обладала такою жизненною опытностью, которой устыдились бы многія престарѣлыя женщины.

Она прошла суровою школою и полученные такимъ образомъ уроки изощрили ее въ хитрости и пронырствѣ. Между постольцами своей матери она имѣла репутацію бойкой дѣвочки и пользовалась общимъ расположеніемъ. Около этаго времени она поступила на бумажную фабрику и зарабатывала еженедѣльно отъ одного до двухъ шиллинговъ, которые мать хищно отбирала у нея по субботамъ и напивалась на нихъ. Дженъ Камеронъ рѣдко видѣла чловѣка, считавшагося ея отцомъ, и это было для нея утѣшеніемъ; потому что въ чловѣкѣ этомъ не было и слѣда родительской нѣжности и онъ питалъ къ дочери такую ожесточенную ненависть, которая была удивительна даже въ чловѣкѣ его зачала. Сама Мистрисъ Камеронъ никогда не видала отъ него ласки, но съ дочерью онъ былъ хуже чѣмъ не ласковъ. Когда Дженни минуло десять лѣтъ, онъ объявилъ ей съ ужающею ясностью самый легкій способъ приносить деньги въ семью,—гораздо болѣе легкій, чѣмъ работа на фабрикѣ. Негодяй приправилъ свой совѣтъ самыми страшными ругательствами и грозился выгнать ее изъ дому, если она не станетъ добывать больше денегъ. Къ чести ея матери надо сказать, что она ни разу не повторила этихъ убійствен-

ныхъ совѣтовъ; однажды она рѣшилась даже замѣтить своему сожителю, что не дѣло вбивать въ голову дѣвочкѣ подобныя мысли и была какъ слѣдуетъ выругана за непрошенное вмѣшательство.

Не весело жилось Дженни дома и она искала себѣ развлеченія среди уличныхъ подругъ. Она была въ тѣхъ годахъ, когда уличная жизнь особенно заманчива для дѣвочекъ послѣ тяжелой дневной работы. На улицѣ было свѣтло и шумно, тутъ она находила себѣ подругъ одинаковаго съ ней возраста и пола между фабричными дѣвочками, дочерьми бѣдныхъ родителей — честныхъ и безчестныхъ, жившихъ по сосѣдству.

Въ эту-то пору своей жизни сдружилась Дженъ Камеронъ съ одной дѣвочкой, работавшей на одной съ нею фабрикѣ; подруга эта была только годомъ старше Дженни, но въ житейской опытности далеко превосходила ее. Дѣвочка эта, по имени Мери Логги, принадлежала къ семейству, о которомъ носились самыя зловѣщія слухи, но котораго никто не зналъ близко.

Новыя подруги стали вмѣстѣ слоняться по улицамъ, какъ скоро кончались дневныя работы на бумажной фабрикѣ; на улицѣ онѣ заключали знакомства съ мальчиками и дѣвочками однихъ съ ними лѣтъ, такими же заброшенными и отчаянными, какъ и онѣ сами.

Увеселенія ихъ были незатѣйливаго свойства и опредѣлялись случайными обстоятельствами. Они собирались на перекресткахъ, болтали, смѣялись, ссорились и шумѣли, пока ихъ не разгоняла полиція. Они почти не походили на дѣтей: въ нихъ не было и слѣда дѣтскаго простодушія; ругательства такъ же часто у нихъ вырывались, какъ и у взрослыхъ, между которыми они жили. Въ нихъ было замѣтно то старчество мысли, которое составляетъ отличительный признакъ заброшенныхъ дѣтей: то были маленькіе мужчины и женщины, гордившіеся своими познаніями темныхъ сторонъ жизни и выставившіе ихъ на показъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Во всемъ остальномъ они были страшно невѣжественны. Половина ихъ уже веревивала въ рукавъ полиціи за мелкія бражки и открыто гордилась подвигами, послужившими поводомъ къ заключенію. Дженъ Камеронъ пока еще не поддавалась ис-

кушенію обокрасть ближняго; но въ самомъ актѣ воровства она не видѣла ничего преступнаго и смотрѣла на него, какъ на ремесло, за которое она могла взяться впослѣдствіи, когда изсякнутъ другіе болѣе безопасные источники наживы. Въ то время она еще боялась тюрьмы и полицейскихъ служителей, и страхъ заключенія удерживалъ ее на нѣкоторое время честною дѣвочкой.

Но дурные примѣры были у нея постоянно передъ глазами. Ея закадычная пріятельница Мери Логги даже сознавалась ей, что высидѣла въ тюрьмѣ десять дней за воровство въ булочной.

— Тюрьма—плевое дѣло, рассказывала Мери,—о тебѣ заботятся и ѣсть дадутъ до свѣта, не то что дома. Право, нечего бояться тюрьмы!

Въ дождливые вечера Дженъ Камеронъ отправлялась къ своей пріятельницѣ на домъ въ Гай-Стритъ. Домъ этотъ былъ гораздо просторнѣе, чѣмъ «домъ» ея матери и считался ночнымъ пріютомъ высшаго разряда; постели въ немъ отдавались за высокую плату шести пенсовъ за ночь.

Супруги Логги снимали двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ; въ первой изъ этихъ комнатъ, очень просторной, стояли кровати, надъ которыми были подѣланы палки; послѣднія предназначались для постояльцевъ низшаго разряда, которые не отличались прихотливостью и не боялись духоты.—Логги были люди зажиточные и имѣли своими записными постояльцами все больше денежныхъ мошенниковъ.—И не даромъ пользовались супруги Логги покровительствомъ почтенной брати. Они умѣли ладить съ полиціей и въ то же время крѣпко держались за своихъ потребителей, укрывали краденныя вещи и даже держали домашній кобачекъ къ услугамъ почтенныхъ посѣтителей. Домъ Логги хорошо былъ извѣстенъ полиціи, какъ притонъ всевозможныхъ мазуриговъ, но самъ Логги еще ни разу не попадался въ бѣду.

Въ этотъ-то домъ водила Мери Логги нашу героиню раза по два въ недѣлю. По вечерамъ, часовъ до одиннадцати въ немъ было очень людно. Особенно когда на дворѣ шелъ дождь, туда валили толпами мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки; всѣ собирались у камина, курили, пили водку, пѣли пѣсни и рассказывали скандальные анекдоты. Дженъ Камеронъ, сидя

между ними и слушая ихъ , думала о томъ , какъ имъ хорошо тутъ сидится и какъ жаль , что полиція то и дѣло мѣшаетъ имъ .

Семейство Логги отличалось между ними веселостью и безпечностью. Всѣ въ этомъ семействѣ были ласковы съ Дженни; а ласковость была для нея равнозначаща съ добротой. Кроме хозяйина и хозяйки заведенія семейство это состояло изъ двухъ взрослыхъ дочерей , жившихъ распутною жизнью , къ которой поощряли , ихъ родители , и двухъ сыновей , считавшихся искуснѣйшими ворами въ Глазговѣ. — Всѣ они приглубливали Дженъ и знакомили ее съ жизнью; они рассчитывали , что изъ нея выйдетъ въ будущемъ одного съ ними поля ягода.

Дженъ между тѣмъ начинала питать отвращенье къ тяжелой работѣ на бумажной фабрикѣ. Однажды , возвращаясь домой къ обѣду , она встрѣтила даму , которая , тронутая ея жалкимъ видомъ , подала ей монету въ четыре пенни. Дженни утаила эту монету , чтобы прокутить ее вечеромъ съ своими друзьями. Въ тотъ же вечеръ онѣ отправились съ Мери въ «танцклассъ» находившійся по сосѣдству и протанцовали тамъ съ мальчиками до десяти часовъ вечера.

Это дешевое увеселеніе имѣло для нихъ особенную прелесть; быстро летѣли для нихъ часы подъ музыку , среди шумнаго общества и вихря бѣшенаго веселья. Тутъ Дженъ была счастлива и отдыхала отъ фабричной работы. Половина посѣтительницъ состояли изъ дѣвочекъ ея лѣтъ , инныя были даже моложе; всѣ онѣ спѣшили сюда на краденныя , занятыя или выпрошенныя христа—ради деньги и плясали по нѣскольку часовъ до упаду.

Эти танцклассы съ платою одного пенса за входъ были , если не ошибаюсь , въ первый разъ открыты въ Ливерпулѣ. Заведенія эти имѣли большой успѣхъ въ низшихъ классахъ населенія и быстро распространились въ другихъ городахъ. Въ скоромъ времени они сдѣлались обильными разсадниками преступленія. Половина этихъ шотландокъ , которыхъ я встрѣчала въ тюрьмахъ , приписываютъ свою гибель этимъ танцклассамъ.

— Какъ побывала я на этихъ танцкласссахъ , такъ ни о чемъ больше и думать не могла. Съ ума объ нихъ я просто сходила , когда была молоденькой дѣвчонкой , говорила Дженъ Ка-

меронъ. Сами по себѣ эти увеселительныя заведенія не представляютъ ничего предосудительнаго; вся сущность ихъ неотразимо-пагубнаго вліянія заключается въ сближеніи, которому они способствуютъ между слабыми и неопытными съ одной стороны и развращенными съ другой

Танцклассная комната обыкновенно помѣщается въ какомъ нибудь неосвѣщенномъ переулкѣ. Надъ входомъ красуется надпись: «здѣсь танцуютъ». Входъ этотъ охраняется ослабляющею личностью, которая собираетъ плату съ молодыхъ посѣтителей, выпускаетъ ихъ и запираетъ за ними дверь.

Въ эту комнату, освѣщенную газомъ, или просте свѣчами, быстро набирается до сотни и до полутора ста гостей, которые размѣщаются на скамьяхъ вдоль стѣнъ. Тутъ встрѣтите вы молодежь всѣхъ возрастовъ, отъ семилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ до двадцати-двухлѣтнихъ мужчинъ и женщинъ, но большинство составляютъ дѣти обоего пола отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Между мальчиками всего больше попадаются ученики изъ разныхъ мастерскихъ и молодые воры. Дѣвочки принадлежатъ къ самому бѣдному классу. — Три четверти изъ нихъ не имѣютъ ни башмаковъ, ни чулокъ и всѣ приходятъ безъ шляпъ по шотланскому обычаю. Мальчики вообще не могутъ похвалиться опрятностью, но дѣвочки всѣ безъ исключенія отличаются свѣтлыми личиками, лоснящимися волосами, и очевиднымъ желаніемъ сдѣлать свою наружность какъ можно болѣе привлекательной. Тамъ и сямъ бросаются въ глаза попытки щегольства въ видѣ сережекъ, ожерелья изъ поддѣльныхъ кораловъ—одежда ихъ бѣдна, но не видно лохмотьевъ.

Церемоніймейстеръ со скрипкою въ рукѣ подаетъ знакъ, и балъ начинается подъ страшный стукъ мужскихъ каблукъ и мягкое шлепанье босыхъ женскихъ ногъ. Въ комнатѣ становится душно, пыльно и среди всей этой суматохи танцмейстеръ, подобный злему духу этого мѣста, озираетъ съ возвышенія своихъ учениковъ. Онъ знаетъ ихъ всѣхъ наперечетъ. Къ болѣе взрослымъ дѣвочкамъ, которыя могутъ заманить въ заведеніе постороннихъ посѣтителей, онъ особенно внимателенъ и отечески ласковъ; онъ знаетъ, что вечеръ безъ того не кончится, чтобы не обокрали постороннихъ посѣтителей; тогда поднимется гвалтъ и, быть можетъ, потребуются

услуги дружеской руки, которая погасила бы газъ или свѣчи, предоставляя всей честной компаніи охуцью выбираться на улицу—или, быть можетъ, понадобится призвать для возстановленія порядка человѣка, собирающаго плату у входа: онъ кулачный боецъ по ремеслу и съумѣетъ заставить недовольныхъ замолчать или вытолкаетъ ихъ изъ комнаты.—Впрочемъ правила заведенія воспрепятствуютъ кражу въ самой танцевальной залѣ, на это существуетъ особая комната по другую сторону лестничной площадки; тамъ подобныя дѣла могутъ совершаться безпрепятственно съ большею безопасностью для славы самаго заведенія.

Сюда-то каждую ночь спѣшать, на эти безобразныя празднества, мальчики и дѣвочки въ городахъ Шотландіи. Чтобы попасть туда, ученикъ изъ мастерской воруетъ, дѣвочка нищенствуетъ на улицѣ или тоже крадетъ: не даромъ эти мѣста извѣстны полиціи подъ именемъ «*дѣтскихъ*» (*pursey*): ихъ дѣйствительно можно назвать колыбелью порока и разврата.

Дженъ Камеронъ еще не было двѣнадцати лѣтъ, какъ она уже имѣла любовника, четырнадцатилѣтняго мальчика, убѣждашаго изъ ученья, связавшагося съ шайкою воровъ и сдѣлавшагося, какъ и слѣдовало ожидать, такимъ же воровъ. Дженъ познакомилась съ нимъ въ танцклассѣ; она не боялась воровъ, для этого она слишкомъ часто встрѣчалась съ ними какъ въ танцклассѣ, такъ и дома; она знала ихъ за людей добродушныхъ, всегда готовыхъ роскошиться, и имѣвшихъ въ большинствѣ случаевъ на что роскошиться. Мальчику, котораго мы назовемъ Ёанъ, приглянулась эта дѣвочка; онъ поимѣтилъ ее себѣ въ любовницы и безъ труда вскружилъ голову Дженни. Мери Логги; въ конецъ развращенная и желавшая видѣть и Дженъ такою же развращенною, какъ она сама, поощряла эту связь. Дженни совсѣмъ отстала отъ работы на фабрикѣ и страстно, не естественно бѣшено для ея лѣтъ, привязалась къ этому мальчику, побывавшему уже три раза въ Глазговской тюрьмѣ и разъ въ Эдинбургской.

Связь ея съ этимъ мальчикомъ, которую она нисколько не заботилась скрывать, обратила и на нее вниманіе полиціи. Одинъ сострадательный сыщикъ, заглядывавшій въ танцклассъ

сы, рѣшился предостеречь Дженни на счетъ опасности, омни-
давшей ее впереди.

— Не доведутъ тебя до добра эта школа и этотъ парень,
Дженни Камеронъ. Смотри, берегись!

Дженни оставила безъ вниманія это предостереженіе: пора
предостереженій уже прошла для нея. До сихъ поръ она еще
не принималась за воровство, но это только потому, что слу-
чай не представлялся; никакая нравственная узда не удержи-
вала ее отъ проступка и она неминуемо должна была поддаться
искушенію въ тотъ часъ, когда представится случай выбра-
рать между голодомъ и кражей.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ.

У мистрисъ Камеронъ было разъ навсегда заведено каждое
утро обыскивать карманы своей дочери прежде, чѣмъ отпу-
стить ее на бумажную фабрику. Мистрисъ Камеронъ вѣчно
подозрѣвала ее въ укрывательствѣ денегъ, которыя, быть мо-
жетъ, какая нибудь сострадательная душа подала ей на ули-
цѣ, или подарилъ кто нибудь изъ жильцовъ, или сама же она
дала ей нагануѣ, раздобрившись отъ лишней рюмочки. По мѣрѣ
того, какъ Дженни становилась старше, это обыскиванье на-
чнало ей надобдаться, особенно съ той поры, какъ Банъ сталъ
дѣлать ей отъ времени до времени денежные подарки пенсовъ
въ шесть или въ шилингъ; она видѣла себя вынужденною или
тратить ихъ тотчасъ же по полученіи, или прятать ихъ куда
нибудь подальше отъ матери.

Дженни обыкновенно уходила изъ дому безъ гроша и от-
правлялась въ танцклассъ на деньги Мери Логги. Но около
этого времени и у самой Мери Логги перевелись деньги; дѣ-
ло въ томъ, что для глазговскихъ воровъ настали плохія вре-
мена и отовсюду слышались жалобы. Лавочники были черезъ
чуръ ужъ на сторожѣ, а потому воровская братья голодала. —
Дочь Банъ былъ парень осторожный и себя на умѣ; Дженъ
Камеронъ не знала доподлинно, гдѣ онъ живетъ: онъ имѣлъ
привычку переходить съ мѣста на мѣсто, и мѣнять то и дѣло

квартиры. Всего вѣрнѣе его можно было встрѣтить въ танцклассѣ; онъ ловко исполнялъ шотландскіе танцы и особенно славился своимъ талантомъ по этой части. Тщеславіе было въ немъ преобладающею слабостью. Онъ считалъ себя однимъ изъ искуснѣйшихъ воровъ въ Глазговѣ и находились люди, заискивавшіе его дружбы и поощрявшіе въ немъ эту увѣренность; они звали его ухорскимъ Джокомъ. Прозвище это такъ и осталось за нимъ на цѣлую жизнь.

Счастье не везло съ нѣкоторыхъ поръ ухорскому Джоку; онъ давно уже бросилъ и думать о честномъ трудѣ, — впрочемъ и при желаніи трудиться онъ врядъ ли нашелъ бы себѣ работу. Онъ задолжалъ своей квартирной хозяйкѣ, а въ карманахъ у него было пусто. Правда, ноябрь былъ уже на дворѣ, а въ зимніе вечера представлялось болѣе случаевъ поживѣ; но въ ожиданіи ихъ онъ шатался по улицамъ, чуть не умирая съ голода. Но, голодный и оборванный, онъ все таки находилъ возможность раза два — три въ недѣлю побывать въ танцклассѣ, куда ему сопутствовала и Дженни при всякомъ удобномъ случаѣ.

Побудительною причиною перваго шага дѣвочки на пути порока была ревность. Однажды въ субботу вечеромъ обѣ онѣ съ Мери Логги сидѣли безъ денегъ. Бродя взадъ и впередъ по Сольтъ-Маркету, онѣ встрѣтили одну изъ своихъ уличныхъ подругъ.

— Ты не будешь въ танцклассѣ сегодня вечеромъ, Дженни? спросила эта подруга.

— Денегъ нѣтъ.

— У Джока Еана сегодня много денегъ; онъ отправился въ танцклассъ съ сестрами Фрезеръ.

— Онъ наскучилъ тобою, Дженни, ты слишкомъ молода для него.

Камеронъ вспыхнула при этихъ словахъ; она была внѣ себя отъ ревности и негодованія. Сестры Фрезеръ принадлежали къ тому типу, который, вынесши изъ уличной жизни богатый запасъ жизненной опытности, рано знакомится съ порокомъ во всѣхъ его видахъ; молодыя съ виду, онѣ были слишкомъ зрѣлы по складу ума, и воли. Подруга Дженни на этотъ разъ не подшутила надъ нею. Мистеръ Еанъ дѣйствительно пировать

въ этотъ вечеръ съ сестрами Фрезеръ, забывая о Дженъ для новыхъ лицъ.

Дженъ и ея пріятельница тотчасъ же отправились въ танц-классъ и принялись упрашивать хозяина, чтобы онъ впустилъ ихъ въ долгъ, обѣщаясь непремѣнно расплатиться съ нимъ въ слѣдующій разъ. Но хозяинъ оставался непреклоненъ, какъ Церберъ. Его дѣла тоже шли плохо: много разъ онъ уже бывалъ обманутъ нѣкоторыми изъ своихъ записныхъ посѣтителей, которымъ онъ вѣрилъ въ долгъ. — Онъ требовалъ, чтобы они внесли плату за входъ, а не то убирались бы прочь.

Дженъ въ отчаяннѣйшій моментъ кинулась назадъ въ Гай-Стритъ; за нею едва поспѣвала запыхавшаяся Мери Логги.

— Мнѣ непремѣнно нужно попасть въ танцклассъ сегодня же, говорила Дженъ. Я должна ему высказать въ лицо, что я объ немъ думаю. Зачѣмъ онъ мнѣ прямо не сказалъ, что наскучилъ мною и хочетъ связаться съ одною изъ этихъ Фрезеръ?

— Отъ него и слѣдовало ожидать этого, Дженъ, было отвѣтомъ. — Я всегда говорила тебѣ, чтобы ты не имѣла съ нимъ никакого дѣла, что онъ обманщикъ.

— Мнѣ надо попасть въ танцклассъ, повторяла Дженъ, — во что бы то ни стало надо попасть.

Дженни сказала Мери, чтобы она подождала ее на углу Веннеля, а сама побѣжала домой — попросить денегъ у матери; но матери ея не было дома и, сколько ни искала ее Дженъ по сосѣднимъ кабакамъ, — все было напрасно. Обѣ дѣвочки не могли ума приложить, какъ бы имъ раздобыться двумя пенсами. Дженъ предложила просить Христа ради у нарядныхъ прохожихъ, но Мери отвѣчала ей, что въ этотъ часъ такихъ прохожихъ мало бываетъ, да и самый способъ ненадеженъ. — Вотъ кабы намъ удалось что нибудь стянуть въ магазинъ, заговорила Мери, — и Дженъ въ эту минуту подумала, что дѣйствительно было бы хорошо, еслибъ имъ это удалось. Въ этомъ предложеніи она не видѣла ничего предосудительнаго; — она не знала, что воровство дурное дѣло, знала только, что открытіе его влечетъ за собой наказаніе, — а въ эту пору тюрьма была для нея предметомъ священнаго ужаса, ее мучила мысль провести десять дней врозь съ «ловчимъ Джокомъ».

Но она сочла бы себя счастливой, если бы ей удалось ступить чтонибудь такъ, чтобы никто не замѣтилъ;—эти мелкіе лавочники, у которыхъ было столько всякаго товару, въ ихъ глазахъ были люди зажиточные: что значила для нихъ пропажа какойнибудь бездѣлушки, которой они, вѣроятно, никогда и не хватятся?

И такъ обѣ подружки ходили взадъ и впередъ, заглядывая въ окна всѣхъ магазиновъ, преимущественно же въ окна мелочныхъ лавочекъ. Случилось такъ, что въ одной изъ этихъ лавочекъ, находившейся на углу улицы, было въ эту минуту двѣ покупищицы; прикащикъ, стоявшій за прилавкомъ, былъ занятъ ими, но, какъ на бѣду, у входа этой лавочки ничего не было такого, чтобы можно было украсть.

— Ступай спроси у нихъ какогонибудь товару, снова надоумила Дженни ея безсовѣстная подруга. Да спроси чтонибудь такое, чего у нихъ нѣтъ. Глянь-ко что у нихъ добра навалено на прилавкѣ! Твое дѣло только смахнуть какуюнибудь вещьцу локтемъ, а ужъ я прокрадусь и подниму ее съ пола.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше сама ступай, отвѣчала Дженни.

— Да меня они знаютъ и тотчасъ же смекнутъ въ чемъ дѣло.

Дженъ, раздраженная измѣною своего юнаго любовника и подзадориваемая надеждою уличить его на мѣстѣ, послѣшно вошла въ лавку и стала рядомъ съ двумя женщинами, озабоченными покупкою разныхъ бездѣлушекъ. Торговецъ взглянулъ на нее мелькомъ и снова обратился къ прежде вошедшимъ. Только-что показанные дешевые товары лежали такъ близко, что Дженъ могла достать ихъ рукою. «Если бы онъ только на минуту отвернулся и забылъ про нихъ» — думала дѣвочка, сердце которой замирало отъ страха и волненія при этой первой попыткѣ.

— Я думала, что у меня сердце вонъ выскочить, сознавалась она впослѣдствіи. Ужъ очень я боялась попасться; обѣ остальномъ я и не думала. Миѣ все представлялось, какъ мой Джони танцуетъ съ этими дѣвчонками Фрезеръ и миѣ хотѣлось поскорѣе схватить ленты, либо перчатки и убѣжать съ ними.

Она позабыла, что Мери Логги наказывала ей стянуть чтонибудь съ прилавка локтемъ; ей хотѣлось поскорѣе прибрать къ рукамъ подмѣченный ею кусокъ лентъ.—«То была узкая голубая лента съ серебряною коемкою,—я какъ теперь ее вижу,» рассказывала она. Кусокъ этотъ очень ловко было ухватить въ руку, если бы только лавочникъ на минуту позабылъ осмотрительность.

Выжидаемый случай представился,—лавочникъ отвернулся и Дженъ стянула ленту съ прилавка. Нѣсколько минутъ она простояла, держа ленту въ рукѣ, испуганная своей собственной смѣлостью.

— Когда она очутилась у меня въ рукахъ, я не знала, что съ нею дѣлать, продолжала она свой рассказъ.— Я стояла какъ дура и сжимала ее въ рукѣ у себя за спиною. Если бы онъ только взглянулъ на меня, онъ бы тотчасъ же догадался, что я чтонибудь украла.

Но лавочникъ ничего не подозрѣвалъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ обернуться, Дженъ почувствовала, что Мери Логги тихонько беретъ у нея ленту изъ руки. Теперь ей надо было подумать о томъ, какимъ образомъ самой выбраться изъ лавки. Она ломала голову, чтобы такое спросить, чего бы въ лавкѣ не было? Она боялась, что лавочникъ оглянувшись хватится пропавшаго куска и обвинить ее въ покражѣ — и колѣна ея дрожали отъ страха. Наконецъ, не будучи въ силахъ далѣе выносить эту пытку ожиданія, она обратилась къ лавочнику, все еще разговаривавшему съ двумя покупщицами и спросила, нѣтъ ли у него дешевыхъ перчатокъ, цѣною въ полтора пенни за пару. На этотъ нелѣпый вопросъ лавочникъ отвѣтилъ рѣзкимъ «нѣтъ», и такимъ образомъ доставилъ Дженъ предлогъ, чтобы удалиться.

Медленными, тяжелыми шагами выбралась Дженни изъ лавки, точно къ пяткамъ ея были привязаны свинцовыя гири. Очувшись на улицѣ, она какъ безумная побѣжала къ танцевальной залѣ, въ полной увѣренности, что Мери Логги дожидается ея у входа. Но Мери Логги тамъ не оказалось; она явилась на условленное мѣсто цѣлымъ получасомъ позднѣе, когда Дженни начинала уже отчаяваться въ ея возвращеніи.

— Гдѣ лента, нетерпѣливо освѣдомилась Дженни.

— Все улажено, какъ нельзя лучше. Дженъ:—тебѣ нечего бояться. Ты не попадешься.

— Куда ты ее дѣвала?

— Я отнесла ее къ закладчицу и получила за нее шесть пенсовъ.

— Отлично, мери, отлично!

Теперь, когда миновалась опасность и волненіе утихло, результатъ всего этого казался Дженни отличнымъ.

Она вошла въ танцевальную залу, и увидѣла ухорскаго Джона, участвовавшаго вмѣстѣ съ другими въ одномъ національномъ шотландскомъ танцѣ. По окончаніи танца, Дженъ подошла къ нему и стала его упрекать за невѣрность; но Джонъ разсыпался въ оправданіяхъ; по его словамъ эти дѣвчонки Фрезеръ пристала къ нему съ ножомъ къ горлу, чтобы онъ ихъ угостилъ,—а такъ какъ еще недавно ему посчастливилось найти кошелекъ съ семнадцатью шиллингами, то и нельзя было ему отказаться. Самыми страшными клятвами увѣрялъ онъ ее, что краше его Дженни нѣтъ никого на вечерѣ, и дѣвушка охотно повѣрила и простила ему; она рассказала въ тотъ же вечеръ о своемъ воровскомъ подвигѣ: Джонъ потрепалъ ее по спинѣ и проговорилъ: «молодецъ дѣвка!» и тутъ же объявилъ, что вся эта штука была чертовски ловко обдѣлана и что онъ не предполагать въ ней такой удалы.

Съ бала они отправились въ домъ Логги, гдѣ Джонъ, со всею щедростью мальчика и вора, угостилъ всю честную компанію водкой и рассказалъ при громкихъ знакахъ одобренія всего собранія о первой попыткѣ Дженъ Камеронъ. Всѣ выжили за здоровье ея. Всѣ эти похвалы и поощренія вскружили ей голову; ее поили водкой, пока она въ одуреніи не повалилась въ уголокъ комнаты, гдѣ такъ и провалялась до утра, не будучи въ состояніи дотащить до квартиры своей матери.

ГЛАВА VI.

Ночное бѣгство мистриссъ Камеронъ.

Прямо отъ Логги Дженъ отправилась на бумажную фабрику. Было уже довольно поздно и она пришла какъ разъ въ то вре-

мя, когда раздавали задѣльную плату; получивъ свою долю, она отнесла ее матери, нетерпѣливо дожидавшей ея возвращенія. Выпитая наканунѣ водка все еще туманила ея голову; она не въ состояніи была связано отвѣчать на распросы матери, которые на этотъ разъ были подробнѣе обыкновеннаго. Мать была тоже въ этотъ день въ раздражительномъ настроеніи духа, недовольная тѣмъ, что дочь принесла домой такъ мало денегъ; она принялась бранить ее и наконецъ прибила.

Дженъ Камеронъ не поддавалась матери: руками и ногами она защищалась отъ побоевъ. Языкъ ея тоже не оставался въ бездѣйствіи; она предъявляла свое право дѣлать все, что ей вздумается, попрекала мать ея прежнею жестокостію, припоминая, какъ она выталкивала ее на лѣстницу— между тѣмъ какъ стоитъ ей, Дженни, захотѣть—и она припѣваючи будетъ жить въ семействѣ Логги.

— Такъ убирайся же и живи тамъ, мерзавка, зарычала мистриссъ Камеронъ вслѣдъ дочери, которая, вырвавшись изъ рукъ матери, сбѣжала по лѣстницѣ на улицу.—Вернись только назадъ, я захлопну дверь тебѣ подъ носомъ. А ужъ этимъ Логги скажу я всю правду-матку въ глаза—вотъ увидишь, что скажу.

Дженъ побѣжала къ Логги, чтобы предупредить ихъ о собиравшейся къ нимъ посягательницѣ, но мистриссъ Камеронъ и не думала сдержатъ свою угрозу. Три часа спустя Дженъ увидѣла мать въ кабацѣ еле державшеюся на ногахъ. Мистриссъ Камеронъ провела эту ночь подъ арестомъ; когда же была выпущена на свободу, не только не напомнила Дженъ о ея выходѣ, но даже стала обращаться съ ней ласково, такъ ласково, какъ этого не бывало.

— Послѣ этого мы съ ней лучше стали ладить; она какъ будто сдѣлалась настоящей матерью, пока не воротился ея любезный.

Впрочемъ, негодяю этому, котораго Дженъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавидѣла, не долго уже было суждено отравлять существованіе нашей преступной героини. Обитатель тѣсной коморки Новаго Веннеля предстоило вскорѣ разбѣрестись въ разныя стороны. Случилось же это слѣдующимъ образомъ.

Въ Новомъ Веннелѣ кого-то ограбили — дѣло не новое, но жертва на этотъ разъ не покорила своей участи, а заявила о воровствѣ въ полиціи. Начались розыски и вори, успѣвшіе пронюхать о нихъ, держались на сторожѣ. Ограбленный, который былъ пьянъ и заведенъ въ Веннелъ въ полубезсознательномъ состояніи, не могъ въ точности опредѣлить мѣсто, гдѣ его обокрали: онъ зналъ только, что это было въ Новомъ Веннелѣ. Подозрѣніе пало на притонъ, который содержала мистриссъ Камеронъ; ее обыскали, но на обыскѣ ничего не оказалось, и усилія полиціи открыты виновнаго оставались нѣкоторое время безуспѣшными. Однажды утромъ Дженъ Камеронъ была остановлена сыщикомъ; это случилось нѣсколько дней спустя послѣ ея собственнаго воровскаго подвига, и она сочла себя погибшею. Встрѣтила она сыщика по дорогѣ на бумажную фабрику. Онъ заговорилъ съ ней издалика; сдѣлалъ нѣсколько постороннихъ вопросовъ, сказалъ ей нѣсколько любезностей о ея наружности, наконецъ незамѣтнымъ образомъ повелъ вопросъ: не помнитъ ли она, кто былъ у ея матери въ ночь на такое-то сентября? Но Дженъ никогда не забываетъ осторожность; она была достаточно опытна для того, чтобы не положить пальца въ ротъ полицейскому, и потому на всѣ его распросы отвѣчала лаконически: знать ничего не знаю и ничего не могу припомнить.

«По возможности никогда не говори правду полицейскимъ,» — было первымъ правиломъ, которому научила ее мать и негодяй, считавшійся ея отцемъ. А между тѣмъ подробности именно этой мошеннической продѣлки были хорошо извѣстны дѣвочкѣ. Въ тотъ вечеръ она рано вернулась домой и была свидѣтельницею прибытія жертвы и обдуманности, съ которою ее напоили и обобрали. Мать ея въ это время сидѣла у кампна и не обращала вниманія на происходившее, предоставляя и тѣшиться молодежи,» какъ она выражалась. Дженъ заснула, не доглядѣвъ, чѣмъ все это кончится, — до того притягивалась она къ подобнымъ ежедневнымъ случайностямъ. Разбудилъ ее приходъ одного пріятели, который явился на подмогу постояльцамъ мистриссъ Камеронъ, чтобы стащить внизъ спящую жертву. Обстоятельство это вѣзлалось уже въ памяти потому, что несшіе поскользнулись на лѣстницѣ и скатились внизъ гурьбою при гром-

комъ хохотъ зѣвакъ, глядѣвшихъ сверху на всю эту процедуру. Подобныя дѣла велись открыто, въ полной увѣренности, что никто изъ обитателей Веннеля не вынесетъ сору изъ избы. «Сегодня очередь постояльцевъ мистриссъ Камеронъ; завтра чередъ сосѣдскихъ постояльцевъ.»

Но расчетъ былъ ошибочный и на этотъ разъ основное правило воровской чести было нарушено. Обстоятельства дѣла начли какимъ-то таинственнымъ образомъ мало по малу выходить наружу; главнаго преступника схватили въ кабацѣ, служившемъ сборнымъ мѣстомъ разныхъ подозрительныхъ личностей, и вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всему околотку. Между ворами существуетъ такой способъ передавать извѣстия, которому въ быстротѣ могла бы позавидовать сама полиція. Мистриссъ Камеронъ была извѣщена объ опасности нѣсколько минутъ спустя послѣ ареста главнаго преступника; въ случаѣ полного признанія со стороны послѣдняго, — а такого признанія можно было ожидать, — мистриссъ Камеронъ пришлось бы плохо. Она поняла, что *доброе* имя ея можетъ пострадать, что дѣло вовсе не шуточное — и скрылась.

Возвратившись домой поздно вечеромъ съ танц-класса, Дженни не застала болѣе матери дома; квартиру ея уже успѣла занять сосѣдка, тоже содержавшая ночной притонъ и неотличавшаяся разборчивостью на постояльцевъ. Видимо, мистриссъ Камеронъ, передъ тѣмъ какъ съѣхать, на скорую руку торговалась съ сосѣдкой и продала ей въ убытокъ все свое хозяйство, состоявшее изъ одного стула, скамейки, кучки стружекъ и оловяннаго котелка.

Новая хозяйка была сварливая, свирѣпая женщина и наотрѣвъ отказалась пустить къ себѣ дѣвочку, хотя бы на одну только ночь.

— Я не хочу поваживать къ себѣ дѣвчонокъ, объявила она ей. Языки у вашей братьи больно длинны, съ вами только бѣды наживешь.

— Гдѣ мама?

— Она ушла.

— Когда она вернется?

— Коли она умная женщина, то никогда не вернется въ Глазговъ. — Она говорила, что такъ и сдѣлаетъ.

— Какъ мнѣ отыскать ее?

— Ты ей надоѣла,—она, небось, рада съ тобой развязаться, да и не диво: что проку въ такой дармоѣдкѣ?

— Куда же мнѣ дѣваться?

— Ступай въ рабочій домъ, либо въ пріютъ для бѣдныхъ; сказано, что сюда я тебя не пушу.

— А туда я не пойду! воспликнула Дженъ.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Дверь захлопнулась и Дженъ осталась одна на лѣстницѣ. Сотни разъ дѣлала съ ней тоже самое и родная мать; ничто не мѣшало ей свернуться въ клубокъ на площадкѣ и заснуть на зло стужѣ; но теперь она была уже старше и не могла переносить оскорбленій такъ легко. Она была уже дѣвушка и все дѣвическое еще не успѣло въ ней заглухнуть:—отъ суроваго искуса ея дѣтства въ ней еще уцѣлѣло что-то юношеское; инстинктивная привязанность къ матери, которая такъ жестоко покинула ее, невольно шевельнулась въ сердцѣ Дженни. Она присѣла на верхней ступенькѣ лѣстницы, спрятала голову въ фартукъ и заплакала. Одиночество ея положенія, неизвѣстность лежавшей передъ ней дороги, мысль, что ее оставили одну одишееньку такъ же равнодушно, какъ оставили бы собаку или кошку,—все это вмѣстѣ лишило ее бодрости, и сильная, смѣлая дѣвушка измѣнила себѣ въ виду открывавшейся передъ ней будущности.

— Я сама не знаю, о чемъ я тогда плакала, рассказывала она впослѣдствіи.—Мнѣ не то было обидно, что она не взяла меня съ собою, но зачѣмъ она даже не вспомнила обо мнѣ, покидая меня. Это я въ первый разъ плакала съ той самой поры, какъ мнѣ было шесть лѣтъ отъ роду. Я совсѣмъ растерялась и не знала что дѣлать, я даже боялась умереть съ голоду.

Просидѣвъ на лѣстницѣ съ полчаса, Дженъ медленными шагами сошла снова на улицу. Она хорошо знала всѣ тупцы, гдѣ бывала ея мать и не отчаявалась еще найти ее. Она обѣгала всѣхъ ея знакомыхъ, но никто не могъ сказать ей куда она скрылась; многіе только слышали отъ самой мистриссъ Камеронъ, что она рѣшилась оставить Глазговъ немедленно, пока еще пребываніе въ немъ не сдѣлалось неминуюмо

опаснымъ. Дженъ узнала еще о томъ, что человекъ бывший *bête noire* ея молодости сопутствовалъ мистриссъ Камеронъ, — следовательно исчезновеніе ея было обдуманнымъ дѣломъ и отыскать ея не было никакой возможности. И такъ, Дженъ была предоставлена самой себѣ и должна была сама себѣ доставать пропитаніе, какъ умѣла. Она не преминула бы отпра- виться къ ухорскому Джоку и спросить у него совѣта, еслибы она только знала, гдѣ найти его; за незнаніемъ этого, она отпра- вилась къ своимъ пріятелямъ Логги, въ надеждѣ, что они не оставятъ ее совѣтомъ и помощью въ такомъ безвыходномъ положеніи.

Было три часа утра, когда она постучалась въ дверь ихъ квартиры. Не скоро дождалась она отвѣта. Наконецъ за дверью послышался грубый голосъ отца Логги, спрашивав- шій: кто тамъ стучится?

— Это я, Дженни.

— Что такое случилось? — Что тебѣ надо?

— Не пустите ли вы меня къ себѣ переночевать? Мать отъ меня убѣжала. — Логги, по видимому, колебался, и сердце Дженъ заохолонуло. Ну какъ и онъ ее прогонитъ? Вѣдь ей тогда ничего болѣе не останется, какъ идти въ рабочій домъ или въ пріютъ для бѣдныхъ.

— Такъ и быть, переночуй здѣсь разокъ, пробормоталъ онъ наконецъ, отодвигая болтъ у двери, — только у насъ и безъ того тѣсно. Сядь вотъ сюда къ камину и не шевели уголья — они заготовлены на всю ночь.

Мистеръ Логги снова улегся въ постель, а Дженъ подѣла къ камину и грѣясь у него заснула. Она была искренно бла- годарна Логги за гостепрѣимство, избавившее ее отъ необхо- димости заснуть на улицѣ, или еще хуже, заключить себя въ пріютъ для бѣдныхъ.

ГЛАВА VI.

Совѣтъ Логги, какъ наживать деньги.

Мистриссъ Логги была еще до свѣта на ногахъ и хлопотала о копе для тѣхъ постояльцевъ, у которыхъ водились деньги,

и которые были расположены позавтракать передъ уходящ. Вслѣдъ за нею поднялся и мистеръ Логги и расхаживать въ туфляхъ по комнатѣ. Постояльцы, которымъ спѣшить было некуда, нѣжились въ это утро довольно долго въ постеляхъ. Когда былъ готовъ завтракъ, у супруговъ еще осталось свободное время выслушать отъ Дженни подробности бѣгства ея матери.

Мистеръ Логги слушалъ ее, пуская клубы табачнаго дыма, а мистриссъ изрѣдка переглядывалась съ мужемъ. Когда Дженъ окончила свое повѣтствованіе, мистеръ Логги подалъ ей слѣдующій совѣтъ:

— Если тебѣ не зазорно квартировать у насъ и не выпосить сору изъ избы, ты можешь остаться здѣсь, платя шиллингъ въ недѣлю. О деньгахъ не безпокойся; мы продержимъ тебя недѣлю, другую въ долгъ, а тамъ авось либо сведемъ счеты. Только сама не плошай, — а то какъ тебѣ не раздобыться деньгами, или вещами, которыя мы возьмемъ въ счетъ денегъ; мы же не станемъ наводить справокъ, откуда ты ихъ взяла. Мери сказывала намъ, что ты вострая дѣвочка...

— Востра-то я — востра.

— А коли такъ, мой совѣтъ тебѣ остаться здѣсь и приняться за *работу* на свой собственный пай. Дѣлай, что тебѣ заблагоразсудится: мы на все будемъ смотрѣть сквозь пальцы. Если же тебѣ повезетъ счастье, ты, можетъ статься, и вспомнишь, что мы помогли тебѣ въ нуждѣ. Всѣ мои дѣвки не дурно обдѣлываютъ свои дѣла,—даже Мери.

— А работа на фабрикѣ?

— Не отставай отъ нея, пока тебя держать будутъ. Полиція непременно будетъ тебя спрашивать о томъ, гдѣ ты работаешь — имъ бы только знать, что ты при мѣстѣ—они тебя и оставятъ въ покоѣ. Если ты нигдѣ не работаешь, а имѣешь деньги — у нихъ тотчасъ же является подозрѣнье. — Хочешь съ нами позавтракать?

Дженъ охотно согласилась.

— Все, что ты станешь забирать, мы будемъ ставить тебѣ въ счетъ, по которому ты заплатишь когда у тебя будутъ деньги; а что у тебя будетъ чѣмъ заплатить, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Дженъ съ своей стороны не сомнѣвалась, что ей будетъ чѣмъ расплачиваться въ свое время. И такъ она въ первый разъ позавтракала въ долгъ, скрѣпивъ такимъ образомъ свой чертовскій договоръ съ мистеромъ Логги. Въ обычный часъ она отправилась на бумажную фабрику, возвратилась домой къ обѣду и выслушала дальнѣйшія совѣты касательно своего будущаго образа жизни. Дня черезъ три Дженъ была вполне посвящена во всѣ тайны воровскаго ремесла въ Глазговѣ. «Ловкій Джокъ», съ которыми она въ это время успѣла повидаться, одобрилъ ея отважную рѣшимость поступить въ почтенный цехъ и не жалѣть усердія и труда на новомъ поприщѣ.

Старшія дочери Логги были наставницами ея въ искусствѣ воровства. Въ досужіе часы она брала уроки карманной кражи и, благодаря своей практической сметливости, удивляла наставницъ своими успѣхами. Ее старались пріохотить всеми способами къ избранному ею роду жизни: ей льстили, представляли ей удовольствіе получать и проживать большія суммы денегъ, ожидавшіе ее въ будущемъ; и будущее улыбалось ей и она благодарила судьбу, которая свела ее съ семействомъ Логги.

— Мы наживаемъ кучу денегъ, говаривать Логги; полиція не знаетъ и половины тѣхъ суммъ, которыя перепедаютъ намъ, когда дѣла ведутся ловко.

Показаніе Логги не было лишено справедливости. Полиція дѣйствительно понятія не имѣетъ о размѣрахъ производимаго воровства и о томъ, сколько преступленій остаются въ тайнѣ. Каждый воръ рассчитываетъ мѣсяцевъ на шесть или даже и на цѣлый годъ безнаказанности; инымъ удается избѣгать наказанія въ продолженіе пяти-шести лѣтъ и они успѣваютъ нажить въ это время значительныя деньги; иной воръ, преимущественно же иная воровка, имѣетъ нерѣдко въ рукахъ до пятидесяти и даже до ста фунтовъ. Деньги эти, само собою разумѣется, также быстро уходятъ, какъ и приходятъ. Укрыватели краденыхъ вещей, подобные мистеру Логги, наживаютъ не рѣдко богатство размѣниваньемъ банковыхъ билетовъ, которыя вору неудобно мѣнять въ другомъ мѣстѣ. За билетъ въ сто фунтовъ стерлинговъ они даютъ семдесятъ фун-

товъ золотомъ, а сами отправляются размѣнять его въ Лондонъ или въ Ливерпуль.

Показанія самихъ преступниковъ, по заключеніи ихъ въ тюрьму, представляютъ любопытныя статистическія данныя: среднимъ числомъ можно положить, что воръ наживаетъ на своемъ вѣку отъ семи до восьми тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Ежегодный доходъ большинства простирается до трехъ или четырехъ сотъ фунтовъ. Послѣ этого понятно, почему такъ безуспѣшны остаются нравственныя попытки обратить на путь истины воровъ по ремеслу: арестанты этого рода составляютъ самую неподатливую и закоренѣлую часть населенія въ нашихъ тюрьмахъ. Мущинамъ и женщинамъ этого закала, привышшимъ считать сотнями фунтовъ свои грѣшныя доходы, почти невозможнымъ кажется перейти къ трудовому образу жизни, приносящему какихъ нибудь нѣсколько шиллинговъ въ недѣлю.

Но возвратимся къ Дженъ Камеронъ.

Теперь она уже не безъ цѣли слонялась по улицамъ и оставалась на перекресткахъ. Она, Мери Логги и ухорскій Джокъ работали вмѣстѣ; часто упряжились они на квартиру у Логги въ искусствѣ передавать краденый предметъ изъ рукъ въ руки.

«Никогда не проходи мимо кучки собравшагося народа» — таково было первое правило воровской мудрости, вѣзавшееся въ памяти Дженъ. И она постоянно оглядывалась, не столпилась ли гдѣ на улицѣ народъ, и жадно выжидала случая, который помогъ бы ей заплатить долгъ, наоставшій на нее въ Гай-Стритъ. Она привязалась къ семейству Логги и была благодарна имъ за ту своекорыстную помощь, которую они оказали ей. Благодарность эту не такъ-то легко было затушить въ ней, хотя ухорскій Джокъ, сдѣлавшійся ея сообщникомъ, не разъ уже пытался разочаровать ее въ привязанности къ Логги. Онъ не долюбивалъ старика и при каждомъ удобномъ случаѣ наговаривалъ Дженъ, что она слишкомъ поддается имъ. Противъ Мери онъ ничего не имѣлъ, но старикъ Логги былъ ему не по сердцу; Джокъ былъ тоже ревнивъ по своему и косился на молодыхъ людей, которые окружали ее тамъ, за его спиною. — Онъ говорилъ ей, что выжидаетъ только крушой поживы, чтобы нанять съ ней комнату вдвоемъ или войти въ

долю съ другою парочкой, которая точно также собиралась обзавестись собственнымъ хозяйствомъ.

Бѣдная Дженъ Камеронъ начала мечтать объ этой крупной получкѣ, которой дожидался Джонъ Еанъ. Вотъ такъ будетъ счастье, думала она, когда они снимутъ комнату въ Веннелѣ или въ Гаванна и никто, кромѣ нея, не будетъ ухаживать за ея молодымъ *мужемъ*. Впрочемъ она по прежнему была благодарна семейству Логги и привязана къ Мери, которая научила ее, какъ избавиться отъ голодной смерти. Пробывъ съ недѣлю въ Гай-Стритѣ, она сдѣлала вторичную попытку раздобыться деньгами, причемъ ей помогла Мери. Дѣло было въ субботу вечеромъ. Въ эту пору улицы оживленнѣе обыкновеннаго и болѣе пьянаго народа шатается въ бѣдныхъ кварталахъ Глазгова. Черезъ каждые полчаса по сосѣдству съ Солтъ-Маркетомъ, гдѣ бабаки находятся, собираются густыя толпы зѣвакъ посмотреть, какъ пьяницы уводятъ въ полицію.

Было условлено, что Дженни пристанетъ къ первому скопицу подобнаго рода и испробуетъ на какомъ нибудь хорошо одѣтомъ прохожемъ свою ловкость въ новомъ искусствѣ. Ухорскій Джокъ и Мери должны были находиться не подалеку, чтобы Дженни могла передать имъ ту вещь, которую ей посчастливится стянуть; по сосѣдству съ Солтъ-Маркетомъ были разставлены другіе караульные, готовые препроводить ее еще далѣе въ случаѣ надобности. Поджидаемое скопище не замедлило собраться—объ этомъ позаботился одинъ молодецъ изъ шайки Логги. Многіе изъ прохожихъ пристали посмотреть въ чемъ дѣло,—въ томъ числѣ и смуглый мальчикъ въ голубой курткѣ съ золотыми пуговицами. Въ ту же минуту рука Дженъ проскользнула къ нему подъ локоть и вытащила изъ жилетнаго кармана бумажникъ, который съ быстротою молніи передала Мери. Мери въ свою очередь передала его Еану, который съ нимъ юркнулъ куда-то. Все это было обдѣлано такъ быстро, что маленькій незнакомецъ ничего не замѣтилъ и пошелъ своею дорогою, не догадываясь о потерѣ бумажника.

Пять минутъ спустя всѣ трое карманниковъ сошлись въ домѣ Логги, куда уже дошло извѣстіе о случившемся и гдѣ самъ хозяинъ ожидалъ ихъ прихода. Ухорскій Джокъ раскрылъ бу-

манникъ и вынулъ изъ него два банковыхъ билета въ пять фунтовъ и нѣсколько шиллинговъ.

— Золота нѣтъ? спросилъ Логги, вѣрившій, что и у воровъ есть своя честь.

Нѣтъ, объявилъ Еанъ, слову котораго надо было вѣрить, за неимѣніемъ доказательствъ противнаго. Логги купилъ банковые билеты, дисконтируя ихъ, какъ слѣдуетъ, и полученная сумма была тотчасъ же раздѣлена между тремя молодыми ворами. Логги потребовалъ себѣ съ нея извѣстный процентъ, который и былъ ему уступленъ. Доля Дженни кромѣ того была значительно убавлена уплатою долга хозяину. Послѣ этого всѣ трое снова пошли шататься по улицамъ, высматривая себѣ новой поживы: чтобы не возбудить подозрѣнія, они разбрелись въ разные стороны.

Но Дженни уже казалось, что на нее и такъ падаетъ подозрѣніе, и что полиція какъ-то странно косится на нее; въ эту ночь, переряженные сыщики, рыскавшіе по обыкновенію по улицамъ, какъ-то многозначительно кивали ей головами и пристально въ нее взглядывались. Но Дженъ ошибалась: полиція ничего не подозрѣвала о покражѣ, случившейся именно въ эту ночь; она только вообще начинала недоувѣрчиво смотрѣть на дѣвочку. Полиція знала, что Дженни была покинута своею матерью и жила теперь въ семействѣ Логги. Этого было довольно для того, чтобы удвоить вниманіе за нею и предсказать ей, что рано или поздно она побываетъ подъ арестомъ и посидитъ въ Глазговской тюрьмѣ. Таже самая исторія сотни разъ повторилась на глазахъ этихъ людей: для нихъ не подлежало никакому сомнѣнію, что все это будетъ такъ.

Дженни была еще нова въ своемъ ремеслѣ: нервы ея не успѣли обтерпѣться. Предоставленная самой себѣ, среди освѣщенныхъ улицъ она не отваживалась на новую попытку; но она оцѣнивала какое-то пріятное волненіе послѣ перваго своего опыта, и гордилась похвалями, полученными дома. Такъ проблуждала она по улицамъ до 10-ти часовъ вечера, и возвратилась къ Логги на квартиру, гдѣ въ этотъ вечеръ болѣе обыкновеннаго было выпито водки за здоровье Дженъ Камеронъ, и дѣвочки вскружили голову самую грубою лестью. Подъ конецъ все общество пустилось въ плясъ и среди этого вихря

веселости сѣмена зла все глубже и глубже западали въ ея сердце.

ГЛАВА VII.

Дженъ-Кимеронъ въ рукахъ полиціи.

Прошло еще шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ характеръ Дженъ принялъ окончательный закалъ. Ей уже было почти тринадцать лѣтъ; она была высока для своихъ лѣтъ, да и въ нравственномъ отношеніи уже походила на женщину. Во все это время до нея не доходило никакихъ извѣстій о матери, которая дѣйствительно оставила Глазговъ. Дженни везло постоянное счастье въ мелкихъ кражахъ изъ чужихъ кармановъ и по магазинамъ; днемъ она по прежнему работала на бумажной фабрикѣ, по ночамъ же усердно посѣщала разные оргіи. Въ ней замерло всякое чувство чести и стыдливости. Единственная черта, говорившая о присутствіи въ ней лучшихъ началъ, была неизмѣнная преданность ея тому негодяю, который такъ много способствовалъ ея развращенію.

Замѣтимъ здѣсь, что примѣры подобной преданности нерѣдко встрѣчаются между несчастными, рѣшающимися связать свою участь съ участью воровъ. Онѣ проходятъ съ своими избранными рука объ руку всѣ ступени порока, не покидаютъ ихъ ни въ бѣдѣ, ни въ счастьи, пока не разлучитъ ихъ смерть, или приговоръ на долгій срокъ. Эти воровки, подруги воровъ, глубоко презираютъ тѣхъ своихъ падшихъ сестеръ, которыя выставляютъ на показъ свои разрумяненные щеки при свѣтѣ газовыхъ фонарей и перемѣняютъ своихъ любовниковъ какъ бандажи. Даже тѣ воровки, которыя не имѣютъ никакой исключительной привязанности къ одному мужчине, гордятся своей цѣломудренностью и измѣняютъ ей только тамъ, гдѣ представляется случай обобрать человѣка, имѣвшаго глупость имъ поддаться. Я нарочно останавливаюсь на этихъ печальныхъ подробностяхъ, необходимыхъ для разъясненія послѣдующаго разсказа.

Постоянныя удачи опасны — онѣ порождаютъ излишнюю

самоуверенность, которая влечетъ человѣка къ его же гибели. Дженъ Камеронъ везло постоянное счастье, и въ ея воображеніи давно пересталъ рисоваться неприглядный образъ тюрьмы.

День ото дня становилась она смѣлѣе и не разъ уже только чудомъ увертывалась отъ рукъ полицейскихъ служителей. Но при всемъ томъ, ей не переподало за разъ болѣе десяти фунтовъ. Ухорскій Джокъ все по прежнему ожидалъ «крупной полочки» и въ ожиданіи ея, Дженъ содержала своего любовника, давалъ ему когда шиллингъ, когда полкроны. Джокъ утѣшалъ себя тѣмъ, что вотъ-вотъ счастье и ему улыбнется, — тщеславіе не позволяло ему сомнѣваться въ томъ, что онъ рано или поздно отличится.

Этотъ пятнадцатилѣтній юноша былъ такъ же влюбленъ въ свое мошенническое ремесло, какъ другіе юноши его лѣтъ бывають влюблены въ какую нибудь честную профессію, избранную ими.

Онъ умѣлъ читать и писать довольно хорошо, и любилъ рассказывать Дженни приключенія разныхъ знаменитыхъ бродягъ. Онъ зналъ исторію Турчина и чуть не наизусть зналъ каждую главу изъ повѣсти Гаррисона Энсворта. Можно положительно сказать, что романъ Энсворта извѣстенъ большей части воровъ; они благоговѣють передъ нимъ и считаютъ его образцомъ, достойнымъ подражанія; — многіе между ними эзальтированные, при всей своей нравственной испорченности, мечтають прославиться подобно ему.

Лѣтомъ дѣла Дженъ Камеронъ приняли худой оборотъ. Въ эту пору черезъ Глазговъ проѣзжаютъ туристы изъ разныхъ городовъ. Воровская братья привыкла выжидать ихъ прибытія; женщины преимущественно ищуть встрѣчи съ ними и нарочно съ этою цѣлью шатаются по Глазговскимъ гостинницамъ. Дженъ постоянно употреблялась теперь въ качествѣ приманки; она была хороша собою, ей равно шли шелковое платье и шляпка, надѣваемые порою, и бѣдная одежда фабричной работницы, которую она постоянно носила. «Глазговскимъ дѣвкамъ житье въ лѣтнее время, сознавалась Дженъ въ послѣдствіи; въ Глазговѣ объ эту пору видимо не видимо богатыхъ молодыхъ господъ; они не любятъ рано ложиться и отъ скуки

не разбирають, въ какой кварталъ забредутъ; они чаще гоняются за нами въ Гай-Стритъ и въ Сольтъ-Маркетъ, чѣмъ мы за ними по большимъ улицамъ.»

И такъ, однажды лѣтнимъ вечеромъ Дженъ проходила Сольтъ-Маркетомъ; въ будничномъ своемъ нарядѣ, босая и съ непокрытою головою, она казалась олицетвореніемъ честной бѣдности, и обратила на себя вниманіе одного англичанин-туриста, недавно пріѣхавшаго въ городъ. На его наглую улыбку она отвѣчала полуулыбкой; сначала она прикинулась полужиспанной его попыткой заговорить съ ней, но потомъ стала слушать его съ такимъ смѣшеніемъ робости и смущенія, которое побудило незнакомца зайти далѣе въ своихъ преслѣдованіяхъ. Кончилось тѣмъ, что къ нимъ пристала мери Логги и предложила распить по стакану водки на болѣе короткое знакомство. Всѣ трое зашли въ сосѣдній кабакъ; тутъ предполагалось, что молодой человѣкъ напьется до безсознательности и облегчитъ такимъ образомъ задуманное покушеніе на его кошелекъ. Пока они стояли втроемъ у прилавка, болтали и смѣялись, по улицѣ взадъ и впередъ ходили два человѣка и держались наготовѣ, чтобы пособить въ случаѣ надобности схоронить концы въ воду, или же напасть на жертву, когда она, по заведенному порядку, дастъ заманить себя въ одинъ изъ переулковъ, примыкающихъ съ каждой стороны къ Сольтъ-Маркету.

Но дѣло обошлось безъ крутыхъ мѣръ. Не успѣлъ незнакомецъ выпить второй стаканъ водки, какъ кошелекъ его былъ уже въ рукахъ Дженни и оставалось только, не теряя времени, наострить лыжи. Дженъ Камеронъ, сжимая кошелекъ въ рукѣ, вышла изъ лавки, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей нужно сказать на улицѣ слова два подругѣ, а Мери осталась съ незнакомцемъ. Она должна была выждать удобной минуты, чтобы присоединиться къ своимъ сообщникамъ. Но поспѣшный уходъ Дженни возбудилъ подозрѣніе незнакомца и онъ хватился своего кошелька прежде, чѣмъ Мери успѣла улизнуть.

Дальнѣйшія подробности происшествія нечего описывать; тѣже самыя подробности чуть не каждый день встрѣчаются въ газетахъ. Мери была обвинена въ кражѣ, на что она отвѣчала полнымъ негодованіемъ заpiresательствомъ; у двери кабака собра-

лась толпа ротозѣевъ, позвали полицейскаго служителя и соучастницу кражи повели въ центральный полицейскій судъ въ сопровожденіи цѣлой ватаги оборванцевъ, слѣдовавшихъ за ней по пятамъ.

Когда Дженъ прибѣжала на квартиру Логги, оказалось, что вѣсть объ арестованіи Мери опередила ее тамъ. Деньги были отданы на сохраненіе самого Логги, который поспѣшилъ съ ними скрыться, такъ какъ въ числѣ ихъ были банковые билеты, а открытіе подобныхъ билетовъ у него на дому могло повести къ разнымъ неприятностямъ. Такъ какъ обокраденный молодой человекъ легко могъ запомнить личность Дженъ Камеронъ, то сочли за лучшее удалить послѣднюю изъ дома, пока при допросѣ обстоятельства дѣла не сдѣлаются гласными и не окажется яснѣе, чего именно слѣдуетъ остерегаться.

Дженни, не дожидаясь дальнѣйшихъ инструкцій отъ мистрисъ Логги, оставила ее домъ и отправилась къ ухорскому Джоку, который имѣлъ уже теперь на столько довѣрія къ ней, что не скрывалъ отъ нея мѣсто своего жительства.

Еана не было дома; было еще рано и не время для воровъ возвращаться съ промысла. Въ ожиданіи его Дженъ присѣла въ уголокъ комнаты. Если бы она подумала передъ тѣмъ съ минутой, или спросила совѣта у мистрисъ Логги, то не упустила бы изъ виду всю рискованность своего настоящаго образа дѣйствій. Связь ея съ Джокомъ не была тайною для полицейскихъ сыщиковъ; слѣдовало ожидать, что, не найдя ее у Логги, они придутъ сюда, если только имъ удастся развѣдать отъ какого нибудь болтливаго вора о мѣстѣ жительства ухорскаго Джока. Но Дженъ была вполне увѣрена, что отношенія ея къ Джоку навѣстны только немногимъ и что у него на квартирѣ ей нечего бояться.

Тѣмъ не менѣе она не могла вполне отвязаться въ эту ночь отъ своего стараго дѣтскаго страха. Да и не мудрено: она еще не вышла изъ дѣтскихъ лѣтъ, а происшествія этого вечера оживили въ ней старое, неодолимое чувство — ужасъ тюремнаго заключенія; подъ вліяніемъ этого чувства развѣялись отчасти то умственное старчество, та одеревенѣлость сердца, которые въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ сдѣлали такіе страшные успѣхи.

Дженъ Камеронъ провела эту ночь не одна: комната, въ которой жилъ Джонъ Еанъ, служила въ то же время убѣжищемъ многимъ другимъ постояльцамъ за два пенса съ головы; въ нее пускалось столько народа, сколько могло улесться на полу. Часовъ въ одиннадцать прибыло трое или четверо постояльцевъ и завели между собою на сонъ грядущій разговоръ о происшествіяхъ дня. Было четверть двѣнадцатаго, и Еанъ еще не возвращался, какъ вдругъ послышался злобѣщій стукъ палкою въ дверь.

Содержательница пріюта, старая вѣдьма, которая уже успѣла раздѣться и улесться въ постель, прокричала съ своего логвища:

— Кто тамъ?

Отпирайте дверь, говорятъ вамъ, отвѣчалъ за дверью грубый мужской голосъ.

— Да кто вы такой?

— Полиція.

Постояльцы переглянулись между собою, и устались на Дженъ Камеронъ. Эти ночные обыски полиціи были вовсе не новость: во всѣ часы дня и ночи полиціи открытъ свободный доступъ въ подобныя подозрительныя дома. Дженъ Камеронъ сто разъ видѣла полицію въ домѣ у Логги, но ни разу тамъ не замирало въ ней сердце, какъ въ настоящую минуту. Она инстинктивно сознавала, что полиція пришла за нею.

— Ахъ, спрячьте меня куда нибудь, нельзя ли мнѣ какъ нибудь въ окно выскочить? — Это они за мною, я ужъ знаю, что за мною.

— Молчи ты, дура! проговорила хозяйка. — Можетъ статься, это только пустая тревога, а если они и подлинно за тобой пришли, такъ чтожь? Авось либо съ тебя голову не снимутъ. Отопри-ка имъ дверь, Джеми, голубчикъ.

«Джеми-голубчикъ» отперъ дверь и медленно, торжественно вошли сыщикъ и констэбль, овидывая комнату тѣмъ всеобъемлющимъ взглядомъ, который все видитъ и ничего не говоритъ до вора до времени.

— Ну-съ, мистрисъ Гринъ, началъ сыщикъ.

— Ну-съ, кого вамъ еще понадобилось?

— Не васъ — можете быть спокойны.

— Меня-то вамъ не за что брать.

Проницательный взглядъ сыщика устремился на Дженъ, которая жалась къ камину.

— Пойдемъ съ нами въ полицію Дженни, проговорилъ онъ.

— Хорошо, отвѣчала дѣвочка.

И она направилась къ двери.

На порогѣ она остановилась и спросила, въ чемъ ее обвиняютъ.

— Такъ себѣ, въ пустякахъ — тебѣ тамъ свяжутъ. Можетъ это и по ошибкѣ, добавилъ онъ изъ состраданія

— Можетъ быть.

— Вотъ то-то, Дженни, не якшалась бы ты съ такими товарищами, не нажила бы себѣ бѣды. Готова ты?

— Да.

И они вышли. Центральное бюро полиціи было освѣщено; за конторками сидѣли писцы и записывали обвиненія и аресты въ свои большія книги. Эти книги такъ быстро наполняются, и нѣтъ печальнѣе ихъ любопытныхъ страницъ. Сыщики обошли кругомъ, и стали по ту сторону прилавка; главный писецъ всталъ изъ-за стола и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ только-что прибывшими служителями, приступилъ къ допросу Дженъ. Молодой человѣкъ, котораго Дженъ обокрала нѣсколько часовъ тому назадъ, выступилъ впередъ и пристально поглядѣлъ на нее.

— Та ли это дѣвушка?

— Да.

— Можете ли вы присягнуть въ этомъ?

— Могу.

Допрощикъ приложился губами къ небольшому отверстию въ стѣнѣ и крикнулъ: «Позовите женщину, производящую обыскъ.»

Пришла женщина и увела Дженъ въ особую комнату, направо отъ главнаго бюро. Тутъ она была подвержена обыску; само собою разумѣется, кошелекъ, давно уже припрятаннаго въ безопасное мѣсто, на ней не оказалось; зато найденные на ней предметы—собственный ея кошелекъ съ нѣсколькими шиллингами, наперстокъ, игольникъ и пр., были конфискованы. Вслѣдъ затѣмъ обѣ женщины возвратились въ бю-

ро, гдѣ имя Дженъ было занесено въ одну изъ большихъ книгъ, и всѣмъ отобраннымъ отъ нея вещамъ составлена опись. Молодаго человѣка вторично спросили, можетъ ли онъ присягнуть, что эта дѣвушка та самая, которая украла у него кошелекъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ утвердительно; Дженъ сдѣлала робкую попытку отпирательства, тѣмъ дѣло на этотъ вечеръ и кончилось.

«Посадите эту дѣвушку подъ арестъ», таковъ былъ суровый приговоръ. Тюремный сторожъ увелъ Дженъ изъ бюро и отправился съ нею на верхъ, гдѣ помѣщались комнаты для арестантовъ. Комнаты эти были очень просторныя, но въ ту эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, ихъ было очень немного.

Дверь отворилась и удушливыя испаренія пахнули ей навстрѣчу. Она вошла въ эту мрачную берлогу, обитательницы которой между тѣмъ перешептывались между собою. Ключъ повернулся въ замочной скважинѣ и Дженъ въ первый разъ осталась въ рукахъ правосудія.

ГЛАВА VIII.

Первая ночь Дженни Камеронъ въ тюрьмѣ.

Женское отдѣленіе полицейской - тюрьмы въ Глазговѣ состояло изъ большой четверугольной комнаты, куда помѣщали безъ разбора всѣхъ женщинъ, забираемыхъ за ночь, оставляя судъ и разбирательство до утра.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, еще не существовало отдѣльныхъ келій для каждой заключенной; и теперешняя Глазговская тюрьма, преобразованная въ одно изъ первыхъ учрежденій этого рода въ цѣломъ соединенномъ королевствѣ, вовсе не походитъ на старое зданіе.

Дженъ Камеронъ много слышала отъ своихъ знакомыхъ о тюрьмѣ, но эти разсказы не могли дать ей живаго представленія о дѣйствительности и, когда за нею захлопнулась тюремная дверь, въ ней страшно заняло сердце; въ эту минуту въ ней исчезла до времени созрѣвшая женщина и осталась тринадцати —

лѣтняя дѣвочка; страхъ итѣль на нее благотворное, но кратко-временно благотворное дѣйствіе.

— Я рѣшилась оставить воровство на будущее время, рассказывала она сама; я думала лишь бы только меня выпустили, я буду прихѣрно работать на фабрикѣ, вести честную жизнь.

Но впечатлѣніе это было непродолжительно и изгладилось въ первый же часъ ея заточенія. Оглядѣвшись, она убѣдилась, что въ комнатѣ не совсѣмъ темно: сквозь слуховое окно, прорѣзанное въ двери и остававшееся открытымъ, проникала струя свѣта отъ газоваго рожка, горѣвшаго въ корридорѣ. Она могла разглядѣть подругъ своего заточенія: ихъ было пять или шесть; пьяныя и задорныя, онѣ отчасти валялись на полу, отчасти же лежали на деревянныхъ доскахъ, замѣнявшихъ постели. Не успѣвъ щелкнуть замокъ въ двери, какъ уже бабье любопытство заявило себя.

За что тебя засадили? спросила одна изъ женщинъ, лежавшая въ полурастрепанномъ видѣ.

— Сказываютъ, будто я украла, отвѣчала Дженъ.

— Гдѣ?

— Въ Солтъ-Маркетѣ.

— Не съ Мери ли Логги?

— Да.

— Мери, Мери, товарку сюда привели.

— При этомъ возгласѣ Мери Логги, которая спала на доскахъ отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, поднялась и стала протирать глаза.

— Что такое случилось? переспросила она.

— Ахъ Мери! ты ли это? воскликнула Дженъ, обрадовавшись знакомому лицу и знакомому голосу среди совершенно незнакомой компаніи.

— Я, какъ видишь. — Такъ и ты поналась?

— Да.

— Ну чтожъ дѣлать, видно судьба наша такая, Дженни.

— Что-то они съ нами сдѣлаютъ, что они съ нами сдѣлаютъ?

— Обѣихъ васъ повѣсятъ, отвѣчата старая арестантка, отличавшаяся, какъ видно, юмористическимъ складомъ ума. У Дженъ кровь застыла въ жилахъ отъ этихъ словъ, хотя она и

сознавала всю преувеличенность ихъ.—Мери Логги дико захотала.

— Я не вижу чему тутъ хохотать, остановила ее Дженъ.

— Это ты только боишься тюрьмы, отвѣчала Мери. Тюрьма издоръ, пустыяки; тебѣ отводятъ хорошую квартиру и ѣсть даютъ въ волю; поживешь немного — свыкнешься.

— А надолго приговорятъ насъ, Мери?

— Долго ли придется намъ высидѣть въ тюрьмѣ? съ этимъ вопросомъ Мери обратилась ко всему почтенному собранію.

Трезвая половина присутствующихъ подвергла вопросъ зрѣлому обсужденію. Недоумѣніе было разрѣшено старой арестантской, искусившейся въ дѣлахъ подобнаго рода; женщина эта готовилась явиться не передъ судебнаго пристава, а передъ самаго шерифа * и высидѣть за свои грѣхи пожалуй и цѣлый годъ въ тюрьмѣ.

Женщина эта выслушала всѣ обстоятельства дѣла, которыя Мери Логги сообщала ей прямо и безъ утаекъ, и на основаніи ихъ формулировала свое мнѣніе.

— Все зависитъ отъ того, къмъ будешь судиться ваше дѣло: если у пристава Гурдея, то вы дешево отдѣляетесь; если же у пристава Джиммура, тогда тебѣ не миновать шестидесятидневнаго заключенія, Мери, а то пожалуй, тебя и къ шерифу потащатъ, такъ же какъ и меня. Товарка твоя, такъ какъ она попалась въ первый разъ, высидитъ дней десять — двѣнадцать, не болѣе. Эхъ! кабы и я судилась за первое преступленіе.

Мнѣніе это подало поводъ къ новымъ преніямъ; старуха, недавно подшутившая висѣлицей, не хотѣла съ нимъ соглашаться; завязалась ссора и напрасно силился сторожъ возстановить порядокъ, разражаясь безчисленными угрозами въ отворенное слуховое окно.

Прибытіе новыхъ арестантокъ, обративъ на себя общее вниманіе, положило конецъ брани. То и дѣло подводили женщинъ, взятыхъ за воровство или за пьянство; въ тюрьмѣ стало нако-

*) Ваденю судебныхъ приставовъ въ Шотландіи подлежатъ дѣла, наказаніе которыхъ не превышаетъ шестидесятидневнаго тюремнаго заключенія; болѣе важныя дѣла рѣшаются шерифомъ.

нець до того тѣсно, что даже Дженъ, привычная къ спертой атмосферѣ, задыхалась. Тѣмъ не менѣе, близость людей смягчала ужась ея положенія; вокругъ нея всё смѣялись надъ своимъ заточеніемъ; многія рассказывали забавные анекдоты изъ прежней своей жизни, одна изъ заключенныхъ объявляла, что не теряетъ надежды снова попасть въ тюрьму; другая запѣла непристойную пѣсню, остальные съ хохотомъ принялись ей подтягивать и подняли страшный гвалтъ. Тюремный сторожъ, послѣ вторичной бесполезной попытки унять ихъ, захлопнулъ слуховое окно и лишилъ ихъ такимъ образомъ послѣдняго отверстія, въ которое проникало къ нимъ немного воздуха и свѣта.

Когда свѣтъ занимающагося дня сталъ проникать сквозь щели большого деревяннаго ставня, большая часть заключенныхъ заснули. Дженъ попробовала послѣдовать ихъ примѣру, но не могла. Немного спустя, всё онѣ спали крѣпкимъ сномъ; Дженъ погрузилась было въ безпокойную дремоту, но ее разбудили сторожа, принесшіе хлѣбъ и воду, которые были поданы заключеннымъ въ слуховое окно. Большая часть арестантокъ съ жадностію напустились на даровой кормъ. До допроса оставалось еще нѣсколько часовъ, а хлѣбъ съ водою были все-таки лучше, чѣмъ ничего. Медленно тянулось время. Нѣсколько пьяныхъ женщинъ, успѣвшихъ проспаться, и проступки которыхъ были не довольно важны, чтобы утруждать ими судебнаго пристава, были отпущены домой съ приличнымъ наставленіемъ вести себя лучше на будущее время. По мѣрѣ того, какъ время подвигалось къ полудню, полицейскіе служители стали сновать взадъ и впередъ по корридорамъ, тяжело стуча своими сапогами; двери съ шумомъ отпирались и запирались, и отъ времени до времени слышались голоса полицменовъ, перекиавшихъ въ дверные люки тѣхъ изъ заключенныхъ, которымъ настала очередь явиться къ суду.

Дженъ врагивала при каждомъ звукѣ, она еще не освоилась съ своимъ положеніемъ и нервы ея для новыхъ впечатленій не довольно окрѣпли. Хотя она и находила, что горевать ей особенно не о чемъ, тѣмъ не менѣе она была далеко неспокой-

на и завидовала стоицизму Мери Логги, который былъ для нея недостижимъ.

— Какъ ты легко принимаешь все это, Мери, неутерпѣла она, чтобъ не замѣтить.

— А вотъ увидишь сейчасъ.

Загадочный отвѣтъ этотъ разъяснился, когда ихъ наконецъ потребовали въ полицейскій судъ.

Мери Логги и Дженъ Камеронъ, колѣна которой дрожали отъ волненія, прошли подъ карауломъ полицейскаго служителя длиннымъ корридормъ, который велъ въ самую залу суда. Очутившись тамъ, Дженъ окинула робкимъ взглядомъ всю комнату и отправилась вслѣдъ за Мери на мѣсто, отведенное для подсудимыхъ направо отъ стола судебного пристава.

Общественная зала суда, присутствіе тѣхъ, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе ея участи, фискальный прокуроръ, сидѣвшій прямо напротивъ ея, множество всякаго народа—полисменовъ, сидѣвшихъ у дверей и Глазговской публики, представляемой нѣсколькими десятками человѣкъ, большею частью родственниками и знакомыми подсудимыхъ—все это произвело глубокое впечатлѣніе на Дженъ. Случалось ей впослѣдствіи являться къ суду за болѣе важные проступки, являться съ увѣренностью, что приговоръ суда надолго лишитъ ее свободы, но ни разу не испытывала она такого ужаса и томленія, какъ въ тотъ день, когда она предстала передъ шотландскими судьями по обвиненію въ воровствѣ. Мери Логги начала плакать и вопить во весь голосъ, что она невинна, сваливая всю вину на молодаго человѣка, будто бы соблазвившаго ее напиться, отпираясь отъ всякаго знакомства съ Дженъ Камеронъ и перемѣшивая выдумки и сѣтованья въ своихъ крикливыхъ причитаніяхъ, пока ей наконецъ не замѣтили, что она нарушаетъ спокойствіе судебного мѣста. Дженъ боролась съ своими чувствами и старалась сохранить достоинство и самообладаніе, но оно измѣнило ей, какъ скоро она замѣтила въ толпѣ зрителей, на противоположномъ концѣ комнаты Джока Еана и сестеръ Логги, жадно ловившихъ каждое слово обвиненія, которое читалось въ эту минуту. Тутъ Дженъ, подавленная страшною торжественностью минуты, разразилась громкими рыданіями. «Что-то станетъ со мной!» думала она.

Разсмотрѣніе дѣла тянулось довольно долго; потребовалось призвать многихъ свидѣтелей, именно: молодого туриста, у котораго украли кошелекъ, содержателя кабака, невинсмена, арестовавшаго Мери Логги, сыщиковъ, влишихъ Дженъ Камеронъ и пр. Дѣло было ясное; чалобитчикъ подъ присягою снова подтвердилъ, что Дженни Камеронъ та самая дѣвушка, которая украла у него кошелекъ, и никто не повѣрилъ отрицательствамъ, которыми неожиданно разразилась Дженъ.

— Не знаетъ ли кто этихъ дѣвушекъ? Не бывали ли онѣ здѣсь прежде? спросилъ судебный приставъ.

Полицейскіе служители засвидѣтельствовали, что обѣ онѣ имъ извѣстны; упомянуто было о томъ, что Мери Логги судится уже не за первый проступокъ, что Дженъ идетъ дурною дорогою и знается съ самыми подозрительными личностями въ Глазговѣ. Какъ бы то ни было, проступокъ Дженъ былъ еще первый, съ виду она еще была ребенокъ—лѣта ей говорили въ ея пользу; всѣ обстоятельства дѣла заставляли предполагать въ Мери Логги главную зачинницу преступленія, въ ея же подругѣ только соучастницу. То обстоятельство, что Дженъ работала на бумажной фабрикѣ, также оправдывало ее.

Судебный приставъ произнесъ приговоръ; Мери Логги осуждалась на шестидесятидневное тюремное заключеніе съ тяжкими работами; срокъ же заключенія Дженни ограничивался двадцатью днями. Дженъ Камеронъ получила при этомъ советъ избѣгать на будущее время дурнаго общества и прилежно работать на фабрикѣ; арестантокъ увели изъ залы суда и принялись разсматривать другое дѣло.

ГЛАВА IX.

ГЛАЗГОВСКАЯ ТЮРЬМА.

Въ тотъ же день Дженни Камеронъ была отведена въ Глазговскую тюрьму. Въ эпоху нашего разсказа помѣщеніе заключенныхъ далеко не представляло тѣхъ удобствъ, какъ теперь, и система келейнаго заключенія, составляющая существенную черту, которой шотландскія тюрьмы отличаются отъ Англій-

скихъ и Ирландскихъ, существовала еще, такъ сказать, въ чернѣ. Тюрьма была биткомъ набита въ то время, когда прибитіе Дженни увеличило новымъ именемъ списокъ арестантовъ. На одну келью шло по двое и по трое заключенныхъ въ Брайдуэлѣ — той части стараго тюремнаго зданія, которая предназначалась исключительно для женщинъ. Въ этомъ отдѣленіи, кромѣ трехсотъ арестантовъ, уже подвергнувшихся приговору суда, помѣщалось еще до двадцати женщинъ, готовившихся явиться передъ шерифа или въ уголовный судъ. Арестанты обонхъ половъ, подозрѣваемые въ важныхъ преступленіяхъ, обыкновенно прямо отсылаются въ главныя тюрьмы и тамъ уже ожидаютъ суда. Само собою разумѣется, они изъяты отъ тюремной дисциплины: ихъ не заставляютъ работать, дозволяютъ имъ два раза въ недѣлю свиданіе съ друзьями, суточный наекъ ихъ тоже разнится отъ найва осужденныхъ.

Дженни по вступленіи въ тюрьму была, какъ водится, прежде всего вымыта и даже тщательно свѣшена; потомъ ей отвѣли, за недостаткомъ отдѣльнаго помѣщенія, общую келью съ другою, уже немолодою арестанткой, которая по слабости здоровья занималась вязаньемъ. Самыя разнообразныя работы задавались остальнымъ преступницамъ; однѣ трепали вѣнья, другія чинили и штопали бѣлье, третьи стирали, стригали, шили, качали воду и даже ткали. Здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ преступники должны были по тюремному положенію содержать себя сами; арестантскій трудъ конкурировалъ съ вольнымъ трудомъ за стѣнами тюрьмы, гдѣ нѣтъ ни даровой квартиры, ни пищи, ни дароваго освѣщенія.

Торговые дома слишкомъ расчетливы, чтобы не пользоваться самымъ дешевымъ трудомъ, не справляясь о томъ, какъ отъзывается ихъ образъ дѣйствій на общемъ благосостояніи, заключаютъ подряды съ директорами тюремъ; а между тѣмъ честныя швей умираютъ съ голоду, или же съ отчаянья впадаютъ на встрѣчу своей же погибели. Не знаю обратила ли на себя вниманіе кого слѣдуетъ трагедія 15 марта 1863 г? Призадумался ли какойнибудь вышестоящій джентльменъ, такъ заботливо оберегающій правительство отъ излишнихъ расходовъ на содержаніе тюремъ, о той умирающей женщинѣ, которая, сидя на своемъ смертномъ одрѣ, не переставала шить

рубашки по пяти форсинговъ за штуку? — Эта плата конечно обращалась въ экономію тюремнаго бюджета; но сколькихъ несчастныхъ эта экономія каталкиваетъ на путь преступленія и приводитъ къ дверямъ тюрьмы, гдѣ они обременяютъ правительство своимъ содержаніемъ?

Все поражаело Дженни Камеронъ въ этомъ новомъ для нея мірѣ. Помѣщеніе ея было чище, удобнѣе и просторнѣе, чѣмъ на квартирѣ у Логги или въ «домѣ» ея матери. У нея была особая кровать, теплая и удобная одежда, хоть бы вѣкъ такую носить; одежда эта состояла изъ голубой полосатой куртки и теплой саржевой юбки. Ноги ея, такъ долго обивавшія босикомъ глазговскую мостовую, были обуты въ чулки и башмаки.

Жизнь Дженни вошла въ однообразную колею тюремной дисциплины; всѣ двадцать дней, за исключеніемъ воскресныхъ, она вставала рано, работала безъ отдыха, слушала чтеніе священнаго писанія, брала уроки грамоты; въ первый разъ въ жизни ей говорили о добрѣ и разъясняли дурную сторону ея поступковъ.

Заключенные въ Глазговской тюрьмѣ встаютъ въ шесть часовъ, убираютъ свою комнату и работаютъ до восьми или до половины девятаго; объ эту пору имъ подается завтракъ въ слуховое окно, продѣланное въ двери каждой кельи. Пища не для всѣхъ заключенныхъ одинаковая: приговоренные на долгій срокъ получаютъ большіе пайки, чѣмъ тѣ, которымъ предстоитъ высидѣть не болѣе десяти, тридцати или шестидесяти дней. Вообще нельзя сказать, чтобы заключенные, какъ мужчины, такъ и женщины, продовольствовались роскошно — въ этомъ отношеніи лондонскія тюрьмы дажею оставляютъ за собою шотландскія. Завтракъ состоитъ изъ похлебки, которая служитъ плохую замѣною англійскаго какао; ее подаютъ въ маленькихъ деревянныхъ чашкахъ, выложенныхъ внутри жестью. Женщинамъ, приговореннымъ на долгіе сроки, отпускается этого густого мѣсива по шести унцовъ; хлѣба къ завтраку не полагается. За обѣдомъ, который подается послѣ четырехъ-пяти-часовой работы и дается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заданный урокъ былъ исполненъ на половину, отпускается каждой заключенной хлѣбъ въ шесть, восемь или двѣнадцать унцовъ. смотря по сроку ея приговора. Единственное обѣденное блю-

до — супъ, варенный изъ бычачьей головы и довольно вкусный; отъ времени до времени обѣдъ разнообразится порціей сыра съ хлѣбомъ, которая дается вмѣсто супа. За ужиномъ снова похлебка или каша; къ ужину допускаются только тѣ изъ заключенныхъ, которые окончили свой дневной урокъ. И при такой-то діэтѣ заключенные поправляются и вѣсь ихъ прибываетъ! Между нашими шотландскими преступниками не слышно жалобъ на содержаніе въ мѣстныхъ тюрьмахъ. Въ Пертѣ, куда отправляются женщины, приговоренныя на долгіе сроки, содержаніе ближе подходитъ къ содержанію въ англійскихъ тюрьмахъ; надо же поддержать несчастныхъ болѣе существовою пищею въ эти долгіе годы неволи. По истеченіи рабочихъ часовъ женщинамъ дается нѣсколько времени на чтеніе, потомъ газовые рожки гасятся и усталыя труженицы отправляются на покой.

Трудовой этотъ день разнообразится часомъ одинокой прогулки. На тюремномъ дворѣ построено съ этою цѣлью особаго рода зданіе, имѣющее форму круга, отъ центра котораго расходятся лучеобразно кѣльи, открытыя для свѣжаго воздуха съ фасада и сверху и замыкающіяся желѣзными рѣшетками. Чтобы имѣть понятіе объ этой постройкѣ, пускай читатель представитъ себѣ большое каретное колесо; пространство между спицами этого колеса занимаютъ отдѣльныя кѣльи, мощенныя камнями; пускай читатель вообразитъ себѣ въ каждой изъ клѣтокъ одинокую фигуру въ арестантской одеждѣ, снующую взадъ и впередъ, подобно какому-то несчастному духу, преслѣдуемому вѣчнымъ безпокойствомъ, въ центрѣ колеса, на возвышеніи — дежурнаго служителя, наблюдающаго съ этой точки всѣхъ гуляющихъ разомъ. Часть дня гуляютъ такимъ образомъ мужчины, другую же часть — женщины. Есть что то странное, наводящее тоску въ этомъ зрѣлищѣ людей, толкущихся взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ, подобно дикимъ звѣрямъ, запертымъ въ клѣтку.

Для заключенныхъ мужескаго пола существуетъ домовая церковь, въ которой каждый арестантъ отгороженъ отъ своихъ товарищей рѣшеткой; женщины же слушаютъ богослуженіе изъ своихъ келій; Капеланъ занимаетъ мѣсто на лѣстничной площадкѣ между двумя этажами и оттуда читаетъ проповѣди и мо-

нитвы для обитательницъ того и другого этажа разомъ; двери всѣхъ келій остаются на это время отворенными и замыкаются только цѣпью.

Въ шотландскихъ тюрьмахъ не принято давать заключеннымъ правильное вознагражденіе за трудъ, какъ это водится въ англійскихъ; каждая женщина, по выходѣ изъ тюрьмы, получаетъ въ видѣ подарка небольшую сумму, размѣры которой предоставляются усмотрѣнію главнаго надзирателя.

Но намъ пора возвратиться къ нашей героинѣ, Дженни Камеронъ, и посмотрѣть, какъ она освоилась съ доселѣ неизнаннымъ ей тюремнымъ бытомъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БѢЛИНСКІЙ И ДОБРОЛЮБОВЪ.

Для людей неразвитыхъ значеніе каждой отдѣльной личности опредѣляется не внутреннимъ ея содержаніемъ, а тѣми вышними признаками, которые имъ бросаются въ глаза. Такъ, для Виктора Эммануэля—Гарибальди прежде всего генераль лейтенантъ; для благонамѣреннаго историка—Робеспьеръ есть представитель анархіи, революціонеръ; для Ан. Григорьева—Гейне—прежде всего жидъ, нехристь и т. д. Отъ этого въ головахъ этихъ людей иногда происходитъ странная путаница: Гарибальди, думаютъ они,—генераль и Чальдини — генераль, слѣдовательно они равны; Робеспьеръ—революціонеръ и Дантовъ—революціонеръ, слѣдовательно оба они принадлежатъ къ одной и той же породѣ людей. Если къ тому же замѣчаютъ, что два такіа лица имѣютъ еще какіе нибудь общіе признаки, то уже окончательно убѣждаются въ ихъ сходствѣ. Гарибальди, напр., участвовалъ въ войнѣ за свободу Италіи и отличился; но и Чальдини тоже участвовалъ и тоже отличился: можетъ ли быть послѣ этого рѣчь о томъ, что между этими двумя личностями нѣтъ положительнаго сходства. Никто, конечно, не будетъ доказывать, что большинство нашего общества состоитъ исключительно изъ людей развитыхъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ понятіяхъ этого общества происходитъ таже самая путаница. БѢлинскій писалъ критическія статьи — слѣдовательно онъ критикъ. Но и Добролюбовъ писалъ также критическія статьи; очевидно, что и онъ критикъ. Кромѣ того, какъ тотъ, такъ и другой принадле-

жали къ числу прогрессивныхъ людей своего времени, участвовали въ лучшихъ журналахъ, рано умерли, быть можетъ, были одинаковаго роста, или имѣли похожіе носы — чего же больше для того, чтобъ считать ихъ людьми совершенно одинаковыми. Принимая въ соображеніе, что дѣятельность Добролюбова началась семь или восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Бѣлинскаго, его можно, смотря по расположенію къ нему, называть или продолжателемъ, или послѣдователемъ, или подражателемъ Бѣлинскаго. Въ довершеніе сходства изданы полныя собранія сочиненій обоихъ дѣятелей, и всѣ, кто не имѣетъ причины злится на Добролюбова, рѣшаютъ, что Бѣлинскій есть Добролюбовъ сороковыхъ годовъ, а Добролюбовъ — Бѣлинскій — пятидесятыхъ.

Надо сознаться, что доселѣ было весьма мало сдѣлано для того, чтобы выяснитъ значеніе этихъ двухъ писателей. На рѣшеніе публики никакъ не могли и не могутъ повліять злобные выходки разныхъ тенныхъ личностей, задѣтыхъ Добролюбовымъ, до сихъ поръ не забывающихъ при случаѣ уязвить его своимъ жалою, содержащимъ въ себѣ не столько яду, сколько грязи. Но точно также все, что было написано въ пользу Добролюбова, не можетъ служить публикѣ для разумнѣнія дѣятельности его. Это были болышею частію лишь матеріалы для его біографіи, состоявшіе изъ воспоминаній друзей покойнаго; какъ матеріалы, они могутъ имѣть большое значеніе, но публика не можетъ видѣть въ нихъ ровно ничего, что бы дало ей возможность понять дѣятельность челоѣка, о которомъ столько слышнть и котораго читаетъ, но оцѣнить не можетъ.

Нельзя сказать, чтобы было болѣе сдѣлано для оцѣнки и Бѣлинскаго. Все, что о немъ писали, ограничивалось лишь воспоминаніями друзей и знакомыхъ. Изъ этихъ воспоминаній можно было кое-что узнать о личности Бѣлинскаго, — но литературная его дѣятельность была загадкой. Изъ похвалъ, расточаемыхъ его имени, и изъ совершеннаго молчанія о его значеніи, какъ писателя, можно было бы заключить, что его дѣятельность ограничивалась однимъ небольшимъ кружкомъ развитыхъ людей, среди которыхъ онъ игралъ первую роль и слылъ оракуломъ. Можно было подумать, что значеніе его не болѣе значенія, напримѣръ, Станкевича, о которомъ люди, близко его знавшіе, всегда отзывались съ величайшимъ уваженіемъ, но до личности котораго публикѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, что бы ни говорилъ его панегиристъ Добролюбовъ. Почитатели такихъ людей, какъ Станкевичъ, до сихъ поръ не могутъ говорить о нихъ безъ слезъ

умилениа и возмущаются до глубины души при малѣйшемъ сомнѣніи въ ихъ огромномъ значеніи. Такой восторгъ вовсе не кажется мнѣ неосновательнымъ или страшнымъ: люди, подобные Станкевичу, были для своего кружка действительно великими людьми. Отличаясь умомъ и благороднымъ образомъ мыслей, они не только очаровывали своихъ знакомыхъ силою задушевной рѣчи, но и просвѣщали ихъ, поднимая передъ ними завѣсу, за которой доселѣ скрывалось для нихъ все высокое, благородное и прекрасное. Въ эти минуты они прозрѣвали, видѣли передъ собою совершенно новый міръ, міръ высокихъ идей и чувствъ, міръ восторженныхъ порывовъ и многосторонняго знанія. Этотъ міръ, весьма идеализированный и наполненный хотя сладкими, но въ сущности пустыми мечтами, идеями и идеалами, представлялъ такой рѣзкій контрастъ съ окружавшей ихъ пошлостью, что они весьма естественно смотрѣли на своихъ просвѣтителей, какъ на какихъ-то Колумбовъ; Колумбы наши приобрѣтали такимъ образомъ совершенно неожиданно для себя славу великихъ общественныхъ дѣателей, и приверженцы ихъ были готовы положить за нихъ животь свой. Слава и значеніе ихъ были, можно сказать, совершенно полны и не помрачались рѣшительно ничѣмъ, потому что у нихъ были только почитатели; враговъ же у нихъ не было, потому что вѣдь они дѣйствовали въ своемъ кружкѣ, куда людяхъ, не раздѣлявшихъ его мнѣній, не за чѣмъ было и показываться. Но хотя, судя по всему, что мы слышимъ объ этихъ людяхъ, они имѣли действительно много данныхъ на то, чтобы быть энергическими руководителями общества, — обстоятельства, позволявшія имъ дѣйствовать лишь въ ограниченномъ кружкѣ, не допустили ихъ занять то положеніе относительно общества, на которое давали имъ право ихъ достоинства. Они могли дѣйствовать лишь на весьма ограниченное число людей, и то большею частію уже сдѣлавшихъ первый шагъ на пути своего развитія. Но надо вспомнить, что въ то время это было почти единственно возможное положеніе. Никому въ голову не можетъ придти порицать такихъ людей, какъ Станкевичъ или Грановскій за то, что они дѣйствовали на единицы, потому что всякому должно быть извѣстно, что дѣйствовать на массы они не могли. Теперь ораторствующій въ кружкѣ, конечно, ни въ комъ не возбудить сочувствія и заслужить названіе пустаго болтуна; но на все бываетъ свое время, и когда надо было готовить дѣателей, то люди, дѣлавшіе это, тратили свою жизнь не попустому. Бываютъ эпохи, въ которыя полезно распространять даже такіа мнѣнія, которыа, строго

судя, ошибочны. Такъ, напримеръ, теперь никто не будетъ хвалить человѣка за то, что онъ говоритъ то, что думаетъ, и подобная добродѣтель считается отрицательнымъ качествомъ. Но въ эпоху Станкевича и Грановскаго нравственный уровень общества былъ не на столько высокъ, чтобы подобная черта считалась не заслуживающей похвалы. Слушатели Грановскаго готовы были возстать горячо на человѣка, который бы захотѣлъ ограничить его значеніе, потому что для нихъ онъ не только умный и хорошій человѣкъ, но какой-то необыкновенный идеалъ, котораго они непременно канонизировали бы, еслибы это было въ ихъ власти. Тогда, для того, чтобы разбудить людей и заставить ихъ слушать себя, необходимо было говорить имъ объ убѣжденіяхъ, о самопожертвованіи, о принципахъ и т. п. высокихъ матеріяхъ; только этимъ путемъ, этими средствами можно было вывести людей изъ усыпленія и апатіи, оторвать отъ преферанса и указать имъ на болѣе высокія цѣли. Мы можемъ не толковать теперь о *борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву принципамъ*, о цивической добродѣтели; мы знаемъ, что теперь практическаго дѣла изъ этого выйдти не можетъ, ибо все это болѣе или менѣе нелѣпы бредни. Мы можемъ все это высказывать въ слухъ, если только у насъ есть взаимнѣ всего этого что нибудь болѣе основательное, болѣе рациональное и практическое, если мы отступаемъ отъ фразъ, чтобы обратиться къ дѣлу. Но тогда, когда въ обществѣ царствовала глубочайшая апатія, когда требовалось образовывать хотя небольшое число людей, которые могли бы шевелить мозгами остальнаго общества, нельзя было пренебрегать фразами, которые имѣли свойство наэлектризовывать и пробуждать умы. Тогда даже эти фразы были полны жизни и содержанія, потому что имѣли практическую цѣль. Въ то время говорить противъ нихъ—значило проповѣдывать индифферентизмъ, значило мѣшать пробужденію общества. Теперь, намъ, конечно, нельзя удивляться Станкевичу или другому подобному человѣку за честность и прямоту, съ какой они высказывали свои мнѣнія, но мы должны быть благодарны имъ за то, что они подготовили намъ людей, способныхъ выступить на поприще общественной дѣятельности.

Но значеніе Бѣлинскаго было другаго рода. Онъ оставилъ послѣ себя двѣнадцать томовъ сочиненій, которыя съ жадностью читались и читаются всѣми, мало-мальски претендующими на званіе образованныхъ людей. Вліяніе его было обширно, какое только могло быть въ Россіи

сороковых годов; поэтому дѣятельность его не была такъ скромна и тиха, какъ дѣятельность людей, дѣйствовавшихъ на частные кружки; она захватывала всю читающую Россію. Много враговъ онъ имѣлъ при жизни, много новаго сказалъ, много стараго выбросилъ за окно. Онъ еще при жизни былъ авторитетомъ, и время, протекшее со дня его смерти, еще болѣе усилило его значеніе. Новое слово, сказанное имъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, и стало старо какъ свѣтъ; старая дрянь, вышетенная имъ, давно забыта. Защитники и поборники, нѣкогда враждовавшіе за нее съ Бѣлинскимъ, умерли, и теперь развѣ какая нибудь археологическая рѣдкость, въ родѣ г. М. Дмитріева, еще можетъ высказывать понятія, побитыя Бѣлинскимъ, и неблагоклонно отзываться о немъ. Лучшіе люди новаго времени относятся къ Бѣлинскому съ полнымъ уваженіемъ; современники его гордятся имъ. Сочинители разныхъ нѣтъ, хрестоматій и исторій литературы, предназначаемыхъ для обученія ювощества въ корпусахъ и гимназіяхъ, ссылаются на Бѣлинскаго, какъ на высшій авторитетъ. Въ уваженіи къ его личнымъ достоинствамъ, въ почитаніи его сочиненій, въ вѣрѣ въ авторитетъ его сужденій сходятся люди весьма различныхъ убѣжденій, возрастовъ, понятій и направленій. Въ дѣлѣ критики, въ оцѣнкѣ авторовъ, художественныхъ произведеній, и вообще въ дѣлѣ искусства—его признаютъ непогрѣшимѣйшимъ судьей, и никому въ голову не приходитъ усомниться въ вѣрности его взгляда. Это въ нѣкоромъ родѣ Гораций или Буало беллетристики. Величайшая похвала, дѣлаемая Добролюбову людьми, расположенными къ нему, состоитъ въ признаніи его продолжателемъ Бѣлинскаго. Наконецъ, новое поколѣніе читъ его, какъ основателя того направленія, котораго былъ представителемъ Добролюбовъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи въ глазахъ общества онъ является предшественникомъ Добролюбова, и связь между ними, какъ между двумя представителями критики, еще болѣе увеличивается этимъ сходствомъ образа мыслей и направленія.

Не смотря на это, литературное значеніе Бѣлинскаго такъ же мало выяснено, какъ и значеніе Добролюбова. О Бѣлинскомъ была написана только одна книга: «Бѣлинскій, какъ моралистъ», одно заглавіе которой показываетъ, какъ мало было отъ нея проку для опредѣленія значенія дѣятельности Бѣлинскаго. Большинство публики до сихъ поръ знаетъ о Бѣлинскомъ лишь то, что онъ былъ очень хорошимъ критикомъ и придерживался либеральнаго образа мыслей.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ рассмотреть литературную дѣ-

тельность Бялинскаго и Добролюбова, и значеніе ихъ въ нашей литературѣ и обществѣ. Я покажу, какого рода была дѣятельность, куда она преимущественно была направлена, и какія дала послѣдствія. Я разсмотрю также, насколько тотъ и другой могутъ считаться литературными авторитетами, на чемъ основывается уваженіе, которымъ они пользуются, а также и задатки для дальнѣйшей дѣятельности, представленные намъ этими писателями, такъ равно потерянными для нашей умственной жизни. Изъ этого разбора, надѣюсь, будетъ ясно, насколько справедливо господствующее мнѣніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, какъ писателей.

ЛИТЕРАТУРА ДО БЯЛИНСКАГО.

Наша литература вначалѣ была пересаженнымъ цвѣткомъ, жизненность котораго долго поддерживалась искусственно за стеклами теплицы.

Бялинскій (Т. VIII стр. 44).

1-го января 1701 года въ Европѣ родилось новое столѣтіе. Это былъ веселый и шутивый вѣкъ, которому въ старости суждено было сдѣлаться такимъ серьезнымъ и мрачнымъ. Да, въ ту минуту, когда онъ родился въ пьяной, шумной, веселой Европѣ, никто не могъ предвидѣть, что этотъ игривый юноша, разыгравшійся до регентства, будетъ такъ губителенъ для всего того, что уже столько времени украшало собою эту счастливую страну свѣта. Никто не могъ предвидѣть, какъ окончится этотъ игривый вѣкъ, потомъ осушившій на гибель все, чѣмъ онъ шутилъ и хвальнося—порядокъ, нравственность, власть, весь государственный, общественный и частный бытъ.

Но, говорить, вѣтъ ада, отъ котораго бы не было противоядія. Сколо того же времени явились на свѣтъ два другихъ новорожденныхъ, которыми заботливая судьба старалась обезпечить Европу на слу-

чай, если шалости неваго вѣна превзойдутъ всякую мѣру. То были два новыя европейскія государства—Россия и Пруссія.

Московскому царю Петру Алексѣевичу вздумалось покинуть Азію и обратиться къ Европѣ. Ему показалось лестнымъ быть настоящимъ государемъ, какими были его западные сосѣди, короли швейцарскій и польскій. Ему хотѣлось также имѣть армию и флотъ, и министровъ, и чиновниковъ, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ ему приходилось довольствоваться довольно-неуклюжей ордой.

И такъ, царю Петру Алексѣевичу захотѣлось сдѣлаться государемъ на европейскую ногу. Посредствомъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе прогрессивныхъ мѣръ, онъ быстро достигъ своей цѣли. Еще въ 1690 г. онъ былъ царемъ по обычаю предковъ, а двадцать лѣтъ спустя уже имѣлъ и войско, и флотъ, и сенатъ, однимъ словомъ, все въ такомъ же видѣ, какъ у его швейцарскаго, или у его польскаго величества. Все это произошло съ необычайной легкостью и скоростью, и съ этихъ поръ европейскій видъ сталъ пріобрѣтаться не по днямъ, а по часамъ. Были и академіи, и бароны, и камергеры, и столица въ европейскомъ вкусѣ—все было. Почему же бы не завести и литературы? Завели. И не одну только литературу, а и фонтаны, и рысистыхъ лошадей, и художества разныя, и цивилизацію. Дѣло не въ пріобрѣтеніи вещей пошло. Разумѣется, литература была крайне обязана этой цивилизаціи, что и выражала восторженными привѣтствіями въ честь другихъ ея даровъ, фонтановъ, рысистыхъ лошадей и камергеровъ. Дѣло шло въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока внезапно не было сдѣлано одно неожиданное открытіе. Собственно это не было одно открытіе, а цѣлый рядъ открытій, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: 1) можетъ случиться, что литература уклоняется отъ служенія дарамъ цивилизаціи и обращается въ орудіе всякаго фармазонства; 2) таковое приключеніе случилось въ королевствѣ французскомъ; 3) оно можетъ постигнуть и другія страны; 4) оно уже постигло и любезное отечество. Однако на сей разъ открытіе это пріобрѣло нѣкоторое значеніе только для Радищева, ибо вслѣдъ за тѣмъ шалости стараго вѣка превзошли должную мѣру, и Европѣ было лаво противоядіе.

Я не намѣренъ здѣсь распространяться о Ломоносовскихъ, Карамзинскихъ, Пушкинскихъ и прочихъ періодахъ нашей литературы, потому что все это подробно описано много разъ въ сочиненіяхъ БѢлинскаго, и оттуда уже давно перешло во всевозможные «курсы словесно-

сти». Скажу только, что до самого Пушкина и Грибоедова литература твердо помнила свое происхождение и отъ служенія дарамъ цивилизаціи не уклонялась. Пэатовъ и сочинителей было пропасть, и всё они, или переводили, или подражали. Переводили вещи весьма любезныя, начиная отъ *Аргениды* Тредьяковского до *Россиады* Хераскова. Подражали не менѣе удачно, и какъ нельзя лучше подвизались на поприщѣ драмы, лиры и эпоса, и съ напряженіемъ спорили о романтизмѣ и классицизмѣ.

Вскорѣ послѣ приснопамятнаго двѣнадцатаго года произошло нѣчто весьма несообразное: въ противоядіе капнула значительная капля яду, ибо два эти вещества были слишкомъ близко поднесены другъ къ другу. Вопреки всѣмъ законамъ химіи ядъ не только не нейтрализовался въ этой средѣ, но даже произвелъ нѣкоторое броженіе въ ней... Но за то восторжествовали законы терапевтическіе. Младенцу привили оспу, но она не принялась, и разразилась тотько какими-то безобразными пузырями на привитомъ мѣстѣ. За то теперь младенца, уже нѣсколько подростшаго, поднесли нечаянно къ больному оспой,—и онъ заразился. Онъ воспринялъ ядъ всѣми своими порами, всей поверхностью своей, и ядъ вступилъ въ организмъ и не замедлилъ обнаружить свое вліяніе... О, приснодостопамятный двѣнадцатый годъ! Какъ ни пошлы похвалы, расточаемыя въ такомъ изобиліи твоимъ морозамъ, но я готовъ повторять ихъ всякій разъ, когда вспомню о тебѣ! Ты свелъ наши образованные классы съ западомъ, и благодаря этому, они совершенно независимо отъ чьей-бы то ни было воли, безсознательно и естественно восприняли цивилизацію. Ты намъ далъ все, что мы имѣемъ. Быстры и богаты были жатвы посѣяннаго тобою. Едва прошло нѣсколько лѣтъ и явились Пушкинъ, Грибоедовъ и Гоголь, которые столько же имѣютъ связи съ Ломоносовымъ, Сумароковымъ и Озеровымъ, сколько послѣдніе съ Киршей Даниловымъ. Не Петръ, не Кантеміръ, не Ломоносовъ—родоначальники нашей литературы. Литература, основанная ими, не имѣетъ ничего общаго съ нашей литературой, хотя она не умерла, а жила рядомъ съ ней, живетъ и будетъ жить.

Едва русская жизнь, воспринявъ цивилизацію запада, стала развивать ее сообразно съ тѣми условіями, которыя встрѣчала, какъ однимъ изъ первыхъ плодовъ ея была литература. Къ этой литературѣ уже вовсе не идетъ то изрѣченіе Бѣлинскаго, которое повторилъ и Добролюбовъ и которое я поставилъ въ эпиграфѣ этой главы. Бѣлинскій

не видѣть разницы между литературой, которую произвела реформа Петра и той, которую произвела русская жизнь, напитавшаяся западной цивилизаціей. Съ этихъ поръ наша литература становится непосредственнымъ продуктомъ русской жизни, частью организма русскаго народа, хотя и явилась лишь вслѣдствіе вліянія западной цивилизаціи. Но мясо, которое человекъ ѣстъ, принадлежитъ быку; однако, палецъ, образовавшійся изъ этого мяса, воспринятаго, перевареннаго и переработаннаго организмомъ, принадлежитъ человеку, и быкъ не могъ бы на него претендовать, елибѣ былъ живъ.

Литература, заведенная Петромъ, въ теченіе 150 лѣтъ, не дала ничего болѣе замѣчательнаго, какъ Державинъ и Феодоръ Тютчевъ. За то русская литература на первыхъ же порахъ произвела четырехъ великихъ дѣятелей, трохъ я уже назвалъ: то были Пушкинъ, Грибоевъ и Гоголь. Четвертый былъ Бѣлинскій.

До того времени критики вовсе не существовало или, лучше сказать, она вполне соответствовала той литературѣ, среди которой подвизалась. Бѣлинскій говоритъ, что тогда критики восхищались или поносили отдѣльныя мѣста произведеній, на идею же не обращали вниманія. Это и не мудрено, потому что какая могла быть идея въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ дѣло шло о фонтанахъ, камергергахъ и т. п. вещахъ. Но когда явилась, наконецъ, настоящая литература, явилась и критика. Какого рода она была и какія цѣли преслѣдовала, увидимъ ниже, а пока необходимо отвѣтить на одинъ вопросъ, который нельзя обойти: что такое критика, какова ея роль и значеніе въ литературѣ?

Критика относится къ литературѣ точно такъ же, какъ литература къ обществу. Литература изображаетъ общество, судить о его состояніи, выражаетъ его желанія, стремленія и потребности. Точно также критикъ судить о состояніи литературы, изображаетъ ея положеніе и оцѣниваетъ всѣ отдѣльныя явленія, составляющія ее. Но критика, разумеется, должна выикать и въ положеніе общества, знать его, имѣть понятіе о его нуждахъ и стремленіяхъ. Безъ этого знанія ей невозможно будетъ судить вѣрно о литературѣ. Если въ литературѣ является произведеніе, изображающее, положимъ, крестьянскій бытъ въ видѣ аркадской идилліи, то критика должна указать на ошибочность и нелѣпость подобнаго взгляда на крестьянскій бытъ. Сдѣлать это она можетъ только въ томъ случаѣ, если знаетъ, что положеніе крестьянъ нельзя уподобить аркадской идилліи, если, слѣдовательно, имѣеть понятіе о состояніи общества. Является въ литературѣ книга, изобра-

жающая, положить любовь соловья къ розѣ и выражает претензію служить духовной пищей для народа. Критика только тогда может указать на неадекватность подобной претензіи, если на столько знает народный бытъ, что понимает несообразность приложенія къ нему любви соловья къ розѣ. Следовательно, чтобы хорошо выполнять свою роль, судить о литературѣ, критикъ необходимо обращать вниманіе на самое общество.

Но критика, оставаясь критикой, не может поступать на оборотъ, т. е. по литературѣ судить объ обществѣ. Какъ скоро критикъ дѣлаетъ это, онъ перестаетъ быть критикомъ. Если онъ, разсматривая общество, на основаніи своихъ наблюденій и выведенныхъ изъ нихъ результатовъ судить о достоинствѣ литературнаго произведенія — онъ остается критикомъ. Если онъ говоритъ: такое-то сочиненіе не хорошо, потому что не вѣрно воспроизводитъ общественную жизнь — онъ не выходитъ изъ предѣловъ критики. Но когда онъ говоритъ: такое-то общество имѣетъ весьма плохую литературу, следовательно оно не развито — онъ перестаетъ быть критикомъ и дѣлается сатирикомъ, историкомъ или публицистомъ.

Поэтому дѣло критики состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать литературу, судить о ея прогрессѣ, оцѣнивать ея результаты, указывать ея направленіе и истолковывать значеніе отдѣльных ея произведеній.

Изъ этого ясно, что критика вполне зависитъ отъ литературы, и самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Если литература даетъ ей что нибудь, она беретъ, если нѣтъ, она не можетъ и существовать. Если литература занимается предметами совершенно ничтожными, чуждыми обществу, если она состоитъ изъ звучныхъ рифмъ и краснорѣчивыхъ хрипъ, то критика обречена на разсматриваніе этихъ рифмъ и хрипъ, и отъ себя создать ничего не можетъ. Едва захочетъ она, воспользовавшись самымъ бѣдствіемъ своимъ, указать на него, какъ на признакъ плачевнаго положенія общества, то въ ту же минуту перестаетъ быть критикой и дѣлается сатирой. Многіе смѣшиваютъ сатиру съ критикой, какъ мы увидимъ ниже, но для сужденія о Бѣликовомъ и Добролюбовѣ разницу эту необходимо имѣть въ виду.

Такое значеніе остается за критикой, какъ бы на нее ни смотрѣли. Эстетическіе критики, вѣроятно, также полагаютъ, что критика лишь до тѣхъ поръ критика, пока по «незыблемымъ законамъ искусства» судить о литературномъ произведеніи, а не по произведенію объ

искусствѣ. Если, по видимому, они поступаютъ иногда наоборотъ, то въ такихъ случаяхъ произведеніе, по которому они судятъ, само по себѣ составляетъ для нихъ законъ. Что же касается до реальной критики, то обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы сказать, какое впечатлѣніе производятъ лица, выведенныя авторомъ и ихъ поступки, возможны ли такія лица, вѣрны ли они и ихъ поступки действительности. Далеко она должна показать, вѣрно ли понимаетъ авторъ выставляемые имъ факты, ихъ взаимную связь и послѣдствія. Не обо всемъ этомъ критика можетъ судить лишь тогда, когда литература представитъ ей это на судъ. И съ другой стороны, какъ скоро литература принимаетъ изображать общество, то въ ней непременно возникаетъ и оценка ея самой. Явились Пушкинъ и Гоголь—явился и Бѣлинскій.

ВРЕМЯ БѢЛИНСКАГО.

Что представляли собою Бѣлинскому современныя ему литература и общество?

Литература совершала въ это время свой переходъ отъ насажденной Петромъ къ русской самостоятельной. Пушкина называютъ первымъ *народнымъ* поэтомъ. Это весьма справедливо, если подъ *народнымъ* разумѣютъ *національнымъ*. Съ Пушкина началась русская національная литература — слѣдовательно онъ былъ первый русскій *національный* поэтъ, и его вполне можно назвать *народнымъ*, если подъ этимъ не подразумѣвать *простонародный*.

Впрочемъ, существуютъ обстоятельства, весьма ограничивающія значеніе Пушкина, какъ перваго національнаго писателя. Съ одной стороны, говоря строго, Фонъ-Визинъ имѣетъ полное право занять въ этомъ смыслѣ мѣсто передъ Пушкинымъ, и если тѣмъ не менѣе Пушкинъ сохраняетъ свое положеніе впереди всей нашей литературы, то не по таланту своему, а по другимъ причинамъ: Фонъ-Визинъ пред-

ставляется намъ явленіемъ совершенно отрывочнымъ, неизмѣннымъ никакой связи не только съ современнымъ, но и съ послѣдующимъ поколѣніемъ. Какъ ни былъ великъ его талантъ, но онъ могъ породить только замѣчательныя отдѣльныя произведенія, а не цѣлую литературу. Для того, чтобы изъ среды общества вытекла національная литература, необходимо было, чтобы оно развилось. Но ни въ эпоху Фонъ-Визина, ни въ эпоху, ближайшую къ нему, не случилось такого обстоятельства, которое бы послужило къ развитію общества; поэтому онъ остался одинокимъ среди темнаго лѣса насажденной литературы и не имѣеть прямого отношенія къ современному развитію. Напротивъ того, за Пушкинымъ послѣдовали Грибоевъ, Гоголь и наконецъ цѣлая литература. Но это произошло не подъ вліяніемъ дѣятельности Пушкина, а вслѣдствіе того, что общество созрѣло достаточно для того, чтобы породить литературу. Съ другой же стороны, Пушкинъ самъ только въ немногихъ своихъ произведеніяхъ принадлежитъ къ національной литературѣ; въ большей же части онъ—представитель насажденной. Стоя на рубежѣ этихъ двухъ литературъ, онъ по предмету большей части своихъ пѣснопѣній принадлежалъ къ насажденной. Ожидать противнаго, требовать, чтобы онъ сразу отрѣшился отъ всякой связи со всѣмъ, существовавшимъ до него, было бы нелѣпо, потому что такіе скачки рѣдко удаются и болѣе самостоятельнымъ натурамъ. Поэтому Бѣлинскій въ высшей степени правъ, говоря о Пушкинѣ, что онъ былъ *только* художникъ, вслѣдствіе чего не имѣлъ никакихъ убѣжденій и былъ близокъ къ нравственному индифферентизму. Бѣлинскаго нельзя было обмануть; ему нельзя было втолковать, что человекъ, показывающій въ карманѣ кукишь, храбръ и самоотверженъ, если тотъ же человекъ въ то же время изгибалъ картинно спину. Поэтому Бѣлинскій весьма справедливо говоритъ, что извѣстныя *стишки* Пушкина ровно ничего не доказываютъ. Онъ былъ столь ревностный почитатель Пушкина, что твердо понималъ хронологію его произведеній и зналъ, что въ 1825 г. Пушкинъ писалъ пародію на тѣхъ, кто

...хочетъ быть цыганомъ,
Кого преслѣдуетъ законъ,

и тутъ же сочинялъ *Оду къ свободѣ* и тому подобный вздоръ. «Демона движенія, вѣчнаго обновленія, вѣчнаго возрожденія,» того демона, который «хотя и губитъ иногда людей, хотя и дѣлаетъ несчастными цѣлыя эпохи, но не иначе, какъ желая добра человечеству—этого де-

мова Пушкинъ не знаетъ, — и оттого заботился столько о своихъ родословныхъ. » Съ своей стороны я скажу, что то, что БѢлинскій объявлялъ въ Пушкинѣ отсутствіемъ убѣжденій, я приписываю его тѣсной связи съ насажденными предметами, особенно съ этой литературой. Какъ скоро поэтъ или писатель не знаетъ о «демонѣ движенія,» то не можетъ быть и рѣчи о его полной народности. Народная жизнь требуетъ движенія и создаетъ его. Неподвижность есть свойство созданныхъ насажденныхъ и поддерживаемыхъ. Эти созданія могутъ цѣлые вѣка пребывать въ одномъ видѣ, чему служатъ примѣромъ наша выслуживающаяся пресса, существующая точно въ такомъ видѣ, въ какомъ существовала сто лѣтъ назадъ. Она неизмѣнна, какъ тѣ фонтаны и монументы, которые воздвигнуты въ одно время съ нею; но народная жизнь требуетъ движенія, въ стоячей же водѣ существовать не можетъ.

Пушкинъ, кромѣ того, тѣсно связанъ съ насажденной литературой, еще въ тѣхъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ онъ является подражателемъ. Очевидно, что обстановка, среди которой процвѣтаетъ насажденная литература, не можетъ давать ей большого разнообразія въ матеріалѣ: фонтаны, иллюминации, рысаки, вотъ и все тутъ. Поэтому, всякая подобная литература споконъ вѣка отличалась наклоностью къ подражанію. Поэтому и Пушкинъ былъ преимущественно подражателемъ и подражалъ Байрону, подобно тому, какъ Херасковъ подражалъ Горацию и Виргилію. Говорятъ, что онъ былъ великій художникъ, и воспринятые изъ Байрона впечатлѣнія воспроизводилъ съ необыкновенной живостью; указываютъ на байроническій *колоритъ* его сцены изъ Фауста и *Скупого рыцаря*; восхищаются необычайно художественнымъ воспроизведеніемъ Донъ Жуана. Не знаю, что хотятъ этимъ выразить, знаю только то, что Пушкинъ Байрону подражалъ и подражалъ весьма неудачно. Чтобы не повторять того, что я уже сказалъ однажды по поводу Лермонтова, я считаю достаточнымъ обратиться къ авторитету БѢлинскаго, который о пониманіи Пушкиновыхъ и вообще нашихъ поэтовъ Байрона говоритъ тоже самое. (См. соч. БѢлинскаго Т. VII стр. 18, Т. VIII стр. 277) Также самое говорить не только Добролюбовъ, но и г. Милуновъ, котораго ужъ никто, конечно, не упрекаетъ въ крайнемъ нигилизмѣ. (См. соч. Добролюбова Т. I стр. 538).

Разумѣется, за *сладкіе звуки* и неудачное подражаніе Байрону нельзя было отдѣлять Пушкина отъ легіона поэтовъ, принадлежащихъ

къ насажденной литературѣ. Но дѣло въ томъ, что у Пушкина кромя сладкихъ звуковъ и пародій на Байрона есть произведенія, въ которыхъ уже является русская жизнь, хотя еще въ очень блѣдныхъ и неясныхъ очертахъ. Вотъ *Евгенія Онегина* уже нельзя причислить къ насажденной литературѣ, потому что онъ есть созданіе русской жизни, выразившейся въ немъ. Разумѣется, еслибъ кто нибудь теперь задумалъ написать подражаніе *Евгенію Онегину*, то показалъ бы этимъ, что сходится съ Пушкинымъ только на поприщѣ насажденной литературы, потому что, какъ я уже сказалъ, жизнь требуетъ движенія и не можетъ произвести два одинакія явленія на разстояніи сорока лѣтъ. Во время Пушкина болѣе яснаго и полного созданія не могло быть; но послѣ Гоголя такое явленіе немислимо иначе, какъ въ сферѣ насажденной литературы.

Но эта не многія, истинно народныя произведенія Пушкина теряются среди его искусственно подогрѣтыхъ произведеній, къ которымъ я отношу не только *Клеветникамъ Россіи*, но и *Каменнаго гостя* и *Почной Зефиръ*, однимъ словомъ всѣ тѣ, которыя представляютъ собою или одни *сладкіе звуки*, или суть подражанія непопатымъ образцамъ запада.

Теперь намъ, конечно, легко разсуждать такимъ образомъ и отдѣлять жемчугъ отъ навоза; намъ легко разбирать, гдѣ сказала наша народная жизнь, и гдѣ выразилась чуждая ей насажденность. Намъ все это истолковывали, объясняли, передъ нами трудолюбиво и добросовѣстно пересматривали и перебирали одно за другимъ всѣ явленія русской литературы отъ Кантемира до Гоголя. Но взору Бѣлицкаго русская литература представляла собою совершенный хаосъ. Въ прошедшемъ она имѣла повидному все: процвѣтали и лира, и эпосъ, и драма; были и реформаторъ Кантемиръ и реформаторъ Ломоносовъ; и великій Херасковъ и великій Озеровъ; и мирза-Державинъ и минезингеръ-Жуковскій; былъ, наконецъ, и національный русскій писатель Фонъ-Визинъ; однимъ словомъ, вавилонское смѣшеніе языковъ. Геліи считались дюжинами и великими писателями хоть прудъ пруди. На болотѣ насажденной цивилизаціи происходили потѣшные бои чухонскаго классицизма съ чухонскимъ романтизмомъ. Та часть общества, которая ушла гораздо дальше всей этой литературы, не желала ее знать. Другая, гораздо многочисленнѣйшая, занималась службой или преферансомъ, и читала только сонники. Но на защиту ея образовалось цѣлое общество аристарховъ, съ важностью толковавшихъ о каждой строчкѣ *Во-*

депаша или Россаша; это общество учредило форменный взгляд на всю русскую литературу, существовавшую при немъ и съ яростью, какъ на профана, кидалось на каждого, пытавшагося разобрать, въ чемъ дѣло, осмыслить явления, представляемыя этой литературой.

За тѣмъ слѣдовали болѣе новыя порожденія насажденной литературы: романистъ Булгаринъ, журналистъ Гречъ, историки Карамзинъ, Полевый и безчисленная толпа поэтовъ, воспѣвавшихъ на всѣ лады Росса; и тутъ же рядомъ съ ними Пушкинъ и Грибоедовъ. Въ то самое время, когда среди литературы являлись такіе дѣтели, какъ Гоголь, она достигала величайшаго униженія, служа на потѣху праздности, мятучничеству и всевозможнымъ мерзостямъ. Въ виду всего этого представлялась странная загадка: съ одной стороны, казалось, что богатства литературы громадныя; съ другой—что ея не существуетъ: число образцовыхъ произведеній было огромно, общество же не знало и не хотѣло знать литературы. Среди массы оффиціозныхъ продуктовъ исчезали немногочисленные національныя произведенія Пушкина и другихъ. Но и эти послѣднія, какъ относились они къ жизни общества? Могли ли они прямо обратиться къ разсмотрѣнію внутренней его жизни? Могли ли они сразу объять всю сущность общества, понять его нужды и потребности, проникнуть въ его положеніе, явиться его защитниками и представителями! Понятно, что они не могли сдѣлать всего этого, не ознакомясь прежде всего съ внѣшней стороною общества. Въ началѣ имъ предстояло рѣшить вопросъ: есть ли еще у насъ общество, каково оно, гдѣ оно? Литература еще только-что родилась, надо же ей было сперва осмотрѣться, взглянуть на арену, на которой ей приходилось дѣйствовать, увидѣть того, за кого ей надо стоять и того, противъ кого придется вооружаться. Поэтому первыя произведенія ея представляютъ собою только очертаніе внѣшности русскаго общества. Въ нихъ замѣчается совершенный недостатокъ мысли, умственнаго развитія; за то они художественно, т. е. вѣрно представляютъ внѣшнія общественныя формы. Художественный элементъ, объективность не только преобладаютъ въ ней, но господствуютъ неограниченно. Какъ всегда и вездѣ въ ней искусство предшествуетъ мысли, знанію, внѣшности—содержанію, объективность—субъективности. Художественная сторона должна была имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ глубиной мысли. Картинность или, какъ говорятъ эстетика, пластичность образовъ должна была стоять на первомъ планѣ тамъ, гдѣ отсутствовало знаніе. Художественная вѣрность въ воспроизведеніи явле-

ной общественной жизни составляла тогда единственную доступную цѣль. Въ то время литература не могла заниматься ничѣмъ другимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что было общаго у нашей литературы съ европейскимъ движеніемъ? Если бѣ даже она и отдѣлялась отъ связи съ насажденною литературою, то съ какой стати, изъ за кого и въ чью пользу ей было увлекаться? Пожалуй, отъ нечего дѣлать можно написать задорные стихи; но въ сущности вѣдь только для своей потѣхи. Общественные интересы были совершенно неизвѣстны литературѣ, потому что и самое-то общество она едва лишь начала узнавать съ его внѣшней стороны. Слѣдовательно, всѣ эти Барбье, Гейне, Фурье до нея никакъ не могли касаться; для нея они были тѣмъ же, чѣмъ, напр., микроскопъ для какого нибудь новозеландца. Зачѣмъ была мысль, когда еще неизвѣстно было о чемъ мыслить? Развѣ о томъ, что бы было, еслибъ въ природѣ не было движенія? и отвѣчать самому себѣ на этотъ глубокомысленный вопросъ, что тогда «была бы слѣдующая картина:

То было тьма безъ темноты,
 То было бездна пустоты,
 Безъ протяженья, безъ границъ:
 То были образы безъ лицъ;
 То странный міръ какой-то былъ,
 Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
 Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
 Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ, и т. д.

Но разсуждать такимъ образомъ, все равно, что пальцами перебирать. Поэтому гораздо было прямѣе, естественнѣе и практичнѣе заниматься тѣмъ, что доступно, а именно внѣшней стороной жизни русскаго общества. Такъ и поступали лучшіе дѣятели тогдашней литературы, и искусство возбуждало въ то время большой интересъ и имѣло большое значеніе. Если на Барбье и Гейне смотрѣли, какъ новозеландцы смотрять на микроскопъ, недоумѣвая, на что они могутъ годиться, то Жанъ Польъ и Шлегелями занимались усердно. Тогда это было полезно, даже необходимо, и если въ наше время смѣшны ограниченные поклонники чистаго искусства, то не потому, чтобы искусство вовсе не стоило вниманія, а потому, что теперь занятіе имъ обратилось въ филистерство. Покуда искусство разсматриваютъ какъ средство, до тѣхъ поръ занятіе имъ разумно. Искусство, какъ матеріалъ

для историка имѣть большую важность; оно имѣло жизненное значеніе для афинскаго народа за 2000 лѣтъ до нашего времени, когда счастливый и богатый народъ могъ спокойно наслаждаться даровыми зрѣлищами и видомъ художественныхъ произведеній, незапрятанныхъ отъ взоровъ толпы въ галлерейхъ, а открытыхъ для каждаго. Наконецъ и въ наше время искусство можетъ имѣть жизненное значеніе, какое *Сицилійскія вечера* на брюссельскомъ театрѣ имѣли для бельгійцевъ. Но въ томъ то и дѣло, что современные поклонники искусства превращаютъ и его и самихъ себя въ муміи, проповѣдуя искусство для искусства и дѣлая его не средствомъ, а цѣлью. Они 200 лѣтъ восхищаются Венерой Милосской и 300 лѣтъ мадоннами Рафаэля, не замѣчая, что этими восторгами изрѣкаютъ приговоръ искусству. Въ самомъ дѣлѣ поклонники его говорятъ, что оно со времени грековъ не произвело ничего достойнаго стать на ряду съ Венерой Милосской или Аполлономъ Бельведерскимъ, что эти произведенія суть недосагаемые идеалы. Они говорятъ такъ въ то время, когда всѣ прочія стороны дѣятельности человѣческаго духа развиваются и совершенствуются съ каждымъ днемъ. И они правы; искусство дѣйствительно не произвело ничего подобнаго тому, что создали греки; но вѣдь это оттого, что оно можетъ какъ роскошь, какъ предметъ наслажденія, процвѣтать лишь тогда, когда нужды удовлетворены, когда народъ, создающій его, можетъ наслаждаться, потому что не страдаетъ. Въ-мѣсто того чтобы вывести такое заключеніе, поклонники искусства пишутъ стихи, въ которыхъ воспѣваютъ разныя невинныя вещи и отправляются за двѣ тысячи лѣтъ назадъ искать себѣ идеаловъ. Оттого они флестеры, оттого искусство всего менѣе доступно прогрессу.

И такъ художественность была главнымъ характеромъ нашей молодой, только-что возникшей литературы. Въ то же время, пользуясь плодами литературы насажденной, одни брали взятки съ лавочниковъ, другіе писали поздравленія съ новымъ годомъ, третьи спекулировали от-вратительнѣйшими порожденіями человѣческаго ума, но большая часть занималась тѣмъ, что Бѣлинскій называетъ «денонціаціями». Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, еслибъ кому даже и вздумалось упомянуть, напримѣръ, о Байронѣ, то онъ долженъ былъ показывать видъ, что говорить о предметѣ строго вѣтетическомъ. Такъ напр. Бѣлинскій о Байронѣ выражался такимъ образомъ:» Это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ; могучій геній на свое горе заглянулъ впередъ, и не разсмотрѣвъ за

мерцающей дымью обитованной земли будущего, онъ проклялъ настоящее и обещалъ ему вражду непримиримую и вѣчную; нося въ груди своей страданія миллионѣвъ, онъ любилъ челоуѣчество, но презиралъ людей» и т. д. Подумавши, что рѣчь идетъ о чистомъ неукротѣ, а между тѣмъ весь этотъ наборъ словъ, вотъ эти Прометей и коршунъ, все это явилось затѣй, чтобы сказать, что во время Байрона свершилось было жить на свѣтѣ.

Среди такихъ обстоятельствъ литература нуждалась въ сильномъ и смѣломъ дѣятелѣ. Онъ долженъ былъ растолковать ее самое, долженъ былъ пересмотрѣть все ея отдѣльныя явленія и произнести надъ ними приговоръ; онъ долженъ былъ уничтожить ея замкнутость въ самой себѣ, долженъ былъ разъяснить ея общественное положеніе и значеніе. Ему предстояло указать ей осмысленные пути и разумныя цѣли; передъ нимъ лежала тяжелая обязанность борьбы съ закоренѣлыми предрассудками, съ авторитетами, защищаемыми толпою озлобленныхъ аристарховъ, съ лизоблюдствомъ, низбопоклонствомъ и демагогіею, заставлявшими краснѣть русскую литературу. Изъ беспорядочной кучи матеріала ему слѣдовало соадать исторію прошедшаго этой литературы, потому что, только узнавъ свое прошедшее, она могла твердо стоять въ настоящемъ и видѣть цѣли въ будущемъ. Трудъ былъ огромный, требовавшій большихъ силъ.

Теперь посмотримъ—каково было общество. Оно представляло себѣ зрѣлище въ высшей степени печальное и тяжелое для посторонняго наблюдателя: огромное большинство его было погружено въ апатию и не подавало никакихъ признаковъ челоуѣческой жизни. Интересы его поглощались служебными обязанностями и картами; впрочемъ обывательскій классъ его нечего и распространяться: онъ слишкомъ вѣрно переданъ намъ Гоголемъ и его последователями, чтобы можно было еще что нибудь прибавить къ ихъ описанію. Для насъ теперь гораздо зачатѣльнѣе та небольшая частица его, которая жила челоуѣчною жизнью, была способна мыслить и вдумываться въ положеніе общества, которая желала преслѣдовать высшія цѣли и имѣла лучшіе интересы. Состояніе этой части общества было также незавидное. Она развивалась подъ вліяніемъ запада такъ быстро и широко, что не только опережала остальное общество, но и всю литературу. Это раннее развитіе было для этихъ людей источникомъ несчастія: цѣлая бездна отдѣляла ихъ отъ своихъ современниковъ, отъ той среды, въ которой они, по крайней мѣрѣ, физически, если не умственно должны были жить. Бѣда ихъ состояла не

только въ томъ, что они осуждены были жить среди чужихъ имъ людей, но главнымъ образомъ въ томъ, что развитіе не только не дало имъ возможности какъ нибудь дѣйствовать, но сдѣлало ихъ людьми совершенно лишними, ненужными, бесполезными. Если они могли смотрѣть на окружающее ихъ съ презрѣніемъ; то на нихъ самихъ смотрѣли, какъ на людей праздныхъ и ни къ чему негодныхъ. Они, какъ говорится, отъ своихъ отстали, а къ другимъ не пристали. Вблизи для нихъ не существовало ни интересовъ, ни симпатій. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли они интересоваться русской литературой, когда были знакомы съ иностранными? Могъ ли ихъ удовлетворить Пушкинъ, когда они знали Байрона? Не должна ли была казаться имъ вся русская литература мелкой, когда умъ ихъ былъ занятъ Гегелемъ? Тогда въ русской литературѣ была мода упрекать высшіе классы въ томъ, что они пренебрегаютъ ею. Но что могло въ ней привлекать къ себѣ вниманіе людей, сочувствовавшихъ Байрону, понимавшихъ Гете, читавшихъ Беранже, проникнутыхъ идеями Гегеля? Но если они имѣли право смотрѣть свысока на своихъ современниковъ, то и эти послѣдніе имѣли право смѣяться надъ мечтателями, забывавшими дѣйствительность, окружающую ихъ, увлекаясь чуждымъ достоинствомъ, посторонними интересами. Для людей, оставшихся при своемъ, они должны были казаться въ высшей степени непрактичными, бесполезными, годными для вздоховъ и оховъ о томъ, что дѣйствительность не такова, какою бы они желали ее видѣть. Съ жѣланиемъ самодовольствіемъ они, какъ андерсеновскія курицы, насмѣшливо смотрѣли на залетѣвшихъ въ ихъ клевъ аистовъ. Они смѣялись и злобствовали, слушая ихъ мечты о далекой Африкѣ и считали ихъ чуть не сумасшедшими, когда они не хотѣли вѣстать съ ними рѣчь въ старомъ клѣвѣ. Этотъ разладъ весьма по развитію слоя общества съ истиннымъ отражается во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ нашей литературы, отъ *Горе отъ Ума* до *Рудина*, и по типамъ Чацкихъ и Рудиныхъ мы можемъ судить, что этотъ разладъ имѣлъ печальныя послѣдствія для обонхъ сторонъ. Если толпа казалась скучной и пошлой, то и передовые люди вслѣдствіе ложнаго положенія, въ которомъ находились, являюся смѣшными и неспособными не только къ безплодной дѣятельности, но къ какой бы то ни было. И Чацкій, котораго съ восторгомъ восхваляетъ Грибоедовъ, и Рудинъ, котораго съ нѣжностью осуждаетъ Тургеневъ, являюся намъ съ одной стороны симпатичными и благородными страдальцами, а съ другой—смѣшными и бесполезными болтунами; они не принесли пользы ни себѣ, ни другимъ, но за то

принесли положительный вред обществу, расплодивъ толпу мелких и жалкихъ личностей, по натурѣ и развитію принадлежавшихъ къ типу Фамусовыхъ и Сколозаубовъ, но находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобы драпироваться въ страданіе Чацкихъ. Таковы Онегинъ и Печоринъ, таковы сами Пушкинъ и Лермонтовъ. Имъ въ людяхъ высшаго развитія бросилась въ глаза одна только внѣшность; имъ нравился наружный видъ ихъ страданія, и вотъ они принялись пародировать ихъ. Но при всей охотѣ имъ нельзя было передѣлать свои натуршкн; внѣшность они усвоить могли и усвоили, а дальше имъ забираться не хотѣлось, и нельзя было. И что же вышло? Подражатели пропагандиста Чацкаго и неудавшагося общественнаго дѣятеля—Рудина являлись не болѣе, какъ селадонами, прельцавшими трагическимъ видомъ сердца разныхъ барышень. Вотъ на что пошло высокое развитіе Чацкихъ, вотъ какіе дало оно плоды. Гегели и Байроны, волновавшіе ихъ умы, въ обществѣ разродились Печоринными, наряжавшимися въ черкесское платье для пуцаго трагизма; вліяніе ихъ можетъ быть еще и теперь гдѣ нибудь выражается въ видѣ армейскаго юнкера, поющаго *черную-шалъ*. Исторія нашей литературы даетъ намъ превосходный примѣръ того, что человекъ, стоявшій на высокой степени развитія, обладавшій огромными способностями, являясь на единственномъ нашемъ общественномъ поприщѣ, въ литературѣ, дѣлалъ то же самое, что Чацкій въ обществѣ Фамусова; вспомнимъ громовосамыя обличенія, огненное проклятiе, вырвавшееся изъ груди Чаадаева. Но къ чему послужилъ такой взрывъ великихъ силъ, вылившихся въ благороднѣйшемъ негодованіи? Къ чему послужила пламенная рѣчь Чаадаева, карающаго новое идолопоклонство? Общество въ курьезномъ самодовольствіи въ отвѣтъ на обличительныя слова принялось ихивать и отнеслось къ обличителю, какъ общество Фамусовыхъ къ Чацкому. Грибоѣдовъ за вѣсколько лѣтъ предсказалъ этотъ результатъ и предсказаніе его сбылось слово въ слово, и это уже показываетъ, что фактъ этотъ не былъ случайнымъ, а вышелъ какъ неизбежное слѣдствіе изъ данныхъ условій. Другого результата не могло выйти изъ столкновенія такой личности съ современнымъ ему обществомъ, и приговоръ, постигшій ее, служить величайшей апофеозой геніальности Грибоѣдова. Но если Грибоѣдовъ вѣрно понималъ взаимныя отношенія передовыхъ людей и общества, если онъ съ математическою точностью вычислилъ слѣдствія такихъ отношеній, то субъективный взглядъ его на нихъ не совсѣмъ можетъ быть принятъ нами.

Грибоѣдовъ воспѣвалъ Чацкаго въ то время, когда онъ еще не выродился въ Печоринныхъ, когда отъ него еще можно было чего нибудь ожидать, когда бесполезность, неумѣтность его еще не была ясна. Поэтому онъ беретъ его сторону, онъ восхищается имъ и, прославляя его, негодуетъ на общество. Если мы хотимъ научиться вѣрно смотреть на эти отношенія, то должны обратиться къ Тургеневу; здѣсь симпатія къ Рудиннымъ не мѣшаетъ строгому и безошадному приговору надъ ними, потому что уже ясно стало, что аномаліи, подобныя ему, не имѣютъ значенія для жизни общества. Дѣйствительно, если нельзя обвинять Чацкихъ за то, что имъ было душно среди современнаго имъ общества и что они выражали свое страданіе въ укоракъ и обличеніяхъ, направленныхъ противъ него, то и общество нельзя обвинять за его отчужденіе отъ передовыхъ людей. Если передовые люди глумились жизнью общества и презирали его, то и общество имѣло право игнорировать ихъ самихъ и ихъ гегелизмъ, потому что ему нужны были люди, которые бы научили его азбукѣ, а не метафизикѣ. Имѣніе общества о Чацкихъ и его хихиканье надъ ними было весьма естественно, потому что будь оно другое, слушай оно Чацкаго съ восторгомъ, тогда бы вѣдь и онъ не произносилъ своихъ ѣдкихъ монологовъ, тогда и онъ былъ бы совсѣмъ другимъ.

Такой разладъ между обществомъ и его лучшими членами не могъ продолжаться долго: примиритель долженъ былъ явиться. Такое примиреніе или, лучше сказать, насильственное разрѣшеніе вопроса пыталась сдѣлать наши славянофилы. Видя разладъ между невѣжественнымъ, апатичнымъ обществомъ и его немногими членами, воспринявшими западную цивилизацію, они думали уничтожить этотъ разладъ, уничтоживъ послѣднихъ. Замѣчая, что сближеніе съ западными идеями, наукою, философіею влечетъ за собою враждебныя отношенія къ своимъ домашнимъ, они возставали на все это во имя родной лѣтні, апатіи и мрака. Чтобы избѣжать временнаго неудобства, они хотѣли замкнутости и неподвижности. Подобное разрѣшеніе вопроса отличалось чисто китайскимъ характеромъ. Такъ могли рассуждать только люди, преблуждавшіеся по образу мыслей къ тѣмъ китайскимъ бовзамъ, которые, приписывая бѣдствіе государства во время паденія Соновъ ихъ сношеніямъ съ иностранцами, запирали для послѣднихъ двери своей страны и повторяли тоже самое при новыхъ временныхъ политическихъ невзгодахъ, ознаменовавшихъ собою паденіе Миновъ. Какой результатъ вышелъ изъ такого образа дѣйствій—извѣстно каждому: уничтожить цивилизацію—

еще не значить доставить ее народу, и такое разсѣченіе гордиева узла было бы плохимъ средствомъ окончить временныя неудобства. Однако мы можемъ судить, до какой степени въ самомъ дѣлѣ тяжелъ былъ этотъ разладъ, если такое китайское мифіе могло не только найти многочисленныхъ приверженцевъ, но и удержаться до сихъ поръ. Но неудачныя попытки разрѣшить вопросъ, обыкновенно, еще болѣе затемняютъ его. Такъ случилось и здѣсь: людей образованныхъ славянофиловъ не могли заставить отказаться отъ всего, что имъ было дорого, отъ всего, сдѣлавшагося ихъ кровнымъ достояніемъ и необходимымъ, какъ воздухъ и пища, безъ чего они бы чувствовали себя, какъ въ тюрьмѣ; они не могли убѣдить ихъ отказаться изъ уваженія къ географической широтѣ и долготѣ мѣстопребыванія, — отказаться отъ науки и искусства для невѣжества, отъ всѣхъ идей философскихъ и политическихъ для самоваровъ и водки, отъ всей нравственной жизни для ожиренія пирога на лежанкѣ. Съ другой стороны, они не могли способствовать разсѣянію невѣжества тѣмъ, что возводили его въ систему, въ принципъ, въ догматъ; они не могли заставить предпочитать науку западной наукѣ, хотя и воспевали ее устами Языкова, поэта, наиболее пріятнаго для откупщиковъ.

Я выше упоминалъ о внѣшнихъ препятствіяхъ, представлявшихся развитію литературы. Теперь съ появленіемъ славянофиловъ тѣ же препятствія являлись дѣйствительно самой. Собственно всѣ внѣшнія преграды препятствуютъ только просвѣщенію, потому что для существованія ихъ опасно лишь одно оно; чтобы они ни дѣлали, но въ концѣ концовъ видна всегда одна цѣль — задержать развитіе общества. Славянофилы имѣли ту же цѣль, но являсь среди самой литературы, были вслѣдствіе этого еще вреднѣе. Въ нихъ дѣйствіемъ находили самыя вѣрныя соманиковъ, хотя явной связи между ними не было; но за то желанія славянофиловъ опережали самыя рѣшительныя мѣры, шедшія навстрѣчу. Поэтому человекъ, которому бы выпалъ на долю тяжкій трудъ окончить разладъ въ обществѣ, встрѣчалъ въ нихъ грозное препятствіе своимъ усиліямъ, и ему приходилось бороться не съ простымъ невѣжествомъ, а съ самодовольствомъ, не съ конкретными препятствіями только, а еще съ сопротивленіемъ, возведеннымъ въ догматъ.

Разладъ не могъ продолжаться, нелѣпыя попытки прекратить его только услали его. Общество не могло долго находиться въ такомъ положеніи. Обстоятельства призывали такого человека, который бы, будучи врагомъ невѣжества, какъ простодушнаго, такъ и самодовольнаго,

понималъ бы въ то же время непрактичность людей образованныхъ; онъ долженъ былъ, принадлежа по всему къ послѣднимъ, быть нечуждымъ и остальному обществу. Черезъ это онъ могъ быть снисходительнѣе къ нему, болѣе практиченъ и способенъ къ прямой и цѣлесообразной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы разражаться упреками обществу за его тупость и неразвитіе, онъ долженъ былъ самъ снисходить до общества, понимая, что ему легче это сдѣлать, чѣмъ обществу подняться до него. Терпѣливо и снисходительно долженъ былъ онъ учить общество азбукѣ, не мечтая о томъ, чтобы оно могло сразу сдѣлаться развитымъ и гуманнымъ, а передавая ему, одно за другимъ, самыя элементарныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ, самоуваженіи, презрѣніи ко всему сѣбяищуему и унижающему его. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, примирить общество съ своими передовыми людьми и въ то же время возвысить его изъ апатіи, въ которой оно находилось, возвысить къ человѣчнымъ идеямъ и цѣлямъ. Наконецъ, славянофилы накладывали на него новую обязанность, энергически вставать противъ самодовольнаго невѣжества, догматической карантинной системы, противъ мрака и грязи, возведенныхъ въ принципъ.

Такимъ образомъ и въ литературѣ, и въ обществѣ ощущалась потребность въ дѣятелѣ, исполненномъ сочувствія къ своимъ невѣжественнымъ современникамъ, который разъяснилъ бы имъ, съ одной стороны, ихъ собственное положеніе, ихъ прошедшее, настоящее и будущее, а съ другой, сдѣлалъ бы доступнымъ для ихъ пониманія то, что такъ мелко проповѣдывали имъ Чацкіе.

Для такого дѣятеля тогда существовало лишь одно поприще, на которомъ онъ могъ принести непосредственную пользу—литература, и совершить дѣло это явился Бѣлинскій, между тѣмъ какъ Станкевичи и Грачевскіе дѣйствовали на отдѣльныя личности общества.

КРАТКАЯ БѢЛИНСКАГО.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ Бѣлинскій развилъ вышамую ему на долю задачу относительно общества, взглянемъ на вышнюю сторону его литературной дѣятельности.

Я уже показалъ, какія причины обуславливали преобладаніе художественной формы надъ мыслию въ литературѣ, современной Бѣлинскому. Я показавъ также, каковы были условія какъ внутреннія, такъ и вѣшнія, при которыхъ существовала эта литература. Безъ сомнѣнія тѣ же условія вліяли и на критику.

И дѣйствительно критика Бѣлинскаго вполне художественна и представляетъ собою лучшій образецъ эстетической критики. Никто ни изъ современниковъ его, ни изъ позднѣйшихъ писателей не обладалъ въ большей степени пониманіемъ художественнаго, никто не могъ такъ хорошо оцѣнить и разобрать произведеніе съ эстетической точки зрѣнія. Его художественный тактъ и его нелицепріятіе — равно изумительны. Достаточно указать на его огромный разборъ произведеній Пушкина, гдѣ онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за литературной дѣятельностью поэта и проникаетъ въ самыя сокровенныя движенія ея. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій онъ подтруниваетъ надъ Батюшковымъ за его критическія статьи: «Какъ хорошо это мѣсто! какой чудесный этотъ стихъ! какое живое описаніе представляетъ собою эта глава — вотъ характеръ критики Батюшкова,» говоритъ онъ. Но вотъ образецъ его собственной критики, вотъ что онъ самъ говоритъ по поводу извѣстныхъ стиховъ Пушкина: *Ночной зефиръ*. «Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной вѣтгою и желаніемъ головою обольстительной испанки? Звукъ серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звукъ серенады, полной томленія и страсти, которую лѣниво слушаетъ прекрасная испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впитывая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи? Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эфиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго (а не стоящаго?) Гвадалквивира?.. Что это — поэзія, живопись, музыка? Или то и другое и третье, слившееся въ одно, гдѣ картина горитъ звуками (!!!), звуки образуютъ картину, звучатъ гармонією и выражаютъ разумную рѣчь? Что такое первый куплетъ, повторяющійся на серединѣ піесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада — голосъ безъ словъ (?), который слышите всякихъ словъ?»

Вотъ образчикъ эстетической критики, называющей звучныя слова и риторическіе обороты, въ которыхъ трудно отыскать какойнибудь

смыслъ. Въ критикѣ такого рода вся разница между Батюшковымъ и БѢлинскимъ ограничивается тѣмъ, что первый критиковалъ писателей насажденной литературы, а БѢлинскій имѣлъ дѣло съ настоящей русской литературой. Поэтому Батюшкову приходилось ограничивать свои восторги: восхищаясь удачнымъ расположеніемъ словъ: *стонеть, угасть и умерь* въ стихахъ такого рода:

Иный, отъ сильнаго удара убягая,
Стремглавъ напизъ слетѣлъ и *стонеть* подь конемъ.
Иный, пронаезъ, *угасть*, противника сражая,
Иный врага повергъ и *умерь* самъ на немъ.

Между тѣмъ БѢлинскій могъ доходить до величайшихъ эстетическихъ тонкостей, потому что стоялъ передъ Пушкинымъ, изобиловавшимъ несравненно большими красотою, чѣмъ предметъ восторговъ Батюшкова.

Художественность, гдѣ бы онъ ее ни встрѣтилъ, находила въ немъ самаго жаркаго поклонника, и онъ съ радостью ломалъ за нее копы съ темными рыцарями Телескопа и Сѣверной Пчелы. Безобразію же въ эстетическомъ отношеніи онъ! объявилъ непримиримую войну, и ничто не спасало автора, нарушившаго условіи искусства, отъ его преслѣдованія. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо сказалъ, что «безъ всякаго сомнѣнія искусство должно быть прежде всего искусствомъ, а потомъ уже можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ известную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями», продолжаетъ онъ, «ни было наполнено стихотвореніе, какъ сильно ни отзывалось бы оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи—въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросов... Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства». Вотъ эти-то законы искусства и были суперъ-арбитромъ критики БѢлинскаго. Чтобы составить себѣ понятіе о нихъ, надо обратиться къ самому БѢлинскому. Онъ намъ скажетъ, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ и что «безъ искусства никакое направленіе гроша не стоитъ». Даже мы узнаемъ отъ него, что безъ искусства не можетъ ничего сдѣлать даже ученый, потому что и историкъ не можетъ обойтись безъ фантазіи. Съ этимъ мнѣніемъ можно и не согласиться: ученый не только можетъ, но даже прекрасно сдѣлаетъ, если обойдется безъ фантазіи. Фантазія есть неразвившійся умъ, и слѣдовательно предпочтительнѣе такіе ученые, у

которых она же разлагается. Это мнѣніе пошлѣнному раздѣляетъ и Бѣлинскій; онъ неоднократно говорилъ, что мысль убиваетъ поэзію или по крайней мѣрѣ стѣсняетъ искусство. Такъ въ 8 томѣ (стр. 514) онъ говоритъ безъ обиняковъ, «что душа поэзіи не можетъ безъ ущерба для себя обратиться къ воспроизведенію крестьянскаго быта». Это доказываетъ намъ, что поэзіей онъ считалъ преимущественно описаніе любви соловья къ розѣ, потому что даже не допускалъ возможности явленія такой поэзіи, какова поэзія Некрасова. Въ XI томѣ (стр. 357) онъ говоритъ, что нерѣдко гениальные поэты, взявшись за рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, производятъ вещи, лишеныя художественнаго достоинства, а такъ какъ выше было сказано, что направленіе безъ искусства гроша не стоитъ, то и произведенія, занимающіяся разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, также гроша не стоятъ. А это, разумеется, ничѣмъ другимъ объяснить нельзя, какъ тѣмъ, что мысль пагубна для поэзіи, потому что развитіе ея убиваетъ источникъ поэзіи — фантазію. Послѣ такого результата уже не можетъ быть и рѣчи о сравненіи «политико-экономна, доказывающаго числами» и «поэта, показывающаго образами и картинками». Первый — взрослый, мыслящій человекъ; второй — дитя. И такъ совершенно вѣрно по Бѣлинскому, что гениальные поэты рождены лишь

. . . Для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ 8 томѣ Бѣлинскій самъ развиваетъ передъ нами обязанности критики. Чтобы пронаести сужденіе о поэтѣ, по его мнѣнію, надо совершить прежде великій подвигъ. Надо забыть о самомъ себѣ и обо всемъ мірѣ, забыть даже объ изучаемомъ поэтѣ — и только послѣ такого полного забвенія, больше котораго, вѣроятно, не желалъ бы и самъ Манфредъ, «можно войти въ міръ творчества поэта». Войдя въ этотъ міръ надо «проникнуть въ сокровенный духъ поэзіи его, «уловить тайну его личности» и произвести много другихъ фанусовъ. Послѣ этого можно удаляться отсюда и снова вспомнить и себя, и поэта, и земную юдоль. Для совершенія всего этого нельзя взять, да прочитать сочиненія поэта: тогда это могъ бы всамый сдѣлать, а гдѣ известно, что судика и уразумѣніе поэтовъ составляютъ монополию эстетической критики. Прочитать сочиненія недостаточно, а надо «переживать, пережить ихъ, переболѣть всеми ихъ болѣзнями, переиспытать ихъ скорбями, переблаженствоваться ихъ радостью, ихъ тор-

жестовъ, дѣхъ надеждами». Чтобы изучить Байрона надо сперва сдѣлаться на некоторое время «байронистомъ», — Гете — «геттистомъ», Шиллера — «шиллеристомъ». После этого можетъ ли кто претендовать на пониманіе всѣхъ этихъ господъ? Въдѣ только эстетическіе критики могутъ совершать такой подвигъ, на который у обыкновеннаго человѣка не хватаетъ и досуги жданей, ибо поэтось — что песку на днѣ морскомъ.

Бѣлинскій въ своей критикѣ является настоящимъ жрецомъ искусства. На алтарь художественной критики онъ приноситъ свои восторги надъ произведеніями разныхъ поетовъ, и нельзя не удивляться иногда, до какихъ странностей доходятъ у него эти восторги.

Вотъ, напримеръ, мѣра, которой онъ мѣрилъ художественность стихотворенія:

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,

Съ непокрытымъ, съ открытымъ лицомъ.

Выписавъ эти стихи, онъ выражаетъ полнѣйшій восторгъ не мыслію, выраженной въ нихъ (въ мысли нѣтъ ничего особеннаго), а чѣмъ бы вы думали? — «повтореніемъ одного и того же слова съ незначительнымъ грамматическимъ измѣненіемъ!» Онъ находитъ въ этихъ стихахъ «какой-то безопасно-знаменательный смыслъ!» Нельзя не вспомнить при этомъ восторги Батюшкова надъ разставкой словъ: *стонеть, угасть и умереть*, восторги, надъ которыми почему-то издѣвался Бѣлинскій. Точно также онъ восхищается стихотвореніемъ Пушкина «*Для береговъ отчизны дальней*» и находитъ, что «въ нихъ заключена мелодія души и сердца, непереводаемая на человѣческій языкъ», какъ будто стихотвореніе это написано языкомъ не человѣческимъ. Далѣе онъ выписываетъ изъ какой-то пѣснь Жуковскаго два куплета, содержащіе обыкновенную сахарную водичку, которую этотъ пѣтъ употреблялъ вместо чернилъ, и утверждаетъ, что видѣть въ нихъ «вонь страшно потрясенной души, голось растерзаннаго, истекающаго кровью сердца». При этомъ нельзя не замѣтить, что если эстетическая критика и представляетъ много данныхъ для уразумѣнія высшей красоты поэмъ, то не даетъ ничего для пониманія самого поэта. Иначе Бѣлинскій никакъ бы не могъ заподозрить Жуковскаго въ издѣваніи «волей странно потрясенной души и растерзаннаго, истекающаго кровью сердца». Душа пѣты была безмятежна, и далека отъ всякихъ воплей. Но Бѣлинскій въ качествѣ эстетическаго критика видѣлъ въ стихахъ

не стихи, а нѣчто неизяснимое, чего простые смертные понять не могутъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что приписываетъ большую цѣну переводамъ Батюшкова двѣнадцати маленькихъ піесокъ изъ греческой антологіи и прибавляетъ, что только эстетика могутъ понять, почему онъ приписываетъ имъ эту цѣну. Конечно, только эстетика могутъ понять или написать такую вещь, какъ *Мѣдный всадникъ* и только эстетика могутъ восхищаться такою вещью. Въ *Мѣдномъ всадникѣ* у одного господина утонула невѣста во время петербургскаго наводненія 1824 г. Господинъ этотъ, не зная на комъ сорвать горе, обращается съ упреками къ статуѣ Петра, но до того ужасается своей дерзости, что сходитъ съ ума и, обращаясь въ бѣгство, слышитъ за собой

Какъ будто грома грохотаніе,
Тяжело звонкое скаканіе
По потрясенной мостовой.

Нельзя не сказать, что герой этой поэмы любилъ доискиваться до причины причинъ: невѣста утонула въ наводненіи, наводненіе случилось отъ изменности мѣста, на которомъ выстроенъ Петербургъ, мѣсто выбиралъ Петръ, — слѣдовательно главный виновникъ несчастія онъ и есть. Неудивительно, что въ помѣшанномъ состояніи человекъ разсуждаетъ такимъ образомъ, неудивительно даже, что поэтъ, принадлежащій на этотъ разъ къ насажденной литературѣ, избралъ такой способъ для прославленія насадителя, доставивъ ему торжество напугать своею статуей сумасшедшаго,—но странно на первый взглядъ кажется то, что этимъ восхищается Бѣлинскій. Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, можетъ кому нибудь придти въ голову мысль обвинять или оправдывать Петра за то, что онъ построилъ Петербургъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ? Но Бѣлинскій не обвиняетъ и не оправдываетъ: онъ просто приноситъ дань эстетическихъ восторговъ на поэтическій алтарь Пушкина. Тоже самое онъ дѣлаетъ, когда говоритъ, что придетъ время, когда творенія Пушкина будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство русскаго люда. Вспомня, что въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ, что въ сочиненіяхъ Пушкина мало мысли, мы можемъ пожалуй удивиться, почему онъ думаетъ, что по немъ будетъ развиваться нравственное чувство. Но мы знаемъ, что называютъ эстетика *нравственнымъ* и перестаемъ удивляться. Для тѣхъ, которые не знаютъ ничего на счетъ эстетической

нравственности, я приведу одно мѣсто изъ сочиненій Бѣлинскаго, гдѣ понятіе о ней выражено съ наибольшимъ откровенностію и полнотою.

Въ 8 томѣ онъ излагаетъ постепенное развитіе понятія о любви въ разные времена и у разныхъ народовъ. Сказавъ, что на востокѣ любовь имѣла чисто плотскій, половой характеръ, онъ начинаетъ говорить о древне-греческомъ взглядѣ на любовь и находить, что онъ былъ выше восточнаго, потому что у грековъ любовь имѣла основаніемъ не половое влеченіе, а понятіе о красотѣ. «Греки», говоритъ онъ (VII), 154), «обожали въ женщинѣ красоту, а красота уже порождала любовь и желаніе; слѣдовательно любовь и желаніе были уже результатомъ красоты. Отсюда понятно, какъ у такого нравственно-эстетическаго народа, какъ греки, могла существовать любовь между мужчинами, освященная мифомъ Ганимеда,—могла существовать не какъ крайній развратъ чувственности (единственное условіе подъ которымъ она могла бы являться въ наше время), а какъ выраженіе жизни сердца».

Было бы не справедливо удивляться такимъ словамъ Бѣлинскаго: онъ былъ не болѣе, какъ послѣдователенъ. Я уже сказалъ, что такъ какъ въ литературѣ преобладало одностороннее развитіе художественной стороны, то и критика должна была быть прежде всего эстетическою. Но дѣло въ томъ, что Бѣлинскій, какъ сильный и строгій умъ, доходилъ во всемъ до послѣднихъ границъ развитія, возможнаго въ то время; онъ не могъ, будучи эстетическимъ критикомъ, ограничивать себя умиленіемъ надъ красотами слога въ *Ночномъ зефирѣ*; будучи эстетикомъ, онъ былъ имъ вполне и доходилъ до Антросовъ. Состояніе тогдашней литературы, а еще болѣе вліяніе Гегеля, котораго онъ зналъ только какъ эстетика, сдѣлали его самого эстетикомъ, и онъ усвоилъ себѣ не внѣшніе только приемы эстетической критики, но вполне проникся самымъ принципомъ художественности и не останавливался уже ни передъ какими выводами. А что такое эстетическій принципъ, какъ не раздражительная чувственность, какъ не *irritatio spinalis*, возведенное въ перлъ созданія? Что это такое, какъ не стариковская похотливость, гаденькій безсильный развратъ? Прежде, по крайней мѣрѣ, во времена Нероновъ и Гелиогабаловъ, онъ имѣлъ болѣе жизни, былъ грандіозенъ и поражалъ своимъ чудовищнымъ безстыдствомъ. Вспомнимъ неистовыя оргіи императора-артиста, мѣнявшаго престолъ на арену, скипетръ на лиру. Въ его публичныхъ бракахъ мы [видимъ эстетическій принципъ, выраженный съ наибольшимъ полнотою и послѣдо-

вательностью. Но жалкіе эстетика XIX вѣка уже не могутъ возвыситься до такой грандіозности въ развратѣ; они тщедушнѣе и лимфатичнѣе и не имѣютъ власти, которая бы позволяла имъ заставлять цѣловать отъ ужаса общественное мнѣніе. Большая часть ихъ даже слишкомъ мелки для того, чтобы доводить до крайняго выраженія свой принципъ, для того, чтобы прямо высказаться и объясниться!

Вому послѣднія, приведенныя мною слова Бѣлинскаго, не нравятся, тотъ пусть вспомнитъ, что еслибы онъ не имѣлъ этой послѣдовательности въ эстетическомъ взглядѣ; то онъ бы и на другихъ путяхъ остановился на полдорогѣ. Сильныя умы именно тѣмъ и отличаются, что доходятъ во всемъ до крайнихъ результатовъ; видятъ самыя послѣдніе выводы какаго нибудь принципа; поэтому они одни могутъ сдѣлать что нибудь, идя по прямой дорогѣ; они же за то доходятъ и до абсурдовъ, сбившись съ пути. Разумѣется, г. Анненковъ; или всякій другой не имѣлъ бы духу высказаться такъ рѣшительно, обвинивъ Ганимеда—*выраженіемъ жизни сердца*. Но за то ни одинъ изъ этихъ господъ не могъ бы совершить въ другихъ отношеніяхъ того, что сдѣлалъ Бѣлинскій, и къ разсмотрѣнію чего мы теперь обратимся.

Значеніе Бѣлинскаго въ литературѣ и обществѣ.

У Бѣлинскаго внѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столько же необходимо, какъ ѣсть и пить.

Добролюбовъ (т. II. стр. 416).

Я съ намѣреніемъ такъ долго остановился на эстетическомъ характерѣ критики Бѣлинскаго, чтобы показать, въ какихъ узникахъ рождался ему приходилось дѣйствовать. Напрасно мы стали бы искать во всѣхъ 12 томахъ его сочиненій чего нибудь кромя разбора литературныхъ

произведеній съ эстетической точки зрѣнія; напрасно мы старались бы открыть въ немъ публициста или сатирика. Послѣ того, что онъ самъ сказалъ намъ, что въ искусства нѣтъ спасенія, мы и не можемъ претендовать въ немъ на что нибудь другое. Но тѣмъ болѣе поражаетъ насъ сила и богатство ума этого дѣятеля; тѣмъ болѣе удивляемся мы ему; видя, какое великое дѣло совершилъ онъ, не смотря на то, что дѣйствовалъ въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ.

Разбираетъ ли Бѣлинскій Ломоносова или Державина; судитъ ли о Кантемирѣ или Пушкинѣ; толкуетъ ли о Жуковскомъ и Озеровѣ; все эти разсужденія носятъ на себѣ характеръ эстетической критики. Никогда не начинаетъ онъ судить по литературѣ объ обществѣ, никогда изъ предѣловъ критики не переходитъ въ область политическихъ вопросовъ: онъ ограничивается разсмотрѣніемъ художественнаго достоинства произведеній разбираемаго писателя и его отношеній къ предшествующей ему и слѣдующей за нимъ литературѣ. Но изъ ряда этихъ эстетически-критическихъ разборовъ, часто нелѣпыхъ и мелочныхъ въ частностяхъ, иногда напоминающихъ Батюшкова и г. Анненкова, у Бѣлинскаго создается цѣлая исторія русской литературы. Въ его время это было самой ближайшей задачей, потому что необходимо было узнать свое прошедшее, чтобы вѣрно судить о настоящемъ, и видѣть передъ собою цѣль въ будущемъ. Бѣлинскій разрѣшилъ задачу, что стоило ему много тяжелаго и неблагодарнаго труда, и этимъ сдѣлалъ доступнымъ для русской литературы прогрессъ въ будущемъ. При этомъ ему приходилось бороться съ самыми грубыми предразсудками и стаскивать съ пьедесталовъ героевъ, которыхъ защищали съ отчаяніемъ люди, пользовавшіеся въ то время значеніемъ и вѣсомъ въ литературѣ. Одна попытка его свести съ пьедестала величія и гениальности калмыцкаго божка Державина повлекла за собой ожесточенныя нападки на него аристарховъ. Но хотя по временамъ борьба эта становилась для него трудною, особенно, когда доходило до того, что противники обращались для его пораженія къ денонціациямъ, тѣмъ не менѣе дѣло было сдѣлано, и его повидимому невинный эстетическій разборъ сильнѣе поражалъ литературныхъ божковъ, чѣмъ бы могли въ то время сдѣлать самыя грозныя филиппики. Не смотря ни на какія средства, къ которымъ прибѣгали поклонники божковъ, они потерпѣли пораженіе, и скоро мнѣнія и приговоры ихъ подверглись осмѣянію. Между тѣмъ сужденія Бѣлинскаго были приняты всѣми, и созданная имъ исторія русской литературы преподается теперь во всевозможныхъ

учебникахъ и руководствахъ, мало-мальски претендующихъ на удобочитаемость.

Конечно, теперь рутинеры сдѣлали съ Бѣлинскимъ то, что всегда дѣлаютъ съ замѣчательными дѣтелями: они возвели его въ авторитетъ, и смотрять, какъ на святотатство, на каждую попытку подвергнуть пересмотру приговоры Бѣлинскаго. Они въ своемъ уваженіи къ нему забываютъ его главное, можно сказать, достоинство,— способность видѣть свои промахи, когда время укажетъ ему ихъ. Онъ всегда былъ готовъ отказаться отъ своего взгляда, если убѣждался въ его несправедливости и, какъ извѣстно, не могъ равнодушно видѣть свои первые статьи, которыя, какъ бы на зло ему, напечатаны въ первыхъ томахъ собранія его сочиненій. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что онъ бы измѣнилъ теперь многія изъ своихъ рѣшеній, но рутинеры на то и рутинеры, чтобы приводить къ схоластикѣ воззрѣнія какого угодно великаго человека.

Создавъ критику прошедшаго русской литературы, Бѣлинскій сильно содѣйствовалъ этимъ успѣху нашей мысли; не менѣе сильно было влияніе его и на ея настоящее. Не выходя изъ предѣловъ эстетической критики или даже преднамѣренно спускаясь до роли простого собирателя фактовъ изъ дѣятельности мудрой и ученой россійской академіи, онъ самымъ убійственнымъ образомъ обличалъ передъ обществомъ и передъ самой литературой ея мелочность и господствующія въ ней явленія въ родѣ фельетоновъ Бугарина, и совершенный застой и мертвенность царствующіе въ ней. Въ тоже самое время онъ проповѣдовалъ о прекрасномъ, о высокомъ, о благородномъ, о свободномъ, и хотя дѣло повидимому шло не болѣе какъ о поэзіи или музыкѣ, но эти идеи были спасеніемъ для литературы, преданной гниенію, и для общества, которое, слушая его, начинало смутно сознавать, что есть еще нѣчто высшее, чѣмъ карты и канцеляріи.

Но не въ этомъ еще главная заслуга Бѣлинскаго. Самое доброе дѣло, совершенное имъ, состоитъ именно въ примиреніи общества съ образованностью, въ уничтоженіи того разлада, о которомъ я говорилъ выше. Я уже привелъ одинъ примѣръ того, какимъ образомъ Бѣлинскій умѣлъ говорить обществу подъ видомъ эстетической критики о вещахъ, будившихъ его отъ летаргическаго сна. Говоря о художественныхъ красотахъ Байрона, упоминая о Прометѣй и коршунѣ, онъ этимъ самымъ доводилъ общество до сознанія. Или, восхищаясь эстетически стихами, гдѣ изображается невообразимое состояніе природы, лишившейся движенія,

онъ даетъ чувствовать читателю всю тяжесть и невыносимость такого положенія, когда человѣкъ осужденъ на бездѣйствіе, на неподвижность, когда его со всѣхъ сторонъ окружаетъ мракъ и холодъ, когда въ жизни для него существуетъ лишь пустота и ничтожество. Или, наконецъ, въ эстетическомъ разборѣ произведеній Пушкина онъ наводитъ читателя на мысль не столько о художественномъ достоинствѣ поэта, — хотя говорить только объ этомъ, — а о томъ, что горе даже великому человѣку, ограничивающемуся самодовольнымъ пребываніемъ въ покой и неподвижности, горе человѣку, хотя бы то былъ гений, забывающему о томъ «демонѣ вѣчнаго обновленія и движенія», который хотя и губитъ цѣлыя эпохи, но безъ котораго нѣтъ жизни, нѣтъ счастья, нѣтъ прогресса. Прогрессъ — великая идея, отъ воспринятія которой обществомъ зависитъ все; и кто первый далъ обществу сознать, почувствовать ее? — Бѣлинскій. Вотъ въ чемъ величайшая заслуга его, вотъ въ чемъ его слава. Филиппики Чацкихъ, отъ которыхъ общество отрещивилось или хихикало надъ ними, не могли внушить ему ничего, кромѣ курьеза самодовольствія. Но эстетическая критика Бѣлинскаго совершила этотъ подвигъ. Нигдѣ, ни въ одномъ мѣстѣ онъ не говоритъ прямо обществу о движеніи общественномъ, о прогрессѣ; но эта идея, постичь которую — значитъ проснуться, сама собою вытекаетъ изъ его литературной дѣятельности, и если намъ, привыкшимъ говорить о ней, какъ о воздухѣ и пищѣ, трудно уловить ее въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, то тогдашнее общество какъ нельзя лучше чувствовало ее въ нихъ и понимало его такъ же хорошо, какъ онъ понималъ нужды, потребности и степень развитія своихъ читателей.

Въ этой идеѣ, «проповѣдывать которую ему было также необходимо, какъ ѣсть и пить», Бѣлинскій нашелъ средство примирить общество съ его передовыми людьми. Понявъ, что жизнь имѣетъ другія цѣли, другія наслажденія, другія формы, чѣмъ тѣ, которыя оно звало доселѣ, общество поняло наконецъ, отчего страдаютъ и чего желаютъ Чацкіе; оно перестало смотрѣть на нихъ, какъ на буквъ, и если еще не могло помочь имъ, то, по крайней мѣрѣ, не только перестало хихикать, а почувствовало нѣкоторое смущеніе за свое безобразіе. Оно могло считать ихъ мечтателями, заблуждающимися, могло даже досадовать на нихъ, но не могло не понимать ихъ, не могло считать умалишенными. Теперь оставалось сдѣлать только еще шагъ — возбудить въ обществѣ сочувствіе къ такимъ людямъ. Что касается до самихъ Чацкихъ, то и они не могли оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ обществу, и дол-

жны были сдѣлать съ своей стороны шагъ къ сближенію. Увидя, что общество перестало хихикать, что оно просыпается, передовые люди, впрочемъ уже не прежніе (прежніе такъ и остались несправедливыми), передовые люди, говорю я, почувствовали себя въ лучшемъ положеніи: они почувствовали надежду, начали считать свое положеніе не совсемъ безысходнымъ. Такимъ образомъ разладъ кончился.

Мы можемъ повѣрить справедливость сказаннаго, взглянувъ на отношенія Бѣлинскаго къ тѣмъ, которые хотѣли прекратить разладъ до него путемъ насильственнымъ, т. е. къ славянофиламъ. Очевидно, что, если мой взглядъ вѣренъ, то на нихъ должна была пасть вся тяжесть негодованія Бѣлинскаго, потому что они своимъ тупымъ вмѣшательствомъ препятствовали его дѣятельности, возбуждая въ пробуждающемся обществѣ желаніе захрапѣть снова отъ самодовольствія. И дѣйствительно мы видимъ, что если когда нибудь Бѣлинскій выходилъ изъ себя и выражалъ свое негодованіе, уже не какъ эстетикъ, а какъ человѣкъ, такъ это именно въ отношеніи славянофилмовъ. Хотя онъ и съ ними прятался еще эстетической критикой и протестовалъ во имя законовъ искусства, но уже прикрытіе это было очень слабо и прозрачно, и назва эстетика уже сквозило публицистъ. Хотя онъ еще возмущается внѣшнимъ безобразіемъ такихъ стиховъ какъ:

Горделивый и свободный
Чудно пьянствуетъ поэтъ!

или: Ну да! судьбою благосклонной
Во здравье было мнѣ даво
Той жизни мило-забубенной
Извѣдать крѣпкое вино.

или: Торжественно пропойте пѣснь родную
И пьянствуйте о имени моемъ.

или наконецъ: Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи немѣцкой
На Русь, къ святынь московрецкой,

хотя онъ подсмѣивается во имя здраваго смысла и грамотныхъ людей надъ посланіемъ Языкова къ Погодину, въ которомъ поэтъ приглашаетъ ученаго «выпить стаканъ пьяно-буйныхъ стиховъ», но тутъ же рядомъ являются и весьма ясно выраженные нападки на знаменитую школу, представителями которой были Хомяковъ и Языковъ; въ полемикѣ, которую ему приходилось вести, онъ являлся наиболѣе рѣзкимъ въ отношеніи къ Москвитянину. Но гдѣ всего ярче выступаетъ

негодование БѢлнскаго противъ славянофиловъ, — это въ его отношеніи къ Гоголю. Вспомини, что Гоголь былъ его любимымъ писателемъ; что за Гоголя онъ долженъ былъ столько лѣтъ сражаться съ авторами денонсаций; что Гоголемъ онъ могъ гордиться не только какъ чело-вѣкъ, которому дорога русская литература, но и какъ критикъ, пер-вый и съ перваго слова почувшій великаго писателя. Сколько при-чинъ, чтобы упорно отстаивать Гоголя, особенно имѣя въ рукахъ весь арсеналъ эстетической критики, посредствомъ которой можно доказать все, что угодно и совмѣстить вещи несомѣстимыя. Но еще въ *Мертвыхъ Душахъ* онъ по нѣкоторымъ признакамъ узнаетъ въ Гоголѣ сла-вянофильство. Онъ недоумѣваетъ, когда Гоголь, приходя въ пафосъ, описываетъ знаменитую тройку, обгоняющую всѣ царства и народы, которые смотрятъ на нее, разинувъ ротъ. Онъ недоумѣваетъ передъ обѣщаніемъ показать русскую дѣву, передъ «мистико-лирическими выходками», пропитанными славянофильствомъ. Онъ сразу увидѣлъ во всемъ этомъ начало упадка великаго таланта и беспощадный къ юродству, не боится сравнить начало *Мертвыхъ Душъ* съ путешествіемъ Коробейникова.

Но вотъ является *Переписка съ друзьями*. Здѣсь мысль, выра-женная Языковымъ въ стихахъ

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи нѣмецкой
На Русь, къ святынь московской,

развита вполне и доведена до крайнихъ результатовъ. Гоголь является здѣсь самымъ рѣшительнымъ славянофиломъ. Тогда БѢлнскій не вы-держиваетъ окончательно своей роли эстетическаго критика. Онъ пи-шетъ самую злую, самую острую рецензію, и, не довольствуясь этимъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни перестаетъ быть критикомъ и является общественнымъ дѣятелемъ.....

Разъ испытавъ свои силы на этомъ поприщѣ, разъ расправивъ во всю ширь свои крылья, онъ уже не можетъ снова забраться въ тѣ-сную конуру эстетической критики. Онъ навсегда бросаетъ заржавѣв-шее перо, которымъ доселѣ писалъ; онъ не хочетъ болѣе скрываться, считаетъ общество достаточно зрѣлымъ, чтобы говорить съ нимъ прямо о его интересахъ; онъ начинаетъ прямо говорить о томъ, о чемъ го-ворять въ это время всѣ хорошіе люди Европы, о дѣйствительныхъ страданіяхъ бѣдняковъ, о неравенствѣ, господствующемъ въ обществѣ, о реформахъ, которыя ему необходимы. Обличительная рѣчь противъ

неправды и зла готовится излиться из его устъ. Первыя слова ея уже сказаны; все живое, все молодое, все благородное восторженно привѣтствуетъ его, какъ своего руководителя и представителя. Но въ это самое время смерть прекращаетъ его дѣятельность, лишая насъ его лучшихъ произведеній.

Въ заключеніе не могу не привести благодарныхъ словъ Добролюбова, въ которыхъ такъ свѣтло отразилось то чувство, которое питало позднѣйшее поколѣніе къ своему учителю.

«Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно и развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеньемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ, непосредственно или посредственно, Бѣлинскому. Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ отбѣнокъ едва ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному чело-вѣку, и, конечно — это лучшіе люди Россіи!»

«Для нихъ навѣрно ни одна изъ нашихъ новостей не могла быть столь радостною, какъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Давно мы ждали его, и наконецъ дождались! Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи, тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ, беззаветныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго; мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали себя самихъ посвятить такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его»; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святаго восторга, тотъ вдохновенный трепетъ, тѣ чистыя, безкорыстныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно... Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій неизгладимый упрекъ нашему обществу.» (II т. 514—515).

Періодъ 1848—56 гг.

БѢЛИНСКІЙ неоднократно повторялъ, изумленный быстрымъ развитіемъ русской литературы, совершившимся предъ нимъ: «мы растемъ не по днямъ, а по часамъ». Что сказалъ бы онъ, еслибъ прожилъ еще нѣсколько, еслибъ умеръ только въ 1854 г.? Вѣроятно онъ сказалъ бы тоже, что Добролюбовъ: «Ростемъ мы скоро, истинно по богатырски, не по днямъ, а по часамъ, но выросши, не знаемъ, что дѣлать съ своимъ ростомъ».

Ростъ нашей литературы отъ Пушкина до 1848 г. былъ дѣйствительно богатырскій. Черезъ какіе нибудь пятнадцать лѣтъ послѣ перваго ея лепета въ «Евгеніи Онѣгинѣ» она произвела не только «Мертвыя Души», но и настоящую, разумную, мужественную рѣчь, которая раздавалась въ сороковыхъ годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Общество, пробужденное БѢЛИНСКИМЪ, осматривалось и плодомъ этого являлось недовольство самимъ собою, отрицаніе своихъ недостатковъ. Общественные вопросы стали мало по малу выступать на очередь литературнаго обсужденія; осторожно, шагъ за шагомъ, пробираясь межъ всевозможныхъ подводныхъ камней, литературная критика захватывала въ себя новыя стороны жизни и обращалась къ предметамъ существенной важности для общества. Съ Гоголя началась и постоянно продолжалась литература отрицанія, покаянія, самообличенія. Конечно намъ теперь кажутся устарѣвшими и немѣющими смысла выходы разныхъ обличителей противъ взяточничества и разныхъ злоупотребленій чиновниковъ; но оно и немудрено послѣ того, какъ правительство само коснулось не только этихъ мелочей, но зла гораздо болѣе важнаго и закоренѣлаго, крѣпостнаго права. Послѣ того, какъ правительство совершило такую существенную реформу, малкія обличенія противъ частнаго зла уже не могутъ имѣть смысла и жизненнаго значенія. Поэтому въ тогдашней обличительной дѣятельности литературы общество имѣло право видѣть не только мелочное зло, выставленное на первомъ планѣ сатирическихъ произведеній, но гораздо болѣе глубокое, выступавшее само собою на заднемъ планѣ и составлявшее фонъ всей картины. Когда Добролюбовъ упрекалъ литературу въ томъ, что она во всемъ являлась лишь эхомъ правительственныхъ мѣръ и числами доказывала, что она заговорила объ уничтоженіи крѣпостнаго права уже тогда, когда вопросъ былъ рѣшенъ правительствомъ, онъ забывалъ совершенно, что протестъ противъ этого кореннаго зла раздавался еще

въ литературѣ сороковыхъ годовъ, отражался во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ того времени и наконецъ совершенно ясно высказался въ «Мертвыхъ Душахъ», весь смыслъ которыхъ основывается на отрицаніи крѣпостнаго права.

Но вотъ мы встречаемъ фактъ, который уже прямо показываетъ намъ, что литература наша была безсильна, не смотря на свое быстрое развитіе и великую общественную дѣятельность. Фактъ этотъ есть то положеніе литературы, въ которомъ она находилась въ періодѣ 1848—56 годовъ. Чѣмъ поразительнѣе было ея развитіе, чѣмъ выше общественное значеніе, чѣмъ обширнѣе дѣятельность, тѣмъ горестнѣе разочарованіе, постигнутое всѣ надежды, возлагаемыя на нее. Подулъ сѣверный вѣтеръ, и русская литература завяла и погибла, какъ тропическое растеніе въ оранжереѣ, которую перестали топить. Тогда-то можно было подумать, что она дѣйствительно растеніе привозное, не мощное въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія въ Россіи акклиматизировавшаяся и пустить прочные корни. Но подобный упрекъ былъ несправедливъ, хотя, впрочемъ, его повторяли неоднократно. Я уже сказалъ, что въ Пушкинѣ, Грибоедовѣ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ и въ ихъ последователяхъ мы имѣемъ уже не насажденную, а свою собственную литературу, возникшую изъ самаго общества. Но въ такомъ случаѣ мнѣ, быть можетъ, возразятъ, какъ же объяснить ея внезапное увяданіе? Нельзя же, скажутъ, сваливать все на внѣшнія препятствія; внѣшнія преграды могутъ сломить лишь то, что лишено прочнаго основанія, что не имѣетъ въ обществѣ корней, что слѣдовательно не выработано имъ, а насаждено. Истинная же литература не предписывается и не отиѣняется: напротивъ того внѣшнія препятствія даютъ ей лишь новую силу и энергію.

Чтобы понять это, надо взглянуть на положеніе самаго общества.

Дѣло въ томъ, что общества въ настоящемъ смыслѣ у насъ не было. Поэтому, что бы ни дѣлалъ и ни говорилъ Бѣлинскій, чтобы ни показывала отрицательная литература, они могли пробудить нѣкоторый кругъ читателей, показать ему возможность лучшаго положенія, заставить желать этого положенія, но и только. Еслибы общество наше было самостоятельно, еслибы оно не было насажденнымъ, тогда бы оно могло дѣйствовать хотя въ своей средѣ. Но у него и среды самостоятельной не было; оно собой не могло располагать по своему желанію, и не потому, чтобы этому препятствовали внѣшнія преграды, а потому что по сущности своей оно было лишено самостоя-

тельности. Ни французское дворянство, ни среднее сословіе не идут ^у въ сравненіе съ нашимъ обществомъ. Я не говорю уже о томъ, до какой степени самостоятельно среднее сословіе на западѣ и до какой степени оно составляетъ органическое цѣлое, совершенно отдѣльное отъ верха и отъ основанія. Но наше общество какими бы идеями ни было проникнуто, не могло дѣйствовать, потому что отдѣлялось лишь отъ основанія тѣмъ самымъ, что было насаждено.

Въ это время всеобщаго крушенія рѣзко обнаружилось безсиліе разныхъ *принциповъ* и *убѣжденій*, которымъ доселѣ поклонялись, какъ идоламъ. Принципы эти не помогли ничѣмъ своимъ поклонникамъ, потому что какъ ни кричали послѣдніе о своей привязанности къ принципамъ, но такъ какъ человекъ можетъ энергически ратовать только за самаго себя, а принципы были чѣмъ-то совершенно внѣшнимъ, то и поклонники ихъ не подумали защищать ихъ, когда имъ пришелъ конецъ. У этихъ поклонниковъ принципа, по словамъ Добролюбова, «принципъ былъ самъ по себѣ, а страсть сама по себѣ.» Такъ и произошло здѣсь: принципъ, витая въ высшихъ сферахъ духовнаго разумія, остался превыше всѣхъ обидъ и неудачъ; страсть же негодованія ограничилась низшей сферой житейскихъ отношеній, до которыхъ они почти никогда не умѣли проводить своихъ философскихъ началъ. Мало по малу они вошли въ свою пассивную роль (да и не могли на дѣлѣ выходить изъ нея, потому что она обуславливалась сущностью общества), и изъ всего прежняго сохранили только юношескую восторженность, да наклонность потолковать съ хорошимъ человекомъ о пріятномъ обращеніи и помечтать о мостикѣ черезъ рѣчку. Съ этими-то милыми качествами и съ совершеннымъ неумѣніемъ присматриваться къ дѣйствительной жизни, понимать ея требованія и задачи — и выступили они въ недавнее время снова на поприще литературы.

Если же захотимъ въ подтвержденіе всего сказаннаго обратиться къ фактамъ, то можемъ почерпнуть много доказательствъ, взглянувъ на дѣятельность нашихъ поэтовъ. Добролюбовъ указываетъ на одно обстоятельство, столь замѣчательное, что вѣроятно оно бросалось не разъ въ глаза каждому. Я говорю, что почти всѣ поэты наши обыкновенно весьма рано приходили въ какое-то весьма жалкое состояніе и вмѣсто поэтическихъ пѣснопѣній начинали издавать жалобный вой. Но, по моему мнѣнію, Добролюбовъ не совсѣмъ понялъ причину этого явленія. По крайней мѣрѣ, говоря о г. Плещеевѣ, онъ вовсе не разрѣшаетъ

этого вопроса, и только въ III томѣ мы находимъ у него нѣсколько строкъ, показывающихъ, что онъ отчасти разгадалъ его.

Дѣло въ томъ, что наши поэты еще больше, чѣмъ простые смертные, изобрѣтали себѣ всевозможные принципы и начинали порываться на борьбу изъ за нихъ. Подобная дѣятельность казалась имъ весьма привлекательной и приличествующей званію поэта. Поэтому въ началѣ своего поприща они, обыкновенно, бывали весьма бойкими мальчиками и подавали большія надежды. Но потомъ вдругъ оказывалось, что борьба, о которой они мечтали, вовсе не такъ поэтична и можетъ быть удовлетворена самому благоговящему изъ подвиговъ Геркулеса. Они сперва приходили въ недоумѣніе и думали, что какъ же это однакожь? Вотъ хоть бы Байрона взять: развѣ ему приходилось чистить чьи бы то ни было конюшни, развѣ ему приходилось зубрить азбуку, развѣ ему приходилось, наконецъ, копаться въ старомъ бѣльѣ? Нѣтъ: позиція его была самая благородная, работа самая чистая, отъ которой несло тончайшими духами, а не навозомъ. Когда же онъ азбуку-то зубрилъ? Онъ прямо въ философію пускался. Давай и мы такъ.

Но оказывалось, что такъ нельзя, ничего не выходитъ. Тогда оставалось или спиться и обратиться къ прославленію пѣнника или свухи, или поступить въ кварталные надзиратели, или, наконецъ, объявить среду презрѣнной и грязной, и принять въ отношеніи ея отчасти мефистофельскій, отчасти гамлетовскій видъ. Тутъ-то и начинался жалобный вой, въ родѣ этого:

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтуцій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокій,
И жду, прійдетъ ли мой конецъ.

А бурь-то никакихъ не было, потому что какія же бури въ стоячей водѣ? Или:

Гдѣ жъ силы тѣ, отвага прежнихъ лѣтъ?
Сгубила все неравная борьба.

Хотя борьбы и въ поминѣ не было, а существовало только поэтическое представленіе о ней въ воображеніи поэта.

Здѣсь я говорю не только о тѣхъ поэтахъ, которые писали и печатали свои стихи и публично показывали свою скорбь о томъ, что дѣйствительность не такова, какою она ее себѣ представляли. Подъ

постаня и разумію адѣсь вообще всѣхъ, смотрѣвшихъ на жизнь сквозь призму своего воображенія и разыгрывавшихъ потомъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда. Такими людьми Россія была наполнена въ то время изъ края въ край. Это были тѣ самыя талантливыя натуры, которыхъ такъ вѣрно изобразилъ г. Щедринъ. Они не имѣли никакого отношенія къ тѣмъ людямъ предшествовавшей эпохи, которымъ лучшимъ представителемъ служить Чацкій. Отличительный признакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ причина горькой участи Чацкихъ было огромное разстояніе между развитіемъ ихъ и нравственнымъ уровнемъ общества. Между тѣмъ, талантливыя натуры именно тѣмъ и отличались, что по всему были равны обществу, исключая наклонности къ несообразнымъ съ дѣйствительностью мечтаніямъ.

Такимъ образомъ застой, охватившій умственную жизнь русскаго общества, явныя признаки его ничтожества, явившіяся въ уничтоженіи литературы и наконецъ появленію талантливыхъ натуръ взамѣнъ прежнихъ благородныхъ и сильныхъ, хотя также непрacticalныхъ Чацкихъ—вотъ характеристическія черты періода 1848—1856 годовъ. Здѣсь еще разъ можно съ благодарностью оглянуться на Бѣлинскаго. Среди совершеннаго уничтоженія всякой литературы, исключая, разумѣется, насажденной, для которой эта эпоха была временемъ процвѣтанія, среди отсутствія всякой умственной жизни въ русскомъ обществѣ, Бѣлинскій получалъ значеніе еще большее, чѣмъ то, которымъ онъ пользовался при жизни. Нельзя было изгладить впечатлѣніе, произведенное Бѣлинскимъ, нельзя было отнять вѣру въ прогрессъ, нельзя было истребить надежду на свѣтлое будущее. Новое поколѣніе, развивавшееся въ это время, имѣло въ немъ учителя и руководителя, и изъ него почерпало то, чего бы не могло узнать отъ общества. Поэтому, когда послѣ Бѣлинскаго явилась потребность новой, практической дѣятельности, общество должно было выдвинуть впередъ такихъ людей, какъ Добролюбовъ.

Время Добролюбова.

Лучшимъ доказательствомъ отсутствія всякой самостоятельности въ нашемъ обществѣ и его безсилія служить нашъ прогрессъ, начавшійся почти въ одно время съ появленіемъ въ литературѣ статей—бова. Вся-

тому известно, что поводомъ къ появленію этого прогресса была война: она произошла у насъ рѣшительно чудеса; благодаря ей наше общество встрепенулось и заговорило, заговорило безъ умолку о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, между тѣмъ какъ передъ этимъ, въ теченіе восьми лѣтъ, хранило глубочайшее молчаніе. Оно заговорило съ такимъ жаромъ и одушевленіемъ, что было ясно, что оно такъ любило поговорить, и если доселѣ молчало, то не потому, чтобы не желало, а потому что на это была уважительная причина.

Но что это были за рѣчи! Конечно, *во время оно*, когда обстоятельства были совершенно иныя, литература не только могла, но даже прямо должна была указывать обществу на разныя злоупотребленія, совершавшіяся среди него, но теперь, когда вопросъ объ этихъ злоупотребленіяхъ былъ поднятъ правительствомъ, когда оно представляло на обсужденіе литературы самыя существенныя вопросы, когда подготавливало уничтоженіе крѣпостнаго права и тѣлеснаго наказанія, литература не умѣла иначе воспользоваться данными ей позволеніемъ, какъ споря о томъ: Нужна ли палка, пль вредна, и толкуя о предметахъ, о которыхъ уже совершенно достаточно было говорено еще во время Бѣлинскаго. Ничтожество дѣлалось еще хуже вслѣдствіе самодовольствія: до того привыкли молчать, что считали тѣмъ-то удивительнымъ повтореніе общицъ мѣсть. Забѣчалась совершенная неспособность заглянуть подальше того, что показывали; воспользоваться выгоднымъ положеніемъ для того, чтобы начать дѣйствовать самостоятельно. Даже самыя лучшіе результаты счастливаго положенія, въ которое неожиданно попала литература, отличались чуждостью и непрактичностью. Знаменитый *принципъ*, о которомъ было столько крику до 1849 г. вовсе не утеръ. Хотя его поклонники и облагоулаживали свои мечты вышеупомянутыми воемъ, по плачь былъ напрасенъ. Тамъ, гдѣ общество не способно дѣйствовать, оно должно мечтать и вклаваясь принципамъ. Время послѣ 1856 г. можно по справедливости назвать временемъ торжества отвлеченнаго принципа. Ему снова начали поклоняться платонически, какъ прежде. Люди, недовольные теперешнимъ молодымъ поколѣніемъ, ставать ему въ упрекъ служеніе принципамъ. Не буду здѣсь говорить, на сколько этотъ упрекъ справедливъ, но скажу только, что онъ весьма не къ лицу людямъ прежнихъ поколѣній. Никто болѣе ихъ не низкопоклонничалъ передъ принципомъ, не гнулъ спину передъ модными идеями. Что отношенія ихъ къ этимъ идеямъ были именно таковы, доказало время, когда идеи вышли изъ моды или служеніе имъ перестало при-

нести барыши. Еслибъ люди эти дѣйствовали не ради маммынъ карманъ, а потому, что другая дѣятельность была имъ не возможна, еслибъ принципъ не былъ имъ ихъ, а въ нихъ самихъ, еслибъ они были ихъ властью и владою, то они бы не могли покинуть его. Но въ томъ-то и дѣло, что они не кланялись ему, какъ идолу, и безъ труда во всякое время могли покинуть его. Любопытно видѣть, кого перочисляетъ Добролюбовъ въ числа прогрессивныхъ дѣятелей въ статьѣ о книгѣ де-Жербецова. Здѣсь находится и г. Ешевскій, и г. Бабеть, и г. Забавинъ, и г. Кавелинъ, и даже г. Чичеринъ. А теперь?..

Возродившійся изъ пепла принципъ некоторое время виталъ по небесамъ, потому что стараго гнѣзда его уже не существовало и следовало изобрести новое. Оно не замедлило быть изготовлено, потому что тутъ задумываться нечего. Если человекъ собирается дѣло дѣлать, то ему, конечно, надо поискать крѣпкой опоры, а для того, чтобы «побесѣдовать съ хорошимъ человекомъ о пріятномъ обращеніи» ничего особеннаго не требуется.

Случилось такъ, что во время этого востанія въ правительствѣ подготавливалось рѣшеніе крѣпостнаго вопроса. Принципъ увидѣлъ это и нашелъ, что это совершенно достаточное основаніе для сооруженія новаго гнѣзда. Народъ, ничего, разумеется, не подозревавшій, вдругъ послужилъ неисчерпаемой темой для литературныхъ упражненій. Началось потѣха. Внезапно весь проникнулся несомнѣннымъ сочувствіемъ къ народу, ибо для поклонниковъ принципа не сочувствовать чему или кому иному невозможно. Прежде они сочувствовали разнымъ антикамъ и художествамъ, а теперь обратили весь свой пылъ на народъ. Впрочемъ переиѣнялся только сюжетъ, а взглядъ остался тотъ же, и народъ разсматривался тоже какъ какой-то антикъ. Являлись всесильные Давковскіе, Дружинины, Григоровичи и множество другихъ. Принципъ ихъ было — сочувствіе къ народу, и имѣть этотъ принципъ означало въ непреиѣнную обязанность каждому, кто хотя нѣсколько претендовалъ на званіе прогрессивнаго человека. Вѣрнѣе для большаго возбужденія сочувствія въ тѣхъ темныхъ личностяхъ, въ которыхъ оно возбуждалось туго, — наши поклонники народа принялись сначала имѣть, чесать и одѣвать въ ярлычное платье свой кумирь, дабы онъ не казался чумичкой. Но вскорѣ разчувствовались до такой степени, что истинно либеральный человекъ долженъ полюбавъ народъ и сберечь его. Поэтому одни взяли на себя трудъ изображать кумирь въ его натуральномъ видѣ, а другіе проповѣдовать любовь къ нему. Одни, на-

принципъ, изображали, — стараясь не пропустить ни одной черты въ своей картинѣ, — какинъ образомъ русскій человекъ сморкается. А другіе стояли съ бочу и приговаривали: «посмотрите, почтенные сограждане, какой русскій человекъ: задумане — сдѣлано, захотѣлъ — высморкался! Неправда ли какой душка! какой миланка! Вы должны любить его, почтенные сограждане!»

Нельзя не сознаться, что на этотъ разъ принципъ явился въ весьма живописномъ плащѣ, въ который драпировался съ большою изысканіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой красивый звукъ: «любовь къ народу». Неправда ли? Но все таки это только звукъ и довольно нелѣпный. Что въ самомъ дѣлѣ за платоническая любовь къ народу? Чѣмъ похожъ мужикъ на неземную дѣву, роль которой онъ теперь занялъ? Что обозначаютъ слова: «любовь къ народу»? Весьма понятно и естественно, что у развитаго, мыслящаго человека кусокъ нейдетъ въ горло при воспоминаніи о томъ, что гдѣ нибудь близъ него бѣднякъ гложетъ сухую корку или что голодные дѣти плачутъ на рукахъ матери, невѣющей возможности накормить ихъ. Весьма естественно, что такой человекъ чувствуетъ скверное и болѣзненное чувство стыда, при мысли о сѣденномъ имъ трудѣ бѣдняковъ. Но ему скверно и непріятно — это такъ, и онъ можетъ захотѣть содѣйствовать тому, чтобы подобныя чувства не были бы больше причины возмущать пищевареніе пообѣдавшаго человека. Но скажите на милость, что такое изображаетъ изъ себя господинъ, восхищающійся умомъ, остроуміемъ и красотой мужика и питающій къ нему платоническую любовь? На что способенъ такой лицезѣръ, такой идіотъ? Не ясно ли, что, восхищаясь народомъ и твердя о своей любви къ нему, онъ восхищается самъ собой, звукомъ своего голоса, гуманностію своихъ принциповъ? Подобный господинъ все тотъ же эстетикъ въ новомъ видѣ, но въ сущности, и сами они и ихъ принципы — одинаковая мертвечина.

Эти платоническіе поклонники народа дошли наконецъ теперь до того, что, повторяя прежнихъ словянофиловъ, являются противниками всякой практической попытки сближенія образованнаго общества съ народомъ, какъ прежде препятствовали сближенію передовыхъ людей съ обществомъ. Воплѣтъ понимая тягость такого разъединенія и громче другихъ воія противъ разобщенности между обществомъ и народомъ, они съ странной непоследовательностію становятся сами между тѣмъ и другими, считая для народа вреднымъ вліяніе общества, зараженнаго гнилымъ западомъ, и отказывая обществу въ правѣ содѣйствовать народному

развитію. Они проповѣдаютъ въ дѣлѣ народнаго образованія принципъ *laisser-faire, laisser-passer*, и, какъ всѣ послѣдователи этого принципа, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагѣ. Ихъ мистическій взглядъ на народную жизнь совершенно иѣшаетъ имъ смотрѣть на дѣло прямо и практически и у нихъ въ результатѣ выходитъ, что не народъ надо просвѣщать, а самому обществу нужно отказаться отъ своей цивилиза-^{ци}ціи и обратиться къ народному невѣжеству; результатъ, слѣдовательно, тотъ же, къ какому пришли нѣкогда славянофилы: тоже требованіе разстаться со всѣмъ своимъ нравственнымъ имуществомъ въ пользу невѣжества, бросить то, что приобрѣтено десятками лѣтъ, чтобъ ничего не получить, потому что вѣдь отъ народа обществу нечего получить; они сами говорятъ, что народъ еще пребываетъ въ дѣтственной непорочности и только подаетъ надежды, обнаруживаетъ задатки. Славянофилы были послѣдовательнѣе: тѣ, покрайней мѣрѣ, прямо объявляли вздоромъ все, не относящееся къ пѣвнику и роднымъ предразсудкомъ, и были вполне довольны своимъ тупоуміемъ, гордились имъ и лучшаго ничего не желали. Между тѣмъ выѣшніе платоническіе поклонники народа вполнѣ убѣждены, что пѣвникъ не можетъ замѣнить грамотности, что невѣжество вовсе не есть идеалъ народнаго благосостоянія; но они хотятъ чего-то несуществующаго и невозможнаго; хотятъ, чтобы народъ научился безъ учителей или, чтобъ учителя преподавали ему мудрость, почерпну-^{вш}тую изъ него же. Но подобный взглядъ до такой степени лишенъ всякаго смысла, кромѣ мистическаго, что имъ приходится отдѣлываться общими мѣстами и воплями, показывая видъ, что за этимъ скрывается нѣчто положительное, между тѣмъ какъ положительнаго у нихъ равно ничего не можетъ быть, и они, выкликая противъ отрицательнаго направленія, въ сущности самыя отчаянныя нигилисты, потому что отрицаютъ положительное или возможное во имя неосуществимаго, и мистическаго.

Но самая нелѣпость такого нигилизма дѣлаетъ ихъ неопасными и безвредными, потому что они никого не убѣдаютъ промѣнять практическую дѣятельность на разныя отвлеченія. Ихъ бессмысленное *laisser-faire, laisser-passer* доказываетъ лишь только то, что во время Добролюбова предстояла такая же необходимость сближенія между народомъ и обществомъ, какъ во время Бѣлинскаго между обществомъ и передовыми людьми.

Возставать противъ всего этого было задачей, предстоявшею Добролюбову. Посмотримъ теперь, какъ онъ ее выполнялъ.

ЗНАЧЕНІЕ ДОБРОЛЮБОВА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Хотя Добролюбовъ писалъ преимущественно статьи критическія, но критикомъ не былъ и не могъ быть.

Конечно, Бѣлинскій, котораго задача была разбудить и расшевелить общество и дать ему отвлеченное понятіе о прогрессѣ, могъ сдѣлать все это, почти не выходя изъ предѣловъ эстетической критики. Но Добролюбовъ уже не могъ оставаться въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ, если желалъ служить обществу. А онъ не только желалъ, и не могъ не служить; для него это было необходимою, но и онъ преслѣдовалъ не литературныя цѣли, а общественныя. Если о Бѣлинскомъ онъ справедливо сказалъ, что для него было необходимо проповѣдывать свои идеи, то о немъ самомъ можно такъ же справедливо сказать, что для него было необходимо дѣйствовать. Если Бѣлинскій подъ конецъ жизни долженъ былъ сдѣлаться общественнымъ дѣятелемъ, если рамки критики уже въ его время оказались слишкомъ тѣсны, то во время Добролюбова практическая дѣятельность должна была стать на первомъ планѣ. Разсматривая Добролюбова, какъ критика, мы бы поступили въ высшей степени не справедливо въ отношеніи къ нему. Будемъ ли мы при этомъ ограничивать критическое значеніе Добролюбова эстетическимъ возрѣніемъ, или припишемъ его критику болѣе глубокой и реальной взгляду— во всякомъ случаѣ несправедливость будетъ одинакова. Послѣ его отзывовъ о чистомъ искусствѣ и объ эстетической критикѣ не можетъ быть о немъ и рѣчи, какъ о достойномъ цѣнителѣ разныхъ художественныхъ произведеній. Онъ лить холодную воду здравого смысла на горячій азартъ приверженцевъ чистаго искусства, и его здоровый взглядъ обыкновенно раздражалъ этихъ господъ.

«Но знаете ли что? говорить онъ, созданія фантазіи такъ въѣдъ и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Не смотря на все величіе гомерическихъ рапсодій, героическій вѣкъ съ своими богами и богинями не явился въ Греціи во время Перикла, равно какъ и въ Италіи Virgilій, при всемъ своемъ краспорѣчій, не могъ уже возвратитъ римлянъ имперіи къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ и не могъ превратить Тиберіа въ Энея. Мало того, явленія, изображенныя во всѣхъ названныхъ нами поэмахъ, и сами по себѣ-то не имѣютъ дѣйствительности, и съ каждымъ годомъ все далѣе отодвигаются въ туманный міръ призраковъ...

Увы!... мечты поэта!
Историкъ строгій гонить васъ!

Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла, и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотой лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ // Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія среднихъ вѣковъ могли увлекать тысячи людей на брань съ невѣрными для освобожденія святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ XIX вѣкѣ, не произвели бы ничего кромѣ смѣха. Пимдаръ воспѣвалъ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣнно внимала ему; въ наше время никто уже серьезно не воспѣваетъ церемониальныхъ процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились господа, воспѣвавшіе изловскіе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи, то они всѣмъ показали до того пошлы, что не возбудили даже смѣха... Пора бы ужъ бросить текія платоническія мечтанія, и понять, что хлѣбъ не есть пустой значекъ, отраженіе высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлѣбъ, объектъ, который можно съѣсть». (1,499,500).

Такимъ образомъ Добролюбовъ прямо говоритъ, что время фантазій и искусства прошло, и настало время здраваго смысла и реальныхъ потребностей и стремленій. Эстетическую критику онъ предоставилъ чувствительнымъ барышнямъ и присяжнымъ эстетикамъ. Следовательно замодазривать его въ ней имѣтъ никакого основанія.

Не трудно доказать, что еслибъ Добролюбовъ былъ критикъ, то онъ былъ бы весьма плохой критикъ. Напрасно-бы мы искали у него критическаго такта, вѣрнаго пониманія сущности критики, правильной оцѣнки литературныхъ произведеній. Напротивъ того, насъ бы поразило множество промаховъ и ошибокъ, удивительная неспособность отличать вѣрное изображеніе отъ фальшиваго и налутаго. Возьмемъ принтеры.

Существуетъ въ нашей литературѣ комедія г. А. Потѣхина: *Мишура*. Посредственнѣе этого произведенія, рассчитаннаго на вкусъ публики Александрійскаго театра, быть ничего не можетъ. Добролюбовъ беретъ изъ нея самую мелодраматическую сцену въ кукольниковскомъ родѣ, и превозноситъ до небесъ.

Точно такое же достоинство имѣютъ и стихотворенія г-жи Юліи Жадовской. Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что г-жа Юлія Жадовская смотритъ на небо не менѣе чѣмъ Лавверье, но съ тою разницею, что Лавверье открылъ тамъ новую планету; а г-жа Юлія Жадовская

извлекла значительное количество плохих стихиковъ. Добролюбовъ также приводитъ образчики плодовъ созерцанія неба г-жой Юліей Жадовской, въ родѣ напр. слѣдующихъ:

Опять спокойно надо мной
Сіяютъ небеса,
И безотчетною слезой
Блестятъ мои глаза.

или слѣдующихъ:

Чудная минута!
Будто счастья жду я...
И мечты слетаютъ,
Нѣжа и чаруя.
Какъ на чувство сердце
Въ этотъ мигъ не скупю!
Я готова плакать,
Какъ это ни глупо.
Чтожъ? Никто не видитъ...
Лейтесь, слезы, смѣло!
Мѣсяцу съ звездами
Что до васъ за дѣло!

Еслибъ стихъ былъ получше, то это стихотвореніе всякій бы принялъ за пародію, сочиненную напр. г. Адамантовымъ. Кромѣ того, Добролюбовъ приводитъ стихотворенія лѣтнія, зимнія, осеннія и весеннія. Но что бы вы думали?—Приводитъ не въ доказательство' бездарности г-жи Юліи Жадовской и ея безплоднаго созерцанія неба, а наоборотъ, для подтвержденія похвалъ, которыя расточаетъ ей.

Если подобные примѣры убѣждаютъ насъ, что Добролюбовъ былъ плохой критикъ, то его собственное сужденіе о критикѣ доказываетъ намъ, что онъ вовсе не былъ критикомъ.

По его словамъ роль критики есть не только сужденіе «о литературѣ», но и сужденіе «по литературѣ» объ обществѣ. «Авторъ», говоритъ онъ, «выводитъ добраго и неглупаго человѣка, зараженнаго старинными предрасудками. Критика разбираетъ возможно ли и дѣйствительно ли такое лицо; нашедши же, что оно вѣрно дѣйствительности, она переходитъ къ собственнымъ соображеніямъ, породившимъ такое лицо». «Критика должна сказать:» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вотъ лица и явленія, выводимыя авторомъ; вотъ сюжетъ пьесы; «а вотъ смыслъ, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ жизненные факты, изображаемые ху-

дожникомъ, и вотъ степень ихъ значенія въ общественной жизни». Но послѣ всего, что я сказалъ о роли критики, такое опредѣленіе, очевидно, слишкомъ обширно и собственно критика опредѣляется уже первой половиной его; съ прибавленіемъ же второй мы уже выступаемъ изъ предѣловъ критики, потому что начинаемъ судить по литературѣ объ обществѣ. Предметомъ нашего сужденія дѣлается послѣднее, и мы становимся уже историками, публицистами, сатириками, а не критиками.

Поэтому и Добролюбовъ, будучи плохимъ или вовсе не будучи критикомъ, былъ сатирикомъ, публицистомъ. Поэтому къ нему такъ идутъ его же собственные слова: «литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою, и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ».

Въ литературномъ произведеніи онъ видѣлъ главнымъ образомъ не достоинства и недостатки его, а только главную мысль, выражаемую имъ. Если мысль ему нравилась, если онъ находилъ ее разумной и полезной для общества, то этого было вполне достаточно, чтобы ему понравилось и самое произведеніе. Напримѣръ въ «Мишурѣ» г. Потѣгина ему понравилась мысль автора, который, среди всеобщаго обличенія взяточничества, захотѣлъ обличить пороки, совмѣстимые съ главной цинической добродѣлью тогдашняго времени — отказомъ отъ взятокъ. Мысль дѣйствительно хорошая для того времени, когда всѣ были совершенно убѣждены, что на свѣтѣ одно зло — взятки; поэтому Добролюбовъ расхваливаетъ «Мишуру», потому что на его взглядъ литературныя свойства какого нибудь произведенія ничего не значатъ въ сравненіи съ его мыслию.

Поэтому случилось такъ, что Добролюбовъ пользовался какимъ нибудь произведеніемъ лишь какъ поводомъ высказать свой взглядъ на ту или другую сторону общества. При этомъ онъ обыкновенно говаривалъ, что ему пѣтъ дѣла до того, что *хотѣлъ сказать* авторъ, а важно лишь то, что онъ «сказалъ». Послѣ этой оговорки онъ уже не стѣснялся: авторъ и его произведеніе откладывались въ сторону, и начиналась рѣчь о той или другой сторонѣ общественнаго зла.

Какъ на примѣры такой критики, укажу на двѣ знаменитыя статьи его, «Темное Царство» и «Что такое Обломовщина».

Но за то какъ широка была дѣятельность Добролюбова, какъ сатирика и публициста! Благодаря ему, послѣ его смерти не могло повториться то, что воспослѣдовало за смертью БѢЛЛИНСКАГО. Пошлость и тушюшійе получили отъ него такіе жестокие удары, что съ тѣхъ поръ уже не могутъ прійти въ себя и никогда не приобретутъ прежняго

самоудовольствія и самоувѣренности. Поэты насажденной литературы не осмѣливаются воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы писать серьезные подражанія Якову Хаму, а кто изъ нихъ и обладаетъ достаточноымъ безстыдствомъ для этого, то не вызываетъ даже насмѣшки. Два, три стихотворенія его сдѣлали совершенно невозможными славянофильскіе гимны въ честь пѣнника и русской удали. И если еще насажденная литература не сгнбла совершенно, если она еще выползаетъ на свѣтъ Божій, то лишь потому, что не во власти Добролюбова было уничтожить самый источникъ ея; но онъ для будущаго сдѣлалъ то, что она не найдетъ достаточно простора и всегда встрѣтитъ презрѣніе, какъ со стороны общества, такъ и со стороны литературы. Наконецъ въ «Темномъ Царствѣ», въ разборѣ «Наканунѣ» онъ такъ глубоко заглянулъ въ самую сущность нашего общества, какъ до него еще никому не удавалось.

Но для того, чтобы разрѣшить главную задачу тогдашняго времени, для того, чтобы обратить общество къ народу, Добролюбовъ долженъ былъ имѣть въ виду главнымъ образомъ послѣдній.

И онъ дѣйствительно былъ самымъ полнымъ и чистымъ представителемъ любви къ народу. Любовь къ народу и сочувствіе къ нему были у него не пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ. Правда, онъ иногда увлекался слишкомъ этимъ чувствомъ, иногда выражалъ его странно; въ его симпатіи къ народу иногда слишкомъ проглядываетъ увлеченіе не столько дѣйствительной жизнью русскаго народа, сколько западнымъ демократизмомъ. Такъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говоритъ о Беранже, о его народной музѣ и ея любви къ народу. Онъ съ восторгомъ повторяетъ его слова

Ne sert que lui.....

Sa cause est sainte. Il souffre, et tout grand homme

Après du peuple est l'envoyé de Dieu

Онъ повторяетъ эти слова, вовсе не скрывая, что, говоря о французскомъ пѣвцѣ народа, имѣетъ въ виду наше общество и нашъ народъ. Онъ недоволенъ, что русская литература и русское общество не смотрятъ такъ на свой народъ, какъ Беранже смотрѣлъ на свой. Онъ порицаетъ общество за то, что народъ въ его глазахъ—грубая толпа, неспособная къ возвышеннымъ, благороднымъ и нѣжнымъ ощущеніямъ

«А между тѣмъ», говоритъ онъ, «напротивъ — въ нашемъ обществѣ всѣ эти чувства развиты гораздо меньше. Если есть еще въ мирѣ поэзія, то ее нужно искать среди народа». Для него восторженныя похвалы народу, высказанной является нѣсколько идеализированнымъ и польщеннымъ.

Мало того: правда даже и то, что Добролюбовъ въ своихъ отзывахъ о народѣ напоминаетъ намъ почвенниковъ.

И у него прелюбляется это мистическое воззрѣніе на народъ, эта мысль о велику-то необычайныхъ дарованіяхъ, отличающихъ массу. «Мы», говоритъ онъ, «т. е. образованный классъ, можемъ держаться только потому, что подъ нами есть «твердая почва» — истинный русскій народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку «великаго» русскаго народа»..... «И Гоголь», говоритъ онъ даже, «не постигъ вполне, въ чемъ заключается тайна русскаго народности», и онъ перенѣшалъ хаосъ современнаго общества, «кое-какъ выходящаго локотья взаимой взаимой цивилизаціи», съ стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями еще способной къ обновленію на началъ правды и здраваго смысла».

Наконецъ и то правда, что идеальныя представленія о народѣ вводилъ Добролюбовъ иногда въ заблужденіе и заставляли его слишкомъ много ждать отъ народа. Иногда даже онъ принималъ тонъ, весьма напоминающій тонъ платоническіхъ поклонниковъ народа и восторгался тѣмъ, гдѣ слѣдовало учить. Въ такой восторгъ онъ пришелъ, напр., при извѣстіи о появленіи общества трезвости. «Прежде мужикъ покупалъ вино, потому что, хотя оно было дороженько, но все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ поднялась цѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой, да и сказалъ себѣ: «пить, лучше не стану пить; дорога больно окаянная». Сказалъ, да и сдѣлалъ — несталъ пить; потому что онъ не то, что мы, образованные господа, — не станеть трагитъ словъ по пустому. Глубокая вѣра этого народа выражается не на словахъ, а на дѣлѣ. Это не то, что фразеры, о которыхъ мы говорили. Толками тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться; ихъ станеть только на фразу, а внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не жеголяетъ своими страданіями и печальми, и часто даже сама не помнитъ ихъ хорошенько. Но ужъ за то, если пойметъ что нибудь этотъ «миръ», толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ это слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщаль. На него можно надѣяться».

Такия выраженія, какъ «тайна русской народности, жемчужина взятой изъ цивилизаціи, живая и свѣжая масса», такия выраженія, отъ которыхъ бы онъ вѣрно теперь съ ужасомъ отступился, увидя на что они употребляются, убѣждаютъ насъ, что Добролюбовъ раздѣлялъ идеальны мистическія возрѣнія почвенниковъ на народъ. Но въ сущности онъ былъ по убѣжденіямъ диаметрально противоположенъ этимъ ненужнымъ людямъ. Послѣ всѣхъ этихъ лирическихъ выходовъ, онъ восклицаетъ, обращаясь къ обществу: «Да, надобно трудиться для него, надобно вдохновляться имъ, но для этого надобно знать и сочувствовать ему!» Въ результатѣ его взгляда на народъ и отношенія къ нему общества все-таки выходило, что общество должно трудиться для того, чтобы сблизиться съ народомъ, не отказываясь отъ просвѣщенія, а усваивая его, чтобы подѣлиться имъ съ народомъ. Время Добролюбова есть имѣть и наше время. Поэтому говорить о результатахъ его дѣятельности нельзя, потому что они еще не совсѣмъ выиспаны. Притомъ всякій, желающій имѣть понятіе о томъ, на сколько наше образованное общество успѣло сблизиться съ народомъ, можетъ узнать это изъ собственныхъ наблюденій. Какъ скоро взглядъ на современную жизнь покажетъ, что успѣхъ значителенъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Добролюбову принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ большая заслуга; конечно, онъ былъ не одинъ, его дѣятельность имѣла помощниковъ; но тѣмъ не менѣе популярность и слава, пріобрѣтенныя имъ въ теченіе столь краткой карьеры, доказываютъ, что его вліаніе было одно изъ первыхъ, если не первое.

Съ чувствомъ глубокой призывательности и любви, останавливаясь мы передъ свѣтлой личностью Добролюбова, которая уже принадлежитъ нашей исторіи и стоитъ выше мелкой злобы задѣтыхъ имъ самолюбцевъ. Какъ передъ могилой Бѣлинскаго, такъ и передъ могилой Добролюбова мы спрашиваемъ себя, жаловаться ли намъ на судьбу, похищающую преждевременно нашихъ руководителей, или благодарить ее за нихъ...

Тысячу разъ готовы мы сказать да!

Но всѣ, которымъ дорога его память, чьи симпатіи принадлежать ему, кого увлекаютъ его слова, всѣ, однимъ словомъ, которые любятъ и уважаютъ его, должны помнить, что не безплодное сожалѣніе о прошедшемъ и утраченномъ, а честный и бодрый трудъ и непреклонную дѣятельность онъ оставилъ намъ, какъ лучшее воспоминаніе о себѣ.

Ш. Зайцевъ.

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
И
РАЗСКАЗЫ ПЕТРА ГОРСКАГО.

Изд. В. Е. Гейкеля. Спб. 1864.

Лучше быть недовольнымъ человекомъ, чѣмъ
самодовольной свиньей.

Д. С. Милль.

Ничего не можетъ быть обиднѣе для писателя, особенно сатирическаго, какъ чувствовать, что мѣра его дѣятельности исполнилась, степень развитія заключилась, что ему надо положить перо, чтобы не повторять себя, или еще хуже, не перепечатывать своихъ собственныхъ издѣлій, подобно г. Ап. Григорьеву. На послѣднее художество не рѣшится даже добросовѣстная бовдарность, потому что подчивать публику своими старыми объѣдками, уцѣлѣвшими въ пустой сумѣ, значитъ сознаваться въ полнѣйшемъ отупѣніи. Когда писатель доходить до такого положенія, то ему всего лучше окончить свою литературную карьеру, какъ бы это ни было прискорбно для его самолюбія. Люди талантливые такъ и поступали; они останавливались именно тамъ, гдѣ имъ слѣдовало остановиться; они понимали, что данныя имъ силы не могли развиваться дальше, что органическая

связь ихъ съ тѣмъ поколѣніемъ, которое должно ихъ слушать, навсегда порвана, что они пожалуй могутъ еще исписать цѣлыя стоны бумаги, но все это останется мертвымъ матеріаломъ, безъ всякаго жизненнаго вліянія на общество. Слово ихъ потеряло перелестъ своего прежняго обаянія, потому что содержаніе его истощилось. Разумѣется, есть писатели, для которыхъ мало одной человѣческой жизни, чтобы высказаться вполнѣ и которыхъ дѣятельности достаетъ на нѣсколько поколѣній. Это тѣ гениальные умы, которые разливаютъ кругомъ себя такую пропасть свѣта, что его хватаетъ на нѣсколько сотъ лѣтъ и для всего человѣчества; такіе дѣятели не имѣютъ границъ для своего развитія и имъ нечего бояться, что они останутся запоздалыми журавлями на земной нивѣ; имъ будутъ сочувствовать долго: у нихъ есть чему поучиться не только современникамъ, но и отдаленнымъ потомкамъ. Совсѣмъ другое дѣло—писатель, хотя и талантливый, но съ силами ограниченными, не превышающими ни понятій своего времени, ни потребностей того общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Для такого писателя есть мѣра, въ которую онъ мѣрится, есть предѣлъ, за который переходить онъ не долженъ, если не хочетъ издавать голоса въ пустынѣ. Мы постоянно слышимъ эти хриплые и козломъ дерущіе голоса въ нашей современной литературѣ; они большею частію принадлежать поэтамъ и беллетристамъ сороковыхъ годовъ, которые какъ забились въ скорлупу чистаго искусства, такъ въ ней и остались. Потерявъ всякое чутье для пониманія дѣйствительныхъ предметовъ и задушивъ фразой всякую живую мысль, они остаются совершенно равнодушны ко всему, что не подходитъ подъ извѣстную мѣрку эстетики. На глазахъ у нихъ совершались событія, возникали новыя направленія, литература предъявляла права свои на обсужденіе общественныхъ вопросовъ, въ самомъ обществѣ кипѣли кой-какія стремленія, но они смотрѣли на все это тупо и всякое проявленіе здоровой мысли готовы были подъ клятвой называть бѣлой горячкой. Нѣкоторые изъ нихъ попробовали сойти съ эстетическихъ ходуль на землю и заговорить другимъ языкомъ, языкомъ скорби о народныхъ нуждахъ, о необходимости благотѣльныхъ реформъ, возмутиться обломовщиной и крѣпостнымъ правомъ, однимъ словомъ, придать своимъ идеаламъ плоть и кровь гражданскихъ героевъ, но все это было такъ притворно, искусственно-ложно, такъ отзывалось поддельной и гримасой, что ослѣпство ихъ никого не обмануло, и сочи-

ненные ими скорби потрачены даромъ. Такъ напримѣръ, еще въ прошломъ году г. Лажечниковъ прикинулся было чуть не нигилистомъ въ своемъ романѣ: «Не много лѣтъ назадъ»; по боже мой! что это за сумбуръ вышелъ, что за жалкое переодѣванье почтеннаго старика въ юношескій костюмъ, въ которомъ его не узнали даже добрые друзья его. Романъ, испеченный на угольяхъ современныхъ вопросовъ, какъ и надо было ожидать, шлепнулся въ растяжку, и о немъ забыли едва-ли не прежде, чѣмъ принесли его изъ типографіи въ нижнюю лавку. Только теперь, послѣ такого горькаго опыта, г. Лажечниковъ убѣдился, что ему слѣдуетъ замолчать, что онъ чужой въ семьѣ новыхъ дѣятелей. Изъ разряда этихъ писателей всѣхъ умнѣе поступилъ Мей; онъ умеръ именно въ ту пору своей плодотворной дѣятельности, когда ему оставалось или перестать писать или потащить свою музу по лакейскимъ переднимъ разныхъ меценатовъ. По Мей, какъ чистый художникъ, вовсе нежелавшій знать того, что происходитъ у него подъ самымъ носомъ, не остановился бы во время, и потому, проживи онъ дольше, ему пришлось бы пѣть вмѣстѣ съ г. Θ . Бергомъ и К^о.

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что между Меемъ и г. Бергомъ — огромное разстояніе. У перваго былъ талантъ, правда растраченный по мелочамъ и не сформированный надлежащимъ развитіемъ, но все таки талантъ замѣчательный, а у втораго кромѣ желанія пѣть объ иволгахъ и о любви—нѣтъ ничего. Литературная карьера г. Берга для насъ ясна, какъ день; онъ произведетъ на свѣтъ еще десятка два или три въ потѣ лица воздѣланныхъ стихотвореній, и затѣмъ благополучно окончитъ свое земное поприще въ какой нибудь канцеляріи по особымъ порученіямъ. И благоразумно поступитъ, потому что щедрая природа удѣлила ему столько изъ своихъ благъ, сколько ихъ нужно для такой книжонки, какъ «Нѣсни скорбнаго поэта»;—творить дальше не изъ чего и не за чѣмъ. Никто, конечно, и не станетъ обвинять г. Берга въ томъ, почему онъ не оставилъ по себѣ 20 томовъ, какъ это сдѣлалъ Вольтеръ, или 18 томиковъ, принятыхъ нами отъ Гейне. Не виноваты же муравей въ томъ, что ему не подѣ слуху поднять большае крошечнаго зернышка и не виноваты орелъ въ томъ, что не сидитъ на муравейной кучѣ, а взлетаетъ на скалы и гор-

ныя вершины. Величайшая добросовѣстность писателя отличается не тѣмъ, чтобы пыхтѣть и надуться не въ мѣру, а тѣмъ, чтобы примѣнить свой талантъ съ пользой къ дѣлу и не брать на себя чужой роли, чужаго призванія. Мы первые будемъ отъ всей души рукоплескать г. Бергу, если онъ, написавъ еще двадцать стихотвореній, займется чѣмъ нибудь болѣе дѣльнымъ, хоть вышиваніемъ кошелевковъ. Въ послѣднемъ случаѣ практическій результатъ будетъ гораздо лучше. Вся тайна житейской мудрости заключается въ томъ, чтобы умѣть пайдти себѣ дѣятельность по силамъ и способностямъ, чтобы не браться съ муравьямъ ротикомъ за добычу, свойственную клюву орла.

Къ сожалѣнію, у большей части нашихъ писателей этого самообладанія не доставало. Поэтому они дѣлались тѣми переметными сумами, которыя сегодня здѣсь, а завтра тамъ. Эти люди называютъ себя по преимуществу художниками и готовы въ одно и то же время участвовать въ различныхъ органахъ, предлагая каждому изъ нихъ тотъ образъ мыслей и чувствъ, какаго потребуеетъ редація. Эти люди всегда *кстати*, и вездѣ ко двору. Цвѣта у нихъ нѣтъ никакаго или, лучше сказать, они совмѣщаютъ въ себѣ всевозможные цвѣта — отъ зеленаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и до желтаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ они побораютъ за свободу идеѣ, въ «Сынѣ Отечества» за кулачное право, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» они — патриоты, а въ «Голосѣ» самъ чортъ не разберетъ, что они такое. Историческимъ типомъ этого класса служить авторъ «Коляски». Всѣмъ извѣстно, что онъ палъ жертвою своей лирической неводержности. Остановись г. Майковъ въ пору, и мы оставили бы за нимъ названіе пѣвца классическихъ мужей — Сенеки, Люція и Лукана; но художникъ увлекся, и вотъ муза его сняла съ себя лавровый вѣнокъ и украсилась треугольной поярковой шляпой городничаго. Затѣмъ другаго выбора не осталось, какъ пріютиться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ отводится приличное помѣщеніе для всѣхъ, кто начинаетъ чувствовать размягченіе своего мозга. Подъ конецъ эти люди теряютъ всякое сознаніе о томъ, что пишутъ. Это случилось въ послѣднее время съ гг. Фетомъ и Писемскимъ. Первый не воздержался по увлеченію къ идилліи крѣпостнаго права, а второй просто по незнанію того, что надо дѣлать. Г. Писемскому, какъ даровитѣйшему художнику, слѣдовало заключить свою дѣятельность на «Батькѣ», а онъ, подражая лукавому

вызыву, сдѣланному г. Тургеневымъ машинъ Базаровымъ, пошелъ дальше и осрамилъ себя «Взбаломученнымъ Моремъ». Когда эта куча грязи, названная моремъ, еще лежала въ портфелѣ автора, онъ, покачивая головой, говорилъ, что это послѣдняя пѣснь лебедя, а теперь онъ самъ видитъ, что вышло карманье вороны. Вотъ что значить не имѣть самообладанія на скользкомъ литературномъ пути!

Но если недостатокъ самообладанія легко можетъ превратить лирическаго поэта и художника—беллетриста въ литературнаго бутыря, то для сатирика тотъ же недостатокъ еще болѣе опасенъ. Сатирикъ самъ дѣлается не только скученъ, но и смѣшонъ, когда смѣхъ его не достигаетъ цѣли, когда негодованіе его исходитъ попусту. Сатира дѣйствуетъ преимущественно мыслию, которая чѣмъ шире и глубже захватываетъ дѣйствительную жизнь, тѣмъ яснѣе можетъ отдѣлять уродливыя явленія отъ нормальныхъ. Только при общемъ меткомъ взглядѣ на весь механизмъ общественной жизни можно понимать отдѣльныя части; только тогда можно искренно ненавидѣть зло, когда сатирикъ носить въ своей душѣ глубокое убѣжденіе въ томъ, что есть сферы человѣческаго существованія болѣе чистыя и разумныя, а такое убѣжденіе можетъ вытекать только изъ обширнаго міросозерцанія, каковымъ отличались всѣ великіе юмористы и сатирики нашего времени. Въ противномъ случаѣ, *слѣпорожденная* сатира осуждена рыться въ кучѣ навоза до тѣхъ поръ, пока не оступитъ до того, что теряетъ всякую способность отличать золото отъ сора. Человѣку мыслящему совершенно понятна огромная разница между ѣдимымъ смѣхомъ, полнымъ смысла и значенія, вырывающимся изъ груди болѣзненно-потрясенной, и смѣхомъ площадного паяца, потѣшающаго публику мочальной бородой или пожираніемъ хлонка. Нѣтъ сомнѣнія, что та публика, которая восторгается паяцомъ, и дальше вариативы ничего не понимаетъ, не станетъ искать въ сатирѣ особеннаго смысла и не проникнется вмѣстѣ съ авторомъ отвращеніемъ къ осмѣянному злу. Для такой публики совершенно достаточно казеннаго обличенія «Занозы» или гостинподворскихъ остротъ «Развлеченія», но между подобными органами и истинной сатирой нѣтъ ничего общаго. Можно *обличать* сколько угодно и кого угодно, и въ то же время стоять на одномъ нравственномъ уровнѣ съ тѣмъ скотнымъ дворомъ, которому вмѣстѣ съ сѣномъ предлагается и античная соль. Наши обличители страдаютъ именно тѣмъ, что по развитію своему и по силѣ отрицанія не многимъ отличаются отъ

той публики, которую они забываютъ. Для цѣль сатира слушать точно такимъ же почтеннымъ орудіемъ, какимъ были розги для рижскихъ чиновниковъ, наблюдавшихъ за чистотою гражданскихъ нравовъ. Для многихъ обличителей смѣль самъ по себѣ, а мысль сама не себѣ; многие изъ нихъ напускаютъ на себя негодованіе, въ которомъ не участвуетъ ни одинъ нервъ ихъ простодушнаго существа; многие изъ нихъ, не умѣя связать причинъ съ послѣдствіями, возмущаются всѣмъ безъ разбору, не различая своего отъ чужихъ. Наде отрицать и обличать — этого требуетъ духъ времени и просыпающіяся силы общества, и вотъ они предаются этому упражненію съ тою же любовью, съ которой Донъ-Кихотъ воевалъ съ вѣтряными мельницами. Ну что, напримѣръ, можетъ быть безсвязнѣе головы г. Воскобойникова, но и онъ былъ обличителемъ. Нельзя, — этого требуетъ священная обязанность гражданина, напускающаго на себя равныя негодованія. Ну что можетъ быть невиннѣе такого журнала, набиваемаго всѣмъ, что Богъ пошлетъ, какъ «Библиотека для Чтенія», но и той наде было обличить устами г. Буренина пороки петербургскихъ редакторовъ. Но позвольте васъ спросить, гг. Воскобойниковы и К°, какая цѣль вашихъ обличеній? Изъ за чего бы вамъ привидываться негодующими гражданами, вѣзая въ шкуру сатириковъ, когда у васъ пищевареніе совершается, какъ слѣдуетъ, и печень находится въ нормальномъ состояніи? Во имя строгаго и неумолимаго разума вамъ нечего обличать, потому что ваше умственное убожество одинаково съ тѣми, кого вы обличаете; во имя правды не вамъ возмущаться, потому что для такихъ цѣлей есть другіе люди — не такой сыромятной выдѣлки, какъ вы. Въ оное время пламенѣлъ высокимъ гражданскимъ гнѣвомъ и г. Щербина, но теперь онъ проиняся кроткими унтеръ-офицерскими чувствами и оставилъ свою сатиру для канцелярскихъ отношеній. И хорошо сдѣлалъ. Хорошо сдѣлаютъ и другіе наши обличители, если, по недостатку развитія и общаго взгляда на всю нашу жизнь, оставятъ свои невинныя занятія и займутся чѣмъ нибудь дѣльнымъ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что всякій ремесленный цехъ гораздо полезнѣе обличительной службы, на которой состоятъ столько бездарностей, обратившихъ сатиру во что-то похожее на полицейскія обязанности. Ну кто въ наше время не обличитель? Кто подсмотрѣлъ, какъ исправникъ стащилъ взятку, тотъ уже обличаетъ; кто узналъ отъ своей бабушки, какъ его дѣдушка самодурствовалъ въ

своей семьѣ, тотъ непремѣнно облачаетъ. Все это, конечно, стоять и осмѣянія и общественной огласки, но развѣ такими фактами мы должны возмущаться? Развѣ на отдѣльныхъ явленіяхъ можно останавливаться, когда они сами по себѣ ничего не значатъ, когда для пониманія ихъ прежде всего нужно обратиться къ тому источнику, изъ котораго они происходятъ? Но чтобы открывать въ частномъ случаѣ общій законъ и во внѣшнемъ фактѣ видѣть внутренній смыслъ, для этого нужна сильная мысль, а ея-то и недостаетъ вамъ, наши невзвѣнные обличители. Я вовсе не хочу отвергать относительной пользы вашего разрыванія разныхъ навозныхъ кучъ, но я не понимаю, для чего вы это дѣлаете и положительно сомнѣваюсь, чтобы вы это дѣлали искренно. Вы посмотрите, сколько въ вашихъ рядахъ въ послѣднее время убыло, сколько произошло превращеній, подобныхъ тому, какое показалъ на себѣ г. Нл. Арсеньевъ, опредѣлившійся также на службу обличенія. Гдѣ эти милые старички, которые тоже ухмылялись надъ общественнымъ зломъ и угрожали обличеніемъ, а теперь готовы на стѣну лѣзть въ защиту общаго благоденствія? Гдѣ эти юноши, которые, спрятавъ на время въ карманъ свои палевые перчатки и растрепавъ передъ зеркаломъ напомаженные волосы, заговорили о трудѣ, о необходимости реформъ, объ искорененіи разныхъ неправдъ, гдѣ они теперь — наша надежда и утѣшеніе? Въ тѣхъ же танцкласссахъ, изъ которыхъ вышли обличать общественное зло. Слѣдовательно маскарадъ кончился, ну и маски долой!

Поэтому, чтобы не ошибаться на будущее время и не принимать волковъ за овецъ въ чужой шкурѣ, намъ надо одинъ разъ и навсегда условиться въ значеніи общественной сатиры, какъ величайшаго дѣятеля въ умственномъ развитіи каждаго народа. Прежде всего замѣтимъ, что сатирикъ и зубоскаль — два индивидуума совершенно различныя по своей натурѣ; первый по преимуществу человекъ мыслящій, а второй не болѣе, какъ забавный шутъ, изъ числа тѣхъ гороховыхъ шутовъ, которые потѣшаютъ большихъ баръ послѣ обѣда; смѣхъ сатирика есть сильное нервное раздраженіе, вытекающее изъ глубокаго чувства презрѣнія къ торжествующему злу, смѣхъ, соединенный съ невидимыми, но горячими слезами благороднѣйшаго существа; въ этомъ смѣхѣ нѣтъ ничего похожаго на то холопское кривлянье, за которое дарится шуба съ барскихъ плечъ или отпускается нѣсколько пощечинъ въ знакъ особеннаго благоволенія; у сатирика есть свои убѣжденія, которыми онъ остается вѣрнымъ во

всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности; его руководящая идея не оставляетъ его ни въ минуты сильнаго раздраженія, ни въ минуты лирическаго восторга. Мы хорошо чувствуемъ, надъ чѣмъ и за чѣмъ смѣется такой сатирикъ, какъ Бёрне или его другъ Гейне... Нашимъ обличителямъ не мѣшаетъ это замѣтить; въ противномъ случаѣ пусть они не прогнѣваются, если мы будемъ различать ревъ такихъ господъ, какъ Воскобойниковъ, только по ушамъ. Наконецъ общественная сатира должна уважать себя настолько, чтобы не начинать одними мелкими явленіями, которыя болѣе жалки, чѣмъ смѣшны. Если границы ея независимости такъ тѣсны, что она принуждена хлопать по однимъ мошамъ и букашкамъ, то ей лучше молчать, чѣмъ предаваться бесплодному упражненію; въ которыхъ случаяхъ умѣнье молчать есть великое достоинство человеческого слова. Нельзя сказать, чтобы русская литература могла похвалиться этимъ достоинствомъ, начиная съ Каптемира и до Щедрина. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ сатира ея издѣвается надъ исправниками и городничими, надъ купцами 3 гильдіи и надъ мѣщанами, пролезающими въ купцы; громы и молніи ея постоянно раздаются надъ пороками чиновниковъ, которымъ нечего ѣсть, и надъ разными мелкотравчатыми плутами, которые такъ же относятся къ сатирѣ, какъ вонючій биштекъ къ лирическому пѣснопѣнію. Только въ «Горѣ отъ Ума» Грибоѣдовъ рѣшился поднять нѣсколькими рангами выше и вывелъ на сцену превосходительнаго героя статскихъ степеней, но когда удавалась нашей сатирѣ такая дерзость, то она переходила въ скромный юморъ и изливалась въ декламацихъ

Чацкихъ. Юморъ былъ сухъ и безжизненъ, а декламациі отличались только краснорѣчивой трескотней, и сквозь лавры такихъ талантаивыхъ писателей, какъ Пушкинъ и Гоголь, не рѣдко проглядывали длинныя уши Воскобойниковыхъ. Поэтому сатира наша у самыхъ замѣчательныхъ представителей ея впадала или въ правоучительный тонъ автора «Переписки съ друзьями» или въ самую безвыходную односторонность. Что же касается до посредственныхъ писателей, собирающихъ крошки со стола богатыхъ дарованій, то они превращали сатиру въ то будничное руководѣлье, отъ котораго надоѣдало и публикѣ и имъ самимъ. Вмѣсто ѣдкой и тонкой пасмѣшки слышалось глухое хрипѣнье; вмѣсто мысли и пониманія жизни какъ въ лучшихъ, такъ и въ худшихъ явленіяхъ ея, представлялись отдѣльные уродливые образы, ничѣмъ не связанные съ общимъ хо-

домъ общественнаго самодурства. Все это пришло публику смѣрять на сатиру, какъ на болѣе или менѣе вѣсентный скандалъ, и не требовать отъ нея ничего болѣе серьезнаго, кромѣ пріятности ухмыльнуться себѣ въ кулакъ. Съ другой стороны, сатирикъ, видя, что удовлетворить подобную публику очень легко, съ самымъ наивнымъ наслажденіемъ занимался пусканіемъ мыльвыхъ пузырей и называлъ это «безпощаднымъ отрицаніемъ, обличеніемъ» и т. д. Слѣдствіемъ всего этого являлась та поразительная безтактность, которая въ послѣднемъ романѣ г. Писемскаго достигла гималайскихъ вершинъ. Слово *обличу* сдѣлалось канцелярской формулой и подъ суровой одеждой сатиры могла явиться на сценѣ литературной дѣятельности самая щедрая бездарность. Когда смѣсь Добролюбова получилъ право гражданства среди общаго мычанья нашихъ олдистеровъ и эстетиковъ, многіе, увлекаясь успѣхомъ этого свиста, принялись также насвистывать, — даже тѣ, кого Богъ обдѣлилъ способностію мычать. Сатирическіе журналы, составившіе концертъ не въ примѣръ лучше Крыловскаго квартета, начали снова перебирать исправниковъ и городничихъ, и украсили свои страницы такими сатирическими талантами, которыми сталъ руководить даже г. Розенгеймъ. Зашевелились разныя личныя страстишки, врошечныя самолюбія, мелкая раздражительность, и предметомъ обличенія готовъ былъ сдѣлаться всякій Губошлеповъ, непринявшій супругу обличителя въ артистки театра. Ничего нѣтъ удивительнаго, что среди этой малабарской пляски появились даже такіе сатирики, которымъ позавидовалъ бы самъ Менцель, помогавшій берлинской полиціи обличать тайны человѣческой души и залазить въ ея совѣсть.

Сатирическіе очерки и рассказы г. Горскаго принадлежать къ разряду обличительныхъ сочиненій; сатиры, въ собственномъ значеніи этого слова, въ нихъ очень мало или почти вовсе нѣтъ. Это отдѣльные эпизоды и типы, взятые изъ дѣйствительной жизни, попавшіе подъ наблюденіе автора, съ тѣми особенностями, которыя привелось ему испытать на самомъ себѣ. Недостатокъ развитія и твердо сложившихся убѣжденій лишаетъ возможности г. Горскаго смѣрять на окружающій его міръ тѣмъ полнымъ и яснымъ взглядомъ, который, какъ мы замѣтили выше, необходимъ современному сатирику. Взглядъ г. Горскаго такъ узокъ, наблюденія его были такъ односторонни, пониманіе жизни такъ ограничено, что отъ рассказовъ его нельзя требовать не только оригинальности, но даже разнообразія въ изо-

бражеских или индичьих и общественно-полюженъ ихъ. Всѣ герои его походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды, различаясь только по возрасту, по степени чиновъ и по мѣсту жительства ихъ. Всѣ они или *благоприспособленые* чиновники, набивающіе себѣ карманъ такими тѣсными инверсиями, что какъ на орудіи ихъ нельзя зашѣкнуть ни одной соринки, такъ въ воступающіхъ ихъ невоспитанно отыскать ни одной явной гадости; или это бѣдняки, востраиваемые нуждой и лишениями до такого массивнаго теріянія, что, кажется, нѣтъ въ природѣ страданія, которому бы они ни поворачивались. Когда человѣкъ страдаетъ и сознаетъ свое страданіе, мы сочувствуемъ ему, но герои г. Горскаго престо жалили, потому что тупая выносливость ихъ возбуждаетъ въ читателѣ негнѣбнѣющую антипатію къ этой ослиной добродѣтели. Героини его также одного поля ягоды — или ханжи и вѣдотки, какъ нельзя удобнѣе соглашающія свое ханжество съ самыми слезливыми наклонностями. Всѣ эти характеры дѣйствительно вѣрно сфотографированы съ натуры, но они относятся къ жизни такъ же, какъ сюжетъ анатомическаго театра къ тѣмъ живымъ субъектамъ, которыми они нѣкогда принадлежали. Чтобы представить типическія свойства своего героя или героини, г. Горскій беретъ нѣсколько вѣщныхъ признаковъ, и по нимъ составляетъ свою новеллистскую работу. Работа выходитъ кропотливая, мозолистая, но, не одушевленная талантомъ и широкимъ взглядомъ на жизнь, она утомляетъ своимъ однообразіемъ. Иногда не знаешь, что думать, — не попалъ ли какъ-нибудь случайно, но ошибкѣ типографа, конецъ повѣсти въ началѣ или началѣ не переставлено-ли въ концѣ. Такъ въ *Бездольномъ* рассказывается, какъ одинъ бѣднякъ учитель изъ студентовъ, поднятый городовымъ съ тротуара въ полумертвомъ видѣ и отвезенный въ больницу, умираетъ въ ней одиноко, на рукахъ грубаго фельдшера, желавшаго какъ можно нескорѣе отвязаться отъ лишняго больного. Хотя авторъ и не говоритъ прямо, что *Бездольный* былъ раздавленъ на дорогѣ лошадьми, но можно догадываться, что «онъ лежалъ среди тротуара блѣдный, какъ марморъ, съ закрытыми, ввалившимися глазами, съ текущей горломъ кровью во мантии, по смѣртку, по всему» именно потому, что попался подъ колесо или подъ дышло какого-нибудь экипажа; это обстоятельство и послужило причиной смерти Сергѣя Бездольнаго. Закончивъ съ книжъ, авторъ сочелъ нужнымъ сообщить намъ біографію своего героя; въ этой біографіи, прилетенной здѣсь ни къ селу, ни къ го-

роду, оказывается, что и отецъ Бездольнаго также умеръ оттого, что былъ раздавленъ на Невскомъ проселкѣ, какъ и его сынъ. Вся разница между отцомъ и сыномъ, какъ описываютъ ихъ авторъ, заключается единственно въ томъ, что первый былъ бѣднякъ - чиновникъ, а второй бѣднякъ - учитель. Загнѣвъ эти двѣ личности до того слѣдны, что можно замѣнить одно другимъ, т. е. переставить начало повѣсти въ конецъ или обратно, и повѣсть нисколько не проиграетъ въ своей цѣльности. Не думаемъ, чтобы у г. Горскаго не достало на столько изобрѣтательности, на сколько ея нужно для избѣжанія подобнаго однообразія; это объясняется скорѣе самимъ процессомъ авторской работы. Чтобы растянуть свой рассказъ на нѣсколько лишнхъ печатныхъ страницъ, онъ придѣлалъ къ своему рассказу довольно длинный эпизодъ, но, позабывъ о томъ, что написалось прежде, придѣлалъ его по старому образцу. Иногда г. Горскій совершенно забываетъ, какъ его герой называется въ началѣ очерка, и подъ конецъ даетъ ему другое имя. Все это случается и не съ такими обличителями, какъ г. Горскій; за обличіе редакціи платятъ, слѣдовательно почему же и не обличить раза два или три одинъ и тотъ же случай, почему не замѣнить пустоты содержанія своей статьи какимънибудь повтореніемъ. Только г. Горскій ужъ слишкомъ безцеремонно обращается съ своей клятвою; если онъ разъ сравнилъ сѣрый цвѣтъ съ солдатскимъ набрюшникомъ, то непремѣнно то же самое сравненіе употребить онъ во второй и въ третій разъ.

Мы не понимаемъ, почему г. Генкель, издатель Очерковъ и Рассказовъ г. Горскаго, назвалъ ихъ *сатирическими* и съ какою стати онъ украсилъ заглавный листъ краснымъ полемъ и какимъ-то угрюмымъ чортомъ, обѣдавшимъ своего товарища. Ну какое можетъ быть сходство между этимъ чортомъ, вооруженнымъ длиннымъ перомъ, и скромнымъ, застѣнчивымъ и бѣднымъ г. Горскимъ? Такая неаппая аффектація могла только болѣзненно подѣйствовать на воображеніе автора, который и безъ того боялся своихъ произведеній; теперь онъ, несчастный, вообразилъ себя антихристомъ, и въ этомъ отчасти виноватъ г. Генкель... Далѣе мы находимъ слово *Сатирический* совершенно неуцѣтнымъ ярлыкомъ для сочиненій г. Горскаго. Назовите ихъ какъ угодно, но только не сатирой. Въ нихъ нѣтъ ни ѣдкаго смѣха, ни глубокаго негодованія, ни даже забавныхъ карикатуръ; авторъ смот-

рять на жизнь вовсе не съ сатирической точки зрѣнія, не съ тѣмъ, спокойнымъ и объективнымъ юморомъ, который отличаетъ сатирика. Онъ описываетъ разныхъ бѣдняковъ и мошенниковъ преимущественно съ нравственной стороны, и рассказы его должны быть названы правоописательными очерками или чѣмъ нибудь въ родѣ этого. Да не подумаетъ читатель, что мы придираемся къ слову; нѣтъ, по самому смыслу рассказы г. Горскаго не могутъ относиться къ области сатиры. Г. Горскій любитъ моральные выводы, правоученія, а талантливый сатирикъ этого не терпитъ. Онъ рисуетъ намъ житейское безобразіе такъ, какъ оно дѣйствительно существуетъ, и за тѣмъ предоставляетъ каждому выводить какія угодно заключенія; ему нѣтъ никакого дѣла до того, какими правоучительнымъ результатомъ разрѣшится изображаемый имъ типъ, лишь бы этотъ типъ не отступалъ отъ жизненной правды. Правоученія надо оставить баснямъ, и то потому, что басни пишутся для большихъ дѣтей, которымъ необходимо предлагать духовную пищу въ разжеванномъ видѣ; иначе они не примутъ ее и выплюнутъ. Что же касается самой морали г. Горскаго, то она повторяется въ неприкосновенномъ своемъ достоинствѣ со времяя царя Соломона. Возьмемъ нѣсколько образчиковъ. «Какое горькое, безотрадное положеніе бѣднаго человѣка! Его терзаютъ не богачи, которые не имѣютъ понятія объ истинной бѣдности, а такіе же бѣдиаки, какъ онъ самъ». Это разсужденіе вставлено авторомъ по поводу двухъ мозглявыхъ старушенокъ, которые не дали поѣсть шей «голодному человѣку», и по поводу жестокосердыхъ поденщиковъ изъ солдатъ, чуть не прогнавшихъ того же «голоднаго человѣка» съ биржи за неумѣнье его справиться съ своей работой. Нельзя ничего сказать противъ справедливости факта, но идея въ основаніи совершенно ложная. Бѣднякъ ѣсть другого бѣдняка не потому, что ему нравится это блюдо, а потому, что ему удобнѣе и ближе пожирать того, кто стоитъ поперекъ его дороги, хотя причина этого взаимнаго пожиранія вовсе не зависитъ отъ бѣдняка. А вотъ примѣръ негодованія г. Горскаго: «Какъ! Человѣку, довольно образованному, не запятнавшему себя рѣшительно ничѣмъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ трудиться, не повѣрять двухъ съ половиною копѣекъ!» Дѣйствительно, ужасно; но одинъ жирный банкиръ, котораго остановилъ нищій и началъ упрекать за то, что онъ прошелъ мимо и не бросилъ ему гроша, отвѣчалъ очень не глупо: потому-то я и не даю тебѣ гроша, что ты попросишь завтра два, потомъ три, а въ моемъ

бюджетъ такихъ расходовъ не полагается.» Ужь если довольно обриванной человекъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ трудиться, поставленъ въ такія обстоятельства, чтобы ванимать двѣ копейки съ половиной, то я не знаю, кому должно быть особенно гадко. — тому ли, кто даетъ, или тому, кто беретъ. Во всякомъ случаѣ, гнѣваться за это не за что. Иногда у г. Горскаго прорываются чисто-почвенныя правдоученія, которыя подъ стать самому г. И. Аксакову: «Мы еще какъ-то не умѣемъ, говорить г. Горскій, цѣнить свѣтлаго пронцательнаго ума русскаго народа; насъ еще ослѣпляютъ болтливые, какъ сороки, французы и высокопарные скудоумные нѣмцы.» А все-таки, г. Горскій, со всей нашей пронцательностію не мѣшаетъ намъ еще многому поучиться у скудоумныхъ нѣмцевъ. Такова ужъ наша пронцательность! Но ничто такъ сверно не дѣйствуетъ на здоровую мысль человекъ, какъ эта истертая въ пыль мораль, соединенная съ какии-то униженіемъ, доходящимъ до такой забитости, что человекъ совершенно искренно считаетъ себя хуже всякой старой подошвы. Такъ, они сывая рабочихъ, идущихъ на свой поденный трудъ, г. Горскій прерываетъ свой рассказъ и заставляеть «голоднаго человекъ» размышлять слѣдующимъ образомъ: «Вотъ кто настоящіе-то полезные члены общества, вотъ тѣ, безъ которыхъ не обходится ни одно государство, ни одно общество... Тутъ я задумался на эту тему и до того ужъ замечтался, что самому стало совѣстно.»

— Фу! какія высокопарныя, залетистыя мечты въ головѣ ободраннаго, отрепаннаго, голоднаго чиновнички, бредущаго въ рубищѣ на биржу работать, чтобъ не умереть съ голода.» — Странно, почему-бы думать, что голодный человекъ не имѣеть права и мечтать; напротивъ, голодные-то и мечтають, и притомъ мечтають гораздо умнѣ и оригинальнѣ, чѣмъ герой г. Горскаго.

Останавливаться дальше на разсказахъ г. Горскаго нѣтъ надобности. Кто знаетъ изъ нихъ одинъ, тотъ знаетъ всѣ остальные: такъ они однообразны и сухи. Какъ обличительная статистика, какъ сырой матеріалъ для изученія нашего общества, они не бесполезны и многими прочтутся охотно. По искренности своихъ чувствъ и по наивности своихъ мыслей мы даже ставимъ г. Горскаго гораздо выше тѣхъ обличителей, которые желаютъ рисоваться своей бездарностію и продають ее съ торговъ. Г. Горскому мы не можемъ отказать ни въ честности, ни въ желаніи быть по своему полезнымъ, а эту черту нельзя назвать слишкомъ обыкновенной въ настоящее время. Ес-

ли-бъ отъ насъ зависѣло посовѣтованъ г. Горскому не братья во-
все за перо, когда онъ вступалъ въ цѣхъ нашихъ обличителей, то
мы постарались-бы отклонить его отъ литературной дѣятельности; но
теперь намъ остается только пожалѣть о томъ, что извѣстная доля
его ума не могла найти себѣ лучшаго приименія, чѣмъ «Сатири-
ческіе рассказы». Истратилъ онъ ее силна и добросовѣстно, но се-
вершенно безплодно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ числѣ библиографическихъ новостей появленіе книги Чарльса Дарвина: *О происхожденіи видовъ*—въ русскомъ переводѣ составляетъ такой отрадный фактъ, что другого подобнаго наша литература долго не дождется. Сочиненію Дарвина суждено составить эпоху въ наукѣ и, разрушивъ веткія основы естествознанія, открыть ему безконечный горизонтъ впереди. И мы не знаемъ, чему болѣе удивляться, необыкновенной эрудиціи великаго ученаго, обладающаго милліонами фактовъ, или геніальности этого пытливаго ума, съ такимъ спокойствіемъ и такъ скромно совершающаго громадный переворотъ въ области положительнаго знанія. Послѣ теорій Дарвина дѣлается возможнымъ множество новыхъ открытій, которыя доселѣ были внѣ предѣловъ науки и человѣческихъ силъ. Къ сожалѣнію, и этотъ знаменитый трудъ не спасся отъ милого русскаго переводчика, которымъ нанячана наша издательская {дѣятельность; г. Рачинскій перевелъ Дарвина тяжело и не ясно, увлекаясь несчастной заманной изобрѣтать новыя слова, какъ напр. *сидало* или *монрокъ*, такъ что самого г. Рачинскаго иногда приходится переводить на понятный русскій языкъ.

Не претендуя судить о книгѣ Дарвина въ качествѣ специалиста, мы однакожь попробуемъ въ слѣдующихъ книжкахъ «Русскаго Слова» изложить сущность этой новой теоріи и указать на применіе ея,

уже сдѣланное лондонскимъ профессоромъ Гексли въ его прекрасныхъ лекціяхъ: *О положеніи человека въ ряду органическихъ существъ*. На этотъ же разъ я ограничусь только нѣкоторыми общими замѣчаніями, не бесполезными для пониманія Дарвина.

Настоящій трудъ его составляетъ, такъ сказать, преддверіе того великолѣпнаго зданія, въ которое авторъ обѣщаетъ ввести насъ со временемъ. Это не болѣе, какъ краткое извлеченіе изъ огромнаго труда, надъ которымъ Дарвинъ неутомимо работаетъ болѣе двадцати шести лѣтъ. «Во время моего кругосвѣтнаго путешествія, говоритъ онъ въ своемъ введеніи, въ качествѣ натуралиста на кораблѣ *Билль*, я былъ сильно пораженъ нѣкоторыми особенностями въ распредѣленіи животныхъ и растений по Южной Америкѣ и въ геологической связи угасшихъ озеръ и фауны этого материка съ озерами и фаунами настоящими. Эти особенности, какъ казалось мнѣ, проливали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ — эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ величайшихъ философовъ. По возвращеніи на родину въ 1837 году, мнѣ пришло на мысль, что можно было бы подвинуть разрѣшеніе этого вопроса, тщательно собирая и обдумывая всякаго рода факты, могущіе имѣть къ нему отношеніе.... Мой трудъ теперь почти оконченъ; но такъ какъ мнѣ еще нужно будетъ года два-три для того, чтобы довести его до конца, а здоровье мое далеко не надежно, то я согласился издать это извлеченіе». (стр. 1) По такому извлеченію можно судить, чѣмъ должно быть полное сочиненіе Дарвина.

Точность наблюденій и неутомимая провѣрка опытовъ составляютъ высшія достоинства натуралиста. Въ этомъ отношеніи мы не знаемъ другого ученаго, который бы занимался изслѣдованіемъ своего предмета съ такою любовью и съ такимъ вниманіемъ, какъ Дарвинъ. Вотъ какъ, напримѣръ, для изученія мушкетеровъ и видоизмѣненія ихъ онъ собираетъ необходимые ему факты, наблюдая за жизнью и привычками муравьевъ. Я не отказываю себѣ въ удовольствіи выписать все это мѣсто изъ книги Дарвина:

Рабовладельническій институтъ. — Этотъ замѣчательный институтъ впервые былъ открытъ у *Formica (Polyergus rufescens)* Петромъ Губеромъ, наблюдателемъ болѣе даже искуснымъ, чѣмъ его знаменитый отецъ. Этотъ муравей только и живетъ трудами своихъ рабовъ; безъ ихъ помощи, видъ, конечно, вымеръ бы въ теченіе одного года. Самцы и плодовитые самки не работаютъ. Работники или бесплодные

самки, хотя и очень энергическія и храбрыя на захватываніе рабовъ, ничего другаго не дѣлають. Онѣ неспособны строить собѣ муравейники, неспособны восторжнать собственныхъ личинокъ. Когда старый муравейникъ оказывается неудобнымъ и имъ приходится переселяться, переселеніемъ распоряжаются рабы, переноса своихъ господъ въ члвкствяхъ. Эти господа до того непроны, что когда Губеръ завиралъ ихъ шугуъ тридцать, не присоединивъ къ нимъ ни одного раба, съ обиліемъ самой пригодной имъ помощи и съ ихъ личинками и куколками, чтобы поощрить ихъ къ работѣ, они не дѣлали ровно ничего; они даже не умѣли питаться сами, и многіе изъ нихъ умерли съ голоду. Губеръ затѣмъ допускалъ къ нимъ одного раба (*Formica fusca*), и онъ тотчасъ принимался за дѣло, кормить личинокъ и выжившихъ муравьевъ, строилъ нѣсколько ячеекъ, няпчался съ личинками, и приводилъ все въ порядокъ. Что можетъ быть страннѣе этихъ вполне достовѣрныхъ фактовъ? Еслибы намъ не были извѣстны и другіе муравьи-рабовадѣльцы, всякія попытки объяснить себѣ такой странный инстинктъ были бы безъ надежды.

II. Губеръ открылъ, что и другой видъ муравья (*F. sanguinea*) захватываетъ рабовъ. Этотъ видъ встрѣчается на югѣ Англіи, и мистеръ Ф. Смитъ, членъ Британскаго Музея, производилъ наблюденія надъ его правами и одолжилъ меня многими сообщеніями объ этомъ и о другихъ предметахъ. Хотя я вполне довѣрилъ показаніямъ Губера и мистера Смита, но постарался отнестись къ этому предмету скептически: сомнѣваться въ существованіи такого страннаго и ненавистнаго инстинкта, конечно, извинительно. Поэтому я сообщу нѣсколько подробно наблюденія, произведенныя мною самимъ. Я вскрылъ четырнадцать гнѣздъ кроваваго муравья (*F. sanguinea*) и въ каждомъ изъ нихъ нашелъ нѣсколько рабовъ. Самцы и плодовитыя самки того вида, къ которому относятся рабы, встрѣчаются только въ собственныхъ муравейникахъ и никогда не были найдены въ кучкахъ кроваваго муравья. Рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ, такъ что рѣзко отличаются отъ нихъ по паружному виду. Когда муравейникъ слегка тревожатъ, рабы иногда выбѣгаютъ и, подобно господамъ, суетятся, защищая муравейникъ. Когда муравейникъ вырываютъ и обнаруживаются личинки и куколки, рабы энергически содѣйствуютъ своимъ господамъ въ перенесеніи ихъ дѣтенышей въ безопасное мѣсто. Изъ этого очевидно, что рабы въ чужомъ муравейникѣ чувствуютъ себя дома. Три года сряду,

въ теченіе іюня и іюля, я цѣлыми часами сидѣлъ надъ расхи-
ни муравейниками въ Соррѣѣ и въ Соссеѣ, и ни разу не видалъ,
чтобы рабъ входилъ въ муравейникъ или выходилъ изъ него. Тамъ
какъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ рабы очень многочисленны, я поду-
малъ, что они, быть можетъ, ведутъ себя иначе, когда они много-
численнѣе; но мастеръ Смитъ сообщаетъ мнѣ, что онъ стережетъ мура-
вейники въ разные часы въ теченіе мая, іюня и августа, какъ въ Сор-
рѣѣ, такъ и въ Гамншейрѣ, и никогда не видалъ, чтобы рабы, очень
многочисленные въ августѣ, оставляли гнѣздо или входили въ него.
Поэтому онъ считаетъ ихъ рабами исключительно домашними. Го-
спода съ другой стороны, постоянно притаскиваютъ матеріалъ для
муравейника и всякаго рода пищу. Въ нынѣшнемъ году, однакоже,
въ іюль мѣсяцѣ, я наналъ на общину, обладающую значительнымъ
количествомъ рабовъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые рабы присоеди-
нились къ господамъ, выходящимъ изъ муравейника, и виѣсть съ ни-
ми направлялись къ высокой соснѣ, стоявшей на разстояніи двадца-
ти пяти ярдовъ, вѣроятно, за тлями или червецами. По свидѣтель-
ству Губера, имѣвшаго возможность производить множество наблюде-
ній, рабы въ Швейцаріи обыкновенно работаютъ виѣсть съ господами
надъ постройкою муравейника, и они одни открываютъ и закрываютъ
его входы утромъ и вечеромъ, и, какъ утверждаетъ Губеръ, главное
охъ занятіе состоитъ въ отыскиваніи тлей. Это различіе между нра-
вами господъ и рабовъ въ обѣихъ странахъ, вѣроятно, зависитъ лишь
отъ того, что въ Швейцаріи захватывается болѣе рабствъ, чѣмъ въ
Англіи.

Однажды я имѣлъ счастье присутствовать при переселеніи крова-
выхъ муравьевъ изъ одного муравейника въ другой, и было очень
интересно видѣть, какъ господа переносили своихъ рабовъ въ чело-
стяхъ, виѣсто того, чтобы заставлятъ ихъ переносить себя, какъ
дѣлаегъ *F. rufescens*. Въ другой разъ мое вниманіе было привлече-
но дожиною рабовладѣльцевъ, суеящихся на одной точкѣ и, оче-
видио, не отыскивавшихъ пищу; они скоро напали на независи-
мый муравейникъ того вида, который они захватываютъ въ рабство
(*F. fusca*), и были энергически отражены, причеиъ случилось, что въ
ноги рабовладѣльцевъ вцѣплялось до трехъ изъ ихъ мелкихъ враговъ.
Кровавые муравьи, съ своей стороны, безжалостно убивали своихъ
болѣе слабыхъ противниковъ и уносили ихъ жертвы тѣла на съѣ-
деніе въ свой муравейникъ, на разстояніе двадцати девяти ярдовъ;

но мнѣ не удалось захватить ни одной куколки, которую они могли бы воспитать въ рабствѣ. Я тогда вырылъ нѣсколько куколокъ *F. fusca* изъ другаго гнѣзда и положилъ ихъ на обнаженную землю близъ поля битвы; ихъ тотчасъ съ жадностью захватили и утащили рабовладельцы; быть можетъ, мнѣ представилось, что они все-таки одержали побѣду въ своей недавней битвѣ.

Въ то-же время, я положилъ на то-же мѣсто кучу куколокъ другаго вида (*F. flava*) съ частицами муравейника, на которыхъ еще сидѣли нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ желтыхъ муравьевъ. Этотъ видъ иногда, хотя очень рѣдко, обращается въ рабство, по свидѣтельству мистера Смита. Эти муравьи, хотя очень мелкіе, чрезвычайно храбры. и мнѣ случилось видѣть, какъ свирѣпо они нападаютъ на другихъ муравьевъ. Однажды я, къ удивленію своему, нашелъ кодь камнемъ независимое общество желтыхъ муравьевъ (*F. flava*) рядомъ съ гнѣздомъ рабовладельческой *F. sanguinez*, и когда я случайно встревожилъ оба гнѣзда, мелкіе муравьи съ шумительною храбростію напали на своихъ крупныхъ сосѣдей. Въ настоящую минуту мнѣ хотѣлось знать, сумѣютъ-ли кровавые муравьи отличить куколки вида *F. fusca*, обыкновенно обращаемые ими въ рабство, отъ куколокъ мелкой и свирѣпой *F. flava*, которую они рѣдко захватываютъ въ плѣнъ, и они, очевидно, умѣли отличать ихъ, ибо мы видѣли, что они тотчасъ и съ жадностью захватили куколки бурога муравья (*F. fusca*); но какъ только они натыкались на куколки желтаго муравья или на землю изъ его гнѣзда, они, повидному, сильно пугались и быстро убѣгали; но черезъ четверть часа послѣ того, какъ уползли всѣ мелкіе желтые муравьи, рабовладельцы ободрились и утащили ихъ куколки.

Однажды вечеромъ я посетилъ другое гнѣздо кровавыхъ муравьевъ, и видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ входили въ свой муравейникъ, тогда груны бурога муравья (слѣдовательно, то не было переселеніе) и множество куколокъ. Я прослѣдилъ путь возвращающейся вереницы на протяжении около сорока ярдовъ, до густой нучи вереска, изъ которой выходилъ послѣдній кровавый муравей, несущій куколку. Но мнѣ не удалось отыскать въ густомъ верескѣ разореннаго гнѣзда. Это гнѣздо, однакожъ, должно было находиться не близости, ибо два или три бурыхъ муравья бѣгали по вереску въ величайшемъ беспорядкѣ и одинъ изъ нихъ, съ куколкой въ челюстяхъ, сидѣлъ на

самомъ концѣ вересковаго стебелька, острая на свое разворочное жало—живой образъ отчаянія.

Таковы факты, впрочемъ не нуждавшіеся въ подтвержденіи съ одной стороны, относящіеся къ дивному инстинкту муравьевъ-работладельцевъ. Слѣдуетъ замѣтить контрастъ между инстинктивными поведеніями кроваваго муравья и континентальнаго *F. rufescens*. Последний не строитъ собственнаго муравейника, не распоряжается собственными переселеніями, не собираетъ пищу для себя и для своихъ дѣтенышей, даже не можетъ питаться самъ: онъ вполне зависитъ отъ своихъ многочисленныхъ рабовъ. Какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Англійи, рабы, повидимому, исключительно ухаживаютъ за личинками, и господа ходятъ одни на поимку рабовъ. Въ Швейцаріи рабы и господа работаютъ вмѣстѣ, приготовляя и притаскивая матеріалъ для муравейника: и тѣ, и другіе, но преимущественно рабы, копятъ и, такъ сказать, доятъ тлю; слѣдовательно, и тѣ и другіе собираютъ пищу для общины. Въ Англійи выходятъ изъ муравейника для собиранія строительныхъ матеріаловъ и пищи для всей общины обыкновенно одни господа. Такимъ образомъ, англійскіе муравьи-работладельцы гораздо менѣе пользуются услугами своихъ рабовъ, чѣмъ швейцарскіе.

Какимъ путемъ возникъ инстинктъ кроваваго муравья, я не беру съ себя предпологать. Но такъ-какъ муравьи, даже не держащіе рабовъ, подбираютъ какъ я часто видалъ, куколки другихъ видовъ, если рассыпать ихъ около ихъ гнѣзда, то очень возможно, чтобы куколки, припасенныя первоначально на пищу, развились, а муравьи, воспитанные такимъ образомъ случайно, должны были, слѣдуя собственному инстинкту, работать по мѣрѣ своихъ силъ. Если ихъ присутствіе въ муравейникѣ оказывалось полезнымъ виду, захватившему ихъ — еслибы этому виду было выгоднѣе брать въ плѣнъ работниковъ, чѣмъ нарождать ихъ — то привычка собирать куколокъ на сѣдненіе могла быть усилена естественнымъ подборомъ, приобрѣсти постоянно и приспособиться къ совершенно иной цѣли — къ воспитанію рабовъ. Если этотъ инстинктъ былъ разъ приобрѣтенъ, и даже въ мѣрѣ гораздо меньшей, чѣмъ у англійской *F. sanguinea*, менѣе пользующейся, какъ мы видѣли, трудомъ своихъ рабовъ, чѣмъ тотъ же видъ въ Швейцаріи, я не вижу невяроятности въ томъ, чтобы естественный подборъ усиливалъ и видоизмѣнялъ этотъ инстинктъ — предполагая, конечно, что всякое видоизмѣненіе было полезно виду—

пока не сложился муравей, столь постыдно зависящій отъ своихъ рабовъ, какъ *Formica rufescens*.

По одному этому отрывку можно судить, какія, повидимому, мелкія явленія возбуждаютъ любопытство и привлекаютъ самое тщательное вниманіе великаго натуралиста; но только такимъ путемъ, современная наука и можетъ доходить до такихъ важныхъ открытій и плодотворныхъ результатовъ, какіе вытекаютъ изъ теоріи Дарвина, и о которыхъ какъ я уже замѣтилъ, поговорю впоследствии.

Лѣтъ шесть тому назадъ Добролюбовъ, говоря о стихотвореніяхъ г. Плещеева, сказалъ, что характеръ большей части изъ нихъ — тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью, печаль о не сбывшихся надеждахъ. Онъ сравнивалъ пѣсни поэта, явившіяся за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, съ его позднѣйши ми произведеніями и выводилъ изъ этого сравненія заключеніе, что и г. Плещеевъ подвергся общей участи русскихъ поэтовъ, — раннему разочарованію, являющемуся вслѣдъ за несбыточными мечтами. Онъ приводилъ въ примѣръ нѣсколько стихотвореній его, гдѣ это повидимому выражено :

О, если бъ знали вы, друзья моей весны,
 Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благородныхъ,
 Какой мучительной тоской отравлены—
 Проходятъ дни мои въ сомнѣніяхъ безплодныхъ!
 Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
 И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
 Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
 Зарылъ я въ землю самъ, зарылъ, какъ раба лживый....
 Душъ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
 И отличать дано добро отъ зла умъныи;
 На что же тратилъ я священныи сердца жаръ?
 Упорно къ цѣли шелъ во имя убъжденья?
 Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
 Я пренебрегъ труда спасительной дорогой;
 Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
 И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой,
 О больно, больно мнѣ... Скорбитъ душа моя,
 Казнить меня палачъ неумолимый — совѣсть,
 И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
 Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть.

Еслибъ за такимъ сознаниемъ не послѣдовало ничего, кромѣ дальнѣйшихъ слезъ на эту тему, мы имѣли бы право заключить, что и прежніе идеалы, и мечты, и эта скорбь — суть идеалы и скорби эстетическія, которыя поэтъ папускаетъ на себя, настроивая музу. Мы бы могли подумать это, потому что если это сознание искренно, а не искусственно, то оно не можетъ быть продолжительно: за нимъ непремѣнно должно послѣдовать или полное отрѣченіе отъ жизни, совершенное отчаяніе, или напротивъ того—новый наплывъ свѣжигъ силъ, новое полное обращеніе къ жизни со всѣми ея радостями и невзгодами.

Первое стихотвореніе, которымъ начинается изданная теперь книжка стиховъ г. Плещеева, уже свидѣтельствуетъ, что исповѣдь поэта была истинна, что печаль и горе были земными, плотскими скорбями, а не эстетическими только. Но въ то же время оно какъ будто показываетъ, что это горе было слишкомъ тяжело, что поэту уже не встать изъ подъ его тяжести, что онъ можетъ только желать счастья и жизни другимъ, но самъ не болѣе какъ живой мертвецъ. Вотъ это стихотвореніе, исполненное столь же глубокаго горя, какъ и теплою любви къ живущему:

О юность, юность, гдѣ же ты?
 Гдѣ эта пылкая отвага,
 И вдохновенныя мечты?
 Готовность гдѣ—во имя блага,
 Покинувъ все, семью и домъ,
 Идти на битву съ мощнымъ зломъ?
 Ихъ нѣтъ давно! И нѣту силъ
 На подвигъ трудный и суровый;
 Какъ рабъ, что много лѣтъ носилъ
 Неволи тяжкія оковы,
 Я духомъ слабъ, я немощенъ;
 Сломилъ меня желѣзный рокъ.
 Лишь одного житейскій гнетъ
 Убить въ душѣ моей не въ силахъ,
 Одно въ ней только не умереть,
 Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
 Струиться старческая кровь:—
 Къ отважной юности любовь!
 Когда, толпясь вокругъ меня,
 Кипитъ младое поколѣнье;

Инаго, радостнаго дня
 Разсвѣтъ я вижу въ отдаленнѣ,
 И говорю съ восторгомъ я:
 «Богъ помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукою
 Святое знамя жизни новой,
 Не отступая предъ толпою,
 Бросать каменьями готовою
 Въ того, кто сонъ ея смутить,
 Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разить.

«Богъ помочь, братья и друзья!
 Когда жъ желанный день настанетъ,
 Пусть ваша дружная семья
 Отжившихъ насъ добромъ помянетъ.
 Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
 Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!»

Читая эти стихи, можно надѣяться на г. Плещеева: онъ не от-
 вернется отъ жизни, не осудитъ себя на пассивную тоску; онъ поетъ
 не по минутному вдохновенію, а по глубокому чувству, и потому его
 лира никогда не будетъ служить недостойнымъ цѣлямъ. Нѣтъ, онъ
 не скажетъ:

Подите прочь! Какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!

Книжка подъ заглавіемъ «Начала нравственности, сочиненіе Ам-
 вросія Рандю, старшаго совѣтника парижскаго университета, коман-
 дора ордена почетнаго легіона» представляетъ повидимому всѣ ру-
 чательства за полнѣйшую благонамѣренность. Авторъ — членъ па-
 рижскаго университета, и, какъ самъ объясняетъ, уже въ теченіе со-
 рока двухъ лѣтъ носить это почетное званіе; кромѣ того онъ —
 командоръ почетнаго легіона, что, какъ, извѣстно, есть такъ ска-
 зать, вывѣска благонамѣренности; далѣе, наконецъ по его книжкѣ во
 Франціи обучаютъ нравственности въ училищахъ мин. народнаго
 просвѣщенія — чего же больше? Наконецъ, если и этого мало, то о
 благонамѣренности ея свидѣтельствуемъ какъ ея братіи, но вы-
 разительный эпиграфъ: *дѣлай должное*, такъ и то обстоятельство,
 что она напечатана въ типографіи Каткова и К°. Каково же было

ное разочарованіе, когда я увидѣлъ, что это не болѣе, какъ шутовская продѣлка какого-то свистуна, рѣшившагося втоптать въ грязь какъ самое ния нравственности, такъ и всѣ титулы почтеннаго члена парижскаго университета.

Да, читатели, вотъ какая участь постигла въ нашемъ отечествѣ эту драгоценную книжку, которой во Франціи, какъ въ странѣ развращенной, потребовалось уже четыре изданія, чтобъ достаточно обучить юношество нравственности. Переводчикъ, скрывшій свое имя, ехидными примѣчаніями и вставками обращаетъ плодъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюдений командора почетнаго Легіона въ предметъ насмѣшки. Впрочемъ виноватъ, злоумышленникъ не одинъ, а ихъ очень много, что доказывается предисловіемъ, писаннымъ отъ *переводчиковъ*. Это открытіе окончательно поражаетъ меня, ибо я усматриваю изъ этого, что свистуновъ, попирающихъ нравственность, много, и ихъ зловредные плевелы нашли себѣ доступъ даже въ типографію Каткова и Ком.

«Съ книжкой, предлагаемой нынѣ въ переводъ», говорятъ свистуны, «мы имѣли случай ознакомиться по указанію просвѣщенной и глубоко уважаемой нами особы (особа! знала ли ты кому и на что указываешь!), получившей ее въ даръ изъ заграницы, и такъ какъ эта книга не была еще извѣстна у насъ, и ея не было въ продажѣ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, намъ *представилось полезнымъ* сдѣлать ее достояніемъ нашихъ соотечественниковъ.

За симъ слѣдуетъ исчисленіе разныхъ цѣлей, для коихъ *переводчикамъ «представилось» полезнымъ* издать «начала нравственности».

При этомъ они говорятъ:

«кромя прямой, упомянутой выше сего цѣли (научить нравственности), намъ показалось (переводчики, какъ видно, одержимы галлюцинаціями: они не думаютъ, имъ все *представляется и показывается*), что предлагаемое нынѣ въ переводъ сочиненіе заслуживаетъ вниманіе еще какъ благородное усиліе изъ числа дѣлаемыхъ въ настоящее время во Франціи для опроверженія вредныхъ ученій, столько распространенныхъ на западѣ, гдѣ они успѣли такъ сильно поколебать вѣрованія въ святѣйшее христіанское ученіе, единую прочную основу всякаго порядка общественнаго и блага временнаго и вѣчнаго государствъ и народовъ. У насъ въ Россіи, благодареніе Богу, эти вѣрованія еще держатся, но тлетворное дыханіе невѣрія и разврата доходитъ до насъ въ формѣ романовъ и другихъ, болшею частью легкихъ сочиненій, жадно читаемыхъ нашею молодежью». (стр. I).

И вообразите, читатель, что эти слова — постыдное лицемеріе, что подъ ними скрывается свистъ. Слушайте. Вотъ, напримѣръ, какъ прекрасно разсуждаетъ французскій докторъ нравственности о пользѣ наукъ:

«Другія услажденія существуютъ не во всякое время, не во всякомъ возрастѣ и не вездѣ, а это занятіе напротивъ питаетъ юность, услаждаетъ старость, украшаетъ счастье, помогаетъ и утѣшаетъ въ несчастіи, доставляетъ удовольствіе дома, не ищетъ внѣ дома, бодрствуетъ, спитъ за нами всюду, живетъ съ нами въ сельскомъ уединеніи.»

Не правда ли какія краснорѣчивыя слова? Но переводчики, для которыхъ ничто не священо, въ выноскѣ осмѣиваютъ и освистываютъ автора ихъ.

«Это превосходно выражено, ехидствуютъ они, знаменитымъ нашимъ поэтомъ Ломоносовымъ въ стихахъ его:

Науки юношей питаютъ
Ограду старцамъ подаютъ.»

Въ другомъ мѣстѣ они поступаютъ еще хуже.

«Сципіонъ, говоритъ ученый командоръ, Сципіонъ, чтобы возбудить ревность въ защитникахъ Рима, утверждалъ, что для всѣхъ, которые будутъ сохранять, оберегать, увеличивать свое отечество, въ областяхъ небесныхъ устроено особенное жилище, гдѣ они будутъ вѣчно блаженствовать.»

Чтожъ тутъ смѣшнаго? Что въ этихъ словахъ можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ? Примѣръ Сципіона и его увѣщанія какъ нельзя болѣе идутъ въ книжку, главная цѣль которой—исправленіе нравовъ. Очевидно, что слова эти, поощряя благородное чувство патриотизма, могутъ возбуждать лишь уваженіе, а не смѣхъ. Но переводчики, думая выставить престарѣлаго члена университета въ смѣшномъ видѣ, влагаютъ ему въ уста русскій стихъ:

О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ, тебя благословляя!—

заставляя такимъ образомъ читателей предполагать, что французскій профессоръ подрѣпляетъ свои доводы стихами Жуковскаго!

Что касается до самаго Амвросія Рапцю, то по всему видно, что это мужъ ума зрѣлаго и нрава добраго, старецъ, не только самъ

въ теченіе сорока двухъ лѣтъ, обучающій юношество, но и увѣщающій другихъ старцевъ подвизаться на этомъ поприщѣ:

«Пускай старцы, говоритъ онъ, сохраняютъ достаточную силу, чтобъ назидать молодыхъ людей, чтобъ образовать ихъ и приготовить для исполненія всѣхъ обязанностей. Этого будетъ достаточно: пѣть дѣла выше этого.»

Нравственные совѣты и наученія этого старца показываютъ намъ съ одной стороны его остроуміе, а съ другой свидѣтельствуютъ о томъ развратѣ, въ который, не смотря на четыре изданія «началъ нравственности», погружена Франція. Такъ онъ говоритъ, что тамъ родители имѣютъ привычку за обѣдомъ оглашать столовую непристойными пѣснями и «поражаютъ взоры своихъ дѣтей постыдными вещами, и даже встрѣчаютъ поцѣлуемъ неблагопристойныя слова, произносимыя дѣтьми!» Однако, вѣроятно, есть и счастливыя исключенія, потому что въ другомъ мѣстѣ авторъ требуетъ, «чтобы обычаи родительскіе были для дѣтей вѣрнымъ руководствомъ» и прибавляетъ, что должно «остерегаться, чтобъ не ослабить это благочестивое чувство».

Далѣе, поучая согласію, онъ приводитъ ту же самую притчу о пукѣ розогъ, къ которой въ разныя времена съ успѣхомъ прибѣгали римскій сенаторъ Мененій Агриппа и московскій академикъ Михалъ Погодинъ; но онъ ученіе и того и другого: у него мы узнаемъ, что старецъ, «сбиравшійся отдать долгъ природѣ», былъ никто иной, какъ сивоскій царь Силурій, дѣтей же у него было восемьдесятъ человѣкъ. Это еще болѣе возвышаетъ достоинство притчи, такъ какъ первый, преподавшій ее, былъ сивоскій царь, а извѣстно, что сивоскіе цари всегда отличались остроуміемъ столько же, сколько и многочисленностью потомковъ.

Но всего любопытнѣе поученія, даваемые Амвросіемъ Рандю французамъ объ обращеніи съ рабами. Читатель, быть можетъ, удивится, узнавъ что во Франціи до сихъ поръ существуютъ рабы, читатель подумаетъ, что во-первыхъ это неправда, а во-вторыхъ такого ложнаго взгляда держатся только самые неблагонамѣренныя люди, какъ, напримѣръ, Ламне. Но какъ видно, рабство дѣйствительно существуетъ, и даже весьма жестокое, потому что Командоръ считаетъ нужнымъ обличить какого-то сановника второй имперіи (имя котораго онъ скрылъ подъ псевдонимомъ Ведія Полліона) въ томъ, что тотъ отдастъ своихъ рабовъ на съѣденіе муренамъ. Это, разумѣется,

аллегорія, огнюющая по моей догадкѣ къ алжирскимъ событіямъ. Смысль ея нѣсколько умѣряется тѣмъ, что рядомъ съ жестокостью сановника представлена кротость Августа (Наполеона III), спасающаго раба отъ муренъ.

Основываясь на такихъ примѣрахъ, командоръ спрашиваетъ читателя: кажется ли ему въ отношеніи своихъ рабовъ дозволеннымъ все? И самъ предупреждаетъ отвѣтъ, говоря, что «общее правило воспрещаетъ, однако, вамъ нѣкоторыя вещи, потому что онъ (т. е. рабъ) имѣетъ общую природу съ вами». Далѣе онъ совѣтуетъ уважать рабовъ не столько за услуги, сколько за добрыя нравы и при этомъ остроумно сравниваетъ раба съ лошадей, цѣня и въ лошадей прежде всего добрыя нравы (*bonnes moeurs*).

Вотъ какія достойныя поученія послужили предметомъ свиста для неизвѣстныхъ свистуновъ, проникшихъ до самыхъ владѣній Катова и Ком.

Въ прошлой книжкѣ «Русскаго Слова» въ «сельтопѣ» было представлено нѣсколько образчиковъ русскихъ переводовъ Гейне. Въ этой коллекціи не достаётъ почетнаго мѣста переводу г. Сомова «Сѣвернаго моря»; поэтому я долгомъ считаю помянуть ее. Для этого достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ какой угодно страницы. Напримѣръ, на страницѣ 56 читаемъ:

Мѣсяцъ полный! Въ сіяніи твоёмъ,
 Какъ жидкое золото, море сверкаетъ.
 И ясность, какъ день, околдованный сумракомъ, стелется
 Подальшему плоскому берегу.
 На небѣ безвѣдномъ и ясно лазурномъ—
 Бѣля плывутъ облака,
 Какъ ливя боговъ колоссальныя
 Изъ блестящаго мрамора.
 Не облака это! Нѣтъ, невозможно!
 То сами
 Боги Элады,
 Что некогда весело правили міромъ и т. д.

Вотъ что называется вѣрно передать оригиналъ.

Съ именемъ Бѣля въ первый разъ познакомилась русская публика по его «Исторіи цивилизаціи», по такому замѣчательному сочиненію, которое обратило на себя общее вниманіе въ европейскихъ литературахъ. Читатели, хорошо знакомые съ «Исторіей цивилизаціи», пере-

веденной у насъ разомъ двумя издателями, конечно, не будутъ удовлетворены книжкой, которую я намѣренъ разобрать здѣсь. Книга эта не болѣе, какъ рѣчь, произнесенная авторомъ въ королевскомъ институтѣ, въ 1858 году, въ полуофициальномъ собраніи педагоговъ и воспитанниковъ, отцевъ и матерей высшаго аристократическаго круга, т. е. передъ той частью англійской публики, которая особенно не любитъ рѣзкихъ мнѣній и новыхъ идей. Поэтому намъ нечего ждать отъ рѣчи Бекля той оригинальности и глубины мысли, какая заключается въ его «Исторіи цивилизаци». По остроумію и прекрасной цѣли своей эта рѣчь вполнѣ достойна своего автора, но она далеко не такъ убѣдительна, далеко не вооружена въ такой мѣрѣ фактами и примѣрами, далеко не такъ строго послѣдовательна, какъ большая часть положеній Бекля въ его главномъ произведеніи.

Рѣчь Бекля проводитъ строгое различіе между двумя философскими методами—дедуктивнымъ и индуктивнымъ и съ вопросомъ объ этомъ различіи соединяетъ вопросъ о вліяніи женщинъ на успѣхи человѣческаго знанія и цивилизаци. Онъ говоритъ, что человѣкъ, придерживающійся индуктивнаго метода, собираетъ факты посредствомъ опыта или наблюденія и отъ нихъ восходитъ къ общимъ началамъ или законамъ, которыми объясняются явленія. Человѣкъ же предпочитающій противоположный методъ, «выводитъ законъ изъ *понатій*, уже существующихъ въ его умѣ» и объясняетъ имъ явленія, нисходя къ нимъ, а не восходя отъ нихъ. Слѣдовательно вопросъ о различіи между тѣмъ и другимъ процессомъ мысли сводится на рѣшеніе того: что такое тѣ *понатія*, изъ которыхъ дедуктивный философъ выводитъ свой законъ? Очевидно, что если эти понятія есть плодъ опыта и наблюденія, если они не болѣе какъ свѣденія, приобретенныя заранѣе мыслителемъ посредствомъ индукціи, то разницы между обоими методами нѣтъ. Ибо въ такомъ случаѣ единственная разница между индуктивнымъ и дедуктивнымъ мыслителемъ будетъ состоять въ томъ, что первый исходитъ отъ фактовъ, только-что добытыхъ, между тѣмъ какъ второй добылъ ихъ раньше и въ настоящемъ случаѣ только извлекаетъ ихъ изъ запаса своей памяти и знанія. Ясно, что разница только кажущаяся. Бекль говоритъ, что не смотря на то, что многіе замѣчательные философы держатся именно того взгляда, но что онъ считаетъ невозможнымъ, по недостатку наличныхъ средствъ нашего знанія, рѣшить споръ объ этомъ предметѣ между этими философами и ихъ противниками, утверждающими, что понятія суще-

ствуютъ независимо отъ опыта и наблюденія. Такимъ образомъ дѣло сводится на безконечный споръ сенсуалистовъ съ спиритуалистами, и одинъ изъ величайшихъ послѣдователей Бэкона объявляетъ себя несостоятельнымъ признать справедливость допотопной истины, что *quod non est in sensu, non est in intellect.* Но вотъ нѣсколько далѣе ораторъ, по видимому, отступаетъ отъ своего нейтралитета; онъ начинаетъ доказывать самостоятельность дедукціи, говорить о ея полномъ торжествѣ, однимъ словомъ объявляетъ себя за Декарта противъ Бэкона. Конечно, если онъ дѣлаетъ это, то мы вправѣ ожидать, что онъ припомнилъ факты, на основаніи которыхъ можетъ попытаться рѣшить вопросъ въ эту сторону. Но странное дѣло! факты приводимые имъ суть частные случаи, съ незапамятныхъ временъ противопоставляемые спиритуалистами сенсуалистамъ. Это извѣстная, по тѣмъ не менѣе болѣе чѣмъ сомнительная исторія съ яблокомъ Ньютона, и—открытія Гете и Гаю. При этомъ Бекль красно-рѣчиво, но вовсе не убѣдительно, рисуетъ намъ картину процесса дедуктивнаго мышленія Ньютона и Гете, картину, которую, по всей вѣроятности, не могли бы нарисовать и они сами, потому что трудно предположить, чтобы, обдумывая свои великіи открытія, они могли бы въ тоже время наблюдать ходъ своей мысли. Вотъ какъ, напримеръ, говоритъ онъ объ открытіи Гете: «Гете прогуливался на одномъ кладбищѣ близъ Венеціи и споткнулся на лежавшей передъ нимъ черепъ. *Вдругъ* въ его умѣ блеснула мысль, что черепъ состоитъ изъ позвонковъ». При этомъ онъ обращаетъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что открытіе было сдѣлано поэтомъ, а также и на то, что оно было сдѣлано въ Венеціи—«въ странѣ чудесъ, поэзіи и романтизма». Но на это можно замѣтить, что во-первыхъ Гете былъ не только поэтъ, но и человѣкъ весьма ученый и что если онъ болѣе извѣстенъ какъ поэтъ, то это вовсе не мѣшало ему знать анатомію; во-вторыхъ можно возразить, что, если Венеція дѣйствительно страна поэзіи, то это не мѣшаетъ жителямъ ея заниматься наукою, что романтизмъ Италіи не помѣшалъ ей произвести множество великихъ анатомовъ, положившихъ начало этой наукѣ въ эпоху возрожденія; можно возразить, наконецъ, что ни Беклю и никому другому не можетъ быть извѣстно—*едругъ* ли блеснула у Гете мысль или онъ дошелъ до нея постепенно; странно бы было придираться къ тому, что выводъ этотъ былъ сдѣланъ имъ не за анатомическимъ столомъ и не съ скальпелемъ въ рукѣ, что онъ явился въ его голо-

въ при помощи знанія, сохранявшагося въ памяти, а не случайно-блеснувшей идеи. Развѣ для того, чтобъ помножить въ умѣ 88 на 99, нужно прежде передѣлать на бумагѣ всю таблицу умноженія? Точно тоже можно сказать и объ яблокѣ Ньютонна. Бекль говоритъ, что это яблоко любятъ приводить въ доказательство пустой и не-верхностной поговорки, что «большія послѣдствія происходятъ отъ мелкихъ причинъ»; это справедливо, но справедливо и то, что вообще вся эта исторія съ яблокомъ выдуманна не въ добрый часъ, и она годна единственно для подтвержденія пустыхъ поговорокъ. Но Бекль говоритъ, что въ данномъ случаѣ великое слѣдствіе имѣло и великую причину—умъ Ньютонна, но онъ не прибавляетъ «и знаніе добытое до него и воспринятое имъ», и этимъ дѣлаетъ, по моему мнѣнію, важный пропускъ. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, придется объявить глупцами всѣхъ астрономовъ до шестнадцатаго вѣка включительно: но неужели же Птоломей, Абуль-Риханъ, Рожеръ Бэконъ, Тихо де-Браге, неужели они были глупцы? Если гдѣ необходимо признать вопросъ неразрѣшимымъ, то именно въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи процесса, совершавшагося въ головѣ какаго нибудь генія, когда онъ дѣлалъ свое открытіе.

И такъ четырьмя частными примѣрами, отличающимися не столько убѣдительностью, сколько краснорѣчивымъ изложеніемъ, Бекль доказываетъ возможность дедукціи, которой не предшествуетъ индукція. Очевидно, что этого слишкомъ мало для убѣжденія, и что Бекль былъ правъ, сказавъ, что считаетъ невозможнымъ рѣшить этотъ вопросъ,—правъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ пользу дедукціи слишкомъ мало данныхъ. Извѣстно, что Бэконъ называлъ отмеченныхъ мыслителей пауками, которые тянутъ изъ себя идеи, какъ паутину; пусть же идеалисты наконецъ докажутъ, что они не пауки, а полезныя пчелы, собирающія матеріалъ для производства годнаго вещества.

Во второй половинѣ своей рѣчи ораторъ противопоставляетъ дедуктивный методъ индуктивному, какъ метафизическій—эмпирическому. «Поприме мысли», говоритъ онъ, «быстро увеличивается, и такъ какъ горизонтъ раздвигается во всѣ стороны, то вскорѣ одни логическія отправления разума не въ силахъ будутъ обнять весь кругъ этого огромнаго, раскинуващагося пространства. Уже теперь раздѣленіе труда доведено до такой степени, что намъ угрожаетъ близ-

кая опасность потерять въ отношеніи цѣльности болѣе, чѣмъ выигрывается со стороны точности.» Это дѣйствительно весьма справедливо, и нельзя не замѣтить, что въ европейской наукѣ разработка фактовъ производится въ ущербъ обобщенію идей; иначе говоря, гоняясь за частностями, упускаютъ изъ виду общіе выводы; въ этомъ смыслѣ конечно Бейль правъ, говоря, что индуктивный методъ развился въ ущербъ дедуктивному. Слѣдовательно здѣсь дедукція у него уже не составляетъ самостоятельнаго процесса, а есть только способность быстрѣе и живѣе дѣлать выводы, однимъ словомъ, это ничто иное какъ усиленная индукція, и въ этомъ смыслѣ конечно, имѣетъ преимущество передъ послѣдней. Всякому извѣстно изъ наблюденія, что бываютъ люди съ умомъ тяжелымъ, такъ сказать медленнымъ, затрудняющимся передъ выводами, склоннымъ болѣе къ собиранію фактовъ (муравьи Бэкона); и на оборотъ, бываютъ умы сообразительные, быстрые, весьма способные къ выводамъ изъ фактовъ; иногда такіе умы дѣлаютъ выводы съ такой быстротой, что почти мгновенно проходятъ цѣлый рядъ умозаключеній, большое пространство отъ исходной точки до окончательнаго результата. Довольно часто являются люди способные дѣлать математическія сложныя вычисленія съ необыкновенной быстротой, но еще чаще мы видимъ людей, которымъ самыя простыя вычисленія достаются съ трудомъ. У человѣка сообразительнаго или гениальнаго (что одно и то же, потому что гений есть высшая степень сообразительности) понятіе можетъ явиться съ такой быстротой и путемъ пройденный имъ отъ исходной точки, можетъ быть такъ великъ, что понятіе это можетъ показаться независимымъ отъ всякаго чувственнаго опыта, можетъ быть сочтено явившимся въ умѣ *однуго*, самостоятельно.

Назовемъ этотъ умъ дедуктивнымъ; ясно, что человѣкъ обладающій имъ, склоняетъ къ выводамъ, болѣе способенъ увлекаться, хватать гораздо дальше, чѣмъ человѣкъ, обладающій умомъ индуктивнымъ, т. е. болѣе тяжелымъ, способнымъ болѣе на изслѣдованіе фактовъ, чѣмъ на выводы изъ нихъ; теперь, если путь, по которому съ такой быстротой летитъ дедуктивный умъ, вѣренъ, — а онъ можетъ быть вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если всѣ отдѣльные факты и ихъ результаты, составляющіе его, — вѣрны, однимъ словомъ, если человѣкъ, кромѣ сообразительности, обладаетъ большимъ запасомъ знанія, — то и конечный выводъ будетъ вѣренъ; кромѣ того онъ

поразить всѣхъ своей смѣлостью, неожиданностью, обширностью, поразить до такой степени, что можетъ быть приписанъ какому-то вдохновенію, а не простой индукціи. Но, разумѣется, если путь ложенъ, если свѣденія такого человѣка не вѣрны, ошибочны, то и выводъ будетъ въ высшей степени нелѣпъ, и единственное достоинство, которое онъ можетъ имѣть,—последовательность; этого единственного достоинства выводъ лишается въ томъ случаѣ, если наша свѣденій слишкомъ малъ, если факты и ихъ результаты, известные человѣку, не составляютъ непрерывной логической цѣпи, но принуждаютъ дѣлать скачки. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ только такой умъ способенъ къ великой дѣятельности, только такой умъ можетъ быть прогрессивенъ, смотрѣть и идти впередъ, между тѣмъ какъ тяжелый индуктивный умъ обреченъ лишь на черную работу, долженъ служить первому лукошкѣ, изъ котораго въ случаѣ надобности можно взять сложенный туда матеріалъ. Бекль говоритъ,—и доказать это есть главный цѣль его рѣчи,—что женщины отъ природы дедуктивны, а мужчины болѣе индуктивны. Положеніе это имѣетъ огромную важность и требуетъ строгихъ доказательствъ. Бекль самъ сознается, что «ни одно изъ величайшихъ твореній, научающихъ человѣчество и улаживающихъ его жизнь, не было пронаведениемъ женщины». Онъ знаетъ, что на основаніи этого многіе писатели прямо объявили, что высшія сферы знанія—не женское дѣло. Совершенно справедливо указываетъ онъ этимъ самодовольнымъ тиранамъ на ту «жалкую, достойную презрѣнія и уродливую систему, которая зовется воспитаніемъ женщинъ», и которой вполне объясняется ихъ безучастіе въ дѣлахъ міра сего, составляющаго монополію бороды и усовъ. Но если этого достаточно для защиты женщинъ, то я не полагаю, чтобы можно было представить достаточно доводовъ въ пользу мнѣнія Бекля о дедуктивныхъ способностяхъ женщины. По крайней мѣрѣ все то, что онъ сказалъ въ своей рѣчи далеко не убѣдительно: что докторъ Керри поучалъ отъ крестьяночекъ болѣе обстоятельные отвѣты, чѣмъ отъ ихъ мужей—это фактъ до того ничтожный самъ по себѣ, что я не понимаю, какимъ образомъ Бекль могъ сослаться на него, онъ, который любитъ вооружать свои положенія цѣлой батареей фактовъ. Всѣ остальные доказательства также мелки: *а женщины одарены смѣлостью а онъ отличаются воспріимчивостью; онъ проникателенъ въ опредѣленіи характеровъ; у нихъ замѣчательно утонченный*

тактъ» и некоторые путешественники говорят;» «изъяснюсь»... или «замеченъ»!.. — вотъ каковы голословными или несправедливыми доводами подтверждаетъ Бекль свое мнѣе. Противъ всего этого можно привести много возраженій, но достаточно одного: исторія показываетъ намъ, что женщины всегда составляли консервативный элементъ народа; что онѣ отличались упорной привязанностью къ старому; что ни одна женщина ни въ одномъ прогрессивномъ движеніи не опередила мужчинъ. Укажу примѣръ: взгляните на французскихъ женщинъ времени революціи, вы увидите большинство ихъ преданными католицизму, старымъ учрежденіямъ; вы увидите лучшихъ изъ нихъ шарлотту Корде, Люси Демулленъ, первую жену Дантона—точно также противными движенію впередъ, какъ и женщинъ противной партіи, препятствующихъ всякимъ уступкамъ; готовыхъ на все, чтобы сохранить негодное старье. Здѣсь уже нельзя сказать, что это происходило отъ дурнаго воспитанія: Madame Rolandъ была гораздо ученѣе и образованнѣе огромнаго большинства мужчинъ, но показала ли она десятую часть той настойчивости въ прогрессивномъ движеніи, сколько показали сотни мужчинъ? Но я сомнѣваюсь, надо ли опровергать въ этомъ случаѣ Бекля, потому что у него самого вырвалась фраза, наиболѣе опровергающая его: онъ сказалъ, что, «женщины не могутъ видѣть такъ далеко, какъ мужчины.» (стр. 22). Этимъ приговоромъ (хотя онъ, впрочемъ, также голословенъ какъ и доводы за женщинъ) Бекль самъ побиваетъ себя; какъ-бы мы ни толковали дедуктивный методъ, какъ особое вдохновеніе или какъ высшую степень индукціи, во всякомъ случаѣ мы должны согласиться, что первый признакъ дедуктивнаго ума есть проницательность, предугадываніе, такъ сказать, будущаго, другими словами—пониманіе прогресса и стремленіе къ нему. Поэтому консерватизмъ женщинъ, о которомъ намъ говоритъ исторія, и ихъ неспособность видѣть такъ далеко, какъ видятъ мужчины—если только вѣрить самому Беклю—никакъ не могутъ быть совмѣстимы съ преимущественно дедуктивными свойствами женскаго ума.

Я вовсе не думаю отрицать способность женщинъ мыслить дедуктивно, я также далекъ отъ намѣренія опровергать Бекля, но нельзя не сказать, что доводы, представленные имъ, слабы и недостаточны для доказательства дедуктивности ума женщинъ. Что же касается до вліянія ихъ на знаніе, то отрицать этого не возможно и въ этомъ случаѣ всякій долженъ согласиться съ Беклемъ, когда онъ

указываетъ на тотъ фактъ, что великіе люди были болышею частью сыновьями замѣчательныхъ женщинъ. Можетъ-ли подлежать спору великое вліяніе матери на какого бы то ни было генія, можно ли отрицать, что вліяніе это не можетъ остаться безъ послѣдствій и что этимъ путемъ женщины дѣйствительно незамѣтно и безсознательно имѣли постоянное вліяніе на ходъ просвѣщенія. Какъ бы ни былъ независимъ человѣкъ, какъ бы ни былъ свободенъ и силенъ его геній и какъ бы не возвышался онъ надо всѣми окружающими, но вліянія своей матери онъ не можетъ избѣгнуть. Въ виду этого факта, совершающагося безпрерывно втеченіи тысячелѣтій, можетъ ли быть рѣчь о томъ, что женщины стоятъ внѣ возможности косвенно вліять на цивилизацію? Но вопросъ о томъ какого рода это вліяніе, если и рѣшенъ Беклемъ, то рѣшеніе его требуетъ гораздо сильнѣйшихъ доводовъ, чѣмъ тѣ, которые онъ представилъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Подогрѣваніе германскаго патриотизма шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ.— Благородное негодованіе нѣмцевъ на то, почему ихъ не признають первымъ и самымъ великимъ народомъ въ свѣтѣ.— Племенные антипатіи Давія и Германіи.—Выгодная продажа наследственныхъ правъ герцогомъ Аугустенбургскимъ, теперь желающимъ снова возвратитъ эти права.—Притязанія Германіи въ отношеніи Шлезвига и Голштиніи, основанныя на Лативской рукописи 1460 года.—Миролюбивая политика Англіи, истребляющая Японцевъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ ради набиванія своего кармана восточнымъ золотомъ.—Парижскіе слухи о покушеніи на жизнь Людовика-Наполеона.—Рѣчь Пельтана въ Законодательномъ собраніи.—Неудачи французовъ въ Мексикѣ.—*Sic transit gloria mundi!*

Мы вполне понимаемъ чувство, воодушевляющее германцевъ. Они не могутъ не придти въ негодованіе, видя, что ихъ страна, которая по занимаемому ею пространству и по числу и образованности своихъ жителей есть одна изъ самыхъ важныхъ на свѣтѣ и которая изъ пяти великихъ европейскихъ державъ заключаетъ въ себѣ двѣ, что эта самая страна въ судьбахъ міра сего играетъ роль только второстепенную. Германія краснѣетъ при мысли, что она идетъ позади другихъ націй, тогда какъ ей слѣдовало бы находиться во главѣ Европы. Она видитъ съ досадою, что европейская публика менѣе занята ею, чѣмъ Италією, которая недавно еще была презрѣнной рабыней. Дѣйствительно, она не занимаетъ въ мірѣ того мѣста, которое ей принадлежитъ по праву, и такъ какъ

германскій народъ отличается чрезмѣрною чувствительностью и злоба его безпредѣльна, то онъ и покаялся изумить мѣръ своею мстятвою. Съ давнихъ поръ Германія готовится къ великому подвигу. Безпрестанно, по случаю всѣхъ возможныхъ годовщинъ и съ особенности годовщины лейпцигской побѣды, въ городахъ, на горахъ и въ долинахъ тысячами собираются карабинеры, гимнасты, пѣвцы кѣрнеристы, арндтисты, шиллеристы, гѣтисты, ветераны войны за независимость. 1863 годъ былъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ празднованіемъ юбилея въ честь 1813 года. Повидимому, чтобы доказать свою любовь къ нынѣшней Германіи, стоитъ только ненавидѣть ту Францію, которая существовала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и нѣсколько ненавидѣть весь свѣтъ. Давно уже Германія готовилась разразиться гнѣвомъ; она выточила свой длинный, предлинный средневѣковой мечъ и наконецъ рѣшилась направить свой грозный ударъ на несчастную Данію. Франція на этотъ разъ избѣгла бѣды. Съ самаго возстанія противъ Наполеона I никогда въ германцахъ не проявлялось такого единодушія. Еслибъ народъ могъ располагать своею судьбою, то онъ взялся бы за оружіе съ такою жъ горячностью, какъ въ 1813 году. При извѣстіи о смерти короля датскаго, Фридриха VII, Германія вздрогнула, какъ будто по ней пробѣжалъ электрическій токъ. Даже въ самыхъ маленькихъ городахъ ея образовались народныя сходки. Университетское юношество въ Эрлангенѣ, Вюрцбургѣ, Галлѣ, Мюнхенѣ, Фрейбургѣ, Боннѣ вотировало самыя восторженныя адреса. Различіе партій исчезло; такъ называемые National и Reform-Verein соединились между собою съ тѣмъ, чтобы придать своей манифестаціи характеръ народный. Ничто не въ состояніи было воспротивиться этому всенародному потоку. Въ первый разъ могущественная Пруссія и всемогущая Австрія должны были, вопреки союзу Бисмаркъ-Рехбергскому, уступить на сеймѣ державамъ второстепеннымъ. Когда Баварію сдѣлано было предложеніе немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопроса о датскомъ наслѣдствѣ, оба германскіе колоссы претерпѣли поражение: вопреки королю Вильгельму и императору Францу Іосифу, это предложеніе было принято большинствомъ двѣнадцати голосовъ противъ четырехъ.

Палаты также не могли остаться внѣ этого движенія; всѣ тѣ, которые были собраны, присоединились къ нему съ патриотическимъ увлеченіемъ. Въ Дрезденѣ и Штуттгардѣ опѣ единогласіемъ своихъ

рѣшеній заставили правительства отступить отъ заключеннаго прежде лондонскаго протокола и пристать къ дѣлу народному. Палата гессенъ-дармштадтская обнаружилъ въ этомъ отношеніи подобное же вліяніе на равныя дѣйствія кабинета Дальвика. Въ Пруссіи, хотя народъ нѣсколько развлеченъ былъ конституціонною борьбою и не принималъ въ національномъ движеніи такого дѣятельнаго участія, какового можно было отъ него ожидать, палата большинствомъ двухъ сотъ тридцати одного голоса противъ шестидесяти трехъ энергически объявила себя въ пользу независимости герцогствъ. Пренія, происходившія по этому случаю, къ сожалѣнію имѣли слѣдствіемъ разрывъ, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть мимоходомъ. Господинъ Вальдекъ и крайняя лѣвая сторона отдѣлились отъ лѣваго центра и вотировали противъ рѣшенія большинства. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы удержаться отъ подобной мѣры и отложить защиту шлезвигъ-голштинскихъ интересовъ до болѣе благоприятнаго времени, чтобы не подать г. Бисмарку повода компрометировать честь страны.

Не смотря на эти многочисленныя протестаціи, Австрія и Пруссія, испытавшія сначала пораженіе, успѣли однакожь одержать верхъ, когда сеймъ былъ созванъ для опредѣленія характера, какой долженъ быть приданъ соединеннымъ дѣйствіямъ германскихъ государствъ противъ Даніи. Второстепенныя правительства требовали занятія герцогствъ, которое рѣшило бы споръ въ національномъ духѣ; великія же державы предложили просто на просто ограничиться эвакуаціею, что служить доказательствомъ желанія ихъ придерживаться условій, заключенныхъ въ лондонскомъ протоколѣ. Опѣ увлекла за собою большинство; но оппозиція тѣмъ не менѣе состояла изъ семи членовъ: королевствъ Баварскаго, Саксонскаго и Вюртембергскаго, великихъ герцогствъ Баденскаго и Гессенъ-Дармштадтскаго и герцогствъ Саксонскихъ и Брауншвейгскаго. Изъ этого видно, что шлезвигъ-голштинизмъ преобладаетъ на югѣ Германіи и уменьшается по мѣрѣ приближенія къ сѣвернымъ ея предѣламъ. Это явленіе легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что южные жители менѣе знакомы съ настоящимъ положеніемъ дѣла, тѣмъ сѣверные, которые, испытавъ на себѣ самихъ угнетеніе со стороны своихъ дворянъ, понимаютъ, что шлезвигъ-голштинизмъ есть движеніе, возбужденное въ герцогствахъ дворянствомъ и духовенствомъ противъ конституціонныхъ учрежденій Даніи.

Сназять правду, антипатія между этими двумя народами, которые повидимому должны быть соединены едиными и теми же узлами религіи и цивилизаціи и въ особенности единствомъ происхожденія, существуетъ издавна. Раса германская и раса скандинавская — сестры, это не подлежитъ сомнѣнію, но которая изъ нихъ старшая? Этотъ вопросъ въ настоящее время представляется неразрѣшимымъ. Во всякомъ случаѣ, миеология и литература руническая принадлежатъ скандинавамъ; относительно же древне-германской поэзи и религіи господствуетъ совершенный мракъ: онѣ были уничтожены христіанствомъ, подобно тому какъ Римская имперія была уничтожена германскими ордами. Это была взаимная мѣна услугъ. Словомъ, происхожденіе германскаго дворянства покрыто мракомъ, и единственные слѣды, оставшіеся отъ германскихъ дикарей, заключаются въ нѣсколькихъ топорахъ изъ камня и бронзы, въ нѣсколькихъ мѣдныхъ кольцахъ и нѣсколькихъ костахъ, зарытыхъ въ землю возлѣ остатковъ быковъ и зубровъ. Что за революціонеры были проповѣдникъ Бонифацій и императоръ Карлъ Великій! Между тѣмъ, какъ германцы съ трудомъ усвоивали себѣ христіанство и какъ переваривали грубую цивилизацію, которая при этомъ случаѣ, имъ доставлялась, скандинавы нахлынули на міръ съ необыкновенною силою. Ихъ берсереры и викинги до сихъ поръ служатъ ужасающими типами звѣрскаго геройства и безумной пылкости. Скандинавы опустошали всё берега; ихъ мореплаватели въ одно и то же время устремлялись на сѣверную Америку, на Алжирію, малую Азію и Константинополь. Въ Англии, датчане, потомъ норманны положили конецъ саксонскому господству. Съ давнихъ поръ Данія, во своему географическому положенію, образовала изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ барьеръ противъ завоевательныхъ замысловъ Германской Имперіи. Въ XIII вѣкѣ, при Вольдемарахъ, датчане господствовали на всемъ южномъ берегу Балтійскаго моря. Наконецъ, Кальмарскій союзъ, при знаменитой Маргаритѣ, повидимому доставилъ Даніи окончательное преобладаніе на сѣверѣ. Но не ловкая политика государей германской расы, вступившихъ потомъ на датскій престолъ вслѣдствіе вліянія христіанства, служила въ продолженіе четырехъ вѣковъ причиною войнъ между этою странюю и Швеціею и въ политическомъ отношеніи разорила оба государства въ пользу Германіи, Польши и Россіи.

Это германское вторженіе мало по малу внесло въ Данію осода-

языкъ, рабство, бюрократическій абсолютизмъ и разныя мостановленія въ китайскомъ вкусѣ, какъ напримѣръ Rangverordnung, съ его девятью классами мандариновъ гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ, которыхъ до сихъ поръ сохранила датская правительственная буржуазія. Древняя національная аристократія, гордая и могущественная, мало по малу была подавлена новыми пришельцами, и правительственная централизація окончательно восторжествовала въ 1660 году.

«Нѣмецкіе авантюристы», говоритъ въ своей превосходной статьѣ г. Дюбоа (Revue Germanique, Septembre 1861), — «нѣмецкіе авантюристы толпами приходили въ Данію искать себѣ мѣсть. Они наполнили дворъ и захватили въ свои руки главныя военныя должности. Самый языкъ датскій былъ вытѣсненъ въ высшемъ кругу иностраннымъ нарѣчіемъ и сохранился только въ низшихъ классахъ народа. Онъ болѣе, чѣмъ шведскій и норвежскій, два родные его брата, лишился первобытной чистоты древняго скандинавскаго (исландскаго) языка. Такимъ образомъ, современный датскій языкъ сравнительно весьма молодъ; онъ существуетъ не болѣе двухъ вѣковъ.

«Въ восемнадцатомъ столѣтіи возникло стремленіе въ пользу возрожденія древней литературы, и, благодаря настойчивымъ стараніямъ антикваріевъ сѣвера, оживилось изученіе національныхъ источниковъ. Датчане потеряли свои права, но эти права имъ были возвращены антикваріями. Подъ вліяніемъ духа древней свободы произошло народное движеніе, которое повело къ политической свободѣ 1848 года и съ каждымъ днемъ проявляется во множествѣ замѣчательныхъ произведеній по части наукъ и изящной литературы. Но господство германскаго элемента не могло быть искоренено въ Шлезвигѣ и еще менѣе въ Голштиніи и Лауенбургѣ, и вотъ на этой-то территоріи теперь происходитъ борьба».

Покойный король датскій былъ страстный скандинавъ. Онъ болѣе всякаго другого старался вытѣснить изъ Даніи германизмъ; но чѣмъ болѣе въ этомъ дѣлѣ теряла Германія, тѣмъ болѣе возрастала ея ненависть. Однакожъ, позволено думать, что этотъ несчастный шлезвигъ-голштинскій вопросъ теперь не безпокоилъ бы и не докучалъ бы намъ, еслибъ Данія не вступила на конституціонный путь. Если бѣ датскій статутъ сохранилъ свой феодальный характеръ, германскіе Ritter'ы, которыхъ помѣстья заняли почти всю территорію герцогствъ, теперь не опасались бы лишиться своего господства. Они желали по

прежнему остаться видамими и боропами, милостию Божіею, собирать десятинную подать и оброкъ, налагать на народъ барщину и пользоваться правомъ суда, подобно своимъ кузенамъ, фантастическимъ дворянамъ Мекленбурга и Ольденбурга, единственныхъ государствъ Европы, въ которыхъ крѣпостное рабство сохранилось, какъ въ печальныя времена среднихъ вѣковъ!

За мѣсяць до февральской революціи 1848 года, датскій король Фридрихъ VII, обѣщалъ своимъ подданнымъ конституцію. Обнародованная 5 іюня 1849 года, во время войны противъ Германіи, эта конституція найдена была весьма либеральною. Она предоставляла или почти предоставляла народу нѣчто въ родѣ права всеобщей подачи голосовъ. Между тѣмъ однимъ изъ первыхъ дѣйствій франкфуртскаго парламента было присоединеніе трехъ герцогствъ къ государству несчастнаго эрцгерцога Іоанна. Это дѣйствіе, котораго послѣдствія обнаруживаются въ настоящій моментъ, безъ сомнѣнія, внушено было какимъ нибудь куплетомъ знаменитой пѣсни: *Was ist des Deutschen Vaterland!* (*) и стихами Арндта: *Schleswig-Holstein Meer umschlungen!* (**).

Итакъ, въ 1848 году возбуждена была война; возникло возстаніе. Надо замѣтить, что Германія — по преимуществу страна недоразумѣній. Германская демократія, увлекаемая своимъ полу-варварскимъ шовинизмомъ, сдѣлалась сама того не зная, поборницею провинціальнымъ дворянъ. Но этого участія ей достаточно было для того, чтобы возбудить съ другой стороны реакцію. Результатомъ этого явленія была послѣдняя и смѣшная шлезвигъ-голштинская война. Туземные ипсургенты и нѣмецкіе волонтерные корпуса подвергались измѣнѣ со стороны прусской арміи, пришедшей къ нимъ будто на помощь. Эта измѣна совершена была по совѣту берлинской аристократіи, по приказанію Австріи и съ согласія Прусскаго правительства, которое, говорятъ, отдало генералу Вильденбруху приказаніе воевать только для вида. Какъ бы то ни было, эта жалкая война кончилась на сѣверѣ (1850 году) сраженіемъ при Ицштедтѣ, гдѣ датская армія на голову разбила германскую партію, а на югѣ — договоромъ Ольмюнцимъ, который весьма иѣтко былъ названъ сраже-

(*) Что составляетъ отечество германца?

(**) Шлезвигъ и Голштинія, омываемая океаническими морями!

нѣмъ Пруссіи при Іенѣ. Возстановивъ въ датскомъ Шлезвигѣ прежній порядокъ вещей, армія Фридриха остановилась, предоставивъ германскимъ войскамъ жалкую роль подавить возстаніе въ Голштиніи во имя германскаго сейма. Этотъ фактъ кстатѣ было бы припомнить при настоящихъ преніяхъ во Франкфуртѣ!

Одержавъ повсюду побѣду, Фридрихъ VII сдѣлался такимъ образомъ конституціоннымъ королемъ въ Даніи и абсолютнымъ королемъ въ герцогствахъ, гдѣ демократія и аристократія на перерывъ другъ передъ другомъ отказывались отъ датской конституціи. Въ это самое время князь Шварценбергъ ввелъ въ Австріи политику такъ называемаго *Gesamtsstaat*, союзнаго государства. Увлекаемая этимъ примѣромъ и побуждаемая своимъ положеніемъ, датская партія, съ своей стороны, старалась осуществить у себя такую же теорію, подъ названіемъ *Heelsta*.

Подъ господствомъ этихъ унитарныхъ тенденцій подписанъ былъ въ 1852 году Россією, Францією, Англією, Швецією, Голландією, Бельгією, Грецією, Испанією, Португалією, Австрією, Пруссією, Саксонією, Вюртембергомъ, Ольденбургомъ, Ганноверомъ и курфюршествомъ Гессенскимъ знаменитый лондонскій трактатъ, который германцы теперь упорно обозначаютъ именемъ *протокола*. За исключеніемъ Баваріи, всѣ главныя государства Германіи участвовали въ этомъ договорѣ. Но самый сеймъ германскій, какъ лицо юридическое, не принималъ въ немъ участія. Его согласія не спрашивали, былъ можетъ потому, что онъ былъ забытъ, или былъ можетъ потому, что его не удостоивали вниманія, хотя онъ и былъ официальнымъ представителемъ германскаго народа. Такъ, по крайней мѣрѣ, теперь говорятъ демократы германскіе, которые прежде не могли вдоволь надругаться надъ этимъ несчастнымъ сеймомъ, этимъ «произведеніемъ государей, *Machwerk der Fürsten*», какъ называли они это собраніе. Какъ, вмѣстѣ съ обстоятельствами, измѣняются понятія! Тенісь, поддерживаемый теперь многими честными людьми, таковъ: Сеймъ не былъ спрашиваемъ и потому не отвѣчалъ ничего; слѣдовательно, онъ ничѣмъ не связанъ и въ отношеніи настоящаго вопроса и можетъ принять какое ему вздумается рѣшеніе. Поэтому германскія державы, въ качествѣ членовъ союзнаго сейма, имѣютъ право отвергать то, въ чемъ сами онъ ручались своею подписью въ качествѣ европейскихъ державъ.

Лондонскій трактатомъ постановлено было сохранить во всякомъ

случаѣ цѣлостъ Даніи, такъ какъ эта цѣлостъ служила единымъ нѣ условіи равновѣсія Европы. Въ этомъ отношеніи трактатъ этотъ только подтверждалъ постановленія трактата вѣнскаго 1815 и трактата 1821 года.

Но кто долженъ былъ наследовать королю Фридриху? Вопросъ этотъ былъ затруднительный. Тѣ, которые его наиболѣе исследовали, менѣе всѣхъ его понимали. Однакожъ, принцеса Луиза, которая, благодаря отрѣченію разныхъ другихъ претендентовъ, по всеобщему согласію, болѣе всѣхъ имѣла права на наследство, сама передала это право супругу своему, германскому принцу Христиану Глюксбургскому, настоящему королю Даніи, тестю принца Уэльскаго.

Этому наследству противопоставлялось одно только затрудненіе: по мнѣнію германцевъ, въ герцогствахъ имѣлъ силу саллическій законъ, но Данія была отъ него свободна. Другими словами, женщина, не имѣя права царствовать въ Шлезвигѣ и Голштиніи, не могла и передавать никакихъ правъ на эти земли. Такимъ образомъ возникла кандидатура герцога Аугустенбургскаго.

«Съ самаго начала XVIII столѣтія, говоритъ Жезеруа въ *Revue des deux Mondes* (въ книжкѣ отъ 15 декабря 1863 года), — герцоги Аугустенбургскіе отказались отъ всякаго права на наследство въ герцогствѣ Шлезвигскомъ. Нѣсколько времени спустя, въ 1758 году, они за весьма значительную сумму денегъ уступили свои наследственные княжества королямъ датскимъ и, не соблюдая болѣе феодалныхъ обязанностей, жили въ продолженіи нѣсколькихъ генерацій богатыми землевладѣльцами, забывъ всѣ прежнія свои претензіи. Но около конца XVIII столѣтія дѣдъ настоящаго претендента женился на сестрѣ короля Фридриха VI, и этотъ бракъ, приблизивъ герцоговъ Аугустенбургскихъ къ престолу, снова возбуждалъ ихъ честолюбіе. Они сначала обратили свои виды на датскую корону, но потомъ ограничились желаніемъ господства въ воображаемомъ государствѣ Шлезвигъ-Голштинскомъ. Герцогъ Христианъ Аугустенбургскій, значительно содѣйствовавшій, съ своей стороны, войнѣ между Данією и герцогствами, отъ 1848 до 1850 года, былъ послѣ возобновленія мира и по заключеніи лондонскаго трактата, осужденъ на изгнаніе. Онъ и его братъ лишились всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими чиновъ и орденовъ; но такъ какъ они были въ родствѣ съ королевскимъ семействомъ, то ихъ имуществу не подверг-

лись гофмейстерам; правда, владѣнія герцога были отобраны датскимъ правительствомъ, но за то онъ и въ этотъ разъ получалъ очень значительную сумму денегъ, вознаграждавшую его съ избыткомъ. Тогда герцогъ Христианъ, 30 декабря 1852 года, подписалъ актъ отрѣченія, который весьма интересно припомнить при настоящихъ обстоятельствахъ. Самый текстъ этого акта носитъ на себѣ отпечатокъ умирающаго феодализма и заслуживаетъ быть приведеннымъ, какъ новое доказательство той истины, что въ самомъ основаніи начальныхъ споровъ современной Германіи скрывается причина ея тревожнаго состоянія, которое есть ничто иное, какъ неизбежный переходъ отъ древняго феодальнаго быта, мѣстами еще сохранившагося, къ формамъ и духу новѣйшей цивилизаціи. Вотъ текстъ этого акта:

«Мы уступаемъ и передаемъ его величеству, королю Даніи и его преемникамъ, за насъ, за нашихъ наследниковъ и нашихъ потомковъ, всѣ наши права на земли и герцогскія имуществы Аугустенбурговъ, со всѣми относящимися къ этимъ имуществамъ принадлежностями, со всѣми зданиями, дворцами и зданіями, словомъ со всѣми недвижимостями и со всѣми, по инвентарію, скотомъ, матеріалами и орудіями, а также всѣ права и преимущества, соединенныя съ этими владѣніями, какъ относительно самыхъ земель, такъ и относительно людей, къ нимъ приписанныхъ, будь эти права и привилегіи основаны на контрактахъ или на передачѣ.»

«Затѣмъ герцогъ Аугустенбургскій обязался за себя и за свое семейство жить постоянно за предѣлами Датской монархіи. Онъ обѣщался честнымъ герцогскимъ словомъ и далъ клятву, также за себя и за свое семейство, не предпринимать ничего такого, что могло бы вредить или угрожать спокойствію во владѣніяхъ короля, а также не въ какомъ случаѣ не сопротивляться мѣрамъ принятымъ, или тѣмъ, которыя будутъ приняты, относительно порядка наследства во всѣхъ земляхъ, соединенныхъ теперь подъ королевскимъ скипетромъ. Въ пятой главѣ акта положено было, что король Фридрихъ VII велитъ выдать герцогу, въ видѣ вознагражденія за эту уступку, милліонъ пятьсотъ тысячъ двойныхъ рейхсталеровъ *), причемъ одна часть должна была быть уплачена въ день св. Николая 1853 года,

*) Одно двухъ милліонѣвъ ста пятидесяти тысячъ рублей серебромъ.

другая—въ день св. Юанна и т. д. Все было въ порядкѣ; контрактъ заключенъ по всей формѣ. Кроме того, король Даніа принялъ на себя уплату долговъ, сдѣланныхъ самимъ герцогомъ или его предками. Всѣ эти суммы были выданы по условію. И что же? Прокладать нѣсколько лѣтъ, и тотъ самый герцогъ, который подписалъ это отрѣченіе и выдалъ квитанцію въ полученіи денегъ, на другой день послѣ смерти короля, простившаго его и заключившаго съ нимъ такой контрактъ, передаетъ своему сыну, герцогу Фридриху Аугустенбургскому, претензіи, имѣ самими же проданными съ такою выгодною! Вотъ что называется быть безъ предразсудковъ относительно совѣсти!»

На это германцы отвѣчаютъ: «Такъ какъ Данія сама нарушила трактатъ 1852 года, то трактатъ этотъ насъ болѣе не связываетъ». Спрашивается, въ чемъ же состояли постановленія этого протекла, какъ они его называютъ? А вотъ въ чемъ:

«Герцогства—Шлезвигское, не принадлежащее въ германской конфедерации, равно какъ Голштинія и Лауенбургъ, подчиненныя соемному сейму, —будутъ имѣть особую администрацію.

«Каждое изъ этихъ герцогствъ должно имѣть свое собственное министерство, которое будетъ отвѣтственно только передъ королемъ и управлять мѣстными внутренними дѣлами и законодательствомъ, за одно съ чинами герцогства».

Такимъ образомъ, было бы три министерства: одно для Даніи въ собственномъ смыслѣ, другое для Шлезвига и третье для Голштиніи съ Лауенбургомъ. Эти три отдѣльныя администраціи должны были бы находить для себя взаимную связь въ общей конституціи, которою управляется вся монархія. Эта конституція имѣла бы основаніемъ равенство, по закону и на дѣлѣ, каждой изъ частей монархій: ни одна изъ нихъ не могла быть подчинена другой. Кроме того, постановлены были равныя гарантіи для охраненія въ герцогствахъ національности и учрежденій германскихъ.

«Правда», говорятъ германцы, «герцогства Голштинское и Шлезвигское имѣли каждое особаго министра, поставленнаго во главѣ мѣстной администраціи. Но этотъ министръ былъ въ то же время членомъ копенгагенскаго кабинета и въ этомъ качествѣ отвѣтственъ передъ Reichsrath'омъ, наравнѣ съ членами датскаго министерства, такъ какъ конституціонныя реформы 1854 году измѣнили отношенія, созданными лондонскимъ трактатомъ, а конституція 1855 года, уста-

новыиная центръ управленія въ парламентъ или Reichsrath'ъ, никогда не признавалась, со стороны Германіи, законно прииънимою къ герцогствамъ».

Другими словами, какъ только министры Шлезвига и Голштиніи сдѣлались отвѣтственными передъ всюю странюу, а не только передъ абсолютнымъ королемъ, германцы возопили про измѣну. Но когда король имѣеть абсолютную власть, то его дѣйствія не могутъ быть оспариваемы. Положить, что король Голштиніи—король абсолютный, не имѣеть-ли онъ въ такомъ случаѣ неоспоримаго права ввести конституціонныя учрежденія? Такое заключеніе вполне консеквентно.

Данія приняла конституціонную форму правленія, Голштинія должна сохранить абсолютнзмъ. Вотъ какъ резюмируется вопросъ о правѣ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется Германіюу. И вотъ самъ г. Бисмаркъ выступаетъ на арену съ тѣмъ, чтобы еразиться въ честь датскаго конституціонализма! Конечно, подобныя аномалии возможны только въ Германіи! *Illustrirte Zeitung*, органъ либеральной буржуазіи, воскликнула съ чувствомъ самодовольствія:

«Мы сдѣлались разумными, мы теперь народъ политическій. Мы мало не малу освободились отъ того туманнаго космополитизма, который заставлялъ насъ оправдывать всякую революцію и привѣтствовать ее криками радости, если даже эта революція была противна интересамъ нашего отечества. Въ доказательство нашей теперешней зрѣлости, стоитъ только указать на холодность, съ какою мы смотрѣли на возстаніе поляковъ противъ русскихъ».

Въ другой статьѣ этотъ самый журналъ наивно объясняетъ, что Германія никогда не можетъ получить справедливаго удовлетворенія за нанесенныя ей обиды, пока въ Даніи не возстановленъ будетъ анти-конституціонной порядокъ.

Король Фридрихъ VII конечно былъ того же мнѣнія, когда онъ за двѣ недѣли передъ смертю говорилъ, что рѣшится смереъ объявить Данію республикою, чѣмъ уступить несправедливымъ требованіямъ Германіи и чувствовать себя побѣжденнымъ....

Такъ какъ Германія сдѣлалась такою благоразумною и научилась такъ хорошо выводить заключенія, и такъ какъ ея буржуазія сдѣлала такіе богатые успѣхи въ дипломатіи, то она, эта страна, конечно не обидится, если мы, безъ всякаго сентиментализма, докшнотизма или идеализма, будемъ формулировать ея претензіи и приводимыя ею доводы такимъ образомъ:

«Данія, страна небольшая, имѣетъ превосходное мѣстоположеніе на морскомъ берегу».

«Еслибъ я, Германія, обладала этою землею, находящеюся между двумя морями, то я владычествовала бы на моряхъ балтійскомъ и сѣверныхъ и на адриатическомъ заливѣ. Какъ страна континентальная, я бы удвоила, учетверила свои силы, сдѣлавшись въ то же время державою морскою, и тогда я бы озаряла міръ своимъ блескомъ. Съ арміею въ миллионъ человѣкъ и съ флотомъ, содержащимъ сто тысячъ моряковъ, я, Германія, сдѣлалась бы всемогущею имперіею».

«Но чтобы осуществить такіе грандіозные проекты, я покрайней мѣрѣ должна обладать Шлезвигомъ и Гольштиніею, если не всю Даніею».

«Но я сильна, а Данія слаба».

«По этому я хочу предварительно взять Шлезвигъ и Гольштинію».

Несчастная Данія теперь находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился тотъ римлянинъ, который во время господства Силлы, получивъ свой смертный приговоръ, воскликнулъ: «Я это предвидѣлъ; правительство хочетъ овладѣть моею приморскою виллою!»

Съ своей стороны датское правительство жалуется, что герцогства систематически противятся всякой попыткѣ къ восстановленію добраго согласія и что дворянство, ученое сословіе и духовенство сдѣлались слѣпыми орудіями германскаго сейма и самымъ грубымъ образомъ вмешиваются во внутреннія дѣла Даніи. Отвергнувъ всѣ планы относительно конституціоннаго союза между герцогствами и остальною монархіею, эти сословія воспользовались конституціею для уничтоженія политическаго договора, утверждали, что имѣютъ голосъ совѣщательный и даже право на veto во всѣхъ дѣлахъ королевства и принимали уступки только съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ какъ орудіе противъ правительства. Это безпрестанное столкновеніе датскаго правительства съ шлезвигъ-гольштинскими подданными, тщательно поддерживаемое извнѣ, остановило въ Даніи ходъ дѣлъ и развитіе конституціонныхъ началъ.

Споры были безконечны между вольпенгагенскимъ дворянствомъ и германскимъ союзнымъ сеймомъ, который подстрекалъ гольштинскихъ агитаторовъ, обѣщая имъ содѣяствіе могущественной Германіи. Не-

рекода отъ одного требованія къ другому, сеймъ дошелъ наконецъ до того, что началъ дѣйствовать Данія конституцію своего собственнаго издѣлія. Начавъ съ Голштиніи, онъ простеръ свое вмѣшательство на дѣла, исключительно касающіяся датскаго правительства. Весьма естественно и извинительно было желаніе освободиться отъ такого докучливаго вмѣшательства. Подстрекаемый этимъ желаніемъ, король Фридрихъ VII составилъ проектъ конституціи; но онъ умеръ, не успѣвъ его обнародовать. По этому проекту герцогства Лауенбургское и Голштинское дѣйствительно были отдѣлены отъ остальной части монархіи. Для нихъ предполагалась особая законодательная власть и финансовая администрація, ввѣренная особому министру. Ни одинъ дополнительный кредитъ не могъ получить силу закона, не бывъ одобренъ герцогствами. Они должны были имѣть свое собственное войско и назначать особые расходы на его содержание. Въ случаѣ, еслибъ Голштинія и Лауенбургъ не захотѣли согласиться съ прочими членами *рейхсрата* относительно дополнительнаго кредита, то имъ предоставлялось прервать свою связь съ остальной частью Датской монархіи. Всѣ эти льготы до безконечности превышаютъ все то, что когда либо уступалось какому бы то ни было рода трактатами, на латинскомъ ли, германскомъ, или шведскомъ языкахъ, словесными ли, письменными или легендарными. Однакожь, при извѣстіи объ этомъ проектѣ конституціи, вся Германія разразилась криками ужаса и стала призывать небо, землю и адъ въ свидѣтели нанесенной ей обиды. Дѣло въ томъ, что Данія, представляя ей такимъ образомъ Голштинію и Лауенбургъ, имѣла въ виду тѣмъ лучше сохранить для себя Шлезвигъ. Но Германія не хочетъ и слышать о такомъ раздѣленіи спорныхъ земель и не намѣрена вступать въ этомъ отношеніи ни въ какія сдѣлки. Такъ какъ три герцогства составляютъ предметъ спора, то она требуетъ, чтобы Данія уступила ихъ всѣ. Германскіе публицисты при этомъ случаѣ ссылаются на параграфъ одной латинской рукописи 1460 года, гдѣ говорится, что оба герцогства, Шлезвигское и Голштинское, соединены между собою неразрывными узами. И вотъ по поводу этого весьма проблематическаго параграфа одной латинской рукописи, германскіе воины теперь размахиваютъ своими мечами и затѣваютъ военную пляску, оглашая воздухъ изступленными криками ярости. Правда, что въ опроверженіе этого параграфа латинской рукописи 1460 года датчане ссылаются на латинскую надпись, нахо-

дающуюся на древнихъ воротахъ Рендсбурга, у подножія котораго протекаетъ Эйдеръ. Эта надпись гласитъ: «Terminus Imperii Romani,» и относится ко временамъ столь отдаленнымъ, что ихъ невозможно было опредѣлить съ точностью.

Эта датская конституція, такъ же какъ и лондонскій трактатъ теперь подвергаются со стороны германской прессы и трибуны самымъ оскорбительнымъ эпитетамъ; онѣ называются несправедливыми, предательскими, безирравственными и т. д. Гораздо проще и справедливѣе было бы называть ихъ неудобными. Германцы горячатся, это свершно, но еще хуже то, что они хотятъ горячиться, и что вся эта вспышка глѣва по большей части притворна.

Въ подтвержденіе этого стоитъ только указать на причины къ неудовольствію, приводимыя Германіею противъ Даніи, которыя мы здѣсь и выписываемъ съ тѣмъ, чтобы исполнить обязанность хроникера. Между ними есть причины законныя, причины, основанныя на преувеличеніи фактовъ, и причины совершенно несправедливыя; но мы не имѣемъ ни времени, ни желанія подвергнуть ихъ строгому анализу, тѣмъ болѣе, что онѣ, по большей части, выставлены авторами съ цѣлью замаскировать настоящій вопросъ. Вотъ эти причины:

«Всѣ граждане, принимавшіе замѣтное участіе въ возстаніи, продолжавшемся отъ 1848 до 1850 года, подверглись изгнанію и разоренію. (Ужъ не отнести ли сюда и начальника ихъ, герцога Аугустенбургскаго?) Займы, заключенныя мятежнымъ правительствомъ, не были признаны правительствомъ датскимъ. Шлезвигскіе рекруты включены въ датскую армію, а голштинскіе солдаты отданы подъ начальство датскихъ офицеровъ и переведены на острова. Рендсбургъ, крѣпость голштинская, была срыта (вотъ причина къ неудовольствію), а потомъ восстановлена (другая причина); наконецъ, часть ея взорвана на воздухъ (третья причина).

Далѣе: «Такъ какъ богатство служить опаснымъ орудіемъ мятежа, то датчане приступили къ разоренію страны (!). Они пренебрегли устройствомъ желѣзныхъ дорогъ (въ Голштиніи этихъ дорогъ болѣе, чѣмъ во всей остальной части монархіи); прекратили работы по Эйдерскому каналу, который бы соединилъ Сѣверное море съ Балтійскимъ и доставилъ бы возможность избѣжать затруднительный проѣздъ черезъ Бельтъ и Зундъ! Особый цензурный комитетъ не пропускалъ черезъ границу ни одного изданія, ни журнала, ни бро-

шеры, ни книги, которые бы могли возбуждать въ умѣхъ идеи независимости. Типографія закрывалась самымъ насильственнымъ образомъ (какъ говорить германцы) на томъ основаніи, что онѣ принадлежали людямъ, заподозрѣннымъ въ патріотизмѣ. Право ассоціаций и сходокъ также не было уважено. Датское правительство запретило въ герцогствахъ общества артистическія, ученые, земледѣльческія и даже библейское, основываясь на одномъ подозрѣніи, что эти общества преслѣдуютъ патріотическую цѣль.

...«Тираннія простерла свои преслѣдованія даже на нѣмецкій языкъ, отъ котораго она хотѣла отучить новое поколѣніе. Церкви школы предоставлены были священникамъ и наставникамъ датскимъ. Родители принуждены разлучаться съ своими дѣтьми и неслать ихъ на югъ, чтобы не лишать ихъ благодѣяній національнаго образованія. Тѣ, которые составляли складчину, чтобы на свой счетъ содержать частнаго учителя, подвергались преслѣдованіямъ, а сами наставники заключались въ тюрьму. Достаточно было пропачкаться слова «Шлезвигъ и Голштинія» для того, чтобы быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ и преслѣдуемымъ всею строгостью законовъ. Почта отказывалась доставлять по назначенію письма, которыя носили на себѣ это запрещенное имя. Кавалерскій орденъ Шлезвига получалъ гербъ, отличный отъ кавалерскаго ордена Голштиніи. Для шлезвигскаго герцогства приняты были особыя мѣры страхованія строеній отъ огня. Кромъ того, суммы, назначавшіяся на содержаніе идиотовъ, слабоумныхъ и сумасшедшихъ, не были однѣ и тѣ же для жителей Шлезвига и для жителей Голштиніи!»

Когда съ обѣихъ сторонъ произносятся подобнаго рода обвиненія, на столько же смѣшныя, на сколько серьезныя гнѣвъ, ихъ дѣтующій, тогда, очевидно, всего лучше отдѣлаться другъ отъ друга какъ можно скорѣе. Но неужели для этого необходимо напередъ подражаться?

И датчане и германцы одинаково увѣряютъ, что всеобщая подача голосовъ рѣшила бы дѣло въ ихъ пользу. Зачѣмъ же ни та, ни другая сторона не требуютъ, чтобы приступлено было къ этой мѣрѣ? Весьма вѣроятно въ герцогствѣ голштинскомъ и, быть можетъ, въ Лауенбургѣ дѣло рѣшилось бы тогда въ пользу германцевъ, но каковъ былъ бы результатъ его въ Шлезвигѣ—этого никакъ нельзя сказать заранѣе. Быть можетъ, всеобщая подача голосовъ раздѣлила

бы эту послѣднюю страну на двѣ половины, не тогда, не крайней мѣрѣ, побѣгли бы кровопролитія. Которой изъ двухъ матерей, Германіи или Даніи, принадлежать эти дѣти, Шлезвигъ, Голштинія и Лауенбургъ? Не нужно быть великимъ Соломономъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ: той изъ матерей, которую эти дѣти наиболѣе любятъ!

Отъ политическаго обзорѣнія нельзя требовать, чтобы оно заи́няло дневникъ и передавало, день за день, бюллетени германскіе и датскіе. Но вотъ факты наиболѣе общіе, которые, по нашему мнѣнію, вытекаютъ изъ самаго положенія дѣлъ.

Несчастный король Даніи, тревожимый великими державами, которые требуютъ отъ него одну уступку за другою, тогда какъ народъ его постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы этимъ требованіямъ было отказано, этотъ король прибѣгаетъ къ мѣрамъ самымъ противорѣчивымъ. Сегодня онъ отягчается миролюбіемъ, а завтра принимается вопиственный токъ. Онъ согласился на занятіе германцами Голштиніи, по повидимому рѣшился, во что бы то ни стало, отстоять для Даніи южную границу Шлезвига, на который германская конфедерация не можетъ имѣть никакой законной претензіи.

21 декабря члены германскихъ палатъ соединились во Франкфуртѣ, въ числѣ около девяносто человѣкъ и образовали родъ предварительнаго парламента, Vorparlament, съ тѣмъ, чтобы служить центромъ движенія и, въ случаѣ надобности, поддерживать революционными средствами божественное право принца Аугустенбургскаго. Это собраніе выразило намѣреніе въ скоромъ времени созвать національный парламентъ. Великій герцогъ Баденскій далъ въ этомъ дѣлѣ опередить себя герцогу Саксенъ-Кобургскіимъ, который намѣренъ исправить «іаско, испытанное на конгрессѣ государей. Этотъ герцогъ Саксенъ-Кобургскій сдѣлался кумомъ претендента и заказалъ въ пользу его тридцать тысячъ мундировъ.

24 декабря полкъ принца Саксонскаго вступилъ въ Альтону. Германская партія встрѣтила его съ криками восторга. Войска сейма вошли въ Голштинію, объявляя, что они оставятъ вопросъ о наслѣдствѣ неприкосновеннымъ. Федеральные комиссары признавали права государя и увѣряли, что они ни въ какомъ случаѣ не хотятъ ихъ нарушить. Они отвергали всякій проектъ, относительно провозглашенія принца Аугустенбургскаго, до рѣшенія сейма, и сопротивлялись, какъ говорили они, всякому произвольному отрѣше-

ниш членовъ отъ должности. Но затѣмъ они съ улыбкою присутствовали при провозглашеніи престоидента гражданами и при изгнаніи, цѣлыми массами, должностныхъ лицъ, которые отправились по морской дорогѣ на сѣверъ. Между тѣмъ, король Дани велѣлъ своимъ войскамъ отступать впередъ войсками сейма. Поэтому на сеймѣ лежитъ отвѣтственность за неприкосновенность герцогствъ. Однакожъ, федеральные комиссары, въ прокламаціи, изданной 1-го января въ Альтонѣ съ тѣмъ, чтобы быть обнародованною въ Лауенбургѣ, приказали мѣстнымъ начальствамъ не упоминать въ описательныхъ рапортахъ о королевской власти и снять съ зданій гербъ королевскій. Они запретили должностнымъ лицамъ носить датскую кокарду и, кромѣ того, приказали федеральнымъ войскамъ отдавать честь герцогу Аугустенбургскому. Значить ли это дѣйствовать согласно правиламъ чести?

Пруссія и Австрія дѣйствуютъ въ этомъ дѣлѣ принужденно и вступили въ это движеніе съ тѣмъ, чтобы ему помѣшать.

Правительство французское весьма безпокоится о настоящемъ положеніи дѣлъ. Впрочемъ, оно не сѣтуетъ на затрудненіе, въ какомъ находится тестъ будущаго англійскаго короля. Зачѣмъ было графу Росселю отказаться на отрѣзъ отъ участія въ конгрессѣ, предложенномъ императоромъ Людовикомъ Наполеономъ? Теперь графъ Россель принужденъ, съ своей стороны, предложить конгрессъ изъ представителей нѣсколькихъ державъ для рѣшенія спора, возникшаго между Данією и Германією; а императоръ, въ свою очередь, отвѣчаетъ ему на такое предложеніе: къ чему?

Въ Швеціи и Норвегіи весьма сильно движеніе въ пользу Даніи.

Удивлялись, что Пруссія и Австрія предложили германскому союзному сейму потребовать отъ Даніи отмѣны ноябрьской конституціи, угрожая, въ случаѣ отказа, подвергнуть военному занятію самый Шлезвигъ, который никогда не составлялъ части германской конфедераціи. Ужъ не занять-ли лучше и Копенгагенъ?

Герцогъ Фридрихъ не замедлилъ образовать свое собственное правительство. Предварительно онъ приглашаетъ *своихъ подданныхъ* повиноваться федеральнымъ комиссарамъ... Это весьма понятно!

Саксонскій генералъ Гакке потребовалъ отъ Даніи, чтобы она вывела свои войска изъ шести селъ, расположенныхъ за Рендбургомъ, по ту сторону Эйдера. Въ 1848 году южная граница Шлезвига была провѣрена и опредѣлена вновь; но г. Гакке не

хочетъ знать этого опредѣленія и приказала датчанамъ окончить селла въ предложеніе двадцати четырехъ часовъ. Вирочемъ онъ отлучается терпѣніемъ и уже восемь дней ждетъ, чтобы исполнено было его приказаніе. До сихъ норъ еще не случалось ничего несправедливаго; но въ настоящую минуту миръ Евреы, быть можетъ, зависить отъ какой нибудь роты, занимающей аванпостъ, или какого нибудь капрала, выпившаго лишнюю рюмку вина! Въ какой варварской эпохѣ мы живемъ!

«Англія», говоритъ Таймсъ, — «въ настоящее время наслаждается тѣмъ благомъ, которое наши писатели называютъ глубокимъ миромъ, — благомъ, продолжающимся для насъ съ самаго окончанія войны съ Россією. Послѣ возстанія, происходившаго въ Индіи, мы пользовались на востокѣ спокойствіемъ, увеличеніемъ доходовъ и социальнымъ прогрессомъ. Въ Европѣ, мы за выгоды мира заплатили то, чего онѣ стоить. Мы имѣли неудовольствіе видѣть, что на наши симпатіи не было обращено должнаго вниманія. Мы выказали болѣе благоразумія, чѣмъ храбрости, отказавшись принять участіе въ европейскомъ конгрессѣ. Наши отношенія къ воюющимъ сторонамъ сѣверной Америки характеризуются настойчивымъ нейтралитетомъ, который даже у насъ никого не удовлетворилъ. Кромѣ того, мы застраховали себя отъ опасностей войны цѣною огромной преміи, уплачиваемой въ видѣ громаднхъ сооружений.

«Но, поблагодаривъ небо за этотъ глубокій миръ, который оно намъ даруетъ, обратимся къ какой нибудь газетѣ и посмотримъ, что въ ней говорится.

«Прежде всего представляется тамъ цѣлый рядъ кровопролитныхъ стычекъ съ неопредѣленнымъ числомъ племенъ, на дорогѣ отъ Пешавара въ Кабулъ; мы читаемъ, что пять тысячъ нашихъ солдатъ участвуютъ въ экспедиціи, что шестнадцать англійскихъ офицеровъ убито или ранено и что требуется помощь. Мы имѣемъ смутную надежду, что мы нанесли врагу столько же ударовъ, сколько получили сами. Нельзя сказать съ достовѣрностью, чтобы мы вели войну съ Китаемъ; извѣстно только, что мы тамъ убиваемъ людей и что туземцы убиваютъ нашихъ солдатъ. За тѣмъ все является загадкой и мы въ совершенномъ недоумѣніи. Мы, безъ всякаго сомнѣнія, друзья и совѣтники японскаго тайкуна, но не его подданныхъ, такъ какъ недавно еще мы имѣли кровопролитную стычку съ однимъ изъ этихъ дайміо. Мы ему дали хорошій урокъ, говоритъ

нашъ адмиралъ; другіе увѣряютъ, что урокъ получили мы. Въ Новой Зеландіи два или три нашихъ колена учатся у туземцовъ искусству драться въ лѣсахъ и льстятъ себя надеждой вскорѣ сравниться въ этомъ отношеніи съ своими учителями. Но при подобной борьбѣ дѣло въ томъ, чтобы побѣдить дикарей большими батальонами. Поэтому мы имѣемъ тамъ надобность въ подрѣзленіяхъ. Между тѣмъ наши поселенцы сражаются, или образуютъ патрули, а ихъ семейства живутъ неизвѣстно гдѣ и какъ. Подрѣзленія, посланные въ Канаду, еще не были отозваны и мы, быть можетъ, будемъ поставлены въ необходимость увеличить ихъ въ пятеро или въ десятеро. Однакожъ мы тамъ наслаждаемся глубокимъ миромъ, такъ же какъ и въ Европѣ. И это для насъ большое счастье, такъ какъ мы воюемъ въ четырехъ углахъ свѣта: въ центрѣ Азіи, на одномъ концѣ ея, къ имперіи еще болѣе отдаленной и на группѣ острововъ, отстоящей отъ Англіи какъ нельзя далѣе.

«Что касается Новой Зеландіи, то мы на счетъ ея спокойны. Съ той минуты, какъ дикіе жители ея пришли въ соприкосновеніе съ цивилизаціею, т. е. познакомились съ порохомъ, ромомъ и развратомъ, мы увѣрены, что смерть приберетъ ихъ скорѣе, чѣмъ англійскихъ солдатъ. Во всѣхъ другихъ пунктахъ не видно конца борьбѣ.» *Племена Холмовъ*, между которыми, надо полагать, мы истребляемъ столько же людей, сколько и они истребляютъ нашихъ, «съ незапамятныхъ временъ убиваютъ и грабятъ все то, что имъ кажется достойнымъ такого труда. Мы, пожалуй, въ состояніи уничтожить десятую часть ихъ, но отъ этого намъ будетъ не легче.

«Въ Китаѣ убито десять тысячъ человѣкъ. Это капля воды въ морѣ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это — содержать нѣсколько аванпостовъ и устроить карантинъ противъ распространенія моровой язвы, опустошающей материкъ и которой, повидимому, не суждено приостановиться. Нигдѣ жизнь не имѣетъ такъ мало цѣны и нигдѣ стихіи порядка не составляютъ такой потребности, какъ въ Китаѣ. Если нѣтъ другой безопасности, кромѣ даруемой нами, какъ мы можемъ себя утѣшить, то мы не видимъ конца обязательствамъ, принимаемымъ нами въ отношеніи къ тѣмъ, которые становятся или стали подъ наше покровительство. Ничто не въ состояніи опредѣлить числа солдатъ, кораблей и разныхъ снарядовъ, которыхъ мы, быть можетъ, должны будемъ отправить туда, хотъ бы для того, чтобы сохранить то, что намъ принадлежитъ.

«Что касается нашихъ споровъ съ этой странною и недавно открытою расою японскихъ князей, то Англія на этотъ счетъ какъ будто убожала какими-то разказами изъ Тысячи одной ночи. Исторія кажется баснословною и непонятною. Еслибъ наши солдаты были атакованы духами, еслибъ они подверглись какимъ нибудь чудеснымъ метаморфозамъ, то мы бы не были менѣе изумлены, чѣмъ теперь. Весьма недавно еще мы были очарованы, узнавъ, что золото въ Японіи находится въ пренебреженіи и что можно получить тамъ этотъ металлъ за баснословно ничтожное количество серебра. Оказывается теперь, что мы за японское золото платили армстронговскими и витвортскими пушками и что мы служимъ теперь мишенью для нашей собственной артиллеріи. Князь Сатсума имѣетъ искусныхъ агентовъ и совѣтниковъ и обладаетъ месѣтными доходами и многочисленнымъ войскомъ. Съ этой стороны также борьба можетъ продолжаться долго.

«У себя дома мы также не безъ заботъ. Нивакъ нельзя назвать пріятнымъ положеніе нашей любимой королевы. Ея деверь и свекоръ, ея дочери занимаютъ своими солдатами двѣ провинціи, на которыя объявляетъ свои права отецъ принцессы Уэйльской. Королевскій принцъ Пруссіи, съ своимъ супругомъ, поспѣшно оставилъ насъ и возвратился на родину. Черезъ нѣсколько недѣль, быть можетъ, нѣкоторые изъ членовъ нашей королевской фамиліи должны будутъ поднятъ другъ противъ друга мечъ въ этой распрѣ, которая можетъ сдѣлаться страшною и ороситъ кровью всю Европу. Каждый день насъ увѣряютъ, что дѣла устроятся, какъ нельзя лучше. Но когда Англія видитъ весь этотъ порохъ и солдата, стоящаго съ охителемъ въ рукахъ, тогда она не убѣждена, что здѣсь дѣло идетъ только о сѣкварахъ. Всѣ возможные матеріалы накопились для континентальной войны и, безъ всякаго сомнѣнія, этой войны желаютъ многіе. А опытъ доказалъ, что распря всеобщая никогда не кончается безъ того, чтобы мы не были въ нее вовлечены.

«При такихъ видахъ, представляющихся въ будущемъ, что мы должны думать о томъ, что намъ предстоитъ дѣлать въ четырехъ частяхъ свѣта? Мы не намѣрены видѣть все въ худшемъ свѣтѣ. Положимъ, что мы бы могли прекратить свои операціи въ Пешеварѣ, сократить ихъ въ Китаѣ и Японіи и что Зеландія намъ стоитъ не болѣе, какъ отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ въ годъ...

«Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы дѣла могли окончиться

для насъ благоприятно въ одно и то же время на всѣхъ четырехъ пунктахъ. Изъ многочисленныхъ залоговъ, предоставленныхъ нами Фортунѣ, она можетъ употребить нѣкоторые къ нашему же вреду. Въ двухъ странахъ, гдѣ мы наиболѣе рискуемъ, интересы наши противоположны. Въ Европѣ намъ нуженъ былъ бы миръ, а въ Америкѣ война. Вѣроятно, что когда сѣверные штаты примирятся съ южными, то это будетъ на нашъ счетъ. И можемъ ли мы надѣяться, что дѣла пойдутъ такъ, какъ мы бы желали, или останутся въ угожденіе намъ? На это положиться нельзя. Во всякомъ случаѣ, при такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ взаимномъ противорѣчій нашихъ интересовъ, мы думаемъ, что миръ можетъ быть сохраненъ для насъ только при большомъ стараніи, умѣренности и твердости съ нашей стороны!»

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней много говорили въ Парижѣ о замыслѣ какихъ-то италіянцевъ противъ жизни императора Наполеона Бонапарта. До сихъ поръ слухи объ этомъ происшествіи происходятъ изъ правительственнаго источника и далеко между собою несогласны. Три Италіянца, говоритъ полиція, принадлежащія къ партіи Мадзини, пришли въ Парижъ съ бомбами усовершенствованной орсиіевской системы. Эти бомбы были изъ кованаго желѣза, а не изъ чугуна и имѣли, кажется, невинный видъ апельсинавъ. Предполагалось бросить ихъ въ императора и его свиту, когда его величество будетъ кататься на конькахъ на озерѣ въ Булонскомъ лѣсу. Но до наступленія роковаго дня заговорщики, говорятъ, были проданы четвертымъ своимъ товарищемъ за весьма большую сумму денегъ парижской полиціи, которая уже была предупреждена лондонскою о томъ, что какой-то замыселъ готовится.

Удивлялись равнодушію, съ какимъ это извѣстіе, какъ только удовлетворено было первое любопытство, въ парижскихъ салонахъ, было принято и остальнымъ населеніемъ столицы. Слушатели не дѣлали никакихъ предположеній и никакихъ комментариевъ; они подымали плечи и болѣе объ этомъ не говорили. Кажется, все чувствуютъ, что современные событія принимаютъ такое важное значеніе, что одинъ человекъ, какъ бы высоко онъ ни былъ поставленъ на политическомъ поприщѣ, не можетъ имѣть большаго вліянія на нашу будущую судьбу...

Бризисъ, которому во Франціи подвергается императорская система, и на который съ самаго начала обращено было вниманіе нашихъ читателей, съ каждымъ днемъ становится значительнѣе. Черезъ нѣсколько недѣль онъ ни для кого не будетъ тайной. Все, что терять имперіализмъ, достается на долю какому-то ложному либерализму и какой-то ложной демократіи болѣе чѣмъ сомнительной нравственности. Какъ признаки настоящаго времени, рѣчи, провѣсенныя въ сенатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, были весьма интересны.

Прежде всего намъ представляется болтовня потѣшнаго маркиза де-Боасси, знаменитаго въ своемъ родѣ, своими наглыми выходками. Въ числѣ озадачивающихъ неглупостей, маркизъ произнесъ слова, заставившія вздрогнуть тѣхъ господъ, которые сидятъ на министерскихъ скамьяхъ. Его превосходительство, г. Руэ, счелъ нужнымъ возразить на эти слова: г. маркизъ замѣтилъ, что императоръ окруженъ людьми жалкими, которые, если онъ отъ нихъ не освободится, навлекутъ на него большія несчастія, такъ какъ эти *зачумленные* (!) люди имѣютъ роковое вліяніе на государей!.. Назовите же этихъ людей, назовите ихъ по имени! Какъ! люди служить императору честно и посвящаютъ ему всю свою преданность и весь свой умъ (все что осталось у нихъ отъ преданности, выказанной на службѣ республикѣ 1848 года) и вы въ этомъ собраніи, въ средѣ самаго сената, рѣшаетесь указать на нихъ, какъ на людей жалкихъ, зачумленныхъ!..»

Маркизъ де-Боасси: «Я никогда не думалъ нападать на министровъ, но я сказалъ,—такъ какъ я въ этомъ убѣжденъ,—что въ числѣ лицъ, окружающихъ императора есть люди жалкіе, всегда стоящіе на колѣняхъ и протягивающіе руку!» (Ропотъ и шумъ).

Забавно, что послѣ его превосходительства, г. министра, придворные сановники одинъ за другимъ обращались къ г. Боасси съ вопросомъ: «А я, развѣ я—человѣкъ жалкій, зачумленный?»

Его превосходительство, г. Руэ, былъ еще болѣе краснорѣчивъ, когда, представляя въ очеркѣ положеніе правительства внутри страны, онъ воскликнулъ: «Отъ насъ требуютъ все новой и новой свободы... Въ настоящее время не трудно замѣтить двѣ группы людей: одни сумасбродствуютъ при словѣ «свобода» и, увлекаясь своими надеждами и иллюзіями, не повѣряютъ ничего и готовы все принять на вѣру; другіе, болѣе ловкіе, еще громче требуютъ усни-

ренія партій и терпѣливо, съ несокрушимою твердостью, ожидаютъ, чтобъ наступилъ тотъ день и часъ, когда имъ можно будетъ дѣйствовать. Я вижу партію, которую я встрѣтилъ въ тотъ часъ (въ 1848 году), когда я вступилъ на политическое поприще, и эту партію я не забуду никогда. Одинъ изъ членовъ этой партіи хотѣлъ характеризовать послѣдніе выборы. Этотъ человѣкъ былъ г. Пельтанъ, удостоившійся вчера чести быть избраннымъ въ представителю народа. Вотъ что онъ говорилъ:

«Самый опасный революціонеръ—не Дантонъ, а *Термитъ*... (Торжественное молчаніе, движеніе—что онъ хочетъ сказать?)

«Термитъ — муравей жаркихъ странъ, насѣкомое, по преимуществу принадлежащее къ породѣ грызуновъ... (О, да! воскликнулъ кардиналъ Донне, онъ уже опустошилъ половину Ла-Рошеля).

«Термитъ роется въ тиши и грызетъ въ темнотѣ, и пока онъ тщательно исполняетъ дѣло разрушенія, уничтожая одну пылинку за другою, домъ сохраняетъ наружный видъ прочности. Жильцы въ немъ ѣдятъ спокойно, пьютъ, веселятся, танцуютъ; но въ одинъ прекрасный вечеръ, когда весело бьютъ часы и когда ребенокъ покойно спитъ въ своей колыбели... (моментъ ожиданія,—присутствующимъ представляется принцъ, лежащій въ своей кровати)... вдругъ трещитъ одна балка и весь домъ рушится... и изъ всего того, что было за минуту передъ тѣмъ, изъ всей этой картины веселья и счастья, не остается ничего, кромѣ одной части стѣны и облака пыли!

«Итакъ приступлено было къ подачѣ голосовъ!..

«Вотъ, что господа, не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ, было опубликовано въ этой столицѣ. Подумайте теперь. О, да! Не Дантонъ величайшій революціонеръ, а это грызущее насѣкомое, которое роется, подкапывается подъ зданіе и, уничтожая одну пылинку за другою, исполняетъ свое дѣло разрушенія. Въ этой картинѣ все: и веселье, и танцы, и ребенокъ, спящій въ колыбели, и все это рушится въ одинъ моментъ!.. Итакъ приступлено было къ подачѣ голосовъ!» (Громъ рукоплесканій).

«И вы еще говорите, что нѣтъ болѣе партій! Мы едва освободились отъ пятидесятилѣтнихъ смуть. Духъ зла господствовалъ почти самовластно въ продолженіе двухъ лѣтъ. Среди этихъ самыхъ стѣнъ Лви-Бланъ воздвигъ кафедрю социализма; всѣ надежды были отданы

въ лобъцу страстямъ, и вы еще говорите, что все это романтика! Нѣтъ! нѣтъ!»

И его превосходительство произносилъ слова Пельтана, какъ живой актеръ, съ приличною интонаціею и жестами; онъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, съ краснорѣчіемъ страсти, и съ пѣной у рта. Гнѣвъ и ужасъ его превосходительства выражались на его лицѣ. Послѣ этой знаменитой рѣчи *Термитъ* вошелъ въ поговорку. Это слово сдѣлалось насмѣшливымъ прозвищемъ либераловъ, т. е. революціонеровъ безсознательныхъ и невольныхъ.

За тѣмъ маркизь де-ла-Рошъ-Жакленъ, означенный выше маркизь де-Боасси и генеральный прокуроръ Дюпенъ въ своихъ рѣчахъ напали на польское возстаніе. Господинъ Бошжанъ защищалъ это возстаніе, какъ защищаютъ дѣло проигранное. Его императорскому высочеству, принцу Наполеону, и его экс-превосходительству, г. Валевскому, запрещено было отвѣчать на взведенное противъ нихъ обвиненіе. Такой контрастъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ странѣ.

Въ законодательномъ корпусѣ разладъ между членами знаменитой оппозиціи сдѣлался очевиднымъ. Сплошному большинству, состоящему изъ трехъ сотъ членовъ, противопоставляются три или четыре оппозиціи, изъ которыхъ въ каждой находится около десяти членовъ. Избраніе вновь термита—Пельтана нанесло страшный ударъ правительству. При первомъ своемъ избраніи, Пельтанъ имѣлъ на своей сторонѣ противъ кандидата императора только большинство ста голосовъ, а въ этотъ разъ болѣе пяти тысячъ. Это Парижъ, неслправимый Парижъ выкинулъ такое колѣнцо.

Подстрекаемая чувствомъ соревнованія, провинція въ то же время избрала большинствомъ трехъ тысячъ голосовъ новаго кандидата оппозиціи, притомъ въ такомъ округѣ, который два мѣсяца тому назадъ далъ правительству большинство отъ восьми до девяти тысячъ голосовъ. Министерство, надѣясь приготовить для себя торжество, приняло представителя Дижона, съ тѣмъ чтобы сдѣлать изъ него государственнаго совѣтника. Избраніе преемника этого представителя должно было уравновѣсить дѣйствіе пораженія, которое предвидѣлось въ Парижѣ и котораго правительство тѣмъ не менѣе желало избѣгнуть во чтобы то ни стало, *per fas et nefas*, и въ особенности *per nefas*. Однакожъ, всѣ старанія къ достиженію этой цѣли были напрасны. Претерпѣвъ пораженіе отъ такія умныя на-

тилей, каковы жители столицы—это еще туда сюда; но быть разбитыми провинціалами—это ужь ни на что не похоже!

Имперія чувствует себя атакованною въ самыхъ чувствительныхъ мѣстахъ. Уже люди ловкіе намѣняютъ свой образъ дѣйствования. Либерализмъ, столь обруганный, и парламентаризмъ, столь осмѣянный, теперь видятъ въ рядахъ своихъ защитниковъ новыхъ рекрутовъ, которыхъ прежде они не ожидали.

Виконтъ де-ла-Героньеръ пронесъ въ сенатъ въ пользу свободы прессы и вообще всякаго рода свободы великолѣпную, высокопарную и многословную рѣчь, сильно оскорбившую собраніе и возбудившую гнѣвъ его превосходительства, графа Руэ. Господинъ Даррабюръ не давно объяснилъ въ законодательномъ корпусѣ, что, по сведеніи счетовъ, оказывается, что правительство обременило финансы долгомъ въ ТРИ МИЛЛІАРДА ЧЕТЫРЕСТА МИЛЛІОНОВЪ! — цѣра, произведшая весьма печальное впечатлѣніе на палату, и ярость которой легитимистъ Беррье возсталъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Всеобщее изумленіе было доведено до крайности поведеніемъ его превосходительства, герцога Морни. Этотъ господинъ, братъ императора и геній имперіи, осмѣлился жаловаться почти публично на дурное направленіе, данное дѣламъ императрицею. Герцогъ Морни почти кокетничаетъ съ депутатами оппозиціи! Онъ редишировалъ адресъ къ императору, представляющій такой же рѣзкій контрастъ съ адресомъ г. Тролонга, читаннымъ въ сенатѣ, какой представляетъ сѣрый цвѣтъ противъ розоваго. Господинъ Морни оканчиваетъ свою рѣчь многозначительными словами:

«Франція теперь не имѣетъ другого честолюбиваго желанія, кроми желанія обезпечить свое спокойствіе, развить свое матеріальное благосостояніе трудомъ и миромъ, а нравственное — ИСКРЕННИМЪ и постепеннымъ примѣненіемъ свободы гражданской и политической!»

Осмѣлился требовать отъ правительства искренности! Слыханное ли это дѣло? Партія придворныхъ, столь смѣло охарактеризованная Маркизомъ де-Боасси, разгнѣвалась и встревожилась. Эти люди готовы были напустить на рѣчь господина Морни бульдоговъ Гаус и Constitutionel'я, но они не осмѣлились этого сдѣлать и ограничились тѣмъ, что тайнственно шептали на ухо своимъ единомышленникамъ: «Остерегайтесь господина Морни. Это—Монкъ!»

Такую силу этому новому движенію придаетъ убѣжденіе, сдѣлавшееся всеобщимъ, что правительство не въ состояніи предпринять

войну, къ которой оно давно готовилось. «Франціи,» говоритъ когда-то бывшій арестантъ Гама, «нужна или внѣшняя слава, или внутренняя свобода.»

Его превосходительство, маршалъ Маньянгъ, безъ сомнѣнія, не понималъ этихъ словъ своего господина. Нѣсколько дней тому назадъ, принимая депутацію каменщиковъ, онъ произнесъ ей рѣчь и воскликнулъ: «Тайныя общества мутятъ народъ, возбуждая въ немъ дурныя страсти, но мы ожидаемъ этихъ агитаторовъ, ожидаемъ ихъ на улицѣ!» Бѣдный маршалъ, вы бы послушали, что говорить вашъ товарищъ, его превосходительство, г. Руе: агитаторы и революціонеры менѣе опасны, чѣмъ термиты. А термитовъ, да будетъ вамъ извѣстно, г. маршалъ, нельзя убѣдить ни саблями, ни штыками.

Говорятъ, что когда извѣстіе о побѣдѣ г. Пельтана пришло въ Компиень, императоръ съ досадою передалъ эту депешу императрицѣ и воскликнулъ: «Вотъ, сударыня, чего стоятъ мнѣ ваша мексиканская экспедиція!» Не ошибается ли его императорское величество, предполагая, что экспедиція, предпринятая противъ Мексики, есть единственная или главная ошибка правительства?

Теперь всѣ говорятъ объ этой за-атлантической затѣѣ то, что говорилъ вашъ журналъ два года тому назадъ. Сенатъ, угодливый во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ принимаетъ почти повелительный тонъ. Адресъ господина Морни, рапортъ г. Фульда, представленіе финансовой комисіи — всѣ согласны на счетъ этого предмета: кто насъ освободитъ отъ мексиканской войны? Въ настоящее время правительство даетъ слово, что все будетъ кончено въ 1864 году. Императоръ Максимилианъ, говорятъ, долженъ заплатить за всѣ расходы по экспедиціи. (До сихъ поръ, по словамъ правительства, израсходовано на этотъ предметъ 200 милліоновъ. 200 милліоновъ — для взысканія четырехъ!!)

Надо замѣтить, что такъ называемыя французскія дѣла находятся въ этой прелестной странѣ въ самомъ скверномъ состояніи. Каждую недѣлю отправляются туда изъ нашихъ портовъ отъ восьми сотъ до тысячи человекъ, единственно съ тѣмъ, чтобы вознаграждать убыль, безпрестанно производимую въ войскѣ. Французская армія, принужденная поддерживать сообщеніе съ моремъ, растянута въ длину на сто лѣ, на линіи, ведущей изъ Вера—Круца въ Мексику, а изъ Мексики въ Валладолидъ, на дорогѣ въ Санъ-Луисъ де-Потоси.

Чертому пайли гверилласовъ безпрестанно нападаютъ на уединенные посты, уничтожаютъ ихъ и затѣмъ уходятъ. Они атакуютъ даже города и села, гдѣ расположены французскія войска, которыя едва успѣваютъ укрыться въ своихъ ретраншаентахъ, предоставляя неприятелю вѣшать клерикаловъ, вступившихъ въ союзъ съ врагами отечества. Нѣсколько разъ Негръ и Базенъ располагали своихъ солдатъ большими массами, но тогда эти солдаты не имѣли возможности въ достаточномъ количествѣ запастись провизією или принуждены были оставаться въ бездѣятельности на своихъ квартирахъ. Доброе согласіе между бонапартистскими генералами съ одной стороны, и ихъ друзьями, клерикалами, съ другой, продолжалось нѣ долго. Временное правительство, учрежденное маршаломъ Форе, было распущено и его обязанности сохранилъ Альмонте (человѣкъ, какъ вы знаете, испытанной честности). Архіепископъ города Мексики, монсиньоръ Лабастида, формально потребовалъ отъ мѣръ относительно секуляризаціи имуществъ духовенства, уничтоженія продажи этихъ имуществъ, и возвращенія епископамъ и монастырямъ всѣхъ владѣній, принадлежавшихъ имъ до 1857 года, и которыхъ цѣнность приблизительно простирается до пол-милліарда франковъ. Вслѣдствіе предварительнаго отказа генерала Базена, архіепископъ потребовалъ своей отставки отъ должности члена знаменитаго триумвирата. Въ слѣдующее воскресенье, его преосвященство велѣлъ запереть двери кафедральнаго собора и грозилъ отлученіемъ отъ церкви генералу Базену, господину Альмонте, всѣмъ офицерамъ французскимъ и всѣмъ тѣмъ офицерамъ мексиканскимъ, которые присоединились къ французскимъ.

Генераль Негръ, комендантъ города, не устранился этихъ мѣръ. Онъ расположилъ весь гарнизонъ, приблизительно изъ трехъ тысячъ человѣкъ инфантеріи, кавалеріи и артиллеріи, на площади передъ соборомъ и объявилъ, что велитъ выломать двери церкви, если епископъ не откроетъ ихъ самъ. Саперы стояли съ своими петардами, а артиллеристы съ своими пушками и зажженными фителями. Архіепископъ, не успѣвшій внушить страхъ другимъ, испугался самъ; велѣлъ открыть двери и началъ службу. Французскій генералъ вышелъ изъ церкви тогда, когда вмѣстѣ съ своими солдатами выслушалъ всю обѣдню и когда получилъ благословеніе (не искреннее ли?) отъ его преосвященства.

Но атакуемая съ лѣвой стороны конституціоналистами, а съ правой клерикалами, чѣмъ кончится эта французская экспедиція?

Говорятъ, что г. Базенъ вступилъ въ переговоры съ Дюбле, министромъ Хуареса. Какъ досадуетъ теперь французское правительство, что оно такъ громко объявило, что никогда не заключить никакихъ условій съ Хуаресомъ. О! еслибъ президентъ мексиканской республики согласился, хоть для вида, отказаться отъ своей должности, изъ какого затруднительнаго положенія онъ бы вывелъ тогда императора Наполеона Бонапарта!

О, какъ мы далеки теперь отъ очаровательныхъ видовъ, представлявшихся мутному взору чловека, который утверждалъ, что мiръ принадлежитъ олегантикамъ! Эти виды заключались въ истребленіи всѣхъ американскихъ республикъ и въ уничтоженіи грознаго могущества Соединенныхъ Штатовъ. Какъ мы далеки теперь отъ раздѣленія всей Америки на три громадныхъ рабовладѣльческихъ государствъ: Бразилію на югѣ, конфедерацію Джефферсона Девиса на сѣверѣ, и великую бонапартистскую имперію въ центрѣ!

«Sic transit, sic transit gloria mundi!»

«А этой несчастной рабовладѣльческой конфедераціи остается теперь только умереть отъ ранъ, нанесенныхъ ей федеральными войсками.... Ея президентъ получалъ отъ нашего святѣйшаго отца, папы, благочестивое посланіе, съ изъявленіемъ сочувствія и съ благословеніемъ.... О, несчастная владѣтельница негровъ, умирающая въ полномъ цвѣтѣ юности!

Жакъ Ласфрэнъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Для хорошей общественной дѣятельности нужны и хорошіе дѣтели. — Переходъ Земскихъ учреждений изъ провѣта въ дѣйствительную жизнь. — Какими обстоятельствами будетъ обуславливаться ихъ практической успѣхъ? — Границы дѣятельности и составъ Земскихъ учреждений. — Условія, опредѣляющія права избирателей. — Относительное значеніе гласныхъ. — Перевѣсъ вліянія на сторонѣ землевладѣльцевъ. — Устройство тюремъ, какъ одна изъ главныхъ хозяйственныхъ задачъ предстоящей дѣятельности Земскихъ учреждений. — Вторая задача — развитіе и обезпеченіе губернскихъ банковъ. — Старая пѣсня о нашемъ частномъ кредитѣ. — Стѣснительное положеніе землевладѣльцевъ и озартная игра ихъ въ винокуренную промышленность. — Ближайшія цѣли нашей общественной дѣятельности.

Развитіе и прочность хорошихъ общественныхъ учреждений всегда обуславливались тѣми активными способностями народа, которыя онъ обнаруживалъ въ пониманіи и въ практическомъ веденіи своихъ собственныхъ дѣлъ. Величайшая задача общественной жизни заключается именно въ томъ, чтобы умѣть подчинить личные интересы общимъ и ставить на первомъ планѣ не свое индивидуальное я, а пользу и счастье всѣхъ, составляющихъ съ нами одно социальное цѣлое. «Если мы спросимъ себя, говоритъ Милль, отъ какихъ причинъ и условій зависитъ хорошее правленіе, какъ въ его обыкновенномъ, такъ и въ самомъ обширномъ смыслѣ, то найдемъ, что главное изъ нихъ, превосходящее всѣ другія, лежитъ въ качествахъ лицъ, составляющихъ общество, для которыхъ это правленіе существуетъ. Возьмемъ для примѣра управленіе правосудіемъ, тѣмъ болѣе, что едва ли есть другой отдѣлъ общественной дѣятельности, гдѣ бы чисто-механическая часть, правила и умѣнье вести подробности дѣла, имѣли бы такое жизненное значеніе. Между тѣмъ и здѣсь они уступаютъ въ значеніи свойствамъ употребленныхъ дѣя-

телей. Какую пользу принесут всѣ правила дѣлопроизводства правосудію, если нравственное состояніе народа таково, что свидѣтели обыкновенно лгутъ, а судьи и ихъ подчиненные берутъ взятки? Точно также, какимъ образомъ учрежденія могутъ повести къ хорошему муниципальному управленію, при такомъ равнодушіи къ дѣлу, что тотъ, кто могъ бы служить честно и хорошо, не чувствуетъ побужденія служить, а должности предоставляются тѣмъ, кто въ нихъ находитъ только средство удовлетворять своимъ личнымъ интересамъ? Къ чему служить самая широкая система народнаго представительства, если избиратели не заботятся выбрать лучшаго члена парламента, но выбираютъ того, кто больше истратитъ денегъ для самаго избранія? и т. д.

Такимъ образомъ сила и жизненность общественныхъ учреждений, по мнѣнію Милля, заключаются въ умѣ и добросовѣстности гражданъ, призванныхъ къ участию въ управленіи. Насколько народъ запасся этими необходимыми качествами, настолько онъ и можетъ ожидать успѣха отъ своей общественной дѣятельности. И такъ какъ эта дѣятельность очень сложная и требующая самого яснаго пониманія человѣческихъ отношеній, то она подготавливается долговременными опытами и реальными знаніями.

Правительство наше нашло необходимымъ сложить съ себя часть государственныхъ заботъ и призвать народъ къ общественному дѣлу. Съ этой цѣлью во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ вводится положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, которыя, наконецъ, изъ сферы проектовъ перешли въ дѣйствительность.

Когда мы говоримъ — *перешли въ дѣйствительность*, то понимаемъ подъ этимъ словомъ законодательную пробу, которую выдержали эти учрежденія. Что же касается до того, какъ они привыкнутъ къ самой жизни и какіе дадутъ результаты въ будущемъ, то это зависитъ отъ двухъ главныхъ обстоятельствъ: 1) въ какое отношеніе поставитъ себя къ земству административная власть, которой принадлежитъ непосредственное наблюденіе за ходомъ земскихъ учреждений и 2), насколько окажется способнымъ само общество овладѣть тѣми правами, какія даются ему въ его собственныхъ дѣлахъ.

Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, конечно, имѣютъ главное значеніе границы, опредѣляющія вообще права и обязанности этихъ

учрежденій, что въ свою очередь обусловливается степенью самостоятельности ихъ и качествомъ предметовъ, подлежащихъ завѣдыванію земства. Изъ перваго параграфа видно, что населеніе призывается къ «ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ польвъ и нуждъ каждой губерніи и cadaго уѣзда»; но такъ какъ *хозяйственные* дѣла, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ неразрывную связь съ общимъ ходомъ государственной системы и прямо вытекаютъ изъ цѣлаго общественнаго устройства, то земскимъ учрежденіямъ предоставляются нѣкоторые вопросы, выходящіе изъ круга чисто-хозяйственныхъ. На этихъ вопросахъ мы и остановимъ наше вниманіе.

На земскія учрежденія возлагается, между прочимъ: «попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи; представленіе чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣденій и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ польвъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по сямъ предметамъ также чрезъ губернское начальство». Въ этихъ немногихъ строкахъ заключается зародышъ той *органической* связи между правительствомъ и обществомъ, посредствомъ которой общественныя потребности должны вызывать дѣятельность исполнительной власти. По этимъ предметамъ, обнимающимъ собою не только матеріальный, но и нравственной бытъ земства, оно можетъ представлять правительству свои заключенія и свѣденія и даже обращаться съ ходатайствомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда признаваемая полезною мѣра превышаетъ предѣлы власти земскихъ учрежденій. Въ этомъ правѣ земства можно видѣть нѣкоторое возрожденіе одной изъ принадлежностей нашего древняго быта—*челобитныхъ*, посредствомъ которыхъ города, волости и села обращались съ своими просьбами и жалобами къ верховной власти. Это право, столь необходимое и естественное въ политическомъ быту всякаго народа, окончательно утратилось въ Россіи, и возрожденіе его теперь надо считать одной изъ важныхъ заслугъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Многіе могутъ не согласиться съ нами, что въ правѣ земства входитъ съ ходатайствомъ къ правительству возраждается древнее право челобитныхъ, но мы просимъ замѣтить, что, принимая сущность предмета, а не форму, нельзя не найти нѣкотораго внутренняго средства меж-

ду собирательнымъ ходатайствомъ цѣлаго края и древними челобитными, и даже петиціями, узаконенными въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ Европы.

Положительныя права земскихъ учреждений выражены въ слѣдующихъ правилахъ: они не могутъ выходить изъ круга указанныхъ имъ дѣлъ; поэтому они не вмѣшиваются въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ властей и учреждений; иначе всякое опредѣленіе земскихъ учреждений признается недействительнымъ. Начальники губерній, министерство внутреннихъ дѣлъ и сенатъ—суть высшія инстанціи, чрезъ которыя могутъ проходить въ дисциплинарномъ порядкѣ постановленія земскихъ учреждений. Постановленія эти въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, подробно исчисленныхъ въ положеніи, утверждаются начальниками губерній, а въ нѣкоторыхъ будутъ зависѣть отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ случаѣ возраженій начальника губерніи противъ постановленія земскаго собранія, оно разсматриваетъ подробно обстояательства, подавшія поводъ къ возраженіямъ, и постановляетъ свое окончательное заключеніе, которое уже входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, но начальникъ губерніи имѣетъ право, *подъ личною своею отвѣтственностію*, остановить исполненіе тѣхъ постановленій, которыя онъ признаетъ незаконными; объ этомъ онъ обязанъ увѣдомить земское собраніе и затѣмъ представить все дѣло на разрѣшеніе сената; въ тѣхъ же дѣлахъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ несогласія его на постановленіе земскаго собранія, разрѣшеніе зависитъ отъ сената, а постановленія земскаго собранія не могутъ быть приводимы въ исполненіе до рѣшенія дѣла.

Такимъ образомъ въ дѣлахъ земства мы видимъ посредствующую власть сената, контроль со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и активную въ известной степени власть земскихъ учреждений.

За превышеніе власти и неправильныя дѣйствія земскія учреждения подвергаются отвѣтственности по закону, и въ случаѣ уклоненія отъ исполненія тѣхъ повинностей, которыя закономъ полагаетъ обязательными для земства, начальники губерній приступаютъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства. Въ свою очередь и земскія учреждения имѣютъ право приносить жалобы непосредственно сенату, какъ на начальниковъ губерній, такъ и вообще на

высшія административныя власти, конечно, только въ случаѣ распоряженій, касающихся земскихъ учреждений. Таковы вообще отношенія земства къ власти; роль сената нѣсколько измѣняется сравнительно съ его настоящимъ положеніемъ: въ вопросахъ чисто-административныхъ, хозяйственныхъ, гражданскихъ, онъ начинаетъ принимать посредствующее участіе, теперь же власть его вообще не болѣе какъ судебная, и участіе въ дѣлахъ правленія ограничивается лишь опубликованіемъ постановленій правительства.

Составъ земскихъ учреждений также требуетъ уясненія, какъ одна изъ наиболѣе важныхъ частей настоящаго положенія. Каждый уѣздъ имѣетъ свое земское собраніе и управу; для губерніи учреждается губернское собраніе и губернская управа. Земскія уѣздныя собранія состоятъ изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными землевладѣльцами, городскими и сельскими обществами; губернскія собранія состоятъ изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями. Такимъ образомъ избирательнымъ центромъ является *уѣздъ*, и наконецъ, обитатели нашихъ уѣздовъ и уѣздныхъ городовъ получаютъ всю важность въ дѣлахъ своего края. Какъ они поведутъ эти дѣла, кого будутъ избирать въ гласные, найдется ли достаточно людей, способныхъ на предстоящее дѣло, — это вопросъ, на который могутъ удовлетворительно отвѣчать только самыя послѣдствія.

Когда положеніе о земскихъ учрежденияхъ было еще проектомъ, въ журналахъ было много говорено объ избирательномъ ценсѣ; прелія отличались двумя совершенно противоположными направленіями: одни хотѣли, чтобы въ предполагаемыхъ учрежденияхъ преобладало землевладѣльческое дворянство и преимущественно крупное; другіе не допускали вовсе ценса, а предпочитали всеобщее избирательство. Право избирательства определено теперь въ положеніи размѣромъ земельной собственности по каждой губерніи и даже уѣзду, или денежнымъ капиталомъ. Преобладающіе размѣры, дающіе право участвовать непосредственно въ избраніи гласныхъ—200 и 250 десятинъ въ одномъ уѣздѣ, или заведенія стоимостью въ 15 тысячъ руб. Почти во всѣхъ центральныхъ губерніяхъ установленъ этотъ размѣръ; въ уѣздахъ же наименѣе населенныхъ цифра эта возвышается отъ 350 до 475 десятинъ, а въ уѣздахъ Устьсысольскомъ и Яренскомъ дошла до 800 десятинъ. Москвѣ отдано предпочтеніе пе-

редь Петербургомъ: избирателямъ Московской губерши всѣхъ уѣздовъ опредѣлено имѣть земли не менѣе 200 десятинъ, а Петербургской—250, кромѣ мѣстностей, отстоящихъ не далѣе 25 верстъ отъ столицы; даже часть Шлиссельбургскаго уѣзда и нѣкоторые другіе отдаленные уѣзды сравнены съ мѣстностями весьма мало населенными опредѣленіемъ 350 десятинъ для участія въ избирательствѣ.

Норма эта, какъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ цифръ, не допускаетъ къ избирательству мелкихъ землевладѣльцевъ, слѣдовательно фактически явятся теперь избирателями дворяне-помѣщики, за исключеніемъ мелкихъ; съ переходомъ же земель къ владѣльцамъ другихъ сословій,—чего надо болѣе или менѣе ожидать,—элементы избирательства должны сдѣлаться разнообразнѣе и слѣдовательно распредѣляться равномернѣе.

Крестьяне назначаютъ отъ себя на избирательныя сѣзды выборщиковъ.

Городскіе избиратели состоятъ изъ лицъ, имѣющихъ торговыя свидѣтельства: изъ владѣльцевъ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, съ годовымъ оборотомъ не менѣе 6000 р.; изъ лицъ, владѣющихъ на городской землѣ недвижимою собственностію по оцннкѣ не ниже 500 р. въ городахъ, гдѣ менѣе 2000 жителей, въ городахъ же съ числомъ жителей отъ 2-хъ до 10-ти тысячъ, не ниже 1000 руб., а гдѣ болѣе 10-ти тысячъ жителей, не ниже 3000 руб.

Нѣкоторые уѣздные города, на основаніи этихъ правилъ, будутъ имѣть весьма мало избирателей, потому что собственность въ 1000 р. во многихъ уѣздныхъ городахъ — рѣдкое явленіе; можетъ быть это покажется страннымъ читателю, недостаточно знакомому съ внутренней Россіей, но пусть онъ припомнитъ себѣ какой нибудь городокъ, чрезъ который, вѣроятно, случалось ему когда нибудь проѣзжать на почтовыхъ, гдѣ нѣтъ ни гостиницы, ни каменныхъ домовъ, а только сплошные сѣренькіе флигельки, покрытые большею частію соломой; въ такихъ городкахъ, навѣрное, не найдется вовсе избирателей, или найдется очень мало. Впрочемъ положеніе, предвидѣвшее даже для земства такіе случаи, какъ истребленіе хлѣба сусликами и саранчей, предвидитъ и это обстоятельство: ст. 34 говоритъ, что если бы на сѣздѣ число избирателей оказалось менѣе

числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производятся, а всѣ наличные избиратели признаются гласными.

При опредѣленіи числа гласныхъ для земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній принято въ соображеніе число землевладельцевъ, количество земель, населенность городовъ, число и цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, число волостей, количество сельского населенія и пространство крестьянскихъ угодій. Такимъ образомъ личный составъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній выражаетъ собою тоже разнообразіе, какъ и самыя мѣстности страны. Чтобы дать наглядное понятіе о составѣ собраній, приводимъ два уѣзда—съ наименьшимъ и съ наибольшимъ количествомъ гласныхъ. Александровскій (Екатеринославской губерніи): отъ землевладельцевъ 30, отъ города 3, отъ сельскихъ обществъ 27, и того 60 гласныхъ въ уѣздномъ собраніи и 10 въ губернскомъ; Яренскій уѣздъ (Вологодской губерніи): отъ землевладельцевъ 4, отъ города 2, отъ сельскихъ обществъ 6, и того 12 для уѣзднаго, и 2 для губернскаго собранія. Между этими цифрами встрѣчается весьма большое разнообразіе, но отношеніе между собою чиселъ гласныхъ отъ землевладельцевъ, городовъ и сельскихъ обществъ, по большей части, одинаково съ приведенными примѣрами. Губернскія собранія будутъ состоять изъ 50—100 гласныхъ. «Умъ хорошо, а два лучше», говоритъ пословица, выражающая нѣкоторую наклонность русскаго человѣка къ коллективному обсужденію дѣлъ; какъ-то будутъ обсуждать ихъ сто умовъ, избранныхъ отъ цѣлой губерніи. Для совѣщаній уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ двадцатидневный. Вѣроятно, на практикѣ почувствуется недостатокъ такого короткаго времени для совѣщаній земскихъ депутатовъ, вовсе не привыкшихъ быстро и мѣтко соображать сложные общественные вопросы.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ финансовый прежде всего займетъ вниманіе земскихъ учреждений, потому что на училища, больницы, богадѣльни, на благоустройство городовъ, на содержаніе дорогъ, на содержаніе статистическихъ комитетовъ и разныя другія потребности земства, нужны средства и притомъ значительныя. Слѣдовательно, земскія учрежденія должны будутъ стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ о налогахъ или сборахъ. Налоги эти, естественно, должны бу-

дуть падать преимущественно на крестьянство, составляющее большинство нашего населенія, а это сословіе и по своимъ средствамъ, и по своему развитію, едва ли проникнется сознаниемъ необходимости приносить жертвы отъ своихъ скудныхъ средствъ на потребности, въ которыхъ оно менѣе всего нуждается и которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаеть, пожалуй, себѣ не-подъ-силу и не въ прокъ. Содержаніе благотворительныхъ заведеній въ нашихъ селахъ положительно не признается населеніемъ за полезное и необходимое; содержаніе дорогъ, простирающихся на огромныя разстоянія и менѣе всего служащихъ торговыми путями, но можетъ не казаться для сельскаго населенія бесплодной для него тяжестью, потому что оно на перевозку своихъ грошевыхъ товаровъ не найдетъ выгоднымъ жертвовать рублями; статистическіе комитеты, несомнѣнно полезные по своему назначенію, будутъ загадкой для крестьянства; школы, только однѣ школы могутъ скорѣе всего привиться къ русской жизни, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ будетъ дешевле всѣхъ другихъ земскихъ потребностей.

Большинство гласныхъ въ уѣздныхъ учрежденіяхъ почти вездѣ принадлежитъ землевладѣльцамъ, какъ это видно изъ вѣдомости, приложенной къ положенію; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ большинство приходится на сторону сельскихъ обществъ, тамъ при вотированіи дѣлъ балансъ будетъ поставленъ въ зависимость отъ представителей городовъ. Почти вездѣ число гласныхъ опредѣлено такъ, что сумма гласныхъ отъ землевладѣльцевъ равняется суммѣ двухъ остальныхъ чиселъ, т. е. отъ сельскихъ обществъ и городовъ вмѣстѣ; поэтому для того, чтобы въ вопросѣ, касающемся преимущественно интересовъ крестьянства, могъ быть перевѣсъ на ихъ сторонѣ, нужно, чтобы гласные отъ городовъ всѣ безъ исключенія подали свои голоса вмѣстѣ съ гласными отъ сельскихъ обществъ, и кромѣ того, по крайней мѣрѣ, былъ бы хотя одинъ голосъ отъ землевладѣльцевъ; тогда только большинство будетъ на сторонѣ крестьянъ. Большинство же голосовъ въ пользу землевладѣльцевъ пріобрѣтается не болѣе какъ только отъ одного голоса изъ числа представителей городовъ, или сельскихъ обществъ. Въ самое невыгодное и зависимое положеніе поставлены представители городовъ; они совершенно теряются между двумя остальными цѣрами: напр. въ Саратовскомъ уѣздѣ отъ землевладѣльцевъ 34, отъ города 15 и отъ сельскихъ

обществъ 19 гласныхъ; въ Карсунскомъ отъ землевладѣльцевъ 29, отъ города 3 и отъ сельскихъ обществъ 26.

За тѣмъ мы обратимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій, именно къ тюрьмамъ и банкамъ.

Тѣлесныя наказанія за уголовныя преступленія и проступки, отиѣненные въ прошедшемъ году для обоихъ половъ, и наказанія полицейскія, отиѣненные лишь для женскаго пола, въ экономическомъ отношеніи были для русскаго народа не безъ выгоды; съ отиѣной же тѣлесныхъ наказаній, замѣненныхъ въ большей части случаевъ тюремнымъ заключеніемъ, расходъ на сооруженіе тюремъ представляется нынѣ столь значительнымъ, что едва ли земскія учрежденія нѣкоторыхъ уѣздовъ найдутъ возможность осуществить благія стремленія правительства и общества относительно системы тюремъ, постройку и содержаніе которыхъ правительство передаетъ нынѣ земству, именно въ тотъ важный моментъ, когда тюрьмы, съ отиѣной тѣлесныхъ наказаній, должны быть построены съ большею цѣлесообразностью, чѣмъ настоящія, и слѣдовательно должны потребовать наибольшихъ расходовъ какъ на постройку ихъ, такъ и на содержаніе. Когда существовали тѣлесныя наказанія, тогда вѣроятно и не подозрѣвали, что наказаніе плетью и розгами было для насъ выгодно, потому что короткая и простая расправа съ преступникомъ избавляла насъ отъ необходимости содержать не только пенитенціарныя тюрьмы, но и наши простые остроги въ такомъ количествѣ, въ какомъ они понадобятся съ полной отиѣной тѣлесныхъ наказаній, когда не будетъ другого наказанія, какъ тюрьма, или денежный штрафъ, отъ котораго почти всегда придется нищему преступнику также отдѣлываться тюрьмой. Теперь существуютъ только губернскіе остроги и этапы, послѣдніе только для пересылочныхъ арестантовъ, но въ уѣздахъ нашихъ этихъ печальныхъ спутниковъ цивилизаціи еще нѣтъ. Между тѣмъ правительство должно будетъ предписать земству, чтобъ тюрьмы были во всѣхъ городахъ, а современная наука и общество требуютъ, чтобы онѣ были устроены и содержимы по наилучшей системѣ,—и земству придется для этого справиться съ своимъ кошелькомъ.

Дѣлая первый шагъ къ самоуправленію, мы не можемъ уже уклоняться отъ требованій цивилизаціи, а она очень требовательна;

ей нужно, чтобы тамъ, гдѣ живутъ люди въ обществѣ, были бы школа, церковь, больница, присутственные мѣста, тюрьма, казарма банкъ, этапъ и т. п. Всѣ эти учрежденія, естественно, могутъ содержаться только на счетъ того общества, для котораго они существуютъ. Если мы признаемъ ихъ необходимыми, то должны сами же и содержать. Разсуждая о настоящемъ предметѣ, мы увлекаемся желаніемъ сдѣлать простую, наглядную оцѣнку, во что обходится и будетъ обходиться обществу каждое совершившееся преступленіе или проступокъ. Положимъ у васъ украдены 50 рублей, и личность, подозрѣваемая въ воровствѣ, задержана съ несомнѣнными уликами; вы заявляете полиціи, которая и начинаетъ слѣдствіе (при существующемъ нынѣ порядкѣ производства слѣдствій); по принятому обыкновенію оно продолжается мѣсяца три-четыре, а преступникъ въ это время содержится, потому дѣло идетъ въ судъ, и наконецъ года черезъ полтора рѣшается. Потрудитесь сосчитать, во что обошлось обществу преступленіе. Если это въ Петербургѣ, то содержаніе одного человѣка, съ помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и омовеніемъ, стражей и т. п. можетъ обойтись не менѣе какъ въ 15 рублей въ мѣс., слѣдовательно, кромѣ содержанія тюремнаго начальства, суда и проч., преступникъ обошелся уже около 300 руб. сер. Если мы допустимъ, что замѣна розги тюремнымъ заключеніемъ прибавитъ число содержаемыхъ индивидуумовъ, — потому что каждый изъ нихъ долженъ будетъ просидѣть лишнее количество времени, — то и расходъ общества долженъ будетъ увеличиться пропорціонально. Мы не сомнѣваемся, что читатель не заподозритъ въ насъ стремленіе отставивать тѣлесныя наказанія; мы сдѣлали этотъ выводъ единственно съ той цѣлью, чтобы показать, что обществу необходимо проникнуться идеей о необходимости радикальныхъ нравственныхъ и экономическихъ мѣръ къ предупрежденію преступленій, не останавливаясь на однихъ палліативныхъ, какова тюрьма... Только односторонній взглядъ на общественную жизнь можетъ породить воззрѣнія, противоположныя тѣмъ, которыя мы высказали, и было бы желательно, чтобы наше общество, обсуждая свои дѣла, изыскивало средства къ тому, чтобы какъ можно меньше наказывать самого себя за свою же собственную нераціональность. Чтобы объяснить сущность всякаго соціального явленія, необходимо знать причины, породившія его. Вездѣ и во всемъ мы видимъ неумолимую логику: допустите причины, вызывающія преступленія, ве-

дущія къ висѣлицѣ, и вотъ придется строить ихъ чуть не га каждомъ шагу; сдѣлайте неизбѣжнымъ преступленіе, и явится необходимость карательныхъ мѣръ, напротивъ — устраните причины и будете избавлены и отъ ихъ послѣдствій.

Въ числѣ хозяйственныхъ нуждъ земскимъ губернскимъ учрежденіямъ предоставлено, между прочимъ, право представлять на разрѣшеніе высшаго правительства предположенія объ учрежденіи губернскихъ земскихъ банковъ. Такимъ образомъ, настоятельный вопросъ о земскомъ кредитѣ, не разрѣшенный донынѣ правительствомъ, сдѣлался достояніемъ именно тѣхъ учрежденій, которыя въ немъ наиболѣе компетентны.

Вопросъ этотъ, не смотря на то, что онъ не подвинулся ни на одинъ шагъ со времени его возрожденія въ Россіи, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ непремѣнное освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, продолжаетъ до сихъ поръ оставаться вопросомъ самымъ жгучимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ организаціи земскаго кредита будетъ первымъ очереднымъ вопросомъ земскихъ учрежденій, какъ скоро онѣ будутъ открыты, и потому снова долженъ будетъ занять мѣсто въ журнальной литературѣ, тѣмъ болѣе, что самыя основныя начала организаціи земскаго кредита во многомъ представляются еще спорными. Чего захочетъ наше земство: полного ли невмѣшательства правительства въ дѣло частнаго кредита, или его поддержки и содѣйствія? Здѣсь сталкиваются весьма недружелюбно теоретическіе выводы съ печальной дѣйствительностью: польза полного невмѣшательства правительства въ дѣло кредита, по преимуществу, дѣло частное и общественное, признана аксіомой и вполне согласуется съ современными стремленіями общества; между тѣмъ, спрашиваемъ мы, у кого достанетъ столько самонадѣянности, чтобы ожидать отъ русскаго общества самообытной и независимой инициативы въ такомъ дѣлѣ, гдѣ прежде всего нужна строгая рациональность и несомнѣнное ручательство за то, что земскіе банки будутъ дѣйствовать совершенно свободно, не стѣсняясь посторонними вліяніями. Успѣхъ всякаго кредитнаго предпріятія зависитъ отъ степени прочности вообще его гарантій и отъ довѣрія публики къ рациональности его операцій. Можетъ ли общество внушить это довѣріе учрежденіямъ, на которыя прямо

или косвенно будет вліять административная система. Вообще довѣріе возможно только тогда, когда мы вѣримъ въ силу и возможность частнаго лица или учрежденія, что оно *можетъ* исполнить свои обязательства; одна готовность, одно желаніе къ исполненію данныхъ обязательствъ еще недостаточны для того, чтобы пользоваться довѣріемъ; нужно убѣжденіе, что исполненіе этого обязательства *возможно*. Беремъ примѣръ самый наглядный: владѣлецъ недвижимаго имущества, убѣжденный вполнѣ въ непоколебимости своихъ правъ, представляетъ имѣніе въ обезпеченіе долга; доходъ съ имѣнія, условливающий его цѣнность, находится въ цвѣтущемъ состояніи и долгъ вполнѣ гарантируется; въ одинъ несчастный день начинается самый нелѣпый судебный процессъ объ этомъ имѣніи, и кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что правая сторона восторжествуетъ, и притомъ когда? Можетъ быть, черезъ 30, 40, 50 лѣтъ, а между тѣмъ имѣніе или отобрано отъ владѣльца въ опеку, или подвергнется какой нибудь другой административной случайности, и доходы съ имѣнія, а вмѣстѣ съ ними и его цѣнность, испаряются прогрессивно, и гарантія, и желаніе уплатить срочный долгъ, и т. п.,—все это дѣлается несбыточнымъ, неудобноисполнимымъ. Кто можетъ быть увѣренъ и на чемъ укрѣпить свое убѣжденіе, что какой-либо существующій законъ, уставъ, правило и т. п. не-измѣнится, не затронувъ какъ-нибудь случайно и безъ вѣдома заинтересованной стороны частныя права? Все это можетъ относиться къ частнымъ земскимъ банкамъ, и всякій согласится, что на случайностяхъ нельзя основывать прочныхъ обязательствъ.

Поэтому, если земскія учрежденія и изберутъ систему невмѣшательства правительства въ дѣло кредита, то имъ предстоитъ обсудить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ вопросъ о томъ, что именно препятствуетъ успѣху осуществленія у насъ частныхъ кредитныхъ учреждений. Всякая попытка къ открытію земскихъ банковъ безъ непоколебимыхъ гарантій со стороны закона была бы весьма опаснымъ шагомъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, потому что малѣйшая неудача въ этомъ необходимомъ дѣлѣ радикально подорветъ самое дѣло и приведетъ опять къ необходимости государственныхъ банковъ и опекунскихъ совѣтовъ.

Но мы, признаемся, слабо вѣримъ, чтобы всѣ высказанныя въ печати упованія на успѣхъ у насъ частнаго кредита не пришлось

отнести къ наклонности русскаго общества къ иллюзіямъ и сдать въ архивъ;—во всякомъ случаѣ въ высшей степени будутъ любопытны заключенія земскихъ учреждений о возможности или невозможности организаціи земскаго кредита. Любопытно будетъ знать, какимъ образомъ сословіе землевладѣльцевъ, для которыхъ кредитъ составляетъ теперь вопросъ о томъ, *быть* или *небыть*, обойдутъ такія колоссальныя препятствія къ успѣху дѣла, какъ, напримѣръ, конкуренція правительства въ выпускѣ кредитныхъ бумагъ и постоянное колебаніе курсовъ, дѣйствующее весьма сильно на пониженіе цѣнъ вообще всѣхъ бумагъ и въ особенности выпускаемыхъ безъ гарантіи правительства частными кредитными учреждениями. Представимъ себѣ земскій банкъ, который выпустилъ пятипроцентныя бумаги безъ гарантіи правительства; землевладѣлецъ, получившій ссуду этими бумагами подъ залогъ своей земли, будетъ сбывать ихъ на всѣхъ возможныхъ биржахъ; спрашивается, по какой цѣнѣ онѣ могутъ пойти, если на тѣхъ же биржахъ можно купить пятипроцентныя билеты государственнаго банка ниже ихъ номинальной цѣны на 5 и даже болѣе процентовъ, выкупныя свидѣтельства тоже пятипроцентныя съ уступкой противъ номинальной цѣны на 20 процентовъ, аціи разныхъ акціонерныхъ обществъ, гарантарованныя правительствомъ и приносяція весьма часто дивидендъ свыше этой гарантіи, и наконецъ выпускаемыя періодически процентныя бумаги государственнаго казначейства. Всякая изъ этихъ бумагъ, надо сознаться, представляетъ наилучшую гарантію, чѣмъ бумаги земскаго банка, обезпеченныя какими нибудь степями и болотами, которыя, въ случаѣ ликвидаціи дѣла банка, Богъ знаетъ, когда и какъ будутъ продаваться съ публичныхъ торговъ въ какомъ либо губернскомъ правленіи; а если при этомъ еще дѣло коснется какого нибудь судебного разбирательства, то судьба самыхъ залоговъ должна покрыться непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ едва ли будутъ находиться желающіе приобретать кредитныя бумаги земскихъ банковъ; нужно, чтобы что-нибудь особенно къ нимъ привлекало, какъ напр. хорошая премія, т. е. готовность вмѣсто рубля заплатить 50, а то и 25 копѣечекъ; на подобную приманку еще можно будетъ находить немногихъ желающихъ, но каково будетъ заемщику заплатить единовременной преміи 50 или 75 процентовъ и потомъ платить ежегодно интересы и погасительный процентъ съ номинальной цѣны бумаги. Частные земскіе банки ина-

че и нельзя предположить, какъ ограниченными въ кругу своихъ дѣйствій известной мѣстностью, слѣдовательно и бумаги этихъ банковъ должны имѣть обращеніе преимущественно въ предѣлахъ этой мѣстности. Какими условіями будутъ регулироваться цѣны этихъ бумагъ тамъ, гдѣ нѣтъ не только биржи и бумажнаго ажіотажа, но даже и капиталистовъ, пускающихся въ денежные обороты. Наше земство состоитъ преимущественно изъ нуждающихся въ деньгахъ, ищущихъ у себя тѣ или другія бумаги, или недвижимую собственность; капиталисты же спекуляторы сосредоточиваются въ столицахъ и еще въ весьма немногихъ центрахъ государства, преимущественно въ западныхъ губерніяхъ, слѣдовательно и всѣхъ сортовъ кредитныя бумаги будутъ сосредоточены въ этихъ немногихъ пунктахъ, что конечно не возвыситъ ихъ курса. Если государственный банкъ найдетъ возможность принимать въ залогъ на короткіе сроки бумаги земскихъ банковъ, то это возможно только съ пониженіемъ противъ биржевой цѣны, и если она и безъ того уже низка, то помощь землевладельцу будетъ крайне ничтожная, тѣмъ болѣе, что такіа ссуды возможны только на короткіе сроки. Стало быть спасенія нѣтъ и въ банкѣ, и при томъ подобная льгота бумагамъ земскихъ банковъ была бы уже покровительственной мѣрой земскому кредиту со стороны правительства, а это должно вызвать неминуемо внимательство и надзоръ правительства за операціями банка, и слѣдовательно прямо нарушить принципъ *невмѣшательства*. Отъ покровительства до гарантіи одинъ шагъ, а отъ гарантіи до опеки и монополіи еще ближе; поэтому если допустить болѣе или менѣе прямое участіе правительства въ дѣло земскаго кредита, то значитъ почти возвратиться къ прежнему порядку централизаціи и монополіи кредита въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Публика, литература и правительсто пришли къ полному убѣжденію, что наши землевладельцы находятся въ крайне стѣснительныхъ обстоятельствахъ, чтобы не сказать — на капунѣ полного сухофденія; эта истина сдѣлалась такъ стара, что о ней даже перестали и говорить; что же касается до самихъ землевладельцевъ, то они, вѣроятно, размышляютъ о томъ, кому должна принадлежать въ ихъ дѣлѣ инициатива; мы предполагаемъ это потому, что не знаемъ ни одного факта, который бы выразилъ, что землевладельцы считаютъ инициативу за собою.

Со стороны правительства сдѣлано въ пользу частнаго кредита все, что оно признало возможнымъ и полезнымъ: особая коммисія, въ составѣ которой были экономисты—литераторы: гг. Безобразовъ и Вернадскій, — сочинили въ свое время довольно толстую книгу, имѣющую несомнѣнные ученныя и литературныя достоинства; тамъ можно найти весьма полное развитіе теоріи о рациональной кредитной системѣ, изслѣдованіе о состояніи земскаго кредита во всѣхъ цѣмечныхъ герцогствахъ, во Франціи, Италіи и проч.; много упрековъ русскому обществу за то, что оно привыкло къ правительственной опеѣ, что въ Россіи невозможно то, что легко дѣлается у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и т. п. что во всемъ этомъ, кажется, виноваты одни обстоятельства; но что земскій кредитъ вообще у насъ крайне необходимъ, не смотря на то, что невозможенъ.

Весьма жаль, что вопросъ о земскомъ кредитѣ не принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ можно обратиться, напримѣръ, къ патриотическимъ чувствамъ русскаго общества, подобно тому какъ это сдѣлала редація «Московскихъ Вѣдомостей» въ прошедшемъ году по польскому дѣлу. Впрочемъ, говоря откровенно, нужно имѣть много самонадѣянности, чтобы обсудить съ *положительной* точки зрѣнія трактуемый нами предметъ, и мы думаемъ, что развѣ только «Московскія Вѣдомости» помогутъ земскимъ учрежденіямъ въ указаніи способовъ для осуществленія завѣтныхъ упованій нашихъ экономистовъ о земскомъ банкѣ, подобно тому какъ эта газета весьма любопытно разрѣшила вопросъ о различіи патриотическихъ чувствъ Москвы и Петербурга.

Русское общество, какъ извѣстно, отличается платонической любовью къ прогрессу; оно съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ переживало и не такія неурядицы, какія тяготѣютъ надъ нимъ теперь; поэтому можно надѣяться, что *науперимъ* русскихъ *землеадальцевъ* войдетъ въ привычку и составитъ собою спеціальную черту, которая будетъ принадлежать исключительно Россіи и сдѣлается предметомъ восхваленій нашихъ словянофиловъ. Надѣясь въ слѣдующей книгѣ подробно поговорить о финансовой части земскихъ учреждений, я обращаюсь къ новой правительственной мѣрѣ о банкахъ.

На дняхъ обнародовано распоряженіе о распространеніи операцій государственнаго банка на губерніи: указомъ 30 декабря 1863 г. разрѣшено сткрывать отдѣленія государственнаго

банка въ разныхъ городахъ имперіи, и по представленію министра финансовъ отдѣленія эти открываются въ двадцати губернскихъ городахъ, и между прочимъ въ Иркутскѣ и Томскѣ. Впрочемъ, разрѣшеніе открывать банковыя отдѣленія распространяется вообще на всѣ мѣстности, гдѣ признается удобнымъ. На отдѣленія, какъ сказано въ указѣ, могутъ быть возлагаемы, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, слѣдующія операціи: а) обмѣнъ кредитныхъ билетовъ ветхихъ на новые и крупныхъ на мелкіе, и обратно: б) платежи процентовъ по купонамъ 5%, билетовъ; в) приемъ суммъ изъ казначействъ и отъ частныхъ лицъ для перевода на банкъ, на другія конторы или отдѣленія; г) приемъ вкладовъ на храненіе, на текущій счетъ и на обращеніе изъ процентовъ; д) учетъ купоновъ отъ правительственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагъ, а также свидѣтельство банка и конторъ, срокомъ до 6 мѣсяцевъ; е) ссуды подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій по усмотрѣнію правленія банка; ж) полученіе платежей по срочнымъ документамъ за счетъ государственнаго казначейства банка или частныхъ лицъ, имѣющихъ текущіе счета; з) продажа и покупка 5% банковыхъ билетовъ и другихъ процентныхъ бумагъ, по порученію государственнаго казначейства или банка, и другія коммисіонныя операціи, по усмотрѣнію правленія банка.

Этими правилами на отдѣленія банка распространены почти всѣ права центрального учрежденія, исключая заграничныхъ операцій и учета векселей. Такимъ образомъ для всякихъ частныхъ кредитныхъ учреждений въ губерніяхъ является сильная конкуренція, почти равняющаяся монополіи. Правда, что отдѣленія банка, равно какъ и самый банкъ, не имѣютъ въ своей программѣ права на ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, и слѣдовательно не препятствуютъ, повидимому, учрежденіямъ, которыя возникли-бы специально для недвижимой собственности, но какъ всякое кредитное учрежденіе, пользующееся довѣріемъ и хорошо гарантированное, можетъ извлекать для себя весьма значительную пользу, именно отъ вкладовъ залога процентныхъ бумагъ частныхъ и государственныхъ, то дѣятельность государственнаго банка, распространившаяся нынѣ на губерніи, едва ли не отниметъ всякую возможность у частныхъ кредитныхъ учреждений пользоваться этими выгодными операціями; вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, закрывается возможность учрежденія такихъ частныхъ кредитныхъ учреждений, которыя имѣли бы смѣшанный характеръ ипотечныхъ и

акціонерныхъ банковъ; за тѣмъ дѣлаются возможными только одни ипотечные земскіе банки, т. е, специально для земельной собственности.

Не смотря на то, что мы мало вѣримъ въ осуществимость у насъ ипотечныхъ земскихъ банковъ, намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь въ примѣръ тѣ блистательные результаты развитія земскаго кредита, которые добыли себѣ помѣщики Царства Польскаго учрежденіемъ въ 1825 году Земскаго Кредитнаго Общества. Надо замѣтить, что польское дворянство выработало образцовый даже въ Европѣ ипотечный порядокъ, и учрежденіемъ земскаго общества исправило свои имущественныя обстоятельства, которыя были въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ настоящія дѣла русскихъ помѣщиковъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши и послѣ войны 1815 г. всѣ недвижимыя имѣнія польскихъ помѣщиковъ были обременены частными долгами до послѣдней крайности; отсутствіе капиталовъ, необходимыхъ для поддержки разстроенныхъ хозяйствъ, грозило полнымъ банкротствомъ владѣльцамъ имѣній, потому что доходовъ съ нихъ было не достаточно не только для погашенія долговъ, но даже и для уплаты по нимъ процентовъ. Кредиторы и должники страдали одинаково, и положеніе дѣлъ было крайне затруднительно, такъ что, если бы не помогла просвѣщенная и единоподушная предпріимчивость, которыми всегда отличались всѣ образованные и достаточные классы націи, то раззореніе и обѣдненіе края, съ ослабленіемъ сельской производительности, было бы неизбѣжнымъ. Съ учрежденіемъ одного для всего царства Земскаго Кредитнаго Общества всѣ затрудненія должниковъ и кредиторовъ развязались разомъ: помѣщики, получивъ изъ общества, учрежденнаго подъ круговой порукой всѣхъ землевладѣльцевъ, ссуды подъ свои имѣнія закладными листами, удовлетворили ими своихъ кредиторовъ, а эти послѣдніе, получивъ хорошо гарантированныя процентныя бумаги, выкупаемыя по тиражамъ, стали получать по нимъ исправно текущіе проценты, которыхъ прежде не могли имѣть безъ хлопотъ и издержекъ для судебныхъ взысканій; помѣщики, освободившись отъ долговъ и имѣя оборотные капиталы изъ полученныхъ ими ссудъ, получили возможность правильно уплачивать незначительный процентъ (4 на сто) и на погашеніе капитала ежегодно (по 2 процента) за полученныя ссуды.

Повидимому, что можетъ быть проще и рациональнѣе подобной опе-

раціи, а между тѣмъ опытъ убѣждаетъ, что и это простое дѣло не вездѣ и не всегда можетъ быть осуществимо. Настоящее разстроенное положеніе русскихъ помѣщиковъ имѣетъ то лишь отличие отъ состоянія польскихъ, что русскіе помѣщики должны были опекунскимъ совѣтамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія, т. е. государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, а не частнымъ лицамъ, и теперь погашаютъ свои долги изъ выкупныхъ ссудъ или переводятъ ихъ на крестьянскіе земельные надѣлы; слѣдовательно не рискуютъ ни своей свободой, ни своей честью, хотя и не имѣютъ средствъ, можетъ быть, для удовлетворенія своихъ привычныхъ потребностей и для поддержанія своихъ хозяйствъ; но эти послѣднія побужденія слабы въ сравненіи съ первыми, по крайней мѣрѣ, слабы по отношенію къ терпѣнію русскаго помѣщика.

А между тѣмъ, намъ пишутъ изъ срединныхъ губерній, что дворянскія дѣлшки крайне плохи. Къ числу золъ принадлежитъ въ настоящее время азартъ, съ которымъ большинство помѣщиковъ обратились къ винокуренію, потому что тѣ, кто имѣлъ уже винокуренные заводы, получили въ прошедшемъ году хорошіе барыши. Кто слѣдуетъ за выкупной операціей, тотъ можетъ быть увѣренъ, что съ полученіемъ ссуды по каждой сдѣлкѣ, если что-нибудь остается еще за уплатой долговъ, непременно устроивается каждымъ помѣщикомъ винокуренный заводъ, который потомъ не только гонитъ водку, но и высасываетъ изъ помѣщичьяго кармана послѣдніе гроши, такъ что потребитель водки, независимо отъ спирта, пьетъ, такъ сказать, кровь помѣщика, потому что для поддержанія дѣйствія завода необходимы деньги, за неимѣніемъ которыхъ, разумѣется, дѣлаются неоплатные долги. Винокуреніе дѣлается для помѣщиковъ тѣмъ же, чѣмъ была Калифорнія, когда въ ней открыто было золото. Но если и Калифорнія многихъ обманула, когда начали стекаться туда золотоискатели со всего свѣта, то чего же ждать отъ расплодившихся винокуренныхъ заводовъ? Владѣльцы ихъ терпятъ ту же участь, какъ и содержатели неисчислимыхъ питейныхъ заведеній, открывшихся въ прошедшемъ году во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Одинъ подрываетъ другого, не щадя ни своихъ, ни чужихъ интересовъ. Образчики этой свалки банкротствъ питейщиковъ представляютъ преимущественно Петербургъ и Москва, передовые города имперіи. Явленіе это напоминаетъ собою довольно извѣстную картину какого-то знаменитаго иностраннаго

художника, представляющую корабль, наполненный стадомъ барановъ, изъ которыхъ одинъ перепрыгнулъ за бортъ и увлекъ своимъ прыжкомъ всѣхъ остальныхъ, стремящихся какъ можно скорѣе одинъ за другимъ сдѣлаться жертвой заражительнаго примѣра.

Мы не знаемъ, справлялись ли охотники до винокуренныхъ заводовъ съ результатами уничтоженія откупа, между тѣмъ цифры эти далеко не въ пользу усиленнаго винокурения. Извлекаемъ общіе выводы изъ подробнаго отчета: по государственной росписи на 1863 годъ назначено къ поступленію по имперіи воловаго дохода, въ видѣ акциза съ питей и патентнаго сбора, 401,306,155 р.; изъ этой суммы относятся на Европейскую Россію за 10 мѣсяцевъ, за которые составленъ расчетъ, 84,667,416 р., а на Сибирь, вромѣ Забайкалья, 2,044,638 р.; въ 1863 году собрано воловаго дохода по Европейской Россіи *болѣе* противъ послѣдняго откупнаго содержанія на 10,295,011 р., а противъ назначенія по росписи на 7,272,523 р.; по сибирскимъ же губерніямъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ, за которые составленъ отчетъ, выручено сравнительно съ откупнымъ доходомъ менѣе на 59,386 р., а противъ назначенія по росписи болѣе на 959,224 р. Расходы казны по содержанію управленія и вознагражденію процентами должностныхъ лицъ превышаютъ прежнія издержки—по великороссійскимъ губерніямъ на 5,904,091 р., а по сибирскимъ на 214,492 р., за исключеніемъ же этихъ расходовъ изъ воловаго дохода оказывается, что чистаго дохода собрано въ 1863 г. сравнительно съ поступленіемъ отъ откупщиковъ менѣе по Европейской Россіи на 1,609,080 р. и по сибирскимъ губерніямъ на 270,878 р.

Воловой доходъ распредѣлился слѣдующимъ образомъ: по великороссійскимъ губерніямъ и землѣ войска донскаго поступило менѣе откупнаго на 12,947,260 р., т. е. на $19\frac{2}{3}$ процентовъ; по новороссійскимъ и Бессарабій болѣе на 977,909 р., т. е. на $15\frac{1}{2}$ процентовъ, по малороссійскимъ болѣе на 5,663,340 р. т. е. на $74\frac{1}{3}$ проц., по западнымъ—болѣе на 6,138,005 р., т. е. на $93\frac{2}{3}$ проц., и остзейскимъ—болѣе на 1,463,017р., т. е. на 230 проц.; всего же воловаго дохода поступило болѣе откупнаго на 1,295,014 р., т. е. на $1\frac{2}{3}$ процента.

Возвышеніе дохода послѣдовало тамъ, гдѣ акцизъ возвысился противъ платимаго прежде, и въ особенности въ западныхъ и остзейскихъ губерніяхъ; уменьшеніе же дохода оказалось тамъ, гдѣ акцизъ понизился

и отъ того увеличилось потребленіе, какъ напр. въ губерніяхъ великороссійскихъ и Землѣ войска донскаго. Уменьшеніе дохода въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ послѣдовало почти на 13 милліоновъ, не смотря на постепенно возрастающее пьянство.

Доходъ казны можетъ служить мѣриломъ дохода съ винокурения, и если въ первый годъ свободной торговли виномъ потребленіе его въ великороссійскихъ, самыхъ пьяныхъ губерніяхъ, не возвысилось до той цифры, чтобы не представлять такого разительнаго уменьшенія дохода, то рассчитывать на усиленіе пьянства въ послѣдующіе годы едва ли будетъ основательно. Возвышеніе акциза на 1 к. на градусъ, или 38 к. на ведро вина, предпринятое правительствомъ съ наступившаго года, вполне подтверждаетъ наше предположеніе; очевидно, правительство, не надѣялось въ этомъ году выручить безъ возвышенія акциза того дохода, на который оно рассчитываетъ по государственной росписи.

Заговоривъ о лихорадочныхъ припадкахъ нашей промышленной дѣятельности, мы должны указать здѣсь на одно, очень страшное, явленіе ея—на чисто-барометрическое непостоянство, съ которымъ общество перескакиваетъ отъ одного предпріятія къ другому, ни въ чемъ не достигая благопріятныхъ результатовъ. Когда подулъ южный вѣтеръ, и на водѣ нашего прогресса явились акціонерныя компаніи, всѣ, безъ расчета и даже безъ пониманія дѣла, ударились въ эту спекуляцію; многимъ показалось, что открыта новая Калифорнія, въ которую стоитъ положить рубль, чтобы она возвратила черезъ годъ два. Компаніи плодились во всевозможныхъ видахъ, начиная съ водопроводныхъ трубъ,—въ которыхъ вылетѣло нѣсколько неосторожно довѣрчивыхъ людей прежде, чѣмъ первая труба была окопчена,—и до конно-желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ разыгралась наша фантазія до небывалыхъ нелѣпостей. Прошло нѣсколько лѣтъ, и горячка акціонерныхъ компаній перешла въ сильный ознобъ. Многіе увидѣли на опытѣ своихъ собственныхъ кармановъ, что Калифорнія далеко не такъ обильна дѣйствительными фондами, какъ они думали въ простотѣ своего сердца. Начался вопль противъ мелкихъ ошибокъ, противъ недобросовѣстности учредителей или директоровъ, противъ равнодушія публики или недостатка опытныхъ и честныхъ дѣятелей, но никто не хотѣлъ заглянуть въ самую сущность дѣла и математически доказать намъ, что нельзя строить Семирамидины сады на лапландскихъ мхахъ. Усиленный выпускъ кредитныхъ бумагъ подор-

валъ общественное довѣріе и, въ связи съ другими параллельными обстоятельствами, подготовилъ настоящій кризисъ. Кто неудачно рисовалъ сотней рублей, пустивъ ихъ въ оборотъ, тотъ теперь прикрываетъ остальные девять сотъ рублей, не желая разставаться съ ними ни за какую иллюзорную въ мірѣ. Пошли жалобы, вздохи и разочарованія; открылись злостныя и неосторожныя банкротства, нарушение самыхъ простыхъ обязательствъ, безцеремонное обращеніе съ давними словомъ и общее взаимное недоувѣріе. Еслибъ можно было преслѣдить шагъ за шагомъ, какимъ образомъ мы пришли къ такому плачевному результату, то было бы ясно, что вмѣсто положительныхъ интересовъ мы гонялись за привразами и вмѣсто настоящей промышленной дѣятельности, вынуждаемой народными потребностями и нуждами, занимались постройкой карточныхъ домиковъ. Теперь мы убѣдились, что сочинить равныя компаніи и предпріятія, не сравнившись съ тѣмъ, есть-ли на нихъ дѣйствительный запросъ въ самой жизни общества, не только бесполезно, но и крайне убыточно. Еще не давно попалась намъ въ руки программа такъ называемаго «Техническаго Бюро», проэктированнаго г. Балабнинымъ. Какъ-бы вы думали—чѣмъ намъбредно заниматься это техническое Бюро? Всѣмъ, что относится *до сельскаго хозяйства, технологии, химіи, механики, до горнаго инженернаго и строительнаго искусства*, однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь. Положимъ, что жителю Уемъ надо справиться, какъ вымостить улицу или освѣтить городъ; для полученія необходимыхъ свѣдѣній по этому предмету, житель Уемъ долженъ выложить въ пакотъ 3 р. и отправить ихъ въ «Техническое Бюро», а тамъ ужъ разные заграничныя и свои специалисты разсудятъ, какъ надо мостить и освѣщать богоснасаемый городъ Уеу,— разсудятъ и подадутъ надлежашій совѣтъ. Всѣ эти разсужденія будутъ происходить за двѣ и за три тысячи верстъ отъ того мѣста, которое хотѣть мостить и освѣщать, — следовательно безъ всякаго справочка съ мѣстными условіями края и съ подробностями предпріятія, но такъ какъ разсуждать будутъ лучшіе специалисты подъ предсѣдательствомъ г. Балабина, то за 3 р. можно научиться не только мостенію улицъ, но даже буренію артезианскихъ источниковъ и устройству желѣзныхъ дорогъ. Желаете ли вы разложить химически почву или устроить заводъ, выньте изъ кошеля уже не 3 р., а 10 р., и пошлите ихъ въ «Техническое Бюро». Специалисты опять соберутся и восстановятъ общій мнѣніемъ въ Петербургѣ, что почму

въ Иркутскѣ надо разложить вотъ такъ и эдакъ. Спрашивается, есть ли тутъ хоть капля здраваго смысла? Какой добросовѣстный специалистъ рѣшится подавать совѣты во всё концы Россіи, не зная тѣхъ безчисленныхъ подробностей дѣла, на которое у него испрашиваютъ заочное мнѣніе? И кто согласится пользоваться такими мнѣніемъ? Наконецъ, если-бы «Техническое Бюро» состояло изъ лучшихъ европейскихъ и русскихъ специалистовъ, то неужели «Народное Богатство», при которомъ имѣеть честь состоять это бюро, наполнялось бы такими чахлами статейками, отъ которыхъ въ цѣлый годъ не дождешься и двухъ путныхъ совѣтовъ. Слѣдовательно «Техническое Бюро» надо отнести къ разряду мечтаній первой юности или къ неудачнымъ спекуляціямъ. Все это напоминаетъ намъ того «старога служаку», который нѣкогда въ «Запискахъ Дилетанта» изображалъ себя въ слѣдующемъ видѣ:

«Я помѣщикъ двухъ губерній. Съ раннихъ лѣтъ, какъ и всѣ дворяне, я готовился къ службѣ, и потому въ мое воспитаніе не вошло положительно ничего такого, что могло бы пригодиться мнѣ ни для одной службы, но и для жизни. Служилъ я болѣе шестнадцати лѣтъ; изъ нихъ болѣе двѣнадцати занимался, и, могу похвастаться, съ большимъ успѣхомъ, лощеніемъ петербургскихъ паркетовъ, если только нынѣ не вывелся еще обычай хвастаться такими подвигами. Главною задачею жизни были: трата денегъ, трата здоровья, трата времени, да еще, пожалуй, траты вексельныя. Покупалъ я все, что могъ и что только попадалось подъ-руку, лишь бы это все было не модъ русскимъ клеймомъ, не русскаго издѣлія; никогда мнѣ даже и на умъ не спадало, какъ наживается копейка—про то знали старики, оставившіе мнѣ, на поминъ своихъ думъ, малую толпу, впрочемъ, въ довольно-значительномъ количествѣ, тѣхъ благъ, изъ-за которыхъ иной бѣднякъ—труженикъ бьется до гробовой доски, всю жизнь, и умираеть съ горькимъ убѣжденіемъ, что блага эти даныя вѣтроплицею судьбою, по большой части, только избраннымъ счастливицамъ, одинаковаго съ нею характера, или же такимъ крещенымъ, въ которыхъ уже заглохло все человѣческое, чуть ли не со дня ихъ рожденія. Что дѣлать? Les extrêmes se touchent, говоритъ старинная французская пословица. Семейныя обстоятельства заставили меня выйти въ отставку. Я отправился за границу, и шесть лѣтъ разбѣжжалъ тамъ изъ края въ край, изрѣдка возвращаясь на родину и всякій разъ нещадно браня и критикуя все русское. Критика

моя, можетъ быть, порою была и справедлива, хотя я положитель-но и не могъ отдать себѣ отчета, почему русское дурное и отчего оно хуже заграничнаго».

«Утомившись безцѣльными странствованиями и безалабернымъ вихремъ парижскихъ развлеченій, лондонской нестѣсняемости и нево-литанскаго мозгового *rag niente*, я невольно пришелъ наконецъ къ той мысли, что не худо бы употребить мое пребываніе въ просвѣ-щенной Европѣ на что нибудь дѣльное» и т. д. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ долгаго лощенія петербургскихъ паркетовъ и странствія въ просвѣщенной Европѣ, самымъ дѣльнымъ предпрі-ятіемъ дилеттанта могло явиться «Техническое Бюро».

Этого одного случая было-бы достаточно, чтобы судить, на какихъ *фанабрилахъ* мы основываемъ свои промышленныя предпріятія если-бы рядомъ съ этимъ случаемъ не попадалось великаго множества другихъ подобныхъ ему. Но гдѣ же причина всѣхъ этихъ ошибокъ, недоразу-мивній, всѣхъ этихъ прыжковъ отъ одного предпріятія къ другому, всѣхъ этихъ банкротствъ и пустыхъ спекуляцій, которыя дѣлають изъ нашей промышленности родъ азартной игры, ведущей къ посто-янно перемещающимся кризисамъ? Одни говорятъ, что всему лиха бѣда въ недостаткѣ капиталовъ; другіе жалуются на застой виѣш-ней торговли, которая ограничивается вывозомъ сырыхъ продуктовъ; третіи увѣряють, что для успѣховъ нашей промышленности необхо-димо такое центральное учрежденіе, въ родѣ министерства, которое *сваботилось-бы* развитіемъ нашихъ силъ и направленіемъ ихъ къ нѣвѣстной цѣли. Но такіа объясненія, во-первыхъ, ровно ничего не объясняютъ; во вторыхъ, если въ побочныхъ обстоятельствахъ и есть помѣха дѣлу, то о нихъ можно рассуждать уже тогда, когда мы знаемъ главную причину ненормальнаго явленія. При объясненіи экономическихъ фактовъ это тѣмъ нужнѣе, что здѣсь причины и по-слѣдствія находятся въ неразрывной связи и источникъ обществен-наго зла обыкновенно лежитъ довольно далеко отъ виѣшнихъ про-явленій его. Поэтому математически — точный анализъ изучаемаго предмета и обобщеніе причинъ, порождающихъ тотъ или другой фактъ, въ соціальной наукѣ есть единственный правильный методъ. Какіихъ, напримѣръ, не создавали гипотезъ и чѣмъ только не объясняли ис-торию науперивна! Крайніе пессимисты, пораженные этой мучительной *болѣзнію* европейскихъ обществъ, возростающей вмѣстѣ съ успѣхами *сваботицей* промышленности, готовы были прованести проклятіе надъ

всей цивилизаціей, и, предпочитая ей патриархальное состояніе диких племенъ; лучше варварство отащать, говорятъ они, чѣмъ это просвѣщенное людоедство, пожирающее милліоны лучшихъ человѣческихъ силъ. Главные оптимисты, рассматривая тоже явленіе, ограничивались человѣколюбивыми вздохами и хотѣли помочь злу олландскими средствами. И тѣ и другіе, какъ показала опытъ, смотрѣли на дѣло только съ боку и не поняли его настоящаго значенія. Теперь люди, видающіе далеко своего носа, не приываютъ небесныя громы на цивилизацію и не льютъ празднаго слезы надъ нищетой и бѣдностію, а стараются изучить ихъ и дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы уничтожить самыя причины этого явленія. Теперь всякому извѣстно, что науперизмъ зависитъ не отъ изобрѣтенія паровыхъ машинъ, не отъ необилія рабочихъ рукъ, а отъ неправильнаго распредѣленія труда и капитала между производящими членами общества. Точно также и въ нашей промышленности скудость капиталовъ не есть коренная причина всѣхъ бѣдъ; капиталы не падаютъ съ облаковъ, а приобретаются только посредствомъ хорошо развитой промышленной дѣятельности. Слѣдовательно здѣсь вмѣсто причины принимается результатъ, и два логическія понятія ставятся на выворотъ. Еще не нѣе смысла въ томъ, что наша внѣшняя торговля при болѣе широкомъ развитіи оживила бы наши промышленныя силы. Кто думаетъ такъ, тотъ видитъ еще короче своего носа. Усиленный вывозъ сырыхъ продуктовъ истощаетъ почву, т. е. лишаетъ народъ главнаго производительнаго источника и самаго вѣрнаго богатства; кромѣ того, отпуская за границу существенныя предметы, удовлетворяющіе первымъ жизненнымъ потребностямъ, и обильная на нихъ предметы роскоши, мы рискуемъ разорить огромное большинство людей насчетъ одного еословія, не нуждающагося въ хлѣбѣ и въ одеждѣ, не желающаго обставить себя возможно большимъ внѣшнимъ конфертежъ. Кто не знаетъ, въ какому ужасному положенію пришли англійскія колонія, изъ которыхъ промышленная метрополия высосала всѣ здоровыя соки, перевоза на свои фабрики сырые продукты и возвращая ихъ назадъ въ измѣненномъ видѣ. Индія, напримеръ, страдаетъ уже не пролетаріатомъ, не науперизмомъ, а такимъ общественнымъ упадкомъ всѣхъ силъ, какой могутъ производить только бѣдность и рабство въ своемъ соединеніи. Индія обращена въ мертвый трупъ посредствомъ экономической эксплуатаціи ея про-

скодныхъ почвъ. Но Англія для нашихъ экономистовъ долго еще будетъ служить идеаломъ соціального благосостоянія, потому что наши экономисты не видятъ не только дальше своего носа, но ровно ничего; они не видятъ, что страна, основавшая свою промышленность на споліаціи и монополіи, не можетъ сойти съ этого пути иначе, какъ посредствомъ рокового кризиса. Подражать такой странѣ, если бѣ и позволяли мѣстные условія, было бы во всякомъ случаѣ опасно и безнравственно... Но подражать и невозможно, потому что экономическая дѣятельность каждаго народа опредѣляется множествомъ національныхъ особенностей. Такъ для Россіи было бы величайшимъ зломъ, если бѣ она стала покупать или пріобрѣтать оружіемъ отдѣленныя колоніи для того, чтобы эксплуатировать ихъ посредствомъ торговли. Это окончательно ослабило бы ея производительныя силы, при той рѣдкости народонаселенія и при томъ изобиліи заброшенныхъ почвъ, какія природа дала въ наше полное распоряженіе. Не заглядывая далеко въ будущее, а останавливаясь на насущныхъ средствахъ, данныхъ намъ въ настоящую минуту, мы должны идти къ промышленной дѣятельности тремя параллельными дорогами. Во-первыхъ наша общественная дѣятельность нуждается въ той свободѣ, которой начало положено въ уничтоженіи крѣпостнаго права. Такое явленіе, какъ крѣпостное право, не могло не заразить всего общественнаго организма и не оставить самыхъ глубокихъ слѣдовъ на всемъ, что участвовало въ немъ или что соприкасалось съ нимъ; оно должно было отразиться въ характерѣ, въ нравахъ, въ привычкахъ, во всѣхъ отправленіяхъ государственной и соціальной жизни. Разъ уничтоженное, какъ фактъ, оно еще долго будетъ бороться въ нашихъ понятіяхъ и не прежде покинетъ свои темные углы, пока свѣтъ и жизнь не проникнутъ во всѣ изгибы общественнаго быта. Но если толчевъ данъ, то не надо тормозить его и останавливаться. Только энергическая дѣятельность, свободная отъ внѣшнихъ препятствій, даетъ промышленности силу и оплодотворяетъ ея результаты. Во—вторыхъ намъ необходимо образованіе въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, о какихъ мы теперь едва можемъ мечтать. До-сейдѣ мы пользуемся иностранными изобрѣтеніями и рабочими, устраиваемъ свои фабрики и заводы по чужимъ программамъ и образцамъ, вовсе не принимая во вниманіе тѣхъ климатическихъ, географическихъ и народныхъ данныхъ, которые управляютъ ходомъ и успѣхомъ всякого промышленнаго начинанія, и потому впадаемъ въ самую гру-

были ошибки. Когда же образование вызовет свои действительныя силы, вооружить ихъ знаніемъ и опытомъ, тогда и только тогда начнется рациональная промышленность, и умъ человѣка уважить дѣло его рукъ. Вслѣдъ за образованіемъ начнется та разумная расчетливость, которая съ одной стороны не любитъ глупаго *авось*, а съ другой не имѣетъ надобности прибѣгать къ обману и разнымъ уловкамъ. Наконецъ, пока силы наши слабы и средства не велики, намъ надо стремиться къ общественнымъ цѣлямъ не въ рознь, не въ разбивку, а посредствомъ ассоціаций, соединяя свои силы и средства въ одну сумму. Это облегчитъ намъ борьбу со множествомъ тѣхъ преградъ, которыя лежатъ на пути всякаго промышленнаго прогресса. Но чтобы придать жизнь общинному началу, надо отбросить излишнія взаимныя антипатіи, сойдтись ближе людямъ, разединеннымъ историческими перегородками, узнать получше другъ друга и примириться другъ съ другомъ. Въ этомъ отношеніи сближеніе съ народомъ становится для насъ не пустой фразой славянофиловъ и почвенниковъ, а практическимъ дѣломъ. Общественная дѣятельность и образованіе всего лучше могутъ сблизить насъ. Такимъ образомъ, вотъ гдѣ надо искать причины нашего промышленнаго застоя и вотъ какими путями можно выбраться на ровную и торную дорогу. Но это только общій очеркъ предстоящей намъ дѣятельности; въ слѣдующихъ книжкахъ мы разработаемъ ее послѣдовательно и подробно.

НОВОГОДНИЕ СНЫ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Мнѣ снились тяжелые, мрачные, дикіе сны... Подобные сны не повторяются въ дѣйствительности, но только дѣйствительность со всей ея житейской обстановкой можетъ навѣвать эти тяжелыя грезы...

Передо мной, какъ темныя тучи, проносились мрачные сны. Мнѣ снился мертвый, таинственный городъ, городъ живыхъ мертвецовъ, окутанный туманомъ, какъ мертвецъ бѣлымъ саваномъ. Передо мной тянулся рядъ колоссальныхъ каменныхъ больницъ, наполненныхъ ходачими трупами, которые страдаютъ и разрушаются отъ болѣзней, отъ разврата, отъ честолюбія и отъ своего темнаго прошедшаго. Эти мертвецы, воскрешенные какимъ-то гальваническимъ ударомъ, двигаются, что-то дѣлаютъ, веселятся, смѣются и плачутъ, любятъ и ненавидятъ, но они сами, какъ механическія куклы въ шарманкѣ, не могутъ принять участія въ своемъ движеніи, въ своихъ радостяхъ и невзгодахъ: они являются посторонними свидѣтелями своихъ слезъ и улыбокъ, своей любви и ненависти. Желѣзные машинны, они распались бы въ прахъ, если бы однажды заглянули въ самихъ себя.

Сонъ ягаль передо мною, отражая всѣ ясныя явленія дѣйствительной жизни въ уродливыхъ образахъ, ягаль, какъ полуразбитое кривое зеркало,

которое изъ прекраснаго, чистаго лица дѣвушки создаетъ безобразную, отвратительную физиономію.

Мрачный, невозможный городъ встать передо мною и давилъ своей удушливой атмосферой. Каждое зданіе, какъ ожившій покойникъ, вставало передо мной и словно собиралось рассказать свои страшныя тайны. Ихъ прогнившія, загрязненныя стѣны покрыты были большими трещинами, которыя какъ морщины, проведенныя ужасомъ, появлялись на нихъ въ продолженіи многихъ тяжелыхъ годовъ. Огней, свѣта, жизни движенія—ни слѣда.... Я иду въ этой тьмѣ, стараюсь къ ней привыкнуть и разглядѣть, что вокругъ меня дѣлается. Глаза, какъ и совѣсть человѣка, скоро привыкаютъ ко всякой тьмѣ и мало по малу очарованный городъ весь открылся передо мною. Мрачныя фигуры какихъ-то существъ безъ человѣческаго образа мелькали передо мною безъ шлепта, безъ звука...

Тамъ, на яву, въ жизни мнѣ встрѣчались иногда люди, у которыхъ нищета и униженіе украли даже самое сердце, но то были все-таки человѣческіе образы, хотя по воспоминанію, а тутъ.... тутъ были не человѣческіе призраки, очертанія которыхъ взоръ мой уловить былъ не въ состояніи... Вотъ посреди этой мертвой тишины подходитъ ко мнѣ темный призракъ и однимъ своимъ приближеніемъ приковываетъ меня къ мѣсту. — «Бѣги, бѣги отъ этихъ мѣстъ, шепчетъ онъ мнѣ, иначе ты обратишься въ каменную глыбу, и будешь, какъ и всѣ эти камни, лежать здѣсь цѣлыя тысячелѣтія.

Я съ ужасомъ взглянулъ вокругъ себя; мнѣ казалось, что черныя стѣны окружающихъ меня разваливъ сейчасъ рухнуть и я буду похороненъ подъ ихъ обломками, но призракъ съ укоромъ взглянулъ на меня и указалъ мнѣ на одно окно, гдѣ за стекломъ я замѣтилъ слабый свѣтъ.

— Тысячи людей будутъ пощажены за одно честное существо, котораго тѣнь мы видимъ за этими окномъ! сказалъ мнѣ призракъ.

Въ низкую дверь нижняго этажа мы вошли и очутились въ узкой полутемной комнатѣ. Среди всей ея скудной и убогой обстановки меня прежде всего поразило блѣдное лице молодой женщины, сидѣвшей у стола за работою. Слѣдуя невидимо за движеніемъ мысли на ея высокомъ лбѣ, я не могъ опредѣлить лѣтъ этой труженицы: то она казалась сорокалѣтней женщиной то семнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Она вся дышала той внутренней красотой, которая вырабатывается горькими нуждами, борьбой, и упорнымъ сопротивленіемъ противъ

всѣхъ соблазновъ и приманокъ жизни. Это была одна изъ тѣхъ сильныхъ, человѣческихъ личностей, до которыхъ никогда не возвышается наше воображеніе, которыхъ не можешь любить, но можешь только преклоняться передъ ними. Съ одной ея стороны стояла кровать съ спавшей въ ней нянчѣтней дѣвочкой, улыбавшейся въ своемъ дѣтскомъ снѣ. Улыбка ребенка походила на улыбку ея матери. Мать чутко слѣдила изъ за своей работы за сномъ дочери и, казалось, хотѣла отогнать отъ нея тяжелыя сновидѣнія. Высокій лобъ молодой женщины сіялъ священной гордостью непоборенной воли, несломанной силы; на этомъ сіяющемъ лбѣ можно было прочесть все ея прошлое—повѣсть вѣчнаго труда, многихъ оскорбленій, повѣсть непреклонной борьбы, изъ которой она вышла робкой, но гордой побѣдительницей, вполнѣ не сознавая своей побѣды. Изъ темнаго угла комнаты своими жадными ледяными глазами смотреть на честную труженицу зловѣщій призракъ бѣдности, смотреть завистливо, какъ на жертву, ускользнувшую отъ его власти, и его мертвая рука не смѣетъ дотронуться до нея, не смѣетъ унести ея въ свой омутъ, чтобъ послѣ съ хриплымъ хохотомъ смотрѣть на ея паденіе... Смущенный, взволнованный я стоялъ предъ этой женщиной. Мнѣ хотѣлось, упасть къ ея ногамъ, хотѣлось склонить свою голову на ея колѣни и въ благоговѣйныхъ слезахъ забыть мрачныя, тяжелыя думы. Таинственный спутникъ остановилъ мой безумный порывъ и въ его взглядъ я прочелъ, что не достоинъ долго оставаться въ присутствіи этой женщины... У меня вырвался долгій, пронзительный крикъ отчаянія... Страшный, длинный сонъ!.. Но онъ вдругъ пережѣнился...

Я видѣлъ во снѣ другой, какъ будто давно знакомый мнѣ городъ, залитый свѣтомъ огней, обставленный блестящими магазинами. Мрачныя краски измѣнились. Простыя, будничныя сцены и явленія замѣнили картину мертваго города съ его призраками. Но широкой улицѣ ичались богатые экипажи и изъ каждаго каретнаго окна, и шѣхъ подъ каждой шляпой широкаго смотрѣли на меня лица филантрофовъ, которые такъ любятъ ближняго, что живутъ, наслаждаются для его поль-

зы. Здѣсь всё счастливы своимъ особымъ счастьемъ, и своего крошечнаго довольства не промѣняютъ ни на какое благополучіе. Въ этомъ счастливомъ городѣ ни гдѣ не попадутся на встрѣчу скорбѣюща лица и печальные граждане. Здѣсь люди борются только съ природой и съ лекарствами своихъ медиковъ. Повсюду такой избытокъ жизни, что нужно было природѣ и разнымъ филантропамъ составлять заговоръ противъ этого избытка, и на каждомъ шагу подставлять ногу живущему человечеству. Карнизы домовъ сами обваливаются на головы прохожихъ, чтобъ сократить сложную, тяжелую работу новаго статистическаго комитета. Воздухъ сырыхъ квартиръ походить на воздухъ, которымъ дышатъ рудокопы и заражаетъ здоровыя груди. Множество матерей отступаются, отказываются отъ своихъ новорожденныхъ младенцевъ, и они — проклятые, позабытые, отсылаются въ пріюты незаконныхъ дѣтей, съ рожденіемъ потерявъ право на жизнь и на честное имя. Но—это мимолетное случайное явленіе. Довольство и счастье сияетъ на всѣхъ лицахъ. Каждый смотритъ благодѣтелемъ своего ближняго. Гуманныя, благородныя фразы льются рѣкой и ни одна нищяя сума, ни одно печальное лицо не нарушаютъ праздничнаго, веселаго вида роскошной, богатой улицы. Журналисты работаютъ для образованія публики, публика любитъ ихъ и съ помощью ихъ воспитывается, поемногу воспитывается....

Золото и драгоценныя каменья повсюду, даже на мѣсто женскихъ сердець — это тоже драгоценныя камни, никогда не теряющіе своего холоднаго блеска... Счастливый городъ приснился мнѣ!.. Здѣсь женщины такъ добродѣтельны, что даже ужь не добродѣтельны. На душѣ ихъ нѣтъ никакихъ проступковъ, потому что они лишены и самой души, погубленной въ экзотическомъ, искусственномъ воспитаніи. Здѣсь страданіе — непонятно. Вотъ за рабочимъ столомъ сидитъ романистъ и хладнокровно, безучастно развиваетъ трагическую повѣсть своихъ героевъ: онъ меньше страдаетъ за ихъ участь, чѣмъ его рабочая лампа, за которой онъ пишетъ. А вотъ драматическій актеръ, вытвердивъ по лоскуткамъ бумаги свою роль, скрежетомъ зубовъ и рычаніемъ быка, убиваемаго на бойнѣ, хочетъ передать свое внутреннее тяжелое горе и въ тоже самое время думаетъ, какъ бы случайно не стереть слой пудры и краски съ своего лица... Смотрите: вотъ эта нѣжно-любящая мать, потому называющаяся себя аристократкой, что пять разъ въ день мѣняетъ свои чулки и прически и не знаетъ своего природнаго языка — вотъ она гладитъ своего маленькаго сына, котораго ни-

дѣть три раза въ сутки, а потомъ забываетъ его для своего большаго вѣлика и для новаго банта. Вы видите этого ребенка двадцать лѣтъ тому назадъ: теперь онъ выросъ, чтобъ сдѣлаться каріатидай въ великосвѣтской гостиной, чтобъ сдѣлаться мажорномъ для своего партнера и сапожника... Въ моемъ снѣ проходятъ передо мной мунья, эти швейцары своихъ женъ, эти поддотки своихъ любовницъ, обиваемые и тѣми и другими, и презирающіе тѣхъ и другихъ; я вижу... но мой сонъ переноситъ меня въ другое мѣсто.

Мнѣ снится огромная зала съ рядами пышныхъ ложъ, залитая тѣмъ свѣтомъ, отъ котораго дѣлаются темныя пятна передъ глазами. Оркестръ музыки лѣтъ волшебные звуки, отъ которыхъ оживляются самыя фрески плафона, но вся эта разряженная, благоуханная публика ложъ и креселъ съ благосклоннымъ равнодушіемъ внимаетъ оперной музыкѣ. Ни одинъ бантъ на женской груди, ни одинъ «знакъ отличія безпорочной службы» на шеѣ не дрогнулъ даже въ то время, когда вдохновенный теноръ своей знаменитой аріей воскресилъ бы почившихъ боговъ отъ сна, и могъ быть причисленъ ими къ сонну олимпійцевъ. Вотъ скелеты старцевъ, которымъ старость, какъ магометанскій обрядъ, освободила голову отъ волосъ и покрыла ее какими-то рѣдкими волосъ, сидя въ креслахъ, прогоняютъ дремоту съ помощью табакерокъ и подъ голосъ примадонны грезятъ о балетныхъ краяхъ, о сладострастныхъ пружтахъ любимой танцовщицы. А вотъ и эти милые оперные юноши! Въ моемъ снѣ я не столько люблю ихъ, какъ нѣтъ туалетомъ. Господи! какіе великолѣпные панталоны носятъ эти юноши! Точно самъ Беллоні трудился надъ ихъ рисункомъ, точно Роллеръ создавалъ ихъ, какъ дополнительную декорачію къ представленію. На лицахъ этихъ юношей написано, что они всё умерли бы съ тоски и отчаянія, если бы не имѣли на себѣ такого украшенія, и лучше бы ходили вовсе безъ панталонъ, чѣмъ рѣшились бы украшать себя другими, обыкновенными надѣлками мужскаго костюма. Тутъ я невольно обратилъ вниманіе на блестящій рядъ ложъ, гдѣ сидѣли дамы. Меня сталъ занимать вопросъ: какъ онѣ одѣты? Я осмотрѣлся и вдругъ съ

какихъ-то ужасомъ припрыгнулъ на своенгъ мѣстѣ. Я вижу, что все эти красавицы сидятъ совершенно раздѣтыя въ своихъ ложахъ: на нихъ почти никакого признака платья. Моимъ глазамъ только представлялись одни открытыя, совершенно открытыя до самой талии, плечи. Плечи смуглыя, плечи бѣлыя, плечи полная и плечи худыя — вотъ все, что я могъ увидѣть. Я понималъ, что это цѣломудріе красоты, которая не стыдится своихъ прелестей, я ощущалъ, что платье есть порожденіе безобразнаго вкуса, есть отживающая мода... Я смотрѣлъ долго на эти антологическія плечи, я упивался ихъ музыкой, я завидовалъ своимъ собственнымъ глазамъ въ томъ, что они могутъ безнаказанно наслаждаться тѣломъ красавиць... Голова моя закружилась... грезы сна стали дѣлаться какъ то неуловимѣ... мнѣ вдругъ представилось, что я, я самъ вдругъ превратился въ г-жу Одинцову, мой фракъ исчезъ и замѣнился открытыми, благоухающими плечами, на которыхъ устремилось тысячу глазъ, тысячу биноклей... что такое со мной?

Мой сонъ вдругъ переѣхался. Какъ въ какомъ-то фантастическомъ балетѣ закружились передо мною театральные призраки. Они носились въ огнѣ, не бенгальскомъ, но въ настоящемъ огнѣ, въ которомъ пламя пожирало драматическія произведенія новѣйшихъ писателей театра. Гибли одно за другимъ эти произведенія, а творцы ихъ издали грезами еще цѣлой холлессальной пирамидой, составленной изъ новыхъ сценъ, драмъ и комедій. Павелъ Губомлюкъ и Аполлонъ Жизнепрожигатель обгорѣлыми руками вытаскивали изъ огня тлѣющія страницы... Въ «Отцовскомъ проклятіи» угорѣлый трагикъ продирижировалъ первую любовницу; первая любовница ломала руки, первый любовникъ грозилъ «театръ залить слезами», и отъ реза его лопались лампы на сценѣ... — Бросилъ въ огонь старыя костюмы! крикнулъ кто-то, и вотъ въ огонь полетѣли королевскія мантии, болѣе походивія на старыя шерстяныя, рыцарскіе плащи, славянскія воддевки, парики и накладныя...

— Все сгоритъ, но я одинъ останусь! кричалъ комикъ, игранный Крещинскаго и Венеціанскаго купца, мута въ Лирѣ и самаго Лира, «заколдованнаго принца и датскаго принца Гамлета...—Я буду играть теперь даже мать Гамлета, кричалъ онъ:—я даже могу взять на себя роль того самаго облака, на которое указывалъ старикъ Половій и буду походить, то на кита, то на верблюда, то... Все сдѣшалось въ общемъ хаосѣ и въ длину, посреди лежащихъ въ пламени обгорѣлыхъ театральныхъ рецензій, париковъ, комедій и ботфортъ; порхали съ ле-

кни въ ладони книжки новаго театральнаго журнала «Русская сцена».. Ослепленный завязать упалъ... Мой сонъ быстро перегибился...

Въ капривной, странной грезѣ я вдругъ убѣдился, что я не «темный человекъ», но что я принялъ на себя душу и тѣло статскаго генерала Перетрухина... Мое собственное «я», мой видъ—все изчезло: я ощущалъ на себѣ носъ Перетрухина, крошечный, солидный черепъ его, однимъ словомъ, я весь обратился, въ генерала Перетрухина и даже во снѣ наслаждался своимъ генеральскимъ видомъ... Но въ тоже самое время—дикая греза!—мое другое «я», мой двойникъ почтительно слушалъ генерала Перетрухина.. Генералъ говорилъ, самъ съ удовольствіемъ прислушиваясь къ своему голосу..

— Я гуманенъ, прежде всего я гуманенъ... да?

— Туманны, ваше превосходительство... подсказывалъ мой двойникъ.

— Вы поймите меня: я иногда взыскательно отношусь къ своимъ подчиненнымъ. Еще вчера я распекъ секретаря за то, что въ присутствіи мухъ было много, но вы поймите, почему я такъ дѣлаю... Я строго взыскиваю, я ворчу, бранюсь съ чиновниками, потому что я страдаю—сообразите это—страдаю сердцебіеніемъ... Винавать-ли я, что у меня сердцебіеніе, ну винавать-ли я?

— Почтенная болѣзнь, болѣзнь всѣхъ великихъ людей, ваше превосходительство...

— Именно великихъ людей. Вотъ жена моя этого понять никакъ не хочетъ. Она иногда забѣситъ меня, до бѣшенства доведетъ, я лампу сбрасываю на полъ, зеркало однажды разбилъ, но можно ли обвинять за это человекъ, когда онъ страдаетъ сердцебіеніемъ. Правда?

— Точно такъ, ваше пр—во... Великіе люди рѣдко понимались своими женами.

— Я гуманенъ, но за себя поручиться не могу, не могу поручиться, потому что я страдаю сердцебіеніемъ... Кажется, всякій можетъ извинить меня...

Но сонъ уже освободилъ меня отъ пытки гостить въ узкомъ пространстве тѣла генерала Неретрухина и повесъ меня куда-то дальше...

* * *

На крыльяхъ полуночной грезы
 Въ невѣдомой тьмѣ я лечу
 И въ смыслъ этихъ грезъ непонятныхъ
 Я словно проникнуть хочу...
 Зачѣмъ это падаютъ тѣни
 Вокругъ золотого тельца?
 Зачѣмъ передъ призракомъ сына
 Разгибался призракъ отца?
 Зачѣмъ это нужны поэтамъ
 Гражданская скорбь и прогрессъ,
 Когда есть и солнце, и мѣсяць,
 И звѣзды въ пространствѣ небесъ?
 Зачѣмъ это сны такъ печальны,
 Когда все свѣтло на яву?
 Зачѣмъ я живу въ сновидѣньи
 И—словно на свѣтѣ живу?
 Зачѣмъ? На крыльяхъ сновидѣнья
 Въ невѣдомой тьмѣ я лечу,
 Но смысла туманныхъ загадокъ
 Ужъ я понимать не хочу.

* * *

Сонъ новый меня переноситъ
 Въ большой дѣловой кабинетъ.
 Сидитъ въ кабинетѣ редакторъ
 За кипой огромной газетъ.
 Сидитъ онъ, и старца смущаетъ
 Одинъ неотвязный вопросъ,
 Сидитъ онъ, схватившись руками
 Въ послѣдній остатокъ возможъ:
 — „Зачѣмъ я редакторъ, о Боже!“
 Онъ мечтаетъ скрививши свой ротъ;
 Зачѣмъ я забылъ для журнала
 Отличный мой сальный заводъ?
 Напрасно я даромъ по свѣту
 Газету свою раскидалъ,
 Напрасно... лишь скудную ленту
 Съ несчастной подписки собралъ.

Нѣтъ денегъ! Нѣтъ денегъ! Нѣтъ денегъ!
 Печалеть мой жизненный путь...
 И старецъ угрюмо и сирю
 Главу опускаетъ на грудь.

* * *

Мой сонъ измѣнился... я вижу
 Того же редактора ликъ,
 Но ликъ его ясенъ и веселъ
 И взоръ не поирежнему дикъ...
 Внимая редакторскимъ пѣнямъ
 Сидитъ джентельменъ у окна
 И слушаетъ чутко и долго,
 Хотя рѣчь его очень темна...
 Онъ проситъ взаимы десять тысячъ
 „Опору въ превратной судьбѣ“,
 Ему отдастъ онъ—подписку,
 А тысячи проситъ себѣ.
 И слышны редактора пѣни:
 — „Подписчиковъ всѣхъ я продамъ!
 Они крѣпостные; ихъ души
 Поступать въ владѣніе къ вамъ.
 Когда-жъ новогодней подписки
 Придетъ золотая пора,
 Къ вамъ съ почты повѣстки польются
 Дождемъ безконечнымъ съ утра.
 Берите-жъ подписчиковъ души!
 Они у меня молодцы!
 А вашими деньгами тотчасъ
 Сведу я съ концами концы...
 И проданы бѣдныя души,
 Скрѣпленъ межъ обоими торгъ,
 И тотъ и другой въ ту минуту
 Приходятъ въ нескрытый восторгъ

* * *

Мой сонъ измѣняется снова...
 Годъ новый встрѣчаетъ весь свѣтъ...
 Текуть изъ почтамта повѣстки
 Въ конторы счастливыхъ газеты.
 Но пусто въ конторѣ газеты
 Подъ фирмою: „Наша сума“,

И новый редактор заданья
 Ръшительно сходить съ ума.
 Нейдетъ почтальонъ изъ почтамта,
 Придетъ же, — увы, джентельменъ! —
 Принесъ онъ письмо страховое
 Съ статьею отъ какаго-то Н:
 „Пропали мои десять тысячъ!
 Достался хорошій мнѣ кладъ!..“
 И новый издатель роняетъ
 Слезинки на старый халатъ!..

Снова переѣвился мой сонъ... Я вижу внутренность полутемнаго, блѣднаго храма съ почернѣвшими старыми иконами, передъ которыми лампы льютъ свой слабый, тощій свѣтъ... Въ церкви — свадьба. Странная чета: оба еще очень молоды, оба еще только начинаютъ жить, а между тѣмъ горько и больно смотрѣть на нихъ. Зачѣмъ они сошлись вмѣстѣ? Какая связь существуетъ между этой блѣдной дѣвушкой и женихомъ — этимъ вѣчнымъ недорослемъ, котораго жизнь никогда не сдѣлаетъ совершеннолѣтнимъ, никогда ничему не научить? А сзади въ темныхъ углахъ церкви старыя салонницы, смотря на молодую чету, перешептываются: «Какіе оба молодые! вотъ такъ пара!.. Горькая насмѣшка! Вѣдь два одиноко сдѣланные подсвѣчника, блестящіе еще свѣжей бронзирровкой — то же пара!... По лицу невѣсты пробѣгаетъ какой то невольный трепетъ, а женихъ — неужели онъ счастливъ? Неужели счастье заставляетъ его такъ улыбаться и нервно подпрыгивать на своемъ мѣстѣ. Да, онъ счастливъ, но счастливъ пошлымъ самодовольствіемъ официанта, свадьбу котораго удостоилъ своимъ присутствіемъ его баринъ; онъ счастливъ отъ сознанія, что на его вѣчаніи присутствуетъ богатый вельможа, изъ деликатности не отказавшійся отъ просьбы жениха — быть его «посаженымъ отцомъ...» Вотъ чѣмъ доволенъ напомаженный женихъ, вотъ отчего съ самодовольствіемъ поглядываетъ онъ кругомъ.

Обрядъ конченъ... Глухо, мертво прозвучалъ подъ сводами первый поцѣлуй молодыхъ супруговъ... Они выходятъ изъ храма... Но не до-

шой, не въ свой собственный уголокъ спѣшать они провести вмѣстѣ этотъ первый вечеръ ихъ новой жизни: они ѣдутъ въ домъ того же вельможи, удостоившаго ихъ своимъ приглашеніемъ...

Рядъ освѣщенныхъ залъ... парадный столъ для ужина... Вѣло бѣсѣдуетъ съ гостями вельможный хозяинъ, котораго большіе безжизненные глаза смотрятъ не въ лице гостей а куда-то далеко, въ необъятное пространство... Взглядъ такихъ глазъ холоденъ и мертвъ, какъ воздухъ, вырвавшійся изъ открытой могилы. Между тѣмъ вокругъ хозяина, какъ стая летучихъ мышей, вьется его постоянная свита, его домашній штатъ, вьются ужамъ эти разные помощники помощниковъ у помощника его управляющаго, эти домашнія совы, заселившія всѣ темные уголки его параднаго дома... Какъ похороны, длится этотъ брачный ужинъ молодыхъ, встрѣчающихъ свою новую судьбу подъ чуждой илѣ кровлей. Неловко и тоскливо чувствуетъ себя молодая жена: какое-то внутреннее чувство предсказываетъ ей, что не здѣсь теперь ея мѣсто. Но юный супругъ не умѣетъ читать на лицѣ бѣдной женщины; съ его низкаго лба не сходитъ самодовольствіе: онъ видитъ, что въ честь его наполняются здѣсь бокалы, въ честь его предлагаются тосты — и его копѣчное самолюбіе удовлетворено...

Ни онъ, ни хозяинъ не понимаютъ оскорбительнаго смысла этого праздника... Ужинъ конченъ. Хозяинъ беретъ подъ руку жену и выводитъ его въ свой кабинетъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, говоритъ онъ своимъ ледянымъ вѣжливымъ голосомъ, подарить вашей женѣ что нибудь на память, но я, право, не знаю, угожу ли ей своимъ выборомъ... Ея вкусъ вы знаете больше: прощу васъ выбрать что нибудь...

И онъ высыпаетъ на столъ сотни бездлушекъ, фермуаровъ, серегъ, булавокъ съ дорогими камнями и пр. и пр.

Счастливый мужъ начинаетъ разсматривать вещи и... выбираетъ «для себя большую, тяжеловѣсную часовую цѣпочку, которую надѣваетъ на «свой» жилетъ и благодаритъ за подарокъ.

Отвратительный сонъ!... Но греза мгновенно переноситъ меня въ другой, болѣе тихій и мирный уголокъ, до того мирный, что я въ своей грезѣ едва вторично не впадаю въ неподвижное забвеніе...

Мой сонъ перенесъ меня въ одну изъ тѣхъ уютныхъ гостиницъ, которыхъ можно насчитать тысячи въ томъ благополучномъ городѣ;— въ одну изъ тѣхъ гостиницъ, гдѣ все, начиная съ кисельныхъ разавѣсокъ на окнѣхъ и кончая вѣшалкой для платья въ прихожей, насквозь пропитанное тишиной, домашнимъ счастьемъ, невозмутимостью, нехожемъ на оцѣненіе. Обитающая здѣсь молодая супружеская чета представляетъ идеалъ семейнаго, вѣчно ровнаго благополучія. Счастье, вѣчно тихое счастье, которымъ они пользуются, могло бы просто задушить нивы натуры, но ихъ оно не давитъ: они только иногда скучаютъ нивъ, но скучаютъ съ улыбкой, съ удовольствіемъ. Блаженные уголки. Сюда можно являться, чтобъ отдохнуть, чтобъ подремать у камина, не обращая ни на себя, ни на него вниманія... Моя греза рисуетъ мнѣ картину, какъ эта довольная чета готовится къ маленькому вечеру, устроенному для нѣкоторыхъ знакомыхъ... Милая идиллія! Кухаркѣ строго наказано, чтобъ она надѣла платье не столь грязное, какъ всегда, строго наказано, чтобъ она, являясь въ парадныя комнаты, ходила тише и не размахивала своими локтями... А сами аккуратные хозяева приготовили столовую лампу, стерли пыль съ рамокъ портретовъ, граціозно развѣшанныхъ надъ диваномъ, сами вытерли свою мебель деревяннымъ масломъ, котораго запахъ потомъ не исчезалъ въ продолженіе всего вечера... Хозяинъ самъ старательно разрывалъ костянымъ ножомъ всѣ журналы на большомъ столѣ, дабы не подумали, что онъ ихъ не читаетъ и разложилъ эти книги въ симметрическомъ порядкѣ... Все кончится, начиная отъ счастливыхъ лицъ супруговъ и кончая дверною ручкою подъ колокольчикомъ и мѣдною дощечкой у входа въ квартиру... Давно ожидаемая вечерняя компанія сходится. Благополучіе и тишина всей обстановки заражаетъ и гостей, и дремлютъ они въ счастливомъ спокойствіи до чаю, дремлютъ до ужина, дремлютъ до той минуты, когда нивъ нужно покидать счастливое убѣжище. Вернуть на такихъ счастливыхъ вечерахъ никто отъ избытка внутренняго довольства—не задается. Всѣ обходятся только одними вопросами и приличными этимъ вопросамъ отвѣтами...

О, какъ хорошо подобное счастье, если только оно не уморитъ своей безытежной омукой, своей блаженной тоской...

Еще мучила меня вѣвота отъ вечера въ этомъ тихомъ убѣжищѣ, какъ я уже летѣлъ въ моемъ снѣ по одной изъ пышныхъ улицъ счастливаго города. У подъѣзда одного богатаго аристократическаго дома съ огромными чугунными столбами я на минуту остановился... Вдругъ

широкая дверь подъезда отворилась и изъ нея быстро вышла, пугаясь въ шубѣ, чья-то очень знакомая фигура... Кто это такъ торопливо соскользнулъ съ мраморной лѣстницы? Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что я вижу знакомое лице Павла Степановича Кирсанова, но толстый швейцаръ тотчасъ же разочаровалъ меня. Стоя величественно съ булавою своею у дверей, онъ съ иронической улыбкой поглядывалъ въ слѣдъ удалявшемуся посѣтителю, и проговорилъ, какъ бы про себя:

— Чудное, право, дѣло! Кажись, онъ не нашъ братъ, первые романы, говорить, писать, а тутъ пришелъ къ нашей гувермантѣ да увидѣлъ, что княгиня по лѣстницѣ идетъ—онъ и посоветился взойти: послѣ, слышь ты зайду. Знаемъ, почему послѣ: посоветился, значить... А еще почетъ, говорить, вездѣ имѣеть! Эхъ, вы!!...

И швейцаръ, презрительно стукнувъ своею булавою, скрылся внутри подъезда.

Фу! какой глупой сонъ! Только во снѣ можетъ присниться, что знаменитый романистъ удалился изъ дома оттого, что «посоветился» встрѣчи съ аристократической хозяйкой дома..

Сонъ переноситъ меня въ пріютъ ученаго, которому благородная наука, за то, что онъ, по крайней мѣрѣ, не принесъ ей никакого вреда, хотя и не сдѣлалъ пользы, устроила юбилейное празднество въ честь его двадцати-пятилѣтней бездѣятельности. Послѣ этого юбилея маститый ученый сталъ какъ-то особенно цѣнить свою ученую карьеру, сознавая, что

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ,
Хоть и не дѣлать ничего.

Понятно, что у него явилось честолюбивое желаніе, чтобъ его юбилей былъ извѣстенъ въ своей странѣ, и онъ возложилъ все свои упованія на прессу, въ полной увѣренности, что она не пропуститъ безъ вниманія такого крупнаго явленія въ обѣдленно-ученомъ мѣрѣ.—Надѣлалъ же такого шуму юбилей кн. Вяземскаго, такъ жеужели же мой

юбилей пройдет не замеченным? рассуждал самъ съ собою ученый. Понадѣясь на прессу, онъ былъ еще больше подкрѣпленъ въ своей надеждѣ, когда прочелъ въ одной нѣмецкой газеткѣ нѣсколько словъ по поводу ученаго торжества своего.

Въ ожиданіи своей близкой славы, гордый юбиляръ съ цѣлью постоянно слѣдить за прессой, выписалъ на три мѣсяца всѣ ежедневныя изданія, выходящія въ городѣ. Съ этого дня онъ сталъ испытывать на себѣ мученія Тантала. Съ ранняго утра его начинается бить лихорадка, онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ прихода почтальона, и, какъ голодный звѣрь, по его приходѣ бросается на кипу газетъ.

Пробѣгаетъ „Голосъ“,
Онъ молчитъ упрямо,
И на старць волосъ,
Словно въ полѣ колось,
Поднимался прямо.
А газета Корща,—
Эта миротворша,—
Хоть бы занкнулась!..
Даже въ „Инвалидъ“,
Хоть бы въ скромномъ видѣ,
Слово подвернулось...
Въ памяти легла
Праздникъ юбилея,
Двигатель науки
Молвилъ: „правда! гдѣ ты?“
И ронялъ газеты,
Опуская руки!

Такая внутренняя мелодрама повторялась въ немъ ежедневно, каждое утро. Наконецъ, потерявши всякую надежду, юбиляръ рѣшается самъ напомнить о себѣ редакціямъ газетъ, но, hélas! еще и до нынѣ міръ остается въ неизвѣстности о славномъ торжествѣ, и я, только благодаря моему сну, могъ узнать объ этомъ великомъ мировомъ событіи...

Въ эту минуту я проснулся, стараюсь припомнить всѣ иррачныя, странныя сны... Я, наконецъ, припомнилъ ихъ, передо мной одно за другимъ пронеслись сновидѣнія, и я благословляю жизнь за то, что она не похожа на темныя, смущающія грезы...

Муки и скорби!
 Гдѣ же они?
 Ихъ мы встречаемъ —
 Только во снѣ.
 Городъ уснувшій
 Въ сонной странѣ
 Можеть присниться —
 Только во снѣ!
 Нѣжность питаемъ
 Мы къ старинѣ,
 Давимъ и грабимъ —
 Только во снѣ.
 Люди несчастье
 Топать въ вѣнѣ,
 Въ темномъ развратѣ —
 Только во снѣ.
 Мужъ измѣняетъ
 Бѣдной женѣ,
 Падаютъ жены —
 Только во снѣ.
 Лирикъ слагаетъ
 Пѣсни къ лунѣ,
 Властвуетъ бѣдность —
 Только во снѣ.
 Тѣни порока
 Видались мнѣ
 Съ мукой проклятыя —
 Только во снѣ.
 Жизнь разцвѣтаетъ
 Въ вѣчной веснѣ;
 Все, что въ ней гадко —
 Видимъ во снѣ.

Перенесемся теперь для контраста изъ скорбнаго міра снова въ до-
 ный міръ жизни, жизни провинціальной. Не даромъ одинъ изъ моихъ
 провинціальныхъ корреспондентовъ (которыхъ у меня къ несчастью ма-
 ло) писалъ мнѣ, что провинціальная жизнь такъ ужь сладка и крѣп-
 ка, что тамъ люди почти-что совсѣмъ и не умираютъ, а живутъ
 чуть-ли не ровѣстниками земнаго шара. Въ этихъ словахъ много
 правды. Повсюду въ провинціи царствуетъ благораствореніе воздуха
 и желудковъ, повсюду при каждомъ случаѣ сочиняются обѣды, благо-
 творительныя обѣды, благодарственныя обѣды и т. д. Уста журуютъ

и жуютъ, и все не нажуются. И благо имъ за то! Намъ худосочный Петербургъ постоянно живетъ на счетъ провинцій и если бы ежегодно провинціальный черноземъ не освѣжалъ его болотистую почву, то... то что было бы тогда со всѣми нами, мои любезные провинціалы? Вы наша запасная кладовая всдорovýchъ нетронутыхъ силъ и намъ ли не завидовать вашей жизни съ ея безконечными обѣдами и обѣденнымъ краспорѣчьемъ?... Посмотрите, напр. какими рѣчами были наполнены три нумера газеты: «Харьковъ» по случаю отъѣзда бывшего попечителя ученаго округа. Вотъ хоть начало одной изъ этихъ рѣчей:

«Слыша и видя восторженныя чувства и благожеланія ученаго сонна харьковской музы, при чувствительной разлукѣ съ вашимъ превосходительствомъ, нельзя не быть въ благопріятномъ сочувствіи, находя живѣйшее доказательство той пріятной и очевидной для васъ истины, что вы... и т. д.

Живи Демосфень въ наши счастливыя времена, онъ не воскликнулъ бы

Я пойду отъ васъ на берегъ моря,

чтобъ говорить съ морскими волнами, но отправился бы на сухопутные провинціальные обѣды къ русскимъ спичистамъ.

Винить-ли послѣ того тѣхъ администраторовъ, которые, явившись въ новую область съ разными административными замыслами и проектами улучшеній, съ перваго же дня опускали свои руки при видѣ общаго благоденствія и жирнаго, раскоряченнаго счастья? И вотъ всѣ планы такого предприимчиваго администратора рассыпаются въ прахъ, и ихъ дѣятельность заканчивается тѣмъ, что они устриваютъ около города аллею изъ тополей, или же проводятъ посреди главной улицы бульваръ съ аршинными акаціями. Пусть же не думаютъ иные, что эти администраторы только «топали» на подчиненныхъ: они и «тополи» иногда разводили, увлекаясь художественными перьями, разогрѣтымъ провинціальнымъ обѣденнымъ свичаномъ и ораторами.

До какой степени незаслужаемо провинціальное краспорѣчье, а сейчасъ докажу, опираясь на одинъ документъ. Есть въ некоторой губерніи коммерческое училище, которое ежегодно 17-го декабря празднуетъ свою годовщину. Публика въ этотъ день угощается завтракомъ, танцами, но самое лучшее угощеніе праздника—есть слушаніе отчета о годовой дѣятельности училища, составляемаго и читаемаго всегда самимъ инспекторомъ. Отчетъ этотъ, по моему мнѣнію, есть драгоцен-

ный образчикъ въ своемъ родѣ. Отчетъ этотъ начинается едла-едла не стихами,—гипнозомъ учрежденіемъ училища. О темнотѣ отъ фонда нѣ тоже упоминается, но очень тонко, а именно такимъ образомъ, что «не приходится много говорить о недостаткахъ, но лучше умолчать о нихъ.» (И те дѣло!) Впрочемъ, краснорѣчивый чтець и составитель отчета, не причисляя слѣдующую мѣру къ недостаткамъ (а вѣроятно къ достоинствамъ) докладываетъ, что въ прошедшемъ 1863 году «никакъ нельзя было обойтись безъ розогъ»... Угнетительное извѣстіе для присутствующихъ при чтеніи родителей! Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, обойтись безъ розогъ, когда на поставку нѣ составляются особые торги! Представьте себѣ, что этого провіанта доставлено разомъ на годъ: куда же его прикажете употребить? Ну, по мѣволѣ и станемъ производить экзамены...

Но отчетъ все-таки угнетаетъ родителей разными новыми изумленіями; такъ напр. учреждены «новыя петлички на мундирахъ»... Да-съ, кромѣ шутокъ, коммерческую школу очень должно радовать распоряженіе, что

Форменныя есть отлички:

Въ мундирахъ выпушки, погонычки, петлички...

Кромѣ того придуманы разные новыя табачки, списки и вѣдомости для классовъ отягощенъ и для поведения... Къ этому нововведенію доставало только какихъ нибудь новыхъ напоя для уничтоженія чернильныхъ пятенъ съ носовыхъ платковъ...

Изъ того самого отчета видно, что главнѣйшею заботою инспектора были успѣхи учениковъ въ иностранныхъ діалектахъ. Чтобъ успѣхи языкознанія шли быстрее, остроумный инспекторъ придумалъ весьма замысловатый мѣръ. Ихъ пять, но я укажу только на двѣ: 1) надиратель «долженъ выговаривать» съ учениковъ «за русскій разговоръ въ свободное время отъ занятій»; 2) каждую субботу за каждый «ноль» заставляютъ ученика, вмѣсто глотанья селедокъ, «выучивать пятьдесятъ иностранныхъ словъ», а «за каждую единицу—25 словъ». Эта великолѣпная мѣра напоминаетъ мнѣ другую въ одномъ частномъ мужскомъ заведеніи, въ Петербургѣ. Салонный начальникъ этого заведенія, вѣроятно напуганный новыми толками «о сѣяніи съ народомъ», мало-мало штрафъ на всю прислугу въ своей школѣ: тотъ, кто будетъ говорить съ кѣмъ нибудь изъ воспитанниковъ, платитъ 25 к. штрафъ. Не возвратився къ коммерческому инспектору и къ его способу рас-

пространств иностранных языки. Не говоря уже о томъ, какъ старъ и отвратителенъ этотъ бессмысленный способъ «добить» и заучиванъя словъ, не лишивъ тамъ же прѣятности и то, что изученіе языка предлагается, какъ наказаніе. По субботамъ—за лѣнность и розгами сѣкутъ и долбить діалоги заставляютъ!.. Хорошо же должно идти ученіе!.. На это намъ отвѣчаетъ самъ отчетъ: онъ гласитъ, что въ училищѣ на 55 человекъ приходится только 9, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ... Жаль, что седедками на кормятъ! Тогда бы, можетъ быть, ученіе и подвинулось впередъ не много пошлѣе. Впрочемъ, нѣсто седедекъ тамъ замѣнять задачи и темы для сочиненій воспитанниковъ. Вотъ хоть двѣ: одна — «о значеніи банковъ въ народной торговлѣ»; (это хоть гг. Ламанскому или Шиллю предложить — такъ будетъ въ пору); другая «о спиртномъ броженіи». Но займемся лучше «броженіемъ» самаго инспектора. Броженіе его краснорѣчія бываетъ иногда такъ сильно, что слова его теряютъ для насъ всякій смыслъ. Переходя къ ревизіи стола и провизіи, отчетъ зарепортовывается до слѣдующей фразы: «Были замѣчены беспорядки и по отношенію къ воспитанникамъ, беспорядки, которые не могли быть черезъ чуръ сильными, такъ какъ съѣсть болѣе того, что могутъ учашіеся, невозможно».

Повинаете ли вы здѣсь что нибудь? Мнѣ это нѣсто напоминаетъ слова одного глубокомысленнаго кѣнца: «что бышь хотѣлъ сказать? Да, —ничего!» Такъ, действительно! «Плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?», говоритъ одинъ московскій стихотворецъ.

Краснорѣчіе составителя отчета, однако, доходитъ иногда до искренней пошлости. Не могу не указать на эти мѣста: «Въ дѣлѣ воспитанія все идетъ по старому» (такъ въ какомъ же дѣлѣ улучшенія-то ваша?); ни одно изъ прежнихъ «иныхъ убѣжденій» не оставлено. Винавать, «развѣ» (великоколѣнное «развѣ!») розги отъ времени до времени допускаются для маленькаго возраста «въ поученіе другимъ» и всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, «гдѣ словомъ нельзя доказать» (а розгой можно?), что «бить другого» и «оварничать надъ нимъ не слѣдуетъ». Замѣтите добродушіе послѣдней морали, которую нужно понимать такъ: «Драться не слѣдуетъ, а повтому я тебя бью!» Наслы-то мы договорились съ помощью драгоценнаго отчета до самаго настоящаго принципа розогъ. Далѣе читаемъ откровенный отчетъ: «Исключенія изъ этого рѣдкі, и только разъ относилсъ (т. е. попросту сѣкам; подите, поймите педагоговъ: одинъ розги называлъ чуть ли не «испанскими мотивами»

жизни, а другой ухитрился глаголъ «сѣчь» замѣнить глаголомъ «относиться!» къ личности (какъ къ «личности?») пятнадцатилѣтняго возраста, неоднократно увѣщаемой прежде, рѣшившейся въ присутствіи надзирателя, углубленного въ книгу, (?) закутить гонимую у насъ въ классахъ папиреску... Меня больше всего удивляетъ гомеровское простодушіе этого разсказа и его милая искренность. Составитель отчета, какъ охотникъ до закрытаго воспитанія, съ той же искренностью высказываетъ свое сожалѣніе по тому случаю, что воспитанники, ходящіе въ отпускъ къ своимъ родителямъ, портятъ свою нравственность. «Въ этихъ отпускахъ, — жалуются онъ, — особенно на лѣтнее время, много и много приучаются къ папирескамъ (вотъ онъ дѣ-то гдѣ!), къ лѣви, къ обѣднвию и ко многимъ порокамъ пустой, незанятой жизни, которой не чѣмъ пополнить окружающей семьѣ»...

Родители слушали рѣчь ту и хоромъ сказали: спасибо!... Разеуждать объ этомъ инспекторъ-идилликъ больше не стоить. Мы хотимъ только удивить его, открывъ ему, что какой-то другой педагогъ называетъ «нравственными качествами» то, что онъ называетъ «пороками». Вотъ такъ штука!.. Есть одна книжка: «Начальное обученіе «отечественному языку по наглядной методѣ». Ненаглядная книжка! Въ этой-то книжкѣ и сказано, что «нравственные качества, которыхъ «человѣкъ не долженъ имѣть» — суть: необразованность, лѣньность, тщеславіе, лакомство, неосмотрительность, злость и т. д.

Ненаглядная книжка, дѣйствительно...

Не даромъ инспекторъ коммерческаго училища потратилъ много воображенія и фантазіи на созданіе разныхъ петличекъ для воспитанниковъ. Петлички и вообще формальность — дѣло далеко не послѣдней важности въ глазахъ русскихъ педагоговъ. Вотъ случай: онъ не первый и не послѣдній.

Молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ одинъ изъ центральныхъ городовъ Россіи изъ самой Сибири, поступилъ въ частное учебное заведеніе. Однажды утромъ онъ шелъ внизъ по лѣстницѣ изъ третьяго этажа одѣтый въ пальто и шапкѣ. Въ корридорѣ попадаетъ ему инспекторъ и сурово осматриваетъ ученика съ ногъ до головы. Когда

ученикъ поравнялся съ инспекторомъ, то поклонился ему и слова, надѣвъ шапку, хотѣлъ идти дальше. Инспекторъ остановилъ его.

— Какъ ваша фамилія?

Тотъ сказалъ.

— Что жъ вы стоите въ шапкѣ? развѣ не знаете, что передъ вами вашъ начальникъ?

Растерявшійся юноша принужденъ былъ снять съ себя шапку.

— Позвольте мнѣ вашъ входный билетъ. Вы не можете посѣщать болѣе нашего заведенія, потому что не умѣете держать себя.

— Позвольте мнѣ вашъ входный билетъ. Вы не можете посѣщать болѣе нашего заведенія, потому что не умѣете держать себя.

Юноша положительно сталъ въ тупикъ. Онъ рѣшительно не могъ понять причины такой немилости, тѣмъ болѣе что не имѣлъ еще случая ее вызвать со стороны начальства... Онъ догналъ уходившаго отъ него инспектора.

— Что вамъ отъ меня угодно?

— Я хотѣлъ узнать отъ васъ, почему я лишюсь права посѣщать классы? Мнѣ положительно неизвестна моя вина...

— Вы лишаетесь этого права потому, что шли съ самаго верху по корридору съ шапкой на головѣ и въ ней же осмѣлились стоять передо мной. Приличій не знаете, милостивый государь! отгрызнулся инспекторъ заведенія.

— Но вѣдь я вамъ поклонился при встрѣчѣ.

— Поклонился! Какъ будто вы сибете мнѣ кланяться? Вы просто должны стоять съ непокрытой головой передо мною.

— Но увѣряю васъ, я не зналъ о подобныхъ правлахъ, иначе бы я тотчасъ же исполнилъ ихъ. Повѣрьте моему честному слову...

Инспекторъ искоса посмотрѣлъ на ученика и не найдя никакого приличнаго враженія, не хотя возвратилъ ему билетъ, замѣтивъ:

— Въ другой разъ будьте осторожнѣе, иначе же я буду принужденъ исключить васъ изъ нашего заведенія...

Это былъ первый урокъ въ субординаціи для неопытнаго юноши, который смотрѣлъ на это заведеніе, какъ на храмъ науки, гдѣ петлички и военная дисциплина не имѣютъ ни мѣста, ни значенія.

Изъ педагогическаго міра мы перенесемся пока совѣтъ въ другое убѣжище, а именно на одинъ оружейный заводъ. На этомъ заводѣ случилась надобность исправить печь въ одномъ изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Призванъ былъ архитекторъ. Печь разобрали. Такъ какъ подобныя магазины никогда не отличаются чистотой и тамъ какъ очень часто туда вносили кули на лошадяхъ, то не мудрено, что сквозь старыя печь вылетѣлъ съ мукой немало много нечистоты, нечистоты весьма благоуханныя. Архитекторъ расприсялся, чтобъ всю эту негодную муку собрали и выбросили. Но начальникъ по провіантской части думалъ совершенно иначе: мука эта ему самому понадобилась и онъ велѣлъ перевести ее къ себѣ.

— Скотинѣ вѣтъ можно! рѣшилъ онъ. Что мука-то даромъ пропадетъ, сойдетъ! Овладевъ этой мукой, жадный начальникъ приказалъ изъ нея испечь хлѣбъ для мастеровыхъ, рассчитывая оставить этимъ себѣ экономіи два на, два на-три. Хлѣбъ былъ испеченъ. Мастеровые, какъ народъ рабочій и не очень брюгливый, полакомились очень аппетитно съѣвшимъ хлѣбомъ, но на другой же день болѣе пятидесяти человѣкъ отправилась въ больницу и едва не умерли... Дѣло тамъ и кончилось. Начальникъ и ухомъ не повелъ, а при первой же возможности вновь подумаетъ о своей экономіи или объ экономіи и напоритъ мастеровыхъ подобнымъ хлѣбомъ. Благо еще, что крѣпокъ русскій человѣкъ и выносилъ въ подобныхъ случаяхъ.

Не въ бровь, а прямо въ глазъ! Такъ назвала бы я слѣдующій странный случай. Не такъ давно на дворѣ одной владѣтельницы, для совѣщанія по введенію уставной грамоты, были призваны крестьяне въ числѣ 50 человѣкъ. Въ присутствіи ихъ одному изъ крестьянъ мировой посредникъ (назовемъ его хоть «Мышьякомъ»), «будто бы нечаянно» выкололъ палкою глазъ. Такъ какъ извѣстно, что на подобныхъ сходкахъ не занимаютъ ни фехтованьемъ, ни гимнастическими упражненіями, то такая нечаянность кажется весьма подозрительной. Изъ «первой» жалобы крестьянина, «нимъ по брѣвѣ не подписанной» и его собственноручныхъ рукоприкладствомъ незаявленной, дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ. На собраніи крестьянъ, на крыльцо дома владѣльницы вышелъ мировой посредникъ Мышьякъ «съ тростью въ

рукахъ» (съ тростью внушительнѣе!), велѣлъ всѣмъ подойти поближе къ крыльцу, а самъ сошелъ на вторую или третью ступень. Тотъ крестьянинъ, который стоялъ на ваканціи криваго, въ числѣ прочихъ тоже приблизился къ крыльцу и сталъ на его первой ступени по правую сторону мирового посредника.

Разговаривая о введеніи грамоты, посредникъ «играя тростью, перебрасывалъ ее» изъ одной руки въ другую, и началъ дѣлать вопросы:

— Какъ желаетъ общество взять землю — на оброкъ или на выкупъ? Общество въ свою очередь спросило: долго ли мы будемъ платить?

— «Пока ваша жизнь!» былъ отвѣтъ.

— А долго-ли будемъ работать?

— «Тоже всю жизнь».

Послѣ такого отвѣта общество сказала посреднику, что оно въ такомъ случаѣ вовсе не желаетъ брать земли. Тогда Мышьякъ, «продолжая играть тростью» и со словами: какъ не жалеете? — махнулъ правой рукой, въ которой держалъ трость. Трость эта, по невѣдомымъ судьбамъ, попала въ глазъ крестьянину, изъ глаза брызнула кровь и онъ съ плачемъ долженъ былъ покинуть сходку. Въ показаніи онъ это движеніе относитъ къ нечаянности, къ неумышленному со стороны посредника поврежденію его глаза и только проситъ за такое увѣче вознагражденія.

Эпизодомъ къ этому дѣлу можетъ служить вторичное показаніе крестьянина Декана въ губернскомъ присутствіи. Онъ показалъ, что на первомъ прошеніи «креста не ставилъ», и что посредникъ ударилъ его тростью «съ намѣреніемъ» въ порывѣ гнѣва. Здѣсь занавѣсъ опускается и оркестръ играетъ гимнъ мировому посреднику и шаловливой трости.

Мнѣ пишутъ изъ г. Плебейска Нижнепосадской губерніи:

... «Чуть ли не всѣмъ груднымъ дѣтямъ въ Россіи извѣстно, что въ январѣ прошлаго года случился колоссальный обвалъ; рухнула откупная система. Но она пала не одна. Своимъ паденіемъ она увлекла другую систему, очень впрочемъ утвержденную временемъ и обычаемъ — а именно безгрѣшныя приношенія Бахуса на алтарь Фениды. Извѣстно,

что у насъ всякая не совсѣмъ никакая ступень служебной іерархіи давала право на полученіе съ откупа извѣстнаго кума денегъ и кое-чего натурою въ видѣ водки, пива и другихъ питій. Кромѣ того, домъ откупщика въ городѣ всегда былъ раскрытъ —

Для званныхъ и незванныхъ.

Его домъ былъ постояннымъ рестораномъ, гдѣ можно было вдоволь утолить и голодь, и жажду. Откупщики чувствовали свою силу и не скупилась на угощенія. И вдругъ «рѣка времени въ своемъ теченіи» увнесла съ собой эти богатые пиры, эти праздники... Центръ всеобщаго тяготѣнія уничтоженъ! Ведро съ водкой не являлись болѣе «покупному вельнью» на квартиры градскихъ властей... откупная элегія превратилась въ акціоннаго управленія. И вотъ, настала тотъ день, когда послѣдній изъ нашихъ откупныхъ могомановъ долженъ былъ пропѣть пѣсенку: Я въ пустыню удаляюсь! Уже его пожитки и семейство было давно отправлены въ одну изъ южныхъ губерній Россіи. Маленькое наше общество, движимое съ одной стороны воспоминаніемъ о невозвратно-потерянномъ благодушствѣ, а съ другой, желая воспользоваться случаемъ пожевать и дать волю своему запрещенному краснорѣчію на тему: «мы тебя любимъ сердечно», рѣшилось дать ему торжественный прощальный обѣдъ. Сказано—сдѣлано. Обѣдъ этотъ не былъ домашнимъ, частнымъ явленіемъ: весь Палебейскъ въ лицахъ присутствовалъ на немъ, не стѣсняясь тѣмъ, что большинство не было вовсе извѣстно виновнику торжества. Къ этому обѣду даже готовили спичъ, но въ критическую минуту языкъ замѣнилъ оратору, и онъ могъ только проговорить: «Память о васъ благоухая, какъ... наши чувства велики и необъятны... потому... наши слезы... ваше дорогое имя... не могу, ой Богу, больше ничего не могу...» Этими опять и былъ законченъ.. За то кумала и дила всѣ безъ волненія и каждое блюдо мгновенно исчезало... Теперь отъ всего этого праздника—осталось одно только воспоминаніе...

Пора была, болярская пора!

Вотъ вѣсточка съ Дона... Участки войсковой земли состоятъ у разныхъ лицъ на откупъ; къ этимъ участкамъ прилегалъ довольно большое количество земли, до 30 т. десятинъ, также войсковой, несостоящей ни у кого на откупъ и предназначенной къ надѣлу чиновниковъ пожизненными участками. Весной два субъекта Ав. и К. безъ позволенія начальства, начали давать одинъ участокъ подъ покосъ временно-обязаннымъ крестьянамъ, ближайшимъ по жительству, подъ покосъ по рублю за десятину и пополамъ. Объ этомъ узнали и довели до свѣдѣннн кому слѣдуетъ. Трое назначенныхъ чиновниковъ припились за слѣдствие. Аферисты Ав. и К., узнавъ объ этомъ, распорядились прогнать косившихъ сѣно въ разные стороны, иначе угрожали смечь оставшееся сѣно.

Дѣло, однако, пошло въ ходъ. Между тѣмъ одинъ изъ откупщиковъ войсковой земли А., человекъ богатый, имѣвшій около двухъ тысячъ дес. потомственной земли и на откупъ тысячу 20 десат., позабывалъ успѣху первыхъ двухъ спекуляторовъ и постарался не отстать отъ нихъ. На откупной землѣ А. живутъ крестьяне, сваявшіе у него землю для хлѣбопашества. Когда назначилась коммисія по дѣлу Ав. и К., то многие изъ крестьянъ, принужденныхъ увозить сѣно, не смотря на рабочее время, должны были перевозить его въ свой домъ верстъ за пятнадцать; другіе же попрактичѣе просили съенщика богача А. дозволить имъ сложить скошенное сѣно на ихъ святой землѣ и, получивъ позволеніе, перевезли все сѣно до земли и отправлялись безопасно домой. Дома началась хлѣбная уборка, молитба, а тамъ приготовленіе земель къ будущему году,—все это огляло у нихъ возможность създать посмотреть свое сѣно. Между тѣмъ А. времени не терпѣлъ и считалъ очень выгоднымъ все чужое сѣно трудящихся бѣдняковъ перевести на свой сѣнникъ. Вотъ прошла зима, крестьянамъ понадобилось сѣно и они за нимъ отправились и, разумеется, къ ихъ удивленію—не нашли его. Они отправляются къ самому А.

— Гдѣ, батюшка, наше сѣно? Онъ ихъ выгналъ. Они къ волостному старшинѣ, тотъ къ А.—и опять все ничто да крыто. Что имъ дѣлать? Мировой посредникъ живетъ далеко, за 100 верстъ, а къ нимъ навъжааетъ развѣ — развѣ одинъ разъ въ 3 мѣсяца. Подумали бѣдняки и поѣхали все-таки къ мировому посреднику, но не нашли его на мѣстѣ... Кому теперь жаловаться на такого богатаго человека, какъ А., который даже составилъ себѣ извѣстность безкорыстнаго благотворителя тѣмъ, что онъ недавно пожертвовалъ въ пользу вновь

строющагося монастыря 2500 р. с. и какъ главный жертвователь на-
значенъ попечителемъ и строителемъ монастыря. Позабудьте же о
вашемъ снѣгѣ, обманутые люди, и помните, что

У ослѣплаго всегда безсильный виновать.

Находятся скептики въ родѣ М. П. Погодина, которые прокричали
о нашей общей бѣдности; есть люди, которые не вѣрятъ, что мы при
случаѣ можемъ засыпать кого угодно, хоть цѣлое шоссе, вмѣсто булыж-
ника, настоящими червонцами. Для всѣхъ подобныхъ невѣрующихъ
сулиба послала такой курьезный случай, о которомъ сообщаютъ «Бирж.
Вѣд». По тифлискому тракту между Базово-Балковскою и Старс-Ма-
нарзевскою почтовыми станціями скакала почта съ 1000 червонцами,
и на протяженіи 20 верстъ изображала собой золотой дождь, съя по
дорогѣ червонцы. Объясняютъ, что чемоданъ и кожаный мѣшокъ съ
золотомъ провалился о желѣзный гвоздь, гдѣ-то скрывавшійся въ пово-
зкѣ; иные же увѣряютъ, что дно боченка съ деньгами разбилось о вы-
давшійся впередъ шкворень. Но дѣло тутъ не въ причинѣ, а въ са-
момъ фактѣ: мифологическая сказка о золотомъ дождѣ повторилась на
тифлиской дорогѣ, и такъ какъ по дорогѣ шло и ѣхало много народу на
Староанальскую ярмарку, то только 300 полуимперіаловъ было найде-
но, а остальные сдѣлались достояніемъ ѣхавшихъ и шедшихъ путниковъ.

Кто же станеть, боги, боги!

Упрекать насъ ницетой?

Если можеть по дорогѣ

Литися дождикъ золотой.

Ризанскій корреспондентъ «Голоса» между прочимъ рассказываетъ
любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи нѣкоторыхъ членовъ земской по-
лиціи къ крестьянамъ. «Какихъ только происшествій нѣтъ въ нашемъ
уѣздѣ! восклицаетъ онъ. Скажетъ, напр. становому приставу сельскій
староста или сотскій крупное слово, тотъ составляетъ актъ (онъ всегда
бываетъ 5-актомъ въ жизни обвиняемаго), что староста нагрубилъ, не
исполнилъ законныхъ приказаній его и начинается сдѣланіе: старосту
сажаютъ подъ арестъ, гдѣ бѣдный сидитъ съ недѣлю, покуда не осво-

бодить его слѣдователь. Въ особенности обидчивъ вновь поступившій становой. Не успѣвъ еще въ своей должности осмотрѣться, какъ завелъ уже дѣлъ пять объ оскорбленіи его личности сельскими старостами и крестьянами. Вотъ случай такого оскорбленія станового однимъ крестьяниномъ: недавно между селомъ Н. и деревней У. оказалось мертвое тѣло какого-то мужика. Является къ тѣлу становой вмѣстѣ съ лекаремъ, собираетъ понятыхъ, приказываетъ имъ нести мертвое тѣло въ деревню, гдѣ въ то время былъ престольный праздникъ; тѣло приносить въ самый центръ деревни, къ одному крестьянину. У крестьянина былъ пиръ, въ избѣ сидѣли званые гости. Вдругъ этотъ веселый праздникъ смущаютъ словами:

— Очистить хату для вскрытія мертваго тѣла, а самъ съ гостями выходи куда хочешь.

Крестьянинъ обращается къ становому съ *грубостью*, по мнѣнію послѣдняго.

— Ваше благородіе! Вѣдь тѣло лежало на городской землѣ и привезено ко мнѣ для вскрытія черезъ цѣлую деревню. У меня полна хата гостей, семеро дѣтей, а хата одна только и есть, куда же я пойду? Освободите ваше б—діе!

Становой, ничего не отвѣтивъ, бросилъ тѣло посреди деревни на улицѣ (мертвые сраму не имуть) и уѣхалъ въ городъ, гдѣ и подаль въ полицейское управленіе жалобу о недопущеніи его крестьяниномъ къ вскрытію мертваго тѣла. Крестьянинъ судится.

Кстати о мертвыхъ тѣлахъ. Въ вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ было напечатано такое странное распоряженіе: «крестьяне котельничскаго уѣзда, гвоздевской волости, деревни Володиміровской Михайло Маловъ съ своими семейными и деревни Осиновской Савво Яровиковъ переправлялись черезъ рѣку Молому; сажень въ 20-ти отъ берега лодка какъ-то перевернулась и при этомъ утонула дочь Малкова Марфа (12 лѣтъ); прочіе спасены подоспѣвшими крестьянами. По розысканію, сдѣланному въ рѣкѣ Гвоздевскій волостнымъ головою Шалагиновымъ, утонувшая не найдена, «почему въ ожиданіи вскрытія тѣла водою, ниже означеннаго мѣста у рѣки Моломы оставленъ Шалагиновымъ надлежащій караулъ».

Интересно знать, — стоитъ ли и теперь стража на берегу рѣки Моломы въ ожиданіи, когда сама вода вскрыетъ трупъ утопленницы?

Въ провинціи многія слова совершенно потеряли свой прежній смыслъ и приняли другое значеніе, такъ что новый человекъ станеть въ тупикъ отъ многихъ русско-иностранныхъ словъ. Такъ, напримѣръ, мы всё очень хорошо понимали значеніе слова: *драгги*. Что такое драгги? На это намъ отгадываетъ слѣдующій фактъ изъ провинціальной жизни. Въ Самарѣ есть поташный заводъ, принадлежащій Андрею Фролову Кожевникову; на этомъ заводѣ служить рабочій Иванъ Дворяновъ. Въ концѣ прошлаго года Дворяновъ занимался какой-то починкою въ этомъ заводѣ, сидя на перекладинѣ, подъ которою находился котель съ кипящимъ растворомъ поташа; перекладина переломилась и Дворяновъ упалъ въ котель. Слѣдствіемъ этого несчастнаго паденія была потеря нѣтъ лѣвой ноги, которую въ больницѣ отрѣзали ему выше колѣна. Когда отецъ калѣки явился къ заводчику Кожевникову для полученія заработанныхъ сыномъ денегъ, заводчикъ не только ихъ не заплатилъ, но вычелъ еще съ Дворянова деньги за время проведенное имъ въ больницѣ. Дворяновъ жаловался, но жалоба была признана пустой и отнесена къ разряду *драгги* *). Понимаете ли вы теперь, что означаетъ слово *драгги*? Не забывайте же этого, милостивые государи.

Закончу свою бесѣду съ читателями сообщеніемъ одного интереснаго по многимъ отношеніямъ документа, напечатаннаго въ Одесскомъ Вѣстникѣ (№ 118). Документъ этотъ, право, стоить вниманія. Онъ называется:

Я и Судебный слѣдователь.

Я — владѣлецъ небольшого имѣнія Херсонской губ. въ Б. уездѣ, имѣю жену и шесть дѣтей малъ-мала-меньше. Мнѣ сорокъ три года. Служилъ я безпорочно въ Сумскомъ гусарскомъ полку, — и вотъ уже восемнадцать лѣтъ, такъ же безпорочно, живу въ отставкѣ. Я уважаемъ сосѣдами, любимъ и уважаемъ всѣми, кто только знаетъ меня. Старые и новые чиновники, всѣ предводители дворянства, какъ служившіе прежде, какъ и служащіе теперь, уважаютъ меня, какъ дворянина съ честью несущаго свои обязанности. Я имѣю состоянія на 30,000 р. с. въ имѣніи, да капитала 12,000 р. въ частныхъ рукахъ, и хорошенькую деревушку на живописной мѣстности. При введеніи правды неваго о крестьянахъ положенія, въ моемъ имѣніи не было ни одного

*) Нар. Богат. 63 г. № 235.

неприятнаго случая; моя гражданственность между дворянами, и уступчивость сохранили меня отъ этого въ отношеніи къ крестьянамъ. Наконецъ, я боленъ: разбитъ параличемъ; у меня разстроены нервы, я переному припадку расширенія сердца... Моя честь чиста, — но я опозоренъ! Но къ дѣлу.

Давно началось мое дѣло: лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Какъ его рѣшали, какъ оно шло различными инстанціями суда, — я не буду разсказывать. Окончилось оно тѣмъ, что съ меня, рѣшительно праваго по дѣлу и по закону, предписано было взыскать около тысячи руб. сер. Ходатаемъ по этому дѣлу былъ извѣстный въ губерніи ябедникъ Н. Этого господина не разъ, какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, приказывалъ носить на гауптвахту бывшій командиръ 2 го резервнаго кавалерійскаго корпуса, тогда генералъ-лейтенантъ, баронъ Остенъ-Саленъ, на носилкахъ. Н. вооружалъ жителей города противъ начальства, дѣтей противъ родителей, родителей противъ дѣтей; между мужьями и женами поселялъ раздоры, натурально въ такихъ случаяхъ, когда могъ отъ нихъ зашибить копѣйку. А дѣло П.? Почтеннаго и уважаемаго дворянина онъ обвинилъ въ кражѣ воловъ. А. П. имѣлъ до 200.000 руб. сер. состоянія. Какъ уѣздныя, такъ и губерскія присутственныя мѣста наполнены его ябедами. Сегодня онъ получить деньги и сдѣлаетъ надпись на обязательствѣ, а завтра, зная, что ему заплатятъ деньги въ другой разъ, подастъ жалобу, что у него уворовали шкапулку, разбили и унесли заемное письмо. Такое дѣло было у него съ семействомъ одного почтеннаго и богатаго дворянина. Къ сожалѣнію, я узналъ обо всемъ этомъ слишкомъ поздно.

Я долженъ былъ заплатить по иску тысячу шестьсотъ руб. сер. У меня была описана вся движимость. Деньги были, — да не въ рукахъ, отданы на длинные сроки. Ожидая грустнаго конца правому дѣлу, я сдѣлалъ заемъ и заплатилъ. Въ полученіи денегъ Н. далъ мнѣ росписку. Платежная росписка — неоспоримое доказательство платежа, *если нѣтъ спора въ ея подлинности*. Это слова закона. Былъ и свидѣтель при платежѣ денегъ: молодой человекъ — мой племянникъ. Его письма, съ сознаниемъ, что онъ былъ при платежѣ денегъ — представлены къ дѣлу. На несчастье, я имѣлъ тогда тяжбное дѣло съ моимъ двоюроднымъ братомъ, ротмистромъ И. изъ-за наслѣдства, перешедшаго къ нему послѣ смерти нашего дяди маіора С. Чтобы поразить меня, братъ И. старался испортить дѣло во всехъ инстанціяхъ суда, кромѣ Б. уѣзднаго суда, который рѣшилъ дѣло въ мою пользу. И., какъ

другъ Н., уговорилъ послѣдняго отказаться отъ платежа ему мною денегъ; племянника-же, за пятьсотъ р. сер.—отказаться отъ свидѣтельства. До настоящей минуты спрошены девять или десять свидѣтелей, на которыхъ ссылаяся Н. Всѣ они отказались свидѣтельствовать; нѣкоторые показали въ мою пользу. Судебный слѣдователь, производящій дѣло, объявилъ мнѣ въ г. Б., въ своей слѣдственной квартирѣ, слѣдующее: «Я съ удовольствіемъ объявляю вамъ, г. поручикъ Чорба, что вы правы по дѣлу». Я поклонился и вышелъ. Онъ воротилъ меня. — Я прошу васъ, сказалъ онъ мнѣ, не давая предложенія на бумагѣ, пожаловать на 6-ое ч. мая въ г. Б.—Я отвѣчалъ: буду! Пріѣхалъ, и по пріѣздѣ запиской извѣстилъ о томъ слѣдователя. На другой день, онъ прислалъ за мною. Я пришелъ въ его квартиру. Г. слѣдователь объявилъ мнѣ при этомъ, что чиновники призваны для вторичнаго опыта экспертовъ. Пошли въ церковь и присягнули. Возвратясь въ квартиру слѣдователя—начали слышать почеркъ Н., и нашли его не сходнымъ съ тѣмъ почеркомъ, который стоялъ на платежной роспискѣ. Еще до присяги экспертовъ, и далъ судебному слѣдователю объясненіе о томъ, какимъ образомъ я платилъ деньги: что я до этого времени не больше одного раза видѣлъ почеркъ Н., и что, будучи у него наканунѣ платежа, сказалъ, какую сумму имѣю, и просилъ Н. быть дома на слѣдующее утро. Н. далъ мнѣ росписку. Я ушелъ домой. Черезъ три мѣсяца, становой пріѣхавъ пріѣхалъ брать для продажи мое движимое имущество. Я удивился, и представилъ тогда росписку Н. въ полученіи денегъ. Онъ отказался. Изъ-за этого то и началось дѣло.

Когда опытъ экспертовъ окончился, слѣдователь вышелъ въ сѣни своей квартиры. Черезъ минуту онъ возвратился снова. При этомъ я слышалъ слово: позови! Спустя четверть часа явился помощникъ горюничаго.

— Вы, г. Чорба, должны быть арестованы!

Я протестовалъ, говорилъ, что на такую мѣру нѣтъ закона, что самое содержаніе дѣла меня оправдываетъ.

— Вы должны быть арестованы въ тюремномъ замкѣ, сказалъ мнѣ слѣдователь. Отведите его.

Я пошелъ. Со мною было 100 р. сер. денегъ, часы, табакъ, спиртъ, который я постоянно пьюхаю, будучи подверженъ приливанію крови въ головѣ; все это у меня взяли и заперли дверь. Я остался. Могилы моихъ предковъ были опозорены. И все это сдѣлано

было въ угожденіе Н., который признанъ былъ ябедникомъ, и съ котораго запрещеніе ходатайствовать не дѣлаемъ болѣе снато потому только, что онъ подведенъ былъ подъ Высочайшій манифестъ, изданный послѣ Англо-Французско-Турецкой войны. На другой день явился докторъ. Мнѣ возвратили спиртъ и принесли лекарства. Я не далъ протестъ. Черезъ день при сопоставленіи судебного слѣдователя, судьей было однакожъ потребовано дѣло въ уездный судъ. Ночь я провелъ безъ сна, въ тишинѣ и уединеніи, нюхая спиртъ особаго приготовления, который подавалъ мнѣ унтеръ-офицеръ черезъ дырочку въ дверяхъ, груба за то, что я его безпокою. По разсмотрѣніи дѣла, состоялось опредѣленіе суда, по которому я признанъ былъ правымъ, освобожденъ отъ заключенія, но впредь до окончанія повашаго обо мнѣ обыска, обязанъ невыезжать изъ города. Судъ освободилъ неш отъ заключенія, но самый позоръ заключенія остался при мнѣ.

Я дѣлалъ моею скорбью съ моею соотчичани по мѣсту жительства; дѣлалъ съ роднойю посредствомъ просьбы о намечтаніи моей статьи, а прому суда — и правды. Прожитые годы жизни и мои сдѣлки; мое знаніе, мой образъ жизни, мои отношенія къ обществу, ваше доброе знаніе обо мнѣ, соотчичи-дворяне, ручаются за правоту мою. Я виновенъ въ одномъ — въ излишней доверчивости. Василій Чорба, отставной поручикъ, Херсонской губер. Бебринецкаго уѣзда полковникъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ СЛОВО“

въ 1864 году.

Въ переживаемое нами время задача литературно-политическаго органа — сложная и трудная задача. Она должна удовлетворять положительнымъ интересамъ общества и возбуждать въ немъ новые нравственныя силы, т. е. служить ближайшимъ, насущнымъ его потребностямъ и въ то же время указывать на болѣе отдаленныя, но неменѣе практическія цѣли. Въ удачномъ исполненіи этой задачи заключается, по нашему мнѣнію, величайшая заслуга литературнаго органа.

Развитіе жизни и смѣна одного поволенія другимъ требуютъ перемѣны въ самихъ понятіяхъ и идеяхъ. Многое, что годилось нашимъ отцамъ, не годится дѣтямъ; что было полезно и рационально прежде, то сдѣлалось бесполезнымъ и нерациональнымъ теперь. Отдѣлять отжившее отъ живого, живое отъ правдиваго, мечтательное отъ дѣйствительнаго, составляетъ прямую обязанность современнаго журнала. Если общественный дѣятель вложить хоть крупицу добра въ это драгоценное достояніе народа, онъ можетъ считать себя счастливейшимъ дѣтелемъ, не даромъ прожившимъ свой вѣкъ.

«РУССКОЕ СЛОВО» старалось достигнуть вышеозначенной цѣли двумя путями — строго реальнымъ взглядомъ на вещи и ближайшимъ экономическимъ вопросамъ съ общественными интересами. По этимъ двумъ направленіямъ оно искало разрѣшенія всѣхъ задачъ, занимающихъ общество въ данную минуту. Насколько мы успѣли осуществить наши стремленія — объ этомъ могутъ судить читатели «РУССКАГО СЛОВА». Многое разумѣется превышало наши силы; многое зависѣло не отъ одной нашей доброй воли. На будущее время, не заносясь слишкомъ лестными надеждами и не обѣщая большаго того, что можемъ выдолбить, мы смѣло даемъ слово въ одномъ — не пренебречь ничѣмъ, что можетъ придать помѣни достоинства нашему наданію. Признаемся, настоящій годъ для «РУССКАГО СЛОВА», по многимъ обстоятельствамъ, былъ тяжелымъ годомъ, но едва ли

кто может урочить насъ въ томъ, чтобъ мы злоупотребили до-
вѣріемъ своихъ читателей. Будущій годъ дастъ намъ большія сред-
ства къ улучшенію журнала и слѣдовательно большія надежды на
сочувствіе публики.

ПРОГРАММА «РУССКАГО СЛОВА».

Въ составъ журнала входятъ три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы,
очерки, драмы, стихотворенія (какъ оригинальныя, такъ и перевод-
ныя), статьи по вопросамъ историческимъ, социальнымъ и по пред-
мету естественныхъ наукъ. Отдѣлъ этотъ отличается преимуществен-
но популярнымъ изложеніемъ и балетристическимъ характеромъ.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБОЗРѢНІЯ.
Сюда относятся критическіе разборы болѣе замѣчательныхъ какъ
русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ. Кромѣ того каждый мѣсяцъ
помѣщается Библиографическій Листокъ, включающій въ
себѣ рецензіи вновь выходящихъ книгъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ, названномъ СОВРЕМЕННЫМЪ ОБО-
ЗРѢНІЕМЪ, помѣщаются: 1) Ежемѣсячное обозрѣніе политическихъ
событій въ Европѣ; 2) Домашняя Лѣтопись—обозрѣніе внутренней
жизни Россіи; 3) Дневникъ Темнаго Человѣка—сатирическій оле-
токъ о петербургской и провинціальной жизни.

Объемъ журнала и составъ его сотрудниковъ остается прежній.

Для неполучающихъ «РУССКАГО СЛОВА» въ 1863 году считаемъ
великимъ представитъ здѣсь перечень главнѣйшихъ статей, напе-
чатанныхъ въ вышедшихъ доселѣ девяти книжкахъ: 1) Сибирь по
большой дорогѣ; 2) Убыточность незнанія; 3) Условія прогресса.—
Н. В. Шелгунова. 1) Наша Университетская наука; 2) Очерки
изъ исторіи труда.—Д. И. Писарева. Леонъ.—Н. А. Благовѣ-
щенскаго. 1) Деньги и Торговля; 2) Торговля безъ денегъ; 3)
Чего не дѣлать.—Н. В. Соколова. Гейне и Берне.—В. А. Зай-
цева. Рассказы объ Испаніи.—Д. И. Каченовскаго. Характеръ
снѣдоческихъ женскихъ преступленій.—М. А. Филиппова. Род-
ительская суббота.—Н. А. Потѣхина. Маноредъ (драма Байрона)
въ перев. Д. Д. Минаева. Женщина въ кунцесломѣ быту (ро-
манъ)—А. П. Кобыковой. Повѣсти и рассказы А. Г. Витков-
скаго и проч.

Въ слѣдующихъ книжкахъ изъ заготовленныхъ матеріаловъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: рядъ критическихъ статей—Д. И. Писарева. Разборъ книги Дж. Ст. Милля: «О представительномъ правленіи» (двѣ послѣднія статьи)—Г. Е. Благосвѣтлова. Рядъ экономическихъ и историческихъ статей Н. В. Шелгунова.—Чайльд-Гарольдъ (романъ въ 4 частяхъ Байрона) въ перев. Д. Д. Минаева. Бѣлинскій и Добролюбовъ—В. А. Зайцева. Современные итальянскіе поэты—Леона Бранди.—Банкротство или пріятныя иллюзіи среди горькой дѣйствительности—Н. В. Соколова. Романы, повѣсти и рассказы—А. П. Кобыяковой, Гл. Успенскаго, М. А. Воронова и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«РУССКОЕ СЛОВО» въ 1864 году будетъ выходить каждый мѣсяцъ книжками 25 — 30 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе безъ пересылки 12 р. 50 к. — съ пересылкой и доставкой на домъ — 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ — 1) въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Колокольной улицѣ, домъ Миллера № 3.

2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Печатинова и И. Ф. Кельчевскаго (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Армянской церкви).

ВЪ МОСКВѢ—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Черенина (на Рождественскѣ, въ д. Торлецкаго.)

Гг. служащіе пользуются разсрочкой въ уплатѣ подписной суммы по третямъ, за поручительствомъ своихъ казначеевъ.

Кромѣ того подписчикамъ «Русскаго Слова» дѣляется уступка 20% съ номинальной цѣны слѣдующихъ изданій, продающихся при Главной Конторѣ «Русскаго Слова».

СОЧИНЕНИЯ Л. МЕНА, 3 т. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

СОЧИНЕНИЯ А. ОСТРОВСКАГО, въ 2 т. 3 р.; съ перес. 4 р.

СОЧИНЕНИЯ А. МАЙБОВА, въ 2 т. 2 р.; съ перес. 3 р.

СОЧИНЕНИЯ И. ПАНАЕВА, въ 4 т. 3 р.; съ перес. 4 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ М. Л. МИХАЙЛОВА. Въ прозаичн., въ 2 т. 1 р.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, составленныя подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпуска 3 р.; съ перес. 4 р.

Всѣ эти сочиненія кромѣ Главной Конторы «РУССКАГО СЛОВА» продаются въ книжномъ магазинѣ: Н. А. Серно-Соловьевича (въ С.-Петербургѣ); въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Черенина (въ Москвѣ).

НЕРОВНЫЙ БРАКЪ

Фотографія съ картины профессора Цукерва. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ

Издаваемый В. Генкелемъ. Томъ I и II (1862 и 1863) Въ каждомъ томѣ по 48 гравюръ на стали и около 800 столбцовъ текста. Великолѣпное изданіе, содержащее *исключительно* произведенія *русскихъ* художниковъ. Цѣна каждого тома въ богатомъ англійскомъ переплетѣ по 8 руб., съ пересылкою 10 руб. (изданіе это продолжается и въ 1864 году. Подписная цѣна 6 руб., съ доставкою въ С.-Петербургъ 6 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. На переплетъ 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 2 руб.

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА РАФАЭЛЯ

Большая превосходная гравюра для комнатнаго украшенія. Цѣна 1 руб. и съ пересылкою (10 экз. уступаются за 8 руб., 25 экз. за 17 руб., 50 экз. за 30 руб. съ пересылкою.

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ПЕТРА ГОРСКАГО

Одинъ томъ въ 8 д. л. около 360 страницъ съ 10 рисунками А. Волкова и красивою оберткою. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

ЛЕВКОЦ, ЛАНДЫШИ, ГВОЗДИКИ, ФІАЛКИ, ВАСИЛЬКИ,
АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

ТРЕТІЕ ИЗДАНІЕ

6 книжекъ для дѣтскаго чтенія (маленькіе рассказы) съ хорошенькими картинками (по 8 въ каждой книжкѣ) въ красивой папкѣ печатанной золотомъ. Цѣна каждой книжкѣ 60 коп., съ пересылкою 90 коп.; 2 книжки съ пересылкою 1 р. 50 коп., 3 книжки съ пересылкою 2 руб., 4 книжки съ пересылкою 3 р., 5 книжекъ съ пересылкою 3 руб. 50 к., 6 книжекъ съ пересылкою 4 р. Эти книжки распроданы въ числѣ 12.000 экземпляровъ.

ЗВЪРИНЕЦЪ

Приглашеніе юношества къ веселому созерцанію животной природы, изображенной въ 16 превосходно раскрашенныхъ картинахъ. Текстъ заимствованъ изъ лучшихъ источниковъ по части естествознанія. Изданіе второе, исправленное. Цѣна въ красивой печатанной золотомъ папгѣ 4 руб., съ пересылкою и упаковкою 5 руб.

Требованія на всѣ вышеозначенныя изданія адресуются къ книгопродавцу издателю Вас. Егор. Генкелю въ С.-Петербургѣ у Пѣвческаго моста въ домѣ Утина кв. № 46.

ОДНОКОПЫЕ И ДВУКОПЫЕ ПЛУГИ

ПРИГОДНЫЕ ДЛЯ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ

Н. Я. ДУБЕНСКАГО.

ИСПЫТАНІЕ ПЛУГОВЪ ВЪ 1863 ГОДУ НА МЫЗѢ ЗНАМЕНСКОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШАГО.

С. Петербургъ, 1864 г. 12 д. л., 122 стр. — Цѣна 50 к.

Выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ прямо отъ автора за пересылку не платятъ, а выписывающіе 100 экземпляровъ, сверхъ сего пользуются уступкой 20 процентовъ.

Продается въ С.-Петербургѣ: у автора на углу Колокольной улицы и Дмитріевскаго переулка, въ домѣ Рябова, № 4 и 17. квартиры № 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ литературнаго агенства П. В. Васильева. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Н. Черенина.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ

ДЛЯ ГОСПОДЪ ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ ОТЪ РЕДАКЦІИ О ПОЛУЧЕНІИ
ВЫСЛАННЫХЪ ИМИ ДЕНЕГЪ ПО ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ ВЪ 1864 Г.

Получены деньги по подпискѢ на журналъ, въ 1864 году.

Отъ кого.	Сколько.
Отъ Орловскаго-Вахтина Кадетскаго Корпуса	14 р. за 1 экз.
— Вятскаго Губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— Вятской Строительной и Дорожной Коммисіи	14 — — 1 —
— Редакціи Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей	14 — — 1 —
— Директора Училищъ Эстляндской губерніи	14 — — 1 —
— Воронежской Губернской Гимназіи	14 — — 1 —
— Штатнаго Смотрителя Одоевскихъ Училищъ	14 — — 1 —
— Начальника Штаба 7-й пѣхот. дивизіи, — изъ Радома	14 — — 1 —
— Командира Кавказскаго Личнаго № 14 баталіона, — изъ портоваго г. Петровска	14 — — 1 —
— Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса	14 — — 1 —
— Казначея Кіевской Палаты Государств. Имуществъ	14 — — 1 —
— Начальника Вержбовскаго Таможеннаго Округа	28 — — 2 —
— Дирекціи училищъ Иркутской губерніи	14 — — — —
— Комитета Рязанской публичной бібліотеки	14 — — 1 —
— Вяземской публичной бібліотеки, въ память В. А. Жуковскаго	14 — — 1 —
— Тамбовскаго губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— 1-го Отд. Управленія Башкирами, — изъ Оренбурга	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Новгородсверскаго Училища	14 — — 1 —
— Керченскаго Карантиннаго Правленія	14 — — 1 —
— Саратовскаго Губернскаго Правленія	14 — — 1 —
— Сухумяльской Карантинно-Таможенной конторы	14 — — 1 —
— Воронежской палаты Государственныхъ Имуществъ	14 — — 1 —
— Бібліотеки Волынскаго пѣхотнаго полка	42 — — 3 —
— Бугульскаго уезднаго училища	6 — (по разсроч.).
— Штат. Смотрителя Задонскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Раненбургскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Полевой Провіантской Коммисіи Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, — изъ г. Оренбурга	14 — — 1 —
— Конторы Екатеринбургскаго монетнаго двора	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Курскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Библ. Л. Гренадерскаго Эриванскаго Е. В. полка	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Сарapulьскихъ училищъ	14 — — 1 —
— 2-й Конно-Артиллерійской бригады, — изъ г. Бялы	14 — — 1 —

Получены деньги по подпискѣ на 1864 годъ.

Отъ кого.	Сколько.
Отъ Штаба 11 артиллерійской бригады,—изъ г. Лубны.	14 р. за 1 экз.
— Орловской Палаты Государственныхъ Имуществъ .	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Козловскаго уезд. училища .	14 — — 1 —
— Штат. Смотр. Николаевскихъ училищъ (Самар. губ.).	14 — — 1 —
— Владимирской Палаты Государственныхъ Имуществъ.	14 — — 1 —
— Иркутскаго общаго Губернскаго Управленія . .	14 — — 1 —
— Штатнаго Смотрителя Мосальскихъ училищъ . .	14 — — 1 —
— Дмитровскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Г. Шаюца, мл. землера Терской межевой Комисіи.	5 — (по разсроч.)
— Шт. Смотр. Котельничскаго уезднаго училища .	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Васильсурскаго уезднаго Училища .	14 — — 1 —
— Курскаго Приказа Общественнаго Приарбія . .	14 — — 1 —
— Крапивенскаго уезднаго училища	14 — — 1 —
— Правленія Харьковскаго Университета	14 — — 1 —
— Штаба 4-й пѣхотной Дивизіи, — изъ г. Каляна .	14 — — 1 —
— Шт. Смотрителя Кадниковскаго уезднаго училища.	14 — — 1 —
— Оренбургскаго Дворянскаго депут. Собранія . .	14 — — 1 —
— Орловской Гимназіи	14 — — 1 —
— Екатеринославской Строительной и дорож. Комисіи .	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Троицкаго Училища	14 — — 1 —
— Библ. Казанскаго пѣхот., Е. И. В. Вел. Кв. Мих. Ник. полка	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Темір-Ханъ-Шуриной окруж. гор. школы	14 — — 1 —
— Портоваго Управленія Петровскаго форта, — изъ Петровска Дагестанской области	7 — по полугод. разсроч.
— Саратовской Гимназіи	14 р. за 1 экз.
— Директора Бѣло-Церковской Гимназіи	14 — — 1 —
— Шт. Смотр. Мамадышскихъ училищъ	14 — — 1 —
— Штат. Смотрителя Елабужскихъ Училищъ . . .	12 р. (2 р. за 1863 г. и остал. 10. на 1864 г.)
— Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комит.	14 р. за 1 экз.

(Остальнымъ примечается при слѣдующей книжкѣ).

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- Историческіе эскизы. (Статья первая). Д. И. Писаревъ.
На развалинахъ Помпей. (Стихотвореніе Леопарди). Г. С—тловъ.
Россия до Петра I. (Статья первая) . . . Н. В. Шелгуновъ.
Современные Итальянскіе поэты — Джузеппе Джустини. (Статья первая) . . . Леопъ Бранди.
Чайльдъ-Гарольдъ. (Поэма Байрона) . . . Д. Д. Минаевъ.
Московскія норы и трущобы. (Разсказъ). . М. А. Воропова.
Последній поцѣлуй. (Стихотв. Томаса Мура). Н. Лунинъ.
Ночью. (Разсказъ). Глѣбъ Успенскій.
Проклятый. (Выдержки изъ романа: Le Mau-dit).
Записки тюремной надзирательницы. (Английскій романъ).

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Бѣлинскій и Добролюбовъ В. А. Зайцевъ.
Сатирическіе очерки и разсказы Петра Горскаго. Изд. В. Е. Генделя. СПб. 1864.
Библиографическій листокъ В. З.

О выходѣ на рускомъ языкѣ книги Чарльса Дарвина: О происхожденіи видовъ въ царствѣ животномъ и растительномъ, путемъ естественнаго подбора родичей или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Новая стихотвореніе. А. Плещеева (дополненіе къ изданнымъ въ 1861 г.) М. 1863. — Начала нравственности. Сочиненіе Амвросія Рандю, старшаго совѣтника парижскаго университета, командора ордена почетнаго Легіона. М. 1863. — Сѣверное море: Стихотвореніе Генриха Гейне, переводъ А. Сомова: СПб. 1863. Бокль: Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Изданіе А. Буйницкаго. 1864. СПб.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Леорень.

Подогрѣваніе германскаго патриотизма шлезвигъ-голштинскимъ вопросомъ.—Благородное негодование нѣмцевъ на то, почему ихъ не признають первымъ и самымъ великимъ народомъ въ свѣтѣ.—Пламенные антитапи Даніи и Германіи.—Выгодная продажа наслѣдственныхъ правъ герцогомъ Аугустеабургскимъ, теперь желающимъ снова возвратитъ эти права.—Притязанія Германіи въ отношеніи Шлезвигъ-Голштиніи, основанныя на латинской рукописи 1460 года.—Миролюбивая политика Англіи, истребляющая Японцевъ, Китайцевъ и Индѣйцевъ ради набиванія своего кармана восточнымъ золотомъ.—Парижскіе слухи о покушеніи на жизнь Людовика-Наполеона:—Рѣчь Пельтана въ Законодательномъ собраніи.—Неудача французовъ въ Мексикѣ.—*Sic transit gloria mundi!*

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Для хорошей общественной дѣятельности нужны и хорошіе дѣятели.—Переходъ земскихъ учрежденій изъ прозѣкта въ дѣйствительную жизнь.—Какими обстоятельствами будетъ обуславливаться ихъ практической успѣхъ?—Границы дѣятельности и составъ Земскихъ учрежденій.—Условія, опредѣляющія права избирателей.—Относительное значеніе гласныхъ.—Перевѣсъ вліянія на сторонѣ землевладѣльцевъ.—Устройство тюремъ, какъ одна изъ главныхъ хозяйственныхъ задачъ предстоящей дѣятельности Земскихъ учрежденій.—Вторая задача—развитіе и обезпеченіе губернскихъ банковъ.—Старая пѣсня о нашсмъ частномъ кредитѣ.—Стѣснительное положеніе землевладѣльцевъ и азартная игра ихъ въ винокуренную промышленность. Близайшія дѣли нашей общественной дѣятельности.

НОВОГОДНІЕ СНЫ. (Дневникъ Темнаго Человѣка).